

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ЛЕГЕНДА
О ДОКТОРЕ
ФАУСТЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

ЛЕГЕНДА
О ДОКТОРЕ
ФАУСТЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров, Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Д. А. Ольдеропе, Ф. А. Петровский,
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. А. ЖИРМУНСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Книга эта имеет задачу проследить по историческим документам и памятникам художественной литературы становление и развитие немецкой народной легенды о докторе Фаусте, которая в творческой переработке Гете получила мировое идейное и художественное значение как сюжетная основа величайшего произведения классической немецкой литературы.

«Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, — говорил А. М. Горький, — созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее — доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак и, наконец, Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, черта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рациона и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни»¹. «Подлинное искусство обладает правом преувеличить», — подчеркивает Горький, поэтому «Геркулесы, Прометей, Дон-Кихоты, Фаусты — не „плоды фантазии“, а вполне закономерное и необходимое поэтическое преувеличение реальных фактов»².

Легенда о Фаусте сложилась вокруг исторической личности, поразившей народное воображение, личности, носившей отпечаток великих прогрессивных движений человеческой мысли своего времени, Возрождения и Реформации, отражавшей, однако, эти идейные движения во всей их реальной исторической противоречивости, в разной степени характерной даже для передовых людей той эпохи. Поэтому явления эти преломляются и в легендарном образе Фауста сквозь искажающую призму средневекового мирозерцания.

На личность исторического Фауста, человека эпохи Возрождения, наслонились представления легенды, отражающие средневековые верования и суеверия, фольклор «чернокнижника», уходящий своими корнями во времена раннего христианства и обогащавшийся на протяжении своего более чем тысячелетнего развития новыми идейными тенденциями и художественными мотивами. Наряду с народными элементами в этой легенде наличествуют значительные книжные наслоения средневекового богословия и демонологии и средневековой церковной «учености».

Коллективное творчество народных масс на разных ступенях развития предания вступает в сложное взаимодействие с индивидуальным художественным творчеством. Рядом с неумелой компиляцией благочестивого лютеранина, автора народной книги о Фаусте, получившей каноническое значение первого письменного источника, в этом процессе участвовала творческая инициатива гениального поэта и драматурга Марло, одного из самых передовых и ярких представителей культуры Ренессанса и театраль-

¹ «Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года». — М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 27. М., 1953, стр. 698.

² «Литературные забавы», II, 1935. — Там же, стр. 255.

ного творчества эпохи Шекспира. Его драматическая интерпретация народной легенды, впервые обнаружившая скрытые в образе Фауста черты человека эпохи Возрождения, попав в Германию, на родину сказания, вместе с театром «английских комедиантов», снова проходит здесь через сложный процесс национального освоения и переработки коллективного народного характера в сценариях и сценических импровизациях немецких бродячих театральных трупп XVII—XVIII вв. и в демократическом жанре исполнявшихся на городских ярмарках и в деревенских трактирах народных кукольных комедий. Лессинг и Гете поднимают это создание театрального фольклора на высоты классической немецкой литературы как наиболее типичное выражение ее идеологических устремлений и ее национального характера.

Материал, собранный в этой книге, состоит из исторических документов, представляющих единственные свидетельства о становлении и распространении устного предания, и их художественных произведений, отражающих последовательные этапы этого процесса. Раздел I содержит свидетельства об историческом Фаусте и о сложении легенды в показаниях его современников и их ближайших потомков (XVI век). Раздел II посвящен народной книге Шписа (1587) и наиболее существенным к ней дополнениям. Раздел III включает свидетельства и материалы о постановке пьесы «Доктор Фауст» на подмостках немецких бродячих комедиантов и в народном кукольном театре (XVII—XIX вв.). В разделе IV напечатаны переводы трех наиболее ранних и традиционных по своему содержанию комедий. В разделе V собраны первые литературные обработки легенды, существенные для ее истории: трагедия Марло, представляющая решающее звено в драматическом переоформлении и идейном истолковании народной легенды; критическая статья Лессинга и фрагменты его «Фауста», которые впервые вводят эту легенду в обиход немецкой классической литературы. Примечания к каждому разделу содержат краткую библиографию, филологический и реальный комментарий.

Основные линии развития легенды от ее отдаленного зарождения до вступления в немецкую литературу XVIII века намечены редактором в заключительной статье.

Художественные произведения переведены в настоящем издании впервые (за исключением «Фауста» Марло, который дается в новом, более точном переводе). Печатаемые документы цитировались в русской научной литературе лишь в небольшой части, в кратких извлечениях или пересказах.

Сердечную благодарность я хотел бы принести тем учреждениям и лицам, которые оказали мне помощь в работе: Ленинградской государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, Библиотеке Берлинского университета им. Вильгельма Гумбольдта, директору литературных музеев в Веймаре Хельмуту Хольцхауеру — за предоставление фотокопий нужных мне материалов и книг; директору библиотеки Музея Гете в Веймаре Гансу Хеннингу — за ценные консультации.

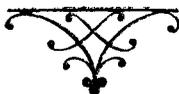

ТЕКСТЫ

ТЕКСТЫ

I

ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

1

Человек, о котором ты мне пишешь, этот Георгий Сабелликус¹, имею- 1507
щий дерзость называть себя главой некромантов, — бродяга, пустослов и
мошенник. Его следовало бы высечь розгами, дабы впредь он не осмели-
вался публично учить нечестивым и враждебным святой церкви делам.

Ибо о чем ином свидетельствуют звания, которые он себе присваи-
вает, как не о невежестве и безумии его. Поистине они показывают, что он
глупец, а не философ.

Так, он придумал себе подходящее на его взгляд звание: «Магистр
Георгий Сабелликус, Фауст младший, кладезь некромантии, астролог, пре-
успевающий маг, хиромант, аэромант, пиромант и преуспевающий гидро-
мант». Посуди сам, сколь глуп и дерзок этот человек! Не безумие ли столь
самонадеянно называть себя кладезем некромантии? Тому, кто ничего не
смыслит в настоящих науках, более приличествовало бы именоваться не-
веждой, чем магистром. Ничтожество его мне давно известно. Когда я не-
сколько времени тому назад² возвращался из Бранденбургской марки,
я столкнулся с этим человеком близ города Гельнгаузена³, и там на по-
стоялом дворе мне много рассказывали о вздорных делах, совершенных им
с превеликой дерзостью. Сам же он, прослышав о моем приезде, тотчас
сехал с постоялого двора, и никто не сумел убедить его встретиться со
мною.

Приведенный выше перечень своих нелепых званий, которым он снабдил
и тебя, он переслал мне, как я вспоминаю, через одного местного жителя.

Рассказывали мне еще священники этого города, что в присутствии
многих он хвастался таким знанием всех наук и такой памятью, что
если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были
начисто забыты, то он, как новый Ездра Иудейский⁴, по памяти пол-
ностью восстановил бы их и даже в более изящном виде. После этого,
когда я находился в Шпейере, он явился в Вюрцбург, где не менее само-
надеянно говорил в большом собрании, что ничего достойного удивления
в чудесах Христовых нет и что он сам берется в любое время и сколько
угодно раз совершить все то, что совершал Спаситель.

В нынешнем году он приехал в конце великого поста в Крейценах
и столь же нелепо чванился там своим искусством, называя себя величай-

шим из всех донныне живших алхимиков и уверяя, что он может и готов выполнить все, что угодно.

Там была тогда свободна должность школьного учителя, которую он и получил, так как ему покровительствовал Франц фон Зиккинген⁵, наместник твоего князя, человек, весьма склонный ко всему мистическому; но вскоре после этого он стал развращать своих учеников, предаваясь гнуснейшему пороку, и, будучи изобличен, скрылся от угрожавшего ему строгого наказания. Таков по достоверным свидетельствам человек, которого ты ждешь с таким нетерпением.

[Аббат Тритемий].

2

В списках философского факультета Гейдельбергского университета за 1509 год числится среди учащихся Иоганн Фауст. Бакалавр теологии Иоганн Фауст упоминается в 1509 году в Acta philosoph. Heidelb., Tom. III, Fol. 36a, при декане магистре Лаврентии Вольфе из Шпейера, как первый из числа тех, кто 15 января 1509 года ad baccalaureatus gradum de via moderna ordine, quo supra notatum, admissi sunt*. Он обозначен в этих актах как Johannes Faust ex Simern¹. Одновременно с ним ученую степень получили еще 15 человек.

3

¹⁵¹³ Восемь дней тому назад в Эрфурт прибыл некий хиромант по имени Георгий Фауст, гейдельбергский полубог [?] ¹, истинный хвостун и глупец. Искусство его, как и всех прочих прорицателей, дело пустое, и такая физиогномика легчевеснее, чем мыльный пузырь. Невежды восторгаются им. Вот на кого следует обрушиться богословам вместо того, чтобы стараться уничтожить философа Рейхлина. Я сам слышал в харчевне его вздорные рассказы, но не наказал его за дерзость, жбо что мне за дело до чужого безумия!

[Муциан Руф].

4

¹⁵²⁰ Годовой отчет камермейстера Ганса Мюллера от Вальпургиева дня года тысяча пятьсот девятнадцатого до следующего Вальпургиева дня года тысяча пятьсот двадцатого:

Назначено и пожаловано философу доктору Фаусту 10 гульденов¹ за составление гороскопа или предсказания судьбы милостивому моему господину. Уплачено в воскресенье после Схоластики по распоряжению его преосвященства.

[Из прихода-расходной книги епископа Бамбергского].

* К степени бакалавра, как указано выше, допущены были по новому порядку, согласно действующим правилам (лат.).

5

В народе ходят слухи (и это подтверждается в одной старой лейпциг-1525(?) ской хронике), будто однажды, когда погребщикам в Ауэрбаховском винном погребе никак не удавалось выкатить непечатую бочку с вином, знаменитый чернокнижник доктор Фауст сел на нее верхом и силою его чар бочка сама поскакала на улицу.

[Из «Лейпцигской хроники» Фогеля].

6

а

[Протокол постановлений магистрата города Ингольштадта]

Сегодня в среду после Вита, 1528.

1528

Предписать прорицателю, чтобы он покинул город и искал себе пропитание в другом месте.

6

[Протокол о высылках из Ингольштадта]

В среду после Вита 1528 года приказано некоему человеку, называвшему себя доктором Георгом Фаустом из Гейдельберга, искать себе пропитания в другом месте и взято с него обещание властям за этот приказ не мстить и никаких неприятностей им не учинять.

7

Георгий Фауст из Гельмштедта¹ сказал 5 июня: «Когда солнце и Юпитер встречаются в одном созвездии, тогда рождаются пророки» (т. е. ему подобные). Он выдавал себя за комтура² или учителя небольшого орденового дома иоаннитов³ на границе Каринтии, именуемого Галлештейн⁴.

[Килиан Лейб, приор монастыря Ребдорф].

8

Послушай теперь об одном деле, столь же неразумном, сколь и нечестивом. Недавно с большими затратами привезли сюда из Германии некоего демонолога, то есть мага, которому подвластны духи, для того чтобы он противился императору, как некогда Ианний и Иамврий противились Моисею. Отец лжи внушил этим людям веру в то, что этот чародей может предвидеть будущее, что от него не могут быть скрыты никакие тайные намерения, никакие помыслы, что в его власти доставить сюда обратно по воздуху королевских детей¹, наколдовать неисчислимые количества войск, повозок и коней, что ему открываются клады, что он может скреплять или разрушать узы брака и любви и даже излечивать стигийскими снадобьями все неизлечимые недуги, далеко зашедшую чахотку, сильную водянку и застарелую дурную болезнь.

[Агриппа Неттесгеймский].

9

1536 Меня задерживает только ожидание прибытия Филиппа¹, который никогда еще не писал о своем прибытии так определенно, как недавно.

Накануне нон² я пережил печальнейшую ночь, когда Луна находилась в противостоянии Марсу в созвездии Рыб. Ибо твой Фауст причина того, что мне хочется с тобой об этом порассуждать. О, если бы он лучше научил тебя чему-нибудь из этого искусства, а не надул ветром суевернейшего суеверия или какими-то чарами держал тебя в ожидании. Но что же в конце концов он говорит? Что еще? Я знаю, что ты обо всем тщательно осведомился. Побеждает ли Цезарь? Так оно и должно быть, хотя рассказывают, что РР³ выставляет себя в качестве миротворца и требует от обоих противников 20 тысяч воинов, с помощью которых он мог бы защитить собор, который он созвет, и призвать к порядку строптивых. Так рассказывают некие французы, которые у нас изучают науки. Мы выпустили с большой охотой прославленного Карла⁴, хотя и недостаточно отделанные, но я хочу, чтобы мое доброе намерение снискало одобрение.

[Из письма Иоахима Камерариуса].

10

1539 Был еще один знаменитый и отчаянный человек. Не стал бы я называть его имени, да сам он не желал скрываться и жить в неизвестности. Несколько лет тому назад он странствовал по всем землям, княжествам и королевствам, похваляясь своим великим искусством не только во врачевании, но и в хиромантии, нигромантии¹, физиогномике, в гадании на кристалле и в прочих таких вещах. И не только похвалялся он всем этим, но именовал себя устно и письменно знаменитым и искусным мастером. Он не отрицал, а открыто заявлял, что имя его Фауст и, расписываясь, прибавлял — «философ философ».

Однако нередко мне жаловались на его мошенничества, и таких людей было множество. Ведь на обещания был он щедр, как Фессал², слава его была не меньше, чем Теофраста³; а вот дела его, как я слышал, были весьма ничтожны и бесславны. Зато он хорошо умел получать или, точнее, выманывать деньги, а затем удирать, так что только и видели, говорят, как его пятки сверкали. Да ведь ничего не поделаешь, что упало, то пропало.

[Филипп Бегарди].

11

[Сообщения из Индии рыцаря Филиппа фон Гуттена.

1540 Из его собственноручных, частью совершенно стертых записей]

16 января 1540 года.

Ну вот Вам обо всех морских странствиях понемножку, чтобы Вы могли видеть, что не нас одних до сих пор преследовали несчастья в Венесуэле: за три месяца погибли все флотилии, о которых я уже говорил,

1525

Фауст пирует со студентами.

Стенная живопись в Ауэрбаховском погребке

и те, которые вышли из Севильи раньше нас, и те, которые следовали за нами. Приходится мне признать, что предсказания философа Фауста сбылись почти полностью, ибо немало мы натерпелись здесь за это время.

Благодарение богу, нам все же пришлось много лучше, чем всем остальным. Если на то будет воля божия, я еще напишу Вам, прежде чем мы двинемся дальше...

Дано в Коро, в провинции Венесуэла.

Брат Ваш

Филипп фон Гуттен.

12

1568

а

Однажды Фауст остановился на ночлег в богатом монастыре. Монах-прислужник подал ему плохого вина, слабого и не очень-то приятного на вкус. Фауст просил его налить другого вина, которое обычно подавалось только знатым лицам. На это монах ответил: «Ключи от погреба не у меня. Настоятель спит, а будить его грешно». Фауст возразил: «Ключи лежат вон в том углу. Возьми их, нацеди мне вина из бочки слева и дай мне выпить». Монах отказался повиноваться: настоятель-де не разрешает подавать гостям другое вино. Услышав это, Фауст в сердцах сказал: «Насмотришься ты у меня диковинок, негостеприимный монашек!».

Рано утром он в сильном гневе ушел из монастыря, не попросившись, и послал в монастырь беса неистового, который днем и ночью стал так бушевать, переворачивая все вверх дном и в церкви и в кельях, что никому из монастырской братии не было покоя ни днем, ни ночью, что бы они ни придумывали. Наконец порешили, что нужно либо уйти из монастыря, либо совсем погибнуть, и доложили о своей беде пфальцграфу. Тот установил опеку над монастырем, выселил из него монахов и посылает им каждый год на пропитание, а остальное забирает себе. Говорят, и теперь

еще стоит только монахам появиться в монастыре, как поднимается такой грохот и скрежет, что и нынешним обитателям его нет покоя.

Дьявол такое учинять умеет.

6

Другая история о Фаусте:

Когда мы с ним обедали в Большой коллегии в Базеле, он отдал повару изжарить птиц, и не знаю, где он купил их или от кого получил в подарок, потому что их тогда нигде не продавали, да и птиц таких в Базеле не водилось.

Были у него собака и конь¹, которые, полагаю, были бесами, ибо они могли выполнять все, что угодно. Слыхал я от людей, что собака иной раз оборачивалась слугой и доставляла хозяину еду.

Злосчастный погиб ужасной смертью, ибо дьявол удушил его. Тело его все время лежало в гробу ничком, хотя его пять раз поворачивали на спину.

[Иоганн Гаст].

13

a

1549 Там [в присутствии Нерона] Симон-маг¹ вознамерился взлететь на небо, но Петр вознес моления, чтобы он низвергся на землю. Полагаю, что апостолам много раз приходилось вступать в необычайные состязания, хотя и не все это записано. Фауст также пытался в Венеции взлететь на небо, но жестоко расшибся, упав на землю.

6

Дьявол удивительный мастер: может он творить такие художества, которые кажутся натуральными, так что мы и не знаем. Повествуют о многих чудесах магии, о чем я уже сказал в другом месте... Так и Фауст-маг пожрал в Вене другого мага, которого спустя немного дней нашли в каком-то месте. Дьявол может творить много удивительного. Однако и церковь имеет свои чудеса.

[Филипп Меланхтон].

14

1561 Опоринус¹ из Базеля был некогда учеником и другом Теофраста² и рассказывает чудеса о его общении с демонами. Они занимаются пустой астрологией, геомантией, некромантией и другими запретными науками. Подозреваю я, что осталось это от друидов³, которые у древних кельтов по нескольку лет обучались в подземельях демонами; это делалось и на нашей памяти в Саламанке⁴. Из этой школы вышли те, кого обыкновенно называют бродячими школярами⁵, из числа которых особой известностью пользовался недавно скончавшийся Фауст.

[Конрад Гесснер].

Знавал я человека по имени Фауст, из Кундлинга, маленького городка по соседству с местом моего рождения. В бытность свою студентом в Кракове он изучил магию¹, которой там прежде усердно занимались и о которой публично читали лекции. Он много странствовал по свету и всюду разглагольствовал о тайных науках. Приехав в Венецию и желая поразить людей невиданным зрелищем, он объявил, что взлетит в небо². Стараниями дьявола он поднялся в воздух, но столь стремительно низвергся на землю, что едва не испустил дух, однако остался жив.

Последний день своей жизни, а было это несколько лет тому назад, этот Иоганнес Фауст провел в одной деревушке княжества Вюртембергского, погруженный в печальные думы. Хозяин спросил о причине такой печали, столь противной его нравам и привычкам (нужно сказать, что Фауст этот был, помимо всего прочего, негоднейшим вертопрахом и вел столь непристойный образ жизни, что не раз его пытались убить за распутство). В ответ он сказал: «Не пугайся нынче ночью». Ровно в полночь дом закачался. Заметив на следующее утро, что Фауст не выходит из отведенной ему комнаты, и подождав до полудня, хозяин собрал людей и отважился войти к гостю. Он нашел его лежащим на полу ничком около постели; так умертвил его дьявол.

При жизни его сопровождал пес, под личиной которого скрывался дьявол³.

Фауст этот сумел бежать из нашего Виттенберга после того, как достославный герцог Иоганн⁴ приказал схватить его. Удалось ему также скрыться из Нюрнберга: он собрался было пообедать, как вдруг его прошиб пот; тотчас вскочил он из-за стола, расплатился с хозяином и вышел из харчевни. Едва за ним закрылась дверь, как вошли искавшие его стражники.

Маг этот Фауст, гнусное чудовище и зловонное вместилище многих бесов, в хвастовстве своем дошел до такой нелепости, будто только ему и его чарам императорские войска обязаны всеми своими победами в Италии⁵. Это нелепейшая ложь; говорю об этом единственно с целью предостеречь юношей, дабы не спешили они доверяться подобным людям.

[Иоганн Манлиус, со слов Филиппа Меланхтона].

А что упражнения в таком искусстве — дело не только богопротивное, но и весьма пагубное, никто отрицать не может. Это доказано опытом, а также примером судьбы широко известного чернокнижника Фауста.

Этот Фауст за свою жизнь совершил так много чудесных дел, что их хватило бы на сочинение целого трактата, но в конце концов нечистый все же удушил его во владении Штауфен, в Брейсгау¹.

6

Примерно тогда же² в Брейсгау, в маленьком городке Штауфен или неподалеку от него, скончался Фауст. Не найдешь нынче в немецких землях такого удивительного нигроманта, каким был в свое время этот Фауст. Так много диковинного совершил он, что о нем не так скоро позабудут. Он дожил до старости и, говорят, погиб ужасной смертью. Многие полагают, основываясь на различных свидетельствах и рассказах, что нечистый, которого он всегда называл куманьком, умертвил его. Книги, оставшиеся после него, перешли в руки рыцарей фон Штауфен, во владениях которых он умер. Много людей стремились приобрести их, а, по моему разумению, такого добра желали они себе только на горе и несчастье.

В Люксгеймский монастырь³ в Вассихин⁴ Фауст послал духа, от которого монахи никак не могли избавиться, а он им всячески досаждал, и единственно по той причине, что однажды они не дали Фаусту переночевать в монастыре, поэтому он и поселил у них беспокойного духа.

Такого же духа какой-то зловредный бродячий школяр приколдовал и покойному настоятелю Санкт Дизенберга.

[Из «Циммерской хроники»].

17

1566

а

Когда однажды за ужином зашла речь о некоем чернокнижнике Фаусте, доктор Лютер сказал внушительно: «Противоборствуя мне, дьявол не прибегает к помощи колдунов. Если бы он мог этим нанести мне вред, он бы давно уже сделал это. Не раз уже он хватал меня за глотку, но приходилось ему все-таки отпустить меня. Я-то уж по опыту знаю, каково иметь с ним дело. Он часто так донимал меня, что я уже не ведал, жив я или мертв. Бывало, доводил он меня до такого смятения, что я вопрошал себя, есть ли на свете бог, и совсем отчаивался в господе-боге нашем. Но словом божием я отгонял наваждение».

б

Зашла речь об обманщиках и об искусстве магии, каким образом сатана ослепляет людей. Много говорилось о Фаусте, который называл черта своим куманьком и говаривал, что если бы я, Мартин Лютер, протянул ему только руку, он бы меня сумел погубить. Но я не хотел его видеть и руку протянул бы ему во имя господина, так что бог был бы моим заступником. Думается мне, немало против меня затевалось всяких чародейств.

в

Спросили доктора Мартина: «Когда Самуил явился царю Саулу¹, вызванный колдуньей по его желанию, был ли это действительно сам пророк?». Он же отвечал: «Нет, то был призрак и злой дух, и доказывается

это тем, что бог запретил Моисею узнавать правду от мертвецов; было же это только дьявольское наваждение во образе человека божьего. Так и чернокнижник аббат Шпонгеймский² сумел показать императору Максимилиану в его покоях всех умерших императоров и великих героев, „девять лучших“, как их называют, каждого в том образе и облачении, как при жизни, в их числе и великого Александра и Юлия Цезаря, а также невесту императора Максимилиана, которую отнял у него король Франции Carolus Gibbosus»³.

2

В житиях отцов мы читаем:

Однажды сидел один старец и молился. Дьявол же стал преследовать его и поднял такой шум, что показалось старцу, будто слышит он визг и хрюканье целого стада свиней: цо! цо! цо! Этим дьявол думал его напугать и помешать его молитве. Тогда старец заговорил и сказал: «Эй, дьявол, поделом тебе случилось; был бы ты прекрасным ангелом, а теперь ты стал свиньей». Тут сразу же прекратились визг и хрюканье. Ибо дьявол не терпит, когда его поносят.

д

В Н. был один человек по имени Вильдфойер; тот съел у крестьянина лошадь вместе с телегой. Крестьянина этого нашли несколько часов спустя лежащим в луже неподалеку от тех мест вместе со своей лошадью и телегой.

Один монах спросил у крестьянина, продававшего воз сена на базаре, какую плату он возьмет, чтобы позволить ему, монаху, пожрать сена. Крестьянин спросил один крейцер. Монах приступил к делу и сожрал почти все, так что крестьянину пришлось погнать его прочь.

Было еще, что должник дал еврею вырвать себе ногу. Еврей от страха убежал, и долг остался неуплаченным.

е

Император Фридрих, отец Максимилиана, пригласил к обеду одного чернокнижника, и своим умением и искусством он обратил его руки в копыта и когти, а когда они сели за стол друг против друга, император приказал ему есть. Чернокнижнику было стыдно, он спрятал свои когти под стол. Наконец, когда нельзя было дольше скрываться, пришлось ему показать все, как было. Тогда он сказал императору: «Я могу сделать вашему величеству то же, если будет на то ваше разрешение». Император дал согласие. Чернокнижник стал ворожить. Неожиданно за окном раздался шум. Император высунул голову в окно, чтобы узнать, что случилось, и тут у него на лбу выросли оленьи рога, так что не мог он втянуть свою голову обратно в комнату. Тогда он сказал чернокнижнику: «Освободи меня, ты победил».

К этому доктор Мартин Лютер добавил: «Нравится мне, когда один черт досаждаёт другому. Я вижу тогда, который из них сильнее».

[Из «Застольных бесед» Мартина Лютера].

18

а

1568 Иоганнес Фауст, родом из городка Кундлинг, научился магии в Кракове, где ее в то время преподавали открыто, и незадолго до 1540 года лживым и обманчивым образом практиковал ее в разных местностях Германии, вызывая восхищение многих, хотя на самом деле его искусство представляло собой только пустую похвальбу и вздорные посулы.

Один пример тому я расскажу здесь при условии, что читатель даст слово не подражать ему.

Когда однажды злодей этот в отсутствие барона Германа¹ попал в тюрьму в городе Батобурге на реке Маас, неподалеку от границ Гельдерна, он посулил тамошнему капеллану, доктору Иоганну Дорстену, мужу добрейшему и простодушнейшему, обучить его многим наукам и искусствам, за что тот не в меру благоволил к нему и столь часто посылал в тюрьму вино, на которое Фауст был весьма падок, что запас его истощился. Узнав об этом и прослышав, что капеллан собирается идти бриться в Граве, он пообещал открыть ему чудодейственное средство снимать бороду без бритвы², если капеллан разбудит ему еще такого же вина. Когда тот согласился, Фауст дал ему мышьяку, никак не обработав его, и велел смазать бороду. Едва капеллан исполнил это, как у него на подбородке сделалось такое воспаление, что не только волосы выпали, но заодно сошла и кожа с мясом. Об этой мерзкой проделке мне неоднократно рассказывал с гневом сам капеллан.

Есть у меня еще один знакомый, борода у него черная, лицо темноватое, свидетельствующее о меланхолической конституции (вследствие болезни селезенки). Когда он как-то повстречался с Фаустом, тот сразу же сказал: «До того ты похож на моего куманька, что я даже посмотрел тебе на ноги, не увижу ли длинных ногтей». Это он принял его за дьявола, которого поджидал к себе и обычно называл куманьком.

Его нашли мертвым в одной деревне Вюртембергского княжества, лежащим около постели со свернутой головой. Говорят, что накануне в полночь дом этот вдруг зашатался.

б

Был в Госларе школьный учитель, выучившийся также магическому искусству Фауста-чародея, а вернее, Фауста-лиходея, и научился он заклинаниями загонять дьявола в бутылку. Однажды он отправился в лес, чтобы никто не помешал ему в этом деле, и случилось, что, начав произносить заклинания, он сбился, и внезапно явился ему дьявол в устрашающем виде: глаза огненные, нос — как рог у быка, зубы длинные — что кабаньи клыки, морда покрыта шерстью. Весь вид его был столь стра-

шен, что учитель в ужасе упал на землю и долго лежал как мертвый. Когда он наконец очнулся и, весь дрожа, пошел к воротам города, повстречались ему по пути друзья, которые спросили, почему он так бледен и перепуган, но, онемев от страха, он не мог произнести ни слова, а когда они привели его домой, стал испускать дикие вопли и вскоре впал в полное безумие. По прошествии года к нему вновь вернулась речь, и он рассказал о том, как ему явился дьявол и в каком виде. Затем он причастился и на третий день, вверив душу богу, покинул нашу грешную землю.

[Иоганн Вирус].

19

В Вене было два чернокнижника, один (так казалось) пожрал другого, ¹⁵⁶⁸ а черт унес того, кто был съеден, в пещеру или в яму, из которой он вышел только через три дня.

Таким чернокнижником был и Иоганн Фауст, который натворил много пакостных дел своей черной магией и т. п.

Он всегда держал при себе собаку. Это был дьявол. В Виттенберге его схватили бы по приказу курфюрста, если бы он не скрылся вовремя. В Нюрнберге с ним поступили бы так же, если бы он не скрылся и оттуда.

А возмездие ему было такое.

Когда пришел его срок, он заехал на постоянный двор в одной деревне в Вюртемберге. Когда хозяин спросил его, отчего он такой печальный, он ответил: «Этой ночью ты услышишь страшный грохот, и дом твой заходит ходуном, но ты ничего не бойся».

Наутро его нашли мертвым в постели, а шея у него была свернута. См. Collectanea Иоганна Манлия, кн. I.

[Андреас Хондорф].

20

Таковы были те, о которых несколько раз говорится в Писании, где ¹⁵⁶⁹ они названы магами, как-то маги фараона, Симон-маг и другие, и таков был в наше время Фауст-чернокнижник. Большинство из них были также прорицателями (divini) и запятали себя другой подобной грязной чертовщиной.

[Генрих Буллингер].

21

И нынче еще встречаются маги, которые кичатся тем, что силою своих ¹⁵⁶⁹ чар они могут, оседлав коня, перенестись на нем за несколько мгновений в отдаленнейшее место. Но в конце концов они получают от черта заслуженную награду за эти поездки. Удивления достойно и то, что рассказывают о немце Фаусте, о том, что он будто бы совершал с помощью искусства магии.

[Людвиг Лафатер].

22

О магии

1575 К третьей группе относятся нигроманты. Так следует называть черно-книжников-чародеев, благодаря чарам которых изумленные зрители видят, будто одно превращается в другое и будто на их глазах совершаются чудеса. Они-то и являются колдунами в настоящем смысле слова, ибо дьявольским наваждением они зачаровывают зрителей так, что они видят совсем иное, нежели то, что есть на самом деле.

Подобными чудесами был весьма знаменит Фауст, живший в недавнее время. Когда какой-то крестьянин не захотел уступить ему дорогу, люди увидели, что он проглотил и лошадей и телегу; в другой раз один человек купил стадо откормленных, жирных свиней, и когда он по пути домой погнал их через реку, он увидел, что свиньи исчезли, а в воде поплыли пучки соломы. Затем последовало еще более необычайное происшествие. Человек этот отправился на постоялый двор, чтобы разыскать мошенника, продавшего ему свиней. Тот, сговорившись с хозяином, хралел за печкой, притворившись спящим. Когда разъяренный покупатель вошел в комнату и со словами «Ах ты, негодяй!» потянул его за ногу, нога отделилась от тела и осталась в руках остолбеневшего от ужаса покупателя, а одноногий стал вопить, что его изувечили. В конце концов удалось закончить дело миром, голень снова приросла к своему месту и т. д.

[Бенедикт Аретиус].

23

1575 Многие впадают в полное отчаяние, отрекаются от крещения и предаются дьяволу. Так случилось с Фаустом, Шраммгансом, со всеми колдунами и с другими людьми, которые у дьявола обучались различным тайным искусствам в чаянии при помощи их обрести славу, почет и богатство.

По той же причине отрекаются от крещения и монахи и дают новые обеты в угоду чреву своему. Поэтому-то и говорят: Paupertas, ignorantia et desperatio faciunt monachum*.

[Theatrum diabolorum].

24

а

1576 Слышал я, что Фауст (помнится мне, что именно о нем шла речь) сказал в Гальберштадте: «Ну, теперь, поевши, вымойте руки, а вытрем мы их уже в Любеке».

б

Слышал я также, что Фауст показывал в Виттенберге студентам и одному знатному лицу N. Гектора, Улисса, Геркулеса, Энея, Самсона, Даида и других, каковые появились с недовольным видом, всех устранив

* Бедность, невежество и отчаяние делают монаха (лат.).

своей грозной осанкой, и снова исчезли. Говорят, что среди присутствовавших и глядевших на все это лиц были и владетельные особы (о чем Лютер отозвался весьма неодобрительно).

[Вольфганг Бютнер].

25

В целях возвеличения лютеранской веры о жене Меланхтона рассказывают такую историю. 1581

Однажды пригрозил ей чародей Фауст, что по его слову все колбасы, что были у нее в доме, улетят от нее прочь. Она же, веруя твердо, ответила на это: «Не сомневаюсь, что господь истинный сумеет охранить мои колбасы от чародея Фауста». И, по рассказам лютеран, чары его оказались бессильными перед большой верой этой маленькой женщины.

[Иоганнес Насс].

26

Особого удивления достойно то, чего достигают маги, которые заклинаниями могут сковать движения людей и животных. Фауст, например, сковал раскрытые рты пьяных и неистово орущих крестьян так, что они застыли в молчании. 1582

[И.-Я. Веккер].

27

В этих своих увлечениях магией и других безумствах он [архиепископ Кельнский Гебхард Трухзес], не знаю по какой несчастной судьбе этой церкви, следовал примеру графа Германа де Вид¹, который в годы своего отпадения [от церкви] имел около себя Фауста и Агриппу, людей, прославнейших в этом искусстве, и хотел стать их учеником. 1583

[Из письма папского легата Минуччи].

28

а

Следующими по рангу являются те маги, которые понимают кое-что в философии, как например доктор Фауст, или долгоязыый поп из Зальцбурга, или камюцкий монах, и могут (по их словам) силой своего колдовского искусства превратить все, что человек держит в руках, в нечто иное, а также доставить в назначенный час и в условленное место любое известное лицо, как бы далеко оно ни находилось, да и сами они могут мгновенно переноситься, куда им только заблагорассудится. Могут они, кроме того, так рассказать все, что говорилось о них в их отсутствие, как если бы они сами присутствовали при разговоре и слышали его, и еще они могут, подобно волхвам фараоновым (Исход 7, 8, 9), превращать и изменять все, что угодно. 1583

б

Когда считаешь рассказы новые и старые, еврейские, языческие или христианские, то нигде не увидишь, чтобы кто-нибудь из тех, кто жил в соблазнах лжи и занимался подобными делами, стал богатым (ибо № 1536
ГОДА

всякое процветание и божье благословение их покинуло). Напротив, все они, подобно Марию и его Марте-колдунье¹, жили в большой бедности и испытали много бед, как видно и в наше время на примере таких злосчастных чудовищ, как доктор Фауст и другие, среди которых были и лица высокого звания.

Все, кто занимался колдовством, жили в бедности.

[Леонгарт Турнейсен].

29

а

8 Не так уж преступна, хотя и греховна проделка Иоганна Фауста из Кнютлингена в харчевне города М.

Однажды он пил там со своими собутыльниками, и при каждой здравнице они осушали кружки наполовину, а то и до дна, как это в обычае у саксонцев, да и у всех других немцев. И случись тут, что прислуживавший мальчишка налил то ли в кружку, то ли в кубок Фауста так много вина, что оно перелилось через край. Фауст выбранил его и посулил сожрать, повторись это еще хоть раз. Мальчишка посмеялся: «Так уж вам и сожрать меня!», — и еще раз налил ему через край. Тогда Фауст широко открыл пасть и проглотил его; затем он схватил кадку с водой и со словами «Хорошую еду надо хорошо запить» опрокинул ее в глотку. Хозяин стал его уговаривать вернуть ему мальчика, угрожая в противном случае разделаться с гостем. Фауст велел ему не тревожиться и поглядеть за печкой. Мальчишка там и оказался, на нем не было сухой нитки, и весь он трясся от страха. А запихнул его туда черт, успев сначала вывернуть на него кадку воды. Этот же черт так отвел глаза всем, кто был в харчевне, что им померещилось, будто доктор Фауст сожрал парня и проглотил кадку воды.

б

Однажды на масленицу, поужинав дома в Мейссене, Фауст помчался со своими приятелями за 60 миль в Зальцбург выпить на сон грядущий хорошего вина из погреба тамошнего епископа. Здесь во время попойки их случайно застал келарь и стал обзывать ворами. Тогда они отправились снова восвояси, а келаря забрали с собой, и по пути Фауст посадил его в лесу на верхушку большой сосны, а сам полетел со своей компанией дальше.

в

Распутный слуга дьявола Фауст проживал одно время в Виттенберге и как-то пришел к господину Филиппу. Тот отчитал его как следует и стал призывать его отступиться от нечестивых дел, говоря, что они не доведут его до добра, как это позднее и случилось. Но Фауст все это пропустил мимо ушей.

Как-то раз господин Филипп сошел в 10 часов из своей учебной комнаты вниз, чтобы сесть за стол, и видит: пришел к нему Фауст, которому тогда так досталось от него.

Тот повел такую речь: «Вы всегда поносите меня бранными словами, за это я сделаю так, что все горшки на кухне вылетят в трубу, как только вы сядете за трапезу, и ничего ни вам, ни вашим гостям не останется». На это господин Филипп ответил ему: «Советую тебе отказаться от этого. Плевать мне на твою магию».

И тот действительно отказался от своей затеи.

Призывал его покаяться еще один благочестивый старец. В благодарность за это он послал к нему черта, чтобы тот напугал его ночью. Когда старец собрался лечь спать, черт забежал по спальне и стал хрюкать, как свинья; старец, твердый в своей вере, стал насмехаться над ним: «Ах, сколь сладкогласен, сколь сладкоречив ангел, не сумевший ужиться в раю! Приходится ему теперь в свинском обличии разгуливать среди людей!». С тем нечистый и вернулся к Фаусту и пожаловался ему на то, как его там приняли и как выпроводили; не захотел он оставаться там, где ему припомнили его падение, да еще насмеялись над ним.

2

При жизни доктора Лютера и Филиппа черно книжник Фауст, как было упомянуто выше, проживал некоторое время в Виттенберге; это допустили в надежде, что, приобщившись к учению, процветавшему там, он раскается и исправится.

Так как этого, однако, не случилось и даже, напротив того, стал он совращать других (одного такого знал и я: когда ему хотелось полакомиться зайчатинной, он отправлялся в лес, и зайцы сами бежали ему в руки), то курфюрст приказал посадить его в тюрьму. Однако служивший ему дух предостерег его, и ему удалось скрыться. Тот же дух вскоре безжалостно умертвил его, прослужив ему перед этим двадцать четыре года.

д

Не раз упоминавшийся Фауст захотел однажды вернуться к праведной жизни, но дьявол угрозами нагнал на него такого страха, что он вторично подписал с ним договор.

е

О великих и прославленных чародеях и обманщиках

Ученейший и прославленный во всем мире Альберт из Лаугингена, прозванный Великим за свой разум и искусство, не довольствовался теми отличными способностями, какими бог его украсил: он тоже опоганил себя дьявольской нечистью, занимаясь волшебством на славу себе и для удовольствия и развлечения знатных господ. Когда он, оставив епископство в Регенсбурге, стал монахом-доминиканцем в Кельне, явились туда из Аахена, после коронования, император Вильгельм¹, а с ним один голландский граф, многие князья и знатные господа, которым он задал великолепный

пир зимой, около дня рождества. Конечно, и монах Альберт, мастер на развлечения, должен был при этом присутствовать. В честь знатных господ и ради их развлечения устроил он так, что зал весь зазеленел и расцвел от деревьев и цветов, листьев и трав: кукушки, жаворонки, соловьи распевали, как если б это было в мае. Императору все это так понравилось, что он подарил орденским братьям Альберта в Утрехте земельное владение, вознаградив этот грех, достойный высшей кары, как если бы он был благодеянием и добродетелью: вероятно, он держался мнения, что греха тут не было, поскольку сотворил это монах, святой отец, в присутствии, с согласия и при восторженном одобрении многих высоких духовных особ.

В дни отцов наших, семьдесят лет назад, жил Иоганн из Триттенгейма, человек весьма ученый и мудрый. В одном только не был он мудр, что был привержен дьяволу и имел с ним тайные сношения; хотя он сам не признавался в том и утверждал, будто все, что он делает, происходит естественным образом, однако ни один разумный христианин этому не поверит, кто прочтет или услышит о делах его. Был он аббатом в Шпангейме на Гунсрюке (сам черт был у них аббатом, как говорится в последице), и основал там замечательную библиотеку. Оттуда был он изгнан герцогом, не знаю по какой причине, и своими же братьями монахами, завидовавшими его искусству и великой славе во всех странах и тем милостям, которыми он пользовался у многих, у императора и у князей, и ненавидевшими его за то, что он требовал от них более строгого соблюдения добрых монастырских нравов и послушания, чем им того хотелось. Он же говорил, что дух, бывший с ним, предрек ему за несколько лет вперед, что не умереть ему аббатом в Шпангейме.

Этот аббат сотворил много чудесного, особенно же в отношении призраков, и тем стал известен многим знатым господам и пользовался их приязнью и доверием.

То, что я теперь расскажу о нем, я слышал не однажды от людей почтенных и достойных доверья. Достохвальный император Максимилиан I имел супругой Марию, дочь Карла Бургундского, и любил он ее от всего сердца, так что очень печалился, когда она скончалась. Было это хорошо известно аббату, и обещал он императору, что супруга его предстанет перед очами его так, что он может наслаждаться видом ее, сколько захочет. Император дал себя уговорить и согласился на это опасное и безумное дело. Пошли они в тайные покои, взяли с собой еще одного человека, так что их было трое, и велел им чародей под страхом смерти молчать и не произносить ни слова, пока призрак будет находиться перед ними. Мария же вошла, как призрак Самуила² к царю Саулу, прошлась тихонько перед ними, и была она так похожа на умершую Марию, что не было между ними никакого различия и не было ничего, чего бы в ней не хватало. И как признак этого удивительного сходства вспомнил император, что было у нее черное родимое пятнышко на шее позади, посмотрел внимательно, и там оно и оказалось, когда вторично она прошла перед ними. Ибо дьявол знает отлично, как создан каждый человек, и память у него

хорошая, и большой он мастер в воспроизведении подобного. Тогда страх напал на императора, и подал он знак аббату, чтобы тот приказал призрак исчезнуть, и затем сказал, дрожа от гнева: «Монах, никогда больше не повторяй этих штук!» — и он признался! что едва мог удержаться от того, чтобы заговорить с ней. А случись это, злой дух его бы умертвил. К тому же все и велось: но бог милостиво уберег этого благочестивого, богобоязненного князя и предостерег его, чтобы он впредь не развлекался подобными зрелищами.

Тому же аббату дух его так умел прислуживать и исполнять всегда его волю, что в путешествии, когда случилось ему остановиться на постоялом дворе, где есть было нечего, тотчас же дух доставлял ему еду и питье из другого места. Однажды путешествовал он по Франконии, и в числе прочих его спутников был один знатный человек, советник императора из города Н., который потом рассказывал, что остановились они в трактире, где не было ничего хорошего ни поесть, ни попить. Тогда аббат всего только постучал в окно и сказал: *adfer*, т. е. принеси, — после чего вскоре в окно подано было блюдо со щукой и к тому еще бутылка вина. Аббат и ел и пил, другие же с отвращением отказались, как и я бы сделал; я предпочел бы умереть от голода и умер бы, прежде чем позволил дьяволу кормить и поить меня. Ибо дал нам в том пример и указание Христос, господь наш, когда Сатана хотел, чтобы он камни обратил в хлеб, он же отвечивал: «Не хлебом единым жив будет человек» и т. д.

Откуда же дьявол взял щуку и вино? Сотворил ли он их? Нет, этого он не может сделать, как показано выше. Украл он их в кухне или в погребе какого-нибудь знатного человека. Приготовил повар рыбу, чтобы подали ее на стол, а тот похитил ее, так что не видели, куда она делась, и наверно повару пришлось отвечать перед своим господином, как если бы он украл ее. А вино дьяволу раздобыть было совсем легко, потому что ко всем погребам он имеет ключи...

Вспоминаю я еще об одном таком человеке, жившем при дворе в Х., который однажды предложил гостям своим (уж не знаю, звал ли он их к обеду) весьма постыдный обман, наглядно показывающий силу дьявольского наваждения. Когда они поели, стали они просить его, чтобы показал он им для забавы свое искусство: для того они собственно и пришли к нему. Он же сделал так, что перед каждым из стола выросла виноградная лоза со спелой кистью винограда. И приказал он каждому взяться за свою рукой, а другой рукой держать нож, приставив его к черенку, как если бы он хотел отрезать эту кисть, но не делать этого под страхом смерти. После чего он вышел из комнаты, потом вернулся, а они держат друг друга за нос, и нож к носу приставили. Если бы стали они резать, то порезали бы друг друга...

Учеником того ранее названного аббата был знаменитый чернокнижник Корнелий Агриппа, который водил за собой дьявола в образе черного пса, и пс этот указывал и помогал ему во всем, что он хотел, и в чем он, дьявол, мог ему помочь.

[Августин Лерхеймер].

30

1587 Одним из таких [чернокнижников] был Симон-маг, по рождению самаритянин, происходивший из городка Тритона и живший при римских императорах Нероне и Клавдии, и императоры те воздвигли ему почетный столп на Тибрском мосту, как сообщает Юстин¹ в своей второй «Апологии к Антонину Пию»², с надписью: «Симону, богу святому»³. Ему в наши времена подобен был Иоганнес Фаустус из Кюндинга, которого следовало бы скорее называть Infaustus*. Он научился искусству своему в Кракове и был весьма большим негодником, и в свои дни совершил он немало чудес и пострадал бы не раз за свое распутство, если бы не спаслся до времени с помощью своего господина, пока не наступил ему положенный срок.

6

Почти то же самое [что с Симоном-магом] случилось и с Иоганном Фаустом, когда он, находясь в Венеции, собрался лететь без крыльев. Его хозяин поднял его в воздух и сбросил вниз так, что он сломал себе ногу, но так как он еще не отслужил своего срока, то он не погиб, как Симон-маг, а с позором бежал и в конце концов умер ночью на постоялом дворе в Вюрцбургской земле оттого, что дьявол свернул ему шею.

[Самуил Мейгернус].

31

О Фаусте-нигроманте

1587 И в наше время люди, встречавшиеся с Фаустом, немецким чернокнижником, утверждают, что однажды, по просьбе нюрнбержцев, он выставил за воротами крепостного вала на лицезрение всем восседавшим на конях Энея, Ахилла, Гектора, Геркулеса и других героев, точно таких же по облику, какими они были при жизни, и в той одежде, какую они тогда носили.

А так как в Кракове в старину более, чем в других местах, занимались магией, то многие упорно утверждают, что при помощи магических чар жители Кракова вызывали тени польских героев такими по виду, какими описывал своих героев Овидий, и после печатали их изображения и рисовали их на углах домов.

[Станислав Сарницнус].

32

1587 Его высокородию господину Вольфу Эрнсту, графу Штольбергскому, Кеннигштейнскому, Рутцшефуртскому и Вернигеродскому, милостивому моему государю

в Вернигероде

Брауншвейг 30 октября 1587 года

Высокородный милостивый господин мой, по милостивому соизволению и повелению Вашей милости ювелир Гедеон Хельдинг лично обещал мне,

* Несчастный (лат.).

что он всенепременно прибудет в Вернигероду ко 2 ноября. Посылаю Вашей милости Платина и сообщаю, что на прошлой Франкфуртской ярмарке впервые появилась история доктора Иоганна Фауста, полсотни экземпляров которой привез один книгопродавец. Однако прежде чем я об этом узнал, книга оказалась распроданной, кроме одного экземпляра, который хотя уже и продан в Вольфенбюттель, но еще не отправлен.

В уважение Вашей милости книгопродавец готов вернуть людям из Вольфенбюттеля деньги, 9 добрых грошей, или же при первой возможности доставить им другой экземпляр, а этот предоставить Вашей милости, так что книга эта в распоряжении Вашей милости...

Призываю благословение божие на Вашу милость, желаю Вашей милости господнего благоволения и всяческого благополучия в правлении и заверяю Вашу милость в своей готовности служить верой и правдой.

Брауншвейг. 30 октября 87 года по р. х.

Покорный слуга Вашей милости
Лудольф Людерс,
регент церкви св. Власия в Брауншвейге.

33

Здесь я должен рассказать обстоятельно об этом чарошее, который, ¹⁵⁹⁷не будучи знатен, был все же весьма знаменит, а именно о Иоганне Фаусте. К этому меня побуждает книга, которую недавно сочинил о нем какой-то негодяй, а таковым я считаю его, кем бы он ни был, ибо он изрыгает хулу и клевету на виттенбергскую школу и церковь. В его книге говорится, будто Фауст родился неподалеку от Веймара и Иены, воспитывался в Виттенберге и стал там магистром искусств и доктором богословия, что он имел там в пригороде дом и сад на Шергассе у внешних ворот, что в деревне Кимлих, находящейся в полумиле от Виттенберга, его удушил дьявол и произошло это в страстную пятницу на глазах у многих магистров, бакалавров и студентов. Все это низкая и злостная клевета и ложь. О лживости и невежестве этого негодяя свидетельствует и то, что он рассказывает, будто Фауст бывал у графов Ангальтских и там показывал свои штуки, а между тем высокородные господа эти уже свыше 500 лет вовсе не графы, а князья, Фауста же дьявол утащил только 60 лет тому назад. Никак уж это не вяжется!

В действительности Фауст родился в местечке Книктинг, что лежит в Вюртембергской земле на границе Пфальца. Одно время при Франце фон Зиккингене он был школьным учителем под Крейденахом. Оттуда ему пришлось бежать из-за того, что он предавался содомии. После этого он разъезжал со своим дьяволом по разным странам, изучал чернокнижие: в Краковском университете, приехал однажды и в Виттенберг, там его некоторое время терпели, пока он не распоясался настолько, что его собрались посадить в тюрьму, но тут он удрал. Ни дома, ни двора у него ни в Виттенберге, ни в каком ином месте никогда не бывало, жил он как бездомный бродяга, пьянствовал и чревоугодничал, выманивая деньги своими

мошенническими фокусами. Как же мог он иметь дом и двор на Шергассе у наружных ворот, когда за крепостной стеной никакого пригорода и не было, а следовательно, никакой наружной стены и ворот в ней быть не могло, не было также и никакой Шергассе!

Как можно поверить, что человека, которого Меланхтон называл зловонным вместилищем многих бесов, университет произвел не только в магистры, но даже и в доктора теологии? Ведь это навсегда запятнало и опозорило бы и эту степень и это почетное звание! Удушил его дьявол в Вюртембергской земле, а вовсе не в Виттенбергской деревне Кимлих, ибо деревни под этим названием нигде нет. К тому же, после того как он бежал, чтобы не оказаться в тюрьме, он никогда не посмел бы возвратиться в Виттенберг.

В вышеупомянутую вюртембергскую деревню он приехал под вечер в какой-то праздник. Был он удручен и совсем болен, ибо пришел уже час, назначенный ему дьяволом в договоре. Видит он, что на постоялом дворе шумят пирующие крестьяне, просит поэтому хозяина отвести ему отдельную каморку. Крестьяне же кричат все сильнее, и просит тогда Фауст, чтобы они уважили его, как больного, и были потише. А они давай шуметь еще пуще, как это всегда бывает, если мужика о чем попросишь. Тогда Фауст в последний раз применил свои чары и всем им так раздвинул челюсти, что они сидят и пялят глаза друг на друга, а слова вымолвить никто из них не может. Знаками указывают на комнату постояльца, чтобы хозяин попросил его снова закрыть им рты. Фауст соглашается при условии, что они впредь шуметь не будут. После этого они поспешно уходят.

В полночь хозяин услышал грохот в комнате постояльца, а наутро он увидел, что у Фауста шея свернута, а голова свисает с кровати. Именно в этой деревне и в точности так погиб Фауст, а вовсе не под Виттенбергом. Во всем, что этот негодяй говорит о страстной пятнице, он клонит к тому, будто юноши получают в университете воспитание столь безбожное и порочное, что они даже в такой святой день, когда следует благоговейно размышлять о страстях Христовых, занимаются бесовскими делами.

О прочих бреднях, лживых выдумках и непотребных мерзостях я и говорить не хочу, а об этом упоминаю лишь потому, что уж очень меня, как и многих других честных людей, огорчает и печалит такое поругание славнейшего и достойнейшего университета и праведных мужей — Лютера, Филиппа и других, ибо я там учился в те годы, когда многие еще помнили пророчки этого чародея. Конечно, нам не в новость, да и не удивительно, что такие пасквилы пишутся нечестивыми врагами нашей церкви, но как не скорбеть о том, что даже и наши печатники доходят до того, что, забыв стыд и совесть, позволяют себе заниматься столь неподобным делом, как печатание и обнародование таких книг, которые полны клеветы на честных людей и, попав в руки неразумных юношей, совращают их и вызывают в них желание (что дьяволу только и надобно) по-обезьяньи стараться подражать подобным чудесам, не помышляя о том, какой конец был угото-

ван Фаусту и ему подобным. Я уже не говорю о том, что благородное искусство книгопечатания, дарованное нам господом богом на благо, тем самым употребляется во зло.

[Августин Лерхеймер].

34

Предание говорит, что маги Фауст и Корнелий Агриппа, путешествуя, ¹⁵⁹⁹ расплачивались в харчевнях деньгами, которые казались настоящими, но через несколько дней превращались в обломки рогов и прочий хлам.

[Мартин Дельрио]

35

Доныне еще известно нам, что среди шарлатанов и магов, запечатлевшихся в памяти наших отцов, большую славу стяжал своими необычайными проделками и бесовскими чарами Иоганн Фауст из Кундлингена, который изучил магию в Кракове, где ее раньше публично преподавали. В народе нет почти человека, который не мог бы привести какого-либо примера, свидетельствующего о его искусстве. Ему приписывали все, что я говорил выше о проделках божьего мага. И так же как одинакова была жизнь этих чародеев, столь же одинаково ужасен был их конец. Ибо Фауст, как говорят в народе и как об этом пишет Вир, был найден мертвым в одной деревне Бюртембергского княжества, на полу около своей постели, лицом вниз. А накануне в полночь дом этот зашатался...

Доводилось мне слышать от людей, хорошо знавших этого обманщика, что был он великим мастером магического искусства (если, конечно, почитать магию за искусство, а не за суетнейшее дело, достойное посмеяния)...

Как-то раз, когда он проводил время со своими знакомыми, слышавшими про его чародейство, попросили они его показать им хоть раз какой-нибудь образец своей магии. Долго Фауст отнекивался, но в конце концов, утомленный назойливостью весьма нетрезвой компании, обещал выполнить все, чего они только ни пожелают. Все в один голос потребовали, чтобы он явил перед ними виноградную лозу, усыпанную гроздьями спелого винограда, полагая, что, поскольку теперь неподходящее время года (а на дворе стояла зима), ему этого никакими силами не сделать. Фауст согласился и обещал тотчас доставить требуемое на стол, предупредив, чтобы они сохраняли полное молчание и не вздумали шелохнуться, пока он не велит им сорвать ягоды: иначе они подвергнутся смертельной опасности.

После того как все согласились, он с помощью своих чар так затуманил взоры и чувства пьяной компании, что им привиделся роскошный виноградный куст, на котором висели гроздья сочного винограда необыкновенных размеров, и гроздьев этих было столько же, сколько было собравшихся. Подстрекаемые любопытством и томимые жаждой, пьяницы взялись за ножи, с нетерпением ожидая приказа срезать виноград. Продержав их достаточно долго в таком пустом обольщении, Фауст снял, наконец, чары, куст с виноградом растворился в дыму, и легковоспламеняющиеся при-

тели увидели, что, потянувшись за гроздью, каждый из них ухватился за собственный нос и уже замахнулся ножом, так что если бы только кто-нибудь вопреки уговору начал самовольно срезать виноград, то обкарнал бы свой собственный нос.

И поделом было бы, не такого еще увечья заслуживает тот, кто из суетного любопытства стремится стать очевидцем и соучастником бесовского наваждения, чего христианину делать не следует, ибо подвергается он этим большой опасности, а главное, берет тяжкий грех на душу.

[Филипп Камерариус].

36

1631 25 апреля 1613 года отправились в Претч, местечко, принадлежащее Гансу Лесерну, потомственному конюшему курфюрста Саксонского, оттуда в Виттенберг. По дороге, на расстоянии получаса оттуда, в деревне Пратау видели дом, в котором, как говорят, доктора Фауста настигла злосчастная кончина.

[Из описания путешествия в Берлин вюртембергских принцев Лудвига-Фридриха и Магнуса].

37

(1535—1536)¹⁶⁴⁸ В те времена известный чернокнижник д-р Фауст, который как раз в этот день проезжал через Корбах, предсказал, что город Мюнстер в ту самую ночь будет захвачен войсками епископа.

[Вальдекская хроника].

38

a

1752 Городок этот [Knittlingen] примечателен тем, что, по преданию, там был растерзан дьяволом знаменитый чернокнижник доктор Иоганн Фауст, о чем с уверенностью говорит доктор Дитрих в своих толкованиях на Экклезиаста, гл 7.

Хотя нынче и полагают, что история этого колдуна — досужий вымысел, однако не следует начисто отрицать все то, что говорят о пресловутом докторе Фаусте. Ибо хотя сведений о нем не так уж много, но все же известно, что он родился (а следовательно, существовал на самом деле) в Книтлингене, что настоятель Маульброннского монастыря Иоганн Энтенфус был земляком и приятелем некоего доктора Фауста, и последний, по достоверным сведениям, гостил у него в монастыре примерно в 1516 году, так что нет ничего невероятного в том, что спустя некоторое время Фауст этот умер в Книтлингене от несчастного случая. Мы отнюдь не доверяем рассказам о баснословных похождениях этого человека (ср. диссертацию Неймана *De Fausto praestigiatore*; *Manlius Collectan. Basil, edit 1600, pag. 38*), но считаем его, как и Томазиус, хвастливым бродягой, который при тогдашнем невежестве и простодушии людском мог кичиться многими

выдуманными проделками. Рассказывает же Андреас Хондорф в своем *Promptuario exemplor. ad II praesert. pag. 167*, что курфюрст Иоганн Саксонский приказом повелед изгнать этого бродягу за пределы своих владений.

[К. Ф. Заттлер. Историческое описание
Вюртемберга].

б

В 1516 году в Маульбронне жил человек, которого народное предание, а затем и многие немецкие писатели перенесли в мир фантазии, тогда как он имеет столько же оснований считаться существом из плоти и крови, как и любой из нас, — доктор Иоганн Фауст из Книтлингена.

Согласно рассказу, который до сих пор передается в Маульбронне, именно здесь, в часе ходьбы от места своего рождения, Фауст нашел последнее пристанище. И действительно, в одном старом списке настоятелей Маульброннского монастыря, возле имени настоятеля Иоганна Эntenфуса стоит приписка, указывающая на то, что он дал приют своему земляку Фаусту. Эntenфус, как и его непосредственные предшественники, был большим любителем роскошных построек; весьма возможно, что Фауст возбудил в нем надежду наполнить пустые сундуки алхимическим золотом.

Еще несколько лет тому назад между Ребенталем и зданием нынешнего областного суда существовала замурованная лаборатория, прозванная кухней Фауста. Предание говорит, что в восточной крепостной башне монастыря, называемой то Башней Фауста, то, из-за находящейся на ней беседки, Башней отдыха, Фауст провел последние минуты своей жизни, оборвавшейся столь ужасным образом.

[Шотт. Описание Маульбронна].

39

а

Читал я еще в той хронике, что упомянутый д-р Клинг¹ пытался на-
править пресловутого чернокнижника д-ра Фауста на путь истинный. Я передам эту историю на суд читателя в точности так, как я ее прочел.
Вот она: ¹

«Не счесть было проделок этого человека, толки о них ходили и в городе и в деревне, и слава его привлекала к нему в Эрфурт многих дворян. Затревожились тут, что дьявол может соблазнить неразумных отроков и иных простодушных людей и сочтут они магию за истинную премудрость и захотят заниматься ею, а так как кудесник этот гостил у одного дворянина¹ из папистов, в доме под Якорем, то порешили направить к нему доктора Клинга, монаха, жившего по соседству, дабы тот попытался отвлечь его от дьявола и привести его на стезю добродетели. Францисканец этот отправился к Фаусту и стал сначала увещевать его добром, а затем грозить карой божией и вечными муками, уготованными ему за такое поведение. И сказал он ему еще, что столь ученый муж мог бы и праведными путями прожить в почете и уважении, и если он отстанет от того безрассуд-

1735
(около
1556 года)

ства, которым его, видимо, дьявол прельстил в молодые годы, и отмолит у бога свои грехи, то он может заслужить прощение, о чем никто еще не молил господу напрасно.

«На это д-р Фауст отвечал:

«„Любезный господин мой, я вижу, что желаете вы мне добра, и знаю хорошо все, что вы мне здесь толковали, но слишком далеко зашел я и на веки вечные душой и телом продался дьяволу, в чем кровью своей распялся. Как же я могу теперь отступить и чем мне можно помочь?“

«Д-р Клинг возразил ему: „Все возможно, если вы всем сердцем будете молить господу бога о прощении и милосердии, будете творить молитву и покаяние, отречетесь от колдовства и общения с дьяволом и перестанете чинить козни ближним. А мы отслужим обедню в нашем монастыре, чтобы вам избавиться от лукавого“. „Служи или не служи обедню, — сказал д-р Фауст, — клятва моя связала меня накрепко: ведь я по дерзости своей презрел бога, вероломно отступился от него, уповая более на дьявола, нежели на него. Потому не могу я теперь вернуться к нему, ни утешиться его милостью, которую я столь легкомысленно презрел. К тому же нечестно и непохвально было бы мне нарушить договор, который я собственноручно скрепил своей кровью. Ведь дьявол-то честно сдержал все, что он мне посулил“.

«„Если так, — вскричал монах, — то пропадай ты, дьяволово отродье. Пеняй на себя, коль скоро ты отталкиваешь руку помощи и настаиваешь на своем“.

«После этого он пошел к его великолепному ректору и доложил ему обо всем. Тот известил совет, и Фауста изгнали из Эрфурта».

Вот то, что сказано в хронике.

6

В той же хронике рассказывается еще много подробностей о пребывании д-ра Фауста в Эрфурте. Вот одна из них. Поселившись в Большой коллегии, доктор Фауст своим хвастовством добился позволения читать публичные лекции в университете. Объясняя Гомера, он так подробно описывал, как выглядели его герои, что студенты возымели желание увидеть их воочию и обратились к нему с просьбой вызвать их силою своих чар. Когда студенты собрались в назначенный Фаустом день, в аудиторию один за другим стали входить герои, упомянутые в лекции, и под конец явился одноглазый великан Полифем с длинной огненно-рыжей бородой, пожирая на ходу человека, ноги которого еще торчали из его пасти. Он навел ужас на всех, кто там был, и, не желая уходить обратно, с такой силой ударял своим железным копьём об пол, что стены аудитории сотрясались, причем он даже пытался вцепиться зубами то в одного, то в другого студента.

Далее в хронике говорится, что вскоре после того происходил магистерский диспут, и среди присутствующих там богословов и представителей совета зашла речь о том, что погибли многие из комедий Теренция и Плавта, чтение которых могло бы пойти на пользу юношеству, если бы

их не постигла такая участь. Д-р Фауст вызвался доставить на несколько часов исчезнувшие комедии с тем, чтобы студенты могли наскоро переписать их. При этом он добавил, что сделает это лишь в том случае, если будет на то соизволение богословов и не воспоследует для него самого ничего дурного. Ни богословы, ни члены совета не пожелали принять этого предложения.

Рассказывается там еще, что д-р Фауст частенько гостил у одного дворянина, жившего на Шлоссергассе в доме под Якорем. Однажды, когда Фауст находился в Праге, куда он уехал на время, собралась у того дворянина веселая компания; заговорили о Фаусте и о том, как хорошо было бы, если бы он оказался сейчас здесь. Тотчас к дому подскакал Фауст. Коня его отвели на конюшню и задали корму, но насытить его никак не удавалось.

Фауст всю ночь угощал пирующих любыми винами, каких бы они только ни пожелали, а черпал он их прямо из стола. Под утро конь пронзительным ржанием призвал хозяина. Фауст вскочил на него, взвился в воздух и снова улетел в Прагу.

Вернувшись из Праги с богатыми дарами, он будто бы пригласил к себе (жил он у церкви св. Михаила) гостей, не приготовив заранее никакого угощения, и при помощи подвластного ему духа учествовал их преотлично всякими яствами, вином и музыкой.

[Юст Кристоф Мотчман. Ученый Эрфурт].

ДОПОЛНЕНИЕ

40

Тем, кто хочет знать правду

159

II

Дабы устранить сомнения в том, что такой человек [Фауст] действительно существовал, чему обычно не верят, я заверяю, что он действительно существовал, а доказывается это тем, что нет ни одного немца, даже самого невежественного, который хоть на волос усомнился бы в правдивости нижеследующего.

III

Во-первых, еще сохранились развалины его дома неподалеку от дома Меланхтона, как все уверяют, на краю города Виттенберга; противоположном университету.

IV

Во-вторых, там еще показывают его дерево, большой дуплистый ствол, в котором он обычно читал своим ученикам нигромантию, неподалеку от города, в уединенном месте, — я полагаю это достаточным доказательством для всякого разумного слушателя. Спросите тех, кто побывал там, и вы услышите, станут ли они отрицать это.

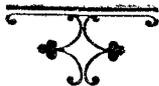
V

Далее, могила его находится поблизости от храма бога Марса, в трех милях от города, и на ней мраморный камень, на котором начертана его собственной рукой следующая эпитафия, сейчас уже порядком стершаяся, так как он был не слишком умелым гравером:

«Здесь лежит Иоганн Фауст, доктор церковного права, недостойнейший человек, который из тщеславной любви к дьявольской науке магии отступился от любви к богу: о читатель, не молись за меня, несчастнейшего осужденного человека, ибо молитвы не помогут тому, кого бог осудил. О благочестивый христианин, вспомни обо мне и пролей одну маленькую соленую слезу обо мне, неверном, сострадай тому, кому не можешь помочь, и остерегайся сам!»¹.

Камень этот был найден в его кабинете, и воля его исполнена — он лежит посреди роши из тридцати трех елей на вершине холма в глубокой яме, где эта плита воздвигнута².

Английский джентльмен, студент в Виттенберге,
немецком университете в Саксонии.

II

НАРОДНАЯ КНИГА

ИСТОРИЯ О ДОКТОРЕ ИОГАННЕ ФАУСТЕ, ЗНАМЕНИТОМ ЧАРОДЕЕ И ЧЕРНОКНИЖНИКЕ

как на некий срок подписал он договор с дьяволом, какие чудеса он в ту пору наблюдал, сам учил и творил, пока, наконец, не постигло его заслуженное воздаяние.

Большей частью извлечено из его собственных посмертных сочинений и напечатано, дабы служить устрашающим и отвращающим примером и искренним предостережением всем безоозным и дерзким людям Послание апостола Иакова IV. Будьте покорны господу, противоборствуйте дьяволу, и он бежит от вас

Cum Gratia et Privilegio

Напечатано во Франкфурте-на-Майне Иоганном Шписом,
MDLXXXVII

Почтенным, достохвальным и благородным
Каспару Кольну, писцу канцелярии курфюрста Майницкого,
и Иерониму Хофу, казначею в графстве Кеннигштейн¹,
особливо ко мне благорасположенным,
любезным государям моим
и друзьям.

Милость божья с вами, затем мой привет! Рад служить вам, почтенные, достохвальные, благорасположенные, любезные государи мои и друзья. С тех пор как много лет существует в Германии всем известное пространное предание о разных похождениях доктора Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника, повсюду на сборищах и пирушках люди любопытствуют и толкуют о судьбе упомянутого Фауста.

Равным образом, хотя некоторые новейшие историки там и сям упоминают об этом колдуне и его дьявольском искусстве, я сам часто удивлялся, как это никто не записал по порядку эту страшную историю и не напечатал ее для острастки всем христианам, и неоднократно осведомился у ученых и сведущих людей, уж не написал ли кто-либо давным-давно эту историю. Но ничего достоверного нигде нельзя было узнать, пока недавно мне не сообщил и не прислал ее один добрый знакомый из Шпейера с пожеланием, чтобы я ее опубликовал и представил в назидание всем христианам как устрашающий пример дьявольского соблазна на пагубу тела и души.

Именно потому, что это есть примечательный и устрашающий пример, из которого можно не только убедиться в дьявольской зависти, лукавстве и свирепости против рода человеческого, но и въяве узреть, до какой крайности может довести человека самоуверенность, дерзость и любопытство, могущие послужить причиной отпадения от господа, союза со злыми духами и гибели для тела и души, с тем большим рвением предпринял я эту работу и приложил все старания в надежде оказать этим добрую услугу всем тем, кто желает внять предостережению.

Однако же, почтенные, достохвалыные, благорасположенные, любезные государи мои и друзья, эту историю я посвятил вам не потому, что вы нуждаетесь в таком предостережении более других, ибо мне, слава богу, достаточно известно из постоянного общения и опыта особое усердие ваше и преданность господу, истинной вере и христианскому исповеданию; но для вас пусть она будет публичным свидетельством особенной любви и дружбы, которая, возникнув меж нами, частью в Урсельской школе², частью потом из многократного общения и близости, сохранилась и по сегодняшней день и, если будет на то воля божия, продлится и сохранится на все дни нашей жизни здесь на земле и в царстве божием. Что касается меня, то я предан ей всей душой. Также и вы, почтенные и достохвалыные, как мне известно, намерены не пренебречь ничем, что может служить укреплению этой нашей старинной дружбы.

Я чувствую себя, однако, много более обязанным во всем решительно вам угодить и служить всем, что только в моих силах, но так как на этот раз я ничего лучшего не имею и знаю, что вы, почтенные и достохвалыные, по милости божьей и хлебом насущным и земными благами одарены и наделены в той мере, что не нуждаетесь для этого во мне, решил я одарить вас, почтенные и достохвалыные, этой скромной книжицей, в особенности же потому, что из прежних бесед мне известно, что вы, почтенные и достохвалыные, об этой истории весьма любопытствовали. По этой причине примите на сей раз благосклонно и это скромное мое ярмарочное изданище.

Поручаю вас, почтенные и достохвалыные, вместе с вашими чадами и домочадцами, милосердной защите и покровительству промысла божьего.

Писано во Франкфурте-на-Майне

в понедельник 4 сентября MDLXXXVII года

Ваших милостей покорный слуга Иоганн Шпис,
печатник в том же городе³.

1

*История о рождении и ученых занятиях знаменитого чародея
доктора Иоганна Фауста*

Доктор Фауст был сыном крестьянина, родился в Роде, близ Веймара⁴. В Виттенберге имел он немалую родню, и родители его также были добрые христиане и богобоязненные люди. А дядя его, что находился в Виттенберге, был горожанин и с достатком. Он воспитал Фауста и обходился с ним как с собственным сыном, потому что не имел наследников,

HISTORIA
Von D. Johann
Fausten/ dem weitbeschreyten
Zauberer vnd Schwarzkünstler/
 Wie er sich gegen dem Teuffel auff eine be-
 zandte zeit verschrieben / Was er hiezwischen für
 seltsame Auentheurer gesehen / selbs angerich-
 tet vnd getrieben/ bis er endlich sei-
 nen wol verdienten Lohn
 empfangen.

Mehrertheils auß seinen engen hin-
derlassenen Schrifften/ allen hochtragenden/
fürwitzigen vnd Gottlosen Menschen zum schrecklichen
Beyspiel/ abscheuolichen Exempel/ vnd treuw-
herniger Warnung zusammen gezo-
gen/ vnd in den Druck ver-
fertigt

IACOBII IIII.

Seyt Gott vnderthänig / widerstehet dem
 Teuffel/ so steuhet er von euch.

CVM GRATIA ET PRIVILEGIO.

Bedruckt zu Franckfurt am Mann/
durch Johann Splis.

M. D. LXXXVII.

Титульный лист первого издания народной книги Шписа
 (1587)

и принял к себе этого Фауста как свое дитя и наследника и послал его в университет изучать богословие. Он, однако же, оставил это благочестивое занятие и употребил во зло божье слово.

Объявление
родителей
доктора
Фауста

Потому-то мы не станем упрекать его родителей и друзей, которые ревностно пекались о его благе, как об этом все порядочные родители пекутся и заботятся, и не будем вмешивать их в эту историю. Притом его родители не дожили до того времени и не увидели мерзости своего безбожного дитяти. Ибо известно, что родители доктора Фауста (так по крайней мере многие считают в Виттенберге) сердечно радовались, что их родственник усыновил его, и так как они заметили в нем отличные способности и память, то в силу этого очень о нем заботились, подобно тому, как Иов, гл. 1, заботился о своих детях, чтобы они не согрешили против господа. Отсюда часто можно видеть, что у благочестивых родителей бывают неудачные, безбожные дети, как это видно на примере Каина (Бытия 4), Рувима (Бытия 49), Авессалома (Царств 2, 15 и 18). Я говорю об этом, так как многие этих родителей обвиняют и укоряют, я же хочу эти упреки отвергнуть; ведь этакие люди не только бранят, но, основываясь на том, что Фауст был вскормлен своими родителями, делают некоторые утверждения, а именно, что они потакали в юности всем его проделкам и не направляли его на то, чтобы он прилежно учился, и это для его родителей — поношение. Далее, они утверждают, что друзья, видя его быстрый ум и малую охоту к богословию и зная с его слов, а также из того, о чем уже открыто шли слух и молва, о его занятиях колдовством, должны были своевременно предостеречь его от этого. Все это один бред, ибо никакой вины на них нет. Теперь, к делу!

Так как у Фауста был быстрый ум, склонный и приверженный к науке, то вскоре достиг он того, что ректоры стали его испытывать и экзаменовали на степень магистра и вместе с ним еще 16 магистров⁵, которых всех он превзошел и победил в понятливости, рассуждениях и сметливости. Таким образом, изучив достаточно свой предмет, стал он доктором богословия. При этом была у него дурная, вздорная и высокомерная голова, за что звали его всегда «мудрствующим». Попал он в дурную компанию, кинул святое писание за дверь и под лавку и стал вести безбожную и нечестивую жизнь (как в этой истории дальше будет показано). Поистине справедлива пословица: кто к черту тянется, того ни вернуть, ни спасти нельзя.

Доктор
Фауст
пришелся за
Черта ниже.

Нашел доктор Фауст себе подобных, тех, что пользовались халдейскими, персидскими, арабскими и греческими словами, фигурами, письменами, заклинаниями, волшебством и прочим, как зовут подобные заклятия и колдовство. И подобные занятия суть не что иное, как искусство Дарданово⁶, нигромантия, заклинания, изготовление ядовитых смесей, прорицания, наговоры и как бы еще подобные книги, слова и имена ни назывались. Это полюбилось Фаусту, он стал изучать и исследовать их день и ночь. Не захотел он более называться теологом, стал мирским человеком, именовал себя доктором медицины, стал астрологом и математиком, а чтобы соблюсти пристойность, сделался врачом. Поначалу многим людям он помог своим врачеванием, травами, кореньями, водами, напитками,

рецептами и клистирами. При этом был он красноречив и сведущ в божественном писании. Знал он хорошо заповедь Христа: тот, кто волю господню знает и ее преступает, будет вдвойне наказан. Ибо никто не может служить двум господам зараз. Ибо ты не должен господя бога испытывать. Все это развеял он по ветру, выгнал душу свою из дома за дверь, поэтому не должно ему быть прощения.

2

Как доктор Фауст стал врачом
и как он заклинал дьявола

Как сказано выше, обратил доктор Фауст все помыслы свои на одно дело: чтобы любить то, что не пристало любить. К этому стремился он день и ночь. Окрылился он как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли. Ибо любопытство, свобода и легкомыслие победили и раззадорили его так, что стал он однажды испытывать некоторые волшебные слова, фигуры, письмена и заклятия, чтобы вызвать тем самым черта. Таким образом пришел он в густой лес, который, как некоторые говорят, расположен близ Виттенберга и зовется Шпессерским лесом, как доктор Фауст после сам признавался. В этом лесу, под вечер, на перекрестке четырех дорог начертил он палкой несколько кругов и два рядом так, что эти два были вчерчены внутри одного большого круга. И вызвал он заклинаниями черта, ночью между девятью и десятью часами. Тогда, наверно, посмеялся дьявол в кулак и показал Фаусту зад, думая про себя: «Добро, я остужу твое сердце и твой дух, одурачу тебя так, чтобы не только твое тело, но и душу добыть. Мне это кстати придется, куда я сам не захочу, туда будешь у меня на посылках ходить». Так оно и случилось, дьявол совсем одурачил Фауста и связал его по рукам и по ногам. Ибо, когда доктор Фауст произнес свое заклинание, притворился черт, что неохотно идет он к желаемой цели. Поднял он в лесу такой грохот, казалось — все прахом идет, деревья до землигнулись. После этого представил дьявол, будто лес весь полон чертей, которые появлялись около кругов, начертанных Фаустом, и между ними так, будто везде для них была свободная дорога. После того точно лучи и стрелы посыпались с четырех сторон леса на магический круг, потом раздалась громкая стрельба из пищалей, и вспыхнул свет, и слышались в лесу звуки множества приятных инструментов, музыка и пение, а потом были танцы и после еще турниры на мечах и копьях. И так Фаусту все опосылало, что он готов был бежать из круга. Наконец, снова овладело им дерзкое и безбожное намерение, упрочился и утвердился он в прежних своих умыслах, все равно, что бы из этого ни вышло. Снова, как прежде, стал он заклинать дьявола. Тут дьявол явил его глазам такое зрелище, как будет сказано дальше. Сначала показалось, будто над кругом парит или порхает гриф или дракон, и когда Фауст сотворил свое заклинание, зверь этот заворчал жалобно. Вскоре с высоты трех или четырех саженей от земли упала огненная звезда и обратилась в огненный шар, что очень испугало доктора Фауста. Все же пристрастился он к предпринятому делу, гордясь тем, что ему сам дьявол должен покориться. Как

Доктор
Фауст
заклинает
черта
в первый
раз

Фауст в одной компании похвалялся, будто ему подвластна и покорна голова, которая всех выше на земле, на что студенты ответствовали, что не знают никого выше на земле, чем императора, папу или короля. Но Фауст сказал: глава, что мне покоряется, выше, — и подтвердил это посланием Павла к эфесянам: «Князь мира сего, на земле и под небесами», и т. д. Итак, он заклил эту звезду один, другой и третий раз. Из нее исторгся огненный столб в человеческий рост и снова упал, затем появилось шесть огоньков, они то подымались, то опускались и, наконец, приняли образ огненного человека, который четверть часа ходил вокруг магического круга. Вскоре после того обратился тот дьявол и дух в серого монаха, вступил с Фаустом в разговор и спросил его, чего он желает. На это было желание Фауста, чтобы тот назавтра в двенадцать часов явился ему в его жилище, на что дьявол вначале не хотел согласиться, но доктор Фауст заклил его именем его господина, чтобы он исполнил его желание, что ему дух напоследок и обещал.

3

Следует прение доктора Фауста с духом

После того как доктор Фауст пришел под утро домой, приказал он духу явиться в его комнату и выслушать, что доктору Фаусту будет от него угодно. Достоин удивления, что злой дух, как только бог отвернется, может так обморочить человека. Как пословица гласит: здесь ли, там ли наконец, а сыщет черта молодец.

Доктор
Фауст
скакивает
черта
во второй
раз.

Доктор Фауст опять произвел свои волхования, снова заклил черта и предъявил ему несколько условий.

I. Во-первых, он должен быть ему подвластен и послушен во всем, что он захочет, спросит или пожелает до самой его смерти.

II. Далее, что он ни пожелал бы от него узнать, дух должен отвечать ему без утайки.

III. Также, чтобы на все его вопросы он отвечал чистую правду.

Но дух ответил ему отказом, отклонил все это по причине того, что не имеет достаточной власти, пока не даст ему на то разрешение господин, которому он подчиняется, и сказал так: «Не в моей воле и власти исполнить твое желание, любезный Фауст, но во власти адского бога». Доктор Фауст ответил на это: «Как мне понять тебя? Разве ты сам недостаточно силен?». — «Нет», — отвечал дух. Фауст снова ему говорит: «Какая же этому причина? Скажи мне, любезнейший!». — «Надобно тебе знать, — отвечал дух, — что среди нас существует точно такое же правление и владычество, как на земле. Мы имеем своих правителей и господ, и слуг, каковым я и являюсь. И зовется наше царство Легион⁷. Ибо, хотя собственная гордыня подвигла Люцифера к падению, владеет он Легионом, и ему подчинено множество демонов, составляющих его войско, и зовем мы его князем востока, ибо он властвует на восходе солнца. Также имеется княжество в зените, и на закате солнца, и в полуночи, и так как власть его и княжение распространяются также и на землю, то мы меняем свой облик, являемся к людям, служим им. Иначе, как ни пытайся человек, он

Дьявольское
правление.

со всем своим искусством не мог бы заставить служить себе Люцифера. И вот, тогда он посылает духа, как и я был послан. Хотя мы никогда не открываем человеку истинное средоточие нашего местопребывания, так же как не говорим о нашем правлении и владычестве, однако же после кончины грешного человека ему это хорошо становится известным». Доктор Фауст ужаснулся этому и сказал: «Не хочу я из-за тебя стать окайненным грешником». Дух отвечал:

Хочешь ли, нет — один ответ,
Тебе от меня спасенья нет.
В небо метишь — просишь совет,
Сам не заметишь, что выбора нет.
С сердцем отчаянным — стал неприкаянным.

Фауст сказал: «Ах, чтобы тебя падучая хватила! Убирайся вон отсюда!». Однако только дьявол хотел удалиться, как Фауст принял другое отчаянное решение. И заклял его, чтобы под вечер он снова явился к нему и выслушал, что Фауст ему предложит. Дух согласился и с этим исчез.

Доктор
Фауст
заклинает
черта
в третий
раз.

Из этого можно видеть, каково было сердце безбожного Фауста и какие помыслы он питал, и хотя дьявол ему, как говорится, наперед его песенку пропел и сказал, что его ожидает, все же Фауст коснел в своем упорстве.

4

Второе прение Фауста с духом, называемым Мефостофилем

Вечером или между тремя и четырьмя часами пополудни явился летающий дух Фаусту снова и обещался быть ему во всем подвластным и покорным, ибо ему от господина его дана такая власть, и сказал доктору Фаусту: «Я принес тебе ответ, и ты должен мне дать ответ. Только я сначала хочу слышать твое желание, ибо ты велел мне явиться к тебе об эту пору». Дал ему ответ Фауст, однако же отчаянный и губительный для его души, ибо он помышлял только о том, чтобы быть не человеком, а воплощенным дьяволом или частью его. Итак, потребовал он от дьявола следующее:

Во-первых, чтобы получил и имел он способность, форму и облик духа.

Во-вторых, чтобы дух делал все, что он пожелает и захочет от него.

В-третьих, чтобы он был ему послушен, покорен и усерден, как слуга.

В-четвертых, чтобы во всякое время, как только Фауст позовет его и прикажет, находился бы он в его доме.

В-пятых, чтобы, находясь в его доме, он незримо ведал его делами и чтобы никто его не видел, кроме самого Фауста, если только на это не будет его воли и желания.

И напоследок, что дух должен являться к нему всякий раз, как он его позовет, и в том образе, как он ему прикажет.

На эти шесть статей дух ответил Фаусту, что он ему во всем готов покориться и быть послушным, если только за это он тоже выполнит не-

сколько поставленных условий, и как только он это сделает, ему не придется больше ни о чем заботиться. И вот что это были за условия:

Третья глава
дьявола
с Фаустом.

Во-первых, он, Фауст, обещает и поклянется, что он предастся в собственности этому духу.

Во-вторых, что для большей силы он это напишет и удостоверит своею собственной кровью.

В-третьих, что всем верующим христианам он будет враждебен.

В-четвертых, что он отречется от христианской веры.

В-пятых, если кто его вновь захочет обратить, чтобы он этим не соблазнялся.

За это берется дух выполнить все желания Фауста сроком на определенное число лет. Когда же срок истечет, он явится за ним. И если Фауст эти условия выполнит, он будет иметь все, чего только душа его пожелает и захочет, и тотчас почувствует в себе способность принять вид и обличие духа. Доктор Фауст был настолько дерзок в своем высокомерии и гордыне, хотя и раздумывал с минуту, что не стал беспокоиться о блаженстве своей души, а дал свое согласие злему духу на такое дело и все условия обещался выполнить. Он думал, что не так черен дьявол, как его малюют, и не так жарок ад, как о том рассказывают, и т. п.

5

Третье собеседование доктора Фауста с духом

После того как доктор Фауст принял это обязательство, на следующий день рано утром вызвал он духа и обязал его, как только он его призовет, появляться к нему в образе и одежде францисканского монаха с колокольчиком⁸ и подавать весть, чтобы по звону он узнавал заргчее о его приходе. Спросил он потом у духа, как его имя и прозвание. Отвечал дух, что зовется он Мефостофилем.

В тот самый час отступился этот безбожный человек от своего господа и творца, сотворившего его, и стал частью окаянного дьявола. И это отступничество его есть не что иное, как его высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против бога, и за это, за его гордыню и высокомерие, прогнал его господь. Ибо кто дерзает подняться высоко, тот и падает с высоты.

Доктор
Фауст
иссыпает
договор
с чертом.

После того составляет доктор Фауст в своей наглости и дерзости договор, письменное обязательство и соглашение. Страшное и омерзительное это было дело! И бумага эта после его злополучней кончины была найдена в его доме. Это я хочу сообщить всем добрым христианам для примера и предостережения, чтобы они не давали воли дьяволу и не вредили бы своему телу и душе, как вскоре после того доктор Фауст соблазнил своего бедного фамулуса и слугу подобным дьявольским делом.

Когда обе стороны так друг с другом договорились, взял Фауст острый нож, отворил себе жилу на левой руке, и поистине говорят, что на этой руке появились запечатленные, окровавленные письма. *O Homo fuge, t. e. беги от него, человек, и будь праведным, и т. п.*

6

Доктор Фауст выпускает кровь в тигель, ставит тигель на горячие уголья и пишет, как ниже следует

Я, Иоганн Фауст, доктор, собственноручно и открыто заверяю силу этого письма. После того как я положил себе исследовать первопричины всех вещей, среди способностей, кои были мне даны и милостиво уделены свыше, подобных в моей голове не оказалось и у людей подобному я не мог научиться, посему предался я духу, посланному мне, именуемомуся Мефостофилем, слуге адского князя в странах востока, и избрал его, чтобы он меня к такому делу приготовил и научил, и сам он мне обязался во всем быть подвластным и послушным.

За это я ему со своей стороны обязался и обещаю, что он, когда пройдут и промчатся эти 24 года, волен будет, как захочет, мне приказать и меня наказать, управлять мною и вести меня по своему усмотрению и может распоряжаться всем моим добром, что бы это ни было — душа ли, тело, плоть или кровь. И так на вечные времена. С этим отрекаюсь я от всех живущих, от всего небесного воинства и от всех людей. И да будет так. Для точного свидетельства и большей силы написал я это обязательство собственной рукой, подписал его и собственной кровью разума моего и чувств моих мысли и волю сюда присоединил, заверил и запечатал и т. д.

Подписано:

Иоганн Фауст
сведущий в элементах и богословия доктор.

7

*Против доктора Фауста,
закореневшего в своих злодеяниях, стихи*

Кто обуян гордыней вдруг,
А скромность вешает на крюк,
Кто в этом черту друг,
Тот рубит под собою сук
И душу, тело, жизнь — все потеряет вдруг.

Еще:

Кто мыслит о земных благах
И вечность променял на прах,
Торгует с чертом на паях,
Душе готовит вечный страх.

Еще:

Кто упрямо зажженный огонь оставляет
Или хочет в колодезь нырнуть с головою,
Поделом ему, если он погибает⁹.

8

Дьявол
является
доктору
Фаусту.

В третьей беседе явился Фаусту его дух и фамулус совсем веселым и вел он себя так: он прошелся по дому как огненный муж, так, что от него исходили яркие огненные струи или лучи, потом послышались шум и бормотание, будто монахи пели, но никто не знал, что это было за пение. Фаусту понравилось это зрелище, но он не хотел, чтобы оно происходило в его комнате, прежде чем он увидит, что из всего этого произойдет. Вскоре после этого послышался звон копий, мечей и другого оружия, так что ему казалось, будто дом хотят взять приступом. Потом послышались голоса собак и охотников, псы травили и гнали оленя до комнаты Фауста, здесь они его уложили.

После этого появились у Фауста в комнате лев и дракон, и стали они биться друг с другом. Хотя лев отважно защищался, все же он был побежден и проглочен драконом. Фамулус доктора Фауста сказал, что сейчас он увидит крылатого змия, брюхо у него желтое, белое и пятнистое, а крылья и спина черные, половина хвоста как раковина у улитки закручена, и собою заполнил он всю комнату и т. д.

Потом видно было, как вошел красивый павлин с павою. Они стали ссориться, а потом помирились. Еще увидели — вбежал разъяренный бык доктору Фаусту навстречу. Тот немало испугался, но бык, подбежав к Фаусту, пал перед ним ниц и провалился. Затем увидели большую старую обезьяну, она подала доктору Фаусту руку, прыгнула на него, стала ласкаться и снова выбежала из дома. Потом сделался в доме густой туман, так что Фауст из-за тумана не мог ничего разглядеть. Когда же туман рассеялся, перед ним оказались два мешка, один с серебром, другой с золотом. Наконец, приятно заиграли инструменты — сперва орган, потом фисгармония, потом арфы, лютни, скрипки, литавры, флейты, гобой, трубы и другие¹⁰, каждый в четыре голоса, так что доктору Фаусту возмнилось, что он не иначе как попал на небо, а он был с чертом. Так продолжалось целый час, и Фауст так закоснел в грехе, что ему казалось, будто он и не помышлял о раскаянии. И здесь можно видеть, какие прельстительные зрелища дьявол представляет, чтобы Фауст в своем отступничестве не мог воротиться назад, более того, чтобы он еще веселее мог предаваться своему делу и думал: вот, я ничего еще злого и мерзкого не видел, но много радости и веселья.

После этого вошел дух Мефостофиль к доктору Фаусту в комнату в образе и облики монаха. Доктор Фауст сказал ему: «Чудесное ты положила начало своими делами и превращениями, и они доставили мне большую радость. Если ты думаешь так продолжать, то снабди меня всяким добром». Отвечает Мефостофиль: «О, это мне ничего не стоит. Я тебе и

в другом послужу, так что ты увидишь еще большую силу мою и искусство и все получишь, чего от меня потребуешь, как только ты собственно ручно дашь мне обязательство и соглашение». Фауст подал ему обязательство и сказал: «Вот тебе договор». Мефостофиль взял договор, и еще потребовал он от доктора Фауста, чтобы тот снял себе с него копию. И это сделал безбожный Фауст.

9

Дух служит доктору Фаусту

Когда доктор Фауст поручился злему духу своей собственной кровью и подписью в таком мерзком деле, само собой разумеется, что бог и все небесное воинство от него отступились. И с этого времени стал он действовать не как благочестивый и праведный муж, но как бес, о нем же Христос, владыка наш, возгласил, что он, вселившись в человека, обретает в нем себе убежище и приют. Дьявол вселился и стал жить у него согласно пословице: доктор Фауст накликал себе черта в гости.

Доктор Фауст занимал дом своего благочестивого дяди, и был этот дом ему оказан по завещанию. При нем же изо дня в день состоял молодой ученик, его фамулус¹¹, отчаянный негодник, по имени Кристоф Вагнер, которому эта затея тоже нравилась, потому что господин тешил его надеждой, что сделает из него многоопытного и ученого мужа; да и без того молодость всегда более склонна к злему, чем к доброму, от этого и он был таков. Итак, в доме у доктора Фауста, как сказано выше, не было никого, кроме его фамулуса и его злого духа Мефостофиля, и тот всегда сопровождал его в образе монаха; заклинал же его Фауст в своем кабинете, который с той поры он постоянно запирает на замок.

Фамулу
доктора
Фауста.

Пропитания и провизии было у Фауста с избытком. Когда хотелось ему доброго вина, приносил ему дух из подвалов вина, откуда бы ни вздумалось. Как он сам однажды признался, немало ущерба нанес он своему курфюрсту и герцогу Баварскому и епископу Зальцбургскому в их погребах. И имел он также ежедневно горячую пищу, ибо владел волшебным искусством: стоило ему только открыть окно и назвать птицу, какую ни пожелает, как она тотчас влетала к нему в окно. Равным образом приносил ему дух лучшие готовые кушанья из всех близлежащих владений — от княжеских или графских дворов, так что стол у него был прямо княжеский¹². Он и его слуга были знатно одеты, в платья, которые дух покупал или крад для них ночью в Нюрнберге, Аугсбурге или Франкфурте. А так как ночью торговцы не имеют обыкновения сидеть в лавке, то кожевники и сапожники должны были за это платиться.

Дух
заботится
о докторе
Фаусте.

Итак, все это были краденые и похищенные товары и, стало быть, пища и скарб, вполне заслуживающие уважения, а, правильнее сказать, безбожные. По слову господина нашего Иисуса Христа, который в евангелии от Иоанна называет дьявола грабителем и убийцей, каковым он и является.

И еще обещал ему дьявол, что будет ежедневно выдавать ему 25 крон, что составляет 1300 крон в год. Это и было его годовое содержание.

Доктор Фауст залотел жениться

Таким образом, доктор Фауст жил эпикурейской жизнью, день и ночь не помышляя ни о боге, ни об аде или дьяволе, решив, что душа и тело умирают вместе. И так донимали его плотские желания, что решил он вступить в брак и жениться. Спросил он тогда черта, который всегда был врагом законного брака, установленного и утвержденного богом, можно ли ему жениться. Злой дух ответил ему: что он о себе думает, не забыл ли он своего обещания? И далее: собирается ли его сдержать? Ведь он обещал враждовать с богом и всеми людьми, поэтому не должно ему вступать в брак, ибо нельзя служить двум господам — богу и ему, дьяволу. Брак же создан всевышним, а мы ему враждебны¹³. Что же касается прелюбодеяния и распутства — это мы считаем за благо. Знай же наперед, Фауст, если ты решишься жениться, мы тебя непременно разорвем на клочки. Дражайший Фауст, посуди сам, что за беспокойство, неудовольствия, вражда и ссоры вытекают из брачной жизни.

Черт
отговаривает
доктора
Фауста
жениться.

Доктор Фауст все думал да думал, как все безбожные люди, которые ничего хорошего не способны придумать и которых соблазняет и ведет за собой дьявол. Наконец, в раздумье призывает он к себе своего монаха; ведь и без того у монахов и монашек такое обыкновение — не вступать в брак, а напротив, запрещать его; так и Фаустов монах отвращал его постоянно от этого дела. Фауст ему сказал: «Будь что будет, хочу жениться!». Как только Фауст высказал это намерение, сильный порыв ветра потряс его дом, будто все готово было рухнуть. Все двери сорвались с петель, такой жар стоял в доме, словно все должно было обратиться в пепел. Доктор Фауст — давай бог ноги, по лестнице. Тут схватил его некий человек, швырнул обратно в комнату, так что тот ни рукой, ни ногой не мог двинуть. Вокруг него со всех сторон загорелся огонь, словно и сам он тут же загорится. Стал он кликать своего духа на помощь, дескать он будет во всем следовать его воле, совету и приказаниям. Тут явился ему дьявол самолчно, только таким грозным и страшным, что он не смел на него взглянуть.

И сказал ему дьявол так: «Ну, говори, какие у тебя тсперь намерения?». Доктор Фауст ответил кратко, что он не выполнил своего обещания, которое дал, только ведь раньше он не разумел этого, и просил о прощении и снисхождении. Сатана ответил ему немногими словами: «Смотри, впредь держись этого, говорю тебе: держись этого!» — и исчез.

Дьявольский
блуд

После явился ему дух Мефостофиль и сказал ему: «Если впредь ты будешь держать свое слово, я могу насытить твою похоть иным образом, так, что ты в жизни ничего другого не захочешь. Раз ты не можешь жить в целомудрии, я буду каждую ночь и каждый день приводить тебе в постель любую женщину, какую ты увидишь в этом городе или где еще, если ты пожелаешь ее по воле своей для блуда. И в этом виде и образе будет она с тобой жить».

Доктору Фаусту это так понравилось, что сердце у него затрепетало от радости, и он покаялся в том, что прежде хотел сотворить. И распался он таким бесстыдством и похотью, что день и ночь только высматривал красивых женщин, так что если нынче он предавался с дьяволом блуду, завтра уже новое имел в мыслях.

11

*Вопросы, заданные доктором Фаустом
своему духу Мефостофилю*

После того как доктор Фауст, как было сказано выше, предался с дьяволом мерзкому и ужасному блуду, дал ему дьявол большую книгу о всевозможном волшебстве и нигромантии, и ею наслаждался он наравне со своим дьявольским браком. Это Дарданово искусство обнаружили впоследствии у его прислужника Кристофа Вагнера¹⁴. Вскоре любопытство стало язвить его: вызывает он своего духа Мефостофиля, хочет с ним беседовать, говорит: «Скажи мне, слуга мой, что ты за дух?». Дух отвечал ему и сказал: «Господин мой Фауст, я дух и притом летающий дух, владычествующий в поднебесье». — «Каким же образом совершилось падение твоего господина, Люцифера?». Дух сказал: «Господин, так как государь мой Люцифер, прекрасный ангел, сотворенный богом, был блаженным созданием, то мне известно, что таких ангелов называют иерархиями, и их три: серафимы, херувимы и престольные ангелы. Первые — князья среди ангелов, правят всем небесным воинством, вторые — охраняют и оберегают людей, третьи борются и противодействуют нашим дьявольским силам и потому и прозываются могущественными и князьями среди ангелов. Также зовут их еще ангелами-чудотворцами, вестниками великих дел и ангелами-хранителями людей. Также и Люцифер был среди них одним из прекраснейших и архангелом, назывался Рафаилом, а двое других — Гавриилом и Михаилом. Вот тебе мой краткий рассказ»¹⁵.

О падении
Люцифера.

12

Прелис об аде и адской пещере

Следует сказать, что доктору Фаусту все мечталось узнать об аде, и он спрашивал об этом своего злого духа, также о сущности, местоположении и о сотворении ада, как с этим обстоит дело. Дух держал ответ. Как только свершилось падение его господина, в тот же миг был ему приготовлен ад, каковой являет тьму кромешную, где Люцифер связан цепями, отвержен и отринут и должен оставаться вплоть до суда. Там нет ничего, кроме тумана, огня, серы, смолы и других зловоний. Потому даже мы, бесы, не знаем, как выглядит ад и как он устроен, и как его господь сотворил и создал, ибо он не имеет ни конца, ни краю. И это тебе мой краткий рассказ.

*Другой вопрос доктора Фауста о дьявольском правлении
и властях*

Дух должен был также доложить Фаусту о жилище дьяволов, их правлении и власти. Дух отвечал и сказал: «Господин мой Фауст. Ад и адская область и есть для всех нас место жительства и пребывания, она вмещает в себя столько же, сколько весь мир. Над адом и над миром, до самого неба, есть десять правителей и княжеств, которые являются среди нас начальниками и самыми могучими, а именно:

1. Lacus mortis	6. Gehenna
2. Stagnum ignis	7. Herebus
3. Terra tenebrosa	8. Barathrum
4. Tartarus	9. Styx
5. Terra oblivionis	10. Acheron.

«В нем правят дьяволы по имени Флегетон. Из них четыре правителя облечены княжеской властью: это Люцифер на востоке, Вельзевул на севере, Велиал на юге и Астарот на западе. И это княжение пребудет до божьего суда. Вот тебе рассказ о нашем воинстве»¹⁶.

Вопрос, в каком образе пребывают падшие ангелы

Доктор Фауст начал новую беседу со своим духом. Тот должен был сказать ему, в каком образе сиял своим убранством и обретался на небе его господин. На этот раз дух испросил три дня отсрочки. На третий день дал ему дух такой ответ: «Господин мой Люцифер, который и ныне так называется, потому что отпал он от пресветлого неба¹⁷, прежде тоже был божьим ангелом и херувимом и созерцал в небе все творения и создания божьи. И был он в таком убранстве, образе, пышности, достоинстве, чине и обиталище, что сидел превыше всех господних творений, выше золота и драгоценных камней, так, что затмевал собою сияние солнца и звезд. Ибо, когда господь его сотворил, вознес он его на гору господню и облачил княжеским саном, так что во всех своих делах и помыслах он был совершенен. Однако скоро впал он в надменность и высокомерие и замыслил возвыситься над востоком, и был тогда он господом исторгнут из небесного жилища и низвергнут со своего трона в огненную пропасть, которая не погаснет во веки веков, но вечно разгорается. Он был украшен венцом всего небесного великолепия. И так как он выступил против бога с таким дерзким умыслом, воссел господь на свой трон, где он творил суд, и проклял его и осудил пребывать в преисподней, откуда он не изыдет во веки веков».

Когда Фауст услышал от своего духа о таких вещах, стал он раздумывать и сделал отсюда некоторые предположения и выводы. Молча покинул он духа, пошел в свою комнату, лег на постель, начал горько пла-

коть и вздыхать, и сердце его возопило. Увидел он из этого рассказа, как ^{Доктор Фауст раскрывает} был чудесно взыскан господом дьявол и падший ангел, так что, не будь он надменен и враждебен богу, он мог бы навсегда сохранить свое небесное существо и жилище, теперь же он отвергнут богом навеки. И сказал Фауст: «О, горе мне горькое, также придется и мне, ибо и я — создание божие, и мои дерзкие плоть и кровь стали проклятием для души и тела, соблазнили мои чувства и разум, так что я, творение божие, отрекся от создателя и дал дьяволу уговорить себя и предался и продался ему телом и душой. Потому нет у меня более надежды на милосердие, но подобно Люциферу и я буду подвергнут проклятию и вечным мукам. Ах, горькое горе! Кого мне винить, кроме себя? О, если бы я никогда не родился!».

Так жаловался Фауст, но не хотел он обрести веру и надежду, что покаянием он мог бы снискать милосердие божие. Ибо если бы он подумал: «Ну, теперь меня черт так разукрасил, что мне небо с овчинку покажется. Давай-ка я вновь обращаюсь, стану просить господя о милости и прощении, не сотворю больше зла» (это ведь великое покаяние), — если бы после этого пошел в церковь, в общину Христову, последовал святой вере, тем самым стал бороться с дьяволом, пусть даже ему пришлось бы оставить тело, то все же душа его была бы спасена. Но во всех своих мыслях и суждениях он сомневался, не имел веры и ни на что не надеялся¹⁸.

15

*Доктор Фауст беседует со своим дулом Мефостофилом
о могуществе дьявола*

После того как отлегло несколько у Фауста на душе, он спросил своего духа Мефостофиля о правлении, совете, силе, натиске, искушениях и владычестве дьявола и как он этого достиг. На это дух отвечал: «Эта беседа и тот вопрос, который я должен тебе разъяснить, ввергнут тебя, господин мой Фауст, в раздумье и недовольство. К тому же тебе не следовало бы о том меня испытывать, так как дело это касается наших тайностей. И хотя не должен я эту тайну нарушить, все же узнай, что как только падший ангел стал врагом господу и всем людям, стал он учинять над людьми всевозможные тиранства, как это и по сию пору ясно видно: одного сражает смерть, другого он заставляет самого повеситься, утопиться или удавиться, третьего закалывают, кто впадает в отчаяние и тому подобное. Кроме того, как известно, когда господь создал первого человека совершенным, то дьявол, завидя ему, стал его искушать и ввергнул Адама и Еву со всем их потомством во грех и немилость господню. Это, дражайший Фауст, примеры натиска и тиранства Сатаны. То же сотворил он с Каином и сделал так, что народ израильский поклонялся чужим богам, приносил им жертвы и предавался блуду с языческими женами. Был также дух, который овладел Саулом, помутил его разум и побудил его наложить на себя руки. Есть еще дух, называемый Асмодем¹⁹. Он умертвил семерых мужей в то время, как они занимались распутством. Таков дух Дагон²⁰, который предал уничтожению 30 000 людей, и они были

убиты, а ковчег со скрижалями господними попал в руки врага. И еще Велиал²¹ побудил Давида, чтобы он начал считать свой народ, и тогда погибло 60 000 человек. Так же поступил один наш дух с царем Соломоном, побудив его к идолопоклонству, и т. д.

«Итак, нет числа нашим духам, кои приступают к людям, побуждают и приводят их к грехам. Мы рассеиваемся по всему свету, пользуемся всяческой хитростью и коварством, отвращаем людей от веры и влечем их к грехам и вооружаемся, как только можем. Мы, противники Иисуса, преследуем его приверженцев до самой смерти, овладеваем сердцами царей и князей мира, поднимаем их против учения Христа и его учеников²². И это можешь ты, господин мой Фауст, увидеть на себе».

Доктор Фауст сказал ему: «Выходит, что ты и мной овладел, скажи мне, любезнейший, правду». Дух ему ответил: «Отчего же? Конечно! Ибо, как только мы узрели в твоём сердце, что за мысли ты лелеешь и что для этих своих предприятий и дел некого больше тебе использовать, кроме дьявола, то еще более дерзостными и отчаянными сделали мы твои мысли и искания и такими жадными, что ни днем, ни ночью ты не имел покоя, но все твое рвение и помыслы были о том, как бы применить колдовство. И когда ты закланал нас, сделали мы тебя таким дерзким и отчаянным, что ты готов был лучше предаться черту, нежели отступить от своего дела. После этого еще больше придали тебе бодрости и вложили тебе в сердце такое желание, что ты уже не мог отступить от своего намерения призвать к себе духа на помощь. Наконец, настолько мы тебя одолели, что ты предался нам душою и телом, и все это ты, Фауст, можешь на себе увидеть».

«Понистине, — сказал доктор Фауст, — теперь я ничего уже не поделаю. Сам себя связал. Если бы была у меня благочестивые помыслы и я бы обращался с мольбой к богу и не подпустил к себе черта так близко, не приключилось бы такого несчастья моей душе и телу. Ах, что я наделал!».

И дух ему отвечал: «Разочти сам». И доктор Фауст ушел от него в печали.

16

*Пренис о присподней, называемой гсенной,
как она была сотворена и образована,
а также о муках адских*

Доктор Фауст все же раскаивался в сердце своем и постоянно раздумывал о том, что за грех он взял на себя, пожертвовав блаженством своей души и связавшись с дьяволом ради временных благ. Но его раскаяние было раскаянием и покаянием Каина и Иуды, ибо хотя и раскаивался он в сердце своем, но отчаялся в милосердии божием, и казалось ему невозможным вернуть себе милость божию. Уподобился он Каину, который точно так же отчаялся, полагая, что грехи его больше чем можно ему простить; так же было и с Иудою и т. д. И доктор Фауст думал так же; все смотрел он в небо, но ничего не мог там разглядеть. Все ему мечталось, как го-

взорится, о черте или об аде; это значит, он думал о том, что содеял, и казалось ему, что частыми беседами, вопросами и прениями с духом удастся ему когда-нибудь достигнуть исправления, раскаяния и воздержания от зла. Однако напрасно, ибо дьявол слишком цепко его держал.

После этого снова затеял Фауст разговор и прение с духом (ибо ему опять подумалось об аде). Стал он спрашивать духа, что есть ад. Во-вторых, как ад сотворен и устроен. В-третьих, что за муки и терзания ждут осужденных в чистилище. В-четвертых и в-последних, может ли осужденный вновь возвратиться себе милость Божию и избавиться от адских мук.

Дух не дал ему ответа ни на один вопрос и сказал: «Господин мой Фауст, лучше тебе оставить твои вопросы и разговоры относительно ада и его порядков. Чего ты хочешь, любезнейший? Если бы ты и впрямь мог подняться в рай, я бы снова низверг тебя в преисподнюю, ибо ты мой и тут твое место. Потому-то, любезнейший Фауст, прекрати спрашивать меня об аде и поверь мне, если я тебе обо всем этом расскажу, ты будешь повергнут в такое раскаяние, сетование, раздумье и горе, что пожалеешь сам, зачем задавал мне вопросы, а потому мое мнение, что лучше тебе о том не спрашивать».

Доктор Фауст сказал: «И все же я хочу знать, или мне не жить. Ты должен мне все открыть».

«Так и быть, — говорит дух, — я скажу тебе, мне-то мало горя от этого. Ты хочешь знать, что есть ад? Ад имеет много имен и значений²³. Называют его «алчущий» и «жаждущий», ибо человеку ничем в нем ни утолить жажду, ни насытиться. Еще поистине говорят, что геенною зовется долина неподалеку от Иерусалима²⁴. Ад такой же глубины и ширины, как эта долина, так что Иерусалим, трон небесный, где обитают жители небесного Иерусалима, расположен от него так далеко, что грешники осуждены вечно находиться в бесплодной долине и никогда не смогут достигнуть вершины града Иерусалима. Также ад можно назвать местом столь обширным, что грешники, которые там обретаются, не видят ему конца. Также зовется он пеклом, ибо все, что туда попадает, должно пылать и гореть подобно камню в огненной печи, ибо хотя камень и раскаляется в печи, но не сгорает и не испепеляется, а становится только тверже. Так и душа грешника будет вечно гореть, и все же пламя не испепелит ее, только более жестокими муками станет она терзаться. Называется ад еще мукой вечной, и нет ей начала, нет надежды и нет конца. Зовется он мраком темницы, где нельзя увидеть ни великолепия божьего, ни света, ни солнца и ни луны, и если бы там был свет или сияние, хотя бы как у вас в глухую темную ночь, тогда бы еще оставалась надежда на свет. Есть в аду пропасть, называемая Chasma, как от землетрясения, когда сотрясается земля, тогда образуется такая бездонная пропасть, и кажется, будто из недр этой пропасти вырываются ветры. Ад называют также Petra — утес, и он предстает в разных видах, как Saxum, Scopulus, Rupes или Cautes²⁵. Таков ад. Далее, ад укреплен таким образом, что вокруг него нет ни земли, ни камней, как у утеса, но как господь укрепил небо, так создал он и дно ада, твердое, остроконечное и каменистое, подобное вершине

Что
есть ад.

скалы. Называют его Carcer — узилище, где грешники осуждены быть в вечном плену. Еще называется он Damnatio — проклятие, ибо души в аду, как в темнице, прокляты и осуждены на вечное заточение, и, как на гласном суде, произносится приговор виновнику и злодею. Называют ад также Pernicies и Exitium — погибелью, ибо душа терпит здесь такой ущерб, который длится вечность. Также зовется он Confutatio, Damnatio, Condemnatio — проклятие, осуждение и другими подобными именами, местом отверженных, где человек повержен в такую пропасть и бездну, как если бы он взобрался на высокий утес или гору и взглянул сверху вниз в долину, и голова у него пошла кругом. Но отчаявшийся человек идет туда не затем, чтобы взглянуть на местность, но чем выше он подымается, тем более жаждет броситься с кручи и тем глубже его падение; то же совершается с погибшими душами, брошенными в адскую бездну: чем греховнее душа, тем глубже должна она упасть. Далее, ад так устроен, что невозможно себе это измыслить и представить. Свой гнев господь вложил в такое место, которое стало тюрьмою и узилищем для грешников, потому-то оно имеет много имен, как-то: жилище срама, пасть пожирающих, жерло, пропасть, адская глубина, где души грешников должны не только обретаться в терзаниях и муках вечного пламени, но терпеть срам, поношение и позор от бога и его святых, за то что осуждены обретаться в этом жерле и пасти пожирающей. Ибо ад и есть такая пасть, которая никогда не насыщается, но жаждет поглотить и души праведные, чтобы и они сошлись и погибли.

«Вот, доктор Фауст, то, что ты должен узнать, ибо ты этого пожелал. И запомни, что преисподняя есть преисподняя смерти, зной пламени, тьма земли, забвение всех благ, о конце которой не озоботился господь. В ней страдания и муки, и вечный неугасимый огонь; жилище всех адских драконов, гадов и мерзких насекомых; обиталище падших дьяволов, полное зловонной воды, серы, смолы и расплавленного металла. И это тебе мой первый и второй ответ.

«В-третьих, ты понуждаешь меня и желаешь, чтобы я тебе сообщил, какие страдания и муки испытывают или будут испытывать осужденные в аду. В таком случае, господин мой Фауст, ты должен заглянуть в писание, ибо от меня это сокрыто. Однако насколько ужасно выгладит преисподняя, настолько же невыносимы ее муки и пытки. Об этом я хочу тебе сообщить. И грешникам приходится так, как я тебе уже подробно об этом рассказывал. Ибо поистине говорю тебе: ад, чрево женщины и земля насытны²⁶. Так и здесь нет ни конца, ни исхода. Будут они содрогаться и стенать о своих прегрешениях и зле, также и о проклятом адском ужасе и зловонии, препонах и слабости, воплях и стенаниях. И будут они взывать к господу, с мольбами и трепетом, робостью, громкими криками, в тоске и в печали, с воем и стоном. Ибо не должны ли они кричать громким голосом, трепетать и содрогаться, когда все создания и твари божии ополчатся против них, и будут они терпеть вечное поношение, а блаженным будут уготованы вечный почет и веселие? И страдание и мука одних будут много тяжелей и суровой других, ибо неравны их грехи и неравны также

кары. Будут грешники жаловаться на невыносимый холод, на неугасимый огонь, на непереносимый мрак, зловоние, на вечные побои, на дьявольские лица, на то, что отчаялись во всем добром. Будут они молить со слезами на глазах, со скрежетом зубовым, задыхаясь от смрада, со стенаньями в голосе, шумом оглушающим в ушах, трепетом рук и ног. От великой боли будут они пожирать собственный язык, будут просить себе смерти, охотно соглашаясь умереть, но не смогут они умереть, ибо смерть будет бежать их, а муки их и пытки станут день ото дня тяжелее и больше. Вот тебе, господин мой Фауст, ответ на третий вопрос, и согласуется он с первым и вторым.

«В-четвертых и в-последних, хочешь ты иметь от меня ответ на вопрос, который относится к богу: смилуется ли господь над осужденными на адские муки. Как бы это ни было, чтобы дать ответ на твой вопрос, я хочу сперва ознакомиться тебя с адом и его сущностью, сообщить тебе, как он был создан гневом господним, и потом посмотреть, не можем ли мы на этом построить некоторые положения. Хотя, дражайший Фауст, это будет противоречить твоему обету и клятвенному обещанию, все же тебе будет дан ответ. Ты спрашиваешь напоследок, могут ли грешники вновь снискать милость божию? На это я отвечаю: НЕТ²⁷. Ибо все те, кто обретаются в аду, кого отринул господь, там навеки останутся и пребудут в гневном господнем и немилости, там, где нет навсегда никакой надежды. А если бы они могли снискать милость божию, как мы, духи, на это все время рассчитываем и надеемся, тогда бы они возрадовались и вздохнули об этой минуте. Но столь же мало, как бесы в аду могут надеяться в своем падении и несчастье на милосердие божие, столь же мало могут надеяться и грешники. Ибо здесь не на что надеяться. Их мольбы, вопли и вздохи не будут услышаны, и их пробужденная совесть будет наносить им удары в лицо. Император, король, князь, граф или другие правители будут сокрушаться: ах, если бы они не тиранствовали и здесь на земле не давали волю своим прихотям, тогда бы могли они снискать милосердие божие! Богач будет говорить: если бы он не был скупцом, щеголь — если бы он не предавался роскоши, прелюбодей и развратник — если бы он не творил прелюбодеяние, блуд и непотребство; пьяница, чревоугодник, игрок, богохульник, клятвопреступник, вор, грабитель, убийца и подобные им будут помышлять: о, если бы я не наполнял каждый день свое чрево едой и питьем, предаваясь излишествам, сладострастию и жадности, если бы я не богохульствовал, не нарушал присягу, не крал, не грабил, не убивал и не совершал подобных грехов, тогда я мог бы надеяться на прощение; но грехи мои перешли меру того, что может быть мне отпущено, поэтому я вполне заслужил эту адскую кару и муку и не могу надеяться снискать милость божию.

«Потому-то, господин мой Фауст, должен ты знать, что осужденным нечего ждать, что придет время или срок их избавления от этих мучений. Если бы была у них надежда хотя бы каждый день черпать в море по одной капле, пока море не высохнет, или насыпать гору песку вышиною до самого неба и носила бы птичка²⁸ с этой горы в год одну песчинку величи-

ной с горошину и была бы у них надежда, что расточится эта гора и будут они прощены, и тогда бы радовались они этому. Но нет надежды, что бог о них вспомнит и смиляется над ними. Нет, они будут лежать в аду, как мертвые кости, смерть и совесть будут их грызть, и пылая их вера, с которой они тогда впервые обратятся к богу, не будет услышана и вспомянута. О, если бы мог ты обретаться в аду до той поры, пока все горы до одной рухнут и сойдут со своих мест, пока все камни в море высохнут! Но легче слону или верблюду пройти через игольное ушко и все дождевые капли пересчитать, чем получить надежду на прощение.

«Итак, короче, господин мой Фауст, вот тебе мой четвертый и последний ответ. И знай, если ты в другой раз спросишь меня о подобных вещах, я не стану тебя слушать, ибо я не обязан тебе говорить о подобном. Я оставь меня с такими вопросами и рассуждениями в покое».

На этот раз пошел доктор Фауст от своего духа в полной меланхолии, и был он в сильном замешательстве и сомнении. Сегодня решал он одно, завтра другое, думал об этих вещах день и ночь, но не мог прийти к твердому решению, ибо, как сказано выше, слишком крепко дьявол им завладел, слишком он закоснел, слишком слепо предался он дьяволу. К тому же, когда он остался один и захотел размыслить над священным писанием, принял дьявол личину красивой женщины, стал его обнимать и творить с ним всякое непотребство, так что вскоре забыл он божественное слово и развеял его по ветру и укрепился в своих злых помыслах.

17

Другой вопрос, о котором Фауст беседовал с духом

Доктор Фауст снова призвал своего духа и пожелал задать ему еще один вопрос, чтобы он и на этот раз удовлетворил его желание. Духу это пришлось очень не по вкусу, однако на этот раз решил он ему повиноваться. Когда он прежде говорил ему о том, дух наотрез отказывался, теперь же явился он снова и решил удовлетворить его желание, но уже в последний раз. «Ну, что же ты хочешь от меня?» — сказал он Фаусту. «Я хочу, — сказал Фауст, — услышать ответ на мой вопрос, а именно: если бы ты сам был на моем месте, был человеком, сотворенным богом, что бы ты стал делать, чтобы быть приятным богу и людям?».

Дух усмехнулся и сказал: «Господин мой Фауст, если бы я был сотворен человеком, как ты, я бы склонялся перед богом, откуда во мне было бы дыхание человеческое, и старался не возбудить прегнев себя гнева божьего. Я следовал бы сколь возможно его учению, закону и заповедям, призывал бы и прославлял его, хвалил и возносил, чтобы быть господу угодным и любезным, и знал бы, что после своей кончины достигну вечного блаженства, славы и великолепия».

На это доктор Фауст сказал: «Я, однако же, этого не делал».

— Поистине ты этого не делал, — сказал дух, — но отступился от своего создателя, который тебя сотворил, дал тебе язык, зрение и слух, чтобы ты разумел его волю и стремился к вечному блаженству. От него ты от-

рекса, ты употребил во зло дивный дар твоего разума, ты отказался от бога и от всех людей, и в этом тебе некого винить, как только свои дерзкие и гордые помыслы, ради которых ты потерял лучшее свое сокровище и драгоценность — царство божие.

— Да, — сказал доктор Фауст, — увы, это так! Однако хочешь ли ты, Мефостофиль, быть на моем месте человеком?

— Да, — отвечал дух со вздохом, — и не стал бы с тобою о том препираться, ибо если бы я согрешил против бога, то мне поддержкой было бы сio милосердие.

Доктор Фауст ему отвечал:

— Так и мне еще не поздно было бы исправиться.

— Да, — сказал дух, — если бы ты еще мог от своих черных грехов обратиться к милосердию божьему. Но теперь уже поздно. И божий гнев лег на тебя.

— Оставь меня в покое, — сказал доктор Фауст духу.

— Так и ты меня оставь в покое с твоими расспросами, — отвечал дух.

Теперь следует вторая часть этой истории о приключениях Фауста и других вещах

18

Когда доктор Фауст не мог больше получать от духа ответы на вопросы о божественном, пришлось ему поневоле от этого отступить, и принялся он делать календарь. К этому времени стал он хорошим астрономом или астрологом, человеком ученым и искусным, наученным своим духом читать по звездам и составлять предсказания погоды, и, как известно многим, все, что он написал, снискало ему похвалы среди математиков. Также были правильны все его предсказания, которые он посвящал знатым господам и князьям, ибо он следовал словам и откровениям своего духа относительно будущих вещей и событий, которые всегда оправдывались. Его календари и альманахи заслужили похвалы перед другими, потому что если он вносил что-нибудь в календарь, так и случалось: если он писал, что будет туман, ветер, снег, дождь, тепло, гроза, град и т. п., так оно и бывало. С его календарями никогда не бывало, как у некоторых неопытных астрологов, которые зимой всегда предсказывают холод, мороз или снег, а летом, в самые жаркие дни — тепло, гром или сильные грозы. В своих предсказаниях он точно отмечал часы и время, когда что-либо должно было случиться. И особо предупреждал он каждого правителя о грядущих бедах: одного — если грозил недород, другого — если готовилась война, третьего — если приходил мор²⁹.

Доктор Фауст занимается астрологией и делает календарь.

19

*Вопрос или прение об искусстве астрономии
или астрологии*

После того как Фауст два года составлял свои календари и предсказания, спросил он своего духа о том, как обстоит дело с астрономией или астрологией, которой обычно занимаются математики.

Дух отвечал ему и сказал: «С этим делом обстоит так, что все звездочеты и астрономы ничего особенного предсказать не могут, ибо все это — сокровенные вещи, сотворенные богом, которые люди не могут познать и исследовать, как это можем мы, духи, парящие в воздухе и поднебесье. Ибо мы — старые духи, искушенные в движении небесных светил. Я мог бы тебе, господин мой Фауст, составить календарь и предсказания или гороскоп год за годом на вечные времена, и, как ты сам видишь, я еще тебе никогда не лгал. Правда, древние, те что жили по 500 или 600 лет, научились искусству этому и овладели им в совершенстве, ибо за столько лет заканчивается великий год³⁰; поэтому они могут изъяснять знамения и кометы. А все молодые и неопытные астрологи пишут свои предсказания, как кому на ум взбредет».

20

О зиме и лете

Показалось Фаусту непонятным, каким образом бог сотворил в этом мире зиму и лето. Вот и стал он спрашивать духа, откуда зима и лето берут свое начало. Дух на это отвечал кратко: «Господин мой Фауст, разве ты сам, как физик, по солнцу понять этого не можешь? Знай же, что на небе, от луны до звезд, все пылает огнем, земля же, напротив, холодная и остывшая. И вот, чем ближе к земле светит солнце, тем становится жарче. В этом причина лета. А когда солнце стоит далеко, становится холодно и наступает зима»³¹.

21

О движении неба, его красе и происхождении

Доктор Фауст, как сказано, не должен был более спрашивать духа о небесных и божественных вещах. Это его огорчало; день и ночь только и помышлял он, какой бы найти предлог и подходящую причину, чтобы расспросить о том, что господь сотворил и что установил. Он уже не спрашивал о блаженных душах, об ангелах и о муках адовых, ибо знал, что в этом деле не может ожидать от духа послушания. И приходилось ему придумывать такое, что, казалось ему, легче будет получить. Поэтому стал он расспрашивать духа под предлогом, будто это надобно знать физикам в их занятиях астрономией или астрологией. И обратился к духу со следующим вопросом, а именно о движении неба, его красе и происхождении. Об этом должен был он ему рассказать.

«Господин мой Фауст, — отвечал дух, — бог, который создал тебя, создал также и мир и все стихии под небесами, ибо сперва бог сотворил небо из лона вод и, отделив воды от вод, назвал небо твердью небесной. Таким образом, небо кругло, выпукло, подвижно, создано и образовано из воды, так же крепко крепостью, как хрусталь, и имеет сверху такой же вид, как хрусталь, на нем укреплены звезды, и благодаря этой округлости неба поделен свет на четыре части, именно — восход, закат, полдень и полночь. И так быстро движется небо, что земля разбилась бы вдребезги, если бы этому не препятствовало движение планет. Небо также сотворено с помощью огня, и если бы облака не охлаждали его своей влагой, то от огня его или жара воспламенились бы все внизу находящиеся стихии. Внутри небесной тверди, там, где помещаются небесные созвездия, находятся семь планет, каковыи суть: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна. И все небеса движутся, только огненное небо остается неподвижным. И мир также поделен на четыре части, каковыи суть: огонь, воздух, земля и вода. От них все сферы и все творения берут свое начало, и каждое из небес заимствует свою материю и свойства. А именно: верхнее небо — огненное, среднее и нижнее светлы как воздух. Одно небо светится, а среднее и нижнее прозрачны как воздух. В верхнем небе теплота и свет проистекают от близости солнца, а в нижнем небе от отражения его блеска, от земли. Там же, куда не заходит его блеск, стоит холод и мрак. В этом мрачном воздухе обитаем мы, духи и бесы, и ввергнуты мы в этот мрачный воздух. В этом мрачном воздухе, где мы обитаем, бушевание, гром, молния, град, снег и тому подобное; поэтому мы можем знать во всякое время года, какая будет погода. Итак, небо состоит из двенадцати сфер, которые окружают землю и воду, и все они могут быть названы небесами».

И дух также рассказал о том, как одна планета вслед за другою правит, и на сколько градусов каждая планета подымается над другими ³².

22

*Доктор Фауст спрашивает о том, как бог создал мир,
и о том, как впервые был создан человек,
на что ему дух по своему обычаю дает живой ответ*

К опечаленному и сокрушенному доктору Фаусту явился его дух, стал его утешать и спрашивать, что за тоска и печаль его гнетут. Доктор Фауст ничего ему не ответил, так что дух ревностно к нему приступился, желая, чтобы Фауст поведал ему свою заботу, тогда он по возможности ему поможет. Доктор Фауст ответил: «Взял я тебя в слуги, и служба твоя мне дорого обходится, а между тем не могу добиться, чтобы ты поступал по моей воле, как подобает слуге».

Дух сказал: «Господин мой Фауст, ты знаешь, что я тебе еще никогда не перечил, но часто, даже когда я не обязан был отвечать на твои вопросы, все же и тогда поступал согласно твоему желанию. Скажи же мне, господин мой Фауст, что твоей душе угодно?».

Дьявол,
ты лжешь,
божье
слово
учит
иначе.

При этих словах отлегло у доктора Фауста от сердца, и тогда попросил доктор Фауст: пусть дух ему расскажет, как бог сотворил мир и как был сотворен человек. На это дух дал Фаусту безбожный и лживый ответ и сказал так: «Мир, мой Фауст, никогда не рождался и никогда не умрет. И род человеческий был здесь от века, так что не было у него начала. Земля же сама собой родилась, а море от земли отделилось. И так мирно и полюбовно, словно они могли говорить друг с другом. Суша попросила у моря во владенье поля, луга, леса и траву или листву, а вода — рыб и все, что в воде находится. Богу они предоставили создать только людей и небо, так что люди в конечном счете должны быть подвластны богу. Из этой силы развились четыре силы: воздух, огонь, вода и земля. Иначе и короче я не могу тебе рассказать».

Доктор Фауст задумался над этим и никак не мог взять в толк. Когда он читал 1-ю главу Бытия, Моисей об этом иначе говорил, но Фауст не стал много возражать³³.

23

*Как все адские души явились к доктору Фаусту
в своем подлинном образе
и среди них семеро самых главных*

Князь и прямой повелитель доктора Фауста явился к нему, пожелав его навестить. Доктор Фауст немало был напуган его страшным видом. Ибо, невзирая на то, что стояло лето, от дьявола несло таким холодом, что доктор Фауст думал — он замерзнет. Дьявол, назвавший себя Велиалом, сказал: — Доктор Фауст, в полночь, когда ты проснулся, я прочел твои мысли, а именно, что ты пожелал видеть наиглавнейших адских духов; так вот я явился с моими самыми именитыми советниками и слугами, чтобы ты, согласно своему желанию, поглядел на них.

— Вот хорошо! — говорит Фауст. — Где же они?

— За дверью, — отвечает ему Велиал.

А Велиал явился к доктору Фаусту в обличье косматого, черного как уголь медведя, только уши его стояли торчком и были, как и морда, огненно-красного цвета. Были у него как снег белые длинные клыки, длинный хвост, локтей около трех, а на шее имел он три раскрытых крыла. Тогда в комнату к доктору Фаусту стали входить духи, один за другим, ибо все вместе они не могли поместиться, а Велиал указывал доктору Фаусту по очереди, кто они были и как звались. Вначале вошло семь именитых духов, как-то Люцифер, доктора Фауста прямой повелитель, которому он продался. Он был ростом с человека, волосат и космат, мастью как рыжая белка, и хвост торчком как у белки. Засим Вельзевул. У того были волосы тельного цвета и голова как у быка с двумя страшными ушами, тоже волосатый и косматый, с двумя большими крыльями, колючими, как чертополох в поле, наполовину белыми, наполовину зелеными, а из-под крыльев огненные языки вырываются; хвост же у него, что у коровы. Астарот, тот явился в образе дракона и так вошел прямо на хвосте. Ног у него не было, хвост окрашен как у ящерицы, брюхо толстое, спереди

две короткие лапы, совсем желтые, а брюхо изжелта-белое, спина коричневая, как каштан, на ней острые иглы и щетина в палец длиною, как у ежа. После того вошел Сатана, седой как лунь, косматый. У него была ослиная голова, а хвост кошачий и когти в локоть длиной. Анубис, тот имел собачью голову, черную с белым: на черном — белые крапины, а на белом — черные. Кроме того, у него были ноги и отвислые уши, как у собаки, и был он ростом в четыре локтя. После него вошел Дификанус, высотой с локоть, видом как птица или куропатка, только шея зеленая с переливом. Последний был Дракус — на четырех коротких лапах, желтых и зеленых, сверху коричневый, весь как синее пламя, а хвост красноватый³⁴. Эти семеро вместе с Велиалом, который ими хороводил, были, как сказано, расцвечены разными красками. Остальные явились также в образах неразумных зверей — как свиньи, серны, олени, медведи, волки, обезьяны, бобры, буйволы, козлы, вепри, ослы и т. д. и т. п. В таких образах и в такой раскраске явились они к нему, а некоторым из них пришлось остаться за дверьми его покоев.

Доктор Фауст немало дивился этому и спросил семерых стоящих вокруг него, почему они не приняли другого обличья. Они отвечали ему и сказали, что в аду они не могут менять своего вида, и остаются адскими зверьми и гадами, хотя выглядят они там страшнее и отвратительнее, чем здесь. Однако же могут они принимать человеческий образ и повадки, как захотят. Фауст сказал на это, что будет довольно, если они семеро тут останутся, а остальных попросил убраться. Так и стало. После этого Фауст пожелал, чтобы они показали ему свое уменье, и на это они согласились.

И так, один за другим, как они это прежде делали, они обернулись в различных зверей, а также в больших птиц, змей, ползучих гадов, двуногих и четвероногих. Это весьма понравилось Фаусту, и он спросил, не может ли и он сделать так же. Они отвечали, что может, и бросили ему магическую книжечку: пусть испробует свое уменье, что он и сделал.

Когда они хотели удалиться, он спросил их, кто создал насекомых. ^{Кто создал насекомых.} Они же сказали: «После грехопадения человека расплодился насекомые во вред и на мучения человеку. Мы так же легко можем обращаться в различных насекомых, как и в других животных». Доктор Фауст рассмеялся и пожелал это увидеть, что и произошло. Они исчезли с его глаз, и тут вдруг в покоях доктора Фауста и в его комнате появились всевозможные насекомые, как-то: муравьи, пиявки, слепни, сверчки, саранча и т. д., так что весь его дом наполнился насекомыми. Особенно был он разгневан, раздосадован и обозлен, что некоторые из этих насекомых стали причинять ему всяческие мучения. муравьи мочились на него, пчелы жалили его, мухи ползали по лицу, блохи кусали, шершни налетали на него так, что он должен был защищаться, вши кусали его в голове и под рубашкой, пауки взбирались на него, гусеницы ползали по его телу, осы жалили его. И так они измучили его, что он, наконец, воскликнул: «Видно, все вы существе дьяволята!». От всего этого не мог Фауст высидеть в комнате. Как только он выскочил прочь, не стало больше ни его мучений, ни насекомых. Те и другие сразу исчезли.

Как доктор Фауст совершил путешествие в ад

Пошел уже восьмой год положенного доктору Фаусту срока, и дни его шли друг за дружкой к цели. Большую часть своего времени занимался он исследованиями, учением, расспросами и диспутами. Между тем стала ему мерещиться или страшить его преисподняя. Поэтому он потребовал от своего слуги, духа Мефостофиля, чтобы тот вызвал к нему господ своих — Велиала или Люцифера. Те, однако, послали ему беса, который сообщил ему, что в поднебесной зовется он Вельзевулом, и спросил Фауста, каково его желание или стремление. Фауст сказал: не может ли он сделать так, чтобы дух ввел его в преисподнюю и снова вывел, чтобы он мог увидеть и постигнуть свойства, основания и качества преисподней, а также ее сущность? «Хорошо, — отвечал ему Вельзевул, — в полночь я приду и возьму тебя». Когда настала ночь, темная, хоть глаз выколи, явился ему Вельзевул, на спине у него было сидение, сделанное из костей и со всех сторон закрытое. В него сел доктор Фауст и отправился в путь. Теперь послушайте, как дьявол ослепил Фауста, обморочил его так, что тот и не мыслил иначе, как если бы он побывал в аду. Он поднялся с ним на воздух, и от этого Фауст заснул, будто он сидел в теплой воде или ванне. Вскоре после этого поднялся он на высокую гору, подобную большому острову, откуда вырывались сера, смола и огненные языки с таким неистовством и грохотом, что доктор Фауст от этого проснулся, а дьявольский змей ринулся в эту пропасть вместе с доктором Фаустом. И хотя Фауст сильно загорелся, но не почувствовал ни жары, ни ожога, только ветерок, как весною или в мае. Потом услышал также различные инструменты, звуки которых были весьма приятны, но как ни ярко было пламя, не мог он разглядеть ни одного инструмента или понять, как они были устроены. При этом он не должен был спрашивать, что творится, ибо ему было наперед строго запрещено говорить и задавать вопросы. Между тем к дьявольскому змею или Вельзевулу подлетели еще трое в таком же обличье. Когда доктор Фауст еще глубже погрузился в пропасть, а трое названных летели впереди Вельзевула, повстречался доктору Фаусту огромный крылатый олень с большими ветвистыми рогами и хотел сбросить доктора Фауста в пропасть, что его очень испугало. Однако трое впереди летевших гадов прогнали оленя. Когда доктор Фауст еще глубже спустился в расщелину, он ничего не мог разглядеть, кроме множества насекомых и змей, которые роились вокруг. Змеи же были несказанной величины. Но на помощь ему пришли крылатые медведи, они стали бороться и сражаться со змеями и победили их, так что он невредимо и благополучно миновал их. Спустившись еще несколько ниже, он увидел огромного крылатого сына, выходящего из каких-то древних ворот или из ямы. Разъяренный, он с ревом кинулся на доктора Фауста и так сильно толкнул его сидение, что оно перевернулось вместе с Фаустом и его змеем. Полетел доктор Фауст с сидения своего в пропасть все глубже и глубже, крича о помощи, ибо не видел возле себя своего духа и думал: конец пришел мне! Но вот

Ибо
это
было
чистая
фантазия
или сон

его подхватила на лету старая морщинистая обезьяна. Она его удержала и спасла. Тем временем преисподнюю заволочло густым, плотным туманом, так что некоторое время он не мог вообще видеть ничего. Как вдруг разверзлось облако, из него вышли два больших дракона, и везли за собой колесницу, в которую старая обезьяна усадила доктора Фауста. Тут примерно еще четверть часа стоял густой мрак, так что доктор Фауст не мог видеть или рассмотреть ни колесницы, ни драконов, однако же падал все ниже и ниже. Но как только рассеялся этот плотный, зловонный и мрачный туман, он вновь увидел своих коней и повозку. Тут с высоты устремилось на него столько лучей и молний, что и храбрейший, не говоря о докторе Фаусте, задрожал бы и испугался. Тем временем приблизился доктор Фауст к широкому и бурному потоку. Драконы вместе с ним погрузились в воду, но он чувствовал не воду, но великую жару и зной, а волны и потоки воды с такой силой обрушились на него, что он потерял и коней, и повозку и все глубже и глубже погружался в страшный поток, пока, наконец, падая вниз, не угодил в расщелину с высокими острыми краями. Здесь уселся он как полумертвый, озираясь кругом, однако никого не видя и не слыша. Он все глядел в расщелину, откуда вея ветерок, вокруг себя видел он воду. «Ну, что же теперь тебе делать, — подумал Фауст, — раз ты покинут адскими духами? Остается тебе либо броситься в расщелину, либо в воду, либо здесь наверху погибнуть». И разгневался он и в бешеном безрассудном страхе бросился в огненную яму, восклицая: «Ну что же, духи, примите от меня заслуженную жертву, этому обрекла меня душа моя!». Но как только он очертя голову бросился вниз, раздался страшный шум и грохот, от которого горы и скалы задрожали настолько сильно, что Фауст решил, будто стреляют из самых больших орудий. Когда же он, наконец, попал на дно, увидел он в огне множество знатных мужей, императоров, королей, князей и дворян, а также много тысяч вооруженных воинов. Возле этого огня протекал прохладный ручей, иные из него пили, купались и услаждались, другие от холода бежали в пламя, чтобы согреться. Доктор Фауст ступил в огонь и хотел схватить душу одного из грешников, но когда ему показалось, что он уже держит ее, она исчезла у него из рук. Однако из-за жары он не мог здесь оставаться дольше, и когда он оглянулся, глядь — снова идет к нему его дракон или Вельзевул с креслом, он уселся и полетел обратно ввысь. Ибо доктор Фауст не мог более переносить гром, бурю, туман, серу, дым, пламя, мороз и зной, особенно после того, как он нагляделся на страдания и муки, вопли и стоны и прочее.

Доктор Фауст уже порядочное время не был дома, и его фамулус не мог ничего другого подумать и предположить, как то, что Фауст, который так жаждал видеть ад, узрел более, чем желал, и остался там навеки. Но пока тот раздумывал, вернулся доктор Фауст снова к себе домой и, как все это время он проспал на стуле, так спящим дух сбросил его на постель.

Когда же настал день и доктор Фауст проснулся и узрел дневной свет, было с ним не иначе, как если бы он некоторое время просидел

в мрачной темнице. Ибо за все это время не видел он в аду ничего, кроме потоков пламени и того, что вышло из пламени. И так, лежа в постели, раздумывал доктор Фауст о преисподней. Иной раз и впрямь ему казалось, что он побывал там и все это видел, другой раз брало его сомнение и мнилось, что его глазам представилось только дьявольское наваждение, как оно и было на самом деле, ибо по-настоящему он не видел преисподней, а не то не пожелал бы он там очутиться.

Эту историю и рассказ о том, что он в своем ослеплении видел в преисподней, доктор Фауст сам записал, и это писание было найдено после его смерти на листке, написанном им собственноручно и вложенном в книгу, где он и оставался³⁵.

25

Как доктор Фауст путешествовал по звездам

Эту историю также нашли у Фауста составленную и записанную им собственноручно для одного доброго приятеля его, Ионы Виктора, медика в Лейпциге³⁶. Содержание же этого письма было следующее:

«Любезнейший господин мой и брат!

«Я вспоминаю, как и Вы, наши школьные годы в дни нашей юности, когда вместе учились мы в Виттенберге. Вы поначалу усердствовали в медицине, астрономии, астрологии, геометрии, притом уже тогда были Вы славным физиком. Я же не мог равняться с Вами и, как Вы хорошо знаете, изучал богословие. Только в этом искусстве я мог добиться равных с Вами успехов, после чего Вы, случалось, обращались ко мне за советом в некоторых делах, и я, как это явствует из благодарственного письма, писанного Вами, никогда и ни в чем не отказывал Вам и всегда давал Вам ответ. Так и теперь я к Вашим услугам, и таковым Вы меня всегда найдете и встретите. Равным образом, я благодарен Вам за все похвалы, что Вы мне расточаете и дарите, а именно, что календарь мой и предсказания так прославились, что ко мне обращаются теперь не только малозначительные частные лица или простые бюргеры, но князья, графы и господа, по той причине, что все записанное и составленное мною полностью соответствует истине. В письме Вашем Вы упоминаете также о моем путешествии по звездам, что до Вас дошли слухи о нем, и просите меня сообщить, имело ли оно место или нет, присовокупляя, что это вещь совершенно невозможная, разве только с помощью черта или волшебства. Ну что же, Фриц! Как бы то ни было, оно действительно имело место и притом именно таким образом, как я, согласно Вашей просьбе, Вам сейчас доложу.

«Однажды я не мог заснуть и думал при этом о моих календарях и предсказаниях, о том, как устроена и какие свойства имеет небесная твердь и не мог бы человек или ученые физики узнать об этом здесь на земле, так чтобы исследовать и изучить ее устройство если не по прямому наблюдению, то по размышлению, предположениям и книгам. И вдруг я услышал, как неистовый шум и ветер поднялись в моем доме, все двери и ставни распахнулись, чему я немало испугался. И раздался тогда рычащий

голос, который произнес: „Ну, хорошо, ты увидишь радость твоего сердца и мыслей и то, чего жаждешь“. На это я сказал: „Если я увижу то, о чем я думал и чего сейчас так страстно желаю, тогда я пойду с тобой“. Он же снова ответил: „Тогда выгляни в окно, ты увидишь возок“. Я так и сделал и увидел летящую вниз повозку, запряженную двумя драконами, как видно, из адского пекла. Так как в это время на небе светила луна, я рассмотрел и моих коней, и повозку. У драконов этих были черные с коричневым крылья в белых крапинах, а спина, брюхо, голова и шея в зеленых, желтых и белых пятнах. Голос снова прокричал: „Итак, садись и поезжай“. Я сказал: „Я последую за тобой, если только мне будет разрешено“. Тогда я вскочил на подоконник, прыгнул в мой возок и тронулся в путь.

«Летающие драконы взвились вместе со мной. Повозка имела четыре колеса, и стучали они так, как будто я ехал по земле; только при вращении из-под колес все время вырывались огненные языки. Чем выше я подымался, тем темнее становилось вокруг. Казалось, будто из яркого солнечного дня я погружаюсь в темную яму. Так смотрел я с неба вниз на землю. Во время этого полета прилетел мой дух и слуга и сел ко мне в повозку. Я сказал ему: „Мой Мефостофиль, куда я теперь направляюсь?“ — „Об этом не беспокойся“, — отвечал он и полетел еще выше.

«Теперь я расскажу Вам, что я видел, ибо я был в воздухе во вторник и во вторник же вернулся домой, что составляет восемь дней. За это время я ни разу не спал и не сомкнул глаз и летел совершенно невидимым. Как только рассвело и наступило раннее утро, сказал я своему другу Мефостофилю: „Не знаешь ли ты, любезнейший, как далеко мы отъехали, ты это, наверно, знаешь, ибо я хорошо могу понять из того, что меня окружает, что за эту ночь я порядочно проехал, хотя за все время моей отлучки я не чувствовал ни голода, ни жажды“. Мефостофиль ответил: „Поверь мне, мой Фауст, что ты за это время уже поднялся на 47 миль в высоту“. После этого взглянул я на землю. Я увидел здесь много королевств, княжеств и водных пространств, так что я мог хорошо обозреть весь мир — Азию, Африку и Европу. И находясь на такой высоте, я сказал моему слуге: „Теперь покажи и укажи мне, как называются те и эти страны и государства“. Он это сделал и сказал: „Взгляни, вот по левую руку лежит Венгрия, далее здесь Пруссия, там наискось Сицилия, Польша, Дания, Италия, Германия. Завтра же ты увидишь Азию, Африку, также Персию, Тартарию, Индию и Аравию. И так как ветер сейчас дует сзади, то видим мы Померанию, Россию и Пруссию, а также Польшу, Германию, Венгрию и Австрию“. На третий день я смотрел на большую и малую Турцию, Персию, Индию и Африку. Я видел перед собой Константинополь, а в Персидском и Константинопольском море увидел множество кораблей и войска, двигавшиеся взад и вперед. И представлялось мне, глядя на Константинополь, будто там едва три дома, а люди величиной с вершок. Я выехал в июле, когда было совсем тепло. Смотрел я туда и сюда, на восход и на полдень, к закату и полночи, и если в одном месте шел дождь, то в другом гремела гроза, здесь падал град, в другом месте была хорошая погода, и мог я наблюдать все, что в это время происходило на свете. Когда я про-

был восемь дней в воздухе, увидел я, что небо движется и кружится так быстро, как будто оно разлетится на тысячу кусков. Небо было таким ослепительным, что я ничего не мог разобрать, и таким жарким, что я бы мог сгореть, если бы мой слуга не поднимал ветер. Облака, которые мы видели внизу над землею, были такими плотными и крепкими, словно стены и скалы, прозрачными как кристалл, и дождь, который шел из них, пока не падал на землю, был таким чистым, что можно было увидеть в нем свое отражение. Облака же на небе движутся с такой силой с востока на запад, что звезды, луна и солнце вовлечены в это движение. Отсюда (как мы видим) происходит то, что они движутся с востока на закат. И хотя мне казалось, что солнце у нас величиной едва ли с дщице от бочонка, на самом же деле оно больше всей земли, так что я не мог видеть, где оно кончается. Поэтому-то луна ночью, когда солнце заходит, получает от него свет и так ярко светит ночью, что и на небе становится светло. И потому ночью на небе царит день, а на земле темнота и ночь.

«Таким образом, я увидел более, чем желал. Некоторые из звезд были больше, чем полземли, планеты — величиной с землю, а там, где был воздух, обретались духи. Спускаясь вниз, я увидел землю. Она была подобна яичному желтку, и мне показалось, что суша занимает не более вершка, а вода превосходит ее в два раза. Так на восьмой день ночью я снова возвратился домой и проспал трое суток подряд, после чего и составил все мои календари и предсказания соответственно виденному.

«Все это, согласно Вашему желанию, не хочу от Вас утаить. Итак, посмотрите в Ваших книжках, согласуются ли они с тем, что я видел.

Сердечно приветствую Вас
 Доктор Фауст
 Звездовидец».

26

Третье путешествие

*доктора Фауста в некоторые государства и княжества,
 а также в знаменитые города и земли*³⁷

На шестнадцатом году доктор Фауст задумал пуститься в путешествие или паломничество и приказал своему духу Мефостофилю, чтобы он привел его и доставил, куда он пожелает. Для этого Мефостофиль обратился в коня, но были у него крылья, как у дромадера, и бежал он, куда бы доктор Фауст его ни направил. Фауст объехал и объездил многие княжества, как-то: землю Панонию, Австрию, Германию, Богемию, Силезию, Саксонию, Мейсен, Тюрингию, Франконию, Швабию, Баварию, Литву, Лифляндию, Пруссию, Московские земли, Фрисландию, Голландию, Вестфалию, Зеландию, Брабант, Фландрию, Францию, Испанию, Португалию, Италию, Польшу, Венгрию и затем снова Тюрингию. Двадцать пять дней был Фауст в отсутствии, и за это время не много он увидел, что бы ему нравилось. Поэтому отправился он вторично в путь на своем коне, явился в Трир. Пришло ему на ум сперва посмотреть на этот город, по той при-

чине, что имел он такой старинный вид, но не увидел он там ничего особенного, кроме одного дворца чудной постройки из обожженного кирпича и такого прочного, что ни один враг не был ему страшен. После увидел он церковь, где погребены Самсон и епископ Попо. Она была сложена из камней такой величины, что просто нельзя поверить, и скрепленных железом. После этого он повернул во Францию — в Париж. Там ему весьма понравился университет. И что за города и местности ни приходили бы Фаусту на ум — он посещал их. Так, среди прочих, Майнц, где Майн впадает в Рейн. Однако здесь он промешкал недолго и поехал в Кампанию, в город Неаполь. Здесь увидел он столько церквей и монастырей, что и сказать нельзя, и видел дома столь большие, высокие и великолепно украшенные, что диву дался. Там же находится великолепный дворец или замок, недавно отстроенный, который превосходит все остальные постройки в Италии в отношении вышины, ширины и длины, с разнообразно разукрашенными башнями, стенами, дворцовыми постройками. Близ него лежит гора, называемая Везувием. На ней много виноградников, олив и других фруктовых деревьев и вина, которое зовется греческим, оно такое превосходное и доброе.

Париж.

Майнц.

Неаполь.

Замок.

Вскоре он увидел Венецию. Немало удивился, что она почти отовсюду окружена морем. Смотрел он, как сюда привозят на кораблях товары и припасы, какие только потребны для человека, и подивился, что в таком городе, где почти что ничего не произрастает, тем не менее все имеется в избытке. Видел он также просторные дома и высокие башни и красоту храмов и других зданий, и все это построено и высится прямо на воде.

Венеция.

Дальше в Италии направился он в Падуя осмотреть университет. Город этот обнесен тройной стеной, которая окружена многими рвами и обтекается водой. Есть там замок и крепость, и в ней много построек, есть красивая соборная церковь и ратуша, такая прекрасная, что ни одна на свете с ней не сравнится. Есть здесь церковь св. Антония. Равной ей нет во всей Италии.

Падуя.

Далее пришел он в Рим, который лежит на реке, называемой Тибром. Она течет посреди города, а по правую сторону ее семь холмов. В городе одиннадцать ворот, Ватикан, гора, где находится храм или собор св. Петра. Рядом — папский дворец, окруженный прекрасным парком, и тут же Латеранская церковь, в ней много реликвий и священных предметов, и зовется она апостольской церковью. Это без сомнения одна из самых богатых и знаменитых церквей во всем мире. Видел он также много языческих брошенных храмов, также много колонн и арок и т. д. Обо всем этом было бы слишком долго говорить, и Фауст мог здесь насладиться и развлекаться.

Рим.

Невидимо проник он в папский дворец, где увидел много слуг и придворных лизоблюдов и все кушанья и яства, которые подносились папе в таком избытке, что доктор Фауст сказал дьяволу: «Фу ты, черт, почему не сделал ты меня папою?». Доктор Фауст увидел здесь всё подобное себе, как-то: высокомерие, чванство, гордыню и дерзость, пьянство, обжорство, распутство, прелюбодеяние и все безбожное естество папы и его прихлеба-

телей, так что он воскликнул: «Мнилось мне, что я стал свиньей или скотом дьявольским, однако этот даст мне очко вперед. Эти свиньи откормились в Риме, и пора уж им на убой». И так как много слышал он о Риме, то силой своего волшебства осгался на три дня и три ночи невидимо в папском дворце, и никогда славный господин Фауст так хорошо не ел и не пил.

Случилось ему однажды стоять перед папой невидимо, когда папа собрался есть и сделал над собою крестное знаменье, а он взял да и пустил ветер ему в лицо. И это повторялось несколько раз подряд. Еще Фауст расхохотался так, что на весь зал слышно было, потом заплакал, будто грустно ему стало, а присутствующие не знали, в чем тут дело. Папа же стал говорить своим слугам, что это плачет неприкаянная душа и молится об отпущении грехов, и наложил на нее эпитимию. Доктор Фауст рассмеялся и был предоволен, что так обморочил папу. Когда же на папский стол подали последнюю перемену, а доктора Фауста разобрал голод, протянул он руку и сразу же яства и кушанья прямо на блюдах полетели к нему в руки, и исчез он вместе с ними, унесенный ветром вместе со своим духом на высокую гору в Риме, называемую Капитолием, и там с охотой пообедал. Потом снова он послал своего духа, чтобы тот добыл ему лучшего вина с папского стола вместе с серебряными кубками и кувшинами. Когда папа все это увидел, что у него похищено, приказал он той же ночью звонить во все колокола и служить обедню и молить за упокой погибшей души и в гнев своем предал Фауста или погибшую душу анафеме и осудил ее на муки чистилища. Фауст, однако, сам недурно подчистил папскую снедь и питье. И серебряную посуду, оставленную им, нашли после его исчезновения.

Милан Когда же настала полночь и Фауст насытился этими яствами, он снова поднялся со своим духом ввысь и прилетел в Милан, что в Италии. Местность нашел он весьма полезной для здоровья, ибо здесь совсем нет жары, имеется свежая вода и семь прекрасных озер, а кроме того, еще много славных рек и источников. Есть в нем также красивые крепости, на диво построенные церкви и княжеские дворцы, однако в старинном вкусе. Понравился ему высокий замок или крепость с башнями и великолепная больница, посвященная божьей матери.

Флоренция Также осмотрел он Флоренцию, удивился на ее епископство, на красоту ее арок и сводов, на прекрасный фруктовый сад у св. Марии, на церковь, лежащую в ограде замка, окруженную красивыми переходами, с башней из чистого мрамора. Ворота, которые туда ведут, отлиты из колокольного металла или бронзы, и на них изображены картины из Ветхого и Нового завета. Эта местность богата славным вином, а также искусными мастерами.

Лион Также Лион во Франции, лежащий между двумя холмами и омываемый двумя реками. В нем отличный храм и великолепная колонна с высеченными изображениями.

Кельн Из Лиона отправился он в Кельн на Рейне. Там есть обитель, зовется священной обителью, так как в ней погребены три царя, что шли за Хри-

стовой звездой³⁸. Когда Фауст это увидел, он воскликнул: «О, добрые вы люди, как же пришлось вам плутать, ведь вы должны были в Палестине идти к Вифлеему в Иудее, а пришли сюда, или, может быть, вы после смерти своей были брошены в море, плыли по Рейну и здесь в Кельне вас выловили и похоронили». Здесь дьявол побывал у св. Урсулы и ее 11 000 дев. Особенно ему понравилась красота тамошних женщин.

Неподалеку лежит город Ахен, престол императора. В этом городе есть храм из чистого мрамора, который великий император Карл возвел и построил, чтобы все его потомки здесь принимали венец.

Из Кельна и Ахена вновь повернул он в чужие страны, к Женеве, чтобы посмотреть на город. Лежит он в Савоие близ швейцарской земли, большой и красивый торговый город; в нем имеются отличные виноградники и живет епископ. Также побывал доктор Фауст в Страсбурге и узнал здесь, почему он так называется, а именно — из-за множества дорог, улиц и путей получил он это имя, что значит «город дорог». И здесь также есть епископство.

Из Страсбурга прибыл он в Базель в Швейцарию, где Рейн течет почти Базель. что посреди города. Город этот, как он узнал от своего духа, получил свое имя от василиска³⁹, который здесь некогда жил. Стена его сложена из кирпичей и украшена глубокими желобами. Это тоже плодороднейший край, где можно видеть много старинных построек, есть здесь и университет, а из всех красивых церквей понравился ему только картезианский монастырь.

Отсюда прибыл он в Констанц. Здесь выстроен красивый мост через Констанц. Рейн, против городских ворот. Здешнее озеро, как сказал дух Фаусту, имеет в длину 20 000 локтей и в ширину 15 000 локтей. Город ведет свое имя от Константина.

Из Констанца поехал он дальше в Ульм — имя его, ulma, произошло от Ульм. названия растения⁴⁰. Здесь течет Дунай, однако по городу бежит река, называемая Блау. Здесь есть красивый собор, приходская церковь св. Марии, заложенная в 1377 году, — искусная, богатая и прекраснейшая постройка, подобную которой редко где увидишь. В ней 52 алтаря и 52 придела. Есть здесь также великолепная и искусно сделанная рака. Когда доктор Фауст захотел повернуть от Ульма и отправиться дальше, дух сказал ему: «Господин мой, осмотрите хорошенько этот город; за наличные деньги, звонкую монету купил он три графства и прибрал их к рукам со всеми их привилегиями и вольностями».

Когда Фауст вместе со своим духом поднялся ввысь над Ульмом, он Вюрцбург увидел вдали много городов и селений, и среди них один большой и крепкий замок. Там он спустился и очутился в Вюрцбурге, главной епископской резиденции во Франконии. Здесь протекает река Майн и водится доброе, крепкое и вкусное вино, а кроме того, изобильные хлеба. В этом городе много монашеских орденов, как-то: нищенствующие ордена, бенедиктинцы, стефанианцы, картезианцы, иоанниты и немецкий орден. Далее, здесь есть три картезианских церкви, епископская соборная церковь, четыре церкви нищенствующих орденов, пять женских монастырей и два

принюта св. Марии, с прекрасным строением у городских ворот. Когда доктор Фауст осматривал город, то посетил также ночью и епископский дворец, обошел его весь и нашел в нем всевозможные съестные припасы. Когда он осматривал скалы, заметил он высеченную в них часовню и, после того как испробовал всяких вин, снова тронулся дальше.

Нюрнберг.

Когда же прибыли они в Нюрнберг, сказал ему дух по дороге туда: «Знай, Фауст, что название „Нюрнберг“ произошло от Клавдия Тиберия Нерона и по имени Нерона и назван Нюрнберг. Здесь имеются две приходские церкви: св. Себальда, что в ней погребен, и св. Лаврентия — в ней висят знаки императорского достоинства, как-то: мантия, меч, скипетр, держава и корона великого императора Карла. Есть в нем также прекрасный позолоченный фонтан, называемый Прекрасным фонтаном, и стоит он посреди площади. Есть в нем, или говорят, будто есть, копье, которым Лонгин нанес Христу рану в бок, и часть святого креста. В этом городе 528 улиц, 116 колодцев, 4 больших и 2 малых часов с боем, 6 больших ворот и 2 малых воротцев, 11 каменных мостов, 12 постоянных дворов, 10 рынков, 13 общественных бань, 10 церквей, где читают проповеди. В городе 68 водяных мельниц, 132 участка, 2 больших крепостных стены вокруг города с глубокими рвами, 380 башен, 4 бастиона, 10 аптек, 68 стражников, 24 караульщика-ротозейщика, 9 городских слуг, 10 докторов права и 14 медицины».

Аугсбург.

Из Нюрнберга Фауст прибыл в Аугсбург рано утром, как только день занялся, и спросил своего слугу, откуда получил Аугсбург свое название. Отвечал дух: «Город Аугсбург имел несколько названий. Сперва, когда он был только построен, назывался он *Vindelica*, потом *Zizaria* и, наконец, Августа, от Октавиана Августа, императора». И так как Фауст этот город видел уже прежде, поехал он дальше и подался к Регенсбургу. Так как и

Регенсбург.

тут доктор Фауст захотел проехать мимо, дух ему сказал: «Господин мой Фауст, у этого города было семь названий — Регенсбург, каковое имя он и по сей час имеет, кроме того, *Tiberia*, *Quadrata*, *Hyaspolis*, *Reginopolis*, *Imbripolis* и *Ratisbona*, что означает область Тиберия, сына Августа, второе же — четырехугольный город, третье он получил из-за грубых насмешек своих соседей, четвертое — от германцев, т. е. немцев, пятое означает королевский замок, шестое — Регенсбург или дождевой город, седьмое происходит от здешних рек. Этот город сильный, крепкий, славно построенный. Близ него течет Дунай, у которого 60 притоков и почти все судоходные. Здесь в 1115 году построен знаменитый и искусный сводчатый мост, а также церковь св. Ремигия, заслуживающая похвалы, мастерское сооружение».

Доктор Фауст, однако же, вскоре отправился дальше и недолго здесь промешкал, только совершил кражу — наведаясь в погреб к хозяину «Высокого куста», после чего повернул и прибыл в Мюнхен; что в Баварии, поистине княжеский край. Город выглядит совсем новым, с красивыми широкими улицами и разукрашенными домами.

Мюнхен.

Зальцбург.

Из Мюнхена в Зальцбург — епископский город в земле Баварской, который тоже сначала имел несколько имен. В этой местности есть пруды, холмы, озеро, горы, где бьют дичь и птицу.

Из Зальцбурга в Вену, что в Австрии. Город этот он увидел еще издали и, как ему сказал дух, нелегко было бы сыскать более древний. Он получил свое имя от правителя этой земли — Флавия. Перед городом находится широкий ров с накатом, а также на 300 шагов идет вокруг него хорошо укрепленная стена. Все дома обыкновенно раскрашены, а рядом с королевской резиденцией построен университет. В городе только 18 старшин. Для сбора винограда нужно до 1200 лошадей, и в городе есть большие глубокие погреба. Улицы выложены камнем, дома — с приветливыми комнатами и покоями, с просторными конюшнями и всевозможными украшениями.

Вена.

От Вены взлетел он ввысь и с высоты увидел город, лежащий вдали. Это была Прага, столица Богемии. Этот город велик, состоит из трех частей: Старая Прага, Новая Прага и Малая Прага. Малая Прага охватывает собою левую сторону и гору, где находится королевский двор и епископская соборная церковь св. Вита. Старая Прага расположена на равнине и украшена огромными, мощными рвами. Из этого города по мосту проходят в Малую Прагу; этот мост имеет 24 арки. Таким же образом новый город отделен от старого глубокими рвами и обнесен стеной. Там же находится университетская коллегия. Город окружен валом.

Прага.

Дальше доктор Фауст отправился на север и снова увидел город, и когда он спустился в долину, оказалось, что это Краков, столица Польши, и там прекрасный, учнейший университет. Этот город является королевской резиденцией в Польше и получил свое имя от польского герцога Крака. Этот город окружен высокими башнями, валом и рвами. Из них некоторые наполнены водой, и в них плавают рыбы. В городе 7 ворот и много больших, красивых церквей. В этой местности огромные высокие скалы и горы, где и спустился Фауст. Среди них есть одна столь высокая, что кажется, будто она поддерживает небо, и отсюда доктор Фауст мог видеть город. Он и не остановился в этом городе, но облетел вокруг него, оставаясь невидимым. На этой вершине доктор Фауст отдыхал несколько дней, потом снова поднялся ввысь, полетел к востоку и объездил много княжеств, городов и земель, несколько дней пространствовал в море, где ничего не видел, кроме неба и воды, и прибыл во Фракию или Грецию, в Константинополь, который нынче турок прозвал Тевкром.

Краков.

Константинополь.

Здесь расположился двор турецкого царя, и здесь-то доктор Фауст совершил много проделок с турецким царем Салиманом, как будет ниже о некоторых из них рассказано.

Салиман вступил на престол в 1519 году.

Константинополь получил свое имя от великого императора Константина. Город этот украшен обширными стенами, башнями и постройками, так что можно было бы его назвать новым Римом. И с обеих сторон омывается он морем. В городе 11 ворот, 3 царских дворца или резиденции. Доктор Фауст несколько дней наблюдал мощь, силу, великолепие турецкого императора и его двор. И однажды вечером, когда турецкий император сидел за столом и ел, учинил доктор Фауст над ним такую проказу и обезьянство, что через императорский зал хлынули потоки пламени, так что все бросились их тушить, а потом загредел гром и засверкали молнии.

И так он околдовал турецкого императора, что тот и сам встать не мог, и другие не могли его поднять и унести прочь. Между тем в зале стало так светло, будто посреди него солнце стояло, и дух, сопровождавший Фауста, стал перед императором в обличье, убранстве и облачении папы и сказал ему: «Привет тебе, император, ты удостоился, что я, твой Магомет, являюсь пред тобой». С этими краткими словами он исчез. Пораженный этим чудом, император пал на колени, призывая своего Магомета и восхваляя его за то, что он его столь почтил и явился ему. На другой день утром явился доктор Фауст в императорский замок, где император держал своих жен и распутных девок, и никто не смел там ходить, кроме оскопленных мальчиков, которые этим женщинам прислуживали. Этот замок окружил он таким густым волшебным туманом, что ничего нельзя было видеть. Доктор Фауст принял такой же образ, как перед тем его дух, и выдал себя за Магомета. И таким образом прожил он шесть дней в этом замке, и стоял туман столько времени, сколько он здесь пробыл. Турок же увещевал свой народ отметить эти дни совершением различных церемоний. Доктор Фауст ел, пил, веселился, утолял свою похоть и, когда совершил все это, поднялся он ввысь во всем своем папском убранстве и облачении, так что многие его видели.

Как только доктор Фауст исчез, а туман рассеялся, отправился турок в свой замок, стал у своих жен выпрашивать и выпытывать, кто здесь был, отчего замок на все время туманом заволокло. Они отвечали ему, что это был бог Магомет и что на ночь требовал он то одну, то другую, делил с ними ложе и сказал им: от его семени пойдет великий народ и родятся храбрые богатыри. Турок посчитал это за великий дар и благо, что тот спал с его женами, и спросил у жен, тороват ли Магомет в этом деле и людскому ли обычаю следовал. Да, отвечали жены, он их ласкал, обнимал и в этих трудах искусник; они желали бы всю жизнь это повторять. При этом возлежал он с ними нагой, приняв обличье мужчины, только его речь была им непонятна. Жрецы стали внушать турку: пусть не верит он, что это был Магомет, это был призрак. Но жены сказали: призрак это или не призрак, однако же к ним он был благосклонен и по разу, и по шести раз за ночь и чем больше, тем лучше свою способность выказывал и в итоге потрудился на славу и т. д. Подобные разговоры ввергли турецкого императора в сильное раздумье и сомнение.

Алькаир. В полночь повернул доктор Фауст к большому столичному городу Алькайру, который прежде назывался Каир или Мемфис. Здесь египетский султан имел свой замок и свой двор. Здесь разделяется египетская река Нил, самая большая река во всем мире. И, когда солнце стоит в созвездии Рака, она разливается и орошает всю египетскую землю.

Офен, Забац. После этого снова повернул он на восход и к полночи прибыл в Офен и Забац в Венгрии. Это плодородная страна, здесь есть такая вода, что если в нее опустить железо, оно превращается в медь. Здесь копают золото, серебро и разную руду. Венгры этот город называют Штарт, а по-немецки он зовется Офен. Его украшают крепость и превосходный красивейший замок.

Отсюда направился он к Магдебургу и Любеку, что в Саксонии. Магдебург — епископская резиденция. В этом городе находится один из шести кувшинов из Каны Галилейской — в нем Христос превратил воду в вино. Любек тоже епископская резиденция в Саксонии. Из Любека прибыл он в Тюрингию, в Эрфурт, где есть университет. Из Эрфурта снова направился в Виттенберг и, пробыв полтора года в отсутствии, возвратился домой, повидав столько земель, что и описать нельзя.

Магдебург
Любек.

27

О рае

Когда доктор Фауст был в Египте и осмотрел там город Алькаир, пролетел он потом по воздуху над многими странами, как-то: Англия, Испания, Франция, Швеция, Дания, Индия, Персия и т. д. Побывал он и в земле мавров и при этом постоянно располагался и отдыхал на высоких горах, скалах и островах, а особенно задержался на благородном острове Британии, где много рек, теплых источников, множество металлов, а также есть Божий камень и немало других, которые Фауст вывез с собой из тех мест. Оркадами называются острова великого моря, расположенные в британских владениях, числом 23. Из них 10 пустынные, а 13 обитаемы.

Британия

Кавказ, что между Индией и Скифией, — это самый высокий остров, с его горами и вершинами. Оттуда доктор Фауст обозревал многие земли и дал морские. Там растет столько перечных деревьев, как у нас кустов можжевельника.

Гора
Кавказ.

Крит — остров в Греции, лежит посреди Критского моря, подвластен венецианцам. Здесь делают мальвазию. Остров этот полон коз, а оленей там не бывает, злых зверей также не водится — ни змей, ни волков, ни лисиц, только встречаются большие ядовитые пауки⁴¹.

Остров
Крит.

Он осмотрел и видел этот остров и еще много других, о которых говорил и которые показывал ему дух Мефостофиль. И чтобы мне прийти к цели рассказа, сообщу, что причиной, почему доктор Фауст взбирался на такие вершины, была не только возможность обозреть оттуда часть моря и прилежащие земли, и государства и т. п., но был он убежден, что некоторые высокие острова с их вершинами настолько высоки, что он оттуда сумеет, наконец, увидеть рай, ибо об этом он не спрашивал своего духа и не должен был спрашивать. Особенно же на острове Кавказе, который превосходит своими вершинами и высотой своей все прочие острова, надеялся он непременно увидеть рай. Находясь на той вершине острова Кавказа, увидел он землю Индию и Скифию, а с восточной стороны до полуночи издали в вышине далекий свет, словно от ярко светящегося солнца, огненный поток, поднимающийся подобно пламени от земли до неба, опоясывая пространство величиною с маленький остров. И еще увидел он, что из той долины бегут по земле четыре больших реки, одна в Индию, другая в Египет, третья в Армению и четвертая туда же. И захотелось ему тогда узнать причину и основания того, что он увидел, и потому решился он, хотя и со страхом сердечным, спросить своего духа, что это такое.

Дух же дал ему добрый ответ и сказал: «Это рай, расположенный на восходе солнца, сад, который взрастил и украсил господь всяческим веселением, а те огненные потоки — стены, которые воздвиг господь, чтобы охранить и оградить сад. Там же (сказал он далее) ты видишь ослепительный свет: то огненный меч, которым ангел охраняет сад, и этот меч так велик, что достанет тебя, где бы ты ни был. Оттуда, сверху, ты мог бы это лучше рассмотреть, но не заметил, и т. д. Та вода, что разделяется на четыре части, течет из райского источника, и образует она реки, которые зовутся Ганг или Физон, Гигон или Нил, Тигр и Евфрат. Теперь ты видишь, что лежит она под созвездиями Весов и Овна, доходит до самого неба, а у этих огненных стен стоит херувим с огненным мечом, приставленный все это охранять. Но ни ты, ни я, ни один из людей не может туда проникнуть»⁴².

28

О комете

В Эйслебене показалась комета, удивительно большая. Тогда доктора Фауста спросили некоторые его добрые друзья, отчего это происходит. Он же им отвечал и сказал: «Часто случается так, что луна меняет свое место на небе и солнце находится под землей. Когда луна подходит к нему близко, солнце настолько сильно и могуче, что отнимает у луны ее сиянье, так что та вся становится красной. Когда же луна снова поднимается вверх, меняет она различные цвета, и тут происходит из этого самое большое чудо — появляется комета, и ее образ и значение различны, как это предназначено богом. Иногда предвещает она смуту, войну или мор в государстве, как-то — чуму, внезапные смерти и другую заразу. Далее — наводнение, ливень, град, голод и тому подобное. Через это-то совокупление и превращения солнца и луны и является такое чудовище, как комета, и тогда злые духи, вооружаясь своими инструментами, узнают предначертания божьи. Эта звезда точно выблядок между другими, а родители ее, как сказано выше, — солнце да луна»⁴³.

29

О звездах

Один почтенный доктор Н. Ф. В. в Гальберштадте пригласил доктора Фауста в гости и прежде, чем было подано к столу, поглядел он в окошко и несколько времени смотрел на небо, которое в то время, как это бывает осенью, было усеяно звездами. А доктор тот был медиком и притом хорошим астрологом, по этой именно причине и особливо, чтобы узнать от доктора Фауста о некоторых изменениях планет и звезд, и пригласил он Фауста к себе в гости. Поэтому, выглянув вместе с доктором Фаустом в окно, думал он узнать от него о небесном сиянии и о числе звезд и, когда увидел, как они срываются и падают, стал спрашивать доктора Фауста, что за причины и обстоятельства к этому приводят. Доктор Фауст отвечал: «Господин мой и милый брат! Вам известно, что самая малая звезда на

небе, что нам снизу едва ли покажется с большую восковую свечку, на самом деле больше, чем целое княжество. И это действительно, и я сам это видел. Небо в ширину и длину больше, чем двенадцать наших земель, и хотя земли на небе не видать, однако многие звезды поболее, чем эта страна. Одна величиной с этот город, а там другая окружностью с Римскую империю; эта протяжением с Турцию, а планеты — каждая из них такой величины, как вся земля».

30

Вопрос относительно духов, которые мучают людей

«Так-то так, господин мой Фауст, — сказал этот доктор, — но как же обстоит дело с духами, о которых говорят, что они не только днем, а и ночью мучают людей?».

Ответил ему доктор Фауст: «Так как духи не подчиняются солнцу, то они живут и странствуют под облаками, и чем ярче светит солнце, тем выше избирают и ищут духи себе жилище, ибо свет и сиянье солнца запрещены им господом, не дозволены им и не подобают. Но ночью, когда темно, хоть глаз выколи, обретаются они среди нас, людей, ибо солнечный свет, когда он нам не светит, освещает первое небо как днем, так что и в глухую ночь, когда звезды не светят, мы, люди, все же можем разглядеть небо. Отсюда проистекает и то, что духи, будучи не в силах выдержать и вытерпеть вид солнца, поднявшегося в высоту, появляются вблизи нас на земле, живут среди нас, людей, пугают нас ночными кошмарами, криками и своим появлением в страшном и ужасающем образе. Так что когда вы темной ночью выходите из дому без огня, на вас нападает великий страх, и ночью вас преследуют бредовые видения, чего не бывает днем. И еще человек пугается во сне, думая, что около него находится дух, который пытается схватить его или бродит в его доме, когда он спит, и тому подобное. Все это происходит потому, что ночью духи находятся около нас и тревожат нас и пугают всяким мороком и наваждением».

31

Другой вопрос: о падающих на землю звездах

В том, что происходит со звездами, когда они светят и падают на землю, нет ничего необыкновенного, это бывает каждую ночь. Когда мы замечаем вспышки или искры, это знак, что со звезд падают капли и капли эти вязкие и зеленовато-черные. Но то, что звезды будто бы падают, это только люди так воображают, и когда часто видим мы ночью падающий огненный поток, это все же не падающие звезды, как обычно полагают. А если одна капля гораздо больше другой, это потому, что и звезды не равны по величине. И ни одна звезда не упадет с неба без божьего соизволения. А если захочет бог покарать страну и людей, то такие звезды приносят с собой тучи и с ними наводнения и пожары и приносят ущерб стране и людям.

32

О громе

В августе разразилась в Виттенберге вечером сильная гроза, был град, и сверкали зарницы. Доктор Фауст стоял на рыночной площади в обществе других медиков, и захотели они узнать у него о причинах этой непогоды. Он же отвечал им: не приходилось ли им замечать, что в то время, когда собирается гроза, сперва начинает дуть ветер, а когда спустя некоторое время прогремит гром, начинается проливной дождь? Это происходит так: когда столкнутся четыре небесных ветра, они сгоняют тучи в одно место или же приносят их откуда-нибудь и перемешивают дождь или черные тучи, как это мы можем видеть сейчас, когда над городом идет черная туча. Когда же подымается гроза, это прилетают духи, они вступают в борьбу с ветрами четырех стран света, так что в небе слышатся удары, и это мы называем громом⁴⁴. Если ветер при этом очень силен, то гром долго не прекращается, но продолжается; иногда же бывает так, что он пронесется очень быстро. Потому обращайтесь внимание, с какой стороны подымается ветер, он поднимает непогоду. Таким образом, часто непогода приходит к нам с полудня, иногда же с восхода, заката или полуночи.

Следует третья и последняя часть приключений
доктора Фауста, о том, что он творил и совершал
силою своей нигромантии при дворах
царствующих особ

И в заключение также о его горестной и ужасной
кончине и погибели

33

История о докторе Фаусте и императоре Карле V

Император Карл, пятый этого имени, прибыл со своим двором в Инсбрук, куда явился и доктор Фауст, будучи приглашен на пиршество ко двору многими баронами и знатными лицами, которым его искусство и умение было хорошо известно, особливо же тем из них, кому он помог своими лекарствами и рецептами от многих тяжелых болезней и хворей. Они проводили его туда с таким почетом, что император заметил это и стал любопытствовать, кто он таков. Тогда ему объяснили, что это доктор Фауст. Император ничего на то не сказал и молчал до самого обеда. А было это летом, на Филиппа и Якова. Потом император позвал Фауста в свои покои и сказал: ему-де известно, что Фауст человек сведущий в чер-

нокнижии и при нем находится дух-прорицатель, и посему хотел бы он, чтобы Фауст показал ему свое искусство, а он, император, никакого вреда чинить ему не будет и ручается в том своей императорской короной. На это Фауст сказал, что готов повиноваться его императорскому величеству.

«Тогда узнай, — сказал император, — что однажды стал я размышлять на своем ложе, как это мои предшественники и предки достигли таких высоких почестей и власти, о которых я и мои потомки можем только мечтать. Особливо же могущественный Александр Великий, краса и светоч всех монархов, как явствует из хроник, завладел большими богатствами, многими княжествами и землями, что трудно будет сделать теперь мне и моим потомкам. Посему мое милостивое желание состоит в том, чтобы представил ты мне вид, образ, осанку и движенья Александра Великого и его супруги, какими они были при жизни, и я мог тем самым убедиться, что ты в своем искусстве опытный мастер».

«Всемиловитейший государь, — сказал Фауст, — так как ваше императорское величество желают, чтобы были представлены особы Александра Великого и его супруги в том виде и образе, как они были при жизни, то я, покорный вашему велению, заставлю их с помощью моего духа появиться на виду у всех. Однако надобно вашему величеству знать, что их бранные тела не могут восстать из мертвых или вновь ожить, это совершенно невозможно. Но древние духи, видевшие Александра и его супругу, те могут принять такой вид и образ и превратиться в них. С их помощью я доподлинно покажу вашему величеству Александра Великого». После того пошел Фауст из царских покоев переговорить со своим духом, потом воротился к императору и сказал, что сделает все по его желанию, только с тем условием, чтобы его императорское величество ни о чем не спрашивал и не заговаривал, что ему император и обещал. Тогда доктор Фауст растворил дверь, и вскоре вошел император Александр полностью в том виде и образе, как он выглядел при жизни. А именно, был он осанистый, толстый человек с рыжей или золотисто-рыжей, густой бородой, краснощекий и с таким суровым взглядом, будто у него были глаза василиска. Он вошел к императору Карлу в полном вооружении и отвесил ему низкий поклон. Император хотел было тоже встать и приветствовать его, но доктор Фауст не разрешил ему этого. Вскоре затем, после того как Александр снова поклонился и вышел в дверь, идет ему навстречу его супруга. Она тоже поклонилась императору. Была она с ног до головы в синем бархате, изукрашена золотом и жемчугом. Она также была красива свыше всякой меры, краснощекая, кровь с молоком, стройная, круглолицая. Тогда император подумал: «Вот видел я двух особ, которых давно жаждал увидеть, а легко может статься, что дух принял этот образ и морочит меня, как та женщина, которая разбудила пророка Самуила». И чтобы лучше во всем убедиться, решил он про себя: «Вот я часто слышал, что у нее на затылке была большая бородавка», — и подошел посмотреть на нее сзади, не окажется ли такой же и у этого видения, и действительно увидел бородавку, а она стояла перед ним как вкопанная, а потом тоже исчезла. Так исполнилось его желание⁴⁵.

34

Доктор Фауст наколдовал одному рыцарю оленьи рога

Когда доктор Фауст выполнил, как рассказано, желание императора, взобрался он вечером, после того как протрубили к столу, на замковую стену, чтобы посмотреть, как придворные спуют взад и вперед. Тут увидел Фауст, что внизу в рыцарском зале один человек, свесив голову, уснул (ибо в тот день погода была очень жаркая). Однако же то лицо, которое так заснуло, я не хочу называть по имени, так как это был рыцарь и по рождению барон и проделка послужила к его осмеянию. Дух Мефостфиль усердно и верно помогал своему господину в этом деле и, пока рыцарь лежал и спал под окном, наколдовал ему на голову оленьи рога. Когда он проснулся и поднял голову с подоконника, обнаружил он эту проделку. Как тут было не испугаться бедняге? Ибо окно было узко и он со своими рогами не мог пролезть ни взад ни вперед. Заметил это император, посмеялся над ним в свое удовольствие, покуда Фауст не разрушил свое волшебство ⁴⁶.

35

Как названный рыцарь захотел отплатить Фаусту, что, однако, ему не удалось

Доктор Фауст распроштался со двором, где ему наряду с императором и другие особы выказывали много знаков своего расположения. Только он отъехал миля на полторы, как заметил в лесу семь лошадей, которые неслись прямо на него. Это оказался рыцарь, с которым приключилась при дворе история с оленьими рогами. Его люди узнали доктора Фауста и потому-то спешили к нему во весь опор с обнаженным оружием. Доктор Фауст заметил это и спрятался в рощице и вскоре выехал из нее навстречу этим людям, и вдруг увидели его враги, что вся рощица полна вооруженными рыцарями, которые мчатся на них. Тут они задали стрекача, только это им не помогло, они были окружены и задержаны, так что пришлось им просить у Фауста пощады. Доктор Фауст отпустил их и наколдовал так, что у них целый месяц на лбу красовались козлиные рога, а у коней — коровьи. Это было им в наказание, и так он одолел рыцаря с помощью своих заколдованных ратников.

36

Доктор Фауст сожрал у одного крестьянина воз сена вместе с телегой и лошадью

Пришел он однажды в Готу, в одно местечко, где у него были дела. В ту пору был июнь месяц, когда повсюду свозят сено, и отправился он под вечер с некоторыми своими знакомцами, изрядно выпив, погулять. Когда доктор Фауст и те, кто были с ним, пришли к воротам и стали прогуливаться вдоль городского рва, повстречался им воз с сеном. А доктор Фауст стоял на проезжей дороге, так что крестьянину пришлось окликнуть его, чтобы он убрался и сошел с дороги. Доктор Фауст, который был

пьян, отвечает ему: «Посмотрю я, кто из нас уберется! Разве ты, братец, не слыхал — толстого и хмельного воз с сеном сторонится». Рассердился на это крестьянин и отпустил Фаусту много бранных слов. Доктор Фауст ему опять отвечает: «Как так, мужичок, ты еще ерепенишься! Не очень разговаривай, а не то я съем твоё сено вместе с лошадыю». Крестьянин говорит на это: «Ну так жри с моим дерьмом вместе».

Тогда доктор Фауст обморочил его, да так, что ему стало чудиться, будто у Фауста пасть величиною с чан, и пожрал он и проглотил сначала лошадь, а потом сено и телегу. Крестьянин испугался, страх его взял, спешит к бургомистру, докладывает ему по правде, как все случилось. Бургомистр, улыбаясь, идет вместе с ним посмотреть на такое дело. Когда они подошли к воротам, увидели, что крестьянский конь стоит вместе с телегой, как и прежде, а Фауст его только обморочил⁴⁷.

37

*О трех благородных графах,
которых Фауст по их желанию перенес по воздуху в Мюнхен,
на свадьбу сына баварского герцога*

Три благородных графа, которых здесь не подобает называть, в ту пору учившиеся в Виттенберге, собрались однажды вместе и разговорились между собой о небывалом торжестве, которое предстоит в Мюнхене по случаю свадьбы герцогского сына, и захотелось им побыть там хотя бы полчаса. За такой беседой пришло одному из них на ум, вот он и говорит другим графам: «Дорогие родичи, если вы меня послушаете, я вам дам добрый совет, так что мы и свадьбу посмотрим и этой же ночью опять в Виттенберге будем. И вот каков мой совет: пошлем-ка за доктором Фаустом, откроем ему наше желание, выкажем наше к нему уважение и попросим, чтобы он помог нам в этом деле; он наверняка не откажет». На этом они порешили, послали за Фаустом, все ему рассказали, одарили его и устроили в его честь добрую пирушку, чем он был весьма доволен и обещал им свою помощь. Как только подошло время сыну баварского герцога справлять свадьбу, пригласил доктор Фауст этих графов в свой дом, приказал им одеться как можно нарядней, со всем убранством, какое у них было. Потом берет широкий плащ, расстилает его в своем саду, что у него был перед домом, сажает на него графов, сам садится меж ними и строжайше им наказывает, чтобы никто из них, пока они будут в отсутствии, не произнес ни слова и, когда они будут во дворце герцога Баварского и кто-либо с ними заговорит или о чем их спросит, чтобы они никому ничего не отвечали. Они же обещали во всем этом быть ему послушны.

После таких обещаний садится доктор Фауст и начинает свои заклинания. Вскоре поднимается сильный ветер, вздымает плащ и несет его по воздуху, так что как раз вовремя они прибыли ко двору баварского государя. Только прилетели они невидимо, так что их никто не заметил, покуда они не спустились во дворец и на княжеский двор. Тогда увидел их дворецкий и указал на них баварскому герцогу, а все князья, графы и

господа уже сидели за столом, и только эти три графа со своими слугами, только что прибывшие, стояли снаружи. Тут старый князь обратился к ним со словами приветствия, а они ему ничего не отвечают. Было же это вечером, когда за ужин садятся, и без помехи любовались на все свадебное великолепие. А доктор Фауст, как было сказано выше, строго наказал им не разговаривать ни с кем, и если только крикнет он: вперед! — все они скорехонько должны были ухватиться за плащ и в ту же минуту исчезнуть оттуда. И вот, когда баварский герцог заговорил с ними и они ему не ответили, подают им как раз воду для омовения рук и один из графов уже готов был нарушить запрет, Фауст закричал: вперед! — и вместе с двумя графами, которые ухватились за плащ, так и пропал из глаз, а третий граф замешкался, его схватили и бросили в темницу.

Два другие графа прибыли в полночь обратно в Виттенберг и стали сокрушаться о своем третьем родственнике. Но доктор Фауст их утешил, обещав рано утром освободить его.

Пленный же граф очень испугался и опечалился, когда увидел, что он покинут и к тому же еще посажен в темницу под стражу. Стали его спрашивать, что это было за чудо и кто другие трое, бывшие с ним вместе и пропавшие из глаз. Граф подумал: «Если я их выдам, плохо будет». И не стал он отвечать на вопросы, так что в этот день ничего от него выведать не успели и приняли решение наутро допросить с пристрастием, чтобы заставить разговаривать. Граф подумал: «Может статься, что доктор Фауст сегодня меня еще не вызволит, а назавтра будут меня терзать и допрашивать с пристрастием, и по причине этих мук, может быть, придется мне заговорить». Но тем не менее он утешал себя мыслью, что товарищи его будут неотступно просить доктора Фауста выручить его, как это и было на самом деле. И только занялся день, доктор Фауст уже был тут как тут и так околдовал сторожей, что они погрузились в глубокий сон. После этого отомкнул он своим искусством замки и двери и без промедления доставил графа в Виттенберг, где доктора Фауста одарили, как то подобало⁴⁸.

38

*Как доктор Фауст занял у одного еврея деньги
и дал ему в залог свою ногу,
которую он сам отпилил себе на глазах у еврея⁴⁹*

Говорят, нечестивец и чернокнижник за год и на три геллера не разбогатеют. Это относится и к Фаусту. Много чего ему насулил дьявол, да все оказалось лживо, ибо дьявол — лживый дух. Он сказал Фаусту, что нужно ему пустить в ход свое искусство, которому он обучился теперь в полной мере, и таким образом самому достигнуть богатства и не сидеть без денег. Срок его договора еще не исполнился, и прошло всего четыре года после того, как было ему обещано, что не будет он терпеть нужды ни в деньгах, ни в богатстве; еду и питье добывал он ему своим искусством из

дворцов всех государей, как было сказано выше, так что на этот раз доктор Фауст должен отдать ему справедливость и не противоречить, но самому рассудить, чему он выучился.

После такого разговора и объяснения с духом отправился Фауст на пирушку с добрыми приятелями. Так как он был не при деньгах, то пришлось ему искать денег у евреев, что он и сделал: взял у одного еврея на месяц 60 талеров. Когда же время прошло, еврей захотел получить свои деньги обратно вместе с процентами. А у Фауста и в мыслях не было что-либо заплатить ему. Вот приходит еврей к нему в дом, предъявляет свое требование. Доктор Фауст говорит ему: «Слушай, еврей, нет у меня денег, и не знаю, где и взять их, однако чтобы был ты уверен, что я тебе верну долг, отрежу я себе какую-нибудь часть тела, пусть это будет рука или нога, и дам тебе в залог, однако же с неперменным условием как только найдутся у меня деньги и я сумею с тобой расплатиться, должен ты возвратить мне то, что я тебе оставляю». Еврей, как и был всегда врагом христиан, подумал про себя: «Видно, это отчаянный человек, если собирается за деньги заложить часть своего тела», — и потому согласился принять заклад. Тут доктор Фауст берет пилу, отрезает себе ногу и дает ее еврею (на самом деле это было только наваждение), с условием, как только он будет при деньгах и выплатит ему долг, должен он вернуть ему ногу, а он ее обратно приставит. Еврей остался этим контрактом очень доволен и ушел вместе с ногой. По дороге, устав ее нести, стал он думать: «На что мне ляжка этого мерзавца? Снесу я ее домой, так она только завоняет, и трудно будет прилепить ее обратно. Конечно, это дорогой залог, и не мог он связать себя крепче, чем куском собственного тела, но мне какой прок от того?». С такими и еще другими мыслями (как этот еврей потом сам признался) идет он через канаву и бросает туда ногу.

Все это было хорошо известно доктору Фаусту, и тогда послал он через три дня за евреем, будто собирается выплатить ему долг. Приходит еврей, доктор Фауст спрашивает, куда он девал заклад, пусть вернет ему ногу, он хочет уплатить ему. Еврей ответил, что он выбросил ее за ненадобностью. Однако доктор Фауст пожелал немедленно получить обратно оставленную в залог ляжку, а не то пускай еврей удовлетворит его требование. Чтобы отделаться от него, пришлось еврею заплатить ему еще 60 талеров в придачу, а доктор Фауст остался, как и был, с ногой.

Доктор Фауст обманывает торговца лошадами

Подобную же штуку сделал он с одним барышником на ярмарке. Он изготовил себе красивую, великолепную лошадь и приехал на ней на ярмарку в местечко, называемое Пфейферинг, и было у него много покупателей. Наконец, продал он ее за 40 флоринов и сказал покупателю наперед, чтобы он не водил ее на водопой. Барышник решил посмотреть, что бы это значило, и поехал туда, где купали лошадей. Тут исчезла лошадь, а он сидит на связке сена, так что чуть совсем не утонул. Покупатель знал трак-

тир, где его продавец остановился, разгневанный побежал туда, нашел доктора Фауста в постели, а тот спит да похрапывает. Барышник схватил его за ногу, хотел с кровати стянуть да как вырвал всю ногу из зада и упал вместе с ней на пол. Тут доктор Фауст стал кричать караул. Барышник испугался, пустился наутек. Он взаправду думал, что вырвал у него ногу из зада, а доктор Фауст опять остался с деньгами.

40

Доктор Фауст пожирает воз сена

Доктор Фауст пришел в город, называвшийся Цвиккау. Здесь он во-дил компанию со многими магистрами. Когда он однажды пошел после ужина с ними погулять, повстречался ему крестьянин с большим возом сена. Фауст его спрашивает, что тот возьмет, чтобы дать ему досыта на-есть сена. Сошлись они на одном крейцере или левенпфенниге, так как крестьянин думал, что тот только шутки шутит. Доктор Фауст принялся есть с такой жадностью, что всех, кто стоял кругом, смех разбирал, а кре-стьянина он так обморочил, что тот в страхе уже думал, будто Фауст пол-воза сожрал. Чтобы остались хоть другие полвоза, он готов был и сам заплатить Фаусту по его желанию. Когда же приехал крестьянин домой, оказалось, что все сено у него в целости, как и прежде⁵⁰.

41

О ссоре между двенадцатью студентами

В Виттенберге перед его домом поссорилось семь студентов с пятью другими. Это, подумал Фауст, неравный спор, вот он и ослепил их всех, так что ни один другого больше не видит. Так и колотили они в гневe куда ни попало, а стоявшие кругом смеялись, глядя на эту диковинную стычку. Пришлось их всех по домам развести, а как только каждый ока-зался в своем доме, вернулось к нему зрение.

42

Приключение с пьяными крестьянами

Доктор Фауст бражничал в одном кабаке, где у столов сидело много крестьян, которые выпили лишку и подняли страшный шум, крича и рас-певая, так что никто собственных слов не мог разобрать. Доктор Фауст говорит тому, кто его пригласил: «Погляди, я им сейчас испорчу музыку». И вот когда крестьяне стали орать и распевать еще громче, он взял и за-колдовал их так, что они все рты поразевали, а закрыть никто не может. Тут сразу стало тихо: смотрит один мужик на другого, не поймут, что с ними приключилось. Однако лишь только крестьянин выходил из гор-ницы, речь к нему возвращалась, так что недолго они там промешкали⁵¹.

43

*Доктор Фауст продает пять свиней,
каждую за пять флоринов*

Доктор Фауст опять решил поживиться, сделал себе пять откормленных свиней и продал их по шесть флоринов каждую, но с условием, чтобы гуртовщик не водил их через воду. Доктор Фауст снова вернулся домой. Когда же свиньи выпачкались в грязи или обмарались, гуртовщик погнал их к речке. Тут пропали они, и вместо них всплыли охапки сена. Покупатель должен был уйти с убытком, ибо он сам не знал, как это так случилось и кто ему продал этих свиней⁵².

44

*Какие проделки учинил доктор Фауст
при ангальтском дворе*

Однажды пришел доктор Фауст к графу Ангальтскому, из тех, что теперь стали князьями⁵³, и тот ему выказал свое всемилостивейшее расположение. А было это в январе. За столом Фауст заметил, что графиня беременна и уже на сносях. Как только подали ужин и стали разносить пряности, доктор Фауст говорит графине: «Милостивая государыня, частенько я слышал, что у беременных женщин бывают разные прихоти и желания. Благоволите, ваша светлость, сказать мне, чего бы вы желали отведать». Она ему отвечает: «Господин доктор, поистине я от вас не скрою, чего бы мне сейчас хотелось, а именно, будь сейчас осеннее время, я хотела бы досыта наестся свежего винограда и плодов». Доктор Фауст на это говорит: «Милостивая государыня, это мне легко выполнить, и через полчаса желание вашей светлости будет исполнено». Берет он тотчас же две серебряные чаши, выставляет их за окно, а когда приходит время, протягивает руку, достает чаши — глядь, а там красные и белые гроздья, а в другой чаше яблоки и груши, только на вид не здешние, а будто из дальних и чуждых стран. Подает он их графине и говорит: «Ваша милость, не извольте бояться их отведать, ибо они прибыли сюда из чужих краев, где сейчас лето идет к концу». И графиня поела от всех плодов и гроздьев с великим удовольствием и немало удивляясь. Князь же Ангальтский не мог удержаться, чтобы не спросить, как все это приключилось и откуда появились гроздья и плоды. Доктор Фауст отвечал: «Всемилоостивейший государь, нужно вашей милости знать, что год распределяется в двух частях земли таким образом, что когда у нас стоит зима, на востоке и на западе лето. Ибо небо круглое и солнце теперь достигло высшей точки, так что у нас это время коротких дней и зимы, а на востоке и западе, так же как и в Индии Сабейской и в странах Леванта, солнце стоит низко, и потому у них лето и дважды в год рождаются плоды и фрукты, а когда у нас ночь, у них занимается день, ибо солнце спустилось под землю. И это подобно движению моря: оно могло бы захлестнуть землю, если бы не было подвластно всевышнему, так что земля могла бы в мгновение ока

погибнуть. И теперь вот у них восходит солнце, а у нас оно заходит. Сообразуясь с этими сведениями, всемилоостивейший государь, отправил я туда моего духа; это летающий и проворный дух, и в одно мгновение он может обернуться, кем бы ни пожелал. Он-то и добыл эти гроздьи и фрукты»⁵⁴.

И князь внимал этому с великим удивлением.

44a

*О другой проделке,
которую Фауст учинил также в угоду этому графу,
когда он волшебством воздвиг большой замок
на одной вершине*

Прежде чем доктор Фауст распростился, попросил он графа, чтобы тот вместе с ним вышел за ворота, там он покажет ему замок или крепость, которую за эту ночь он построил в его владениях и графстве. Граф этому весьма удивился. И вот вышел он со своей супругой и фрейлинами вместе с Фаустом за ворота и увидел на одной горе, расположенной неподалеку от города и прозывавшейся Сливочным холмом, прекрасно построенный дом и замок, который доктор Фауст создал своим колдовством, и по этому случаю пригласил он графа и его супругу, чтобы они туда последовали и позавтракали у него, от чего граф не стал отказываться.

Этот замок был так построен силою волшебства, что вокруг него шел глубокий, наполненный водою ров, в котором видны были всевозможные рыбы и различные водяные птицы, как-то лебеди, утки, цапли и тому подобные, на которых весело было смотреть. Над рвом подымалось пять каменных башен и двое ворот, и был там также широкий двор, в котором находились всевозможные звери, созданные при помощи колдовства, особенно такие, которых не часто увидишь в Германии, как-то: обезьяны, медведи, буйволы, серны и другие чужеземные животные. Кроме того, были здесь и знакомые звери, как-то олени, дикие кабаны — и всевозможные птицы, каких только можно себе вообразить; они кружились и порхали от одного дерева к другому.

После всего этого посадил он гостей за стол, подал им великолепный королевский обед со всеми яствами и напитками, какие только можно придумать, и за каждой переменной подает сразу девять различных блюд. Все это должен был делать его фамулус Вагнер, который невидимым образом принимал их от духа — все эти яства, дичь, птицу, рыбу и прочее. Из домашних животных (как это доктор Фауст потом сам рассказывал) подавались к столу быки, буйволы, козы, коровы, телята, ягнята, овцы, свиньи и т. д., из диких животных — серны, зайцы, олени, дичь и др.; из рыб — угри, лещи, окуни, сомы, креветки, форели, щуки, карпы, раки, миноги, камбалы, семги, лини и тому подобные; из птиц подавались капуны, утки домашние и дикие, голуби, фазаны, орлы, индийские пегухи, кроме того, куры, куропатки, рябчики, жаворонки, дрозды, павлины, лебеди, страусы, драквы, перепела и т. д. Из вин было нидерландское, бургундское, брабантское, кобленцкое, хорватское, эльзасское, английское, французское,

рейнское, испанское, голландское, люксембургское, венгерское, австрийское, вендское, вюрцбургское или франконское, рейнфаль и мальвазия, в общем — всевозможные вина, которые в сотне кувшинов стояли кругом⁵⁵. Граф благосклонно принял участие в этом роскошном пиршестве, а после еды снова отправился в свой дворец и даже не почувствовал, что они что-либо ели или пили, так пусто было у них в желудке. Когда они вернулись во дворец, из описанного выше замка доктора Фауста послышались страшные выстрелы, и поднялся огонь в замке до самого верха, и горел он до тех пор, пока совсем не исчез, так что они все это хорошо могли видеть. Когда доктор Фауст опять явился к графу, тот подарил ему несколько сот талеров и отпустил в дальнейший путь.

45

*Как доктор Фауст со своими студентами спустился
в погреб епископа Зальцбургского*

Когда доктор Фауст распрощался с графом и вернулся в Виттенберг, наступила масленица. Доктор Фауст, бывший Бахусом, пригласил к себе несколько студентов, и после того как они плотно закусили и изрядно почувствовали Бахуса, убедил их доктор Фауст, что они должны вместе с ним отправиться в один погреб и отведать там великолепные вина, которые он им поднесет, на что они без труда согласились. После этого доктор Фауст взял из своего сада лестницу, посадил каждого из них на перекладину и полетел вместе с ними, так что еще той же ночью прибыли они в погреб епископа Зальцбургского. Там отведали они всевозможных вин и пили только лучшие, так как у этого епископа были превосходные виноградники. Когда они все уже были навеселе, а Фауст взял с собой кремень и огниво, чтобы осмотреть все бочки, явился неожиданно епископский ключник, который принял их за вломившихся воров и поднял крик. Это раздосадовало доктора Фауста, велел он своим друзьям выбираться наверх, взял ключника за вихор, вылетел вместе с ним из погреба, и когда они подлетели к огромной высокой ели, он посадил на нее ключника, который весь трясся от страха. Так возвратился доктор Фауст со своими студентами домой, где они еще распили прощальный кубок того вина, которым доктор Фауст наполнил большие бутылки в епископском погребе. А ключник целую ночь должен был держаться за дерево, чтобы не свалиться, и чуть не замерз, пока не увидел, что настал день. Ель же была так высока, что слезть с нее было невозможно по той причине, что у нее не было ветвей ни вверху, ни внизу. Крикнул он к себе нескольких крестьян, проезжавших мимо, рассказал им, каково ему пришлось, и попросил, чтобы они помогли ему слезть. Крестьяне пришли в изумление, пошли рассказывать о том в Зальцбурге при дворе, откуда множество народу сбежалось, и много было возни и труда, пока его на веревках спустили на землю. А ключник так и не знал, кто были те, кого он застал в погребе, и кто его занес на дерево⁵⁶.

46

*О том, как в другой раз праздновали масленицу
во вторник*

Эти семеро студентов — из них четверо магистров, обучавшихся богословию, юриспруденции и медицине, — после того как отпраздновали в доме Фауста масленицу в воскресенье, снова были приглашены к нему на масленицу во вторник (так как были они старинные приятели Фауста и любезные ему гости)⁵⁷. И когда Фауст угостил своих гостей курами, рыбой и жарким, однако не очень-то щедро, утешил он их таким образом: «Любезные господа, вот вам мое скудное угощение, однако потерпите, к последней чарке на сон грядущий дело уллучится. Вы знаете, что при многих знатных дворах празднуют масленицу роскошными яствами и винами, там и на вашу долю часть придется. По этой самой причине я потчевал вас такой скудной едой и питьем, что вы только червячка заморили. Но вот уже два часа, как я припас в моем саду три бутылки, одну вместимостью в пять мер, другую — в восемь и еще одну в восемь, и приказал моему духу раздобыть венгерского, итальянского и испанского вина. Точно так же я разложил в саду рядком пятнадцать блюд, и они до краев наполнены всякими яствами, которые я должен разогреть, и верьте мне, что это не наваждение, когда кажется, будто вы едите, а в действительности этого нет». Когда довел он свою речь до конца, приказал он своему фамулусу Вагнеру накрыть другой стол. Тот сделал, как приказано, а затем стал носить одну за другой пять перемен, каждый раз по три блюда, — всевозможную дичину, печенья и т. п. Из столовых вин подал он итальянское, эрвейн — благородное вино, что пьют знатоки, венгерское и испанское. И когда они наелись досыта, напились допьяна, все-таки еще много осталось еды. Тут начали они под конец пить и плясать и уже днем разошлись по домам. А на другой они были званы на настоящую масленицу.

47

О масленице в великопостную среду

В великопостную среду явились студенты как званые гости в дом к доктору Фаусту провожать масленицу, и он задал им пир, а они славно пели, плясали и на все лады потешались. Когда же пошли вкруговую большие стаканы и кубки, принялся доктор Фауст за свое чародейство, и в комнате стали раздаваться звуки скрипок, хотя никто не мог понять, откуда они исходили. Как только один инструмент умолкал, начинал играть другой — там слышался орган, а там маленький органчик, лютни, скрипки, цитры, арфы, трубы, литавры, свирели, флейты, в общем были здесь все инструменты⁵⁸. Тут чарки и стаканы стали прыгать. После этого доктор Фауст поставил посреди комнаты подряд десять горшков, и все они начали плясать и стучать друг о друга, так что потрескались и побились в черепки, что вызвало за столом большой смех. Потом он устроил другую забаву: велел поймать на дворе петуха и поставил его на стол, дал

ему глотнуть, а тот, конечно, стал кричать кукуреку! Потом придумал еще другую забаву: поставил на стол музыкальный инструмент, тут вошла в комнату старая обезьяна и стала под его звуки отплясывать разные красивые танцы. Так они забавлялись до самой ночи, и стал он тогда просить студентов, чтобы они остались у него и отужинали, он подаст им кушанье из птиц, а потом устроит вместе с ними ряженье. На это они охотно согласились. Тут доктор Фауст взял шест, выставил его за окно, и тотчас же слетелись на него всевозможные птицы⁵⁹, и каждая, лишь только она садилась на шест, прилипала к нему. Когда он наловил их достаточное число, студенты пришли ему на помощь, свернули им шеи и ощипали их. Были тут жаворонки, куропатки, четыре диких утки. Набравшись вторично, стали они рядиться. Доктор Фауст приказал, чтобы каждый надел белую рубаху, а он уже будет дальше распоряжаться.

Так и сделали. Посмотрели тут студенты друг на друга, и видит каждый, будто у другого нет на плечах головы. Так и стали они ходить по соседним домам, а люди там страх как напугались. Когда же хозяева, подав им пирога, сели за стол, они снова приняли свой обычный вид, и тут их узнали. А после этого они снова переменяли образ, и оказались у них самые настоящие ослиные головы и уши, и так они потешались до самой полночи и тогда отправились каждый в свой дом и в этот день кончили праздновать масленую и отправились спать.

48

О четвертом праздновании масленицы в четверг

Последняя вакханалия состоялась в четверг. Тогда как раз выпал большой снег. Доктор Фауст был зван к студентам, и они устроили ему добрую пирушку. Он стал показывать свое искусство и наколдовал тринадцать обезьян, которые явились в комнату и там чудно паясничали, как никто еще не видал. Они прыгали друг на друга, затем взялись за лапы и стали плясать вокруг стола хороводом, а потом выскочили в окно и пропали. Подали Фаусту жареную телячью голову, когда же один из студентов хотел ее разрезать, она стала кричать человеческим голосом: «Караул! На помощь! Ох, что ты меня тащишь!». Они очень испугались, а потом стало им смешно, и съели они эту телячью голову. Между тем Фауст пошел домой, пообещав еще раз вернуться. В скором времени при помощи своего волшебства снарядил он сани. Сделаны они были наподобие дракона, на его голове сидел сам доктор Фауст, а в середине студенты; на хвосте же уселись четыре волшебных обезьяны, они весело паясничали, одна из них дудела в дуду, а сани бежали сами собой, куда они только ни хотели. Так продолжалось до самой полночи, с таким шумом и треском, что один не слышал другого, а студентам казалось, будто несутся они по воздуху.

Как Фауст в Фомино воскресенье
вызвал заклинаниями Елену

В Фомино воскресенье явились опять упомянутые студенты неожиданно к Фаусту на ужин и как любезные гости захватили с собой еду и питье. Когда же дело дошло до вина, заговорили за столом о красивых женщинах, и тут один из них сказал, что он ни одну женщину не желал бы так увидеть, как прекрасную Елену из Греции, из-за которой погиб славный город Троя. Хороша, должно быть, она была, раз ее похитили у мужа и из-за этого поднялась такая перепалка. На что доктор Фауст ответил: «Раз уж вы так жаждете увидеть прекрасный образ царицы Елены, Менеласовой супруги и дочери Тиндара и Леды, сестры Кастора и Поллукса⁶⁰ (той, что будто была красивее всех в Греции), то я ее вам представляю, чтобы вы собственными глазами узрели ее дух в той оболочке и в том образе, как она была при жизни, подобно тому, как я сделал по желанию императора Карла V, показав ему Александра Великого и его супругу». Потом Фауст наказал, чтобы ни один из них не смел говорить и не вставал из-за стола и не позволил себе приветствовать ее, и вышел вон из комнаты. Когда же он снова вернулся, царица Елена следовала за ним по пятам, и была она так дивно хороша собой, что студенты не знали, в уме ли они или нет, так они смутились и воспламенились. Явилась эта Елена в драгоценном черном платье из пурпура, волосы у нее были распущены, они чудно, прекрасно блестели как золото, такие длинные, что падали ей до самых колен. Были у нее черные как уголь глаза, пригожее лицо, круглая головка, губы красные как вишни, маленький рот, шея как у белого лебедя, красные щечки как розочки, необыкновенно красивое светлое лицо, и сама она была высокая, стройная, статная, так что нельзя было в ней найти никакого изъяна. Оглядела она всех в комнате с таким дерзким и лукавым видом, что студенты распалились к ней любовью, но так как они считали ее за духа, то пыл у них скоро остыл; Елена же тем временем вместе с Фаустом вышла из комнаты. Когда студенты все это увидели, стали они просить доктора Фауста, чтобы он был так любезен и завтра снова ее позвал, тогда они приведут с собой живописца, чтобы написать с нее портрет, но Фауст это отклонил и сказал, что он не всегда может тревожить ее дух. Но портрет ее он обещался доставить, чтобы студенты смогли заказать с него копию, как это впоследствии и случилось. Художники же разослали его в самые дальние края, потому что очень уж прекрасен был облик этой женщины. Но кто написал эту картину Фаусту, не могли дознаться.

А студенты, ложась в постель, не могли заснуть от этого лица и образа, который они увидели воочию. Отсюда следует, что дьявол часто воспаляет и ослепляет людей любовью, так что они погрязают в непотребной жизни, откуда вновь нелегко выбраться.

50

*Об одной манипуляции,
от которой у некоего крестьянина взлетели на воздух
четыре колеса его телеги*

Позвали доктора Фауста в город Брауншвейг к одному маршалку, у которого была сухотка, чтобы он оказал ему помощь. А у доктора Фауста был обычай, что он ни верхом, ни в повозке, а только пешком являлся туда, куда его звали. Когда он подходил уже к самому городу и увидел перед собой город, встретился ему крестьянин с четырьмя лошадьми и пустой повозкой. Доктор Фауст обратился к этому крестьянину с добрыми словами, чтобы он пустил его сесть и довез до городских ворот, а ему этот грубиян отказал, говоря, что он и так прекрасно дойдет. Между тем доктор Фауст не взаправду его попросил, он только хотел испытать его, окажет ли тот ему одолжение. Но за такое бессердечие, обычное у мужиков, отплатил ему доктор Фауст полноценной монетой. Он сказал ему: «Ты — грубиян и грязный невежа, и раз ты поступил со мною так жестоко, как без сомненья и с другими поступаешь и уже поступал, так у меня поплачешься за такие дела и все свои четыре колеса найдешь у разных ворот».

Тут подскочили колеса на воздух так, что каждое колесо надо было искать у других ворот, а где — никто не заметил. И кони его повалились и остались недвижимы. Крестьянин сильно испугался и решил, что это особая ему кара божья за его поведение. Опечалившись и проливая слезы, преклонив колена и простирая руки, стал он просить Фауста о прощении и признал, что он вполне достоин этой кары, которая в другой раз послужит ему уроком, чтобы не чинить такого вероломства. На это Фауст, видя его смирение, сжалился над ним и ответил: пусть ни с кем больше он так не поступает, ибо нет ничего постыднее, чем жестокосердие и вероломство, когда еще и гордыня сюда замешается; но пусть возьмет он теперь ком земли и бросит его в лошадей; они оживут и поздоровеют, что и случилось. После того говорит он крестьянину: «Твое вероломство я не могу оставить вовсе без наказания, и отплатится тебе полной мерой за то, что показались столь тяжким делом посадить человека на пустую телегу. За это, гляди, твои колеса лежат у города, у четырех ворот, там ты их и найдешь». Отправился туда крестьянин и нашел их, как ему доктор Фауст и предсказал, с превеликим трудом и стараниями, промешкав время, нужное ему для устройства своих дел. Так его жестокосердие на него самого и обратилось.

51

*О четырех волшебниках,
которые рубили друг другу головы и снова насаживали,
причем и доктор Фауст то же самое сделал*

Доктор Фауст явился во время поста во Франкфурт на ярмарку, и рассказал ему дух его Мефостофиль, что в одной харчевне в еврейском квар-

тале живут четыре колдуна. Они отрубают друг другу головы и посылают их к цирюльнику, чтобы он их побрил, и это многие люди видели. Это раздосадовало Фауста, который думал, что только ему одному сам черт не брат, и отправился он туда, чтобы тоже посмотреть на это дело.

Они, колдуны эти, уже собрались у себя, чтобы рубить головы, а с ними был цирюльник, он должен был их мыть и стричь. На столе стоял у них стеклянный сосуд с дистиллированной водой. Тут один из них, самый важный чародей, который был у них за палача, он уже наколдовал, чтобы в сосуде с водой расцвела лилия, и нарек ее корнем жизни, после чего обезглавил он первого и отдал побрить его голову, и снова насадил ее обратно на шею; тотчас же лилия исчезла, и приросла голова на свое место. И так же сделал он второму и третьему. Как только их лилии появлялись в воде, их головы брили и сажали на место. Когда же дело дошло до главного чародея и палача и его лилия также распустилась и зазеленела в воде, ему срубили голову. И произошло так, что его стригли и брили в присутствии Фауста, а Фауста такое озорство за самое сердце задело, и раздосадовало его высокомерие главаря чародеев, когда он дерзко, смеясь и богохульствуя, дал себе отрубить голову. Тут идет доктор Фауст к столу, где стоял сосуд с лилией, берет нож, замахивается на цветок и перерезает стебель пополам, так что никто этого не видел. Когда же заметили колдуны беду, превратилось все их искусство в ничто, и уж не могли они прирастить своему товарищу голову. И злодей этот должен был умереть в грехах и погибнуть, чем обычно и платит дьявол всем, кто ему служит, и так он с ними разделяется. И никто не знал из чародеев, как это все случилось со срезанным стеблем, и не могли подумать, что это сделал доктор Фауст⁶¹.

52

*Об одном старце,
который хотел отговорить и отворотить Фауста
от его безбожной жизни и о неблагодарности,
которую он снискал в ответ⁶²*

Один христианнейший, набожный, богобоязненный врач и почитатель священного писания, бывший в то же время соседом доктора Фауста, увидел, что много студентов не выходят из дома доктора Фауста и постоянно обретаются там, где вместо господа с его светлыми ангелами поселился дьявол с его присными. И вот порешил он отговорить доктора Фауста от его дьявольского, безбожного поведения и образа жизни. С этой целью, из одного только христианского рвения, пригласил он его в свой дом. Фауст к нему явился, и за трапезой старик обратился к Фаусту с такими словами: «Любезнейший господин мой и сосед, есть у меня до вас дружеская, христианнейшая просьба, не примите же мое искреннее к вам обращение во зло и не побрезгуйте моим скудным угощением, но примите благосклонно, как это нам господь велит со смирением принимать».

На это Фауст стал его просить, чтобы он открыл ему свое желание, а он исполнит просьбу его с охотой. Тут его благожелатель начал так: «Любезнейший господин мой и сосед, Вам ведомо, что Вы за дело затеяли, что вы от бога отреклись и от всех святых и предались дьяволу и тем самым заслужили величайший гнев и немилость Божию и из доброго христианина стали настоящим еретиком и дьяволом? Ах, к чему стремитесь вы душой? Не о теле одном, но о душе надо подумать, а не то ждет вас вечная мука и немилость божия. Время еще не ушло, государь мой, если вы только вновь обратитесь на путь истинный, то испросите у господина себе милости и прощения, как этому видите вы пример в Деяниях апостолов в гл. 8 о Симоне из Самарии, который тоже много людей совратил, ибо многие почитали его за бога, давая ему такие имена, как Сила Господня или *Simon Deus sanctus**; однако и этот обратился после того, как услышал он проповедь св. Филиппа, дал себя окрестить, уверовал в господина нашего Иисуса Христа и с тех самых пор постоянно держался Филиппа, и это особенно прославляется в Деяниях апостолов⁶³. Итак, государь мой, пусть и моя проповедь понравится вам и будет сердечным христианнейшим напоминанием. Надо обрести раскаяние, милость и прощение, тому вы имеете много прекрасных примеров, как было с разбойником, далее со св. Петром, Матфеем или Магдалиной: ведь ко всем грешникам обращается господь наш Христос: „Придите ко мне все страждущие и обремененные, и я упокою вас“. И у пророка Иезикиила: „Я не желаю смерти грешника, но чтобы он обратился и жил, ибо не укоротилась его рука, чтобы оказать помощь ближнему“. Вот об этой просьбе прошу я, государь мой, допустите ее до вашего сердца и испросите себе у господина прощения, ради Христа, отказавшись от вашего злого намерения, ибо волшебство противно закону Божию, который и в Ветхом и Новом завете равно строго это запрещает, ибо он говорит: „не должно их оставлять в живых и не должно с ними общаться, ни к ним приближаться, ибо это мерзость перед богом“. И также называет св. Павел Бар Иеху или Елимаса-волшебника исчадьем дьявола, врагом всего праведного и что они не пойдут в царствие божие».

Доктор Фауст прилежно ему внимал и сказал, что это поучение ему понравилось, и поблагодарил за него старца, за его доброе намерение, и пообещался следовать ему сколь возможно, с этим и распрощался. Когда он пришел домой, стал он прилежно обдумывать это поучение и увещание и размышлять о том, что он себе на душу взял, когда предался проклятому черту. Захотел он покаяться и расторгнуть свой договор с дьяволом. Посреди таких мыслей является ему его дух, хватает его, будто хочет ему голову свернуть, и укоряет его, говоря, что предался он дьяволу по собственной дерзости. К тому же он обещался быть врагом богу и всем людям. Ежели он этого обещания выполнять не захочет, послушается старого хитреца и станет любить людей и бога, то пусть знает, что уже поздно, что он принадлежит дьяволу, который имеет достаточную власть, чтобы забрать его, на что теперь есть приказ, и по этой причине сейчас

Дьявола
не теряет
времени.

* Симон, бог святой (лат.).

он его и порешит, или Фауст должен сейчас же сесть и снова расписаться своею собственной кровью и обещать, что ни одному человеку более не даст он себя уговорить и совратить, и на этот счет он должен сейчас же объявить, исполнит он это все или нет. Если же нет, то он разорвет его на куски.

Доктор Фауст, очень испугавшись, соглашается с ним снова во всем, садится и пишет свою кровью, как следует ниже, и это письмо было найдено после его смерти.

53

*Второе обязательство доктора Фауста,
которое он дал своему духу*

Сваси
нас,
всемогу щии
господь
Si Diabellus
non
esset
mendax
et homicida*.

Я, доктор Фауст, заверяю собственноручно своею кровью, что я этот мой первый документ и договор в течение семнадцати лет крепко и верно выполнял, был враждебен богу и всем людям. Сим отдаю я душу и тело и вручаю их могущественному богу Люциферу, так что может он, когда пройдут еще семь лет с этого времени, поступить со мною как захочет. Вместе с тем обещается он не продлевать и не сокращать мою жизнь и не причинять мне мучений, будь то при смерти или в аду. С этим я снова обещаю, что не буду я повиноваться никому из людей, никаким увещаниям, поучениям, уговорам, наставлениям и угрозам, будет ли это касаться священного писания, мирских или духовных дел; особенно же не буду покоряться духовным наставникам, ни следовать их учению. Обязуюсь слово свое держать крепко и верно, согласно этому моему договору, который я для вящей силы подписал своею собственной кровью. Писано в Виттенберге и т. д.⁶⁴

Согласно этому окаянному и безбожному договору, Фауст так возненавидел того доброго старца, что захотел лишить его жизни, но тот христианской молитвой и поведением нанес проклятому врагу такой удар, что он не смог к нему и приблизиться. Случилось это ровно через два дня, когда благочестивый муж ложился в постель, услышал он в своем доме сильный грохот, какого прежде никогда не слышивал, кто-то является к нему в комнату, хрюкает как свинья, и так продолжалось долгое время. Тогда начал старец поносить злого духа и говорит: «Вот так мужицкая музыка, точь-в-точь пение ангела, который и двух дней не мог пробыть в раю, по чужим домам таскается, а в своем ужитья не мог!». Такими насмешками отогнал он злого духа.

Доктор Фауст спросил, как он поступил со старцем, а дух ответил, что так и не мог к нему приблизиться, потому что у него было оружие. Это он сказал о молитве. Да притом он его еще высмеял, чего духи или черти не терпят, особенно же когда их укоряют грехопадением.

Итак, хранит господь всех набожных, преданных богу христиан против злого духа⁶⁵.

* Если бы дьявол не был лжецом и убийцей (лат.).

*О двух молодых людях, которых Фауст свел
на семнадцатом году своего договора*

В Виттенберге жил один студент, знатный, из дворян, по имени N. N. Прилепился он своим сердцем и взорами к одной девушке, которая тоже была из благородного рода и чрезвычайно хороша собой. Много за ней сваталось, в том числе и один молодой барон, только она им всем давала отказ, а особенно не жаловала вышесказанного дворянина. А тот приходился доктору Фаусту добрым приятелем, частенько у него в доме пил и едал, и вот этого дворянского сына так сразила любовь, что он спал с тела и заболел. Узнал доктор Фауст, что этот дворянский сын лежит тяжело больной, и спросил о том своего духа Мефостофиля, что с ним приключилось. Тот ему открыл все причины и обстоятельства. Тогда доктор Фауст посетил дворянина и открыл ему все обстоятельства его болезни, чему тот был удивлен. Доктор Фауст утешил его: пусть он не печалится так сильно, он ему окажет помощь, чтобы эта девушка ни с кем другим, кроме него, не соединилась. Так оно и случилось. Доктор Фауст до того смутил девиچه сердце своим волшебством, что она ни на одного другого мужчину или юношу больше смотреть не желала (хотя за нее сваталось много знатных и богатых женихов из дворян).

Вскоре после того велит Фауст этому дворянину, чтобы тот понаряднее оделся, он с ним пойдет к девице, которая вместе с другими девицами сидит в саду. Когда начнут танцевать, он должен пойти с ней. И дает ему Фауст кольцо: когда он будет с ней танцевать, пусть наденет это кольцо на палец, и только он после того ее пальцем тронет, повернется сердце ее к нему и ни к кому более. Только пусть он ничего ей не говорит о свадьбе, она ему сама об этом скажет.

Берет он тогда дистиллированную воду, умывает ею дворянина, который тотчас же стал необыкновенно хорош лицом, и идут они вдвоем в сад. Дворянин все сделал, как ему приказал доктор Фауст, танцует с девицей, касается ее, и с той минуты склонились ее сердце и любовь к нему. Пронзили эту добрую девицу купидоновы стрелы, всю ночь не имела она в постели покою, так много думала о нем. Рано утром посылает она за ним, открывает ему свою любовь и сердце, хочет вступить с ним в брак, к чему пылакая любовь и его побудила. Вскоре после этого сыграли они свадьбу, а доктору Фаусту оказали много почета.

*О различных растениях,
которые зимой на рождестве выросли в саду у Фауста
на девятнадцатом году*

В декабре на рождество Христово съехалось в Виттенберг много девушек, дворянских дочерей, навестить своих братьев, которые учились в Виттенберге и водили дружбу с Фаустом. И несколько раз они пригла-

шали его к себе. Чтобы отплатить им тем же, пригласил он тех девушек и молодых людей к себе в свой дом на полдник. Когда они собрались, а на дворе лежал глубокий снег, тут-то и началось у Фауста в саду великолепное и превеселое зрелище. Ибо в саду его совсем не было снега, стояло прекрасное лето, все произрастало, и зеленела трава, цвели всевозможные цветы. Были здесь и виноградные лозы, увешанные гроздьями, были также красные, белые и чайные розы и другие прекрасные, ароматные цветы, так что любоваться ими и вдыхать их запах было превеликим удовольствием⁶⁶.

56

О войске, собравшемся против барона, которому Фауст при императорском дворе наколдовал на голове оленьи рога, на девятнадцатом году

Поехал доктор Фауст в Эйсleben, как вдруг на полдороге видит он — семь коней к нему скачет, и узнал их хозяина, что это был тот граф, которому он, как выше было сказано, при императорском дворе наколдовал оленьи рога на голову. Тот дворянин тоже очень хорошо знал доктора Фауста, поэтому он велел своим слугам притаиться, что Фауст заметил и поскорее забрался от них на пригорок. Когда барон это увидел, приказал он скакать на него во весь опор и похрабрее в него стрелять, и они пытались настигнуть его. Однако вскоре он снова пропал у них из глаз, сделав себя невидимым. Барон остался ждать на пригорке, не увидит ли он его опять, как вдруг снизу из лесу послышалось им, как заиграли трубы и литавры и загрели барабаны, и увидел он также, будто добрая сотня коней на него скачет. Тут он давай бог ноги. Но только он собрался спуститься с горы, как выросло перед ним множество воинов в полном вооружении, готовых броситься на него. Пустился он по другой дороге, но там увидел также множество мчащихся на него всадников, от которых должен был снова броситься в сторону. Но и тут он снова увидел вооруженный отряд, и так повторилось с ним раз пять или шесть, всякий раз, когда он кидался в ту или другую сторону. Когда он окончательно убедился, что ему не прорваться и что движутся на него, то поехал он прямо на войско, какая опасность ему оттуда ни грозила, и спросил, что за причина тому, что его со всех сторон окружили и теснят, но никто не стал ему отвечать. Наконец подъехал к нему Фауст, когда он был совсем уже окружен, и предложил ему сдаться; в противном случае ему не поздоровится. Барон подумал, что это настоящее войско, готовое к бою, тогда как все это только Фауст наколдовал. Затем отобрал Фауст у них ружья и мечи, взял их коней и дал им взамен других, заколдованных, и другие ружья и мечи, созданные волшебством, и так сказал барону, который Фауста не узнал: «Государь мой, начальник этого войска приказал мне объявить вам, что вам надлежит уходить отсюда, потому что вы преследуете лицо, которое обратилось к нему за помощью».

Как только барон прибыл на постоялый двор и его слуги поехали

с конями на водопой, тут пропали все кони, и слуги чуть не утонули. Так и пришлось им возвращаться домой пешком.

Увидел барон, что слуги обратно пешком тащатся, все замаранные и промокшие, и как только узнал причину, сейчас же понял, что все это Фауст наколдовал, как он с ним и раньше поступил, и все это сделал он в насмешку над ним и ему в поношение⁶⁷.

57

*О блудодействе доктора Фауста на девятнадцатом
и двадцатом году*

Когда доктор Фауст увидел, что срок его договора день ото дня подходит к концу, начал он вести свинскую и эпикурейскую жизнь и призвал к себе семь дьявольских суккубов⁶⁸, с которыми со всеми совокуплялся, и каждый из них являлся ему в другом женском образе, такой красоты, что нельзя сказать. После этого ездил он во многие государства вместе со своим духом, желая видеть всех что ни на есть женщин. Семерых из них он совратил: двух нидерландок, одну венгерку, одну англичанку, двух швабок и одну француженку, которые были украшением своих стран. С этими дьявольскими женами предавался он непотребству до самой своей кончины.

58

*О кладе, который доктор Фауст нашел
на двадцать втором году*

Для того чтобы не заставлять Фауста, своего наследника, ни в чем терпеть нужду, указал дух Мефостофиль Фаусту одну заброшенную старую часовню, которая находилась в полумиле от Виттенберга. В ней находился засыпанный погреб, там должен был Фауст копать и найти большой клад. Доктор Фауст послушно отправился туда, когда же он пришел на место, увидел он ужасного дракона огромной величины, лежащего на кладе, а клад сиял, как зажженный огонек. Доктор Фауст произнес заклинание, и дракон уполз в расщелину. Но когда он выкопал клад, то не нашел там ничего, кроме углей, и при этом видел и слышал много привидений. Принес доктор Фауст домой эти угли, и они тотчас же превратились в золото и серебро, которое, как сказывал его фамулус, было оценено в несколько тысяч гульденов.

59

*О Елене Греческой, которая поселилась у Фауста
в последний год его жизни*

Для того чтобы разнуждаться у несчастного Фауста плотские страсти, припомнилась ему в полночь на двадцать третьем году его договора Елена Греческая, которую он когда-то в Фомино воскресенье вызывал студентам. Потому стал он спрашивать на другой день своего духа привести ему

Елену, чтобы взять ее в наложницы. Так оно и случилось, и эта Елена была точно в таком образе, как он ее вызывал к студентам, милая и прелестная на вид. Когда доктор Фауст это видел, так она его сердце пленяла, что стал он с ней грешить и держал при себе как свою наложницу и так ее полюбил, что ни на мгновение не мог с ней разлучиться. А в последний год она от него забеременела и родила ему сына, которому Фауст горячо радовался и дал ему имя Justus Faustus. Дитя это сообщало Фаусту о многом таком, что в будущем должно было случиться в различных странах. Когда же он затем лишился жизни, исчезли вместе и мать, и ребенок⁶⁹.

Теперь следует о том, что доктор Фауст делал
в последний год своего срока со своим духом и с другими
и что произошло в двадцать четвертый
или последний год его договора

60

*О завещании доктора Фауста,
в котором он назначил своего слугу Вагнера
своим наследником⁷⁰*

С первых дней и до последнего, двадцать четвертого года своего договора воспитывал доктор Фауст одного юношу, который обучался в Виттенберге. Юноша этот видел все проделки господина своего, доктора Фауста, его волшебство и дьявольское искусство, да и помимо того был дурным, отпетым мальчишкой. Поначалу он отправился в Виттенберг побираться, и из-за его дурных повадок никто его брать не хотел. Этот Вагнер и стал фамулусом доктора Фауста, прилепился к нему и так, что впоследствии доктор Фауст стал звать его своим сыном. Куда бы он ни ходил, Вагнер предавался разгулу вместе с ним.

Когда стало истекать его время, позвал Фауст к себе нотариуса и с ним нескольких магистров, которые у него часто бывали, и отказал своему фамулусу дом вместе с садом, расположенный рядом с домом Гансера и Фейта Родингера, что у Железных дорог на улице Шергассе близ городской стены⁷¹. Далее он отказал ему 1600 гульденов оброчных платежей, крестьянское владение ценою в шестьсот гульденов наличными деньгами, золотую цепь стоимостью в триста крон, серебряную посуду, которую он похитил при дворах, главным образом из папского и турецкого дворца, стоимостью до тысячи гульденов, а сверх того из домашней утвари не особенно много, ибо он подолгу не проживал у себя в доме, но день и ночь напивался и обжирался в трактирах и у студентов. Таким образом было составлено и установлено его завещание.

⁶⁹ Вопрос: был ли он крещен? (лат.).

61

Доктор Фауст беседует со своим слугой о завещании

Как только завещание было составлено, призывает он к себе своего слугу, говорит ему, как он о нем позаботился в завещании, за то, что он всю жизнь был ему привержен и тайности его никому не открывал. За это за все пусть он у Фауста еще чего-нибудь попросит, он его всем желаемым обеспечит. Тогда фамулус пожелал получить его уменье. На это Фауст ему отвечал:

«Что касается моих книг, то они были и раньше в твоём распоряжении, только ты не должен их обнародовать, но для своей пользы занимайся ими и изучай их прилежно. Во-вторых, ты желаешь получить мое умение, которое ты, разумеется, получишь, если будешь любить мои книги, не дашь себя совратить, но навсегда останешься при своих намерениях». «Еще, — сказал доктор Фауст, — ввиду того, что мой дух Мефостофиль служить мне больше не обязан, по этой причине я не могу передать тебе его, но все же я хочу приставить к тебе другого духа, если ты того желаешь». Вскоре затем, на третий день, снова призвал он своего фамулуса и напоминает ему, что он хотел иметь духа, так держится ли он еще этого намерения и в каком образе тот должен явиться. Тот отвечает: «Господин мой и отец, в образе обезьяны, такой же величины и формы». Тогда предстал перед ним дух в образе и обличии обезьяны, которая стала прыгать по комнате. Доктор Фауст сказал: «Смотри, теперь ты его видишь, но он будет тебе послушен только после моей смерти, когда уйдет от меня мой дух Мефостофиль и ты его больше не увидишь и когда ты подпишешь свое обязательство; и если захочешь, то будешь звать его Ауэрхан, ибо таково его имя⁷². Сверх того я прошу тебя, чтобы ты мое искусство, деяния и все, что я делал, не обнародовал до моей смерти, если же после того захочешь ты записать и изложить это все в виде истории, то твой дух Ауэрхан в этом тебе поможет. То, что ты забудешь, он тебе напомнит, ибо люди пожелают узнать от тебя мою историю».

62

Как доктор Фауст,

*в то время когда оставался у него всего один месяц срока,
почувствовал себя плохо,*

так что все сокрушался и вздыхал о своем дьявольском житье

Срок для Фауста приближался быстро, как на песочных часах. Оставался впереди один только месяц, и с ним приходили к концу те двадцать четыре года, за которые он душою и телом предался черту, как было рассказано выше. Тут впервые почувствовал Фауст робость, и было ему как пойманному убийце или разбойнику, который, сидя в тюрьме, услышал свой приговор, и ждет его теперь смертная казнь. Он был в страхе, рыдал и разговаривал сам с собой, размахивая руками, охал и вздыхал, хулил, редко или совсем не показывался людям на глаза, а духа своего не хотел видеть и терпеть у себя.

63

*Жалоба доктора Фауста на то,
что он должен умереть в свои цветущие дни и молодые годы*

Эта печаль побудила доктора Фауста записать свои сетования, для того чтобы не позабыть их. Вот одна из записанных им жалоб:

«Ах, Фауст, отчаянная ты и недостойная душа! Ибо ты соблазнился обществом тех, кто осуждены на адское пламя, когда ты прекрасно мог наслаждаться блаженством, которое ты теперь утратил. Ах, рассудок мой и свободная воля, зачем упрекаете вы мое тело, которому уготовано похищение жизни! Ах вы, мои руки, ноги, и ты, еще здоровое тело, рассудок и душа, плачьте обо мне, ибо, обладая вами, я мог вами пренебречь или о вас позаботиться, а совершенствуясь, я радовал бы вас! Ах, любовь и ненависть, почему вы одновременно в меня вселились, раз я должен из-за вас терпеть теперь такую муку? Ах, милосердие и отмщение, по какой причине уготовили вы мне такое возмездие и срам? О жестокость и сострадание, на то ли создан я человеком, чтобы терпеть наказание, которое я сам себе уготовил? Ах, ах, несчастный, есть ли еще что-нибудь на свете, что не поднялось бы на меня!

Ах, мои жалобы ничему не помогут».

64

Еще одна жалоба доктора Фауста

«Ах, ах, ах, я, несчастный человек! О горький, злосчастный Фауст, ты причтен к лику осужденных, где тебя ожидают неимоверные смертные муки, куда более ужасные, чем все, что пришлось когда-либо вытерпеть страдающему существу. Увы, уввы, мой рассудок, задор, дерзость и своеволие! О проклятая, неверная жизнь! О ты, слепой и неосторожный, ибо тело и душу свою ты лишил зрения, и теперь они не видят. О быстротечное наслаждение, в какие тягости вовлекло ты меня, затемнив и ослепив мои очи! Увы, мой слабый дух, моя омраченная душа, какой ждет тебя приговор? О прискорбное бедствие, о обманутая надежда, кто помышлял о тебе? О горькое горе, беда бедучая! Увы и ах! Кто спасет меня? Где мне укрыться? Куда заползти мне? Куда бежать? Вижу: куда ни подамся — я пойман».

Тут бедный Фауст так опечалился, что не мог более говорить.

65

*Как злой дух донимал опечаленного Фауста
насмешливыми речами и диковинными присказками*

Услышав эти жалобы, явился Фаусту его дух Мефостофил, приступил к нему и сказал: «Было тебе из святого писания известно, что ты должен поклоняться единому только богу, служить ему и рядом с ним не иметь других богов, ни одесную его ни ошуюю, а ты этого не сделал, но испытать-

вал своего бога, отрекся, отступился от него и нам прозакладывал свою душу и тело; потому и должен ты теперь предъявить свой заклад.

«Заметь же мои стихи:

Знаешь что — молчи,
 По-пустому слов не мечи.
 Что имеешь, держи под замком:
 Беда сама идет в дом.
 Потому молчи, терпи и крепись,
 Таись и горем ни с кем не делись.
 Поздно, поздно господу звать,
 Горе день за днем растет — не унять ⁷³.

«Потому-то, мой Фауст, не годится с чертями и с большими господами вишни есть: они плюют тебе кости прямо в лицо, как ты теперь видишь. По этой причине стоило бы тебе быть отсюда за тридевять земель, только твоя упрямая лошадка сбросила тебя, ты презрел дар, которым тебя разыскал господь, не удовольствовался им, но зазвал к себе черта. Двадцать четыре года тому назад ты думал — все золото, что блестит, что тебе черт наговаривает. Вот черт и привязал бубенчик коту на шею.

«Подумай, каким прекрасным ты был твореньем! Но сорви розу — она увянет. Кто тебя хлебом кормит, тому ты и подпеваешь. Дождись только страстной пятницы, там и пасха сама придет. Что ты накликал, не вдруг пришло — а ведь жареная колбаса о двух концах. Плохо с чертом идти через лед: плохо ты начал, дурное начало — дурной конец. Наигралась кошка с мышью. Как аукнется, так и откликнется. Покуда половник новехонек, мешает им повар в котле, а как состарится — нагадит в него, вот и вся недолга. Не так ли и тебе пришлось, мой Фауст? Раньше был ты у черта новым половником, а нынче он тобой брезгует. Базар цену скажет и всякого торговать научит. Снабдил тебя бог припасами, а тебе их мало показалось.

«И еще, Фауст, велика была твоя дерзость, во всех твоих делах и поступках был ты другом черту, так теперь будь готов: ибо господь — наш владыка, а черт только поп или монах. Хотел, чтобы только о тебе говорили, — дураков надо учить дубиной. А сесь да чванство к добру не ведут: кто многого алчет, мало получит. Любишь кататься, люби и саночки возить. Пусть же моя проповедь и поучение дойдут до твоей совести, хоть она и совсем у тебя потерялась. Не пристало тебе так доверяться дьяволу, коль скоро он господа пересмешник, лжец и разбойник. Надо бы тебе умнее быть. За смехом идут слезы. Конец человеку приходит скоро, а учить его надо долго. Хочешь взять черта на постой — нужно прежде самому хозяину ума набраться. Сафьяновые башмаки надел и думаешь, что мастер плясать? Почитал бы ты господа за те дары, что он тебе дал, не пришлось бы тебе плясать в этом хороводе и не поверил бы ты черту так поспешно: кто легко верит, того и обманут. А теперь дьявол утретя да и пойдет — проиграл ты заклад, а прозакладывал свою кровь. Должны

тебе снять голову, а ты думаешь в одно ухо впустить — в другое выпустить».

Предсказал дух Фаусту злосчастную его судьбу и исчез, оставив Фауста в полном смущении и меланхолии⁷⁴.

66

*Молба доктора Фауста на преисподнюю
и ее несказанные муки и терзания*

О я, бедный грешник, зачем я не скот, что умирает и не имеет души! Тогда бы мне нечего больше было бояться. Теперь же дьявол заберет мое тело и душу и ввергнет меня в несказанный мрак терзаний, ибо в то время как другие души радуются и веселятся, мое и грешников достояние — непостижимый ужас, зловоние, препоны, позор, трепет, уныние, муки, тоска смертная, плач, завывание и скрежет зубовой. Все создания и твари божины против нас, и мы должны перед лицом святых нести бремя поношения навски. Вспоминается мне, как некогда спрашивал я духа о каре божиной. Он мне сказал тогда: большое различие существует между осужденными, ибо неравны их грехи. И дальше сказал: все равно как мякина, дерево и железо сгорают в огне, только одно легче и скорей, чем другое, так горят и осужденные в огне и пламени.

Ах, вечное осуждение, от гнева господня ты воспламенилось и полно такого огня и жара, что уж нет нужды тебя раздувать!

Ах, к каким печалям, горестям и страданиям нужно приготовиться со слезами на глазах и скрежетом зубовым, удушьем в горле, стенаниями в голосе, шумом оглушающим, трепетом рук и ног! Ах, охотно лишился бы я неба, лишь бы избежать вечных мук! Ах, кто избавит меня теперь от несказанного пламени преисподней? Ибо нет помощи, ибо рыдания о грехах бесполезны. Нет покою ни ночью, ни днем. Кто же спасет меня, несчастного? Где мое прибежище? Где мой щит, помощь и спасение? Где моя крепость и оплот? Чем мне утешиться? Не святителями божьими, ибо я стыжусь к ним воззвать и не услышу ответа, но лучше мне закрыть лицо свое, чтобы не видеть ликования избранных.

Что же я жалею, раз помощь ко мне не придет, раз я не услышу утешения? Аминь, аминь, я сам это себе избрал и терплю теперь осмеяние себе в ущерб.

67

*Теперь следует рассказ об ужасной,
устрашающей кончине доктора Фауста,
который пусть послужит зеркалом и предостережением
для каждого христианина⁷⁵*

Истекли 24 года, отпущенные доктору Фаусту, и на той же неделе явился ему дух, передал ему долговое письмо или обязательство и сообщил ему вместе с тем, что в следующую ночь возьмет дьявол его тело: пусть он имеет это в виду! Всю ночь доктор Фауст плакал и сокрушался, так что

дух в эту ночь снова ему явился и сказал: «Мой Фауст, не будь таким малодушным, как будто ты уже сейчас расстнешься со своим телом. До этого еще далеко, пока твоя участь свершится, должен же ты умереть, хотя бы и жил несколько сот лет. Ведь должны умереть турки, евреи и другие нехристианские цари, и они также осуждены и прокляты, и к тому же ты не знаешь, что тебе предназначено. Ободришь, не унывай так сильно. Ведь обещал же дьявол дать тебе стальное тело и душу, чтобы ты не страдал, как другие грешники». Так и еще многожды утешал он Фауста, только лживо и в противоречии со священным писанием. Доктор Фауст, который знал только, что договор или соглашение он должен оплатить собственной кожей, в тот самый день, когда дух ему сообщил, что дьявол явится за ним, отправился к своим задушевым друзьям магистрам, бакалаврам и другим студентам, прежде часто его посещавшим, просить их, чтобы они отправились с ним на прогулку в село Римлих, в полуверсте от Виттенберга⁷⁶, и поели там вместе с ним, что они ему и обещали. И отправились они все туда и закусили там поутру, насладившись множеством превосходных яств и вин, которые хозяин им подносил. Доктор Фауст был с ними приветлив, но нелегко было у него на сердце. Снова просит он всех их быть к нему благосклонными и отужинать вместе и провести с ним эту ночь: он должен им сообщить нечто важное. Они и на это согласились и сели за ужин вместе. Когда же была выпита последняя чара на сон грядущий, заплатил доктор Фауст хозяину и попросил студентов, чтобы они перешли с ним в другую комнату, он хочет им нечто сказать. Так они и сделали. А доктор Фауст сказал им следующее.

68

Oratio Fausti ad Studiosos *

«Любезные мои друзья и милостивые господа! Пригласил я вас затем, что вот уже много лет знаете вы, что я человек, во многих искусствах и волшебствах искусный, а произошли они ни от кого иного, как от дьявола. И на это дьявольское дело подвигло меня не что иное, как дурное общество, а еще моя презренная плоть и кровь, мой закоснелый и безбожный ум и легкомысленные бесовские помыслы, которые я питал, за что пришлось мне обещать дьяволу отдать ему тело и душу по истечении двадцати четырех лет. Ну вот, срок этот приходит к концу в эту ночь, и часы, стоящие перед моими глазами, указывают, что скоро наступит мгновенье, когда он заберет меня в эту ночь. Ибо дорогой ценой обязался я ему во второй раз и отказал ему тело и душу, подписавшись собственной кровью. Поэтому-то я и созвал вас, любезные мои друзья и милостивые господа, к себе перед кончиной, чтобы осушить вместе поминальную чару и чтобы погибель моя не осталась от вас утаенной. Затем прошу я вас, мои любезные братья и господа, передать от меня сердечный и братский привет всем моим близким и всем, кто относится ко мне с приятью, чтобы не

Чертова
братья

* Речь Фауста к студентам (лат.),

поминали бы меня лихом; если же я вас когда-либо обидел, простите мне великодушно. Что же касается тех удивительных дел, которые я совершал в течение этих двадцати четырех лет, то после вы все это найдете записанным, и пусть мой ужасный конец послужит вам напоминанием и предостережением в вашей жизни: имейте же всегда перед очами господа и молитесь ему, чтобы он защитил и сохранил вас от козней лукавого и не вводил вас во искушение; чтобы были вы привержены к нему, не отступались бы от него, как я, безбожный и окаянный человек, ибо я презрел его и отрекся от таинства святого крещения, от самого бога, от всего небесного воинства и от людей, отрекся от господа, который не хочет гибели ни единого из людей.

«Не допускайте же, чтобы общество дурных людей сбивало вас с пути, как это произошло и имело место со мной. Посещайте прилежно и усердно церковь, боритесь с дьяволом и побеждайте его твердой верой в Христа и благочестивым поведением.

«Напоследок и в заключение моя к вам дружеская просьба: отправляйтесь вы в постель, спите с миром и не тревожьтесь, даже в том случае, если услышите в доме грохот и шум. Не бойтесь, с вами ничего не случится. С постели не вставайте, а когда найдете мое бездыханное тело, предайте его земле. Ибо я умираю как дурной и как добрый христианин: как добрый христианин, ибо я покаялся и в сердце своем прошу о прощении, чтобы спасти этим, быть может, свою душу; как дурной христианин, ибо я знаю, что дьявол хочет взять мое тело, и я готов охотно оставить ему это тело, лишь бы он оставил в покое мою душу. Затем прошу вас ложиться в постель и желаю вам доброй ночи, мне же предстоит недобрая, тяжелая и ужасная».

Рассказание
Иуды.

Это сообщение и этот рассказ доктор Фауст произнес с душевной твердостью, чтобы они не испугались, не оробели и не пали духом. Студенты же чрезвычайно изумились, что он был таким отчаянным и что решился он ради плутовства, дерзости и колдовского искусства на дело, столь опасное для тела и души. Они душевно огорчились, ибо любили его, и сказали: «Ах, господин наш Фауст, в чем вы признались, зачем так долго молчали и не открывались нам? Ученые богословы помогли бы нам спасти и вызволить вас из сетей дьявола, а теперь уже слишком поздно и погибельно для вашего тела и души».

Доктор Фауст отвечал, что не смел этого сделать, хотя часто имел желание обратиться к благочестивым людям за советом и помощью. «И сосед мой, — сказал он, — говорил мне, чтобы я последовал его наставлению, отказался от колдовства и обратился к богу; когда же я захотел это сделать, явился дьявол и хотел схватить меня и унести, как он это сделает сегодня, и сказал: как только я обращусь к богу, он меня доконает». И услыша это от Фауста, они ему сказали: раз уже ничего другого не предвидится, пусть призовет он господа, пусть именем его любимого сына Иисуса Христа просит о прощении и возгласит: «О Господи, помилуй меня, бедного грешника, суди меня судом своим! Хоть я и должен оставить дьяволу свое тело, быть может, ты убережешь мою душу. Может

быть, господь сотворит что-либо». Он же отвечал им, что он уже пытался молиться, но молитва нейдет у него с языка, как у Каина, который тоже говорил: грехи его превышают меру того, что может ему проститься. Так и он всегда думал, что превысил он меру своим договором. Эти студенты и добрые господа благословили Фауста, и они, плача, обняли друг друга. Доктор Фауст остался в комнате, а они отправились в постель, но никто из них не мог уснуть, потому что хотели слышать, чем это кончится.

И случилось это между двенадцатью и часом ночи, поднялся вокруг дома неистовый ветер, охватил его со всех сторон, так что казалось, что рушится все и самый дом будет вырван из земли. Тут студенты оробели, повскакали с постели, стали друг друга утешать, не смеют выйти из комнаты, а хозяин сбежал из своего дома в другой. Студенты лежали поблизости от той каморки, где находился доктор Фауст. Они слышали страшное шипение и свист, будто дом был полон змей, гадюк и других вредоносных гадов. Тут дверь в комнату доктора Фауста распахнулась, и стал он кричать о помощи, но только вполголоса, и вскоре уж больше не стало его слышно. Когда же настал день и студенты, которые всю ночь не могли заснуть, вошли в комнату, где находился Фауст, они не увидели его больше. Вся комната была забрызгана кровью, и мозг прилип к стене, будто черти бросали его от одной стены к другой. Да еще лежали глаза и несколько зубов: жуткое и ужасающее зрелище! Тут начали студенты плакать и причитать над ним, искали его повсюду и наконец нашли его тело за домом на навозной куче. Страшно было на него взглянуть, так изуродованы были его лицо и все части тела.

Упомянутые магистры и студенты, присутствовавшие при смерти Фауста, добились того, что его похоронили в той же деревне, после чего они вернулись в Виттенберг, в жилище доктора Фауста, где разыскали его фамулуса Вагнера, который захворал из-за своего господина. Они нашли также написанной эту историю о докторе Фаусте, составленную им самим, как выше было сказано, целиком, кроме его кончины, которая была добавлена указанными студентами и магистрами. И из того, что написал его фамулус, тоже получилась новая книга. Равным образом в тот же день закодванная Елена вместе со своим сыном не оказалась на месте, но исчезла. С той поры в его доме было так жутко, что никто не мог там жить. Доктор Фауст явился также своему фамулусу ночью, как при жизни, и открыл ему много тайностей. И те, кто шли ночью мимо, видели, как он выглядывал из окна.

Так кончается вся эта правдивая история и волшебство доктора Фауста, из чего следует поучение каждому христианину, особливо же тем, у кого спесивые, гордые, высокомерные и упрямые мысли и голова, чтобы они боялись господа, избегали колдовства, заклинаний и других бесовских дел, которые господь нам строго запретил, не зазывали бы черта к себе в гости, не давали бы ему воли, как это сделал Фауст. Ибо здесь нам представлен страшный пример его договора и гибели, чтобы уберечь нас в любви к одному только богу, чтобы на него мы взирали, ему одному сужили и молились от всей души и всего сердца, всеми своими силами,

а от дьявола и всех иже с ним отреклись и вместе с Христом получили вечное блаженство. Аминь, аминь! Этого я желаю каждому из вас от всего сердца. Аминь!

1 Послан. Петра. 5

Бодрствуйте и бдите, ибо дьявол, ваш супостат, бродит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противоборствуйте ему твердою верою.

ДОПОЛНЕНИЯ

1

Главы 50—55 народной книги о Фаусте
в издании 1590 года

50

Доктор Фауст дарит студентам в Лейпциге бочку вина

Несколько чужеземных студентов из Венгрии, Польши, Каринтии и Австрии, которые часто встречались с доктором Фаустом в Виттенберге, обратились к нему с просьбой отправиться с ними в Лейпциг, как только там откроется ярмарка, посмотреть, что за купцы туда съезжаются и каким товаром торгуют, а также получить причитающиеся им деньги.

Доктор Фауст согласился и присоединился к обществу. И вот, когда они прогуливались по Лейпцигу, осматривая город, университет и ярмарку,

Чудо с бочкой.

Стенная живопись в Ауэрбаховском погребе

случилось им проходить мимо одного винного погреба, где несколько погребщиков тшкетно силились выкатить из подвала огромную винную бочку, ведер примерно на шестнадцать или на восемнадцать.

Видя это, доктор Фауст сказал: «Много вас толкается, да беретесь больно бестолково. А ведь эту бочку и один мог бы выкатить, если бы взялся за дело с умением». Погребщики эти речи раздосадовали, а так как Фауста они не знали, то стали перебраниваться между собой пустыми словами, как это ведется у этого сословия. Когда же кабатчик узнал из-за чего пошла перебранка, то сказал Фаусту и его друзьям: «Добро, тот из вас, кто один выкатит бочку, получит ее». Фауст, не будь ленив, идет скорехонько в подвал, садится на бочку верхом, как на лошадь, и скачет из подвала всем на удивление. Испугался кабатчик, не думал он, что такое возможно, да только пришлось ему свое слово держать и оставить бочку с вином Фаусту, который отдал ее своим товарищам. А они пригласили других добрых приятелей и несколько дней подряд бражничали изрядно, так что вполне могли сказать, что в Лейпциге им привалило счастье¹.

51

Как доктор Фауст читал в Эрфурте Гомера и показал и представил своим слушателям греческих героев²

Много лет также провел доктор Фауст в Эрфурте и читал там лекции в университете и много учинял удивительных вещей в этом городе, и еще сейчас живы многие люди, хорошо его знавшие, которые видели все это собственными глазами и даже ели и пили вместе с ним. Однажды, читая своим слушателям замечательного греческого поэта Гомера, который наряду с другими историями описывает десятилетнюю Троянскую войну, происходившую между греческими царями из-за прекрасной Елены, и при этом часто упоминает доблестных героев — Менелая, Ахилла, Гектора, Приама, Александра, Улисса, Аякса, Агамемнона и других, Фауст так обрисовал студентам лицо и наружность этих героев, что они возымели большое желание увидеть их воочию. Надеясь, что учитель поможет им в осуществлении этого желания, они его о том почтительно просили. Фауст согласился и обещал на следующей же лекции дать им возможность увидеть своими глазами всех, кого они пожелают. Это вызвало большое стечение и скопление студентов. Ибо во все времена молодые люди скорее имеют склонность и охоту к шутовству и фиглярству, чем к хорошему.

Когда наступил положенный час и доктор Фауст углубился в свою лекцию, заметив, однако, что из-за его посулов собралось более слушателей, чем когда-либо, то приблизительно в середине лекции обратился он к ним и сказал: «Любезные студенты, поскольку вы имеете такую охоту увидеть знаменитых военачальников, о которых упоминает этот поэт наряду со многими другими, в том обличии, какое они имели когда-то при жизни, то так оно сейчас и будет». И сразу же, по слову Фауста, один за другим вошли в лекторию вышеназванные герои в тех же доспехах, какие

в те времена носили, оглядываясь кругом и помавая главами, словно были разгневаны. Последним проследовал ужасный великан Полифем, у которого был только один глаз посредине лба и длинная, косматая, огненно-рыжая борода. Из пасти у него еще торчали ноги какого-то проглоченного им бедняги, и выглядел Полифем столь страшно, что у всех волосы стали дыбом, и от испуга и ужаса не знали они куда деваться. Фауст очень над этим посмеялся, назвал им одного за другим по имени и, окликнув каждого, приказал им уходить, что они и исполнили. Только одноглазый циклоп Полифем сделал вид, будто он не хочет уходить, а собирается проглотить еще одного или двух. Видя это, студенты пришли в еще больший ужас, особенно когда он ударил о землю толстой палицей, сделанной из сплошного железа и подобной ткацкому навою, да так, что вся коллегия содрогнулась и закачалась. Но Фауст погрозил ему пальцем, и тогда он тоже вышел в дверь, и доктор Фауст закончил свою лекцию, чему все студенты очень обрадовались и уже не просили его впредь о подобных зрелищах, так как убедились, как это опасно³.

52

*Доктор Фауст хочет заново обнаружить
все потерянные комедии Теренция и Плавта*

Спустя некоторое время после того, как в университете состоялось приращение ученых степеней и некоторые лица были сделаны магистрами, среди философов зашел разговор о пользе латинских комедий писателя Теренция, уроженца Карфагена в Африке. Теренций, говорили они, должен стать достоянием школы и читаться юношеству не только ради латинского языка и прекрасных поучений и сентенций, но также потому, что он верно и метко обрисовал все на свете сословия и их хороших и дурных представителей, со всеми их свойствами, да так, словно он проник в человеческое сердце и разведал, подобно богу, душу и помыслы каждого. Это признает всякий, кто правильно читает и понимает этого поэта. И что еще удивительнее, из этих комедий видно, что в те времена и люди были так же устроены, и нравы были такими же, как это и теперь ведется на свете, хотя они были написаны за несколько столетий до рождения Христа. Достойно только сожаления, что большинство этих комедий и притом лучшие из них, всего сто восемь, столь печальным образом погибли при кораблекрушении, пропали и исчезли, чем сам Теренций был огорчен до смерти, как о том рассказывает Авзоний.

Подобное же несчастье произошло, говорили они, и с Плавтом, чтение которого в школах по тем же причинам не менее полезно и необходимо, чем чтение Теренция. Около сорока одной или более комедий потеряно, потому что они были плачевным образом попорчены водой или огнем.

Доктор Фауст долго слушал эту беседу и смог лучше и больше порассказать об обоих поэтах, чем все присутствующие, привел также несколько прекрасных изречений и сентенций из утраченных комедий. Все этому очень удивились и спросили его, откуда он знает, что стояло в этих коме-

дях. На это он заметил, что они вовсе не пропали и не погибли, как это думают, и если бы это было для него безопасно и не осердились на него теологи, во мнении которых он и так невысоко стоит, то все потерянные или испорченные, все равно какие тексты обоих поэтов он с легкостью может извлечь на свет, но только на несколько часов. Если же они хотели бы иметь их или сохранить на более продолжительное время, то пусть посадят побольше студентов, нотариусов и писцов и прикажут им немедленно все переписать; тогда они имели бы их всегда под рукой и могли бы впредь читать эти тексты не хуже, чем они читают те, которые имеются сейчас.

Обо всем том доложили господам теологам и самым высокопоставленным членам совета, которые в то время присутствовали, но в ответ ему было сказано: ежели он не хочет или не может доставить сюда эти книги, чтобы можно было честным образом сохранить их и понемногу ими пользоваться, то его предложение не может быть принято, ибо и без того достаточно есть авторов и хороших книг, по которым юношество может и должно изучать хороший и правильный латинский язык, и сверх того можно опасаться, что злой дух примешает в новооткрытые книги свою отраву и губительные примеры, так что это будет служить к ущербу, а не на пользу.

Вот по какой причине и посейчас еще мы имеем только те комедии Теренция и Плавта, что и прежде, потерянные же остаются там, куда их утащил или спрятал нечистый, а доктор Фауст так и не мог показать на этот раз свое искусство⁴.

53

*Другая история о том,
как доктор Фауст неожиданно явился на пирושку*

Есть на улице Слесарей в Эрфурте один дом, по прозванию «Якорь». В то время в нем проживал один тамошний дворянин, имя которого по некоторым причинам не может быть названо⁵ и с которым доктор Фауст большей частью проводил время пока был в Эрфурте и много учинял и устраивал удивительных шуток и развлечений, особенно когда тот собирал у себя компанию (что бывало почти каждый день) и желал потешиться.

Случилось однажды, что этот дворянин позвал к ужину много добрых друзей, а названный Фауст как раз находился не здесь, а в Праге у императора. Когда же молодые люди, развеселившись в гостях у своего друга, стали настойчиво высказывать желание и охоту увидеть у себя Фауста, то хозяин объяснил им, что Фауст не может явиться, так как находится далеко, а именно в Праге. Тут они ненадолго оставили об этом толковать, но вскоре стали еще пуще желать его прихода, а один из них, шутя, позвал его по имени и попросил, чтобы он явился к ним и не бросал честную компанию.

В это время кто-то сильно постучал во входную дверь. Слуга бежит к окну, глядит, спрашивает: «Кто там?». Стоит доктор Фауст у двери,

держит за повод коня, словно сейчас только слез, спрашивает слугу: разве тот не узнал его? Его ведь звали.

Слуга, прежде чем открыть, бежит к господину, докладывает: Фауст стоит, мол, у двери, это он стучал.

Дворянин, находившийся в комнате, говорит слуге: верно, он ослышался или обознался; ему хорошо известно, где обретается Фауст, он не может сейчас быть у двери. Слова его успокоили слугу.

Между тем стучит Фауст еще раз. Тогда сам хозяин выглянул наперед слуги в окно, видит, и впрямь Фауст. Сейчас же ему отворяют дверь, приветливо встречают. Хозяинский сын просит его пройти вместе с отцом к гостям, сам берет его лошадь и велит задать ей вдоволь корма. Однако, как далее следует, не мог он этого выполнить.

Как только Фауст вошел к гостям, его прекрасно принимают, сажают за стол, и хозяин спрашивает, как это он воротился так скоро.

Фауст отвечает: «Это у меня такой добрый конь. Раз господа гости так сильно пожелали меня видеть и позвали к себе, решил я им угодить и к ним явиться, хоть и не могу я долго здесь оставаться и еще до утра должен быть в Праге».

После этого предложили они ему есть и пили вволю за его здоровье, пока добрый хмель не ударил ему в голову. Тут стал он учинять с ними свои шутки. Спрашивает, не хотят ли они отведать заморского вина. Они отвечают: «Да». Тогда он снова спрашивает: «Какого же? Греческого, мальвазии, французского или испанского?». Один, смеясь, отвечает, что все одинаково хороши. Тогда Фауст велит принести бурав, сверлит по краям доски стола одну за другой четыре дыры, затыкает их колышками, как обыкновенно втыкают в бочку втулку или кран, велит принести ему несколько чистых стаканов, потом вытаскивает по очереди колышки, и из сухой доски, словно из четырех бочек, льет каждому вино, какое из вышеназванных он потребует. Гостей это очень позабавило, и были они весьма довольны⁶.

Тем временем приходит хозяйский сын и говорит: «Господин доктор, ваш конь жрет как бешеный. Скорее десять или двадцать коней накормишь, чем вашего одного. Уже проглотил он два воза сена, а сам стоит и смотрит, где бы найти еще». Тут засмеялся не только Фауст, а все, кто это услышал. Но когда хозяйский сын сказал: «Я хочу выполнить свое обещание и накормить его досыта, хотя бы мне пришлось несколько мальтеров ему отвесить», — Фауст ему отвечал: пусть он это бросит, конь довольно уже получил корма на ночь, ведь он не наестся досыта, если даже сожрет у него весь овес на корню.

На самом же деле это был его дух Мефостофиль, который, как выше сказано, по временам превращался в крылатого коня, такого, как Пегас у поэтов, если Фауст собирался куда-нибудь быстрехонько перенестись.

В этих и подобных забавах провели они вечер, до полуночи. Тут испустил Фауст конь столь громкое ржанье, что его на весь дом было слышно. «Ну, мне пора», — сказал Фауст и хотел распрощаться, но они стали его удерживать и просить, чтобы он остался с ними еще немного. Тогда

завязал он узел на своем кушаке и согласился провести с ними еще часок.

Когда время прошло, опять конь его громко заржал; тут он снова собрался идти, но, тронутый просьбами собравшихся, остался еще на час и снова завязал узел на кушаке. Когда же и этот час пролетел и его конь в третий раз заржал, больше уже не захотел он оставаться и не дал себя удержать, распрощался с ними и сказал, что должен тотчас же идти.

Тут они проводили его до дверей, вывели его лошадь, он сел на нее и поскакал вдоль по Слесарной улице. Но едва миновал три или четыре дома, как взмыл его конь вместе с ним в небеса, так что те, кто смотрел ему вслед, вскоре потеряли его из виду.

Под утро Фауст вернулся в Прагу, устроил здесь свои дела и через несколько недель, когда возвратился домой, он привез с собой от императорского двора много бумаг и новых известий⁷.

54

Как доктор Фауст сам задал пирюшку

Когда доктор Фауст воротился домой из Праги, привезя с собою множество великолепных подарков от пребывавших тогда при императорском дворе австрийских господ и других князей и графов, вспомнил он и о доброй компании, вызвавшей его из Праги в «Якорь». По сердцу пришлось ему их речи и веселое общество. И вот, чтобы ближе сойтись с теми из них, кого он раньше мало знал, и завести с ними более близкое знакомство, показав им в то время свою признательность, пригласил он их всех вместе в дом, который снимал неподалеку от большой университетской коллегии в Эрфурте, что у св. Михаила.

Все они явились с удовольствием, не столько ради еды и питья, сколько в надежде снова увидеть его чудесные проделки, как это бывало.

И вот, когда они пришли и явились к нему один за другим, то не увидели они ни огня, ни дыма, ни еды, ни питья и ровным счетом ничего, но не подали вида, были веселы и думали: хозяин их сам знает, как улагодворить гостей.

Когда все уже собрались, просит Фауст дорогих гостей не скучать, а пока он прикажет немедля накрывать и подавать на стол. После этого постучал он ножом по столу. Тут входит некто, как если бы это был слуга, спрашивает: «Господин, что вам угодно?». Доктор Фауст спрашивает его: «Скажи, сколь ты проворен?». Тот отвечает: «Я быстр как стрела». «О нет, — говорит Фауст, — ты мне не годишься. Ступай, откуда пришел».

Немного погодя стукнул он снова ножом по столу, входит другой слуга, спрашивает: «Чего изволите?». Фауст ему говорит: «Сколь ты проворен?». Тот отвечает: «Я быстр как ветер». «Это уже кое-что, — говорит Фауст, — только и ты мне не подходишь, поди прочь, откуда пришел».

Еще спустя немного стучит Фауст в третий раз по столу, входит третий, огляделся с угрюмым видом, спрашивает: «Что от меня надобно?». Доктор Фауст отвечает: «Скажи мне, каково твое проворство, тогда услышишь, что тебе надо делать». Тот отвечает: «Я быстр как мысли».

человеческие». «Вот это дело!» — говорит Фауст, встает с места, идет с ним, посылает его и наказывает принести и доставить ему яств и питья, чтобы мог он наилучшим образом попотчевать дорогих гостей. Сделав это, вернулся он к гостям, велел обнести их водой и всем сесть за стол⁸.

Как только они уселись, является его проворнейший слуга вместе с двумя другими, вносят они девять блюд или мисок, по три зараз, аккуратно накрытые крышками, как это принято при дворе, ставят их на стол, и оказались там самые лучшие яства из дичины, птицы, рыбы, овощей, паштетов и из разного домашнего скота, приготовленные самым изысканным образом. И таких яств было множество, а всего тридцать шесть блюд или перемен, не считая фруктов, конфет, пирогов и других лакомств, поданных на десерт. А все кубки, стаканы и чаши ставились на стол пустыми, и, когда кто-нибудь хотел пить, Фауст его вопрошал, какого вина или пива ему желательно, и как только тот называл свое желание, Фауст выставлял за окно посуду для вина, и во мгновение ока она наполнялась этим напитком, прохладным, словно сейчас только из погреба.

Между тем были приготовлены всевозможные музыкальные инструменты, на которых один из слуг умел играть столь отменно, что ни один человек не слышал в жизни ничего столь приятного; слуга этот мог даже делать так, что множество инструментов играло одновременно, как: тютни, органчики, флейты, арфы, рожки, трубы, а люди видели только его одного⁹. В общем не было недостатка ни в чем, что доставляет удовольствие, и не было никого, кто мог бы еще чего-либо пожелать. И так провели они почти всю ночь, пока не наступило ясное утро, когда Фауст всех отпустил по домам.

55

*Как один монах хотел обратить доктора Фауста
на путь праведный*

Вскоре слухи о докторе Фаусте и его удивительных похождениях разнеслись не только по городу Эрфурту, где он обосновался и натворил много подобных проделок, но и далеко по стране. А потому много лиц из дворянского звания и юных рыцарей приезжали к нему в Эрфурт из соседних княжеств и графских дворов и заводили с ним знакомство с тем, чтобы увидеть или услышать от него что-либо чудесное, о чем они нынче или завтра могли порассказать. И столько их стекалось к нему для этой цели, что некоторые разумные люди стали опасаться, как бы это не ввело в искушение незрелую молодежь и иные из них, совратившись, не приохотились бы к чернокнижию, потому что все это они считали забавой и развлечением, не разумея, что это грозит их душе. Поэтому люди эти обратились к известному францисканскому монаху, доктору Клинге¹⁰ по имени, близко знакомому с доктором Лютером и доктором Ланге, и просили его: поскольку он также знает и Фауста, то пусть увещает его по строгости и наложит на него эпитимию за такое его распутство и постарается спасти его из дьявольской пасти. Монах согласился; отправился к Фаусту, говорил с ним сперва кротко, а потом и сурово, растолковав ему, что гнев бо-

жий и вечное проклятье сулит ему такое житье, и сказал: он ведь муж весьма ученый и мог бы вполне прожить, вернувшись к богу и честной жизни, и если он отстанет от того безрассудства, которым его, видимо, в молодые годы прельстил дьявол, этот лжец и губитель, и отмолит у господи свои грехи, то он еще может заслужить прощение, ибо милосердие божие никогда не скудеет.

Доктор Фауст прилежно слушал его, пока тот не высказал все до конца, и тогда отвечает: «Любезнейший государь мой, знаю, что вы желаете мне добра, знаю хорошо все, что вы мне здесь толковали. Только чересчур далеко я зашел. Собственной кровью подписал я договор с Окаянным, что навечно предаюся ему душой и телом. Как уж я могу думать о возврате и чем можно мне помочь?».

Монах отвечал: «Это вполне может быть, если вы станете ревностно просить бога о прощении и милосердии и отпущении грехов ваших, будете творить молитву и покаяние, а от прежнего отречетесь и воздержитесь впредь от волхвования и общения с дьяволом и никого более не соблазните и не совратите. Тогда мы отслужим за вас обедню в нашем монастыре, чтобы вам избавиться от дьявола».

«Служи или не служи обедню, — сказал Фауст, — моя клятва связала меня накрепко. Ведь я дерзко презрел господи и изменил ему как клятвопреступник, поклонялся дьяволу и доверился ему более, чем богу. Потому не могу я вернуться к нему, ни утешиться его милостью, которую я столь легкомысленно презрел. К тому же нечестно и непохвально было бы мне нарушить договор, который я скрепил своей кровью. Раз уже дьявол все честно выполнил, что он мне обещал, так и я вперед буду честно все выполнять, что я ему обещал и в чем обязался».

Когда монах это услышал, разгневался он и сказал: «Ну, так пропадай ты, проклятое дьяволово отродье, если отталкиваешь руку помощи». И с этим он ушел от него и рассказал ректору университета и высокому совету все как есть, и тогда приняли меры, чтобы Фауст отправился в другое место, и таким образом покинул он Эрфурт.

2

Из книги Г. Р. Видмана о Фаусте (1599)

Часть II, глава 20

Доктор Фауст возвращает домой одного попавшего в плен дворянина, в то время когда его жена справляла другую свадьбу

Один достойный дворянин приехал в Лейпциг и велел приготовить в гостинице хороший обед, во время которого хозяин ему рассказал о том, как умер доктор Фауст и какой страшный конец его постиг. Тут этот дворянин ужаснулся и сказал: «Ах, как мне жаль, он был все же добрый, любезный человек и мне оказал и сделал благодеяние, такое, что я этого во

всю жизнь не забуду: ведь он помог мне в Туретчине по своему великодушию. И случилось это со мной следующим образом.

«Я познакомился с ним семь лет тому назад, когда был еще холостяком и учился в Виттенберге. В то время один дворянин праздновал в Дрездене свадьбу, куда я и явился. И во время танцев мне необыкновенно понравилась одна благородная девица, так что, думалось, глаза мои не видели ни одной прекраснее ее. Я с ней познакомился, и таким образом из этого воспоследовал брак, и с согласия моих родителей повел я ее в церковь. А после того как я прожил с ней в добром супружестве примерно около года, несколько моих родичей соблазнили меня, когда я выпил лишнее, так что из дворянской спеси дал я им слово вместе с ними отправиться в святую землю, в Иерусалим, и сдержал это обещание нерушимо. Однако же некоторые из них умерли, и едва вернулось оттуда нас трое, и порешили мы отправиться в Византию, что в Греции, поглядеть на нравы и обычаи при дворе у Турка. А там нас узнали и взяли в плен, и пришлось нам пять лет влачить горемычную жизнь в тяжелой неволе, и один из моих родственников умер из-за этого.

«И вот дошла весть к моим друзьям в Германию, будто точно известно, что я умер. Между тем стали к моей жене свататься, и она поддалась уговорам выйти замуж. Уже все было готово к свадьбе. Это стало известно моему доброму другу Фаусту. Почувствовав ко мне сердечное сострадание, призвал он своего дула, спросил его, жив ли я еще, и когда от него узнал, что я жив, однако нахожусь в тяжком рабстве, наказал ему строго-настрого снова вернуть меня на родину и привести сюда.

«Дух явился ко мне в полночь, когда я лежал на земле (ибо таково было мое ложе) и размышлял о своем несчастии, а было совсем светло, и я подумал: кажется, я этого человека когда-то видел.

«Он начал со мной гворить и сказал:

— „Разве ты больше не помнишь своего верного друга доктора Фауста? Вперед же! Следуй за мной, и ты излечишься от своей печали“.

«Итак, спящим я перенесся в жилище доктора Фауста, который отменно меня принял и сообщил мне, что жена моя вышла замуж и нынче была первая брачная ночь, но она оказалась не очень удачной, ибо он отнял у новобрачного его мужскую силу, так что невеста только вздыхала о своем первом муже, а новобрачный неистовствовал, как будто он взбесился.

«Когда же наступил следующий день и все должны были идти в церковь, появился я откуда ни возьмись и встал заранее на том самом месте, где происходила свадьба, и когда жена моя меня увидела, она сперва очень испугалась, а потом спросила меня, на самом ли деле я ее муж или только дух. Я ответил ей, кто я есть, и что слух о моей смерти был ложным и для доказательства этого доктор Фауст вытребовал меня из Туретчины так, как я сейчас стою, в том же платье.

«Тогда она упала мне в ноги и просила о прощении и созвала сейчас же друзей и сообщила им о моем прибытии и пожелала тотчас же расстаться с ее нынешним женихом, ибо он к тому же и не мужчина.

«Как только новобращный услышал это обвинение, сел он на своего коня и уехал оттуда, и никто не знает, куда он исчез.

«А добрый доктор Фауст сослужил мне такую службу, что я ему никаким добром и деньгами отплатить не смогу».

3

Из народной книги о Вагнере, гл. 37—38*Глава тридцать седьмая**Как Кристоф Вагнер отправился в Новый Свет
и что он там предпринял*

Когда Кристоф Вагнер снова обрел бодрость духа, дошли до него слухи о Новом Свете, который в то время был только что открыт и где он прежде уже однажды бывал.

И решил он снова туда поехать, чтобы лучше ознакомиться с расположением тех мест, а также узнать нравы и обычаи населяющих их народов. Для этого вызвал он своего духа Ауэрхана и дал ему понять свое намерение. Тот без промедления высказал ему свою покорность и послушание и вскоре послал ему петуха, который должен был доставить его целым и невредимым в означенное место.

Вагнер сел на него и быстро отправился в путь, и когда он пробыл в пути почти целый день, заметил он несколько странных птиц, летящих над морем. Он спросил духа, что это значит. На это дух дал ответ, что они близки к земле. Вот отчего можно видеть таких удивительных морских птиц.

Когда же наступил вечер, повез его дух не высоко, а над самой водой, так что он увидел несколько летающих рыб, которые, словно птицы, имели крылья из плавников и могли довольно высоко взлетать в воздух. Утром, когда еще не забрезжил день, приземлился он на острове Кумана¹.

Тут он не увидел ничего особенного, только одну страшно безобразную женщину, вид которой его очень испугал. Она держала в руке корзинку с фруктами, растущими в той местности, и лицо ее выглядело столь отталкивающе, что Вагнер пришел в изумление. Она была совершенно нагая, с очень длинными волосами, а ушные мочки висели у нее до плеч. Они были продырявлены, и в них было продето несколько деревянных колечек. Ногти у нее были очень длинные, зубы черные, нос продырявлен, и в нем тоже висело кольцо.

Вагнер не имел желания дольше оставаться в этом месте и поехал далее и прибыл в страну, которую называют Западной Индией.

Эта страна в то время была еще очень населена, но потом в ней сильно свирепствовали кровожадные испанцы. Так, на острове, называемом До-

миниго², они оставили в живых около пятисот человек, не более, тогда как прежде их насчитывали пятнадцать сотен тысяч.

В этой стране живут совсем дикие люди, бороды не носят, но как только она отрастает немного, они соскребают ее острыми раковинами. Испанцы постоянно воюют с ними, так как те не хотят покориться. Они стреляют отравленными стрелами и в таком количестве, что испанцы едва могут уберечься.

Кристоф Вагнер увидел тут, как испанцы берут в Индии в плен этих людей. Дикари обычно живут в горах, особенно когда приходит враг. Испанцы прячутся тогда в долинах, в таких местах, где их не могут заметить. Когда же индейцы сбегают вниз для ловли рыбы в море, испанцы выходят из своего укрытия и ловят их точь-в-точь, как волк бросается на овец.

Их корабли сделаны из больших деревьев, как наши челноки, и сделаны они из целого ствола, выжженного внутри так, словно вырублено топором. Но так как подобного орудия у них нет, то берут они огонь, раздувают его в разные стороны, все лишнее выжигают, после чего так скребут дерево звериными или рыбьими костями, что оно принимает форму настоящего челна. Такой челн может вполне вместить пятьдесят человек.

Часто они сгоняют несколько тысяч пленных индейцев, которых приводят связанными. Для того чтобы те не осмелились напасть на испанцев и не одолели их, они делают им глубокие порезы в коже и мякоти груди и рук, лишая их тем возможности защищаться. Бедные матери также бредут вместе с ними, пленные и связанные, а за ними бегут часто двое или трое ребятишек. Время от времени они вскакивают им на спину и дают себя нести, а если они не в силах идти вперед, испанцы приканчивают их на глазах у матерей и в этом находят удовольствие. Девушек не оставляют они неопозоренными, но всем им приходится претерпеть насилие, равно как и мужчинам, а мужчин заставляют присутствовать при этом.

Каждый простой индеец может иметь не более одной жены, но знатнейшим князьям дозволяется брать трех или четырех. Одной из них подчиняются все остальные. И когда одна состарится, он ее отправляет и берет другую.

Мужчины, хотя бы и старые, ходят совсем нагие. Однако некоторые имеют длинные трубки из растений, похожие на маленькие тыквы, и прячут туда свой срам, остальное же оставляют висеть на виду. Порой эти удивительные футляры забавным образом украшены золотом и жемчугом; это у них считается красивым.

Женщины вместо того употребляют тонкое покрывало, девичьи — повязку или чепчик, которыми прикрывают свои драгоценности.

Если кто-нибудь из знатнейших празднует свадьбу, то прежде жрец, которого они называют Пиахос, должен почтить невесту. Это считается большой честью и особенным почетом³.

Живут они скудно, перебиваются рыбой, которую ловят, также жрут человеческое мясо, лягушек, насекомых, червей и других животных.

Растет у них трава, называемая «капсок» или «ари», острая, как перец. Они сжигают ее в порошок вместе с жемчужными раковинами и с помощью

ее делают свои зубы черными как уголь. И это они делают также для того, чтобы зубы у них не болели, так как это у них испытанное лечебное средство.

Их постели сплетены из древесных волокон, как сети. Они вешают их на две палки и ложатся туда. Таким образом они качаются в воздухе¹.

Они широко просверливают свои губы, носы и уши и вдевают туда драгоценные камни и раскрашивают себя разными соками из трав в красный и голубой цвет, и тот, кто пестрее других, считается у них лучшим и самым красивым.

Оружием им служат лук и отравленные стрелы, которые делаются из камыша или тростника. И так как они не имеют железа, то на конце стрелы прикрепляют твердую рыбью чешую или кость или кремь и смазывают их черной мазью, которую старухи готовят и варят из ядовитых трав и животных. И многие из них при этом умирают от чада и испарений. Если же кто-нибудь бывает ранен такой свеженамазанной стрелой, его тело внезапно вспухает и раздувается, и он впадает в бешенство от действия сильного яда. Когда такая стрела попадает в испанца, он должен иметь при себе раскаленное железо, сразу же прижечь рану, и после этого он вылечится.

Когда сюда приплывают другие испанцы, они обменивают пленных индейцев на вино и на различные вещи, привезенные из Испании. И если индейские женщины даже беременны от испанцев, они их продают, не считаясь с этим.

Пленных содержат хуже, чем скот, не дают им досыта ни есть, ни пить. Они часто обречены умирать в лишениях и муках, среди собственных нечистот, мучительно, горестно, жалости достойно.

Сначала, когда испанцы явились сюда, индейцы думали, что это боги или дети богов и что они бессмертны. Один знатный вождь захотел это проверить и приказал привязать одного из испанцев, пойманного в этой местности на берегу, веревкой за правую ногу и продержать некоторое время в воде, пока он не захлебнулся насмерть. И когда они это увидели, то порешили, что и другие, должно быть, тоже смертны.

У жителей этой страны много золота, жемчуга и других драгоценных камней. И все это они презирают и ни во что не ставят, не очень умеют этим пользоваться и не знают, что из этого сделать. Поэтому часто они отдавали многое за несколько зеркал, ножичков и другой дребедени. Однако теперь испанцы сильно преуменьшили тамошние богатства и столько оттуда вывезли, что скоро там ничего уже не найдешь.

Жемчужины ловят там в их раковинах, как в нашей стране рыбу.

Когда испанцы пришли туда впервые, индейцы удивились, откуда только взялись эти бородатые люди. И когда они увидели большие суда, мечи, арбалеты, а также прекрасную одежду, ружья и пушки, наряду с другим корабельным оружием, они не знали, что и думать. А когда они слышали оружейные выстрелы и грохот, то решили, что испанцы спустились с неба. Когда же они из любопытства слишком далеко забрались на корабли, пришлось им здесь и остаться, так как испанцы взяли их в плен.

Когда они в первый раз увидели лошадь и сидящего на ней человека, который правил ею и вел в бой, они решили, что это такой зверь — не два зверя, а один, цельный. И так они думали, пока не убили одного из них.

Когда и им иногда случалось захватить испанцев, они связывали им руки и ноги, бросали их на землю, набивали им до отказа жемчуг и золото в глотку и, давая им этим урок за их жадность, говорили: «Жри золото, Кристоф!». После этого один отрезал у них руку, другой ногу, отрезанные конечности поджаривали на кострах и плясали при этом, потом пожирали их и возвращались довольные в свои хижины.

Что касается их религии, то она представляет собой следующее: они поклоняются многим и различным богам. Иные из них намалеваны, другие вырезаны из мела, или дерева, или из золота, или серебра и имеют самый причудливый вид. У иных это птицы и другие отвратительные звери, как мы малюем чертей, с когтями, лапами и длинными хвостами.

Хотя монахи и убеждали их, что они должны бросить своих богов, они все же не соглашались, говоря, что христианский бог — злой бог, ибо его дети, которые почитают его, целиком погрязли во зле.

Они не просят многого у своих богов. Только досыта есть и пить, здоровья и победы над своими врагами. Очень часто дьявол, принимая различные личности, обманывает их, обещая что-либо их жрецам. Когда же он не выполняет своих посулов, то говорит, что изменил намерение ввиду того, что они совершили грех. Так дурачит он людей, лукавый и лживый шельмец!

Если какой-нибудь знатный вождь хочет справить праздник и вознести молитву своему богу, он велит собраться всем своим подданным, мужчинам и женщинам, и когда они являются, то все выступают в установленном порядке. Впереди идет вождь и первым вступает в храм. Жрецы уже находятся там и молятся идолам. Когда он входит, то ударяет в барабан, и тогда весь остальной народ входит за ним. Они украшают себя всевозможными перьями попугаев и других птиц, на шею, руки и ноги надевают браслеты, сделанные вместе из золота и перламутра. Так, прыгая и танцуя входят они туда и поют положенные песни на своем языке. Когда же они войдут все, то каждый берет палку и сует ее себе в горло, чтобы вызвать рвоту и тем показать, что нет у него ничего недоброго на сердце. После этого они падают на колени и поют другую песню угрюмыми голосами.

Тут приходит группа женщин, которые несут корзины с хлебом и приносят его в жертву богам. Хлеб этот берут священники и делят его, словно это священная вещь и служит добрым предзнаменованием. После этого они возвращаются домой, веселые и довольные.

Есть там растение, называемое у них табак⁵, оно подобно маленькому кустику и похоже на яблоню, только меньше. Оно нежно-зеленого цвета, со слабым запахом. Листья этого растения они сушат на воздухе и потом, когда кто-нибудь хочет испытать наслаждение и видеть чудесные сны или получить предсказание о своем будущем, а также если жрецы хотят проведать и узнать о войне, о богах или других предметах, тогда они берут

листья этой травы, кладут их на пылающие угли, вдыхают носом дым через воронку или трубку, для того приспособленную, и глубоко втягивают его в себя. Когда же они вдоволь надышатся, то падают на землю как мертвые и лежат часто весь день напролет без сознания. В этом глубоком сне им видятся грезы и разные чудесные происшествия, которые, должно быть, навевает им черт; проснувшись, они рассказывают их друг другу и в соответствии с ними потом поступают. Некоторые, однако, только слегка втягивают в себя дым, так что у них стоит в голове дурман, как бывает у наших немцев, наглотававшихся вина.

Они не блюдут ни стыда, ни приличия, но подобны петухам, которые на улице бесстыдно творят со своими курами все, что ни пожелают, и делают они это без всякого стеснения в своих висячих постельках. А когда женщина родит, то она идет к морю, очищает себя и ребенка, забирается куда-нибудь подальше и в течение шести недель ни с кем не грешит.

Есть у них один плод, называемый маис⁶. Они сеют его, чтобы печь из него хлеб, когда он вырастет. Поля они не пахут, как мы, но делают маленькие ямки, сажают в каждую по четыре или пять зернышек, покрывают их снова землей и оставляют расти. Каждое зерно, созрев, приносит более чем стократный урожай, а иногда и много больше.

Для печения хлеба приставлены специальные женщины-пекарки. Они с вечера заливают зерно водой, оставляют его так стоять и мокнуть. На другой день дробят его между двумя кремневыми жерновами и месят как тесто. После этого они лепят хлебы, длинные или круглые, как им понравится, обертывают их в тростниковые листья, смачивают водой и в таком виде пекут.

Когда испанцы разгневаются на своих крепостных рабов, которых они захватили в Индии, за то, что кто-нибудь из них поступил не так, или не выполнил своего дневного задания, или не принес столько золота или жемчуга, как ему приказали, в таких случаях индейца, придя вечером домой, должен снять рубашку, если только она у него есть, а они, связав ему руки и ноги, кладут его на землю и стегают бичами до тех пор, пока кровь не заструится у него отовсюду. Потом льют они ему на тело по капле расплавленную смолу или горячее масло и, когда он намучается достаточно, обливают из милосердия соленой водой с едким перцем, кладут на старое одеяло и оставляют лежать до тех пор, пока он снова не станет пригоден к работе. Некоторых после избиения закапывают в глубокие ямы, так, что только голова их выглядывает на поверхность, и оставляют там на целую ночь. И когда кто-нибудь из них умирает, никого за это не наказывают. Только должны вместо этого раба доставить его господину другого.

В этих странах находят крокодиловы яйца, они очень твердые и большие, как гусиные. Часто голод вынуждает испанцев их есть. Водится здесь также четырехногий зверек, называемый ингуана, не очень отличающийся от нашей ящерицы. С подбородка у него свешивается, маленький пучок волос, как борода, на голове гребень, как у петуха, но на спине перья, как у рыбы. Живет он в воде и на суше. Яйца его вкуснее, чем мясо. Также ловят там рыб, называемых «кутра», некоторые из которых достигают 32

и даже 35 футов в длину и 12 футов в толщину. Голова у них величиной с бычью, глаз нет совсем, кожа жесткая, две ноги, как слоновьи. Самки рождают детенышей и вскармливают их грудью. Мясо на вкус как телячье.

Еще одна рыба водится там. Она тоже очень большая и любит людей, так что одну из них двадцать шесть лет подряд держали в пруду и кормили хлебом. Эта рыба стала ручной настолько, что, когда ей среди дня кричали «Матто, матто», что по-индейски значит «большой» или «славный», она появлялась на поверхности и дети давали ей хлеб и играли с ней. Иных, кто хотел переправиться через пруд, она брала на спину и могла без ущерба перевезти до тридцати человек.

Еще встречается там зверь, у него на теле имеется большой нарост, словно бы другое тело, и когда у него появляются детеныши, они лежат, спрятавшись в этом наросте. Он похож на лису, имеет руки и ноги, как у мартышки, и уши, как у летучей мыши. Между ними попадает особая разновидность, которая ночью, когда люди спят, кусает и жалит людей и сосет их кровь. Но они не ядовиты. Если они кого-нибудь сильно искусают, то раны заживают за три-четыре дня.

Когда Кристоф Вагнер достаточно нагляделся в этих странах, он попросил своего духа, чтобы тот опять доставил его домой.

Глава тридцать восьмая

*Кристоф Вагнер едет в другую страну,
где он вынужден принять участие в любовной войне*

Дух посадил Вагнера себе на спину, чтобы отвезти его домой. Тут привез он его в другую местность, именуемую Никарагуа, которая лежит ближе к небесному кругу, называемому экватором. Здесь круглый год стоит такая жара из-за палящего солнца, что днем на воздухе чувствуешь себя очень плохо, а если жители хотят заниматься каким-нибудь делом, то все это должно совершаться ночью. Когда наступает май, начинаются у них дожди вплоть до самого октября, а после этого у них прекрасно и радостно. Никогда у них не бывает зимы, и они не знают ни снега, ни льда.

Мед, воск, бальзам и хлопок имеются там в изобилии, и повсюду встречается особый вид яблок, какого не найти во всем свете. Внешний вид у них почти как у груши, внутри косточка, круглая, как половинка ореха, и они очень приятны на вкус.

Много там местечек и деревень, но совсем небольших, с маленькими домиками, сделанными из тростника и очень низкими.

В большом числе водятся здесь попугаи, которые наносят большой ущерб созревающим плодам, и если бы их не отгоняли силой, они причинили бы индейцам еще большие неприятности.

С этого острова вывезли к нам калькутских кур, которые у них водятся во множестве.

Растет у них плод, называемый «каканте». Они пользуются им вместо денег. По форме он вроде миндалинки, имеет много оболочек, напоминает тыквенное семечко, а плодоносит только один раз в год. Дерево, на кото-

ром он растет, не велико и не высоко, любит тенистые места. Как только опалит его солнце, оно вянет и погибает, поэтому они сажают кругом него множество других деревьев, и они сплетаются над ним своими верхушками так, что солнечные лучи не могут коснуться дерева.

Туземцы охотно пожирают человеческое мясо и добывают огонь с помощью двух сухих деревянных палочек. И хотя у них вдоволь есть воску, однако они не умеют его применять, а светильники делают из дикой сосны, чтобы видеть ночью.

Когда Вагнер прибыл туда, он прежде всего увидел веселую и забавную пляску. Около тысячи индейцев собралось в одном месте. Они расчистили и хорошо подмели широкую площадку, один из них танцевал впереди других, ведя за собой хоровод; большей частью он прыгал спиной вперед, время от времени поворачиваясь. И какие движения он делал, то же вслед за ним делали и другие. Было же их в общей сложности три или четыре человека в одном ряду, которые танцевали впереди других и следовали его движениям.

Музыканты били в барабаны и пели при этом песни, которые у них приняты. Ведущий танцор отвечал на это таким же голосом и теми же словами, за ним начинала кричать вся толпа, а затем снова вступали музыканты. Один имел в руках опахало, другой тыкву, наполненную камешками, и гремел ею, или горшок, весь утыканный удивительными перьями. Иные обвешивали себя раковинами и кораллами, один приподымал ногу, другой размахивал ею, один прикидывался слепым, другой глухим, этот хромым, а тот кривобоким, кто смеялся, а кто плакал. В общем, самый дурашливый считался самым лучшим, и предпочтенье отдавали тому, кто мог соорудить самую смешную рожу. И этим они занимались до самой ночи и пили притом напиток из плодов каканте.

Когда Вагнер посмотрел на эту игру, захотелось и ему быть с ними, и велел он своему петуху на глазах у всех вести себя в середину круга. Но только индейцы это увидели, как испугались и убежали и больше не захотели показываться.

Тогда явились два знатных жреца и спросили, что ему надобно, но так как Вагнер не понимал их речи, то дух должен был все переводить. Прежде всего Вагнер объявил, что он их бог и что они должны принести ему жертвы. Когда они это поняли, то сперва отказались, решив, что он жадный испанец, так как они давно уже знали об этих пришельцах, как они поступали с их соседями и с ними самими. В ответ на это Вагнер сказал, что всех их превратит в диковинных зверей, если они не послушаются, и вслед за этим наколдовал одному жрецу лошадиную голову, а другому бычью, и велел им идти. Когда это увидели остальные, они пришли в волнение, явились к нему с жемчугом, золотом и множеством других драгоценных камней, принесли это все ему в жертву, моля его о пощаде. Наконец, пришел знатный вождь, повел его к себе, в свою хижину, положил с ним красивую девушку, с которой он ночью забавлялся и которая, как узнал впоследствии Иоанн де Луна⁷, забеременела от него и родила дочь, злую волшебницу.

На другое утро, когда он встал, вышли они вместе из пещеры, и было очень жарко. Вагнер вскоре опять вошел в пещеру. Вскоре пришел вождь со всей своей свитой, принес ему подарки, стал ему молиться. То же самое сделали его рабы и слуги. Тогда, по повелению Вагнера, зазвучала музыка, слышны были трубы и дудки, так что индейцы были потрясены еще больше, чем вчера, потому что ничего не видели, а следовательно, и не могли понять, как это все происходит, и они оказали ему после этого знаки большего почтения, чем раньше.

Когда Вагнер увидел простоту и благочестие этих добрых людей, не захотел он обижать их своим колдовством, не стал их мучить, ушел от них и пришел дальше к высокой горе, которая сильно дымилась, и из нее вырывались клубы огня, так что это можно было видеть ночью, на расстоянии ста тысяч шагов. Впоследствии некоторые испанцы, предполагая найти в этой горе много золота, велели изготовить медный котел, повесить его на железных цепях длиной в 140 локтей и в нем спустились вниз. Но котел, вместе с цепями, вскоре расплавился, и приятели, которых было двое, упали туда и все еще ищут золото, однако до сих пор еще оттуда не вернулись.

Диакри этих мест очень удивляются, как можно писать черным по белому так, что когда написанное попадает к кому-нибудь другому, то дает ему возможность понять речь или мнение того, кто писал.

После этого дух привел его на остров Перу, который представляет собой небольшую провинцию, также не очень богатую. Расположена она ниже линии экватора. В этой стране был король по имени Атабабила, мудрый и разумный человек, что видно из следующего. После того как испанцы пришли в ту страну, с ними был один монах, который, явившись к королю, заявил ему, что они прибыли к нему по приказу его королевского величества, а также папы римского, который, будучи наместником господя, нашего спасителя и избавителя, даровал ему эту страну; поэтому он послал сюда ученых людей, которые должны прославить среди них его святое имя и избавить их от ужасных бесовских заблуждений. И сказал ему дальше, как господь сотворил небо и землю из ничего, а также о падении Адама и Евы и о том, как Христос сошел с неба и стал человеком, рожденным от девы, умер на кресте за все наши грехи и за грехи всего мира, воскрес от смерти на третий день благодаря божественной силе, вознесся на небо, и что мы все после смерти воскреснем из мертвых, достигнем блаженства и во веки веков будем пребывать в царствии божием.

Вслед за этим он рассказал о силе и могуществе папы, который может лишить блаженства любого, кого он захочет. Прославляя в то же время мощь и богатство короля и королевы испанской, он дал ему свой молитвенник, сказав, что это закон божий, из которого он должен почерпнуть христианскую веру, отказавшись от своих ложных богов, и признать, принять и почитать справедливого, истинного бога в трех лицах. Он не должен также отказываться от дружбы испанского короля, являющегося повелителем всего мира, должен послушно платить ему дань и отдаться под его защиту.

На это перуанский король ответил, что он, как независимый властитель, отнюдь не хочет платить дань тому, кого он никогда не видел, так как это было бы в высшей степени несправедливо, и что папа, должно быть, бесстыдный и неразумный человек, раз он так щедро раздаривает владения других людей. Религию он вообще не хочет менять. Зачем ему верить в Христа, который умер? Он будет верить в свое солнце, которое никогда не умирает.

Вслед за этим он спросил монаха, откуда он знает, что христианский бог создал из ничего небо и землю и умер на кресте. Монах сказал: «Из этой книги». Король взял ее, отбросил ее тут же от себя и сказал: «Мне эта книга ничего не говорит. Если бы ты ее потерял, откуда смог бы ты все это узнать?». Монах забрал свою книгу и ушел от него. Таким образом, король этот не позволил обратить себя в христианство и был впоследствии убит испанцами.

Когда Кристоф Вагнер туда пришел, потребовал он от духа, чтобы тот доставил его к королю. Он был приведен туда и увидел его восседавшим на стуле, покрытом бумажными тканями, и был он совершенно нагой, но вокруг живота имел плетеную повязку и сидел за трапезой. На столе были поданы коренья и большие индийские фиги и какое-то скудное питье.

Когда Вагнер это увидел, послал он своего духа в Испанию. Тот проворно воротился, принес бутылку, наполненную вином, и доброе блюдо жареных птиц и других яств, изысканно приготовленных, поставил все это перед королем, который чрезвычайно удивился, откуда это появилось, но никого не увидел вокруг себя, кроме своих слуг, находящихся в отдалении, ибо Вагнер сделался невидимым.

Тогда тот подумал, что это был бог, и спросил своих слуг, не видели ли они кого-либо. Они ответили, что никто из них никого не видел, только одному показалось, будто он заметил тень какого-то постороннего человека, но не мог точно определить, каков или кто он был.

Король спросил, не сын ли он солнца? Вагнер ответил утвердительно. Тогда король спросил, не может ли он принять для него зримый вид, и Вагнер тотчас же ему показался. Король стал ему молиться и просил у него долгой жизни. Вагнер обещал ему это и сказал, что явился к нему, чтобы увидеть его ревностное служение богу и его богатство. Король хотел тут же встать и показать ему свои сокровища, но Вагнер велел ему остаться сидеть и есть. Король исполнил это и стал есть вместе с Вагнером, но дух невидимо был при них, учил Вагнера, как ему говорить на этом языке, тайно подсказывал ему и вместе с тем переводил, так что он мог вести беседу. Королю очень понравился сосуд с вином, он попросил подарить ему этот сосуд, а Вагнеру дал взамен другую посуду из золота, так что тот остался очень доволен.

После этого повел его король в свою сокровищницу, где лежало много золота, жемчуга и драгоценных камней. Все это очень понравилось Вагнеру, и он взял много вещей, что король ему охотно разрешил. Вскоре после этого он распрощался и поднялся в воздух, так что все могли это видеть, и думали не иначе, что это был у них сын солнца⁹.

III

СВИДЕТЕЛЬСТВА
О ПОСТАНОВКЕ НАРОДНОЙ ДРАМЫ
И КУКОЛЬНОЙ КОМЕДИИ

1

Грац
1608

Еще хочу рассказать Вам, любезнейший братец, какие комедии представляли у нас англичане... В воскресенье смотрели мы у них доктора Фауста.

[Из письма эрцгерцогини Магдалины Австрийской
ее брату Фердинанду в Регенсбург].

2

Дрезден
1626.

Июля седьмого — представлена была трагедия о докторе Фаусте.

3

Прага
1651

В мае 1651 года привилегированный придворный комедиант саксонского курфюрста Иоганн Шиллинг обратился в королевское штатгальтерство в Праге с просьбой о разрешении «представить на театре различные пьесы нравственного характера». К этому прошению он приложил список пьес своего репертуара, в котором среди прочих значится и трагедия об архиколдуне докторе Фаусте.

4

Ганновер
1661

Герцог Ганноверский выписал из Гамбурга немецких комедиантов, и я хорошо помню, как они играли доктора Фауста, которого уносил дьявол.

[Из мемуаров герцогини Софии Ганноверской].

5

Люнебург
1665.

В 1666 году в Люнебурге гастролировал Михаэль Даниэль Дрей (или Трой) со своими театральными фигурами¹ и представил следующий список пьес:

. . . . .

18) О докторе Фаусте.

6

Комедия о докторе Фаусте

Сперва из ада появляется Плутон и призывает к себе по очереди разных бесов — беса табака¹, беса похоти и среди прочих беса умствования — и дает им команду всеми возможными способами морочить людей. После этого было показано, как доктор Фауст, не довольствуясь обыкновенной наукой, углубляется в магические книги и призывает к себе бесов, причем испытывает их быстроту, ибо хочет, чтобы ему служил быстрейший. Ему мало, что они быстры как олени, как облака, как ветер, ибо он хочет такого, который в быстроте не уступал бы человеческой мысли. И после того как за такового выдает себя бес умствования, Фауст хочет, чтобы он прослужил ему 24 года и предлагает за это свою душу. Подобную сделку умный бес не решаетя заключить за свой страх, а обращается к Плутону, каковой одобряет ее, после чего бес заключает договор с доктором Фаустом и берет с него расписку кровью. Потом приходит один отшельник и увещевает Фауста, но тщетно. Фаусту удаются все заклинания. Он велит показать себе императора Карла Великого и прекрасную Елену, с каковой он предается плотским наслаждениям. Под конец в нем просыпается совесть, и он считает часы, пока не бьет полночь; тут он обращается к своему слуге и предостерегает его от занятий колдовством. Затем снова выходит Плутон и посылает своих бесов притащить доктора Фауста, что они и выполняют, да еще подбрасывают его вверх и разрывают на клочки.

Дневник
1882

Представлено было также, как Фауста мучат в аду, где его то подбрасывают вверх, то швыряют вниз, причем из языков пламени составляются слова:

Accusatus est, judicatus est, condemnatus est*.

[Из дневника Георга Шредера].

7

В репертуаре театрального антрепренера Михаэля Троя, восстановленном на основании квитанций денежных поступлений в городе Мюнхене за 1681—1685 годы, под № 22 стоит:

Мюнхен
1681—1685

НЕМЕЦКАЯ КОМЕДИЯ «ДОКТОР ИОГАНН ФАУСТ»

8

Отсюда можно заключить, что доктор Фауст жил в неизвестности, и сведений о нем сохранилось бы еще меньше, если бы комедианты столь часто не ставили его на театре.

[Из диссертации Неймана о Фаусте].

* Обвинен, судим, осужден (лат.).

9

1684 Каких только мерзостных и безобразных изображений дьявола не мастерят повсюду на масленицу, а потом еще обряжают их и выставляют напоказ!..

Есть ли что-либо, что представляют и смотрят на театре с большей охотой, чем историю проклятого архиколдуна доктора Иоганна Фауста, по той причине, что в ней всякий раз выпускают кучу чертей и изображают все их отвратительные телодвижения. И все это учиняется, невзирая на то, что не раз по соизволению божьему во время таких дьявольских маскарадных игрищ и комедий о Фаусте в толпу наряженных чертями проникали и настоящие бесы, вследствие чего неоднократно случалось, что на поверку один черт оказывался лишним, и не было никакой возможности понять, откуда взялся этот четвертый, или седьмой, или двенадцатый.

[Из примечаний к «Симплициссимусу» Гриммельсгаузена].

10

Время
1685.

Сегодня в пятницу 18 мая саксонскими верхненемецкими комедиантами будет представлена на их театре несравненная и всему миру известная пьеса год названием:

Жизнь и смерть великого архиколдуна
доктора Иоганна Фауста,
превосходное и стараниями Пикельхеринга
от начала и до конца увеселительное представление.

В этом главном действии на изумление всем будет показано следующее:

1. Плутон летает верхом на драконе по воздуху.
2. Колдовство Фауста и заклинание духов.
3. Пикельхеринг пытается собирать золото, но ему досаждают всякие летающие волшебные птицы.
4. Банкет у доктора Фауста, причем вся выставленная снедь превращается в разные курьезные штуки.
5. Из паштета появляются и летают по воздуху люди, собаки, кошки и другие животные.
6. Прилетает огнедышащий ворон и предрекает Фаусту смерть.
7. Наконец, Фауста уносят духи.
8. Показан будет вид ада с превосходным фейерверком.

После этого все главное действие повторяется теневыми картинками, зрелище редкостное и бесспорно заслуживающее двойной платы. При этом будет еще маскарад из шести персон: испанец, два фокусника, школьный учитель, крестьянин и крестьянка, каковые особо потешно плясать будут.

После этого представлена будет отличная и веселая пьеса, переведенная с французского языка на немецкий под названием: Муж, обиженный своей женой, или Жорж Данден¹.

Так как сегодня без сомнения последнее представление, то задние места стоят не дороже 8 грошей, к сведению зрителей! Представление будет происходить в доме покойного капитана Ниссена, на Длинной улице Начало ровно в 3 часа.

Кто прочел, скажи другим

[Афиша труппы саксонских верхненемецких комедиантов]

11

14 ноября 1696 года разрешили въезд немецким комедиантам 16-го Берлин 1696 они начали играть, было их всего 12 персон, очень хороши были костюмы Маркграф Баден-Дурлахский и его двор посещали представления каждый день.

Когда эти комедианты 24-го того же месяца представляли «Доктора Фауста» и играли его как трагедию с ужасами, случилось, что после окончания сей трагедии несколько старшин цеха ткачей пригласили арлекина на пирушку в здание цеха, что возле складского дома, где происходили представления, и когда после обильного угощения арлекин собрался идти домой и стал спускаться с лестницы, он оступился и полетел вниз головой, сильно повредив себе череп. Снесли его на квартиру, перевязали, уложили в постель, но к утру он скончался. Отсюда явствует, что представление столь богопротивных комедий безнаказанным не остается.

[Из рукописей хроники Шеррера].

12

В 1698 году в Гамбурге в одном балагане на Большом новом рынке Гамбург 1698 были выставлены механические фигуры, каковые говорить умели и к тому же большими позитурями превосходные действия, например «Жизнь и смерть Фауста», показывали.

13

Октябрь 1703 года.

В том же месяце в Саксо было вновь разрешено давать свои представления в Берлинской ратуше, причем ему было сделано вторичное предупреждение о недопустимости чего бы то ни было непристойного или недосудительного Берлин 1703

Однако, несмотря на это, духовное управление здешними церквями (во главе которого стоял тогда знаменитый доктор Шпенер, который собственноручно и подписал прошение и хлопотал по этому делу, особенно перед министром фон Фуксом) сочло своим долгом подать в высокие инстанции жалобу на то, что «когда в прошлые годы в резиденции приезжали различные общества комедиантов и представляли свои пьесы в Берлинской ратуше, дозволенные к представлению комедии никогда не проходили без

оскорбления нравственности. Поскольку в них показывали шутовские выходы шутейных персон и пикельхерингов и разные способствующие славу любовные истории, а главное, поскольку в не раз исполнявшейся трагедии о докторе Фаусте показано было настоящее заклинание бесов, коих выпускали на сцену, и кощунственное отречение от бога во имя нечистого, то многие в нашем городе либо открыто негодовали, либо вместе с подателями жалобы глубоко скорбели и тяжело вздыхали».

По каковым причинам они и ходатайствовали о полном запрещении подобного бесчинства.

По высочайшему повелению немедленно было произведено расследование этого дела, после чего управлению было сообщено, что «на те пьесы, о предосудительности коих писалось, уже наложен запрет. Что же касается остальных, то в столь большом столичном городе, как Берлин, на чисто запретить всякие театральные постановки не представляется возможным. Отныне, однако, самое пристальное внимание будет обращено на то, чтобы не допускалось ничего, что противоречило бы морали, благонравию и в особенности благочестию».

14

Вена
1715

22 июля в послеобеденное время в театре было представление под заглавием «Жизнь и смерть доктора Фауста». Между прочим, вышел повар, который извлек из своего мешка все, что относится до обеда: стол, стулья, блюда с кушаньями и пр.

[Из «Описания путешествия в Вену» монаха-минорита Георга Кенига из Солотурна].

15

1728

Только простонародье носится еще с «Доктором Фаустом» и прочими подобными книгами, от чтения которых их со временем тоже отучат. Только бродячие актеры играют еще пьесы, в которых можно увидеть, как колдуны в смехотворном облачении чертят знаки, круги и фигуры, бормоча при этом заклинания и нелепые магические формулы.

[Готшед].

16

Вена
1730

В субботу сего 9 июня в его императорского и королевского католического величества привилегированном театре возле Каринтских ворот в первый раз представлен будет «Доктор Фауст», переделанный на манер немецких комедий, английских пантомим и итальянских опер.

Пьеса эта до сего дня в таком виде еще никогда показана не была и благодаря многим театральным механизмам и несравненным декорациям особо зрелища достойна.

[Объявление о балете «Доктор Фауст»].

Mit Hoher Obrigkeitlicher Bewilligung

Wird hiezu von dem

Königl. Polnischen Churfürstl. Sächsischen

und

Hochfürstl. Braunschw. Lüneb. Wolfenb.

zunehmro auch

Hochfürstl. Schleswig Holsteinischen

Wof-Comödianten

Ein deutsches Schauspiel vorgestellt werden.

Genannt

Das ruchelose Leben und erschreckliche Ende des Welt bekanneten

Erz-Sauberecks

D. Johann Sausse.

Dabey wird unter andern vorkommen und zu sehen kommen

Ein großer Herd auf der Wiese unter welchem Pallast an den Rücken Leine u. Acheron
Zu dem Fußste kommt Charon in dem Schiffe gefahren und zu ihm Pluto auf einem
für am Dreaden vor dem in ganz unterird. ihr Hofstaat und Geistes künig

D. Sausse Erzieher und Quader Komiker Ein annehmlicher Oberbischof Best. sinat
unter einer sanfter Musik. folgende bezieht die Verse

Wohle was ist Braunen?

Ich was nicht das doch verhalten?

Ich die Braunen was gar E. mehr

und gebildet in di. bören

Das an so viel Freude zu sein

Wird Uebelwärtig in sein?

Ich die Braun b. Subjet Gunde

Ich die Braun b. Subjet Gunde

Wach zu dem Himmel? oder

Das er in dem Himmel?

Ich den Erbverkommen sein

Ich die Braun b. Subjet Gunde

Ein Kacker kommt aus die Luft und hohlet die Handbücher der D. Sausse
wonne Würst gerath abwärts über seines Herrn der D. Sausse Saubereck. Er muß sieben
bieren und kan nicht vom Platz geben, bis er die Schuly ausgegogen hat. Die Schuly
sungen mit e. runder auf eine lustige Art.

Ein Feuer aus Hof Bedienter, welcher dem D. Sausse verpölet bekommt sich barisch
zu einer der Schürer.

Ein Bauer handelt dem D. Sausse ein Pferd und so bald er er traut verwandelt sich das
Pferd in ein Hundgen Hui. Der Bauer will dem D. Sausse darüber zu Kerkeliden Sausse
für sich die oder er sich die der Bauer will ihn, und triff ihm im Wein aus
Lene Würst will seine viel Geld haben ihn zu vergnügen. laßt ihn Wehstischbi et Geld
wegen.

Die Wölfe spielen singt unter einer angenehmen Musik eine dem D. Sausse unangenehme
Zeit. Weil sie ihm damit seinen Unterthan anfuhrer.

D. Sausse nimmt von seinem Kammerknecht Abschied. Lene Würst macht
sich auch davon und die Geister behden den D. Sausse unter einem künstlich spielenden
Kunst Werke hinweg.

Die unterirdisch. Pallast die Pluto sagen sich nachmals. Die Funen haben den D. Sausse
und hatten um die herum ein Hebel der sich in die Hand zu sich nicht nicht gebracht haben
Dese. ob. 19 wird angenehmer zu sehen als hier zu lesen sein.

Der Anfang ist um halb 5 Uhr, in dem sogenannten Opern-Hause auf dem Gankel Markt in Hamburg. Die Personen giebt auf den ersten Rang Pagen 2. Nord auf den andern Rang Pagen 1. Nord 8. Schül. Parterre 1. Nord um 10 Uhr oder auf dem letzten Platz 8. Schül.

Montags, den 7 Jul 1738.

Johann Neuberger

Афиша труппы Иоганна Нейбера. Гамбург, 1738

Гансвурст
1753

С милостивого дозволения властей придворные комедианты короля Польского, курфюрста Саксонского, великого князя Брауншвейгского, Люнебургского, Вольфенбюттельского, а ныне также и великого князя Шлезвиг-Гольштинского сегодня представлять будут немецкую пьесу под названием:

Преступная жизнь и ужасающая смерть
всемирно известного архиколдуна
доктора Иоганна Фауста

Показано будет помимо прочего:

Большая терраса перед подземным дворцом Плутона на реках Лета и Ахерон. По реке плывет челн, управляемый Хароном, а навстречу ему на огненном драконе летит Плутон, за которым следует весь его придворный штат духов.

Кабинет и библиотека доктора Фауста Приятный небесный дух поет под нежную музыку следующую трогательную арию.

Фауст, ты на что решился?
Что творишь ты и зачем?
Или разума лишился
И не думаешь совсем,
Что придется тебе, друг,
Стать добычей вечных мук?
Иль греха милей услада,
Чем спасение души?
К обреченным детям ада
В ослепленьи не спеши.
Ад крошечный, разве он
Лучше, чем небесный трон?

Что спастись тебе поможет?
Ах, взгляни на небеса.
Дождь смягчит тебя, быть может,
Как целебная роса.
Сердце гордое смири.
В рай дорогу избери.

Прилетает ворон и уносит контракт, собственноручно подписанный Фаустом.

Гансвурст попадает невзначай в волшебный круг доктора Фауста. Он не может сойти с места, пока не догадывается снять сапоги. Сапоги весело пляшут друг с другом.

У самонадеянного придворного, посмеявшегося над Фаустом, вырастают большие рога на лбу.

Крестьянин покупает у доктора Фауста лошадь, но, когда он на нее вскакивает, она превращается в пучок сена. Крестьянин хочет призвать доктора Фауста к ответу. Фауст притворяется спящим, крестьянин тормозит его и вырывает ему ногу.

Гансвурст хочет разбогатеть, и, чтобы потешить его, Мефистофель вызывает золотой дождь.

Елена Прекрасная поет под приятную музыку арию, весьма неприятную для доктора Фауста, ибо она извещает его о близкой гибели.

Доктор Фауст прощается со своим фамулузом Кристофом Вагнером. Гансвурст удирает, и духи уносят доктора Фауста при искусном фейерверке.

На сцене снова подземный дворец Плутона. Фурии окружают доктора Фауста и пляшут от радости, что получили его в свои владения.

Остальное зрителям будет приятнее посмотреть, чем прочесть на афише.

Начало в половине пятого в так называемом Оперном театре на Гусином рынке в Гамбурге. Плата с персоны в ложах первого яруса 2 марки, второго яруса 1 марка 8 шиллингов, в партере 1 марка, а на галерее или на последнем месте 8 шиллингов.

Понедельник 7 июля 1738 года.

Иоганн Нейбер.

18

a

Гансвурст выходит на сцену в своей чародейской мантии. Хозяин говорит: «Ну, Гансвурст, повеселись, ведь час твой на исходе». В ответ на это Гансвурст весело прыгает по сцене. Затем хозяин предупреждает: «Черт идет», — и Гансвурст молниеносно прячется в свою волшебную мантию, так что его совсем не видно. Когда же хозяин говорит: «Все в порядке, он ушел», — собачка снова начинает прыгать и танцевать. Но хозяин повторяет: «Он идет», — и Гансвурст мгновенно исчезает.

[Из «Описания путешествия» Рудольфа Ланга.
дрессировщика собак].

б

Она изображает доктора Фауста

На задних лапках в круг магический вступает.

Заслышав: — Черт идет! — сейчас же удирает.

[Из уведомления Рудольфа
Ланга].

19

В октябре 1739 «под дирекцией знаменитого силача Иоганна фон Экенберга» выступали на Фулентвите «привилегированные его величеством королем прусским придворные комедианты, канатоходцы, вольти-

Гамбург
1739.

жеры и воздушные гимнасты и показывались большие итальянские живые теневые картины»...

Кроме акробатических номеров, Экенберг показывал в Гамбурге теневые картины, пантомимы с живыми исполнителями и комедии, среди которых был и «Доктор Фауст» — образец бессмыслицы и нелепой фантастики. В ней можно было увидеть, как духи тьмы мучают доктора Фауста в аду, терзают и жгут его раскаленными щипцами, а «подземные духи поднимают его слугу Гансвурста в воздух и за чрезмерную дерзость разрывают живьем в клочья». Жуткое, надо думать, было зрелище!

Жуть до дрожи или смех до упаду, или и то и другое вместе, вот что нравилось тогда.

20

Кенигсберг
1740

Верующие подали жалобу на то, что Гильфердинг «представлял истории из Библии на мирской лад и, поминая все имя божие, позволял читать на театре настоящие молитвы и вывел на сцене человека, который заключает союз с дьяволом, и при этом по всей форме отрекается от родителей, крещения, религии и господа бога».

21

Франкфурт-на-Майне
1742.

С милостивого дозволения благороднейшего и мудрейшего магистрата прибывшие сюда верхненемецкие комедианты сегодня, во вторник, представят экстраординарно интригующее, вполне совершенное моральное государственное действие, под названием:

Ex doctrina interitus

Пагубная ученость, показанная на примере постыдной и ужасающей смерти всему миру известного архиколдуна

доктора Иоганна Фауста

В ней же Гансвурст как терзаемый духами странник, злосчастный слуга и простоватый ночной сторож.

Уведомление

Хотя действие это уже было здесь показано, зрителей заверяют, что сегодня оно будет представлено с совершенно особым убранством, машинами и ариями.

Мораль сего действия заключается в том, что справедливое провидение до поры до времени терпит, но зато тем строже потом наказует. В действии танцуют; при нем балет и, если позволит время, веселая заключительная комедия.

Начало будет в 6 часов в Большой Боккенгеймской улице.

Тут же можно нанять ложу на год, месяц, неделю, а также на один день.

22

С милостивого дозволения благороднейшего и мудрейшего магистрата ^{Франкфурт-на-Майне 1742.} прибывшие сюда верхненемецкие комедианты сегодня опять открывают свой театр и на таковом представлять будут хотя уже известную, но от того не менее любимую трагедию под названием «*Eh doctrina integritus*» или «Пагубная ученость», о жизни и отчаянной смерти доктора Иоганна Фауста. В ней же Гансвурст, преследуемый разными духами фамулус.

Особые виды, имеющие быть представленными:

1. По воздуху летит дракон с восседающим на нем Плутоном.
2. Гансвурст попадает в Фаустов заколдованный круг, и его преследуют духи.
3. Мефистофель влетает по воздуху в комнату Фауста.
4. Фауст показывает герцогу Пармскому следующее: муки Тантала, затем коршуна Тития, затем камень Сизифа, затем смерть Помпея.
5. Женщина превращается в фурию на глазах у всех.
6. Балет духов, во время которого фурии разрывают Фауста на куски.

В заключение балет и веселая комедия.

№. Уведомляем, что за вход платить будут:

В партере всего по 6 баценов.

Во втором месте по 4 бацена.

В третьем по 2 бацена.

Начало объявляется в 4 часа, чтоб начать ровно в 5 и кончить не позднее как в 8 часов.

Начало ровно в 5 часов в большом новом помещении на Боккенгеймской улице. №. Ложи сдаются на месяц, на неделю или на один день. И при каждой ложе имеется капельдинер.

23

С милостивого дозволения благороднейшего и мудрейшего магистрата ^{Франкфурт-на-Майне 1742.} прибывшие сюда верхненемецкие комедианты сегодня, во вторник, сыграют до сего дня никогда нами не игранную, от начала до конца увеселительную пьесу с пением и прекрасными декорациями под заглавием:

Преступная жизнь и злополучная,
весьма устрашающая кончина

Иоганна Кристофа Вагнера

некогда фамулуса Фауста и его преемника в магии

В ней же Гансвурст, злополучный дорожный спутник и слуга Вагнера, терзаемый различными духами.

Уведомление

Вправду ли был такой доктор Фауст in Regum natura * или история эта вымышлена, о том мы рассуждать не будем, но только покажем воочию на пользу зрителя справедливую кару, постигающую людей за подобный образ жизни.

Сегодня на театре предстанет Фаустов слуга, Кристоф Вагнер, какой после смерти хозяина, книг его магических начитавшись, с адским духом контракт заключает, различные чародейства совершает и в конце концов плохо кончает.

№. Вагнера играть будет особа женского пола.

Особо примечательные картины:

1. Театр превращается в страшную огненную адскую пасть, где Фауст мучениям адским подвергается.

2. Вагнеру во сне является Фауст как владыка подземного мира.

3. Вагнер заклинает духов, и они появляются из воздуха и земли.

4. Вагнер пирует со студентами и чарами вызывает из земли превосходный паштет огромной величины, каковой на глазах у всех разрезают и из него вынимают различные вещи.

5. Стол, за которым они сидят, пробуравливают, и из отверстия бьет обильной струей вино.

6. Крестьянская девушка на глазах у всех превращается в дерево.

№. Это изобретение особо примечательно.

7. Гансвурст стреляет в духа и, полагая, что уложил его насмерть, кладет в гроб. Тот оборачивается сначала собакой, а затем Гансвурстовой милой.

8. Следует злосчастный конец Вагнера, каковой в гробу летит по воздуху.

№. Примадонна наша всячески старания приложит как в образе веселого парня из Иены, так и в прекрасных ариях.

В пьесе есть танцы, после нее балет, а в конце будет представлена веселая комедия.

Начало в 6 часов на Большой Боккенгеймской улице. Ложи сдаются на месяц, на неделю или на один день.

24

Гамбург
1742.

2 августа труппа госпожи Шредер давала «Доктора Фауста» с отмечавшейся в афише частой переменою места действия, с пением и с гансвурстиадами. В самом конце черти уносили Фауста «при очень затейливом фейерверке», после чего был показан «балет фурий во дворце Плутона».

25

Майнц
1746.

В 1746 году общество Шуха¹ давало в Майнце импровизированную пьесу² о Фаусте.

* В природе вещей (т. е. в действительности) (107).

26

В январе 1746 года высочайше привилегированные Бранденбургского, Байрейтского, Онольдбахского двора верхненемецкие комедианты давали представление на подмостках на Новом рынке. Искусство этих привилегированных водителей марионеток должно было иметь успех и вызвать сенсацию, так как оно соответствовало духу времени. Фантастические приключения, картины, ослепительные для глаз и оглушительные для слуха, наличествовали в необычном числе. Афиши, составленные в привычном тоне базарной рекламы, сообщали, например, что будет представлена «История мнимого архиколдуна д-ра Иоганна Фауста» со следующей моралью (ибо кукольники любят выступать в роли защитников морали на сцене):

Гамбург
1746.

Стал чародеем Фауст, пав жертвою гордыни,
И в преисподнюю за то низвергнут был.
Об этом твердо помни, слабый грешник, ныне,
Чтоб гнусный Люцифер тебя не соблазнил.

При этом добавлено было в виде примечания: «Трагедия эта играется нами без тех ужасов, которые показываются другими, и каждый будет смотреть ее с удовольствием». В другой раз восхвалялись скромные увеселения Гансвурста, одинаково приятные для зрения и для слуха.

27

В театре китайских теней¹ братья Лобе поставили доктора Фауста как волшебную пьесу, заканчивающуюся тем, что дьявол уносит Фауста.

Посау
1746.

28

С милостивого дозволения высоких городских властей привилегированные немецкие комедианты курфюрста Баварского¹ откроют свой прекрасно освещенный и снабженный многими новшествами и машинами театр, на каковом представлять будут достойные зрелища трагедии, пристойные комедии, веселые бурлески и галантные оперетты в манере Берни² с их веселым мужицким Гансвурстом.

Нюрнберг
1743.

Сегодня, во вторник 17 сентября 1748 года, имеет быть представлена «Совращенная женолюбием мудрость», о распутной жизни и ужащающей смерти знаменитого архиколдуна Иоганна Фауста. С Гансвурстом: 1) неудачливым путешественником, 2) смехотворным фачулусом, 3) обманутым воздухоплателем, 4) обманывающим фокусником, 5) неопытным колдуном, 6) обманутым кладискателем и 7) спасивым ночью сторожем.

Уведомление

Полагаем, что сия известная материя была уже играна какими-либо обществами комедиантов, однако мы заверяем, что нынче на театре повторяется только материя, но ни одна сцена не будет совпадать с другими представлениями: приложены всяческие старания, чтобы избежать жуткого, отвратительного и всего того, что украшению театра способствовать не может; пьеса сия сделана и поставлена совсем по-новому; так что мы надеемся доставить ей удовольствие всем.

Представление завершается весьма забавной заключительной комедией. Покорнейше извещаем, что еще показаны будут всего только 3 комедии, и на этой неделе все будет закончено.

Представления состоятся в помещении Оперного театра на Площади св. Лаврентия, начало в 4 часа, плата за вход в первую галерею 20 крейцеров, в партер 10 крейцеров, в верхнюю галерею 4 крейцера³.

29

Гамбург
1749

8 января 1749 года — пантомима «Арлекин как Фауст».

Эта новая пантомима, соединяющая старый фарс о докторе Фаусте с арлекинадой, отличалась обилием волшебных превращений и частой сменой декораций.

В конце — оглушительно шумная сцена в аду, утопавшем в огне и пламени.

30

Гамбург
1749.

28 мая в пользу Гамбургской городской больницы ставили пантомиму «Арлекин как слуга Фауста», пьеску «Графиня-садовница» и балет «Бал-маскарад».

29-го состоялось повторение в пользу дирекции.

31

1767.

Я знаю вашего знаменитого доктора Фауста только как героя комедии, которую представляют во всех землях вашего государства. В этой комедии ваш доктор Фауст поддерживает постоянную связь с дьяволом, пишет ему письма, которые на веревочке путешествуют по воздуху, и получает ответы на них. В каждом акте происходят чудеса, а в конце пьесы Фауста уносит дьявол. Говорят, что родиной его была Швабия и что жил он при императоре Максимилиане I.

Не думаю, чтобы от Максимилиана он получил больше благ, чем от другого хозяина своего — дьявола.

Вольтер.

32

Любек
1765.

Только в первых числах февраля 1765 года в Любек вновь приехала странствующая труппа немецких комедиантов со своей феспидовой повозкой¹, 4 февраля, в понедельник, у них шла «Удивительная жизнь».

а также ужасающая смерть всемирно известного архиколдуна доктора Иоганна Фауста, пьеса в 5 действиях с прологом и балетом фурий». В качестве заключительной комедии были представлены «Любекские нравы»² — дерзость, неслыханная для Любека!

33

а

С милостивого дозволения благороднейшего и мудрейшего магистрата вольного имперского и торгового города Франкфурта сегодня откроется вновь выстроенный театр под управлением директора и антрепренера Иосифа Курца.

Франкфурт-на-Майне 1867.

Представлена имеет быть сегодня хотя и весьма старая, всему миру известная, не раз показанная и на всякий манер уже виденная большая комедия с машинами, каковая, однако, нами сегодня на вовсе новый, у других комедиантов не виданный манер представлена будет, под названием «In doctrina interitus» или «Распутная жизнь и ужасающая смерть всемирно прославленного и всякому хорошо известного архиколдуна доктора Иоганна Фауста, профессора теологии в Виттенберге».

Согласно изречению

Multi de stygia sine fronte palude jocantur,
Sed vereor fiat, ne jocus iste focus.

что значит:

Над адом дерзкие готовы посмеяться,
Покуда в горький плач смешки не обратятся.

В ней же выступает Криспин, выгнанный студент-фамулус, духами донимаемый путешественник, умученный спутник Мефистофеля, злополучный воздухоплаватель, забавный плательщик своим должникам, неученый колдун и дурашливый ночной сторож.

Ниже перечисляются особые декорации, машины, превращения и представления:

1. Ученое рассуждение Фауста в его кабинете о предпочтительности микромантии или теологии.

2. Удивительное заклинание, производимое Фаустом в лесу в ночное время, причем под громы и молнии являются адские чудовища, духи, Фурии и среди них Мефистофель.

3. Забавные проделки Криспина с духами в волшебном кругу, начертанном Фаустом.

4. Фауст заключает с адом необычайный контракт, который уносит ворон, летящий по воздуху.

5. Криспин из любопытства открывает в библиотеке доктора Фауста одну из книг, откуда вылезает множество чертенят.

6. Путешествие Фауста и Мефистофеля по воздуху.

7. Мефистофель расплачивается с Криспином золотым дождем из пылающих огней.

8. Фауст показывает при дворе герцога Пармского различные смотря достойные картины из библейской и светской истории, а именно:

- 1) Как Юдифь отсекает голову спящему в шатре Олоферну.
- 2) Как Далила похищает у могучего Самсона прядь волос и филистимляне одолевают Самсона.
- 3) Терзания Тития, внутренности которого выклеивают вороны.
- 4) Лагерь Голиафа, которого одолевает маленький Давид камнем, брошенным из пращи.
- 5) Разрушение Иерусалима, зрелище особо разительное.

9. Фауст веселится с придворными советниками герцога Пармского и волшебством вызывает большие рога на лбу одного из них.

10. Показано будет кладбище или место погребения со многими эпитафиями и надгробными надписями. Фауст хочет выкопать из земли останки своего покойного отца, чтобы святотатственно употребить их на колдовство, но является дух отца и призывает его к покаянию.

11. Фауст раскаивается, но Мефистофель вновь соблазняет его всяким наваждением, причем печальное кладбище превращается в веселый сад.

12. Фауст понимает, наконец, что дьявол его обманывает, но слишком поздно: приятный увеселительный сад превращается в зияющий ад; впавший в отчаяние Фауст произносит отчаянную речь в стихах, после чего под громы и молнии за ним являются фурии.

13. Балет фурий.

14. Мефистофель тащит Фауста в пропасть ада, при этом фейерзерк.

15. Представление завершается большим фейерверком.

Цены на места обычные.

Начало имеет быть точно в 6 часов.

NB. В театр во время репетиции и представления никто, ни за деньги, ни бесплатно, допущен быть не может.

6

Жалоба в магистрат г. Франкфурта

Высокородные, высокоблагородные, высокоученые, благомудрые и высокоумудрые, высокочтимые и глубокоуважаемые государи.

Так как театральный антрепренер фон Курц на прошлой неделе играл комедию, на печатной афише коей стоит: «Распутная жизнь и ужасающая смерть всемирно прославленного и всякому хорошо известного архиколдуна доктора Фауста, профессора теологии в Виттенберге», название же сие содержит грубую ложь и бессовестную клевету на один из лучших и старейших университетов нашей евангелической церкви, то настоящим мы обращаемся к Вашим высокородиям с нижайшей просьбой потребовать от вышеуказанного Курца публичного опровержения и сделать ему суровейшее представление и внушение за проявленную им дерзость. Мы не

сомневаемся в том, что Ваши высокородия, являясь христианской властью и евангелическим имперским чином, благосклонно отнесутся к нашему ходатайству и удовлетворят нашу просьбу. Остаемся, призывая благословение божие на Ваши головы, с подобающим почтением

покорнейшими слугами Ваших высокородий,

Франкфуртское евангелическое духовенство в полном составе.

Франкфурт-на-Майне

21 октября 1767 года.

(Принято в собрании).

в

В ответ на это высокочтимый господин бургомистр приказал театральному антрепренеру опубликовать опровержение, что он и выполнил на следующий день, поместив на печатной афише следующее добавление:

«NB NB NB. В двух последних объявлениях о докторе Фаусте нами по недомыслию к этому имени было прибавлено звание профессора теологии в Виттенберге, тогда как эта история не что иное, как старинное театральное сочинение. По всемилостивейшему приказу настоящим это измышление опровергается, и мы спешим по собственной воле заявить, что ни в коей мере не намеревались оскорбить сие высокое звание или выдать сию басню за истину, а желанием нашим было лишь показать, насколько вкусы немецкого театра, к чести его будь сказано, ныне отличаются от прежних времен».

34

О труппе Курца

а

От Курца Шредер никогда не слышал ни одной непристойности, но другим актерам он этого не возбранял. Кеппе, например, который в роли слуги должен был нести фонарь перед господином Фаустом, держал его за спиной пониже пояса, объясняя, что делает это, «чтобы сразу раздуть пламя, если оно потухнет от ветра».

б

Грюнберг был неocenим в импровизированных пьесах, которые итальянцы называют *commedia dell' arte*, тогда как разученные пьесы называются у них характерными.

Он был образован, понимал в науках, умел применять свои знания и увлекать зрителей своей обаятельной игрой, даже тогда, когда ему нужно было только выиграть время для какой-либо неожиданной смены декораций. Никогда он не повторялся. Сколько бы раз он ни играл доктора Фауста, ему всегда удавалось вставлять какие-нибудь новые рассуждения о магии, и всегда зрителям, и даже самому Шредеру, хотелось, чтобы он говорил еще и еще.

Нельзя представить себе ничего более потрясающего, так считал Шредер, чем одна из сцен этой по своему сюжету никогда не устаревающей трагедии. После того как все попытки спастись из когтей дьявола или обрести над ним неограниченную власть оказались безуспешными, отчаявшийся Фауст находит в каббале указание на чудовищное, но единственно спасительное средство: для этого он должен вырвать сердце из груди своего недавно скончавшегося от горя отца. Фауст хватается за эту страшную возможность. Он уже на кладбище, он разрывает могилу, он вот-вот уже совершит свое вопиющее святотатство, как вдруг мертвец встает из гроба, предает противоестественного сына проклятию, и Фауст падает, потеряв сознание.

35

а

Лейпциг
1770.

Так я и знаа! Не миновать было доктору Фаусту воскрешения в Лейпциге. Название слишком заманчиво, а господин Везер слишком хороший директор, чтобы упустить такой случай выманить деньги у наших любителей театра.

Обмана ищет этот мир.
Пусть будет он обманут.

И вот доктор Фауст снова на сцене, правда не в бурлеске под этим названием, что было бы уже слишком, а в пантомиме. Фауст не обманул надежд Везера. Первое представление, состоявшееся 14 февраля, прошло с невероятным успехом, и, как мне говорили, Фауста ставили и 16-го и 18-го. Куммер действительно превосходно изображал отчаяние Фауста, и это помогло мне вытерпеть кривлянье остальных.

б

15 мая опять шел «Доктор Фауст» с новыми пражскими дополнениями.

В утешение господину Везеру должен сказать, что в моих руках находится следующая английская пьеса: Драматическое действие под заглавием Некроманты, или Арлекин — доктор Фауст, из репертуара Королевского театра в Линкольнсиннфильде. 9-е издание, Лондон, 1768.

После Фауста шла заключительная комедия «Недоумевающий, или глупость от любви», автором которой был опять-таки Улих.

Зигмунд фон Швейгерхаузен.

36

Гамбург
1771—1773

Привожу здесь названия пантомим, которые за это время были показаны в театре Никколини, поскольку я нигде в печати не нашел их.

Доктор Фауст:

1772 12, 16, 19, 22, 29 октября, 1 ноября.

1773, 22, 23 февраля.

Dernier jour du docteur Jean Faust.

Pantomime, dressée sur un plan allemand¹ d'un de nos amateurs du théâtre, représentée par des Enfants au théâtre Imp. et Royal. В-па 1779.

Сие означает:

Последний день Фауста, пантомима, составленная по плану одного вдового любителя театра и имеющая быть представленною юными воспитанниками его императорского и королевского величества театра.

Под этим заглавием в Вене у театрального администратора появился в 1779 году на французском и немецком языке сценарий пантомимы, в основу которого была положена история Фауста. Любителем театра, написавшим сценарий, был веймарский советник господин Иогани Фридрих Шмидт, переехавший на жительство в Вену в 1777 году. Автор программы был г. Лаудес. Действие пантомимы происходит в тот день, когда истекает срок контракта между Фаустом и Мефистофелем. Последний из всех сил старается в этот день обольстить Фауста, чтобы сохранить власть над ним.

Пантомима состоит из двух актов.

В первом Арлекин, слуга Фауста, собирается тоже заняться колдовством и едва не погибает, но Фауст успевает спасти его. Фауст в унынии, он решает отказаться от прежней жизни и засыпает глубоким сном. Ему являются видения Добродетели и Порока, которые вступают в борьбу за него. Он просыпается и объявляет Мефистофелю о своем намерении изменить образ жизни и нарушить договор. Мефистофель пытается соблазнить его плясками и красивыми женщинами.

Во втором акте Фауст вызывает дух своего отца. Мефистофель развлекает Фауста зрелищем свадебного пира некоей призрачной принцессы.

В то время как Фауст наслаждается этим видением, сцена постепенно погружается в темноту. Мефистофель удалился. Из земли появляется фурия с огненным щитом; она подходит к Фаусту и показывает ему начертанные на щите слова: «Твой час пробил». Словно громом пораженный, Фауст закутывается в свой плащ. Все разбегаются. Театр превращается в ад. Фурия бросает щит и направляется в глубину театра, где в ожидании Фауста собрались духи ада. Тут появляются из земли еще четыре фурии. Все пять окружают еще живого Фауста, терзают, рвут, швыряют и таскают его по полу и, наконец, достаточно долго промучив, сбрасывают в отверстие пропасть. Вспыхивает яркое пламя, которое скрывает несчастного.

[Зигмунд фон Бибра].

Когда я увидел на афише имя доктора Фауста, старого знакомого моей юности, с которым я и до сих пор с удовольствием встречаюсь, если удастся повидать его без особых трудов, я вошел. А-пабург
1801.

Общество, которое я застал там, оказалось много изысканней, чем я предполагал, и оно не скупилось на знаки высокого и милостивого одобрения.

Тому, у кого хорошая память и кто не забыл виденные еще в детстве старые импровизированные пьесы, занятно видеть, насколько разнообразны изменения, которым эти пьесы подвергаются при постановке, редко случается, что в двух разных местностях они полностью совпадают. Автор аугсбургского Фауста был, по-видимому, своего рода изобретателем, он включил в пьесу много сцен, каких я еще никогда не слышал, хотя не раз смотрел эту вещь на подмостках многих дощатых театров. Особенно ярко запечатлелась в моей памяти одна, почти патетическая, сцена между Фаустом и купцом, автором которой мог бы быть Лудовичи¹, этот Шекспир немецких «главных государственных действий».

Последнюю сцену автор *caritandae benevolentiae gratia** совершенно переиначил. После того как черт утащил доктора Фауста, он вознамерился утащить и Гансвурста. Тот пустился в переговоры. В конце концов черт спросил его:

«Ч. Откуда ты такой взялся?»

«Г. Из Аугсбурга».

Тотчас черт выпустил его и удрал, а Гансвурст обратился к партеру со словами: «Вот видите, господа! Перед жителями Аугсбурга трепещет сам черт!».

Этим к великому удовольствию зрителей и закончилась, в сущности говоря, пьеса. Но к ней еще была прибавлена мораль в александрийских стихах.

[Из «Описания путешествия по Германии»
Фридриха Николаи].

39

1792

В ту пору, когда на немецком театре царили импровизованные бурлески, когда «главные государственные действия» занимали место трагедий (т. е. в Верхней и Нижней Саксонии с конца прошлого столетия до 1737 года, а в южной Германии еще и позже; так, например, в 1746 году Общество Шуха играло в Майнце импровизированную пьесу о Фаусте; см. Театральный журнал для Германии, 1, 64; в Вене частично до 1769 года), история Фауста часто была темой трагического фарса, который имел успех у простонародья главным образом благодаря сценам с чертями. Одна ария из этого фарса, ставшая затем народной песней, начиналась словами:

Фауст, о Фауст, настало время,
Фауст, пришел твой смертный час!

Точно так же в те времена, когда в немецких театрах постоянно ставились пантомимы, содержанием их нередко была история доктора Фауста. Еще 14, 16, 28 февраля и 15 мая 1770 года (в последний раз с пражскими

* Ради благосклонности (публики) (лат.).

добавлениями) общество Везера ставило в Лейпциге пантомиму, полную грубого шутовства, под названием «Доктор Фауст», в которой, говорят, балетмейстер с большой живостью изображал отчаяние Фауста.

Смотри: О Лейпцигском театре письма господину И. Ф. Леве в Ростоке. Дрезден. 1770¹.

[Зигмунд фон Бибра].

40

Древнейшую форму сохранила еще та пьеса, которую многие, в том числе и я, видели 40 лет тому назад здесь, в Берлине, и в Бреславле в исполнении труппы, выступавшей здесь время от времени под именем «Шютц и Дрзер». Эта труппа, приезжавшая со своим «Касперле» из южной Германии, ставила много хороших старых вещей: рыцарские драмы, романтические переделки античных мифов, духовные драмы, сюжеты которых черпались из библии и легенд, а также исторические пьесы, как-то: «Рыцарь-разбойник», «Черный рыцарь», «Медея», «Алцеста», «Юдифь и Олоферн», «Аман и Эсфирь» (использованная Гете), «Блудный сын», «Генофефа», «Благородная девица Антония», «Мариана, или Женщина-разбойник», «Дон Жуан», «Траян и Домициан», «Кровавая ночь в Эфиопии», «Фанни и Дерман» (английская повесть) и др.

Берлин
1804

Под конец единственным владельцем этого театра остался ныне тоже умерший Шютц. Он выступал здесь в 1807 году, рекомендуя себя как «бюргер и домовладелец города Потсдама», и превосходно исполнял роль слуги, постоянного участника всех пьес и героя специально ему посвященной пьесы «Касперле и его семья», а также роли главных героев: Фауста, Дон Жуана и др.

Основным и самым притягательным спектаклем репертуара во всех случаях оставался «Доктор Фауст», всего лишь бледным отзвуком которого был ставившийся как его продолжение «Доктор Вагнер, его фамулус». Пьеса о Фаусте имела раньше и латинское название «Infelix Sapientia», которое в позднейших афишах исчезло.

Лежащая передо мной афиша от 12 ноября 1807 года гласит:

По неоднократному требованию публики:

ДОКТОР ФАУСТ

В четырех действиях

Участвующие персонажи:

Фердинанд, герцог Пармский	Восемь духов: Мефистофелес
Луиза, его супруга	Ауэрхан
Люцинда, ее наперсница	Мегера
Карлос, камердинер герцога	Астрот
Иоганнес Фауст, доктор	Полумавр
Иоганн Кристоф Вагнер, его фамулус	Гарьбах
Гений	Асмодей
Касперле в образе странствующего слуги	Вицлипуцли
	Разные другие души

Волшебные видения: 1. Голнаф и Давид. 2. Могучий Самсон. 3. Римлянка Лукреция. 4. Мудрый царь Соломон. 5. Ассирийский лагерь, где Юдифь отсекает голову Олоферну. 6. Елена Троянская.

Со многими новыми летательными машинами и превращениями.

По ходу действия Касперле представляет: 1. Странствующего слугу, 2. Слугу, нанятого доктором Фаустом, 3. Заклинателя бесов, 4. Путешественника, летающего по воздуху, 5. Ночного сторожа.

Касперле, не жалея сил, будет всячески потешать своих благодетелей.

[Фон дер Хаген].

41

1851
(1816—1825)

Среди этих произведений следует назвать прежде всего «Фауста» Марло, гениальное творение, не только содержанием, но и форме которого, очевидно, следовали кукольные комедии. Возможно, что «Фауст» Марло послужил образцом и для других английских поэтов его времени при обработке того же сюжета. Эпизоды из таких пьес перешли затем в кукольные драмы. Такие английские комедии о Фаусте были, вероятно, впоследствии переведены на немецкий язык и разыгрывались так называемыми английскими комедиантами, которые к тому времени уже исполняли на немецких сценах лучшие произведения Шекспира. Мы имеем лишь скудные сведения о репертуаре этой труппы английских комедиантов; самые пьесы, никогда не появлявшиеся в печати, исчезли и сохранились, быть может, разве в заколупных театрах или в бродячих труппах низшего разряда. Так, вспоминаю, что дважды я сам видел жизнь Фауста в изображении этих артистических бродяг, и не в обработке новых поэтов, а, вероятно, по обрывкам старинных, давно забытых пьес. Первую из этих драм я видел двадцать пять лет тому назад в маленьком пригородном театре на так называемой Гамбургской горе, между Гамбургом и Альтоной. Вспоминаю, что вызванные заклинаниями черты появились все с головы до ног закутанные в серые простыни. На вопрос Фауста: «Мужчины вы или женщины?» они отвечали: «Мы бесполы». Фауст спрашивает затем, как они, собственно, выглядят под своим серым покровом, и они отвечают: «У нас нет облика, свойственного нам; по твоему желанию мы принимаем всякий облик, в каком ты хотел бы нас увидеть: мы всегда будем выглядеть как твои мысли». По заключении договора, где ему обещаны познание всех вещей и наслаждение всем, Фауст прежде всего спрашивает, как устроены небо и ад, и, получив требуемые сведения, он замечает, что, вероятно, на небе слишком холодно, а в аду слишком жарко; лучше всего климат, очевидно, на нашей любезной земле. Прекраснейших женщин этой любезной земли он завоевывает посредством магического кольца, придающего ему вид цветущего юноши, красоту и изящество, а также самый блестящий рыцарский наряд. После многих лет бесшабашной и распутной жизни он вступает в любовную связь с синьорой Лукрецией, самой знаменитой венецианской куртизанкой, но коварно покидает ее и уезжает на корабле в Афины, где дочь герцога влюбляется в него и хочет стать его женой. В отчаянии Лукреция обращается

к силам преисподней за советом, как отомстить изменнику, и дьявол открывает ей, что все зельеколение Фауста исчезнет вместе с кольцом, которое он носит на указательном пальце. Тогда сньюора Лукреция в одежде паломника отправляется в Афины и является здесь ко двору в ту самую минуту, когда Фауст в брачном наряде собирается подать прекрасной принцессе руку, чтобы вести ее к алтарю. Но переодетая пилигримом мстительная женщина внезапно срывает у жениха с пальца кольцо, и тут же юношеское лицо Фауста превращается в морщинистое, старческое, с беззубым ртом, а бедный череп вместо золотистых кудрей обрамлен лишь скудными серебристыми грядями. Искриющийся великолепием пурпур спадает, точно увядшая зелень, с согбенного трясущегося тела, покрытого лишь грязными локмотьями. Лишившийся своих чар чародей не замечает, как он изменился, или, вернее, что теперь его тело и платье обнаруживают действительное разрушение, которому они подвергались в течение двадцати лет, когда бесовский обман скрывал их под лживым великолепием от людских взоров; он не понимает, почему с отращением отхлынула от него толпа придворных, почему принцесса восклицает: «Уберите с глаз моих этого старого попрошайку!». Но тут переодетая Лукреция злорадно подставляет ему зеркало, он со стыдом видит свой подлинный образ, и наглая челядь выбрасывает его за дверь, словно паршивую собаку.

Другую драму о Фаусте, упомянутую мною выше, я видел на конской ярмарке в одном ганноверском местечке. На лужайке был выстроен балаган, и, несмотря на то, что представление происходило среди бела дня, сцена заклинания производила чрезвычайно жуткое впечатление. Явившийся демон назвался не Мефистофелем, а Астаротом — имя, первоначально, вероятно, тождественное с именем Астарты, хотя последняя в таинных писаниях магов считается супругой Астарота. Астарта изображается в указанных сочинениях с двумя рогами на голове, образующими полумесяц, как она и в самом деле некогда почиталась финикийцами, у которых она была богиней луны, и поэтому евреи считали ее, подобно прочим божествам своих соседей, дьяволом. Но царь Соломон Мудрый тайне поклонялся ей, и Байрон прославил ее в своем «Фаусте», которого он назвал «Манфредом»¹. В кукольной драме, изданной Зимроком², книга, соблазняющая Фауста, называется «Clavis Astartae de magica»³.

В драме, о которой я начал говорить, Фауст предпосылает своему заклинанию жалобу, что он так беден, что всегда вынужден бегать пешком и даже скотница не хочет его поцеловать; он хочет предаться дьяволу, чтобы получить от него коня и прекрасную принцессу. Вызванный заклинанием дьявол является сначала в образе различных животных — свиньи, быка, обезьяны, но Фауст прогоняет его с назиданием: «Чтобы испугать меня, тебе надо быть страшнее». Тогда дьявол является в виде льва и ревет *quærens quem devorat*⁴, но и теперь он недостаточно страшен дерз-

* «Астартов ключ о магии» (лат.).

** Ища, кого поглотить (лат.).

кому некроманту. Он принужден, поджав хвост, убраться за кулисы, откуда возвращается в виде огромной змеи. «Ты все еще недостаточно ужасен и страшен», — говорит Фауст. Снова дьявол принужден постыдно удалиться, и теперь он появляется пред нами в образе человека необычайной красоты, закутанного в красный плащ. Фауст выражает ему свое изумление, и красный плащ отвечает: «Нет ничего более ужасающего и страшного, чем человек: в нем хрюкает и ревет, и мычит, и шипит природа всех других зверей; он грязен, как свинья, груб, как бык, смешон, как обезьяна, яростен, как лев, ядовит, как змея, он является смесью всей животной природы».

Немало поразило меня удивительное сходство этой старинной комедийной тирады с одним из основных учений новой натурфилософии, в особенности в том виде, как ее развивает Окен³. По заключении адского договора Астарот предлагает Фаусту многих красавиц на выбор, расхваливая их достоинства, например Юдифь. «Не нужна мне головорезка», — отвечает тот. «Хочешь Клеопатру?» — спрашивает тогда дух. «И ее не хочу», — отвечает Фауст, — она слишком расточительна, слишком дорого обходится и сумела разорить даже самого богатого Антония; она пьет жемчуг»⁴. «Тогда я рекомендую тебе прекрасную Елену Спартанскую, — отвечает Астарот, улыбаясь, и иронически добавляет: — С этой особой ты сможешь разговаривать по-гречески». Ученый доктор восхищен этим предложением и требует, чтобы дух дал ему физическую красоту и великолепное платье, дабы он мог с успехом соперничать с рыцарем Парисом; кроме того, он требует коня, чтобы тотчас же скакать в Троию. Получив согласие, он удаляется вместе с духом, и оба тотчас же показываются за терригорией балагана на красивых конях. Они сбрасывают с себя плащи, и мы видим, как Фауст, а также и Астарот, обратившись в английских наездников в блестящих мишурных одеждах, исполняют замечательные верховые трюки, приводящие в изумление собравшихся конских барышников, которые толпятся вокруг со своими ганноверски-багровыми лицами и от восхищения шлепают себя по желтым кожаным штанам, — это рукоплескания, каких мне не приходилось слышать ни на одном драматическом представлении. Но Астарот в самом деле восхитительно ездил верхом и был стройной хорошенькой девушкой с большими черными дьявольскими глазами. И Фауст был пригожим молодцом в своем великолепном костюме наездника, и держался он на лошади лучше, чем все прочие немецкие доктора, которых я когда-либо видел верхом. Он носился вместе с Астаротом вокруг сцены, на которой уже виднелся теперь город Троя, а на стенах его Елена Прекрасная.

Бесконечно знаменательно это явление Прекрасной Елены в легенде о докторе Фаусте. Оно прежде всего характеризует эпоху его возникновения и дает нам сокровеннейшее объяснение самого сказания. Этот вечно цветущий идеал прелести и красоты, эта Елена Прекрасная, однажды утром являющаяся докторшей Фауст в Виттенберге, есть сама Греция и эллинизм, внезапно выплывшие в сердце Германии, словно вызванные заклинаниями; а магическая книга, заключающая могущественнейшие из

этих заклинаний, называлась Гомером, и это был подлинно великий Адский ключ, заманивший и соблазнивший Фауста и столь многих его современников.

[Генрих Гейне].

42

Сегодня вечером:

ДОКТОР ФАУСТ

Героико-комическая драма в 5 действиях

Действующие лица:

Герцог Пармский	Отец Фауста, поденщик	} Фауста
Бианка, его супруга	Магистр Лауфенберг	
Лутгольд фон Эбенштейн, министр	Магистр Эбенхольц	} друзья
Иоганнес Фауст, профессор в Виттенберге	Витцлипуцци	} адские духи
Мартин Вагнер, его фамулуc	Мелингер	
Каспар, странствующий талант	Мефистофель	
	Прекрасная Елена	

В пятом действии гибель Фауста в аду.

В четвертом действии волшебным искусством Фауста будут показаны следующие мимические сцены:

1. Целомудренная Лукреция
2. Юдифь с головой Олоферна
3. Великий Голиаф и маленький Давид
4. Братоубийство: Каин и Авель.

Цены местам: первые места 50 пфеннигов, вторые места 30 пфеннигов, третьи места 20 пфеннигов.

Билеты годны только на то представление, на которое куплены.

Вход открыт с 7 час. Начало представления в 8 час.

[Афиша кукольного театра].

43

[Из новеллы Теодора Шторма «Поль кукольник»]

1874

... Как-то раз после обеда — помню, это было в сентябре, сразу же после нашей осенней ярмарки — я увидел странный экипаж, поднимающийся снизу по дороге. Это была двуколка, запряженная маленькой коренастой лошадкой. Наверху, между двумя большими ящиками восседали высокая белокурая женщина с неподвижными, невыразительными чертами лица и девочка лет девяти, оживленно поворачивавшая свою черненькую головку то в одну, то в другую сторону. Рядом шел, держа поводья, низенький, веселого вида человек. Короткие черные волосы высывались из-под его зеленой широкополой шляпы и торчали во все стороны. Они приближались под звуки колокольчика, висевшего на шее у лошади...

На следующее утро в 11 часов, как раз когда я выходил из школы, мне навстречу попался толстый городской глашатай. Он шел по улице, ко-

лота ключом в блестящий медный таз и выкрикивая зычным пивным басом: «Механик и кукольник господин Йозеф Тендлер из королевской резиденции Мюнхен прибыл сюда вчера и даст сегодня вечером в Шютценхофе свое первое представление. Будет представлено: „Пфальцграф Зигфрид и святая Генофефа“¹, кукольная комедия с пением в четырех действиях!»...

В следующее воскресенье глашатай снова показался на улицах города. Он колотил в свой таз и громогласно выкликал: «Сегодня вечером в Шютценхофе: „Гибель доктора Фауста“, кукольная комедия в четырех действиях!»...

Пробило семь часов. Сегодня, в субботу, все места были заняты; на этот раз я стоял сзади, на высоте пяти футов над полом, на самых дешевых местах. Горели сальные свечи в жестяных подсвечниках, городской скрипач и его товарищи пиликали; занавес взвился.

На сцене была комната с высокими готическими сводами. Перед раскрытым фолиантом в длинной черной мантии сидел доктор Фауст и горько жаловался на то, что вся его ученость принесла ему так мало денег; на нем не осталось целого платья, и он не знает, куда деваться от долгов; вот почему он собирается вступить в союз с преисподней. «Кто звал меня?» — загремел слева от него страшный голос, шедший сверху, из-под сводов комнаты. «Фауст, Фауст, не слушайся его!» — раздался другой, тонкий голосок справа. Но Фауст заключил договор с адскими силами. «Горе, горе твоей бедной душе!» — прозвучал подобно вздоху ветра голос ангела; слева же раздалась раскаты хохота. Туг в дверь постучали. «Простите, ваше великолепие!». Вошел фамулус Фауста Вагнер. Он попросил разрешения нанять для тяжелой домашней работы помощника, чтобы ему самому можно было усерднее заниматься науками. «Ко мне явился молодой человек, его зовут Касперле, и он, кажется, обладает большими достоинством». Фауст милостиво кивнул головой и сказал: «Прекрасно, милый Вагнер, ваша просьба будет исполнена». Потом они ушли вдвоем.

«Парадауц!» — раздался крик; и вот он уже был тут как тут — одним скачком очутился он на сцене, так что котомка подпрыгивала у него за плечами...

Он принялся разгуливать по комнате. «Эх, кабы увидел меня нынче мой отец-папаша, вот бы порадовался на меня. Он завсегда бывало говаривал: „Касперле, гляди в оба, чтобы твои дела пошли в гору!“ Ну, а теперь они и в самом деле пошли в гору, потому как я могу их подбросить до небес!». С этими словами он сделал вид, будто подбрасывает свою котомку, и она действительно взлетела до потолка, потому что ее вздернули на проволоке. Но руки Касперле как будто приросли к телу; он дергался, дергался, но они не подымались.

Касперле ничего более не говорил и не делал. За сценой началась суматоха, слышались тихие, но взволнованные голоса, течение пьесы, по-видимому, прервалось.

У меня упало сердце; вот тебе и дождались! Охотнее всего я убежал бы, но мне было стыдно. А что если из-за меня приключится что-нибудь с Лизой?²¹

Вдруг Касперле на сцене поднял жалобный вой, при этом голоза и руки его продолжали безжизненно висеть; вновь появился фамулул Вагнер и спросил его, почему он так голосит. «Ах, зубочек мой, зубок!» — вопил Касперле. «Дай-ка, дружок, я загляну тебе в рот», — сказал Вагнер. Вслед за тем он схватил его за длинный нос и заглянул между челюстями. В эту минуту в комнату опять вошел доктор Фауст.

— Простите, ваше великолепие, — промолвил Вагнер. — Я не могу взять на службу этого молодого человека. Его нужно тотчас же отправить в лазарет!

— Это трактир такой? — спросил Касперле.

— Нет, дружок, — отвечал Вагнер, — это бойня. Там тебе выдернут зуб мудрости, и ты избавишься от боли.

— Ах, ты господи боже мой! — захныкал Касперле. — И должна же была такая беда свалиться на меня, бедного! Вы сказали, зуб мудрости, господин фамулул? Такого еще ни у кого в нашем семействе не бывало. Эдак, пожалуй, моему ремеслу конец пришел!

— Конечно, дружок, — сказал Вагнер. — Слуга с зубами мудрости мне ни к чему; эти штучки сделаны только для нас, ученых людей. Но у тебя ведь есть еще племянник, который тоже предлагал мне свои услуги! Может быть, — обратился он к доктору Фаусту, — ваше великолепие дозволит! Доктор Фауст с важностью мотнул головой. «Поступайте, как вам заблагорассудится, милый Вагнер, — произнес он. — Только не приставайте ко мне больше с вашими глупостями и не мешайте мне заниматься магией!».

«Послушай-ка, любезный, — сказал впереди меня соседу какой-то подмастерье, облокотившийся на перила. — Это не относится к пьесе; я знаю ее, я совсем недавно видел ее в Зейферсдорфе». Но тот ответил лишь: «Заткнись!» — и толкнул его в бок.

Между тем на сцене появился Касперле номер два. Он обнаруживал совершенно очевидное сходство с большим дядюшкой, да и говорил совсем как тот; ему не хватало только подвижного большого пальца, да и в огромном носе его, по-видимому, не было сустава.

У меня на сердце отлегло, когда действие пьесы пошло своим чередом, и скоро я забыл обо всем окружающем.

Появился дьявольский Мефистофель в огненно-красном плаще, с рожком на лбу, и Фауст расписался кровью на адском договоре: «Двадцать четыре года ты обязан служить мне; потом я буду твоей душой и телом». После чего оба улетели по воздуху в волшебном плаще черта. Для Касперле спустилась сверху огромная жаба с крыльями летучей мыши. «И вот на этом-то дьявольском воробье я должен отправиться в Парму?» — воскликнул он. Когда же чудовище утвердительно качнуло головой, он вскочил на него верхом и полетел вслед за теми двумя. Я прижался по-

зади всех к самой стене, откуда мне удобнее было смотреть вверх чужих голов.

И вот занавес взвился в последний раз. Срок, наконец, миновал, Фауст и Каспер снова в своем родном городе. Каспер стал ночным сторожем. Он идет по темным улицам и выкликает время:

От вас, господа, я скрывать не смею,
Что жена мне сегодня намылила шею.
Жены всегда угнетают нас.
Бьет час полночный, полночный час!

Издаലെка слышно, как бьет полночь. На сцене появляется Фауст: он спотыкается, хочет молиться, но из его груди вырываются только стоны и скрежет. Сверху доносится громовой голос:

Fauste, Fauste, in aeternum damnatus es*!

Тут в потоках огненного дождя из-под потолка спустились три черно-волосых черта и схватили беднягу...

«И поделом мне, — вновь начала жена, стоявшая как раз над нашими головами³. — Зачем я только согласилась, чтобы ты сегодня опять представил эту богохульную пьесу! Покойный отец мой⁴ в последние годы жизни никогда не делал этого!».

«Ну, ну, Рёзель! — отозвался голос господина Тендлера с противоположного конца комнаты. — У твоего отца были свои странности. А пьеса ведь всегда делает хорошие сборы; да, по совести говоря, я думаю, она — неплохой пример и назидание для многих безбожников на свете!». «Но у нас она шла сегодня в последний раз. И хватит от этого!» — отрезала жена...

ДОПОЛНЕНИЯ

44

Голландский кунштмейстер Сергер чрез сие объявляет, что он только один месяц здесь пробудет и между тем по-прежнему в Немецкой Слободе, в Чоглонском доме, ежедневно, кроме субботы, штуки свои с Цицероновую голову и другие новые показывать будет, если хотя 10 или 12 зрителей будет. Сверх же того у него представляемы разные комедии, напр. о докторе Фаусте и пр., большими итальянскими двухаршинными куклами, которые будут разговаривать и проч. Також и ученая его лошадь будет по-прежнему действовать.

Москва
сенатор
1761

[Объявление голландца Сергера (Заргера)]

* Фауст, Фауст, ты проклят навеки! (лат.).

45

ПАССАЖ
 КОНЦЕРТНАЯ ЗАЛА
 МЕХАНИЧЕСКИЙ ТЕАТР
 г. ШВИГЕРЛИНГА
 ИЗ ГОЛЛАНДИИ

В продолжении всей светлой недели
 даны будут ежедневно

в Механическом театре
 представления,
 состоящие из

волшебно-комических пьес, исполняемых автоматами в 2 арш. величиной,
 механического балет-маскарада, разных занимательных и комических ме-
 таморфоз, превращений и перемен, многих живописных декораций, картин,
 видов и т. д.

Каждое представление состоит из трех отделений, а именно:

1-е отделение

Одна из нижеследующих комических пьес:

И. ИОГАНН ФАУСТ

доктор-чернокнижник

Волшебное представление в трех действиях с превращениями,
 явлениями, полетами и великолепным спектаклем.

Действующие лица:

Доктор Фауст	Пимперле, служитель
Доктор Вагнер, приятель его	Гений добра Гений зла
Мефистофель, владелец зла	Султан
Делинквент	Селима, дочь его
Лауреган ¹	злые духи · Дьяволы, призраки, духи
Гриншнабель	

II. ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ПИМПЕРЛЕ

Волшебная оперетта в 3 действиях, с превращениями, явлениями, полетами,
 пеннем, танцами и великолепным спектаклем.

Музыка избрана из любимейших напевов.

Действующие лица:

Бургомистр	Тень умершего рыцаря фон Зауенфаса
Пимперлини, дочь его	1 } Экзаменаторы
Рыцарь фон Шельменберг	2 }

Пимперле, бывший слуга умершего
рыцаря фон Зауенфаса, впоследствии
доктор медицины и рыцарь

Вельф вул, повелитель ада
Лешли
Демоны, амуры, гении и проч.

2-е отделение

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ БАЛЕТ МАСКАРАД

состоит из вкрапленных, жонглеров, эльфибристов, акробатов
танцев автоматов, комических превращений,
метаморфоз и т. п.

3-е отделение

I КИНЕТОЗОГРАФИЧЕСКИЙ ИЛИ СЪЕЗДСКОЕ ТЕАТР

состоящий из разных почему-либо замечательных местностей
как-то: Севастополя, Константинополя, гавани Ла Рошель,
огнедышащей горы Везувия и других.

II КИТАЙСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

состоящие из разных движущихся картин, фэерверков без огня,
хроматропов и бензелей.

Примечание. В каждом представлении будет показан только один из вышеупомянутых номеров.

Начало в 8 часов

Цена местам: кресло 1 р. с. Стулья и нижняя галерея 75 к. Верхняя галерея
25 к. — Дети моложе 10 лет платят в стулья и нижнюю галерею по 40 коп. сер.

Печатать дозволяется, 13 апреля 1856 г.

IV

КУКОЛЬНЫЕ КОМЕДИИ

1

ДОКТОР ИОГАНН ФАУСТ

Пьеса в двух частях
(Кукольного театра в Ульме)

Часть I

ПРОЛОГ

Харон. Плутон! ¹

Плутон. Хо-хо!

Харон. Так вот!

Плутон. Что — так вот?

Харон. А то, что я не желаю больше быть твоим рабом!

Плутон. Каким рабом?

Харон. Рабом на твоих дьявольских галерах! Набавь мне жалованье, или я не буду больше возить!

Плутон. Как, Харон? Ах ты, адский висельник и раб мой, разве я недостаточно набавил тебе жалованья? Ты получал прежде за каждую осужденную душу только полушку, а теперь — целый пфенниг! Поэтому, клянусь, ты будешь возить их!

Харон. Ну ладно, буду. Но не позволяй своим ленивым чертям торчать постоянно в преисподней, пошли их наверх, к смертным людям, пусть они учат их творить зло. Прежде мое ветхое суденышко было битком набито душами, а теперь только старые ведьмы приходят сюда толпами время от времени. Если ты сам не будешь присматривать за своими ленивыми чертями, от моей езды никакого проку не будет.

Плутон. Ты — старый слуга Плутонова царства, я прощаю твоё рвение, посему — пусть будет так, как ты сказал.

Харон.

Теперь я веселюсь,
Забыв бывшее горе:
Мне душами челнок
Плутон наполнит вскоре.

Плуто н. Эй, вы, ленивые черти, где вы? Спите, что ли? Неужели вы не хотите умножить адское царство? Так-то вы угождаете мне! А посему, вот мой приказ. Отправляйтесь по свету и учите людей творить зло: различные секты — вести меж собой лживые диспуты и выворачивать все наизнанку, купцов — обмеривать и обвешивать, женский пол — предаваться ветреному легкомыслию и блуду; в университетах, где собираются студенты, учите их обжираться, пьянствовать, божиться, колдовать, ссориться и драться, так, чтобы они со своими душами попадали к нам в преисподнюю.

Черти (все). Не сомневайся в нашем послушании, могущественный Плуто н.

Плуто н. Но в этом обличье вы ничего не сделаете, поэтому ступайте и измените свой облик, тогда все пойдет по моему желанию. Люди говорят, что черт — мастер на все руки, вот и я хочу пустить в ход все свои хитрости. (Черти возвращаются). Вот так, теперь вы имеете более сносный вид, так и отправляйтесь. Место наших встреч будет в Богемском лесу, под большим дубом. Засим примите мое благословение! Ба, ба, ба! Духи (все). Ба, ба, ба! (Духи уходят).

АКТ I

Фауст. Нет гор без долин, нет скал без камней, нет ученья без труда и усилий. Правда, известная пословица гласит: *quot capita, tot sensus*, сколько голов, столько умов. У одного склонность к живописи, у другого — к архитектуре; этот поэт, а тот хороший оратор, один — хороший философ, а другой — хороший медик. Этот обращается к богословским штудиям и помышляет таким путем добиться почестей и славы, как это делал и я с детских лет, и вот с помощью моих наставников я достиг того, что получил здесь, в Виттенберге, *summum gradus Doctoratus cum laude**. Но что из того? Я доктор и останусь доктором. Я много слышал и читал о свойствах планет и о том, что небо будто бы *in forma sphaerica*, т. е. круглое. Но я хотел бы все увидеть, ощупать руками, поэтому я решил отложить на время богословские занятия и предаться изучению магии.

Ангел. Продолжай занятия богословием, Фауст, и оставь занятия нигромантией, или ты погибнешь на веки вечные.

Мефистофель. Продолжай занятия нигромантией, Фауст, и ты станешь ученым доктором, который когда-либо жил в Азии, Африке, Америке и всей Европе.

Фауст. Как! Что я слышу! Два голоса спорят. Один справа, другой слева от меня. Голос справа за богословие, голос слева за нигромантию. Голос справа, от кого ты исходишь?

Ангел. Я твой добрый ангел, ниспосланный свыше, чтобы спасти твою душу и направить ее к вечному блаженству.

Фауст. Ну, а ты, голос слева, кто ты?

* Степень доктора с отличием (лат.).

Мефистофель. Я дух подземного мира и явился сделать тебя счастливее всех прочих людей!

Фауст. Что за чудеса! Фауст, ты можешь поистине возрадоваться: ангелы небесные нисходят, чтобы утешить тебя, а духи подземного мира, чтобы служить тебе. Ага, я понимаю: раз я замыслил возлюбить нигромантию и оставить богословие, ты не годишься мне, голос справа; ты же следуешь за мной, голос слева.

Мефистофель. Ха-ха-ха-ха!

Ангел. Увы, Фауст, остерегайся! Тяжко будет тебе, если ты погубишь понапрасну свою душу и будешь терзаться адскими муками.

Фауст. Свершилось, Фауст! Огненные живы счастливее, нежели до сих пор. Сейчас я отправляюсь в свой кабинет и приступаю к этому радостному занятию, а посему, Фауст, не бойся ничего, все свершится по твоему желанию. (Уходит).

АКТ II

Пикельхеринг входит со своими пожитками.

Пикельхеринг. Ах, я бедный растяпа, если бы не было больно, я влепил бы сам себе пощечину. Я заслуживаю, чтобы меня заперли и не давали ничего жрать, кроме одних только жареных цыплят и рябчиков, и ничего пить, кроме чистого испанского вина и мальвазии. Как вспомню я все те лакомые штучки, которые я едал у своего батюшки, этого старого осли, я готов швырнуть оземь все свои вещи. Но вы, чего доброго, спросите меня: а почему ты не остался у своего батюшки? Ну, а я отвечаю: сбегал от великого множества постных дней. Но послушайте-ка, что со мной приключилось на этих днях: я заблудился середь прямой дороги и пришел к какой-то большой горе. Вижу — большие ворота, я и подумал, что это, должно, харчевня и постучал. А тут вышел какой-то мерзкий, грязный плут, от которого разлило серой и смолой, как от угольщика дымом. Я спросил, что это за увеселительное заведение, в котором от людей так воняет. Тогда этот молодчик окликнул меня по имени и сказал: «О, Пикельхеринг! Откуда ты?». Черт возьми, подумал я, неужели я так значит? И спросил его, кто он такой. Он ответил, что его имя Штрозак², а это — преисподняя, он же сам — привратник, ежели мне угодно будет взглянуть на все эти невиданные вещи. Я дал себя уговорить. Тогда господин Штрозак повел меня в большую комнату, а там сидели все какие-то молодчики на низеньких стульях, у них в горле торчала воронка и через нее им вливали подогретое пиво, сваренное из серы со смолой. Я спросил мсье Штрозака, что это значит. Он сказал, что это пропойцы, которые на этом свете не выжили вволю: вот им и подбавляют. Тогда я сказал, что если уж пить за здравие, то я предпочитаю бутылку мартовского пива, а эта комната мне не по душе. Мы перешли в другую, а там кругом были натыканы сапожные гвозди, а на них было навешано полным полно народу... Я спросил, нет ли здесь таких же Пикельхерингов, как я; нет, сказал господин Штрозак, их здесь не выносят из-за вони; но ежели я хочу остаться, он устроит мне подходящее местечко. Я от души поблагодарил за доброе на-

мерение и был рад, когда унес оттуда ноги. Ну, а теперь я проголодался: если я не раздобуду чего-нибудь поесть, то, кажется, сам себя слопаю. Вот как паскудно живется в этой сволочной преисподней. По-моему, им и вовсе нечего жрать. Но, постой, это что за птица?

АКТ III

Вагнер и Пикельхеринг.

Вагнер. Мой господин Фауст велел мне присмотреть какого-нибудь мальчишка, который подсоблял бы мне в работе по дому. Таких бродяг шляется тут достаточно, но они предпочитают просить милостыню, чем служить честному хозяину.

Пикельхеринг. Да будь у меня только хозяин, уж я бы ему славно послужил. Уж я бы потрудился, особливо вилок да ножиком!

Вагнер. Ого, я вижу тут подходящего парня; он наверно достаточно силен, если только захочет пойти мальчишкой для услуг.

Пикельхеринг. Неужто этот чужак принимает меня за мальчишка: ведь жру-то я за четырех мальчишков!

Вагнер. Добрый день, сударь.

Пикельхеринг. Кого это он имеет в виду?

Вагнер. Еще раз: добрый день, сударь.

Пикельхеринг. Тысячу чертей! Он называет меня «сударь».

Я, должно быть, имею неплохой вид; но дай-ка, я поговорю с ним. Пожалуйста, сударь, что вам от меня надобно?

Вагнер. Скажи-ка, не хочешь ли ты поступить в услужение?

Пикельхеринг. Что за невежа! Сначала: добрый день, сударь, а теперь: не хочешь ли поступить в услужение! Твое счастье, что я не вспыльчивого нрава, иначе моя высокородная рука осквернила бы твою всемогущую физиономию. Разве ты не предложил «сударю» пойти в «услужение»?

Вагнер. Да, я спрашиваю тебя, не хочешь ли ты поступить в услужение?

Пикельхеринг. Что правда, то правда, если я еще долго буду эдак шляться по свету, я останусь не только без хозяина, но и без головы.

Вагнер. Ну вот, видишь! Я дам тебе место.

Пикельхеринг. Ты, сударь?

Вагнер. Да, я.

Пикельхеринг. Ты что-то смахиваешь, по-моему, на господина Штрозака.

Вагнер. Почему? Ты у меня не будешь терпеть нужды.

Пикельхеринг. Хорошо бы так; а то, если бы я хотел терпеть нужду, я остался бы у господина Штрозака.

Вагнер. За едой и питьем у нас дело не станет.

Пикельхеринг. Этого-то мне больше всего недостает; если тыдержишь свое слово, то по рукам.

Вагнер. Вот моя рука. Пойдем, я покажу тебе, что нужно делать. Пикельхеринг. К тому идет, как видно, все-таки это получше, чем бродить так без толку; все-таки знаешь, к какому столу приткнуться.

АКТ IV

Фауст один в своей комнате.

Фауст. Жажда продолжить начатые занятия заставляет меня забыть обо всем прочем. Мне ничего не нужно, кроме единственного наслаждения — читать книги и видеть, в состоянии ли человек изменить воздух, повелевать ветром, покорять волны, сотрясать землю и совершать прочие невероятные дела. Постой, Фауст, одумайся, как бы ты не разгневал господа, создавшего стихии и вселенную, как бы ты не пал вместе со стихиями. Но как? Разве я не в своем уме? Если бы в этом было что-нибудь опасное, я сумел бы удержаться от этого. Что тебе, Вагнер?

АКТ V

Фауст. Два студента. Вагнер.

Вагнер. Господин доктор, там за дверью стоят два студента, они хотят побеседовать с вашим превосходительством.

Фауст. Студенты, говоришь ты? Они, может быть, посланы кем-нибудь из моих добрых друзей. Впусти их.

Вагнер. Будет исполнено.

Фауст. Все, кто живут здесь, в Виттенберге, почитают Фауста. Хотел бы я, чтобы эти двое могли помочь мне в моем предприятии.

Первый студент. С вашего разрешения, если мы не потревожили господина доктора.

Второй студент. Желаю вашему превосходительству всяческого благополучия и прошу не гневаться, если мы его затрудняем.

Фауст. Благодарю вас, господа; ваш приход мне весьма приятен; поэтому прошу вас сказать, что вам угодно. Мальчик, стулья!

Первый студент. Это сказать нетрудно. Причина, по которой мы посетили ваше превосходительство, следующая: мы слышали, что ваше превосходительство в настоящее время обратилось к изучению магии. Я же чудесным образом оказался обладателем книги, содержащей кое-какие поразительные вещи *propter magicam artem** — как вызывать солнечное затмение, останавливать движение звезд и луны. Если только господину доктору будет угодно, она — к его услугам.

Второй студент. С вашего разрешения, господин доктор. Я счел своим долгом преподнести вам вот это. Я нашел в библиотеке моего отца одного любопытного автора, который может оказаться весьма полезным господину доктору в его новых штудиях. Ваше превосходительство может

* О магическом искусстве (лат.).

воспользоваться им по своему усмотрению, но так, чтобы это никому ничем не угрожало.

Фауст. Благородные господа, вы доставили мне такую радость, какой и сам Цезарь никогда не испытывал. Вы чрезвычайно обязали меня. Теперь я отложу в сторону богословие, которым я до сих пор занимался, и с наслаждением обращусь к этим книгам и им подобным.

Первый студент. Прекрасно, господин доктор; я был бы счастлив и впредь быть вам полезным; но я прошу вас не углубляться в них чрезмерно, а то как бы от этого не вышло вреда!

Второй студент. О том же и я прошу, ваше превосходительство, ибо черт — мастер на всякие штуки и знает тысячу способов уловлять и губить людей.

Фауст. Господа, благодарю за доброе напоминание. Прошу вас, не тревожьтесь. Не угодно ли вам будет задержаться немного, чтобы выпить стаканчик вина? Я почту это за величайшую честь.

Первый студент. Мы благодарим господина доктора и простимся на этом.

Второй студент. И я также прошу покорнейше извинить меня; на этом мы простимся.

Фауст. Прощайте, господа! Я постоянно буду вспоминать о вас. Теперь я могу сказать все, что мне заблагорассудится, все, что радует человеческое сердце. Эти две книги я прочту со вниманием, если бы даже это стоило мне жизни. Эта вот написана испанцем Рунцифером, а та испанцем Вартом — двумя великими мастерами в этом искусстве. Отправлюсь в кабинет, чтоб книги прочитать, и не придется впредь мне поверженным лежать.

АКТ VI

Фауст и Вагнер

Фауст. О, в этих книгах я нашел замечательных вещей свыше всякой меры! Быть по сему, раз я задумал это дело, я попробую его. Эй, Вагнер!

Вагнер. Я здесь, досточтимый господин.

Фауст. Слушай и запоминай, что я тебе скажу. В моем кабинете на столе ты найдешь круг, сложенный из бумаги, и палочку; принеси их мне и никому ни слова об этом.

Вагнер. Спешу выполнить ваше приказание.

Фауст. Все мое сердце объято ликованьем. Ха-ха-ха, как я буду доволен, когда адские духи будут вынуждены явиться сюда и ожидать моих приказаний. Но вот и Вагнер.

Вагнер. Я принес то, что вы велели.

Фауст. Теперь уходи поскорее, и если кто будет спрашивать тебя, где я, отвечай, что я уехал на несколько дней.

Вагнер. Я исполню все, господин доктор. А мне бы так хотелось тоже чему-нибудь научиться. (*Уходит*).

Фауст. Вот я и один и могу без помех свершить затеянное дело. Здесь должен лежать круг, а вот палочка. Ну, Фауст, прежде чем вступить

е круг, соберись с духом, иначе ты погиб на веки вечные. Да, я испытываю столь же страстное желание, как жених в ожидании невесты. Теперь я стою твердо, как колосс. Но берегись, Фауст, или тебе грозит самое жалкое падение: волосы чуть было не стали у меня на голове дыбом (*вступает в круг, раздается удар грома*). Я стою еще или упал? Мне показалось, будто все стихии готовы были обрушиться на меня. Теперь осталось дерзнуть еще одно — вызвать адских духов: *Conjuro vos per omnes Deos, qui vos kakadaemones sitis, ut statim appareates* *!

АКТ VII

Появляются черты

Фауст. Эй, эта буря миновала! Ты кто?
Крумшаль. Меня зовут Крумшаль³, и я обязан явиться по твоему приказанию.

Фауст. Велико ли твое проворство?

Крумшаль. Я быстр как птица в поднебесье.

Фауст. Прочь, адский пес, ты не годишься мне! Ну, а тебя как зовут?

Вицибуцли. Я летающий дух и зовусь Вицибуцли⁴, бес любви.

Фауст. Велико ли твое проворство?

Вицибуцли. Я быстр как стрела из лука.

Фауст. Убирайся, ты мне не годишься. Ну, а ты, скажи-ка мне, ты кто?

Мефистофель. Я дух воздуха и зовусь Мефистофель Проворный.

Фауст. Тогда скажи, велико ли твое проворство?

Мефистофель. Я быстр как человеческая мысль.

Фауст. Это немало. Ты годишься мне. Но скажи, ты согласен служить мне?

Мефистофель. Фауст, это не в моей власти; но если Плутон, бог преисподней, согласится, то я готов служить тебе.

Фауст. Ну, хорошо, раз это не в твоей власти, отправляйся и принеси мне ответ от могущественного Плутона.

Мефистофель. Да будет так. (*Уходит*).

Фауст. Завтра в 12 часов я жду тебя в моем кабинете. Ну, ладно, на этом хватит. Поистине, я отважился на великое дело. Теперь я вижу действительность этих книг. Итак, теперь я отправляюсь домой и буду с нетерпением ждать духа. (*Уходит*).

Конец I части.

* Заклинаю вас всеми богами, вы, злые демоны, чтобы вы тотчас явились! (лат.).

Часть II

АКТ I

Вагнер. Что за хитрая бестия этот Пикельхеринг! Стоит мне только приказать ему что-нибудь, как он сразу прячется. Покликаю его еще разок. *(Свистит)*.

Пикельхеринг. Свисти себе сколько хочешь, я тебе не мальчик на посылках.

Вагнер. Говорю тебе — выходи, а то я пожалуюсь на тебя хозяину.

Пикельхеринг. Иди, иди, посчитай, сколько куч там наложили на заднем дворе мужики, а я, с вашего дозволения, все сказал.

Вагнер. Вот я нашел мальчика, ваше превосходительство.

Фауст. Если я приму тебя, ты будешь мне служить?

Пикельхеринг. Не могу знать.

Фауст. Иди-ка сюда, дай порасспросить тебя. Скажи, как зовут твоего отца, мать, братьев, сестер и тебя самого.

Пикельхеринг. Слишком много за один присест. Мой папаша прозывался лещом, мамаша звалась камбалой и к тому же всегда была с икрой, мой братец — сазаном, а сестрица — треской, а меня, как самого красивого, засолили, чтобы я не протух: вот потому я и называюсь Пикельхеринг или маринованная селедка.

Фауст. Э, да ты шутник!

Пикельхеринг. Послушай, ты, чернобородый! Как зовут твоего отца, мать, брата, сестру и тебя самого?

Фауст. Ах ты, нахальная бестия, кто тебе позволил допрашивать меня?

Пикельхеринг. А тебе кто велел, чернобородый, допрашивать меня?

Вагнер. Пикельхеринг, не груби.

Фауст. Ну, на этот раз я прощаю тебе. Вагнер, возьми Пикельхеринга с собой и объясни ему все. *(Вагнер и Пикельхеринг уходят)*.

АКТ II

Фауст. Теперь настало время вспомнить о духе, который обещал принести мне ответ от повелителя преисподней.

Мефистофель. Фауст! В каком виде мне явиться?

Фауст. В человеческом облике.

Мефистофель. Я здесь.

Фауст. Какой ответ принес ты мне от твоего могущественного Плутона?

Мефистофель. Да, мой Фауст, мне приказано служить тебе, но ты должен заключить союз с царством преисподней и по истечении срока стать нашим душой и телом.

Фауст. А через сколько времени?

Мефистофель. 24 года, не дольше.

Фауст. Я и сам так думал. Но на что могущественному Плутону моя бедная душа?

Мефистофель. Так же, как вы, смертные, не доверяете друг другу, так и царство преисподней не доверяет вам. Поэтому ты должен подписать со мной договор.

Фауст. Если только это, то я сейчас напишу.

АКТ III

Ангел. Фауст. Мефистофель.

Ангел. Нет, Фауст, не делай этого, сделка обойдется тебе слишком дорого, подумай о страшном суде и об адском пламени.

Фауст. Что это за голос? Вся моя кровь взволновалась. Мефистофель!

Мефистофель. Я здесь.

Фауст. Вот тут написано латинскими буквами *Ното, fuge**! Куда мне бежать?

Мефистофель. Как, Фауст? Ты такой ученый доктор и не понимаешь этих слов? Это значит: человек, спасайся в мои объятия, там ты будешь в безопасности.

Фауст. Правда, слова должны значить именно это. (*Пишет*). Вот бумага.

Мефистофель. Хорошо, но внизу еще нужно поставить имя.

Фауст. Сейчас.

Ангел. Фауст, не отдавай бумаги, или ты погиб на веки веков.

Фауст. Прочь, обманчивый голос! Вот тебе бумага, отныне я буду пользоваться твоими услугами.

Мефистофель. Ты можешь потребовать от меня всего, что пожелаешь.

Ангел. О, Фауст! Твоя душа спускается в пучину, она на веки вечные в болоте серном сгинет. (*Исчезает*).

АКТ IV

Мефистофель и Фауст.

Фауст. Скажи мне, Мефистофель, правда ли, что у некоронованного короля в Праге такой пышный двор?

Мефистофель. Это правда, он живет в веселье и пышности и очень любит искусства.

Фауст. Так как мне здесь, в Виттенберге, становится очень уж скучно, я намерен отправиться ко двору этого короля, поэтому будь наготове.

Мефистофель. Если тебе угодно, скажи только, каким способом тебя туда доставить.

Фауст. Мне угодно по воздуху — медленно и плавно.

* Человек, беги! (*лат.*).

АКТ V

Король. Придворный. Фауст. Мефистофель.

Король. Вот уже немалое время мы счастливо царствуем на этом престоле, так что можно сказать, что Фортуна поддерживает нас своими крыльями.

Придворный. Дозвольте сказать, ваше величество. Как я узнал, сюда прибыл поразительный искусник по имени доктор Иоганн Фауст, сведущий в таких науках, каких никто не видывал с тех пор, как свет стоит.

Король. Ну что ж, посмотрим и мы на него.

Придворный. Если его величество соблаговолит, я приведу его сюда.

Фауст. Да здравствует король, да сохранит он свой престол в желанном мире. Простите, что я осмелился посетить ваш королевский двор.

Король. Милости просим, господин доктор. Скажите, вы действительно такой искусник, как о вас идет молва, и можете показать все, что пожелают?

Фауст. Я почту своим долгом развлечь ваше величество, приказывайте.

Король. Господин доктор, мы много читали об Александре Великом. Можете ли вы с помощью своего искусства сделать так, чтобы мы увидели одного вместе с его супругой, но притом безо всякого вреда для нашей особы?

Фауст. Это может быть сделано без малейшего вреда и опасности. Мефистофель! Вызови обоих, только живо!

Мефистофель. Вот они.

Король. Мы читали, что у Падамеры⁵ слева на шее была черная родинка.

Фауст. Ваше величество найдет ее там.

Король. Действительно, так оно и есть. Ну, а теперь пускай вернутся туда, откуда явились.

Фауст. Мефистофель! Уведи их.

Король. Господин доктор, мы видим, что вы весьма сведущи в своем искусстве. Теперь следуйте за нами, за трапезой вы сможете показать нам еще многое другое. (Уходят).

АКТ VI

Фауст. Вагнер. Мефистофель.

Фауст. Ну, вот мы и снова в Виттенберге. Скажи, Вагнер, как вы вели себя с Пикельхерингом в мое отсутствие?

Вагнер. Досточтимый господин доктор, что до меня, то тут вам жаловаться не придется, ну а с Пикельхерингом могло быть и лучше. (Уходит).

Фауст. Мефистофель, ложись у моих ног, ибо мне нужно задать тебе несколько важных вопросов.

Мефистофель. Я уже у ваших ног.

Фауст. Расскажи мне об адском заточении, о пучине осужденных и о мучениях отверженных.

Мефистофель. Ты спрашиваешь, что такое преисподняя? Ее называют также пылающим адом, где все горит и пламенеет и все же никогда не сгорает. А еще ад называют вечной мукой, не имеющей ни конца, ни надежды, так как там не видно ни солнца, ни великолепия божия.

Фауст. Значит, так и нет спасения?

Мефистофель. Так и нет. Те, кто однажды отвергнуты милосердием божьим, обречены гореть вечно.

Фауст. Если бы ты был на моем месте, если бы господь создал тебя человеком, что бы ты сделал, чтобы угодить богу и людям?

Мефистофель. Я склонялся бы перед господом, пока не испустил бы дух; я употребил бы все усилия, чтобы не навлечь на себя гнев создателя; я исполнял бы его заповеди елико возможно, так что после своей кончины я бы, конечно, обрел вечное блаженство.

Фауст. Ну, а теперь расскажи мне о небе и о сонме избранных.

Мефистофель. Мне не дозволено открывать тебе подобные вещи.

Фауст. А я более всего хочу услышать от тебя именно об этом.

Мефистофель. Но я не могу этого сделать.

Фауст. Ты должен.

Мефистофель. Тогда я удаляюсь. *(Исчезает)*.

Фауст. Ты бежишь от меня? О, несчастный Фауст! Тебе не дано познать блаженство! Неужели я погиб со всем своим искусством? О, моя бедная душа! Я буду искать небесной благодати, я прокляну постигнутое мной искусство и всех дьяволов вместе с ним; я паду на колени и буду молить бога о прощении. *(Уходит)*.

Мефистофель. В нашем царстве пронесся слух, что Фауст обратился на путь истинный и хочет покаянием избежать моих когтей; вот, вот он стоит на коленях. Фу, стыдись!

Фауст. Отыди от меня, исчадие ада, проклятая фурия!

Мефистофель. Как? Значит все мои труды пропали даром? О, приди мне на помощь, Плутон! Фауст, вот тебе скипетр и корона! Тебе будет оказывать больший почет, чем Александру Великому или Юлию Цезарю!

Фауст. Ты думаешь, если я покинул святое богословие, я останусь верен тебе? Нет, ты не властен надо мной, поэтому оставь меня!

Мефистофель. Как? Неужели ничто не поможет? Женская красота не раз уже приводила к падению отважных героев, и с тобой случится то же. *(Фаусту)* Взгляни, Фауст, вот греческая красавица Елена, из-за которой была разрушена Троя.

Фауст. Это Елена из Греции?

Мефистофель. Она манит тебя. *(Фауст обнимает ее)*.

Фауст. Какое прекрасное создание!

Мефистофель. Ах, Фауст! Она сделает тебя счастливым, она подарит тебе блаженство.

Фауст. Она сделает меня счастливым?

Мефистофель. Да, Фауст, счастливее всех прочих смертных.

Фауст. Так это — Елена Прекрасная. Пойдем, я буду твоим Парисом.
(Уходит с ней).

АКТ VII

Фауст и несколько студентов.

Фауст. Господа, вы оказали мне превеликую честь, согласившись разделить со мной скромную трапезу; я прошу вас, не обессудьте.

Первый студент. Господин доктор, честь, которой вы нас удостоили, велика. *(Раздается гром)*.

Второй студент. Что значат эти раскаты грома?

Фауст. Боюсь, они не предвещают ничего доброго.

Первый студент. Ах, это пугает меня!

Фауст. Неужели? Ах!

Второй студент *(про себя)*. Что бы это значило, что он так помрачнел?

Фауст. Ах! Ах! Ах!

Первый студент. Помогите! Помогите! Господин Фауст шатается!

Оба студента. Боже, избави нас от несчастья!

Фауст. О, господа, вы сами ужаснетесь, когда я поведаю вам о своей постыдной жизни. Случилось так, что 24 года назад мое нетерпение и превеликая страсть к отвратительной нигромантии довели меня до того, что я оставил благородное богословие. Затем я дал совратить себя и пообещал свое тело и душу злобному дьяволу. О горе! О страх! Срок истек, настал час, когда я должен уплатить свой долг!

Первый студент. О, господин доктор! Дурное дело вы сделали! Обратитесь к господу богу, вы еще можете обрести спасение души своей!

Фауст. Ах, господа, хорошо бы, если бы так, но поздно, слишком поздно: я отверг доброе и совершил дурное. Эй, Вагнер!

Второй студент. Ну, если так и иначе быть не может, покинем его, мне становится страшно. *(Студенты уходят)*.

Вагнер. Я здесь.

Фауст. Скажи мне, который час?

Вагнер. Должно быть, около одиннадцати.

Фауст. Ах, как страшно мучит меня совесть! Вагнер, остерегайся впрямь дурного примера, который я до сих пор тебе подавал. Уходи отсюда, ложись спать и если тебя потом спросят, куда я девался, отвечай, что меня постиг ужасный конец! *(Бьет 11 часов)*. Теперь я покинут всеми людьми на этом свете! Рука господня отвратилась от меня. Горе и паки горе мне! Ах, Фауст должен погибнуть! *(Бьет первую четверть)*.

Мефистофель. Fauste, praepara te *!

Фауст. Ах, Фауст, praepara te! Ах, Фауст, готовься! Ах, адский страх, я в ужасе от того, что не знаю, к чему готовиться! *(Бьет вторую четверть)*.

* Фауст, приготовься! *(лат.)*.

Мефистофель. Fauste, accusatus es*!

Фауст. Фауст уже обвинен! Что скажу я в свое оправдание, когда предстану перед суровым судьей и он раскроет свою книгу. Я буду краснеть от стыда, ибо нет у меня спасителя, нет защитника! (*Бьет третью четверть*).

Мефистофель. Fauste, judicatus es**!

Фауст. Judicatus est Фауст! Осужден суровым судьей! Жезл сломан над моей головой, нет тебе спасения, Фауст!

Увы, я осужден!
Расплаты близок миг!
Господний приговор
Как гром меня настиг.

Мефистофель. Fauste, in perpetuum damnatus es***!

Фауст. In perpetuum damnatus es! Фауст погиб на веки вечные! О горе, тьма! В этом мраке псом воет моя нечистая совесть! О люди, млад и стар, берите все пример с несчастного Фауста, не давайте соблазнить себя мирским радостям! Но увы! Часы моей жизни истекли, и я должен навеки отправиться в страну, исполненную стенаний и трепета. О, быть обреченным на вечную гибель! Вечная пучина гибели, раскаты твоего грома сулят мне вечные пытки и раздирают мое проклятое богом сердце. Горе мне! Вот уже муки обрушиваются на мою трепещущую душу! (*Открывается преисподняя. Занимается пламя*).

Разверзлись небосвод!
Пусть звезды затрепещут!
Явись очам тот свет,
Где серный пламень блещет!
Пусть вздыбится земля
И рухнут гор громады!
Я чую свой конец
И все мученья ада!

(*Открывается преисподняя. Черти утаскивают туда Фауста*).

* Фауст, ты обвинен! (*лат.*).

** Фауст, ты осужден! (*лат.*).

*** Фауст, ты навеки проклят! (*лат.*).

ДОКТОР ФАУСТ ИЛИ ВЕЛИКИЙ НЕГРОМАНТ

Пьеса с пеннем в пяти действиях
Берлин
(Кукольная комедия Гейсельбрехта)

Действующие лица:

Иоганн Фауст, профессор в Виттенберге	Ауэрхан	} прочие черти
Вагнер, его фамулуус	Вицлипуцли	
Каспер, странствующий слуга	Прекрасная Елена из Греции	
Мефистофель, главный из чертей	Ночной сторож	

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В комнате Фауста, он сидит за столом и перелистывает книгу,
из числа лежащих перед ним.

Фауст. Ищу в этой книге учености и не могу найти! Обыщи хоть все книги — философского камня не найти! О, сколь ты несчастен, Фауст; я все думал, когда-нибудь это переменится, но тщетно. Совсем недавно я закончил сочинение, над которым трудился до изнеможения целых два года, и продал его Лейпцигской коллегии! И какое же вознаграждение за эти двухлетние труды и усилия? 30 талеров! Бедный поденщик, батрак за плугом получает тоже 30 талеров в год, а я, профессор в Виттенберге, в один ранг с ними? О родина, родина! Вот как ты вознаграждаешь мое усердие, мои труды, бессонные ночи, которые я провел за изучением богословия! Нет! Клянусь небом, я не намерен более откладывать, я приложу все усилия, чтобы проникнуть взором в то, что скрыто, и познать природу. Кто защитит меня от холода, если не сегодня-завтра эта прогнившая лачуга обрушится мне на голову? Кто оденет меня, когда это платье изорвется? Да к тому же еще назойливые заимодавцы, которые грозят не сегодня-завтра бросить меня в тюрьму, если я не удовлетворю их и не смогу заплатить! Я все изведаль, и все — жалкий фарс, и смех и слезы! О судьба! Покажи мне хоть одного-единственного чистого добродетельного человека на этом свете, и я последую за ним на коленях; но в этом мире марионеток, где и за веревочку потянуть — не стоит труда, я презираю все. К черту всю эту микрологическую болтовню, она только терзает мою

душу! В огонь весь этот хлам, которым я даже не могу заработать себе на пропитание; ты, одна ты, о милая негромантия, будь мне желанной гостью! (Слышен стук). Войдите!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вагнер. Простите, ваше великолепие, я только что вернулся с почтовой станции. Писем сегодня нет, но из почтовой кареты как раз выходили трое студентов, которые хотят вручить вашему великолепию какое-то сочиненьице.

Фауст. Пойдите и скажите им, Вагнер, что я не принимаю больше никаких сочиненьиц, я устал от этой изнуряющей ум работы, которая не дает мне даже хлеба насущного.

Вагнер. Простите, ваше великолепие, эта книга не для перевода, я прочел заглавие, оно гласит: Clavio atarti a Magica*.

Фауст. Как? Что? Вагнер, не ангел ли говорит вашими устами? Или вы хотите обмануть меня, называя эту книгу?

Вагнер. Нет, нет, смею заверить, ваше великолепие!

Фауст. Ну, тогда идите, Вагнер, пригласите их, угостите получше, предложите им стаканчик пива и трубочку табаку.

Вагнер. Слушаюсь, ваше великолепие. (Уходит).

Фауст. О, отныне мое счастье расцветет, теперь у меня есть то, чего я так страстно искал; я спрашивал об этой книге во всех университетах, но нигде не могли мне найти ее! А! теперь трепещите предо мной, подземные духи, трепещите жители бездны Тартара¹, Фауст принудит вас выдать спрятанные сокровища, которые гнили в земле столько лет!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вагнер, Фауст.

Вагнер. Простите, ваше великолепие, с этими тремя студентами, о которых я вам прежде докладывал, произошел странный случай. Эти три студента исчезли с постоялого двора, оставив на столе книгу Clavio atarti a Magica. Я забрал ее и отнес к вам в кабинет.

Фауст. Вы правильно поступили. Теперь, дорогой Вагнер, наши невзгоды кончаются, я теперь совершенно счастлив, скоро мы покинем эту убогую лачугу и заживем во дворцах; скоро мы будем ездить в каретах и у нас будет толпа слуг. Скоро мир заговорит о деяниях доктора Фауста по-другому. Что проку мне было от моих долгих ученых занятий? От моего чтения? От моих бессонных ночей? Все было впустую, все — одна сплошная микрологическая болтовня! Терзания для души, холодная вода, вылитая на раскаленную сталь! Выжмите все эти фолианты, Вагнер, и черт меня возьми, если вы найдете в них хоть каплю жизненной мудрости!

Вагнер. Я и сам хотел, чтобы наши обстоятельства когда-нибудь изменились, но у меня еще одна просьба к вашему великолепию.

* Ключ к искусству магии (лат., искажено).

Фауст. Говорите, Вагнер, только покороче! У меня сегодня еще много дела.

Вагнер. Я хотел просить ваше великолепие, не позволите ли вы мне нанять себе помощника, чтобы мне лучше обернуться с моими занятиями.

Фауст. Ваша просьба будет исполнена, возьмите себе еще кого-нибудь в помощь, пообещайте ему хорошее жалованье и стол; еще только одно — если меня сегодня кто будет спрашивать, отвечайте, что сегодня я не принимаю никого. (Уходит).

Вагнер. Слушаюсь, ваше великолепие. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Каспер (один). Ария²

1

Хорошо гулять по свету,
Коль в кармане есть монета.
Всюду вы найдете, право,
Развлеченья и забавы.
И сама чужая речь
Может вас порой развлечь.

2

Например, попав в Париж,
По-французски говоришь:
Votre serviteur, мусье,
Donne-moi пожрать скорей!

3

Распознаешь издали
Звуки дивной чешской речи:
Katzo ma! Katzo ma!
Sniro wacko Scipama.
Kto hec katzo milowaty,
Musi cipa urzezati.

4

Но штирийский наш язык³,
Если с детства не привык,
Лучше ты его не слушай,
А не то завянут уши!
Парня там зовут парняхой,
Ну а девушку девахой.
Ах, ты парень мой, парняха,
Ах, ты девушка, деваха!

5

А в Хорватии я рад
 Изъясняться как хорват.
 Dieka, dieki dowri snami,
 Dieki, daeki dopri spani,
 Dieki, daeki gradlowaeki,
 Dieki, daeki gradlowaeki.

6

Все ученые мы ныне.
 Каспер знает по-латыни:
 Нис haec hoc, Magister Musa,
 Est in virgo et confusa,
 Quia semper vult amare,
 Disputare et saltare.

7

Если ж соберусь жениться,
 Пусть жена моя гордится:
 Кто, как я, рожден героем,
 Крепко шит и ладно скроен,
 До удачи доживет,
 В сане рыцаря умрет!

Ну и проклятушее это дело — быть странствующим школяром, которому нечего есть и пить. Вот уже целую вечность я шляюсь по белу свету и не могу пристроиться на место. Если так пойдет и дальше, у меня ни одной подметки целой не останется, да и голоден я к тому же так, что готов был бы слопать все горы, если бы это были паштеты, и вылакать все Средиземное море, если бы оно было из шампанского! Но, черт побери, гром и молния! тысячу чертей! Здесь как будто постоянный двор, а я не вижу ни кружки, ни стакана, ни пива, ни вина, да и погребка не видать. Давай-ка пошумим! Эй, кельнер, хозяин, слуги! Дворник, горничная! Эй вы, тут прибыл приезжий пассажир!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вагнер. Каспер.

Вагнер. Что ты тут шумишь, негодяй, в комнате моего господина?

Каспер. Ах ты, пес шелудивый, не смей обзывать меня негодяем, у меня борода погуще твоей.

Вагнер. Кто ты? Откуда ты явился? И куда направляешься?

Каспер. Бррр, не спрашивай так много зараз!

Вагнер. Откуда ты?

Каспер. Я и сам не знаю.

Вагнер. Кто был твой отец?

Каспер. Мой отец! Мужчина, конечно.

Вагнер. У него было какое-нибудь ремесло?

Каспер. Ну, понятно! Он был, погоди, погоди-ка! Ну вот, я и забыл опять! Это имеет отношение к карманам.

Вагнер. Ну, может быть, портной?

Каспер. Да нет! Говорю тебе, это имеет отношение к карманам. Это... это...

Вагнер. Может быть, скорняк?

Каспер. Да нет, совсем не скорняк.

Вагнер. Или закройщик?

Каспер. Совсем не закройщик, пойми ты меня! Вот что за человек он был: он ходил по ярмаркам, и когда ему не удавалось ничего лучшего подцепить, он довольствовался парой носовых платков.

Вагнер. Но ведь это ужасно, это попросту называется карманник! Ну, а кто же была твоя мать?

Каспер. Моя мать! Она живьем полетела на небо, да еще захватив с собой 10 поленьев дров.

Вагнер. Как это? Да разве это возможно?

Каспер. Видишь ли, народ болтал, будто она ведьма, ну вот и сложили высокую кучу поленьев, привязали сверху мою мать, а дрова-то внизу подожгли, а шуму-то, шуму было от барабанов и свистелок — умереть со смеху!

Вагнер. Но это неслыханно! Ну, а твой брат?

Каспер. Мой брат! Он был забавник, если он утром выезжал на двух лошадях, то вечером ворочался на четырех.

Вагнер. Час от часу не легче. А твоя сестра?

Каспер. Сестра-то моя живет в городе и гладит манжеты, ну а как пробьют вечернюю зорю, она прирабатывает маленько.

Вагнер. Короче говоря, твои родственники еще живы?

Каспер. О да, они живы, но они умерли.

Вагнер. Ты сейчас не служишь, неправда ли, приятель?

Каспер. Ах ты, дурень этакой, да я слушать умею получше твоего.

Вагнер. Ты не так меня понял. Я хочу сказать, ты ищешь себе хозяина?

Каспер. Правильно, правильно, одно из двух — или я ищу хозяина, или хозяин ищет меня.

Вагнер. Если хочешь, можешь сейчас же поступить в услужение к моему господину.

Каспер. А кто же твой господин?

Вагнер. Мой господин — профессор, богослов.

Каспер. Как? Бог ослов? ⁴ Да, я и сам такой же, не хуже его!

Вагнер. Э, да ты не понял меня. Профессор — это все равно что ученый.

Каспер. Ну, и я ученый — могу пить так, что потом только осколки стаканов подбирай.

Вагнер. Ну, а читать и писать-то ты умеешь?

Каспер. Да, писать я могу не хуже юриста, вот только когда я напишу, ни один черт разобрать не может. Но скажи-ка мне, сам-то ты кто?

Вагнер. Я фамулус.

Каспер. В жизни не слышал подобного слова!

Вагнер. Фамулус это все равно что писец.

Каспер. Скажи-ка, наконец, как же зовут твоего господина?

Вагнер. Моего господина зовут доктор Иоганн Фауст.

Каспер. Тьфу черт, какое грубое имя, всю жизнь буду вспоминать кулак⁵.

Вагнер. Как так?

Каспер. Видишь ли, мне как-то дали по носу кулаком, да так, что зубы во рту закачались.

Вагнер. У нас такого не бывает.

Каспер. А тебя как зовут?

Вагнер. Меня зовут Вагнер.

Каспер. Тьфу черт, ты еще в десять раз грубее своего господина.

Вагнер. А почему бы это?

Каспер. Видишь ли, я служил однажды за харчи у одного каретника⁶, и этот молодец всегда давал мне жрать вместо салата стружки.

Вагнер. Такого опять же у нас не бывает. Ну как, решаешься поступить к нам в услужение?

Каспер. Да. А сколько мне будут платить в год?

Вагнер. Ты будешь получать каждый квартал 25 гульденов.

Каспер. Так-с. А сколько кварталов бывает в день?

Вагнер. Что ты! В каждом году 4 квартала, а это составит 100 гульденов в год.

Каспер. Так, так. А я думал, у нас каждый день по 6 штук кварталов.

Вагнер. Нет, только 4 в году.

Каспер. Ну, а теперь скажи-ка, что же я должен делать за эти 100 гульденов?

Вагнер. Работа у тебя будет маленькая; во-первых, ты должен рано вставать, колоть дрова и разводить огонь.

Каспер. Ну, развести огонь под домом, это я превосходно умею.

Вагнер. Э, да ты тогда подожжешь весь дом! Дрова надо закладывать в камин, потом варить кофе, ходить на почту за письмами и носить за моим господином книги.

Каспер. Так, теперь понятно. Но послушай-ка, братец Фамулукс, ты ведь тоже в услужении?

Вагнер. Да, разумеется.

Каспер. Так вот, братец Фамулукс, ты славный парень, это сразу видать по тебе; и раз ты тоже в услужении, то давай помогать друг другу во всем по-братски, тогда никому из нас не будет тяжело.

Вагнер. Ну? В чем же я должен помогать тебе?

Каспер. Так вот, братец, ты встанешь спозаранку, наколешь дров, разведешь огонь, сварить кофе, принесешь мне в постель, а я по-братски помогу тебе выпить его.

Вагнер. Нет, так дело не поидет. За жалованье придется и поработать. Ну, если ты готов заключить сделку, тогда идем за мной, я покажу тебе твою работу.

Каспер. Ладно, ладно уж, дай мне только поесть и попить, потому как мой желудок от голода и жажды просвечивает, как старый фонарь.

Вагнер. Ну так идем со мной, за этим у нас дело не станет.

Каспер. Что ж, по мне, когда дело доходит до еды и питья, я готов следовать куда угодно, хоть в преисподнюю, но à propos *, эй ты, проходимец, тебя что, не учили хорошим манерам? Ты что, не знаешь, что гостей пропускают вперед?

Вагнер. Ну как хочешь, иди первый. (Оба уходят).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фауст, затем Вагнер.

Фауст. Ну, вот я и закончил свою работу, все готово; я ожидаю только полночи, чтобы отправиться на перекресток дорог и начать свои заклинания.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вагнер, Фауст.

Вагнер. Простите, ваше великолепие, что я вас беспокою, я нанял по вашему приказанию себе помощника, как вы изволили разрешить.

Фауст. Вы хорошо сделали; вы договорились с ним и о жалованье?

Вагнер. Да, ваше великолепие, я обещал ему 100 гульденов.

Фауст. Я согласен! А теперь выслушайте мои распоряжения: сегодня ночью мне предстоит поездка, и до 10 часов утра завтра меня ни для кого нет дома. (Уходит).

Вагнер. Слушаюсь, ваше великолепие. Наконец-то, надеюсь, наша судьба переменится, мы так долго жили в нужде и лишениях, но теперь похоже, что наши виды на будущее проясняются. Мой господин уже много лет не выглядел таким бодрым и веселым, как сегодня.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Каспер, Фауст.

Каспер. Однако, черт побери, скажи-ка, братец Фамелокс, в вашей кухне все выглядит, как после разрушения Иерусалима! Ни ножей, ни вилок, ни ложек, ни горшков, можно подумать, что тут 10 лет не стряпали ничего горячего.

Вагнер. Ты, должно быть, попал не в ту кухню.

Каспер. Э, какое там! Налево ли, направо ли — повсюду одни голые стены.

Вагнер. Пойдем со мной, я покажу тебе, где наша кухня.

* Кстати (фр.).

К а с п е р. Ну что ж, мне-то что, лишь бы поесть да попить чего-нибудь, а не то я пойду своей дорожкой.

В а г н е р. Ну, идем со мной.

К а с п е р. Только поживее, а не то я откушу тебе нос от голода!
(Оба уходят).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцене лес, небо занято черными тучами, сверкает молния, раздастся гром.
Круж, испещренный множеством небесных знаков.

Ф а у с т. О, полночь, час общения с преисподней настал, мрачные тучи надвигаются со всех сторон. Убийство, алчность и обман нашли себе здесь убежище. Месяц прячется за тучи, как будто не хочет видеть, что творится под ним. Все добрые создания спят, только отверженные души, полуистлевшие останки, которые грешили на этом свете, обречены теперь бродить и искупать свои грехи, пока какая-нибудь сердобольная душа не сжалятся над ними и не избавит от этих мучений. А для таких дел как раз подходящее время. Вот подожду только, пока у кармелитов колокол пробьет 12, чтобы начать мои заклинанья. (Бьет 12). А, как раз время для того, что я затеял. (Вступает в круг). Теперь я вступаю в круг, не опасаясь ни вас, ни преисподней. Так слушайте меня, жители глубин Тартара! Прокляты, прокляты будьте вы все, кто во мраке оплакивает свое преступление. Я заклинаю вас всем, что есть для вас святого, тем именем, которое основало твердьню ада, явитесь мне, заклинаю вас моей бессмертной душой, подайте голос, ответствуйте! (Гром). Как! Что? Что значит эта нерешительность? Вы смеетесь надо мной или не желаете повиноваться мне? О, я могу и лучше. Так слушайте же меня, вы, проклятые обитатели преисподней, я второй раз заклинаю вас. Сюда, где бы вы ни были — подо мной или надо мной! Пусть перевернется вся природа, разверзнутся могилы, материнские утробы извергнут младенцев, разлетятся вдребезги скалы, сломится жезл мирового порядка! Пусть мертвецы восстанут, пусть все, что существует, станет грудой развалин — вы должны явиться предо мной! Заклинаю вас великой печатью Соломоновой! (Подымается густое облако, гром, молния). Что значит это облако у меня перед глазами? Вы хотите напугать меня им? Ошибаетесь! Я не отступлюсь от своих заклинаний, даже если весь мир погибнет. Или мое заклинание слишком слабо, чтобы заставить вас явиться предо мной? Слишком слабо? А, так я покажу вам, что могу силой вынудить то, что вы не хотите сделать добром. Итак, слушайте меня в последний раз, жители глубины Тартара. Cum injurio vos infernales spirito, per Deo sancte! per coelum, terram et aqua, venite at ha diabole, citto citissime, Fauste diat at ultiman! * (Молния и гром, появляются три черта в безобразном обличье).

* Насильно, вы, адские духи, во имя бога святого! — по небу, воде и земле явитесь сюда, дьяволы, быстро-быстро, Фауст возвещает до крайнего предела! (лат., сильно искажено).

Черти. Мы к твоим услугам, чего ты хочешь, Фауст?

Фауст. Подойди сюда, первый дух преисподней. Скажи, как тебя зовут и насколько ты быстр?

Первый черт. Меня зовут Ауэрхан! И я быстр как ветер.

Фауст. А, ты поистине проворен, тогда я скоро окажусь на юге, на севере, на востоке и на западе. Но для меня ты все же слишком медлителен; поэтому я приказываю тебе своей негромантией удалиться отсюда, *hor hugo*. (Черт уходит). Подойди сюда, второй дух преисподней. Скажи, как тебя зовут и насколько ты быстр?

Второй черт. Меня зовут Крумшнабель, и я быстр как пуля из ружья.

Фауст. Это поистине достаточно быстро, ибо прежде чем слышен выстрел, пуля уже достигла цели, но для меня ты слишком медлителен, поэтому я приказываю тебе своей негромантией удалиться отсюда, *hor hugo*. (Черт уходит). Подойди сюда ты, третий дух преисподней, скажи, как тебя зовут и сколь проворно твое искусство?

Третий черт. Меня зовут Мефистофель Проворный, и я быстр как человеческая мысль.

Фауст. Это поистине великая быстрота, ибо я переносюсь мыслью то в Европу, то в Африку, то в Америку, то в Азию. Послушай, Мефистофель, ты мне нравишься, я готов заключить с тобой договор, если ты согласен служить мне 24 года, я обязуюсь стать твоим по истечении этих 24 лет телом и душой, с головы до ног!

Мефистофель. Нет, Фауст, 24 года это слишком долго, я согласен служить тебе 12 лет.

Фауст. Что ты — 12 лет! Да знаешь ли, что сказал премудрый Соломон: старость человека начинается в 50 лет, а мне только 40, я хочу пока еще насладиться жизнью и не уступаю ни одной минуты из 24 лет.

Мефистофель. Фауст, этого я не могу решить сам, я должен сначала испросить разрешения у своего повелителя Плутона.

Фауст. Как? Мефистофель, я не хочу думать, что ты меня обманешь и обойдешь. Разве ты не сказал, что ты быстр как человеческая мысль? Как же скоро ты вспомнишь обо мне, как скоро вспомнишь о своем князе, чтобы узнать его мнение?

Мефистофель. Фауст, до наступления полуночи я не смею вновь предстать перед моим князем.

Фауст. Тогда иди и поговори со своим князем: я жду тебя с ответом. Но прими другой облик, чтобы никто не испугался твоего вида.

Мефистофель. Каким же я должен явиться, Фауст? В каком платье?

Фауст. Ты можешь явиться как юрист, как доктор, как охотник, но лучше всего, если ты явишься как студент.

Мефистофель. Я явлюсь.

Фауст. А теперь я приказываю тебе своей негромантией удалиться, *hor hugo!* (Мефистофель уходит). Ну вот, великое дело свершилось, я выйду из круга и буду ждать Мефистофеля. Ты будешь мне тысячекрат желанным гостем, если вернешься с добрыми вестями. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Каспер, затем черти.

Каспер. Ну и распроклятое это дело — быть слугой. Мой хозяин приказал мне прийти за ним сюда, в это место, а мне никак его не найти, а тут еще кругом всякий стук да треск, так что мороз по коже подирает, и так темно, что в двух шагах рукой глаза не увидеть. *(Замечает круг)*. А это что за чертовщина? Глянь-ка, да это, должно быть, портной потерял свою мерку: вот выпучит глаза-то, когда станет кроить кафтан и не найдет мерки. Дай-ка, посмотрю еще раз на эту штуковину. Но что за черт, я вижу следы, как будто тут внутри кто-то отплясывал, дай-ка взгляну, не помещусь ли я внутри. *(Ступает в круг одной ногой. Гром и молния)*. Это что за черт? Ведь на дворе не март месяц, когда коты с ума сходят. *(Ступает в круг обеими ногами. Гром и молния)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Черти, Каспер.

Черти. Ты должен с нами договориться.

Каспер. Ну, если случится оговориться, то можно ведь поправиться. Однако что это за молодцы? Они выглядят юркими, высохшими и тощими, как борзые.

Черти. Подпиши с нами договор, отдайся нам.

Каспер. Что же мне вам отдать-то? У меня никакого имущества нет.

Черти. Твою душу.

Каспер. Ну нет, обойдемся как-нибудь.

Черти. Отдайся нам, подпиши с нами договор.

Каспер. Но я не умею писать.

Черти. Мы будем водить твоей рукой.

Каспер. Э, нет, вы можете испачкать мне манжеты. Эй, вы, молодчики, вы что, не собираетесь убраться отсюда?

Черти. Нет, мы останемся здесь, пока ты сам не уйдешь.

Каспер. Так, так. Ну, так я останусь здесь до утра.

Черти. И мы останемся до утра.

Каспер. А я сяду. *(Садится)*.

Черти. И мы сядем. *(Садятся)*.

Каспер. Ну вот, вся милейшая компания в сборе; ну и рожки у этих молодчиков — настоящие жулики!

Черти. Подпиши с нами договор.

Каспер. Я говорю вам, убирайтесь, насмотрелся я на вас, хватит!

Черти. Нет, мы будем здесь сидеть, пока ты не подпишешь с нами договор.

Каспер. Ну и сидите, сколько угодно, а я встану. *(Встает)*.

Черти. И мы встанем. *(Встают)*.

Каспер. А я опять сяду. *(Садится)*.

Черти. И мы сядем. *(Садятся)*.

К а с п е р. А я встану. (*Встает*).

Ч е р т и. И мы встанем. (*Встают*).

К а с п е р. Эй вы, голубчики, и у вас хватает мужества так вот стоять все время?

Ч е р т и. Да, мы останемся, пока ты сам не уйдешь, а если бы ты не стоял в кругу, мы бы разорвали тебя на тысячу кусков.

К а с п е р. Хотел бы я быть при том, и если у всех такие хари, как у вас, я проглочу тысячу таких молодчиков зараз.

Ч е р т и. Подпиши с нами договор.

К а с п е р. Заткните глотку, эй вы! С меня хватит потехи! Ой, погоди-ка, погоди-ка, я ведь когда-то служил у одного хозяина, он умел заклинать чертей, и я прочел тогда в одной книге — как это? — *parlicken, parlocken*[?], *friss brocken*, то бишь, лопай корки; нет, что-то не то. Дай-ка попробую всерьез: если произнести *parlico* (*черти убегают*), а если сказать *parloco* (*черти появляются*). Ага, значит так оно и есть — *probatum est*^{*}; ну погодите, господа черти, я вам задам такую погудку, что вы попляшете под мою дудку! Если сказать *parlico* (*исчезают*), если сказать *parloco* (*появляются*), *parlico* (*исчезают*), *parloco* (*появляются*), *parlico* (*исчезают*), *parloco* (*появляются*), *parlico* (*все исчезают*). Ага, ну теперь эти молодчики убрались, и то сказать — самое время, потому что у меня во время заклинания все мужество выдохлось; только бы выбраться из круга: дай-ка осматрюсь кругом, не спрятался ли кто из этих мошенников. (*Озирается по сторонам*). Нет, здесь никого и там никого! Ну, теперь, мужество, не покинь меня. (*Выходит из круга, черти появляются и набрасываются на него с колотушками, подхватывают и поднимают на воздух, он кричит*). Ай-ай-ай, выпустите меня, я из N. N. (*Падает на землю*). Хорошо еще, что я додумался до этого, ведь в моем местечке живут одни ткачи, а с ними эта публика не желает иметь дела. (*Уходит*).

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Фауста, на столе чернильница и бумага.

Фауст сидит в кресле и спит, перед ним лежит написанный договор.

Мефистофель входит.

Мефистофель.

Твой час стучится в дверь!

Он стоит рая, верь.

Ты будешь жить в весельи

И станешь богачом.

О, Фауст, поспеши.

С князем ада контракт подпиши.

* Доказано (лат.).

Фауст (*просыпается*). Что это было? Во сне или наяву было то, что я видел и слышал — будто я заживу в радости и наслаждениях! О да, это конечно так, ибо я родился под удивительной звездой, и все будет в моем распоряжении. Но что это, Мефистофель обещал мне скоро появиться у меня вновь; назначенный час прошел, а его все нет.

Мефистофель (*из-за сцены*). Фауст, aqua forma.

Фауст. Это голос Мефистофеля, humanum est.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мефистофель (*хорошо одетый*). Фауст.

Мефистофель. Вот и я, Фауст.

Фауст. Ах, в таком виде ты мне нравишься. Ну, что сказал твой повелитель? Какой ты мне принес ответ?

Мефистофель. Фауст, мне позволено служить тебе 24 года.

Фауст. Ну так выслушай договор, который я составил.

Мефистофель. Ну, послушаем.

Фауст. Я, Иоганн доктор Фауст, профессор в Виттенберге, заключаю следующий договор с Мефистофелем. Во-первых, ты должен дать мне кошелек с деньгами, которые повсюду будут иметь хождение, и чтобы кошелек этот никогда не пустел. Во-вторых, ты должен отдать в мои руки все тайные сокровища, где бы они ни находились — под землей, под водой, надо мной или подо мной. В-третьих, ты должен постараться сохранить меня в течение этих 24 лет в добром здравии и добром расположении духа и доставлять мне все наслаждения, каких я пожелаю. В-четвертых, ты должен переносить меня по воздуху, по воде, под землей — всюду, куда я ни пожелаю, и притом с быстротой человеческой мысли. Если ты честно выполнишь эти вышеперечисленные пункты, то я обязуюсь по истечении 24 лет стать твоим телом и душой, с головы до ног. Составлено в Виттенберге 18 апреля 1333 года. Ну, нравится тебе мой договор, Мефистофель?

Мефистофель. Договор хорош, но кое-что ты позабыл.

Фауст. Что же?

Мефистофель. Подписать свое имя.

Фауст. Оно ведь стоит вначале.

Мефистофель. Нет, оно должно быть подписано и внизу.

Фауст. Ну, что ж, как хочешь. (*Хочет подписать*).

Мефистофель. Стой, Фауст, что ты хочешь сделать?

Фауст. Подписать свое имя.

Мефистофель. Чем ты хочешь подписать его?

Фауст. Чем же! Чернилами, конечно.

Мефистофель. Нет, Фауст! Ты должен подписать его своей кровью.

Фауст. Но откуда же я ее возьму?

Мефистофель. Дай сюда руку.

Фауст (*протягивает ему руку*). Вот она.

Мефистофель (*наносит ему царапину на пальце*). Вот и кровь.

Фауст. Странная вещь, но послушай, Мефистофель, я вижу здесь в книге несколько слов, которые гласят homo fugo*, что они значат?

Мефистофель. Ха-ха-ха! Ты называешь себя ученым и не знаешь того, что слова homo fugo означают «беги!», а куда же, как не в объятия твоего верного слуги Мефистофеля?

Фауст. Ну что же, быть тому. *(Подписывается, влетает ворон и уносит бумагу)*. О горе! Что это? Горе мне, я в ужасе.

Мефистофель. Успокойся, Фауст это была адская птица, которую послал мой повелитель Плутон, потому что ему не терпелось получить твою бумагу.

Фауст. О, Мефистофель, это потрясло все мое мужество. Неужели ты не мог иным способом унести эту бумагу, как через эту адскую птицу, которая привела меня в такой ужас?

Мефистофель. Не бойся, Фауст, иди в свою опочивальню, там лежит мешок с драгоценными камнями и дорогими одеждами, надень их, и тебя станут принимать за князя. Отправляйся в Парму, в Италию, там как раз празднуется бракосочетание принца Гектора. Развлекайся там, наслаждайся радостями, которые ждут тебя там, сядь на мешок и произнеси слова hor hugo, и ты сразу же окажешься на месте.

Фауст. Хорошо, я отправлюсь туда, но еще только одно, Мефистофель! На время моего отсутствия и оставляю тебе весь дом, позаботься обо всем, как если бы он был твоим собственным.

Мефистофель. Все будет исполнено. *(Оба уходят)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каспер. Затем Мефистофель.

Каспер. Черт-те знает, что за хозяйство такое пошло, одни только черные камердинеры так и шныряют туда-сюда, туда-сюда. Я слышал, здесь кто-то разговаривал, а никого не видно, дай-ка посмотрю, не забрался ли кто под стол. Никого нет. Не знаю, что за дела творятся, время что-то тянется так долго, что я просто не знаю, куда девать себя от скуки! Ого! Какая-то книга! Дай-ка погляжу, не забыл ли я еще буквы. Глава первая: как приправлять кофе цикорием. Так, эту науку теперь все трактирщики превзошли. Глава вторая: как омолаживать старух! Ну, это не дело. Эдак, пожалуй, напоследок все старухи захотели бы стать молодыми, и пришлось бы раскупить все, что есть в аптеках. Это не дело! Глава третья: как вызывать чертей. А! Вот это я почитаю. Если хочешь вызвать черта, нужно произнести эти слова: rag-, rag-, ragiso.

* Человек, беги (лат., искажено).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мефистофель, Каспер.

Мефистофель. Эй ты! Что ты делаешь тут, в комнате моего хозяина?

Каспер. Что? Это комната моего хозяина, а не твоего.

Мефистофель. Нет, моего, ибо я его дворецкий, пока его нет, а он уехал.

Каспер. Как же зовут твоего хозяина?

Мефистофель. Моего хозяина зовут доктор Иоганн Фауст.

Каспер. Что? Господин Фауст мой хозяин. Но скажи-ка мне, куда же отправился мой хозяин?

Мефистофель. В Парму в Италии, ибо там празднуется сейчас бракосочетание принца Гектора.

Каспер. Вот где, наверно, есть что выпить и закусить!

Мефистофель. Уж будьте спокойны!

Каспер. И хорошенькие девчонки?

Мефистофель. Каких только пожелаешь.

Каспер. И добрые музыканты?

Мефистофель. Каких только захочешь послушать.

Каспер. Скажи, пожалуйста, а как тебя зовут?

Мефистофель. Меня зовут Мефистофель.

Каспер. Ах ты, мой милый картофель, отправь и меня туда, где мой хозяин.

Мефистофель. Хорошо, если ты сделаешь то, что я от тебя требую, я сделаю тебя счастливым. Видишь, я дал твоему хозяину столько, сколько он пожелал.

Каспер. Ах, ты мой милый картофель, дай мне еще парочку талеров впридачу, они могут мне пригодиться.

Мефистофель. Хорошо, если ты мне отдашься.

Каспер. Что же я тебе должен отдать?

Мефистофель. Свою душу.

Каспер. Ах ты мерзавец, ты, конечно, один из тех мошенников, которые напали на меня в том лесу. Эй, приятель, если бы я знал, что ты был с ними, я бы своими руками свернул тебе шею.

Мефистофель. Нет, меня там не было. Значит, ты не хочешь отдаться мне?

Каспер. Нет, обойдется.

Мефистофель. Ну, пойдем, я все-таки дам тебе адского коня, ты можешь поскакать на нем к своему хозяину, но с одним условием — чтобы обо всем деле молчок!

Каспер. На это можешь положиться, я буду нем, как пучок соломы.

Мефистофель. Тогда идем.

Каспер. Да, да! Иди вперед, гостям нужно уступать дорогу. (*Про себя*). Этого молодчика я бы не решился иметь у себя за спиной. (*Уходят*).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вагнер сначала один, потом Фауст — в роскошно убранной комнате.

Вагнер. Ах боже ты мой! Как все изменилось в такое короткое время. Ах, я хотел бы опять оказаться в нашей лачуге вместо этого роскошного дворца, где грохоту карет и топоту копыт нет конца. Лучше всего попрошу отпустить меня совсем, ибо дольше я не могу здесь выдержать; о несчастье человеческое!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фауст, Вагнер.

Фауст. А, это вы, Вагнер! Но что же вы стоите погруженный в размышления? И смотрите в землю, как если бы вы хотели вырыть останки своих покойных родителей? Что с вами?

Вагнер. Ах, ваше великолепие! Я хотел бы, чтобы мы вновь оказались в нашей лачуге вместо этого роскошного дворца, не сегодня, так завтра мы были бы счастливы.

Фауст. Что у вас на уме, Вагнер?

Вагнер. Я собирался просить ваше великолепие отпустить меня.

Фауст. Как? Что вы говорите, Вагнер, чего вам недостает? Разве у вас не вдоволь всего? Или — я не хочу думать, что вы завидуете моему счастью? Пойдите со мной, я подарю вам 100 карлинов.

Вагнер. Совсем нет. Я прошу только отпустить меня.

Фауст. Нет, Вагнер, вы вкусили у меня горьких дней, вкусите теперь добрых.

Вагнер. Нет, ваше великолепие, я прошу всего-навсего отпустить меня.

Фауст. А я не отпускаю вас.

Вагнер. Если, ваше великолепие, не согласитесь отпустить меня добром, я возьму свое силой. Но подумайте о своем создателе, который сотворил всех нас, подумайте о своей душе, которую некогда потребую от вас в день, когда вы должны будете отдать отчет, сохранили ли вы ее как священный залог. Прощайте, ваше великолепие! (*Хочет уйти*).

Фауст. Вагнер! Вагнер! Подождите!

Вагнер. Нет, нет, прощайте! (*Уходит*).

Фауст. Вагнер, Вагнер! Ушел! Что это было? Это испугало меня. Он, кажется, сказал, что у меня есть душа, о которой я должен буду дать отчет в тот день. Вагнер, не добрый ли ангел, желавший удержать меня на краю бездны, говорил твоими устами? О да, Вагнер, ты прав. Я обязан дать отчет тому, кто сотворил меня. Да, я покаюсь в своих грехах, я паду на колени, я вырвусь из лап сатаны. (*Становится на колени*). Всемогуший творец, я каюсь в своих грехах и обещаю отныне вести лучшую жизнь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мефистофель, Фауст.

Мефистофель. Что я вижу! Фауст молится! Фауст, Фауст, почему ты молишься?

Фауст. Прочь от меня, проклятый сатана, я расстанусь с тобой, я буду презирать твой вид и отвращусь от тебя.

Мефистофель. Стыдись молиться, Фауст, ты ведь не неженка какая-нибудь. Встань и пойдем со мной в твой кабинет, там ты найдешь мешок, наполненный драгоценным золотом и алмазами.

Фауст. Я презираю тебя и все твои ослепительные соблазны, ты знаешь, что нищий Лазарь воссел в лоне Авраамовом, а богач в аду.

Мефистофель (*про себя*). А, если я не могу ослепить его золотом, нужно ослепить его женской красотой. (*Уходит*).

Фауст (*молится*). О всемогущий! Я раскаиваюсь во всем своем образе жизни. Правда, я не достоин более сравнить себя с самым ничтожным созданием, но только пощади меня! Будь милосерден ко мне, несчастному грешнику.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мефистофель и Елена.

Мефистофель. Встань, Фауст, вот я привел тебе прекрасную Елену из Греции, о которой ты так много рассказывал мне. Она будет твоей супругой.

Фауст. Убирайся прочь, проклятый дух, и не нарушай моего благочестия. Как можешь ты привести мне Елену, которую я некогда видел! Прекраснее ее я не видел ничего на свете!

Мефистофель. Это она самая! Взгляни, как она манит тебя, она тянется к тебе.

Фауст. О ты, лживый бес, это, наверное, такое же отвратительное исчадие ада, как ты, туман, который рассеется, как только я прикоснусь к нему.

Мефистофель. Нет, Фауст, встань и взгляни на нее сам.

Фауст. Я могу взглянуть на нее? Поднять с лица ее покрывало?

Мефистофель. Да, можешь, она уже сбросила покрывало.

Фауст. Ну что же, быть тому. У меня ведь еще много времени для молитв. Я сейчас докажу тебе, что ты обманщик. (*Встает и смотрит на Елену*). Да, да, это она, та самая, которую я некогда видел в Греции. Пойдем со мной, в мою комнату, теперь ты — моя Елена.

Елена. А ты будешь моим Фаустом. (*Оба уходят*).

Мефистофель (*один*). Ха-ха-ха! Ну, теперь он мой навеки. Но много времени я ему не дам, я отведу его с Еленой на Блоксберг⁸, а оттуда — напрямик в ад! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К а с п е р. Гейрекс-текс-текс! Ну и житье у моего хозяина! Ух! Тут такое веселье, как в раю. Еды и питья вволю! Гейрекс-текс-текс, вот это житье: доброе вино, хорошенькие девчонки, добрые музыканты, вот это по мне, хотел бы я пробыть здесь еще сто лет! Ух, вот это жизнь!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вагнер, Каспер.

Вагнер. Ах, ты здесь, милый Каспер, я всюду искал тебя и не мог нигде найти.

К а с п е р. Ах ты, дурачок, ты бы поискал меня у бочки с шампангским, там бы ты меня наверняка нашел.

Вагнер. Послушай, Каспер, я пришел проститься с тобой.

К а с п е р. Как, братец Фамулокс, ты уже покидаешь нас? Почему же ты хочешь нас бросить?

Вагнер. Я предпочитаю есть черствый хлеб из рук честного человека, чем самые изысканные яства у злодея. И я не хочу дожидаться ужасного конца, который грозит моему господину.

К а с п е р. Значит дело уже зашло так далеко, что его скоро утащит черт?

Вагнер. Разве ты до сих пор ничего не заметил, что творится в этом доме?

К а с п е р. О да! Что здесь то и дело шныряют взад и вперед черные камердинеры.

Вагнер. Ну, значит мне незачем толковать тебе про это. Я отправляюсь в большой университет в Альтмаре, попытаю там счастья. Прощай, Каспер! *(Уходит)*.

К а с п е р. Прощай, братец Фамулокс, прощай! *(Плачет)*. Теперь и я не хочу оставаться в этом доме. Уж этот-то должно быть пронюхал, что черт скоро утянет моего хозяина, раз он так быстро сматывает удочки. Нет, нет! Я тоже ни минуты не останусь в этом доме, ибо черт — мошенник и может, пожалуй, и меня захватить за компанию! Лучше всего — пойду-ка я к судье — старый ночной сторож позавчера помер, вот я и поступаю на его место, а потом женюсь себе на какой-нибудь подходящей дородной девке и проживу счастливо! Черту же я себя не отдам! Нет, нет; это не пройдет!

А р и я

Не отдамся нечистому я,
 Не позволит мне совесть моя.
 Деньги гнусные, ведь из-за вас
 Души слабые гибнут подчас.
 Ну зачем мне богатство, почет,
 Если дьявол предъявит мне счет,
 Если я и за чарой хмельной
 Должен буду сидеть с сатаной?

А теперь я кутить не боюсь,
Я пью и над чертом смеюсь,
И так в добродетели тверд,
Что всякий отступится черт.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцене город. Ночь. Фауст один.

Фауст. Защити меня, темная ночь! Все покинули меня в этот мрачный час, даже Елена удалилась! О, как низко я пал! Какая страшная ночь для меня! Самая страшная из всех, какие я пережил за всю мою жизнь! Даже Мефистофель покинул меня в горестный час, когда мне нужно расстаться. Мефистофель, Мефистофель, где ты?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мефистофель, Фауст.

Мефистофель (*в образе фурии*). Я здесь, Фауст!

Фауст. Что это значит? Ты осмеливаешься появиться в таком виде?

Мефистофель. В том самом, в котором ты вызвал меня 24 года назад.

Фауст. Как? Что ты говоришь? 24 года! Да ведь и половины не прошло!

Мефистофель. Ошибаешься, Фауст! Когда полночный час пробьет 12, нашему договору наступит срок.

Фауст. Мефистофель, ты обманул меня.

Мефистофель. Нет, ты сам обманул себя.

Фауст. Дай мне пожить еще хоть год!

Мефистофель. Ни одного дня!

Фауст. Хоть месяц!

Мефистофель. Ни часу!

Фауст. Хоть день, чтобы я мог проститься со своими добрыми друзьями.

Мефистофель. Нет, мне это не позволено, достаточно ты терзал меня, поэтому помни денно и ночью:

Кто, глупо умствуя, подняться чает ввысь,

Проклятьем пораженный, низвергнут будет вниз.

А тот, кто умствуя, вершины мнит достигнуть,

Тот обречен, как ты, низвергнутый, погибнуть.

Фауст. Горе, горе мне! Что стало со мной? Несчастный Фауст, в какой лабиринт ты завел сам себя? Отчаяние мне награда! О, жестокосердная судьба, как ты унизила меня! Все пропало, нет спасенья ни по сю, ни по ту сторону могилы! Ни пощады, ни милосердия! Прочь, прочь из мест, где обитают люди, теперь я презираю их всех! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каспер с фонарем, поет.

К а с п е р

1

Господа, скажу вам несколько слов.
Торопитесь: пробило десять часов.
Осмотрите очаг, на воротах засов,
Стерегите ваш дом от пожара, воров.
Пробило десять часов.

2

Вам, мужья, приберег я несколько слов.
Коль услышите пробило десять часов, —
Нужен глаз за женой, чтобы к ней на порог
Невзначай не пришел куманек.
Уж одиннадцать било часов.

3

Вам, девицы, я должен два слова сказать.
Если кто-то у вас пожелает узнать,
Вы взаправду девицы иль нет,
«К сожалению, да!» говорите в ответ.
«Слишком много нам пробило лет».

4

Парни brave, всем вам я должен сказать.
Коль захочется милую вам приласкать,
Когда спит ее строгая мать,
Так на цыпочках надо ступать,
А не то тумачков вам не сосчитать.

5

Вам, вдовцы, непременно я должен сказать.
Если брак заключить вы хотите опять,
Не хвалите покойницы больше, а то
Не пойдет за вас замуж никто,
Чтобы вас наказать.

6

Вдовы бедные, вам говорю я теперь,
Нет печальнее ваших утрат и потерь
Ведь должно невозвратно пропасть
То, что вами изведено влать
Не толкнется никто в вашу дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фауст, Каспер.

Фауст. Ах милый Каспер, это ты? Ты, конечно, пришел проводить меня с фонарем?

Каспер. А ра-ра-ра-ра, никто ни за кем не пришел. Я теперь сам себе хозяин и дворецкий, и да будет вам известно, что я теперь высокочтимый ночной сторож, а вот тут — приказ, что если кто покажется на улице после 10 часов, тот отправится в холодную. Понятно?

Фауст. Ах, милый, Каспер, посвети мне до дому, и я отдам тебе одно из моих лучших платьев.

Каспер. Э, нет! Благодарю покорно, если на мне будет ваш кафтан, черт еще, чего доброго, обознается, подумает, что я и есть доктор Фауст, и утащит меня вперед вас!

Фауст. Ах, милый Каспер, посвети мне до дому!

Каспер. А я говорю вам в последний раз, господин Фаустик, уберите́сь домой, на этот раз я вам спускаю, но если я приду выкликать 11 часов и вы еще будете на улице, вы отправитесь со мной под арест, а если не пойдете подобру, я так стукну вас фонарем по голове, что у вас огарок в носу застрянет. Понятно, а? (*Уходит*).

Фауст. Горе, горе мне! Все теперь избегают меня, нет мне более ни пощады, ни милосердия. Вот как я должен ждать ужасного конца, вот как я должен страдать! Помолюсь-ка я еще раз Буду проклинать, проклинать все на свете, это придаст мне мужество. Будь проклят час, когда я родился! Будь проклят час, когда подписал договор! (*Колокол бьет три четверти*).

Мефистофель (*из-за сцены*). Фауст, *preparato* *.

Фауст. Я уже готов, приговор мне произнесен, жезл сломлен над моей головой. Это заслуженное воздаяние мне, которое я скоро почувствую за то, что я отважился на такое преступление.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Каспер, Фауст.

Каспер.

Напоследок ко всем обращаюсь я вновь.
Время спать, господа, бьет двенадцать часов.
Погасите огонь, берегите дрова.
Черт на Фауста скоро предъявит права.

Вы опять здесь, господин Фауст, разве я не говорил вам, что, если я приду выкликать 11 часов и застаю вас еще на улице, вы отправитесь со мной под арест, а вы нарушили мой приказ, теперь марш за мной в холодную, понятно, а?

* Приготовься (*лат., искажено*).

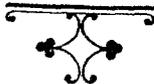
Фауст. Ах, Каспер, покинь ужасное место, где меня ждет величайшая кара. Скоро я окончу свои дни, иди и не будь свидетелем страшного конца, который меня вскоре постигнет.

Каспер. Значит, это все-таки правда, то, что народ болтал, будто вас скоро утащит черт? Ну, тогда желаю вам счастливого путешествия по воздуху! (Уходит. Колокол бьет 12 часов).

Мефистофель (из-за сцены). Fauste aeternum! et condemnatum est! * (Непрекращающиеся гром и молния).

Фауст. Я осужден, час пробил, дьявол требует мою душу. Выходите вы, проклятые обитатели преисподней, чтобы пытки мои длились недолго. выходите, вы, дьяволы, вы, фурни, возьмите мою жизнь, меня уже нет более на этом свете! (Появляются черти и уносят его).

Конец⁹.

* Фауст, ты навеки осужден (лат., искажено).

ИОГАННЕС ФАУСТ

Пьеса в четырех действиях

(Постановка Шютца и Дрэера, в записи Ф.-Г. фон дер Хагена)
1807—1808

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната, уставленная множеством фолиантов.

Фауст (*сидит за столом, на котором лежит раскрытая книга*). Я, Иоганнес Фауст, до того¹ дошел со своей ученостью, что вынужден чуть что не стыдиться самого себя. Везде смеются надо мной, книг моих никто не читает, все презирают меня. Как бы я хотел достигнуть большего совершенства! Поэтому я твердо решил изучить негромантию.

Дух (*хриплым басом, невидимый*). Оставь studium theologicum и продолжай studium negromanticum, если ты хочешь достигнуть счастья и совершенства на этом свете.

Гений (*Фаусга, также невидимый, высоким дискантом*). Оставь studium negromanticum и продолжай studium theologicum.

Фауст (*вскакивая со стула*). Удивительно! Дай-ка, я послушаю эти два голоса еще раз! Голос справа! Кто ты?

Гений (*невидимый, как и раньше*). Твой ангел-хранитель.

Фауст. Да, это благодная забота неба. Ну, а ты, голос слева? Кто ты?

Дух (*невидимый, как и раньше*). Посланец царства Плутонова, который явился сделать тебя на этом свете счастливым и совершенным.

Фауст. О, как приятно звучит слово «совершенный». Это мое единственное желание. Голос справа, покинь меня! А тебя, голос слева, я избирю отныне своим вождем.

Гений (*как и раньше*). Горе твоей бедной душе!

Дух (*с хором невидимых голосов, исходящих от адского духа, сissetся*). Ха-ха-ха-ха!

Фауст. Странно! Не успел умолкнуть мой ангел-хранитель, как раздался внезапно громкий хохот. Но вот, мой фамулус, довольно об этом!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фауст, Вагнер

Вагнер. Простите, ваше великолепие, только что прибыли двое господ, которые передали вам какую-то книгу.

Фауст. Вам следовало бы оказать этим господам самый пышный прием.

Вагнер. Так и было сделано, по нашему обыкновению. Но у меня есть еще просьба к вашему великолепию, не позволите ли вы мне взять слугу, который подсоблял бы мне малость в самой тяжелой домашней работе.

Фауст. О да, мой славный Вагнер, ваша просьба будет исполнена. Но я предпочитаю иметь в своем доме людей, которые умеют держать язык за зубами.

Вагнер. Об этом я позабочусь. Прощайте, ваше великолепие. (Уходит).

Фауст (уходя). О, я едва мог сдержать радость в присутствии своего слуги!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Касперле (входит с котомкой за спиной; он говорит на южнонемецком народном диалекте, вместо а произнося часто «á», промежуточный звук между «а» и «о»). Эх, кабы увидел меня нынче мой отец-папаша, вот бы порадовался на меня. Он завсегда, бывало, говаривал: «Касперле, гляди в оба, чтобы твои дела пошли в гору!». Ну, а теперь они и в самом деле пошли в гору, потому как я могу их подбросить до небес. (Подбрасывает котомку). Ну-кася! Теперь я на десять лет обеспечен, хотя мне и двадцать лет подряд ничего не понадобится. Перво-наперво (развязывает с гордым видом котомку) вот у меня среди моего барахлашка новехонький с иголочки кафтан; вот только верх и подкладка — хе-хе! — еще лежат у купца в лавке, но стоит мне только послать деньги, как я получу все, верх и подкладку, и пуговицы, все — от цельного куска. Затем у меня тут еще пара сапог, вот только подметки да голенища пока еще у сапожника. Хе-хе! Черт побери! Это что там на столе? (Подходит ближе и листает книгу). Это, конечно, газета или библия, дай-ка я почитаю ее (Читает). К-к-к, это к-к-кот, пудель или черт его знает, как там его звать! А! А! Вот сейчас уже лучше пошло. К-кошелек, лек, кошелек. А ведь диковинное это дело, когда хочешь читать, а и по складам-то разобрать не умеешь. Я-то, конечно, выучился бы, да вот бабка моя слишком рано померла, когда я еще совсем младенцем был — мне было всего лишь двадцать лет отроду. Ну-ка, давай посмотрим, что там дальше (перелистывает) в этой книге. «Глава I» — ха-ха, ну вот мы и подошли к самому главному, т. е. к шкалику с водкой. (Читает). «Ес-ли хо-тят вы-звать духов, то произносят парлике, а когда нужно, чтобы они опять удалились: парлоке!». Ах, все это чушь, все, что написано в этой книге. Ведь если бы все это была правда, черт был бы уже давно здесь. Стой, кто-то идет! Погоди! Я его напугаю. (Прячется под стол и бросает его под ноги входящему Вагнеру).

Далее действие, вкратце, разворачивается следующим образом:

Вагнер нанимает Касперле на службу к Фаусту, чтобы самому иметь свободное время для занятий.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Входит Фауст с книгой, которую ему передали студенты, и со сделанным согласно ей волшебным кругом; он становится внутри круга и заклинает чертей, которые являются в образе волосатых обезьян, спрашивает об их проворстве и выбирает Мефистофеля, который быстр «как мысль человеческая». Последний, получив разрешение Плутона, является в человеческом облике, и Фауст обещает ему свою душу за 24-летнюю службу, в течение которой Фауст не должен мыться, причесываться, стричь волосы и ногти и посещать церковь; взамен этого черт обещает ему все прелести мира, красоту, славу, ученость и ответы на все вопросы. Во время подписания договора кровью Фауста охватывает неодолимый сон, и тут является ему его ангел-хранитель в образе младенца с пальмовой ветвью, который оплакивает его душу (рифмованными александрийскими стихами). Но, когда Фауст пробуждается, вновь появляется безавший от ангела черт, укрепляет его в его вожделениях, и Фауст посылает договор Плутону. Ворон уносит его в клюве под раскаты адского хохота. Фауст улетает с Мефистофелем по воздуху.

Касперле, споткнувшись, валится внутрь волшебного круга, который он принял за портновскую мерку, тотчас же и ему являются черти, говорят ему, что его господина «черт побрал» и требуют, чтобы и он подписал с ними договор. Он отказывается, ссылаясь на неумение писать, проделывает с ними всякие шуточки, дурачится, гладит их мягкую шерсть, дает им оплеухи и пинки; он вспоминает о только что прочитанном паркепарлоке и быстрым чередованием этих слов доводит до изнеможения и иступления чертей, которые тщетно пытаются выманить его из круга и, наконец, в отместку пускают фейерверк, поджигая ему косичку. Один только Ауэрхан¹, еще надеясь заполучить его душу, остается, сообщает ему, что его хозяин уехал, а он, Ауэрхан должен доставить ему вслед Касперле. Касперле соглашается и уносится по воздуху верхом на «адском воробье» (драконе).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Фауст в великолепии и блеске при Пармском дворе, где он вызывает во время пиршества с помощью колдовских чар пять первых перечисленных в афише призраков, запретив, однако, любопытной герцогине дотрагиваться до них. Сюда же в сад, перед камердинером герцога, падает с облаков Касперле, свалившийся со своего коня. Он также должен в качестве слуги Фауста проделать перед камердинером несколько фокусов, доказывающих его искусство. Так, например, Касперле берется вызвать с по-

мощью колдовства такую массу воды, в которой камердинер захлебнется, или сбросить на него с воздуха жернов, который вгонит его на сажень в землю, и так как все это оказывается неприемлемым, он готов взлететь на воздух, но требует денег вперед, потому что подымется высоко и вернется нескоро. Когда и это не подходит, он хочет показать «ловкую штуку»: вертится, бормоча себе под нос, и спрашивает камердинера, видел ли он что-нибудь, а когда тот отвечает, что нет, Касперле говорит: «Да я и не сделал ничего». Когда тот продолжает настаивать, чтобы Касперле показал ему свое искусство, Касперле предлагает ему показать свое: «а я в этом деле ничего не смыслю», — и уходит. Входит Мефистофель с Фаустом и рассказывает ему, что Касперле вызывает перед герцогом и герцогиней чертей, сколько им угодно, и что Фаусту уже небезопасно оставаться здесь. Фауст уносится с ним по воздуху. Ауэрхан старается также напугать оставшегося Касперле, будто жизнь его в опасности, и предлагает ему свою помощь взамен его души. Касперле обзывает его «глупым чертом», который не знает, что ему, Касперле, «забыли сделать душу», и дает унести себя вдогонку за своим хозяином.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

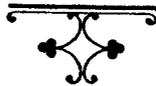
В городе в ночную пору Мефистофель объявляет Фаусту, что с наступлением полночи истекает срок их договора. Фауст, пораженный и испуганный, тщетно молит об отсрочке; тут он просит ответа на свои вопросы, и Мефистофель говорит ему, что адские муки так ужасны, что черти взошли бы на небо по ступенькам из ножей, если бы у них оставалась еще надежда. Наконец, на вопрос Фауста, может ли он еще достигнуть вечного блаженства, черт не хочет и не может ответить, и Фауст полагает себя спасенным. Между тем Мефистофель возвращается и возвещает ему приход Елены Прекрасной. Фауст вновь дает себя обольстить, обнимает Елену Прекрасную и уходит с ней как ее «Парис», и теперь он окончательно принадлежит преисподней. Вскоре он возвращается в отчаянии, ибо прекрасная Елена превратилась в его объятиях в адскую змею. Он делает последнюю попытку молиться, падает на колени. Тут входит Касперле, ставший тем временем ночным сторожем этого города, трубит в рог, поет песни и выкликает время, начиная с 10 часов, так громко, что будит этим свою жену и младенца, которые подают голос, младенец — низким басом. Тем более грозно звучит в промежутках три раза вместе с быстро следующими друг за другом ударами часов, голос с неба: *Fauste! Fauste! Praeparate ad mortem! — Fauste! Fauste! Judicatus es! — Fauste! Fauste! In aeternum damnatus es!**

С этими словами перемежаются отчаянные покаянные речи Фауста (в рифмованных александрийских стихах), а после полночного боя часов и

* Фауст, Фауст! Приготовься к смерти! — ... Ты осужден! — ... Ты проклят навеки (лат.).

сопровождающего его выкрика ночного сторожа черти под удары грома и молнии хватают Фауста, душат его в воздухе и уносятся с насмешливым хохотом вместе с ним в ад.

Касперле, который, совершая в 11 часов свой обход и найдя своего хозяина коленопреклоненным, сперва выбрал его за то, что тот спутался с чертом, а потом отказался поменяться с ним платьем из боязни, как бы черт не «схватил не того, кого надо», теперь в качестве веселого заключения кружится со своей Гретель в быстром вальсе, обрывая его «дружеским поклоном» (т. е. пинком ноги). Затем он вскакивает на свою игрушечную лошадку, которая несколько раз сбрасывает его наземь, развлекает публику всякой чертовщиной, пока, наконец, его «дружеский поклон» не кладет всему этому конец. Напоследок фейерверк, опять вспыхнувший в его косичке и опрокидывающий его наземь, оставляет ему чувствительное напоминание о его знакомстве и проделках с чертями.

V

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Кристофер Марло

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФАУСТА

Входит Хор.

Хор

Не шествуя полями Тразимсны,
Где Марс вступил с пунийцами в союз¹,
Не тешась праздной негою любви
В сени дворцов, с причудливой их жизнью,
Не в подвигах, не в блеске смелых дел
Свой черпать стих стремится наша Муза.
Мы, господа, должны изобразить
Лишь Фауста изменчивый удел.
Ждем вашего вниманья и суда
И скажем вам о юности его.
Родился он в немецком городке
Названьем Родс², в семье совсем простой;
Став юношей, поехал в Виттенберг³,
Где с помощью родных учиться стал.
Познал он вскоре тайны богословья,
Всю глубину схоластики постиг,
И был он званьем доктора почтен,
Всех превзойдя, кто диспуты с ним вел
О тонкостях божественных наук.
Его гордыни крылья восковые,
Ученостью такую напитавшись,
Переросли и самого его.
И небеса, их растопить желая,
Замыслили его ниспроверженье
За то, что он, безмерно пресыщенный

Учености дарами золотыми,
 Проклятому предался чернокнижью.
 И магия ему теперь милей
 Любых утех и вечного блаженства.
 Таков тот муж, который здесь пред вами,
 Сидит один в своей ученой келье.

(Уходит).

СЦЕНА II

Фауст входит в свой кабинет.

Фауст

Пересмотри свои занятия, Фауст,
 Проверь до дна глубины всех наук.
 По-прежнему будь богословом с виду,
 Но знаний всех ты цель определи,
 Живи, умри в творениях бессмертных,
 Которые оставил Аристотель.
 О, логика святая, это ты
 Меня в восторг когда-то привела!
 Bene disserere est finis logices*.
 Цель логики — уменье рассуждать?
 И это все? И нет в ней чуда выше?
 Так чтение брось! Ты цели той достиг.
 Достоин ты предмета выше, Фауст!
 Op sai me op**, прощай! Приди, Гален⁴ —
 Раз Ubi desinit philosophus, ibi incipit medicus***,
 Врачом ты стань и золото копи,
 Увековечь себя лекарством дивным.
 Summum bonum medicinae sanitas****.
 Так! Здравие телес — цель медицины.
 Но разве ты той цели не достиг?
 Не стала ли звучать повсюду ныне
 Крылатыми словами речь твоя?
 Иль не висят, как память о тебе,
 Везде твои рецепты, что спасли
 От злой чумы немало городов
 И тысячи недугов излечили?
 И все же ты — лишь Фауст, человек!
 Коль мог бы ты бессмертье людям дать
 Иль мертвого поднять из гроба к жизни,

* Хорошо рассуждать — цель логики (лат.).

** Сущее и не сущее (греч.).

*** Где кончается философ, там начинается врач (лат.).

**** Высшее благо медицины — здоровье (лат.).

То стоило б искусство это чтить.
Прочь знахарство! А где ж Юстиниан⁵?

(Читает).

Si una eademque res legatur duobus,
Alter rem, alter valorem rei *... и т. д.
Вот крючоктворства мелкого образчик.

(Читает).

Exhaereditare filium non potest pater nisi ** и т. д.
В том содержанье всех судебных актов
И целого собрания законов.
Достойно это слуг и торгашей,
Кого влечет один наружный блеск.
Как низменно и тесно для меня!
В конце концов не лучше ль богословье?
Вот библия Иеронима⁶, Фауст.

(Читает).

Stipendium peccati mors est ***. Ха! Stipendium... и т. д.
Возмездие за грех есть смерть. Как строго!

(Читает).

Si peccasse negamus, fallimur, et nulla est in nobis
veritas ****.

Коль говорим, что нет на нас греха,
Мы лжем себе, и истины в нас нет.
Зачем же нам грешить, а после гибнуть?
Да, гибелью должны мы гибнуть вечной!
Ученье хоть куда! Che sega, sega *****!
Что быть должно, то будет! Прочь, писанье!
Божественны лишь книги некромантов
И тайная наука колдунов,
Волшебные круги, фигуры, знаки...
Да, это то, к чему стремится Фауст!
О, целый мир восторгов и наград,
И почестей, и всемогущей власти
Искуснику усердному завещан!
Все, что ни есть меж полюсами в мире,

* Если одна и та же вещь завещана двоим, то один — вещь, другой — стоимость вещи... (получает) (лат.).

** Лишить сына наследства не может никто, кроме отца (лат.).

*** Возмездие за грех есть смерть (лат.).

**** Если мы отрицаем, что согрешили, мы ошибаемся и в нас нет никакой истины (лат.).

***** Что будет, то и будет (итал.; sega в м. sega, старая форма будущего времени).

Покорствовать мне будет! Государям
 Подвластны лишь владенья их. Не в силах
 Ни тучи гнать они, ни вызвать ветер.
 Его же власть доходит до пределов,
 Каких достичь дерзает только разум.
 Искусный маг есть всемогущий бог.
 Да, закали свой разум смело, Фауст,
 Чтоб равным стать отныне божеству.

(Входит Вагнер).

Мои друзьям снеси привет мой, Вагнер,
 Корнелию и Вальдесу скорей
 И упроси прийти ко мне.

Вагнер

Да, сударь.

(Уходит).

Фауст

Советы их помочь мне могут больше,
 Чем все мои ученые занятия.

(Входят ангелы добра и зла).

Ангел добра

Проклятую оставь ты книгу, Фауст!
 Закрой ее, не искушай души,
 Чтоб божий гнев не грянул над тобой!
 Читай, читай писанье! Не кощунствуй!

Ангел зла

Нет, далее в искусстве упражняйся,
 В котором вся сокровищница мира!
 Стань на земле, как на небе Юпитер,
 Владыкою, властителем стихий!

(Ангелы уходят).

Фауст

Я этого и жажду всей душою!
 Смогу ли я незримых духов слать
 За чем хочу, во все концы земли?
 Я прикажу все тайны мне открыть,
 Осуществлять все замыслы мои
 За золотом мне в Индию летать,
 Со дна морей собирать восточный жемчуг,

The Tragicall History of the Life and Death of Doctor FAVSTVS.

With new additions.

Written by *Ch. Marton,*

Printed at London for *John Wright,* and are to be sold at his
shop without Newgate. 1628.

Титульный лист «Фауста» Марло. Лондон, 1628

И, обыскав все уголки земли,
 Чудесные и редкие плоды
 И царские мне яства приносить!
 Велю открыть неведущую премудрость
 И тайны иноземных королей;
 Германию укрыть стеной из бронзы
 И быстрый Рейн направить в Виттенберг;
 Наполнить школы я велю шелками⁷,
 В которые студенты облечутся;
 Найму войска, какие захочу,
 На золото, что духи мне доставят;
 И изгоню отсюда принца Пармы⁸
 И стану всех земель отчизны нашей
 Единственным отныне государем!
 Военные снаряды похитрее,
 Чем огненный антверпенский корабль⁹,
 Изобрести велю я духам-слугам!

*(Входят Вальдес и Корнелий)*¹⁰.

Корнелий мой и Герман Вальдес, жду вас!
 Порадуйте меня советом мудрым!
 Друзья мои! Корнелий, милый Вальдес,
 Узнайте же, что вашими словами
 Я побежден и, наконец, решился
 Наукою таинственной заняться.
 Но не одни слова — воображенье
 Меня влечет, ничем не насыщаясь.
 Мой полон ум мечтой о колдовстве.
 Постылы мне обманы философий;
 Для мелких душ — и знахарство, и право,
 А низменней всех трех их — богословье,
 Ничтожное, суровое, тупое¹¹.
 Лишь магия одна меня пленяет!
 Друзья мои, мне помогите в этом,
 И я, который сжатым силлогизмом
 Умел смущать отцов германской церкви
 И заставлял ученых Виттенберга
 Вокруг моих проблем кружиться роem,
 Как адский сонм толпится вокруг Мусея¹²
 Прекрасного, когда сошел он в ад, —
 Я стану всех мудрей, как встарь Агриппа¹³,
 Европою столь чтимый за шиденья.

Вальдес'

Твой, Фауст, ум, наш опыт, эти книги
 Молиться нам заставят все народы!

Как дикари индейские испанцам,
Так будут нам покорствовать все силы.
Оберегать, как львы, они нас станут,
Сопутствовать они нам будут вечно
Как рейтары с их пиками у седел,
Иль мощные лапландские гиганты¹⁴,
Иль в образе невинных дев и жен,
В чьем облике красы таится больше,
Чем в белых персях у любви царицы.
Огромные тяжелые суда
Пригонят из Венеции нам духи,
Возьмут руно в Америке златос,
Что каждый год доньне притекало
В сокровищницу старого Филиппа¹⁵,
Коль будет тверд в решенье мудрый Фауст.

Фауст

В решении своем я тверд не меньше,
Мой Вальдес, верь, чем ты в решенье жить!

Корнелий

Те чудеса, что магия свершает,
Увидевши, ты клятву принесешь
Не изучать других наук отныне.
Тот, кто знаком с учением о звездах,
Обогащен познанием языков
И выучил все свойства минералов,
Тот изучил основы колдовства.
Верь, будешь чтим ты всеми ныне, Фауст,
И толпами усердней посещаем,
Чем в древности оракул был Дельфийский.
Поведали мне духи, будто могут,
Все высушив моря, достать богатства
Из кораблей, когда-то затонувших;
А из глубин неведомых земли
Сокровища, что прадедами скрыты.
К чему ж еще стремиться нам троим?

Фауст

Да, не к чему, Корнелий! Как я счастлив!
Явите ж мне магические действия,
Чтоб где-нибудь, в глухой далекой роще,
Я мог начать учиться волхвованью
И радости могущества познать.

Вальдес

Так поспешим в заброшенную рощу!
 Возьми с собой ты Бэкона, Альбана¹⁶,
 Евангелъе и с ним Псалтырь еврейский.
 А что еще для волхвованья нужно,
 Поведаем тебе в беседе позже.

Корнелий

Пусть выучит он заклинанья, Вальдес,
 А там, когда узнает все приемы,
 Пусть силы сам испытывает Фауст.

Вальдес

Я научу сперва тебя основам,
 И ты меня в искусстве превзойдешь.

Фауст

Пойдемте же со мною отобедать
 И лишь затем обсудим все подробно.
 Сегодня в ночь, до сна, устройю пробу.
 Пусть я умру, а волхвовать начну!

(Уходят).

[СЦЕНА II]

Входят два студента.

1-й студент

Что это случилось с Фаустом? Бывало, он наполнял наши школы зво-
 ном своих sic probo*!

2-й студент

Сейчас узнаем, вот его слуга!

(Входит Вагнер).

1-й студент

Эй, ты, как тебя, где твой хозяин?

Вагнер

Бог его знает!

2-й студент

А ты что ли не знаешь?

Вагнер

Нет, знаю — одно из другого не вытекает.

* Так доказано (лат.; средневековая школьная формула).

1-й студент

Иди ты со своими шутками! Скажи, где он?

Вагнер

Это не вытекает ни из какого аргумента, на котором вам, как лицензиатам, надо бы основываться. А потому признайте свою ошибку и будьте впредь внимательнее.

2-й студент

Так ведь ты же сказал, что знаешь!

Вагнер

У вас есть свидетели?

1-й студент

Ну да, я же тебя слышал!

Вагнер

Вы же не стали бы спрашивать у моего приятеля, вор я или нет!

2-й студент

Ну, так не скажешь?

Вагнер

Скажу, сударь. Только, если бы вы не были тупицами, вы ни за что не задали бы мне такого вопроса. Разве доктор Фауст не corpus naturale *, и разве оно не mobile **? Зачем же вы задаете такой вопрос? Не будь я по природе флегматик, которого трудно рассердить, более склонный к распутству (к любви, я бы сказал), опасно вам было бы подходить и на сорок шагов к месту вашей возможной казни! Впрочем, не сомневаюсь, что все равно в будущую судебную сессию я увижу, как вас вздернут! Итак, одержав над вами верх, приму вид пуританина и заговорю так: воистину, возлюбленные братья мои, хозяин мой пребывает в доме своем за трапезой с Вальдесом и Корнелием, что подтвердило бы вам это вино, если бы могло говорить... Итак, да благословит и сохранит вас господь, возлюбленные братья, возлюбленные братья! (Уходит).

1-й студент

Боюсь, не предался ли он тому проклятому искусству, за которое поносят везде этих двоих!

2-й студент

Будь он и посторонний, а не был бы мне близок, и то бы я скорбел о нем. Пойдем-ка, расскажем обо всем ректору; может быть, его мудрые советы образумят Фауста.

* Тело природы (лат.).

** Подвижное (лат.).

1-й студент

О, боюсь, его ничто не может образумить.

2-й студент

И все-таки попытаемся сделать все, что можем.

[СЦЕНА III]

Входит Фауст для волхвованья.

Фауст

В унылый час, в который тень земли,
 Чтоб влажный лик увидеть Ориона,
 На небо из Антарктики восходит,
 Туманя их своим дыханьем мгlistым,
 Произнеси свои заклятья, Фауст,
 И посмотри, тебе покорны ль бесы,
 За то, что ты им поклоняться начал.
 Здесь Иеговы¹⁷ в кругу волшебном имя
 Начертано обратной анаграммой¹⁸
 И имена святых, но сокращенно,
 И образы всех атрибутов неба,
 И символы блуждающих светил,
 Что духов вызывать способны силой.
 Мужайся же, о Фауст, будь же тверд.
 И магии ты силу испытай!

Sint mihi dei Acherontis propitii! Valeat numen triplex Iehouae! Ignis, aëris, aquae, terrae spiritus, saluet! Orientis princeps Belsibub, inferni ardentis monarcha et Demogorgon, propitiamus vos, ut appareat et surgat Mephistophilis! Quid tu moraris? Per Iehouam, Gehennam et consecratam aquam quam nunc spargo, signumque crucis quod nunc facio, et per vota nostra ipse nunc surgat nobis dicatus Mephistophilis*!

(Входит дьявол).

Исчезни, бес, явись в ином обличье,
 Ты чересчур уродлив, чтоб служить мне!
 Прими-ка вид монаха-францисканца.
 Для дьявола подходит вид святоши.

(Дьявол уходит).

* Да будут благосклонны ко мне боги Ахеронта! Да здравствует тройственная божественность Иеговы! Духи огня, воздуха, воды, земли, привет вам! Владыка Востока Вельзевул, монарх пылающего ада, и Демогоргон, молим Вас, да явится и поднимется Мефистофель! Что же ты медлишь? Заклинаем Иеговой, геенной и святой водой, коей кропаю, и крестным знамением, которое ныне творю, и молитвами нашими, да появится здесь и сейчас обреченный нам Мефистофель! (лат.),

Есть, видимо, в заклетьях этих сила!
 Как не хотеть владеть таким искусством?
 Как боязлив со мною Мефистофель!
 Как полон он угодливости робкой!
 Вот чар моих таинственная власть!
 Ты, Фауст, маг, венчаный лавром маг,
 Которому сам Мефистофель служит!
 Quin regis Mephistophilis fratris imagine *!

(Входит Мефистофель)

Мефистофель

Что хочешь ты, чтоб совершил я, Фауст?

Фауст

Слугой мне будь всегда, пока я жив;
 Все исполняй, что Фауст повелит,
 Хотя б велел луну низвергнуть с неба
 Иль затопить всю землю океаном!

Мефистофель

Я лишь слуга смиренный Люцифера
 И не могу прислуживать тебе;
 Пока на то приказа нет владыки,
 Мы ничего не можем совершить.

Фауст

Что ж, это он велел тебе явиться?

Мефистофель

Нет, здесь теперь по собственной я воле.

Фауст

Так вызвали тебя мои заклетья?

Мефистофель

Причина — в них, верней, случайный повод.
 Коль слышим мы, что кто-то имя бога
 Использует во зло и отрекаясь
 От господа Христа и от писанья,
 Бросаемся, дабы схватить ту душу,
 Но лишь тогда, когда он применяет
 Грозящие проклятьем вечным средства.
 А потому, чтоб поскорей нас вызвать,
 От троицы отречься надо смело
 И ревностно молиться князю тьмы.

* Ты правишь даже во образе брата Мефистофеля! (лат.).

Фауст

Но Фауст ведь уже признал всем сердцем
 Владыкою единым Вельзевула!
 Ему навек душой предался Фауст
 И не страшит его слово «проклятье».
 Ад для него — Элизиум¹⁹, где встретит
 Его душа всех древних мудрецов.
 Но праздные оставив рассужденья
 О гибели, о душах и о прочем,
 Скажи, кто твой владыка Люцифер?

Мефистофель

Верховный вождь и повелитель духов.

Фауст

Был ангелом когда-то Люцифер?

Мефистофель

Да, ангелом — любимейшим у бога!

Фауст

А почему стал ныне князем тьмы?

Мефистофель

Тому виной предерзость и гордыня —
 За них его низвергнул бог с небес.

Фауст

А кто же вы, посланцы Люцифера?

Мефистофель

Сподвижники владыки Люцифера,
 Восставшие когда с Люцифером,
 И прокляты навеки с Люцифером.

Фауст

Присуждены к чему вы?

Мефистофель

К аду — вечно.

Фауст

Так как же ты из ада отлучился?

Мефистофель

Мой ад везде, и я навеки в нем.
Ты думаешь, что тот, кто видел бога,
Кто радости небесные вкушал,
Не мучится в десятке тысяч адов,
Лишась навек небесного блаженства?
О, свой допрос оставь, лукавый Фауст,
Не мучь мою слабеющую душу!

Фауст

Как? Страждет сам великий Мефистофель,
Лишившийся божественных восторгов?
Ты мужеству у Фауста учишь
И презирай потерянное счастье!
Неси же весть немедля Люциферу,
Что мыслями кощунственными Фауст
На вечную себя обрек погибель.
Скажи, что он ему уступит душу,
Но требует двадцать четыре года
Наполненной роскошествами жизни
И чтобы ты все годы мне служил,
Мне добывал, чего ни захочу я,
Ответ давал на все, о чем спрошу,
Карал врагов и помогал друзьям
И слепо мне всегда повиновался.
Ступай теперь к владыке Люциферу
И в кабинет мой в полночь возвратись
Поведать мне решение господина!

Мефистофель

Да, Фауст.

(Уходит).

Фауст

Будь столько душ во мне, как звезд на небе,
Я отдал бы их все за слуг подобных!
Я вместе с ним владыкой мира стану;
По воздуху я перекину мост,
Чтоб проходить над океаном с войском;
Я Африки прибрежные холмы
С Испанией солью в сплошную сушу,
И дань собирать я с них обеих буду!
И никакой ни князь, ни император
В Германии не должен будет жить
Без моего на то соизволения!

А ныне я, желанного добившись,
 Над новою наукой поразмыслю,
 Пока ко мне вернется Мефистофель.

(Уходит).

СЦЕНА IV

Входят Вагнер и Шут.

Вагнер

Эй, мальчик, иди сюда!

Шут

Это я мальчик? Ну и мальчик! Ты что, много видал мальчиков с такой бородой, как у меня? Вот еще! Мальчик!

Вагнер

А ну, скажи, есть у тебя доходы?

Шут

Да, и выходы тоже бывают, вот как видишь!

Вагнер

Ах ты, бедняга, смотри-ка — как есть голь, а еще шутит! Гол как сокол, работы нет, а голоден так, небось, что наверняка продал бы душу дьяволу за кусок баранины и притом даже сырой!

Шут

Это мою-то душу — за кусок баранины и притом даже сырой? Не так дешево, приятель! Ей-богу, я бы обязательно потребовал, чтобы его хорошо зажарили, да еще полили соусом, если я плачу так дорого!

Вагнер

А хочешь служить у меня? Будешь щеголять как *qui mihi discipulus**!

Шут

Это как же, в стихах?

Вагнер

Да нет, весь в шелку и во вшивом корне!

Шут

Как это, на Мошенничьем Поле²⁰? Так это-то поместье оставил тебе отец? Понимаешь, мне жалко было бы лишать тебя последних средств пропитания!

* Тот, кто мне ученик (лат.).

Вагнер

Да я говорю «во вшивом корне»!

Шут

Ого, ого, во вшивом корне! Видно, будь я твоим слугой, я был бы весь обсыпан вшами!

Вагнер

И будешь, со мной или без меня, все равно! Ну, шутки прочь, заключим договор на семь лет или я превращу всех твоих вшей в нечистых духов и они разорвут тебя в куски!

Шут

Не трудитесь, сударь, я и сам настолько нечистый, что они прена-
хально ведут себя на моем теле, будто заплатили мне за еду и питье.

Вагнер

Ну, так вот, держи эти желтяки!

(Дает ему деньги).

Шут

Это что, раскаленные угольки?

Вагнер

Да нет же, французские кроны!

Шут

Служить ради французских крон? Ведь человеку от них такой же прок, как от английских фишек, да и с теми-то что мне делать ²¹?

Вагнер

Ну, теперь, малый, тебя предупредят за час, когда и куда за тобой явится дьявол!

Шут

Нет, нет, берите-ка свои угольки назад!

Вагнер

А вот и не возьму!

Шут

А вот и возьмете!

Вагнер

Сим свидетельствую, что я их ему отдал.

Шут

Сим свидетельствую, что я вам их вернул.

Вагнер

Ну, так я велю двум бесам, Балиолу и Белчеру, утащить тебя!

Шут

Пусть-ка сунутся сюда ваши Балиол и Белчер, я им так всыплю, как никто им не всыпал с тех пор, как они стали бесами, даже одного убью! И люди будут говорить: «Глянь-ка вон на того высокого парня в широких штанах, он убил беса!». И во всем приходе меня будут звать «Убий-бес»!

(Входят два дьявола. Шут бежит взад и вперед).

Вагнер

Балиол и Белчер, духи, прочь!

(Дьяволы уходят).

Шут

Что, ушли? Будь они прокляты, у них такие гадкие длинные когти! Это были бес и бесовка, их вот как можно распознать, я вам объясню: у бесов рога, а у бесовок — раздвоенные копыта.

Вагнер

Ну, ладно, ступай за мной!

Шут

Слушайте, а если я буду служить вам, вы научите меня вызывать Балиноса и Белчеоса?

Вагнер

Я научу тебя оборачиваться во что угодно — в собаку, в кошку, в мышь, в крысу — во что хочешь!

Шут

Ну, вот! Христианин — и вдруг в собаку, или кошку, или мышь, или крысу. Ну, нет, сударь, если уж вы превратите меня во что-нибудь, так уж лучше в маленькую, миленькую, прыгающую блошку, чтоб я мог быть сразу и тут, и там, и всюду. О, я проберусь во все прорехи к хорошеньким бабенкам, ей-богу!

Вагнер

Ну, идем!

Шут

Так слышите же, Вагнер!

Вагнер

Эй, Балиол и Белчер!

Шут

О, господи, прошу вас, сударь, пусть себе отдыхают ваши Балиол и Белчер!

Вагнер

Негодяй, зови меня «господин Вагнер» и держи свой левый глаз диаметрально устремленным на мою правую пятку с quasi vestigias nostras insistere*.

(Уходит).

Шут

Господи прости, он говорит, как шелками вышивает! Ну, я пойду за ним, буду служить ему, конечно!

[СЦЕНА VI]

Фауст входит в свой кабинет,

Фауст

И вот теперь ты проклят безвозвратно,
И не спасись от этого ничем.
Прочь, праздное отчаянье и думы,
Зачем теперь раздумывать о боге?
Отчайся в нем и веруй в Вельзевула!
Не отступай, о нет! Будь, Фауст, тверд.
Зачем дрожишь? В ушах звенят слова:
«Брось магию и к богу возвратись».
Да, к господу вернется снова Фауст!
Вернется ли? Но он тебя не любит!
Твой бог теперь — одни твои желанья,
И в них любовь сокрыта Вельзевула!
Воздвигну я ему алтарь и храм
И совершу там жертвы детской кровью!

(Входят ангелы добра и зла).

Ангел добра

О, Фауст мой, отвергни чернокнижье!

Фауст

Раскаянье, молитвы... Что в них пользы?

Ангел добра

Они тебя вернут обратно небу!

Ангел зла

Обман лишь чувств, безумия плоды,
Кто верит в них, бывает одурачен.

* Как бы ступая по нашим следам (лат., искажено).

Ангел добра
О небесах и о небесном думай!

Ангел зла
Нет, помышляй о славе и богатстве!
(Ангелы уходят).

Фауст
Богатство! Да! Моим ведь станет Эмден²²,
Когда служить мне будет Мефистофель!
Какой бог может Фаусту отместить?
Опасность — вздор! . . . Довольно колебаний!
Явись ко мне, неси мне, Мефистофель,
Благую весть скорей от Люцифера!
Не полночь ли уже? Где ж Мефистофель?
Veni, veni, Merphistophile *!

(Входит Мефистофель).

Ну, что сказал владыка Люцифер?

Мефистофель
Чтоб Фаусту, пока он жив, служил я,
Коль купит он ценой души услуги.

Фауст
Отважился уже на это Фауст!

Мефистофель
Торжественно ее ты завещать
И написать бумагу должен кровью.
Гарантии желает Люцифер.
Откажешься — я возвращаюсь в ад.

Фауст
Стой, подожди! Скажи мне, Мефистофель,
Зачем нужна душа моя владыке?

Мефистофель
Чтоб царствие умножить Люцифера.

Фауст
Так это — цель бесовских искушений?

* Приди, приди, Мефистофель! (лат.).

Мефистофель

Solamen miseris socios habuisse doloris *.

Фауст

Так ведомы и вам, как людям, муки?

Мефистофель

Такие же, как в душах у людей.
Но получу ль твою я душу, Фауст?
Я буду раб тебе, слуга послушный,
И дам тебе с лихвой, чего попросишь!

Фауст

Да, Мефистофель, отдаю ее!

Мефистофель

Так уколи ты смело руку, Фауст,
И подпишись, что в некий день и час
Твой примет дух великий Люцифер,
И будь велик, как он!

Фауст

(Произвая себе руку).

Вот, Мефистофель!

Я из любви к тебе своею кровью
Скрепляю свой обет пред Люцифером,
Властителем и князем вечной ночи.
Струится кровь из раненой руки,
Да освятит она мой желанья!

Мефистофель

Но следует все это написать
По правилам, как дарственную запись.

Фауст

Я напишу. (Пишет). Взгляни-ка, Мефистофель,
Сгустилась кровь, я не могу писать!

Мефистофель

Я принесу огонь расплавить сгусток.
(Уходит).

Фауст

В чем тайный смысл такой задержки крови?
Не должно мне подписывать обет?

* Утешение несчастных — иметь товарищей в скорби (лат.).

Застыла кровь, чтоб я не мог писать?
 «Вручается душа»... тут запеклось...
 Моя душа ведь мне принадлежит?
 Пиши же вновь: «Вручается душа...».
 (*Входит Мефистофель с жаровней и углями*).

Мефистофель

Вот и огонь, прижги же рану, Фауст.

Фауст

Вот кровь опять светлеет и бежит!
 Не мешкая, я кончу то, что начал.

(*Пишет*).

Мефистофель

(*в сторону*)

Все сделаю, чтоб эту душу взять!

Фауст

Вот, *consummatum est* *, написан акт,
 И Фауст им дал душу Люциферу.
 Но что это за надпись на руке?
 Вот: homo, fuge **! Но куда бежать?
 Не к богу же, меня он ввергнет в ад!
 Нет, это бред... Не видно ничего!
 Ах, вот опять! На том же месте вижу.
 Да: homo, fuge! Нет, не дрогнет Фауст!

Мефистофель

Развлекь его мне нужно! Чем? Поищем!

(*Уходит и возвращается с дьяволами;
 они подносят Фаусту золотые венцы
 и богатые уборы, пляшут и удаляются*).

Фауст

Я не пойму, скажи мне, Мефистофель,
 Что зрелище такое означает?

Мефистофель

Оно должно тебя потешить, Фауст,
 И показать, что магии доступно.

* Окончено (*лат.*).

** Человек, беги (*лат.*).

Фауст

А вызывать теперь смогу я духов?

Мефистофель

Да, и творить побольше чудеса.

Фауст

Нет, это стоит много тысяч душ!
Мой свиток здесь, возьми же, Мефистофель,
Вот договор о теле и душе,
С условием, однако, что исполнишь
По пунктам все, записанное в нем.

Мефистофель

Клянусь тебе великим Люцифером,
Что все свои исполню обещанья!

Фауст

Послушай же, я перечту условия:

«...на таких условиях: первое, чтобы Фауст мог становиться духом по образу и плоти. Второе, чтобы Мефистофель был его слугой в его полном распоряжении. Третье, чтобы Мефистофель делал для него и доставлял ему все, что ему будет угодно. Четвертое, чтобы он пребывал невидимым в его комнате или доме. Наконец, чтобы он являлся к помянутому Джону Фаусту в любое время, в том виде и образе, как ему будет приказано. Я, Джон Фауст из Виттенберга, доктор, за это вручаю душу и тело свои Люциферу, повелителю Востока, и его слуге Мефистофелю, и впредь предоставляю им по истечении 24 лет, если вышеуказанные пункты не будут нарушены, полную власть унести или увлечь одного Джона Фауста с телом и душой, с плотью, кровью и имуществом в свое обиталище, где бы оно ни было.

Подписано мною — Джон Фауст».

Мефистофель

Ты это мне даешь, как вексель, Фауст?

Фауст

Да, да, бери, и жди наград от ада!

Мефистофель

Теперь проси, чего желаешь, Фауст!

Фауст

Сначала я спрошу тебя об аде.
Где место то, что адом мы зовем?

Мефистофель

Под небом.

Фауст

Да, как всё. Скажи точней!

Мефистофель

Среди стихий, в пучине мироздания,
Где страждем мы и где пребудем вечно.
У ада нет ни места, ни пределов:
Где мы — там ад, где ад — там быть нам должно.
В конце времен, по разрушении мира,
Любая тварь очистится земная,
И Судет ад повсюду, кроме неба.

Фауст

Ну, думаю, что ад — пустая басня!

Мефистофель

Да, думай так, покуда горький опыт
Не убедит потом тебя в ином.

Фауст

Ты думаешь, что Фауст будет проклят?

Мефистофель

Еще бы нет! Тут предо мной твой свиток —
Им душу ты вручаешь Люциферу.

Фауст

И тело с ней, но что же тут такого?
Не мнишь ли ты, что Фауст склонен верить,
Что может быть страданье после смерти?
Старушечьи все выдумки!

Мефистофель

Но, Фауст,

Примером я обратного служу:

Я проклят был, и вот теперь — в аду я!

Фауст

Что, ты теперь в аду? Так если это ад, я охотно соглашусь, чтоб меня прокляли. Как же так! Разгуливаешь, ведешь споры и т. д.? Впрочем, оставим это. Достань мне жену, самую красивую девушку в Германии; я распутен и похотлив и не могу быть без жены.

Мефистофель

Как, жену тебе? Прошу тебя, Фауст, не говори о жене.

Фауст

Нет, достань мне жену, милый Мефистофель, хочу иметь жену.

Мефистофель

Так ты ее получишь. Подожди здесь моего возвращения, я приведу тебе жену во славу Сатане.

*(Уходит и возвращается с дьяволом во образе женщины.
Фейерверк).*

Ну, нравится ль тебе твоя жена?

Фауст

Чума ее возьми! Ведь это девка!

Мефистофель

Брак, Фауст, вздор, бессмысленный обряд!
Коль любишь ты меня, о нем не думай²³.
Я приводить к твоей постели буду
Прелестнейших наложниц по утрам.
Какая бы тебе ни приглянулась,
Ответствовать твоим желаньям будет,
Хоть будь она чиста, как Пенелопа,
Как Савская царица²⁴ хитроумна,
Блистательна, как светлый Люцифер
До своего печального паденья
Возьми себе, как дар мой, Фауст,

(дает книгу)

Внимательно ее ты посмотри.
Коль повторилъ вот эти строки громко —
То золота получишь, сколько хочешь.
Круг очерти вот этот по земле —
И вызовешь гром, молнию и бурю.
Произнеси вот это трижды внятно —
И воины предстанут пред тобой,
Готовые исполнить все, что хочешь.

Фауст

Спасибо, Мефистофель²⁵, но мне хотелось бы иметь такую книгу, в которой я мог бы найти всякие заклинания и магические формулы, чтобы вызывать духов когда угодно.

Мефистофель

Они в этой книге есть.

(Переворачивает страницы).

Фауст

Так дай еще такую книгу, где мог бы я видеть все светила, чтобы изучить их движение и свойства.

Мефистофель

И это здесь есть.

(Переворачивает страницы).

Фауст

Нет, дай еще мне одну книгу — и это будет все — в которой я мог бы также найти все растения, травы и деревья, какие только бывают на свете.

Мефистофель

Вот здесь они.

Фауст

Не может быть!

Мефистофель

Ручаюсь.

(Переворачивает страницы. Уходит).

[СЦЕНА VI]

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Когда смотрю на небеса, я каюсь,
Кляня тебя, коварный Мефистофель,
За то, что ты лишил меня блаженства.

Мефистофель

Ну, полно, Фауст. Иль ты вправду веришь,
Что небеса — такая прелесть, что ли?
Прекрасней их ты вдвое сам, как всякий,
Здесь на земле живущий человек.

Фауст

Как это ты докажешь?

Мефистофель

Очень просто:
Ведь создано для человека небо,
Так, значит, человек прекрасней неба.

Фауст

Коль создано оно для человека —
Я человек — и для меня оно!
Я магию отвергну и покаюсь!

(Входят ангелы добра и зла).

Ангел добра

Покайся, Фауст! Бог тебя простит!

Ангел зла

Ведь ты же дух, тебя нельзя простить!

Фауст

Кто в уши мне жужжит здесь, будто дух я?
Будь я хоть бес, меня простил бы бог!
Да, бог меня простит, когда покаюсь!

Ангел зла

Но каяться вовек не станет Фауст!

(Ангелы уходят).

Фауст

Все кончено, и никогда не вспыхнет
Раскаянье в окаменелом сердце!
Чуть вспомню я о вере, о спасенье,
Как страшное в ушах грохочет эхо:
«Ты проклят, Фауст!». Вдруг передо мной
Являются кинжалы, шпаги, ружья,
С отравною бокалы и веревки,
Чтоб мог я вмиг покончить с этой жизнью.
И я себя давным-давно убил бы,
Но радости земные побеждают
Отчаянье глубокое во мне.
Не пел ли мне по моему веленью
Слепой Гомер о страсти Александра,
О гибели Эноны²⁶? Не играл ли
Мелодии на арфе сладкозвучной
С тем, кто воздвиг когда-то стены Фив²⁷,
Однажды здесь мой верный Мефистофель?
Так стоит ли терзаться или гибнуть?
Я снова тверд и каяться не стану!
Давай, начнем мы снова, Мефистофель,
Беседовать с тобой о тайнах неба.
Есть много ль над луною сфер небесных?

И все ль тела небесные в той сфере,
Что и земля, центральная планета²⁸?

Мефистофель

Светила все, как элементы мира,
Входящие орбитами друг в друга,
Вращаются вокруг одной оси,
Концы ее мы полюсами мира
Привыкли звать. Блуждающих светил,
Юпитера, Сатурна или Марса,
Названия не вымышлены.

Фауст

Но, скажи мне, у них единое движение, как *situ*, так и *tempore**?

Мефистофель

Все вместе передвигаются с востока на запад за 24 часа относительно полюсов мира, но имеют различное движение относительно полюсов зодиака.

Фауст

Такой пустяк и Вагнеру известен,
Но должен быть ученым Мефистофель!
Кто о двойном не ведает движенье
Небесных тел? Одно лишь сутки длится,

Другое — так: у Сатурна 30 лет, у Юпитера — 12, у Марса — 4 года, у Солнца, Венеры и Меркурия — год; у Луны — 28 дней. Это просто азбучные истины! А скажи, у каждого светила есть своя власть или *intelligentia***?

Мефистофель

Да.

Фауст

А сколько есть небес или сфер?

Мефистофель

Девять — семь планет, небосвод и высшее небо.

Фауст

Ну, ответь мне на такой вопрос: почему не бывают все соединения, противостояния, фазы, затмения сразу в одно время, а так — в некоторые года их больше, в другие — меньше?

* Как по месту, так и по времени (лат.).

** Разум (лат.).

Мефистофель

Per inaequalem motum respectu totius*.

Фауст

Хорошо, я удовлетворен. Скажи, кто создал мир?

Мефистофель

Я не скажу.

Фауст

Милый Мефистофель, скажи!

Мефистофель

Не принуждай меня, я не скажу.

Фауст

Негодяй, разве ты не обязался все мне объяснять?

Мефистофель

Да, но лишь то, что не враждебно аду. А твой вопрос враждебен. Ты подумай об аде, Фауст, ибо ты ведь проклят!

Фауст

О боге, мир создавшем, думай, Фауст!

Мефистофель

Ну, погоди!

(Уходит).

Фауст

Да, уходи, проклятый,
В свой мрачный ад! Уйди! Несчастный Фауст
Из-за тебя обрек проклятью душу
Не поздно ли теперь?

(Входят ангелы добра и зла).

Ангел зла

Да, слишком поздно!

Ангел добра

Нет, никогда не поздно, если Фауст
Раскается!

* Из-за неравномерного движения по отношению к целому (лат.).

А н г е л з л а

Раскаешься, так бесы
Тебя в куски со злости разорвут!

А н г е л д о б р а

Раскаешься — они тебя не тронут
(Ангелы уходят).

Ф а у с т

Спаситель мой, Христос, мою, спаси
Ты Фауста измученную душу!
Входят Люцифер, Вельзевул и Мефистофель).

Л ю ц и ф е р

Христос тебе помочь уже не может,
Он справедлив. Души твоей не нужно
Уж никому — лишь мне она нужна!

Ф а у с т

О, кто ты, страшный гость?

Л ю ц и ф е р

Я — Люцифер,
А это, как и я, властитель ада.

Ф а у с т

Ах, за душой твоей явились, Фауст!

Л ю ц и ф е р

Явились мы, дабы сказать тебе,
Что оскорбил ты нас сейчас, нарушив
Наш договор, болтая о Христе.
О боге не мечтай — мечтай о черте —
И бабушке его ²⁹.

Ф а у с т

Я виноват! Прости меня, и Фауст
Клянется впредь не помышлять о небе ³⁰,
Не поминать и не молиться богу.
Священное писание сжигать,
Всех истреблять служителей господних
И духов слать для разрушенья храмов!

Люцифер

Поступай так, и мы щедро наградим тебя! Фауст, мы пришли из ада, чтобы кое-что тебе показать. Садись, ты увидишь все семь смертных грехов в их собственном обличе.

Фауст

Мне зрелище приятно это будет,
Как божий рай приятен был Адаму
В тот самый день, как был он сотворен.

Люцифер

Не говори ни о рае, ни о сотворении мира, а гляди на наше зрелище, говори о дьяволе и больше ни о чем. Эй, сюда!

(Входят Семь смертных грехов).

Вот, Фауст, спроси их об их именах и характерах.

Фауст

Кто ты, первый?

Гордыня

Я Гордыня. Я считаю ниже своего достоинства иметь каких бы то ни было родителей. Я вроде Овидиевой блохи³¹, я могу забираться в любые местечки к женщине: то, как парик, я облегаю ее чело, то, как веер с перьями, я целую ее губы — истинная правда! Чего только я не делаю! Но... Фу! Какой тут запах! Я больше не скажу ни слова, если пол не будет опрыскан духами и покрыт arrasской тканью³².

Фауст

Кто ты, второй?

Алчность

Я Алчность. Родилась от старого скряги, в старом кожаном мешке. Будь моя воля, я хотела бы, чтобы этот дом и все люди в нем превратились в золото. Я заперла бы тебя тогда в мой добрый сундук, о мое милое золото!

Фауст

Кто ты, третий?

Гнев

Я Гнев. У меня нет ни отца, ни матери. Я выскочил из пасти льва, когда мне отроду было всего полчаса, и с тех пор я все ношусь по белу свету с этой парой рапир, нанося удары самому себе, если больше не с кем сразиться. Я родился в аду и крепко на него надеюсь — кто-нибудь из вас станет мне отцом!

Фауст

Кто ты, четвертый?

Зависть

Я Зависть, родилась от трубочиста и торговки устрицами. Читать я не умею и потому хочу, чтобы все книги были сожжены. Я хую, когда вижу, как едят другие. О, пусть бы во всем мире настал голод и все поумирали, а в живых осталась я одна! Посмотрел бы ты тогда, какой я стану жирной! А почему ты сидишь, а я стою? А ну-ка подвинься! Вот еще!

Фауст

Прочь, завистливая негодяйка! А ты кто, пятый?

Чревоугодие

Кто я, сударь? Я Чревоугодие, все мои родные померли и, ну их совсем, оставили мне прямо нищенские средства — их хватает на то только, чтобы кушать тридцать раз в день, а выпивать — так всего десять раз, сущие пустяки, чтобы удовлетворить натуру! Я царской породы: мой дедушка был Свиной окорок, бабушка — Бочка кларета. Крестными отцами у меня были Питер — Маринованная селедка и Мартин — Мартиновская солонина³³. А крестная моя... это была веселая дама, ее нежно любили во всех городах и селах. Звали ее Марджери — Мартовское пиво. Слышал, какова у меня родословная, Фауст? Угостишь меня ужином?

Фауст

Ну, нет, хоть убей, — ты сожрешь все мои припасы!

Чревоугодие

Так пусть тебя дьявол задавит!

Фауст

Сам задавись, обжора! Кто ты, шестой?

Леность

Я Леность. Я родилась на солнечном бережку, где так и лежу с тех самых пор. Зря ты меня потревожил, пусть Чревоугодие и Сластилюбие отнесут меня назад. Больше не скажу ни слова ни за полцарства.

Фауст

А ты кто, госпожа вертихвостка? Ты, седьмая и последняя!

Сластилюбие

Кто я, сударь? Я некто, кто предпочитает один дюйм сырой баранины целому аршину вяленой трески! А имя мое начинается с Ссс... Сластилюбие.

Люцифер

Прочь, в ад, в ад! (*Грехи уходят*). Ну, что же, Фауст? Понравилось тебе?

Фауст

О, для души так много пищи в этом!

Люцифер

А вот в аду — получше развлечения!

Фауст

Как мне взглянуть на ад и возвратиться?
Как счастлив бы я был!

Люцифер

Так и увидишь. Я пришлаю за тобой в полночь. А пока что возьми эту книгу, внимательно прочти и сможешь принимать, какой захочешь облик.

Фауст

Благодарю, великий Люцифер!
Как жизнь свою ее беречь я буду!

Люцифер

Пока прощай и дьяволу будь верен!

Фауст

Да, Люцифер! Прощай! Эй, Мефистофель!
(*Все уходят*).
(*Входит Хор*)³⁴.

Хор

Премудрый Фауст,
Дабы познать все тайны звезд, какие
Начертаны в далекой горнеи книге
Небесного юпитерова свода,
На самый верх Олимпа поднялся
В блистающей огнями колеснице.
Драконами могучими влекомой³⁵.
Отправился он в дальние края
Проверить космографию на деле.
По-моему, сперва прибудет в Рим,
Чтоб папский двор и папу позидать
И побывать на празднике Петра³⁶,
Что по сей день справляется так пышно.

(*Уходит*).

[СЦЕНА VII]

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Итак, теперь, мой добрый Мефистофель,
 Прекрасный Трир³⁷ с восторгом посетив,
 Высокими горами окруженный,
 Глубокими искусственными рвами,
 Кремневыми стенами огражденный,
 Каких врагам вовек не одолеть,
 Затем Париж и Франции пределы,
 Мы видели, как Майн впадает в Рейн,
 Чьи берега — все в виноградных лозах;
 Мы видели Неаполь и Кампанью³⁸.
 Где здания прекрасно-величавы
 И улицы замощены камнями
 И делят город на четыре части;
 Мы видели гробницу золотую
 Мудрейшего Марона и дорогу,
 Что прорубил он за ночь чрез скалу
 Длиной не менее английской мили³⁹.
 Мы Падую, Венецию видали;
 Мы были там, где пышный храм стоит⁴⁰.
 Далеких звезд достигнуть угрожая
 Стремительным и дерзновенным шпилем.
 Так проводил доньше время Фауст.
 Но где же мы сейчас остановились?
 Привел ли ты меня, как повелел я,
 В конце концов теперь в пределы Рима?

Мефистофель

Да, Фауст, и так как нужно же нам устроиться, я занял для нас личные покои его святейшества.

Фауст

Святой отец нам будет рад, надеюсь.

Мефистофель

А, все равно, мы сами себе устроим угощенье:
 Ну, а теперь послушай, милый Фауст,
 Что в Риме есть достойного вниманья:
 Он на семи холмах расположен,
 Которые ему опорой служат,
 И пополам его перерезает
 Струющийся посередине Тибр.
 Четыре чрез него ведут моста
 В любую часть, во все кварталы Рима.

У моста Ангела — могучий замок,
 В нем — арсенал, и столько там хранится
 Оружия, литых из бронзы пушек
 С узорчатой резьбой, с двойным стволом, —
 Не меньше счетом их, чем дней в году.
 Там есть еще врата и пирамиды ⁴¹,
 Которые великий Юлий Цезарь
 Из Африки, как победитель, вывез.

Фауст

Тогда клянусь я Стиксом, Ахеронтом
 И озером огнистым Флегетона ⁴²,
 Что жажду я воочию увидеть
 Блистательный, великолепный Рим.
 Итак, идем скорей!

Мефистофель

Нет, Фауст, стой!
 Ведь знаю я — ты хочешь видеть папу
 И побывать на празднике Петра ⁴³,
 Где скопище монахов ты увидишь
 С плешивыми башками, для которых
 Все sumtum bonum * в набиванье брюха.

Фауст

Да, я бы рад проделать с ними шутку,
 Над глупостью потешиться их вволю.
 Так чарами своими, Мефистофель,
 Невидимым меня ты сотвори,
 Чтоб мог я все, что пожелаю, делать,
 Не видимый никем, пока я в Риме.

(Мефистофель околдовывает его).

Мефистофель

Отныне ты, что хочешь, делай, Фауст —
 Тебя никто не может увидеть.

(Звуки трубы ⁴⁴. В сопровождении монахов входят папа и кардинал
 Лотарингский и садятся за накрытый стол. Монахи прислуживают им).

Папа

Придвиньтесь-ка поближе, кардинал.

Фауст

Беритесь за угощенье, черт вас удави.

* Высшее благо (лат.).

Папа

Что такое? Кто это сказал? Взгляните, братья!

Монах

Здесь, с позволения вашего святейшества, нет никого.

Папа

Монсиньор, вот отменное блюдо, присланное мне епископом Миланским.

Фауст

Спасибо, сударь.

(Хватает блюдо).

Папа

Что такое! Кто это выхватил у меня блюдо? Посмотрите же кто-нибудь! Монсиньор, а вот это блюдо прислано мне кардиналом Флорентинским.

Фауст

Верно, я его съем!

(Хватает блюдо).

Папа

Как, опять? Монсиньор, пью за вашу милость!

Фауст

Сохраните ко мне вашу милость!

(Хватает кубок).

Кардинал Лотарингский

Ваше святейшество, может быть, это какой-нибудь дух, ускользнувший из чистилища, чтобы вымолить у вашего святейшества прощение грехов?

Папа

Может быть! Братья, приготовьтесь, нужно отслужить панихиду, чтобы утихомирить этого неистового духа. Еще раз прошу, монсиньор, кушайте!

(Папа крестится).

Фауст

Ты крестишься? Советую тебе,
Любезный мой, оставить эти штуки!

(Папа снова крестится).

Как, и опять? Ну, если в третий раз —
 То жди беды, смотри! Предупреждаю!
 (Папа снова крестится, и Фауст дает ему затрецину.
 Все убегают).

Что далее нам делать, Мефистофель?

Мефистофель

Уж и не знаю — нас проклянут с колоколом, книгой и свечой⁴⁵.

Фауст

Как?

Колокол, свечка и книжка; колокол, книжка и свечка.
 И вперед и назад, гонят Фауста в ад?
 Скоро услышишь, как хрюкают свиньи, как блеют овечки,
 Как телята мычат, как ослята кричат —
 Уж такая пора — это праздник Петра⁴⁶.

(Входят все монахи для совершения панихиды).

Монах

Братия, отдадимся делу нашему с усердием!

Монахи (поют)

Будь проклят тот, кто унес блюдо со стола его святейшества! Maledicat Dominus*! Будь проклят тот, кто нанес его святейшеству удар по лицу! Maledicat Dominus! Будь проклят тот, кто нанес удар по тонзуре брату Сандело! Maledicat Dominus! Будь проклят тот, кто нарушает нашу святую панихиду! Maledicat Dominus! Будь проклят тот, кто унес вино его святейшества! Maledicat Dominus! Et omnes sancti! Amen**!

(Мефистофель и Фауст бьют монахов и швыряют в их толпу фейерзерк,
 затем убегают).

(Входит Хор)⁴⁷.

Хор

Когда осмотр закончил Фауст свой
 Всех редкостей и царственных дворов,
 Из странствия домой он воротился,
 Где близкие, товарищи, друзья,
 Разлуку с ним сносившие в печали,
 Все радостно друг друга поздравляли
 С его благополучным возвращеньем.
 Беседа о том, что было с ним
 В скитаниях его по всей вселенной,

* Да проклянет господь! (лат.).

** Да проклянет господь и все святые. Аминь (лат.).

Они его расспрашивали жадно
 О тайнах звезд, и Фауст отвечал
 С ученостью такой и знаньем дела,
 Что всех умом своим он восхитил.
 И слух о нем повсюду прогремел.
 И вот сейчас великий император
 Карл Пятый⁴⁸ сам его к себе зазвал.
 Как редкий гость, пирует ныне Фауст
 В его дворце, среди его вельмож.
 Как доказал он там свое искусство,
 Рассказывать не стану, ибо это
 Представлено здесь будет перед вами.

(Уходит).

[СЦЕНА VIII]

Входит Робин, конюх, с книгой в руке⁴⁹,

Р о б и н

Ох, вот так славно! Я стащил одну из колдовских книг доктора Фауста. Ей-богу, отыщу-ка я в ней какие-нибудь магические фигуры! Теперь-то заставлю всех деушек у нас в приходе плясать передо мной голыми — так я увижу больше, чем когда бы то ни было раньше!

(Входит Ральф, зовя Робина).

Р а л ь ф

Робин, пожалуйста, ступай-ка, там один господин дожидается лошадей и требует, чтоб ему почистили платье! Он там препирается с хозяйкой насчет этого. Она послала меня разыскать тебя. Ступай-ка туда, пожалуйста!

Р о б и н

Не лезь ко мне, Ральф, а то взорвешься и разлетишься на куски! Убирайся, я принимаюсь сейчас за одну великолепную работенку.

Р а л ь ф

Постой, что ты делаешь с этой книжкой? Ты и читать-то не умеешь!

Р о б и н

Уж хозяин и хозяйка убедятся, что умею: он — по своему лбу, она — по своим прелестям, которые ей суждено мне уступить, если только мое искусство не провалится.

Р а л ь ф

А что же это за книжка, Робин?

Робин

Что за книжка? Да самая что ни на есть богопротивная колдовская книга, какую когда-либо сочинил дьявол!

Ральф

А ты умеешь колдовать по ней?

Робин

С ее помощью мне ничего не стоит делать разные штуки! Первое: я могу напоить тебя током ипокрасы в любом кабачке Европы — и задаром. Это один из моих фокусов.

Ральф

Только за рассказы? Наш священник сказал бы, что это не штука⁵⁰!

Робин

Ну, пусть так, Ральф. Но ведь это еще что! А вот, если по сердцу тебе Нэн Спит, кухарка, так ты сможешь крутить ею, как тебе угодно, хотя бы и в полночь.

Ральф

Ох, Робин, дружище, неужто я получу Нэн Спит? Коли так, я уж буду кормить твоего дьявола лошадиным хлебом⁵¹, пока он не помрет, и притом бесплатно!

Робин

Ну, хватит, друг Ральф, пойдем, почистим башмаки, которые висят у нас на руках, а там примемся за колдовство во имя самого дьявола.

(Уходят).

[СЦЕНА IX]

Входят Робин и Ральф с серебряным кубком в руках⁵².

Робин

Вот, Ральф, не говорил я тебе, что мы на весь век обеспечены благодаря этой книжке доктора Фауста Ессе signum*, вот так находка для честных конюхов, наши лошади сена и в рот брать не будут, пока она будет действовать.

(Входит трактирщик).

Ральф

Гляди, Робин, вот и трактирщик!

Робин

Т-с-с-с, я его сверхъестественно надую! Хозяин, надеюсь, мы с вами в расчете! Ну, бог с вами, идем, Ральф.

* Вот знак (лат.).

Т р а к т и р щ и к

Одно словечко, судары! Прежде чем уйти, заплатите мне за кубок!

Р о б и н

За кубок? Ральф, что это значит? За какой кубок? Ах, ты, да знаешь, что ты... и т. д.!.. Обыщи меня!

Т р а к т и р щ и к

Этого-то я и хочу, сударь, с вашего позволения.

(Обыскивает Робина).

Р о б и н

Ну, что скажешь?

Т р а к т и р щ и к

Мне нужно кое-что сказать вашему приятелю, вот вам, сударь

Р а л ь ф

Мне, сударь? Мне, сударь? Обыщите себе брюхо лучше! (Трактирщик обыскивает его). И не стыдно вам, сударь, обременять честных людей поисками правды?

Т р а к т и р щ и к

Ну, кубок-то у кого-то из вас!

Р о б и н

Врешь, хозяин! Он не у меня, он передо мной. (В сторону). Эх, покажу я тебе, как порочить честных людей! Убирайся подобру-поздорову, а то я шуру тебе спущу за твой кубок! Суди тебя Вельзевул! (Ральфу). Гляди за кубком, Ральф!

Т р а к т и р щ и к

Эй, что это значит?

Р о б и н

Я тебе покажу, что это значит! (Читает). Sanctobulorum Periphrasticon. Погоди, хозяин, я уж тебя потешу! (Ральфу). Гляди за кубком, Ральф. (Читает). Polyragmos Belseborams framanto racostiphos tostu, Mephistophilis *, и т. д.⁵³

(Входит Мефистофель и прицепляет им на спины фейерверк.
Все бегут по сцене).

* Набор бессмысленных слов, напоминающих латинские и греческие.

Т р а к т и р щ и к

О, *nomine Domine* *, чего тебе надо, Робин! Ладно, пусть нет у тебя кубка!

Р а л ь ф

Rescatum rescatorum **. Вот тебе твой кубок, добрый трактирщик!
(Отдает кубок трактирщику, и тот убегает).

Р о б и н

Misericordia pro nobis ***, что мне делать? Добренький дьявол, прости меня на этот раз, и я больше никогда не заберусь в твою библиотеку!
(*Мефистофель подходит к ним*).

М е ф и с т о ф е л ь

О, ада царь, под чьей черной властью
Великие властители земли
Склоняются в благоговейном страхе!
О ты, на чьих зловещих алтарях
Лежат горой погубленные души!
Как зол я на заклятье этих тварей!
Покинуть мне пришлось Константинополь
По вызову каких-то дураков!

Р о б и н

Неужто Константинополь? Вам пришлось проделать долгий путь, возьмите-ка себе в кошелек шесть пенсов, чтоб заплатить за ужин, и отправляйтесь восвояси!

М е ф и с т о ф е л ь

Негодяи, за вашу наглость превращаю одного в обезьяну, а другого в собаку, и убирайтесь!

(Уходит).

Р о б и н

Как, в обезьяну? Вот здорово, я-таки позабавлюсь с мальчишками! Орехов и яблок у меня будет вдвойне!

Р а л ь ф

А я стану собакой!

Р о б и н

Ей-богу, твоя башка никогда не будет вылезать из горшка с похлебкой!

(Уходят).

* Именем господи! (лат., неправильно).

** Грех из грехов (лат.).

*** Милосердие к нам (т. е. смилуйся над нами) (лат.).

[СЦЕНА X]

Входят император, Фауст и рыцарь в сопровождении свиты⁵⁴,

И м п е р а т о р

Господин доктор Фауст, до меня дошли удивительные слухи о твоих познаниях в черной магии. Говорят, в моей империи и даже в целом мире никто не может сравниться с тобой в искусстве магии. Говорят, у тебя есть знакомый дух, с помощью которого ты можешь исполнять все, что ни пожелаешь. Поэтому прошу тебя: покажи мне свое искусство; пусть глаза мои получат возможность подтвердить истинность того, о чем слышали мои уши. Клянусь тебе своей императорской короной, что бы ты ни сделал, ты не потерпишь ни поношения, ни ущерба.

Р ы ц а р ь

(в сторону)

Право, он очень похож на фокусника.

Ф а у с т

Всемиловейший государь, хоть я должен признать себя ниже той славы, какую разнесли по свету люди, и хоть мое искусство недостойно внимания вашего величества, но я счастлив исполнить все, что ваше величество повелит. К этому обязывают меня любовь и долг.

И м п е р а т о р

Тогда меня послушай, доктор Фауст.
 Подчас, когда я остаюсь один
 В безмолвии пустынном кабинета,
 Печальные ко мне приходят мысли
 О доблести моих далеких предков,
 О том, что встарь они свершить успели, —
 Сокровища такие накопили
 И столько стран сумели покорить,
 А мы, что здесь наследовали им, —
 Мы никогда, боюсь, достичь не сможем
 Величия и власти, равных этим.
 Среди других ушедших государей
 Мне вспомнился и Александр Великий,
 Чьих подвигов чудесное сверканье
 Животворит и освещает мир.
 Когда о нем упоминанье слышу,
 В душе моей рождается сожаленье,
 Что никогда его я не видал.
 Поэтому, коль ты своим искусством
 Его вернешь из-под могильных сводов,
 Под коими покоится сей муж,

И с ним его возлюбленную вместе,
 Обоих в их обличье настоящим,
 С движениями, им свойственными, в платье,
 Которое они носили в жизни,
 Тогда мое заветное желанье
 Исполнишь ты и дашь мне этим повод,
 Пока я жив, тебя повсюду славить. ✓

Ф а у с т

Всемиловейший государь, я готов исполнить ваше повеление, насколько мне позволят мое искусство и власть моего духа.

Р ы ц а р ь
 (в сторону)

Ну, это-таки немного!

Ф а у с т

Но позвольте сказать, ваша милость, что не в моих силах представить пред ваши взоры настоящие, вещественные тела обоих этих царственных усопших, которые уже давным-давно обратились в прах.

Р ы ц а р ь
 (в сторону)

Право, господин доктор, вы начинаете обнаруживать признаки небесной благодати, раз хотите открыто во всем признаться!

Ф а у с т

Но перед вашей милостью появятся духи, в точности похожие на Александра и его возлюбленную в том виде, какой те имели при жизни, в самом расцвете сил и красоты. Без сомнения, ваше императорское величество, будете этим удовлетворены.

И м п е р а т о р

Начинайте же, господин доктор, я хочу сейчас же их видеть!

Р ы ц а р ь

Слышите, господин доктор? Пусть Александр и его возлюбленная предстанут перед императором!

Ф а у с т

Что такое, сударь?

Р ы ц а р ь

Ей-богу, это все такая же правда, как и то, что Диана превратила меня в оленя!

Фауст

Этого-то не было, сударь, но, когда Актеон умер, он оставил вам в наследство свои рога⁵⁵. Ступай-ка, Мефистофель!

(Мефистофель уходит).

Рыцарь

Ну, нет, если вы, действительно, собираетесь вызывать духов, я лучше уйду!

(Уходит).

Фауст

Я еще рассчитаюсь с вами за то, что вы вмешивались в наш разговор! *(Входит Мефистофель с Александром и его возлюбленной).* Вот и они, всемилостивейший государь!

Император

Господин доктор, слышал я, что у этой дамы при жизни была на шее бородавка или родинка. Как бы узнать, верно это или нет?

Фауст

Ваше величество, можете смело подойти и посмотреть.

Император

Да это вовсе не духи, это настоящие живые Александр и его возлюбленная с плотью и кровью!

(Духи уходят).

Фауст

Не соблаговолите ли теперь, ваше величество, послать за тем рыцарем, который только что был так любезен со мной?

Император

Кто-нибудь, позвать его! *(Один из придворных выходит. Входит рыцарь с рогами на голове).* Это еще что, господин рыцарь? А я ведь думал, что ты холостяк! А теперь вижу — у тебя есть жена, которая надевает тебя рогами, да еще вдобавок заставляет тебя носить их! Пощупай себе голову!

Рыцарь

Ты, негодяй, проклятый, гнусный пес,
В расщелине ужасных скал взращенный,
Как смеешь ты позорить дворянина!
Все уничтожь, что натворил, наглец!

Фауст

О, не так скоро, сударь, торопиться некуда! Ну да ладно, теперь вы будете помнить, как прекословили мне во время моей беседы с императором. Думаю, что мы теперь квиты.

Император

Добрый господин доктор, прошу вас, избавьте его от рогов, он достаточно наказан!

Фауст

Всемиловейший государь, Фауст по заслугам отомстил этому клеветнику не столько ради отплаты за те оскорбления, которыми он осыпал меня в вашем присутствии, сколько для того, чтобы позабавить вас. Это все, что мне хотелось, и потому я с удовольствием избавляю его от рогов. А вы, господин рыцарь, отныне отзывайтесь об ученых почтительнее! Мефистофель, преобрази его сейчас же! (*Мефистофель снимает рога с головы рыцаря*). Теперь, мой добрый государь, я исполнил свой долг, разрешите мне удалиться.

Император

Прощайте, господин доктор, но, прежде чем уехать отсюда, ждите от меня щедрой награды⁵⁶.

(Уходят).

[СЦЕНА XI]

Лужайка, затем дом Фауста⁵⁷.

Фауст

Извечный бег, что совершает время
Спокойною, бесшумною стопой,
Нить бытия упорно сокращая,
Расплаты час все боле приближает,
А потому, любезный Мефистофель,
Мы поспешим с тобою в Виттенберг.

Мефистофель

Пойдем пешком или верхом поедем?

Фауст

Прелестную пройдем лужайку эту.

(Входит лошадиный барышник).

Барышник

Весь день сегодня ищу одного тут доктора Фустяна. Где же это он? Спаси вас боже, господин доктор.

Фауст

Ну, что ж, хозяин, добро пожаловать!

Барышник

Вот что, сударь. Я принес вам сорок долларов за вашу лошадь.

Фауст

Я ее так не продам. Нравится она тебе, давай пятьдесят.

Барышник

Ах, сударь, у меня больше и денег-то нет! Заступитесь за меня, пожалуйста!

Мефистофель

Прошу вас, уступите ему, это честный мальчик, и у него столько расходов — нет ни жены, ни детей.

Фауст

Ну давай сюда твои деньги. (*Лошадиный барышник дает Фаусту деньги*). Лошадь получишь от моего слуги. Но должен тебя предупредить: ни за что не въезжай на ней в воду.

Барышник

А что, сударь, разве она совсем воды не пьет?

Фауст

Пить-то пьет, но не въезжай на ней в воду. Наезжай хоть на изгородь, хоть в канаву, словом, куда угодно, только не в воду!

Барышник

Ладно, сударь! Ну, теперь дела мои устроены. (*В сторону*). Я уж не отдам этой лошадки за сорок долларов. Даже будь она качеством вроде балаболки, все равно я наживу на ней целое состояние: у нее круп гладкий, как у угря. (*Фаусту*). Ну, прощайте, сударь, значит, ваш слуга передаст мне лошадку. Но, чур, если она заболит или заартачится, я принесу вам ее мочу, и вы мне скажете, что с ней такое!

Фауст

Пошел вон, негодяй! Ты что думаешь, я коновал?

(*Лошадиный барышник уходит*).

Ты, Фауст, что? Приговоренный к смерти!
Твой срок течет и близится к концу...
Отчаянье родит в душе неверье,
Терзаннями врывается в мой сон!

Но ведь Христос и на кресте воззвал
К разбойнику? Так будь покоен, Фауст!

*(Засыпает в своем кресле. Входит лошадиный барышник,
весь мокрый, плача).*

Барышник

Ой, ой, ой! Вот так доктор Фустиан! Вот доктор Лопус был совсем не такой доктор⁵⁸. А этот дал мне такое очистительное, которое очистило меня от сорока долларов! Только я их и видел! А я, как осел, не послушался его, когда он велел, чтобы я не въезжал на ней в воду. Я решил, что в ней есть какое-то свойство, которое он хотел от меня скрыть. И вот я, как ветреный мальчишка, въехал на ней в глубокий пруд, что на краю города. Не успел я доехать до середины пруда, как моя лошадь исчезла, и оказалось, что я сижу верхом на охапке сена. Никогда в жизни не был я так близок от того, чтобы утонуть. Но я разыщу своего доктора и верну свои сорок долларов, или это будет самая дорогая лошадь на свете! А, вон его шалопай! Эй, ты, где твой хозяин?

Мефистофель

В чем дело, сударь? Что вам нужно? С ним нельзя говорить!

Барышник

А я хочу говорить с ним!

Мефистофель

Да он спит крепким сном, приходите в другой раз.

Барышник

Я поговорю с ним сейчас, или я разобью ему окна над самым его ухом!

Мефистофель

Говорю тебе, он не спал целых восемь ночей.

Барышник

Да хоть восемь недель — я поговорю с ним!

Мефистофель

Вот, посмотри, как он крепко спит.

Барышник

Ах, вот он! Господь с вами, господин доктор, господин доктор, господин доктор Фустиан, сорок долларов, сорок долларов за охапку сена!

Мефистофель

Ты же видишь, он тебя и не слышит!

Барышник

Эге-гей! Эге-гей! (*Орет Фаусту в ухо*). Проснетесь вы или нет! Уж я добужусь вас! (*Тянет Фауста за ногу и отрывает ее*). Ох, беда, что мне делать!

Фауст

О, моя нога, моя нога! На помощь, Мефистофель! Зови стражников! Моя нога! Моя нога!

Мефистофель

Идем к приставу, негодяй!

Барышник

О господи! Сударь, отпустите меня, и я дам вам еще сорок долларов!

Мефистофель

Где они?

Барышник

Со мной их нету, идемте на мой постоянный двор, и я их вам отдам!

Мефистофель

Ну, беги, живо!

(*Лошадиный барышник убегает*).

Фауст

Что, убрался? Счастливого пути! У Фауста опять есть нога, а у барышника, будем считать, охапка сена за труды! Что ж, эта шутка будет ему стоить еще сорок долларов! (*Входит Вагнер*). А, Вагнер, что нового?

Вагнер

Сударь, герцог Вангольтский⁵⁹ настоятельно приглашает вас к себе.

Фауст

Герцог Вангольтский? Это большой вельможа, перед ним нечего скучить на свое искусство! Идем к нему, Мефистофель!

(*Фауст и Мефистофель уходят*)⁶⁰.

[СЦЕНА XIII]

Входят герцог и герцогиня Вангольтские, Фауст и Мефистофель.

Герцог

Право, господин доктор, мне очень понравилось это зрелище.

Фауст

Всемиловитвейший государь, я рад, что оно доставило вам такое удовольствие. Но, может быть, вам, государыня, все это было неприятно?

Я слышала, что беременным женщинам часто хочется разных лакомств. Чего бы вам хотелось, государыня? Только скажите и сразу все получите.

Герцогиня

Спасибо, добрый господин доктор! Я вижу ваше любезное желание доставить мне удовольствие и не скрою от вас, чего желает душа моя. Будь сейчас не январь, глухая зимняя пора, а лето, я ничего бы так не хотела видеть здесь, как блюдо зрелого винограда.

Фауст

Ну, государыня, это пустяк! Ступай, Мефистофель! (*Мефистофель выходит*). Пожелай вы чего-нибудь и поважнее, и то бы получили. (*Входит Мефистофель с виноградом*). Вот и виноград! Отведайте, пожалуйста!

Герцог

Право, господин доктор, вот это изумляет меня более всего остального! Как это вы достали виноград такой глухой зимней порой, в январе месяце?

Фауст

С вашего позволения, государь, год во всем мире делится на два круга, так что, когда зима у нас, в противоположном кругу — лето, например в Индии, Саве⁶¹ и более далеких восточных странах. Я и велел проворному духу, который мне служит, доставить мне оттуда винограду, как видите. Как вы его находите, государыня? Вкусен ли он?

Герцогиня

Право, господин доктор, это лучший виноград, какой я когда-либо пробовала в жизни⁶²!

Фауст

Я счастлив, что он так вам нравится, государыня.

Герцог

Идемте же, сударыня, вы должны щедро наградить этого ученого мужа за любезность, которую он оказал вам.

Герцогиня

Неприменно, государь, и пока я живу, не забуду этой любезности.'

Фауст

Почтительно благодарю вашу милость.

Герцог

Следуйте за нами, господин доктор, и получите вашу награду.

(*Все уходят*).

[СЦЕНА XIII]

Входит Вагнер solus * 63.

Вагнер

Хозяин, знать, собрался помирать?
 Свое добро он все теперь мне отдал,
 Но если б смерть была и вправду близко,
 Мне кажется, что он не пировал бы
 Среди школяров так буйно, как сейчас.
 И ужинов таких не задавал бы,
 Каких вовек не видел раньше Вагнер.
 Смотри, идут! Окончен, видно, пир!

(Уходит. Входит Фауст с двумя студентами).

1-й студент

Господин доктор Фауст, обсудив вопрос о том, которая из женщин была красивее всех в мире, мы порешили, что прекраснейшей женщиной, когда-либо жившей на свете, была Елена Греческая. А потому, господин доктор, мы сочли бы себя глубоко вам обязанными, если бы вы сделали милость и показали нам эту несравненную греческую жену, величием которой восхищается весь мир.

Фауст

Господа,
 Ведь знаю я, что дружба непритворна
 У вас ко мне, а Фауст не привык
 Отказывать друзьям в их скромных просьбах.
 Узрите вы красавицу-гречанку
 В величии, в каком она являлась,
 Когда Парис с ней пересек моря,
 В Дарданию⁶⁴ везя свою добычу.
 Молчите же! Слова несут опасность.

(Слышна музыка, и по сцене проходит Елена).

2-й студент

Мой слишком ум и немощен и прост,
 Чтоб вознести достойную хвалу
 Той, что навек восторг снискала мира!

3-й студент

Нет дива в том, что целых десять лет
 Вели войну воинственные греки,
 Чтоб отстоять прекрасную царицу,
 Чьей красоте нет равной на земле.

* Один (лат.).

1-й студент

Увидевши венец непревзойденный
Творения природы, удалимся!
Благословен будь Фауст наш вовеки
За славное деяние его!

Фауст

Прощайте же и вам желаю счастья.
(Студены уходят. Входит старик).

Старик

Ах, где найти мне силы, доктор Фауст,
Стопы твои направить на стезю,
Которая тебя бы привела
К небесному покою и блаженству?
Ах, разорви себе на части сердце
И кровь его смешай ты со слезами
Раскаянья под тяжестью греха
И мерзости твоей, смрад от которой
До глубины пропитывает душу
Пороками, злодействами, грехами!
Его изгнать не в силах состраданье —
Спасителя лишь милосердьем, Фауст,
Чья кровь одна твою греховность смое⁶⁵!

Фауст

Что сделал ты, несчастный, жалкий Фауст!
Отвержен ты! Отчайся и умри!
Ад требует расплаты справедливой
И голосом громовым вопиет:
«Твой близок час, иди, иди же, Фауст!».
И Фауст долг идет исполнить свой...

(Мефистофель подает ему кинжал).

Старик

О Фауст, стой, опомнись, погоди.
И не свершай отчаянного шага!
Здесь над тобой, я вижу, реет ангел
И щедро льет из чаши милосердьем.
О милости моли, оставь унынье!

Фауст

Ах, добрый друг, я чувствую, врачуют
Слова твои измученную душу.

Покинь меня на время, чтоб я мог
Грехи мои вновь обозреть и взвесить!

Старик

Я ухожу с печалью в сердце, Фауст,
Погибели души твоей страшась!

(Уходит).

Фауст

Отверженный! Где ж милосердье, Фауст?
Вот каюсь я и все же полон страха.
В моей душе ад борется с молитвой.
Как избежать сетей жестокой смерти?

Мефистофель

Изменник ты! За непокорность злую
Верховному владыке моему
Я требую твою до срока душу.
Вновь отрекись от бога, или я
В куски твое здесь растерзаю тело!

Фауст

О, умоли владыку, Мефистофель,
Мою простить безумную предерзость.
Я подтвержу свою кровью снова
Мной принятый обет пред Люцифером!

Мефистофель

Да, сделай так скорей, с открытым сердцем,
Чтоб избежать за колебанья кары!

Фауст

Так старика, ехидного и злого,
Посмевшего порочить Люцифера,
Мучениям предай страшнее адских!

Мефистофель

Сильна его бесхитростная вера —
Я не могу души его коснуться,
Но плоть его измучу, как смогу,
Хоть нет цены для ада в этих муках.

Фауст

Я к одному стремлюсь, слуга мой добрый:
Дай утолить тоскующее сердце!

Возлюбленной моей пусть станет та,
Которую недавно здесь я видел —
Прекрасная Елена, чьи объятия
Божественные в силах погасить
Сомнения мои в моем обете —
И буду верен Люциферу!

Мефистофель

Это

И что бы ты еще ни пожелал
Исполнится в одно мгновенье ока!

(Входит Елена).

Фауст

Вот этот лик, что тысячи судов
Гнал в дальний путь, что башни Илиона
Безверхие ⁶⁶ сжег некогда дотла!
Прекрасная Елена, дай изведать
Бессмертие в одном твоём лобзании!

(Целует ее).

Ее уста всю душу исторгают!
Смотри, летит! Верни ее, Елена!
Я жить хочу — в устах твоих все небо!
Все, что не ты — один лишь тлен и прах!
Я — твой Парис! Из-за тебя, как Трои,
Весь Виттенберг отдам на разграбленье.
И я сражусь со слабым Менелаем
И преданно на оперенном шлеме
Твои цвета одни носить я стану.
Я снова поражу в пяту Ахилла ⁶⁷
И возвращусь к Елене за лобзанием.
О, ты прекрасней, чем вечерний воздух,
Пронизанный сияньем тысяч звезд!
Ты солнечней, чем пламенный Юпитер,
Пред бедною Семелой представший ⁶⁸!
Милее ты, чем радостный царь неба
В объятиях лазурных Аретузы ⁶⁹!
Возлюбленной мне будешь ты одна!

(Фауст, Мефистофель и Елена уходят. Входит старик).

Старик

Отчаянный и низкий человек ^{70!}
 Небесную ты отвергаешь благодать
 И от суда небесного бежишь!

(Входят демоны).

Вот сатана меня проверить хочет!
 Но веру мне господь мой закалит
 В горниле сем, и верх она одержит
 Над кознями твоими, черный ад!
 Вы, демоны кичливые! Вон небо
 Над вашими усильями смеется!
 Прочь, мерзкий ад! Я богу предаюсь!

(Все уходят).

[СЦЕНА XIV]

Входит Фауст со студентами.

Фауст

Ах, господа!

1-й студент

Что с Фаустом?

Фауст

Ах, дорогой мой товарищ! Живи я по-прежнему с тобой, я был бы не-
 вредим! А теперь я гибну навеки! Взгляните, его еще нет? Его еще нет?

2-й студент

Что Фауст хочет сказать?

3-й студент

Похоже, что он помешался из-за своего постоянного одиночества.

1-й студент

Когда так, мы придем к нему врачей. Это просто переутомление, не
 бойтесь.

Фауст

Переутомление смертными грехами, из-за которых прокляты и тело и
 душа!

2-й студент

И все же, Фауст, подними взоры к небу и вспомни, что бесконечно ми-
 лосердие божие.

Фауст

Нет, преступления Фауста нельзя простить. Змей, искушавший Еву,
 может быть, спасется, но не Фауст. Ах, господа, выслушайте меня терпе-

ливо и не дрожите от моих речей! Хоть сердце мое трепещет и рвется при воспоминании о том, что долгих тридцать лет я занимался здесь учеными трудами, но лучше бы мне никогда не видеть Виттенберга, никогда не читать книг! Какие чудеса я совершал, видела вся Германия, весь мир! И вот ради этих чудес Фауст утратил и Германию, и весь мир, да, и даже само небо, небо, обитель бога, престол блаженных, царство радости, и должен погрузиться в ад навеки! Ах! В ад! Навеки в ад! Друзья, что будет с Фаустом в аду, в бесконечном аду?

3-й студент

И все же, Фауст, призывай бога!

Фауст

Бога, от которого отрекся Фауст? Бога, которого Фауст поносил? О боже мой, как я рыдал бы! Но дьявол высушивает мои слезы. Пусть вместо слез хлынет кровь, а с нею вытекут и жизнь и душа! О, он удерживает мне язык! Я воздел бы руки к небу... но, смотрите, они держат их, держат!

Все

Кто, Фауст?

Фауст

Люцифер и Мефистофель! Ах, господа! Я отдал им душу за тайные познания!

Все

Не допусти, господа!

Фауст

Бог и не хотел этого допустить, но Фауст все-таки это сделал. Ради пустых наслаждений в течение двадцати четырех лет Фауст потерял вечное блаженство. Я написал им обет собственной своею кровью... Срок истек... Час наступает, они утащат меня!

1-й студент

Почему же, Фауст, ты не сказал нам об этом раньше, чтобы священники могли молиться за тебя?

Фауст

Я часто помышлял об этом, но дьявол грозился разорвать меня в куски, если я буду призывать имя божье, и утащить и тело и душу мою, если я хоть раз склоню слух свой к словам священного писания. А теперь — слишком поздно! Уйдите, господа, чтобы не погибнуть вместе со мной.

2-й студент

О, как нам спасти Фауста?

Фауст

Не думайте обо мне, спасайтесь сами и уходите.

3-й студент

Бог укрепит меня, я останусь с Фаустом.

1-й студент

Не испытывай терпенья божьего, друг мой, пойдем в соседнюю комнату и помолимся там за него.

Фауст

Да, молитесь за меня, молитесь за меня, и какой бы шум вы ни услышали, не входите ко мне, ибо все равно ничто мне не поможет.

2-й студент

Молись и ты, а мы будем молить господу, чтобы он явил над тобой милосердие свое.

Фауст

Прощайте, господа! Если я доживу до утра, я приду к вам. Если нет — значит Фауст уже в аду.

Все

Прощай, Фауст!

(Студенты уходят. Часы бьют одиннадцать) ⁷¹.

Фауст

Ах, Фауст!

Один лишь час тебе осталось жизни.
Он истечет — и будешь ввергнут в ад!
О, станьте же недвижны, звезды неба,
Чтоб навсегда остановилось время,
Чтоб никогда не наступала полночь!
Взойди опять, златое око мира,
Заставь сиять здесь вековечный день!
Иль пусть мой час последний длится год,
Иль месяц хоть, неделю или сутки,
Чтоб вымолил себе прощенье Фауст!
O, lente, lente currite noctis equi *!
Но вечное движенье звезд все то же...
Мгновения бегут, часы пробьют,
И дьяволы придут, и сгинет Фауст!
Я дотянусь до бога! Кто-то тянет,
Неведомый, меня упорно вниз...
Вон кровь Христа, смотри, струится в небо!
Лишь капля, нет, хотя б всего полкапли
Мне душу бы спасли, о мой Христос!..

* О, медленно, медленно бегите, кони ночи! (лат.; Овидий, Amores, I, 13).

За то, что я зову Христа, мне сердце
 Не раздирай, о сжался, Люцифер!..
 Взывать к нему я все не перестану!
 Где он теперь? Исчез!.. О, вон, смотри,
 Бог в вышине десницу простирает
 И гневный лик склоняет надо мной.
 Громады гор, обрушьте на меня,
 Укройте же меня от гнева бога!

Нет? Нет?

Тогда стремглав я кинусь в глубь земли.
 Разверзлись же, земля! Она не хочет
 Мне дать приют, о нет!.. Вы, звезды неба,
 Что над моим царили гороскопом⁷²,
 Чья власть дала мне в долю смерть и ад,
 Втяните же меня туманной дымкой
 В плывущую далеко в небе тучу!
 Когда ж меня извергнете вы снова,
 Пусть упадет на землю только тело
 Из вашего курящегося зева,
 Но пусть душа взлетит на небеса!..

(Бьют часы).

Ах, полчаса прошло... Вмиг минет час...
 О боже!

Коль надо мной не смилуешься ты,
 Хоть ради всех святых страстей Христа,
 Чья кровь мой грех когда-то искупила,
 Назначь конец моим страданиям вечным!
 Пусть тысячу в аду томлюсь я лет,
 Сто тысяч лет, но наконец спасусь!..
 Но нет конца мученьям грешных душ!
 Зачем же ты бездушной тварью не был?
 Иль почему душа твоя бессмертна?
 Ах, если б прав был мудрый Пифагор
 И если бы метампсихоз был правдой⁷³,
 Душа моя могла б переселиться
 В животное! Животные блаженны!
 Их души смерть бесследно растворяет.
 Моя ж должна для муки адской жить.
 Будь прокляты родители мои!..
 Нет, самого себя кляни, о Фауст!
 Кляни, кляни убийцу Люцифера,
 Лишившего тебя блаженства рая!

(Часы бьют полночь).

Бьют, бьют часы! Стань воздухом ты, тело,
Иль Люцифер тебя утащит в ад!

(Гром и молния).

Душа моя, стань каплей водяною
И, в океан упав, в нем затеряйся!
Мой бог, мой бог, так гневно не взирай!

(Появляются дьяволы).

О, дайте мне вздохнуть, ехидны, змеи!
О, не зияй так страшно, черный ад!
Не подходи же, Люцифер! Я книги
Свои сожгу! Прочь, прочь! О, Мефистофель! ⁷⁴

(Дьяволы увлекают его).

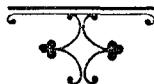
(Входит Хор).

Хор

Обломана жестоко эта ветвь,
Которая расти могла б так пышно.
Сожжен побег лавровый Аполлона,
Что некогда в сем муже мудром цвел.
Нет Фауста. Его конец ужасный
Пускай вас всех заставит убедиться,
Как смелый ум бывает побежден,
Когда небес преступит он закон.

(Уходит).

Terminat hora diem, terminat Author opus*.

* Кончается день час, кончается автор труд (лат.). .

«ФАУСТ» ЛЕССИНГА

1. Из писем о новейшей немецкой литературе

Семнадцатое письмо

16 февраля 1759 года

«Никто, — говорят авторы «Библиотеки»¹, — не станет отрицать, что немецкая сцена обязана господину профессору Готшеду большинством усовершенствований, впервые введенных на ней».

Я этот «никто», я прямо отрицаю это. Следовало бы пожелать, чтобы господин Готшед никогда не касался театра. Его воображаемые усовершенствования относятся к ненужным мелочам или являются настоящими ухудшениями.

Когда процветала Нейберша² и столь многие чувствовали призвание послужить и ей и сцене, наша драматическая поэзия являла, правда, весьма жалкое зрелище. Не знали никаких правил, не заботились ни о каких образцах. Наши «государственные и героические представления» были полны вздора, напыщенности, грязи и грубых шуток.

Наши комедии состояли из переодеваний и волшебных превращений, а верхом остроумия в них являлись потасовки. Чтобы понять этот упадок, не требовался ум самый острый и сильный. И господин Готшед был не первым, кто это понял, он только первый достаточно поверил в свои силы, чтобы решиться помочь этой беде. А как же он принялся за дело? Он немного знал по-французски и начал переводить: он поощрял также к переводам всех, кто умел рифмовать и понимал: «Oui, Monsieur»; он смастерил при помощи клея и ножниц (пользуясь выражением одного швейцарского критика³) своего «Катона»⁴; он велел изготовить «Дария» и «Устриц», «Элизу» и «Тяжбу из-за козла», «Аврелия» и «Остряка», «Банизу» и «Ипохондрика» без клея и ножниц⁵; он проклял импровизацию; он торжественно прогнал со сцены Арлекина, что само по себе явилось грандиознейшей арлекинадой, которая когда-либо разыгрывалась⁶; короче говоря, он не столько хотел усовершенствовать старый театр, сколько быть создателем совершенно нового. И какого нового? Офранцузенного. Соответствует ли этот офранцузенный театр немецкому образу мысли или нет, в это он не вникал.

Он мог бы легко заметить на примере наших старых драматических пьес, которые он изгнал, что нам гораздо ближе английский вкус, нежели французский, что в своих трагедиях мы хотим видеть и мыслить больше, чем нам позволяет робкая французская трагедия; что великое, ужасное, меланхолическое действует на нас сильнее, чем изящное, нежное, ласко-

вое; что чрезмерная простота утомляет нас больше, чем чрезмерная сложность и запутанность, и т. п. Готшед должен был бы идти по этим следам, которые и привели бы его прямым путем к английскому театру. Не говорите, что он пытался идти этим путем, как о том якобы свидетельствует его «Катон». Именно то, что лучшей английской трагедией он считает Аддисонова «Катона», ясно доказывает, что он в этом случае смотрел на дело глазами французов и не знал в то время ни Шекспира, ни Джонсона, ни Бомонта и Флетчера⁷, которых он из высокомерия и позднее не пожелал изучить.

Если бы лучшие пьесы Шекспира были переведены для наших немцев с некоторыми небольшими изменениями, то, наверное, это было бы плодотворнее, чем близкое знакомство с Корнелем и Расином. Во-первых, Шекспир понравился бы нашему народу гораздо больше, нежели эти французские пьесы; во-вторых, Шекспир пробудил бы у нас совсем иные таланты, чем те, какие могли вызвать к жизни Корнель и Расин. Ибо гения может вдохновить только гений, и легче всего тот, который всем, по-видимому, обязан природе и не отпугивает нас трудностью совершенства, достигнутого им в искусстве.

Даже если судить по древним образцам, то Шекспир гораздо более великий трагический поэт, нежели Корнель, хотя последний отлично знал древних, а Шекспир почти не знал их. Корнель ближе к древним по своим техническим приемам, а Шекспир по существу. Английский поэт почти всегда достигает цели трагедии, какие бы необычные и ему одному свойственные пути он ни избирал, французский же ее почти никогда не достигает, хотя он и идет путем, проложенным древними. После «Эдипа» Софокла никакая трагедия в мире не имеет больше власти над нашими страстями, чем «Отелло», «Король Лир», «Гамлет» и т. д. Разве есть у Корнеля хоть одна трагедия, которая бы наполовину растрогала нас так, как «Заира» Вольтера⁸? «Заира» Вольтера! А насколько она ниже «Венецианского мавра», слабой копией которого является и откуда заимствован весь характер Оросмана?

То, что в наших старых пьесах было действительно много английского, я мог бы обстоятельно доказать без особого труда. Стоит назвать хотя бы самую известную из них: «Доктора Фауста» — пьесу, содержащую множество сцен, которые могли быть под силу только шекспировскому гению. И как влюблена была Германия, да и сейчас еще отчасти влюблена, в своего «Доктора Фауста»! Один из моих друзей хранит старый набросок этой трагедии, и он мне сообщил одну сцену, в которой несомненно заключено много возвышенного. Хочется вам ее прочитать? Вот она!

Фауст берет к себе в услужение быстрейшего из адских духов. Он произносит заклинания, и тогда появляются семеро духов; начинается третье явление второго действия.

Фауст и семеро духов⁹

Фауст. Это вы? Вы, быстрейшие духи ада?
Все духи. Мы!

Фауст. Все семеро одинаково быстрые?

Все духи. Нет.

Фауст. А который из вас самый быстрый?

Все духи. Я!

Фауст. Просто чудо, что между семью чертями только шестеро лжецов. Я должен с вами ближе познакомиться.

Первый дух. Так и будет! Когда-нибудь!

Фауст. Когда-нибудь! Что ты под этим подразумеваешь? Разве и черти призывают к покаянию?

Первый дух. Конечно, закоснелых... Но не задерживай нас!

Фауст. Как тебя зовут? И насколько ты быстр?

Первый дух. Ты мог бы скорее испытать меня на деле, чем получить ответ.

Фауст. Пожалуй. Посмотри, что я делаю?

Первый дух. Ты быстро касаешься пальцем пламени свечи.

Фауст. И не обжигаясь. Так отправляйся и ты и семь раз столь же быстро пронесись сквозь адское пламя и не обожгись! Ты онемел? Ты остаешься? Так, значит, и черти тоже хвастуны? Ну, ну! Даже самым маленьким пороком — и тем вы не брезгаете. А ты, второй, как звать тебя?

Второй дух. Хил, а это на нашем скучном языке значит: стрела чумы.

Фауст. Насколько же ты быстр?

Второй дух. Уж не думаешь ли ты, что я не по праву ношу свое имя? Я быстр как стрелы чумы.

Фауст. Ну, так уходи и служи врачу! Для меня ты слишком медлителен. Ты, третий, тебя как звать?

Третий дух. Меня зовут Дилла, меня несут крылья ветра.

Фауст. А ты, четвертый?

Четвертый дух. Мое имя Ютта, я летаю на солнечных лучах.

Фауст. О вы, быстрота которых может быть выражена в конечных числах, презренные!

Пятый дух. Не достаивай их твоего гнева! Они посланцы сатаны, но только в телесном мире. Мы же посланцы его в мире духов; нас ты признаешь более быстрыми.

Фауст. Насколько же ты быстр?

Пятый дух. Я быстр, как мысль человека!

Фауст. Это уже нечто! Но мысли человека не всегда быстры. Не там, где их призывают истина и добродетель. Как ленивы они тогда! Ты можешь быть быстрым, когда хочешь быть быстрым, но кто мне поручится за то, что ты всегда этого хочешь? Нет, тебе я так же мало доверяю, как мало могу верить и самому себе. Ах! (К шестому духу). Скажи мне, насколько ты быстр?

Шестой дух. Я быстр, как отмщение мстителя!

Фауст. Мстителя? Какого мстителя!

Шестой дух. Всемогущего, грозного, который себе одному предоставил право мести, ибо месть его услаждала.

Фауст. Ты кощунствуешь, дьявол; ведь я вижу, что ты дрожишь. Быстр, говоришь ты, как месть того... я чуть было не назвал его! Нет, его нельзя называть среди нас. Так месть его, значит, быстрая? Быстрая? А я все еще жив? И все еще грешу?

Шестой дух. То, что он еще дает тебе грешить, уже месть!

Фауст. И черт должен меня этому учить? И только сегодня! Нет, месть его не быстрая, и если ты не быстрее его мести, то уходи! (*К седьмому духу*). Насколько ты быстр?

Седьмой дух. Тебе, смертный, нельзя угодить, если и я для тебя недостаточно быстр!

Фауст. Скажи мне, насколько ты быстр?

Седьмой дух. Не более и не менее, чем переход от добра к злу.

Фауст. Да, ты — мой черт! Быстрый как переход от добра к злу! Да, это быстрый переход; нет ничего, что было бы быстрее! Прочь отсюда, улитки Тартара! Прочь! Как переход от добра к злу! Я познал, как он быстр, этот переход! Я познал это! и т. д.

Что вы скажете об этой сцене? Вы хотели бы иметь пьесу, полную таких сцен? Я тоже!

2. План пролога и первого действия

Старый собор. Звонарь и его сын, только что отзвонившие полночь или собирающиеся звонить. Собирище чертей, невидимо сидящих на алтарях и совещающихся о своих делах. Насколько чертей, посланных Вельзевулом, появляются перед ним, чтобы отдать отчет о своих деяниях. Один свергнул город в пламя, другой потопил в бурю целый флот. Третий осмеивает их за то, что они берутся за такие ничтожные дела. Он похвастается тем, что соблазнил святого, уговорив его выпить, и тот в опьянении совершил клятвопреступление и убийство. Это наводит на беседу о Фаусте, которого не так-то легко совратить. Третий черт берется за сутки предать его во власть ада.

— Сейчас, — говорит один черт. — он еще сидит при свете ночной лампы и исследует глубины истины. Слишком сильная жажда знаний — недостаток; а из недостатка, если человек слишком в нем упорствует, могут проистечь все пороки.

После этого черт, собирающийся совратить Фауста, излагает свой план.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Действие продолжается от полуночи до полуночи.

Фауст со своими книгами у лампы. Борется с различными сомнениями из области схоластической премудрости. Он вспоминает, что один ученый вызывал черта по поводу Аристотелевой энтелехии¹⁰. И он также много раз делал подобную попытку, но безуспешно. Он пробует это еще раз, именно теперь для этого надлежащее время, и он произносит заклинание.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из-под пола появляется дух с длинной бородой, в плаще.

Дух. Кто меня потревожил? Где я? Не свет ли мне тут почудился? Фауст (*пугается, но, вновь овладев собой, обращается к духу*). Кто ты? Откуда ты? По чьему приказанию явился?

Дух. Я лежал, погруженный в дремоту, и грезил, будто мне как-то не по себе — не хорошо, и не плохо; и тут, снилось мне, до меня донесся издалека чей-то голос; он все приближался; Ваал! Ваал! — услышал я, и на третий зов «Ваал» явился я сюда.

Фауст. Но кто ты?

Дух. Кто я? Дай вспомнить! Я — я только недавно стал тем, что я есть. Я смутно припоминаю, что у меня было это тело, эти члены; те-терь... и т. д.

Фауст. Но кем же ты был?

Дух. Кем был?

Фауст. Да, кем ты был раньше? До сих пор?

Дух. Раньше? До сих пор?

Фауст. Не всплывают ли в твоей памяти представления, которые предшествовали бы твоему нынешнему и прежнему полубодрствующему состоянию?

Дух. Что ты говоришь? Да, теперь меня осенило: однажды я уже видел нечто подобное. Погоди, погоди, дай мне найти нить воспоминаний.

Фауст. Я попытаюсь помочь тебе. Как тебя звали?

Дух. Меня звали Аристотель. Да, именно так меня звали. Что это со мной?

Он делает вид, будто теперь все вспомнил, и отвечает Фаусту на самые трудные его вопросы. Дух этот — сам дьявол, задумавший соблазнить Фауста. — Однако, — говорит он наконец, — я устал втискивать свой разум в прежние рамки. Говорить с тобой как человек обо всем, что ты меня спрашиваешь, я больше не желаю, а говорить с тобой как дух — не могу. Отпусти меня; я чувствую, что вновь погружаюсь в дремоту и т. д.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Он исчезает, а Фауст, полный радостного изумления от того, что заклинание возымело силу, начинает новое, чтобы вызвать демона.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Появляется черт.

Кто это, чьему могучему зову я должен повиноваться? Ты? Смертный? Кто научил тебя этим могучим словам?

[Сообщение Карла Лессинга].

3. Письмо о пропавшем «Фаусте» Лессинга капитана фон Бланкэнбурга¹¹

Вы желаете, дражайший друг, получить известие о пропавшем «Фаусте» покойного Лессинга. Всем, что я об этом знаю, я тем охотнее с вами поделюсь, что не хотел бы дать пропасть ни одной строке, ни одной идее этого великого человека, все еще недостаточно известного, не признаваемого часто только из одного каприза. Правда, считать его «Фауста» потерянным, окончательно потерянным, пожалуй что и нельзя; а в случае, если кто захочет приписать себе это творение, тоже нечего опасаться, что такой обман не будет обнаружен, ибо то, что говорят о стихах Гомера и об идеях Шекспира, с полным правом может быть также применено и к произведениям Лессинга, а пропавший «Фауст» к ним принадлежит. Только кто знает, когда и как предстанет что-либо из этого произведения перед публикой, да и произойдет ли это вообще когда-нибудь? Итак, покамест поделитесь с нею тем, что известно мне.

Что Лессинг уже много лет тому назад работал над «Фаустом», это мы знаем из «Литературных писем». Но насколько мне известно, переработку, а может быть, просто окончание своего труда он предпринял в такое время, когда из всех концов Германии возвещалось о новых «Фаустах» и сочинение свое он, по моим сведениям, успел закончить. Мне с полной уверенностью говорили, что он ждал только появления остальных «Фаустов», чтобы издать своего.

Он взял рукопись с собой, отправляясь в путешествие из Вольфенбюттеля в Дрезден; ларец, в котором лежали эта рукопись и еще другие бумаги и вещи, он передал кучеру, который должен был доставить все это в Лейпциг одному из родственников писателя, купцу Лессингу, а тот должен был потом позаботиться о дальнейшей отправке посылки в Вольфенбюттель. Но ларец так и не прибыл; достойный человек, которому он должен был быть послан, заботливо осведомлялся, писал сам по этому случаю Лессингу и т. д. Однако ларец так и исчез, и бог ведает, в какие руки он попал или где он еще спрятан! Где бы он, однако, ни был — вот Вам по крайней мере скелет этого «Фауста».

Действие открывается собранием адских духов, и подчиненные отдают отчет своему главе о предпринятых ими или выполненных деяниях. Представьте себе, что может создаться из подобного сюжета такой человек, как Лессинг! Последний выступающий из подчиненных адских духов докладывает, что он нашел на земле одного человека, к которому во всяком случае никак не подступиться. У него нет ни единой страсти, ни единой слабости. При более пристальном углублении в содержание этого известия все больше раскрывается и характер Фауста, и на все расспросы о его стремлениях и наклонностях дух, наконец, отвечает: у него только одно стремление, одна склонность — неутолимая жажда науки и познаний. «Ха, ха! — восклицает Сатана. — Тогда он будет моим, моим навсегда, и вернее, чем при любой другой страсти!». Вы и без меня почувствуете все, что заложено в этой мысли, и быть может, она была бы слишком злобной,

если бы только развязка не успокаивала человечество. Но, судите сами, сколько драматического интереса внесено благодаря этому в пьесу, какое читатель почувствует беспокойство и страх! Теперь Мефистофель получает поручение и наставление. с чего и как ему надо начать, чтобы поймать бедного Фауста; в следующих действиях он начинает и заканчивает, по видимости, свое дело, здесь я не могу вам указать ничего определенного; но величие и богатство возможностей, открываемых пьесой, особенно для такого человека, как Лессинг, необозримы. Как бы то ни было, адские силы считают, что они выполнили свое дело; в пятом акте они поют ликующие песни, как вдруг появляется посланец небесного мира и самым неожиданным и все же естественным, для всех успокоительным образом прерывает эти песни. «Не торжествуйте, — говорит ангел, — вы не одержали победы над человечеством и наукой; божество не для того дало человеку благороднейшее из стремлений, чтобы сделать его навеки несчастным; тот, кого вы видели и кем ныне льстите себя надеждой обладать, был только призраком».

Как ни мало, дражайший друг, то, чем я могу поделиться с Вами, все же мне кажется, оно заслуживает сохранения. Распорядитесь им по Вашему усмотрению! — и т. д.

Лейпциг, 14 мая 1784 г.
Фон Бланкенбург.

4. Письмо к издателю «Театрального наследия»

Совершенно верно, любезнейший друг, что Ваш покойный брат, этот превосходный человек, делился со мною замыслами своих пьес. Но это было давно; самые планы были так мало обработаны или были рассказаны мне так бегло, что я не могу восстановить в моей памяти ничего, достойного записи, не говоря уже о печати. Но о «Фаусте» его, о котором Вы меня главным образом и спрашиваете, я знаю кое-что; во всяком случае я помню общий план первой сцены и развязку.

В этом явлении мы видим на сцене разрушенную готическую церковь с главным алтарем и шестью приделами. Разрушение домов господних — наслаждение для Сатаны; развалины храмов, где некогда чтли всеблагого, его любимые жилища. Здесь-то и собираются адские духи, чтобы совещаться. Сам Сатана восседает на главном престоле, а по приделам разместились остальные черти. Но все они невидимы для глаза, слышны только их хриплые противные голоса. Сатана требует отчета в делах, совершенных прочими чертями; одними он доволен, другими недоволен. Так как то немного, что я помню из этой сцены, будучи разрозненным и обрывочным, не может произвести должного впечатления, то я решаюсь заполнить имеющиеся пробелы и набросать всю сцену:

С а т а н а. Говори ты, первый, дай отчет в том, что ты совершил.

Первый черт. Сатана! Я видел в небе тучу, в лоне своем она несла разрушение, и я взвился к ней, укрылся в самой черной ее глубине, погнав

ее дальше и остановил над хижиной благочестивого бедняка, который только что уснул рядом со своей женой. Тогда я разорвал тучу и вытряхнул из нее огонь на хижину, так что яркое пламя взвилось к небу, и все достояние несчастного стало добычей огня. Это было все, что я мог сделать, Сатана, ибо его самого, его плачущих детей и его жену вырвал из огня ангел божий, а я, когда увидел его, бросился прочь.

Сатана. Презренный! Трус! И ты говоришь, то была хижина бедняка, хижина благочестивого человека...

Первый черт. Благочестивого и бедного, Сатана. Теперь он наг и бос и совсем погиб.

Сатана. Для нас! И, конечно, навеки. Возьми у богача его золото, чтобы он пришел в отчаяние, и брось это золото на очаг бедняка, чтобы оно совратило его душу, тогда у нас будет двойная выгода. Сделать благочестивого бедняка еще беднее, это значит еще больше приблизить его к богу. Говори ты, второй! Расскажи нам что-нибудь получше!..

Второй черт. Это я могу, Сатана. Я отправился на море и стал призывать бурю, с помощью которой я мог бы разрушать, и она явилась; когда я устремился к берегу, вверх ко мне полетели дикие проклятия, а когда посмотрел вниз, то увидел флот с поднятыми парусами. На кораблях плыли ростовщики. Я быстро ринулся в глубину вместе с ураганом, взобрался затем на поднявшейся волне снова к небу.

Сатана. И потопил флот в волнах?

Второй черт. Так, что ни один не спасся. Я разбил весь флот, и все души, которые были на нем, теперь твои.

Сатана. Предатель! Они уже были моими. Но они еще больше поселили бы проклятий и разрушения на земле; они продолжали бы грабить по чужим берегам, растлевать и убивать; они из одной части света в другую принесли бы новые соблазны, побуждающие к греху, и все это, все теперь погребло и пропало! О, ты, черт, должен опять обратиться в ад; ты только разрушаешь мое царство. Говори ты, третий! Летал ли ты тоже среди бурь и туч?

Третий черт. Так высоко не залетает мой дух, Сатана; я ужасов не люблю, мое дело — совращать сладострастием.

Сатана. Тогда ты тем опаснее для душ.

Третий черт. Я увидел спящую блудницу; она томилась то в полусне, то в полуяви своих желаний, и я проскользнул к ее ложу. Я прислушивался с вниманием к каждому ее вздоху, к каждому сладострастному мечтанию ее души, и наконец я уловил любимый ею образ, который выше всего заставлял подниматься ее грудь. Из этого видения я себе создал образ стройного, сильного цветущего юноши и в этом облике...

Сатана. (*Быстро*). Похитил у какой-нибудь девушки ее невинность?

Третий черт. Похитил у нетронутой красавицы первый поцелуй. Дальше я не склонял ее ни к чему, но будь уверен: я вдохнул пламя в ее грудь, оно заставит ее отдаться первому же соблазнителю, которого я освободил от труда. А как только он ее совратит...

Сатана. Тогда у нас будет жертва за жертвой, потому что она будет

сворачивать других. Ну, хорошо, в твоём поступке есть цель. Учись же вы, первые, вы, презренные, способные разрушать только в мире плоти! А вот этот растлевающий души, это лучший из чертей! Скажи-ка ты, четвертый, какие ты дела совершил?

Четвертый черт. Никаких, Сатана. Но у меня явилась мысль, и если бы она превратилась в дело, то все те дела померкли бы перед ним.

Сатана. И эта мысль?

Четвертый черт. Похитить у бога его любимца — юношу мыслящего, одинокого, полностью предавшегося науке, живущего только ею, чувствующего только ее, отказывающегося от всех страстей, кроме единственной страсти к истине, опасного тебе и нам, если бы он стал когда-нибудь учителем народа, — вот кого бы у него похитить, Сатана!

Сатана. Отлично! Чудесно! А твой план?

Четвертый черт. Видишь, я скрежещу зубами, у меня его нет! Я подкрадывался к его душе со всех сторон, но я не нашел ни единой слабости, за которую мог бы ухватиться.

Сатана. Глупец! Разве он не стремится к познанию?

Четвертый черт. Больше, чем кто-либо из смертных.

Сатана. Тогда предоставь его мне! Этого довольно для того, чтобы его погубить.

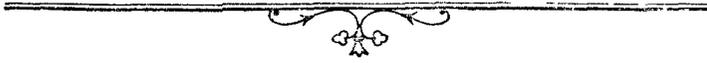
И теперь Сатана настолько захвачен своим планом, что не хочет слушать остальных чертей. Он кладет конец сборищу, и все должны помогать ему в достижении его великой цели. Он вполне уверен в успехе, владея теми средствами, какие дают ему власть и хитрость. Но ангел, посланец провидения, незримо паривший над развалинами, возвещает нам о бесплодности козней Сатаны, и слова его торжественно, хоть и негромко, звучат в вышине:

«Вам не победить!»

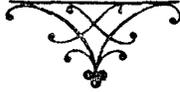
Столь же своеобразным, как и набросок этой первой сцены, является и замысел всей пьесы. Юноша, которого пытается совратить сатана, как вы, наверно, тотчас догадались, — Фауст. Этого Фауста ангел погружает в глубокий сон и создает вместо него призрак, с которым черти ведут свою игру до тех пор, пока он не исчезает — исчезает как раз тогда, когда им кажется, будто они полностью овладели им. Все, что происходит с этим призраком, — сновидение погруженного в дремоту Фауста. Он просыпается в тот миг, когда черти, полные стыда и ярости, уже удалились, и благодарит всевышнего за предостережение, которое он ему послал в таком поучительном сне. Он теперь еще более укрепился в добродетели и любви к истине.

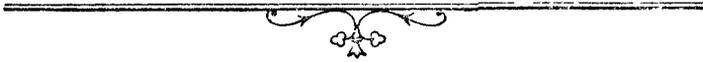
Насчет того, каким образом черти решают совратить Фауста, как они ведут это дело, я ничего не могу вам сообщить. Не знаю, чего мне больше не хватает — того ли, что не успел досказать ваш брат, того ли, что утрачено памятью, но только, право же, все, что еще всплывает передо мной, настолько смутно, что я не знаю, сумею ли я его осветить.

Остаюсь и т. д. И. Я. Энгель¹².

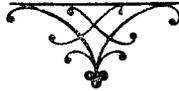

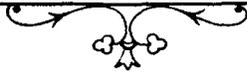
КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

В. М. Жирмунский

ИСТОРИЯ ЛЕГЕНДЫ О ФАУСТЕ

1

Легенда о договоре человека с дьяволом коренится в дуализме средневековой христианской церкви, которая сделала бога источником добра, а дьявола виновником и воплощением зла в мире.

Христианская церковь официально исповедовала религиозный монизм; в отличие от зороастризма и возникших под его влиянием восточных дуалистических ересей вроде манихейства она не признавала существования двух равноправных богов, доброго и злого: дьявол был, по ее учению, мятежный ангел, отпавший от бога, не властный в конечном счете, несмотря на свои мнимые победы над слабостью людской, сопротивляться всемогуществу божию. Однако все попытки философии, опиравшейся на церковное учение, примирить всемогущество и всеблагость божества с существованием зла на земле, воплощенного в дьяволе, по необходимости оставались безуспешными. На основной вопрос христианской «теодицеи», который еще в начале XIX века ставил Байрон устами мятежного Каина, «первого убийцы»: «Отец мой говорит: „Он всемогущ, Он весь — добро“. — Зачем же зло есть в мире?», — единственным ответом мог служить лишь религиозный софизм, согласно которому бог пользуется дьяволом для достижения своих целей — для испытания праведных и наказания грешных. В бытовом представлении средневекового человека дьявол фактически становился столь же могущественным, как бог, по крайней мере в пределах земной жизни, и это объясняло, если не оправдывало в философском смысле, существование зла и страдания на земле.

С дуализмом тесно был связан аскетический характер официальной средневековой церковной идеологии и морали: отрицание земной жизни и ее радостей как царства дьявола во имя «потустороннего» мира, царства божия. С точки зрения средневекового аскетизма богатство, почести, слава, плотская любовь, светская мудрость, не основанная на религии, были «соблазнами» дьявола. Церковь учила словами своих апостолов: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего». (Послание Иоанна Богослова, 1, 2, 15—16.) С превращением христианства из религии рабов в господствующую цер-

ковь рабовладельческого, а потом феодального общества, в его идеологическую опору это аскетическое религиозное мировоззрение должно было вступить в противоречие с реальными «земными» потребностями господствующих классов. В полной мере оно сохраняло свою силу лишь по отношению к бедным и обездоленным — как проповедь покорности «властям предрежающим» и обещание небесной награды за реальные земные страдания.

В борьбе с язычеством древнее христианство в силу своего спиритуализма не отрицало в принципе существования языческих богов: оно объявило их злыми демонами, врагами христианского бога. Так, богиня Венера превратилась в средневековой немецкой легенде в «госпожу Венеру» (*Fräulein Venus*), дьяволицу (*Teufelin*), совращающую рыцаря Тангейзера соблазнами чувственной, плотской любви (как позднее греческая Елена — героя легенды о Фаусте); Диана, согласно средневековым суевериям, предводительствует «стригами» (колдуньями), которые совершают ночной полет вместе с демонами на шабаш ведьм, и т. п. По словам Вальтера Мапа, писателя XII века («*De pugis carnalium*»), надо верить Августину и прочим отцам древней церкви, что Церера, Вакх, Пан, Примап, фавны, сатиры, сивьяны, дриады, наяды и орады «все суть действительные бесы»¹. Соответственно этому жрецы языческих богов являются слугами дьявола, колдунами, «магами», творящими чудеса с помощью нечистой силы. Самое слово «маг» — иранского происхождения, в античном мире оно обозначало зороастрийского жреца². Средневековые писатели считали Зороастра (Заратуштру) основателем «черной», т. е. дьявольской, магии³; к древним магам принадлежат также египтяне и «халден», т. е. представители тех восточных религий и культов, которые, как и само христианство, широким потоком проникли в Римскую империю из ее восточных владений в период разложения рабовладельческого общества и были долгое время соперниками христианства.

Этой «дьявольской», языческой магии христианская церковь противопоставила свою магию, выросшую частично из сходных представлений, частично под влиянием языческих культов: таинства, дары «святого духа», культ священных изображений и святых, магическую силу их мощей и реликвий, крестного знамения и «святой воды», веру в силу молитвы как магической формулы, в чудеса, совершаемые с помощью бога, ангелов и святых. Уже Ветхий завет рассказывал о состязании в чудесах между Моисеем и волхвами египетского фараона, между пророком Ильяей и жрецами Ваала, в котором слуги дьявола были посрамлены слугами божьими. С точки зрения средневекового религиозного дуализма борьба между богом и дьяволом и слугами того и другого ведется теми же чудодейственными средствами и с тем же конечным результатом. «Если магия находится в руках церкви, она не преступна; если она в руках ее врагов —

¹ Н. Сперанский. Ведьмы и ведовство. М., 1904, стр. 94, прим. 1.

² И. М. Дьяконов. История Мидии. М., 1956, стр. 378—379.

³ См.: народную книгу о Фаусте Видмана (Kloster, II, стр. 767).

она осуждена. Чудеса обеих магий одинаковы», — констатирует русский исследователь легенды о Фаусте. «Можно сказать, что колдовство это незаконное чудо, а чудо — законное колдовство»⁴.

Когда конкурировавшие с древним христианством языческие религии были уничтожены, остались существовать в условиях своеобразного бытового двоеверия колдовство, знахарство, гадание: лечение людей и скота частью магическими заговорами, частью средствами народной медицины, заговаривание погоды, приворотные зелья, толкования снов и предсказания будущего и т. п., осуществляемые — не только «на пользу», но и во вред людям, злонамеренно, — либо с помощью общепринятых «народных» средств, либо профессионально, колдунами и особенно колдуньями, ворожеями и гадальщицами, основанными двойное наследие местных народных верований и суеверий и «ученой» магии книжного — античного, восточного или церковно-христианского — происхождения.

Церковь издавна осуждала подобную магическую практику как наследие язычества и «служение дьяволу», как о том свидетельствует уже обращение Wormского собора к императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великого (829): «К великому нашему прискорбию должны мы сообщить Вам, что в Вашей стране от времен язычества еще остается множество опасных лиходеев, занимающихся волшебством, ворожкой, метаньем жеребьев, варкой зелий, снотолкованием и т. п., каковых божеский закон предписывает наказывать нещадно. Не подлежит сомнению, что лица обоего пола с помощью нечистой силы любовными напитками и яствами лишают других рассудка. Эти люди своим колдовством наводят даже бури и град, предсказывают будущее, перетягивают от одних к другим зерно с поля, отнимают молоко у коров и вообще совершают бесчисленное множество подобного рода преступлений. Подобные лиходеи тем строже должны наказываться государем, чем дерзновеннее они осмеливаются таким путем служить дьяволу»⁵.

Однако систематическая борьба католической церкви против ведовства как «служения дьяволу» начинается лишь с XIII века, когда с обострением классовых противоречий для искоренения народных и городских ересей, угрожавших господству церкви и потрясавших социальные устои феодального общества, была создана инквизиция как чрезвычайный судебный орган для расправы с еретиками, непосредственно подчиненный папскому престолу. Дуалистические ереси, связанные по своему происхождению с манихейством, — катарры, вальденсы и альбигойцы — давали желанный повод для обвинения еретиков в служении дулу тьмы, во власти которого, согласно их учению, находился земной мир, правящая церковь и феодальное государство. Первый ведовский процесс имел место в конце XIII века во Франции, где женщина, подозреваемая в колдовстве, была сожжена на костре по обвинению в распутстве с дьяволом. С ростом народного сопротивления феодальной церкви и государству и усилением

⁴ Белецкий, V, стр. 66.

⁵ Н. Сперанский. Указ. соч., стр. 68.

еретического движения в XIV и в особенности XV веке, накануне реформации и крестьянской войны в Германии, число таких процессов значительно умножается. В 1484 году булла папы Иннокентия VIII («*Summis desiderantes affectibus*») дала двум монахам-доминиканцам, «возлюбленным сынам нашим», Генриху Инститору и Якову Шпренгеру, профессорам богословия и следователям инквизиционного трибунала в Верхней Германии, неограниченные полномочия по сыску и наказанию лиц обоего пола, которые, кощунственно отрекаясь от католической веры, «распутничают с демонами, инкубами и суккубами и своими нашептываниями, чарованиями, заклинаниями и другими безбожными, суеверными, порочными, преступными деяниями губят и изводят младенцев во чреве матери, зачатие животных, урожай на полях, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как самих мужчин и женщин, домашнюю скотину и вообще всяких животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания»⁶. Эти доминиканцы являются авторами знаменитого «Молота ведьм» («*Malleus Maleficarum*», 1487), самого страшного продукта религиозного мракобесия, книги, которая содержит систематическое описание всех фантастических преступлений, приписывавшихся церковным суеверием несчастным жертвам религиозного фанатизма. «Молот ведьм» в течение долгого времени был в католической церкви официальным руководством для бесчисленных ведовских процессов и только до 1520 года переиздавался 13 раз, вместе с папской буллой, адресованной его составителям. В течение следующего пятидесятилетия влияние гуманизма и события реформации временно несколько ослабили преследования подозреваемых в колдовстве (может быть, этому обстоятельству исторический Фауст и аналогичные ему приверженцы «черной магии» обязаны своей относительной безнаказанностью). Затем они возобновились с новой силой, принимая временами эпидемический характер «охоты на ведьм», в особенности в протестантских странах (в католических церковь была занята преимущественно уничтожением еретиков). Лишь в XVIII веке под влиянием буржуазного Просвещения, поставившего под сомнение самую веру в магию и в возможность вмешательства потустороннего мира в дела людские, государство и церковь постепенно отказываются от укоренившейся практики ведовских процессов.

Многочисленные легенды с первых времен христианства отражают веру в возможность союза человека с дьяволом и магии, основанной на этом союзе⁷. К древнейшим временам формирования христианства относится легенда о Симоне-маге⁸. Легенда эта вошла в канонические книги Нового

⁶ Н. Сперанский. Указ. соч., стр. 159.

⁷ Библиографию см.: Engel. Faust-Schriften (XIII. Seitenstücke und Verwandtes), стр. 604—703

⁸ См.: Kaiserchronik, herausg. v. H. F. Massman, Teil III. Quedlinburg, 1854. стр. 635—714 (содержит подробный пересказ «Клементин»). — Han. Waitz. Die Pseudoklementinen. Leipzig, 1904. — Faligan, стр. XXVIII—XXIX. — Dé dé y an, vol. I, стр. 25—28 — Кипо Fischer, Bd. I, стр. 214—225. — Белецкий, V, стр. 66—68. — Русские апокрифические тексты о Симоне-волхве см.: Чтения Общества истории и древностей российских, 1889, кн. 3, стр. 1—32 (Деяния апостолов Петра

завета и рассказывает о соперничестве магии языческой с магией христианской. Согласно этому рассказу (Деяния апостолов, гл. 8), Симон, по происхождению самаритянин, волхвовал и изумлял народ своими чудесами, выдавая себя «за кого-то великого», и народ, веря его чудесам, говорил о нем: «Сей есть великая сила божия». Когда апостол Филипп стал проповедовать христианство, Симон вместе с народом обратился и принял крещение (т. е. покорился магии более могущественной). Но, видя чудеса, которые творили апостолы силою «духа святого», передающейся, согласно учению церкви, «возложением рук», он захотел получить «дары духа святого» за деньги и за то был проклят апостолом Петром. Отсюда продажа церковных должностей, т. е. «даров духа святого», получила в христианской церкви название «симонии».

Гораздо более богатый материал о Симоне-маге сообщают так называемые апокрифы («отреченные» книги, не вошедшие в состав признанного церковью канона Нового завета): апокрифические деяния апостолов Петра и Павла, «прение» Петра и Симона и в особенности так называемые «Клементины» — древнехристианский роман II века, описывающий, по типу греческих романов приключения, легендарное житие св. Климента, папы римского, согласно церковной легенде — ученика и преемника апостола Петра. Здесь Симон-маг изображается как неудачный соперник Симона-Петра (апостола Петра), пытающийся состязаться с ним в чудесах и вступающий с ним в прение по основным вопросам христианского вероучения. Он может воскрешать мертвых, входить в огонь, не сгорая, сбрасывать с себя цепи, менять свой облик, обращаться в животных, становиться невидимым и летать по воздуху. В Риме в присутствии императора Нерона он с помощью дьявола пытался лететь, прыгнув с высокой башни, но по слову апостола Петра низвергся на землю и разбился. Симон-маг выдавал себя за бога и мессию, его называли «великой силой божьей», язычники поклонялись ему и в Риме воздвигли ему статую. Он возил с собою женщину, которую выдавал за Елену Троянскую или Селену (Селена, по-гречески — луна), утверждая, что она — женское воплощение мировой субстанции, «премудрости божьей»; на самом же деле она была его любовницей, «блудницей из города Тира». Сходный характер имеют упоминания о Симон-маге у учителей древнехристианской церкви II—III веков (Юстина, Тертуллиана, Ириней и др.).

Как видно, Симон-маг представлен в апокрифической традиции как вероучитель одной из гностических сект, соперничавших с ранним христианством: гностики пытались примирить христианство с язычеством путем аллегорического истолкования античных и христианских мифов в духе мистического неоплатонизма, широко распространенного в Риме в период упадка рабовладельческого общества.

Легенда о Симоне-маге была хорошо известна в средние века, в частности и в Германии. Она вошла в «Императорскую хронику» («Kaiserchro-

и Павла. Изд. М. Н. Сперанским): 1938, кв. 4, раздел III, стр. 14—16 (Прение Петра с Симонем. Изд. П. А. Лавровским).

пик»), немецкую поэму середины XII века, имевшую широкое распространение и влияние, была знакома и протестантским богословам, и демонологам XVI века⁹. Сравнение Фауста с Симоном-магом встречается у Меланхтона (Тексты, I, 13 и 15), Мейгернуса (Тексты, I, 30 и прим.) и в самой народной книге о Фаусте (гл. 52). Можно думать, что рассказ Меланхтона о неудачном полете Фауста при дворе императора и эпизод с Еленой в народной книге непосредственно связаны с этим сказанием. Возможно также, что фигура «гомункулуса», искусственного создания Вагнера во II части «Фауста», подсказана была Гете традицией, восходящей к «Клементинам», где Симон-маг вместе с Еленой в соответствии с гностическими представлениями создает человека путем магической трансформации элементов.

Ко временам раннего христианства относится легенда о святых Киприане и Юстине из Антиохии в Сирии, в которой изображается столкновение между языческой (демоической) и христианской (церковной) магией на фоне еще не законченной борьбы между христианством и язычеством, оставшимся еще государственной религией Римской империи¹⁰. Согласно церковному преданию, Киприан и Юстина претерпели мученическую кончину при императоре Диоклетиане, т. е. в середине III века, хотя существуют и другие, столь же легендарные хронологические приурочения (при Клавдии, Деции и др.). Жития этих мучеников сохранились в разных версиях на греческом и латинском языках. О Киприане упоминает уже Григорий Назианзин в своих проповедях (гомилиях) в 379 году, латинский христианский поэт Пруденций (около 400 года) и др.; в середине V века житие Киприана и Юстины было обработано по-гречески в стихотворной форме императрицей Евдокией, женой императора Феодосия II.

Язычница Юстина, дочь жреца из Антиохии, вместе со своими родителями приняла христианство и в духе аскетизма ранней христианской церкви дала обет девственности. Дьявол, чтобы соблазнить ее, внушил к ней страсть знатному юноше Агланду. Отвергнутый Юстиной, Аглаид обратился к языческому магу Киприану, который за вознаграждение обещал помочь ему дьявольскими чарами. Но попытки дьявола обольстить Юстину неизменно терпели поражение: магической силой крестного знамения Юстина отгоняет искусителя. Дьявол вынужден признать свое бессилие перед крестом. Тогда Киприан, уверовав в силу Христа, сам обращается в христианство и вместе с Юстиной претерпевает мученическую смерть.

⁹ См., например: Andreas Hondorff Promptuarium exemplorum. 1568. л. 33а (ср.: P e t s c h. Faustbuch, стр. 211—212). Ср.: Тексты, I, 19 и прим.

¹⁰ См.: Theodor Zahn. Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage. Erlangen, 1882. — L. Radermacher. Griechische Quellen zur Faustsage. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-histor. Klasse, Bd. 206, Abh. 4, 1927, стр. 5—41 (Cyprianus und Justina). — Faligan. стр. XVIII. — Д е д ъ я н, стр. 146—148. — Kuno Fischer, стр. 227—234. — Б е л е ц к и й, V, стр. 62—63. — П. Б е з о б р а з о в. Византийские сказания. Юрьев, 1917, стр. 223—226.

В другой древней версии жития рассказана в форме исповеди легендарная биография Киприана, в которой выступают исторические черты того синкретизма религиозных культов и магической практики, античной и восточной, которые позднее язычество пыталось противопоставить растущему влиянию христианства. С раннего возраста Киприан обучался магии, был служителем в храме Паллады в Афинах, приносил жертвы Аполлону, Деметре и Гере, участвовал в их таинствах и оргиях, был посвящен в мистери Митры (зороастрийский культ), учился мудрости у египетских жрецов в Мемфисе и знанию небесных светил у халдеев, стал «знаменитым магом и философом», вызывал дьявола, получил его благословение и помощь, боролся с христианством и совершил своими чарами множество безбожных преступлений. Из помощника Аглаида Киприан в этой версии становится его соперником: увидев Юстину, он сам воспыла страстью к ней и с помощью дьявола хочет добиться ее любви. В некоторых более поздних обработках сказанья Киприан окончательно вытесняет Аглаида и становится единственным героем романа.

Житие Киприана и Юстины было хорошо известно на Западе в многочисленных поэтических переработках, из которых наиболее популярную содержит «Золотая легенда» («*Legenda aurea*») Якова де Ворарине (XII век). Одна из позднейших версий этой легенды послужила источником драмы Кальдерона «Маг-чудотворец» («*El magico prodigioso*», 1637), которую сравнивали с «Фаустом» Гете и называли «католическим Фаустом»: поиски истины и земной любви разрешаются у Кальдерона в духе мистического католицизма — аскетическим отречением от жизни и экстазом мученичества во имя обретенной веры.

Более поздние демонологические легенды, возникшие в средние века, в условиях утвердившегося безраздельного господства христианской церкви, рассказывают об обращении человека к дьяволу и к запретным средствам черной магии как об отпадении от истинной веры ради тех или иных корыстных или запретных земных побуждений — богатства, почестей, власти, плотских вожделений, светской мудрости; соответственно этому они вводят новый мотив — договора (нередко письменного) между отступником и духом зла, по которому человек, обращаясь к дьяволу за помощью, отдает ему за это свою душу. Среди многочисленных средневековых легенд этого типа наиболее известна легенда о Феофиле¹¹.

Феофил был управителем (экономом) епископа в городе Адане в Киликии (в Малой Азии), человеком большого благочестия. После смерти епископа он был избран на его место, но из смирения отказался принять избрание. Когда же новый епископ отрешил его от должности эконома, уязвленный в своем самолюбии, он решил прибегнуть к помощи дьявола при содействии чернокожника еврея (в средние века арабы и евреи счи-

¹¹ См.: K. Plenzat, Die Theophiluslegende in den Dichtungen des Mittelalters. Berlin, 1926. — L. Radermacher, I. c., стр. 41—47 (Die Erzählung des Helladius, Theophilus). — Faligan, стр. VI—XIII. — Kuno Fischer, стр. 237—239. — Белеецкий, V, стр. 63—65.

тались знатоками чернокнижия). Дьявол был вызван чернокнижником, и Феофил продал ему свою душу, подписав отречение от христианской веры. С помощью дьявола он вернул себе должность и почет, но совесть не давала ему покоя. Он решил покаяться. Вняв его молитвам, богоматерь умолила ему прощение и даже возвращение подписанной им грамоты. Посвятив остаток своей жизни покаянию, Феофил умер как святой.

Греческое житие Феофила, написанное в VII веке, приписывается его ученику Евтихиану, «очевидцу» событий. Оно было переведено в VIII веке на латинский язык Павлом-диаконом, обработано в X веке в латинских стихах немецкой монахиней Хротсвитой Гендерсгеймской, по-французски — в поэме Готье де Куэнси (XII век) и в драматической форме в миракле трувера Рютбефа (XIII век), который был переведен на русский язык Александром Блоком для «Старинного театра» в Петербурге под заглавием «Чудо о Теофиле» (1907).

О широкой популярности этой легенды на Западе свидетельствуют и другие ее литературные обработки на разных европейских языках, частые упоминания в проповедях и хрониках, а также многочисленные памятники средневекового искусства — церковные витражи, скульптуры, миниатюры.

Благополучная развязка демонологической легенды должна была свидетельствовать о силе христианской церкви, побеждающей козни дьявола, о возможности прощения грешника через покаяние, о спасительной роли заступничества святых и в особенности богоматери. Такие развязки наличествуют в ряде других легенд, представляющих по своему сюжету известное сходство с повестью о Феофиле. Одна из таких легенд рассказывает о рыцаре («*Militarius*») ¹², который, промотав свое состояние, через чернокнижника искал помощи дьявола, но, отрекшись от Христа и от веры, не мог произнести хулы на богоматерь, и она спасла его душу от гибели. Другой рыцарь, также оказавшийся в бедственном положении, продал дьяволу за золото свою благочестивую жену и повез ее в лес в условленное место. По дороге женщина помолилась в часовне богоматери, и та, усыпив ее, облеклась в ее одежды и приняла ее вид. Посрамленный дьявол в ужасе бежал ¹³.

Обе названные легенды сравнительно позднего происхождения (XIII век), но также скоро получили широкое литературное распространение. Первая записана впервые монахом Цезарием Гейстерсбахским в его «Диалоге о чудесах» («*Dialogus miraculorum*», 1220), где суеверный автор собрал немало демонологических рассказов, традиционных и современных, в правдивости которых он был совершенно убежден. По поводу «Милитария» он утверждает, будто происшествие это имело место всего пять лет назад в местечке Флорессе близ Лютиха и что существуют люди, которые были его свидетелями ¹⁴.

¹² Латинский стихотворный текст см.: *Kloster*, II, стр. 155—164. — Ср.: *Faligan*, стр. XIII; *Белецкий*, V, стр. 64—65.

¹³ *Ein hübsch Lied von einem Ritter und seiner Frau*. См.: *Kloster*, II, стр. 176—177. — Ср.: *Faligan*, стр. XIII.

¹⁴ См.: *Н. Сперанский*, Указ. соч., стр. 99.

Демонологические легенды указанного типа, несмотря на их популярность в средневековой литературе, не могут считаться прямыми источниками легенды о Фаусте, за исключением, может быть, отдельных мотивов сказания о Симоне-маге. Они показывают лишь общее направление мысли и развития поэтических образов в рамках средневекового церковного мировоззрения. Характерно в особенности, что рассказы подобного рода относились не только к отдаленному, легендарному прошлому, освященному церковным преданием, но как рассказ о милитарии или о рыцаре и его жене и к реальной обстановке современной жизни, прикрепляясь нередко к историческим или современным, общеизвестным или частным именам.

Как уже было сказано, в борьбе между господствующей католической церковью и антицерковной оппозицией народных и иных ересей обвинение в колдовстве и сношениях с дьяволом стало острым политическим оружием в руках папской инквизиции. К помощи церкви в нужных случаях прибегала и светская власть. Так, французская народная героиня Жанна д'Арк, попав в руки англичан, осуждена была церковным судом на сожжение как колдунья, согласно хронике Холиншеда — как «неверная и проклятая», виновная «в кровопролитии и возбуждении вражды с помощью дьявольского колдовства и волхования»¹⁵. Шекспир или его соавторы вслед за Холиншедом, своим главным историческим источником, принимают в «Генрихе VI» эту традиционную английскую версию.

Антицерковная оппозиция против папы как главы католической церкви также пользовалась обвинениями в колдовстве. Такие обвинения исходили не только от еретиков или сторонников церковной реформы, но выдвигались в борьбе между империей и папством, между папами и «антипапами», ставленниками различных церковных партий или светских государств. Спровоцируемая взаимными обвинениями религиозного, морального и политического характера, отлучениями от церкви, военными столкновениями и жестокими расправами с противниками, борьба эта породила в народе множество легенд о папах-вероотступниках, получивших папский престол не за заслуги перед церковью, а с помощью дьявола, которому они продали свою душу, и запятнавших себя бесчестной жизнью, развратом, стяжательством и симонией, жестокостями и преступлениями всякого рода. Такие рассказы приписывались в особенности «схизматическому» кардиналу Беннону, главе императорской партии в период борьбы между императором Генрихом IV и папой Григорием VII. Их повторяли и умножали в эпоху реформации последователи Лютера, для которых католическая церковь была в буквальном смысле «орудием дьявола», «вавилонской блудницей», а сам папа — «слугой сатаны». Собрание таких антипапских легенд содержат, например, комментарии Видмана, ортодоксального лютеранина, к составленной им в 1599 году народной книге о Фаусте (см. ниже, стр. 302)¹⁶.

Подобные легенды, сложившиеся в разное время, существовали о папах Иоанне XIII (965—972), Сильвестре II (998—1003), Иоанне XIX

¹⁵ A. W. Ward, *Old English Drama* Oxford 1892, стр. XXXVI.

¹⁶ См.: Klostler, II, стр. 770—780. — Ср.: Kiewewetter, стр. 120—126.

(1003—1009), Бенедикте IX (1012—1024), Иоанне XX (1024—1033), Бенедикте X (1033—1054), Григории VII (1073—1085), Иоанне XXII (ум. 1277), Григории IX (1370—1378), Павле II (1464—1471), Александре VI Борджиа (1492—1503) и др.

Папа Сильвестр II, в миру носивший имя Герберт, славился своей ученостью. Согласно легенде, он получил ее в молодости от дьявола, обучаясь в Толедо у мейританского чернокнижника, у которого он похитил с помощью чьей-то дочери его магическую книгу. Дьявол сделал его папой и всегда сопровождал его в образе черного мажорганца — один из постоянных мотивов демонологических легенд впоследствии перенесенный и на Фауста (Телсты, I, 12 и прим.). Немецкий миннезингер Вальтер фон дер Фолсльвинде, сторонник императорской партии, в своих обличительных виртулах утверждал, что «порча» папства пошла от кудесника Герберта (конец XII века)¹⁷.

Григории VII, прославившийся в истории своей борьбой с императором Генрихом IV, был, согласно антипапской легенде, астрологом и имел магическое зеркало, помогавшее ему распознать, что затевают его враги. Он получил папский престол с помощью дьявола, уничтожив шестерых своих соперников. По совету дьявола он ввел безбрачие духовенства, чтобы уничтожить разврат (мысль, получившая развитие в особенности у Лютера см. выше, стр. 296). По истечении срока договора дьявол явился к нему в образе струнного черного мавра и унес его душу в адское пламя.

Разврат и злодеяния папы Александра VI Борджиа (как и ряда его преемственников) антипапская легенда объясняет наущениями дьявола, с которым Александр вступил в союз с молодых лет, что и позволило ему сделаться папой. Когда истек срок договора, Александр нечаянно отравился ядом, который сын его, Цезарь Борджиа, приготовил для непокорных кардиналов. В то время как папа умирает, один из его приближенных вошел в его потайной кабинет и увидел дьявола в пальмовом убранстве, сидящего на престоле, который встретил его кощунственными словами: «Ego sum Papa!» («Я — папа!»). Мотив этот, по Видману, был использован бурным германцем Ф. М. Клингером в его романе «Жизнь Фауста» (см. ниже, стр. 379).

Чаще всего в конфликт с церковным авторитетом должны были вступать передовые философы и ученые средневековья, даже в том случае, когда наука их продолжала оставаться «служанкой богословия» и их искание истины не приводило их, по крайней мере субъективно, к разрыву с учением церкви. Занятия «светскими» науками, основанными на опыте, хотя бы еще ограниченным и в значительной части мистифицированным, — медициной, алхимией, астрологией, знакомство с античной философией, прежде всего с Аристотелем, открытым арабами, и попытка самостоятельного сличения философской мудрости с богословскими догмами неизбежно натал-

¹⁷ Die Gedichte Walthers von der Vogelweide herausg. v. Hermann Paul Halle 1930 (Altdeutsche Textbibliothek, № 1), стр. 90 — Ср. латинское стихотворение о Герберте (XII век). Kloster, II, стр. 169—170.

квивались на осуждение и преследования церкви, для которой они всегда граничили с неверием и ересью, а следовательно, объяснялись кознями дьявола

Среди прославленных средневековых философов и ученых, которых суеверная молва обвиняла, как искателей запретной мудрости, в колдовстве и сношениях с дьяволом, были представители всех национальностей француз Абеляр, англичанин Роджер Бэкон, немец Альберт Великий, итальянец Пьетро д'Абано, каталанец Раймунд Лулий и др.

Рационалист Абеляр (1079—1142), профессор Парижского университета, поклонник Аристотеля и древних и защитник прав разума в богословии¹⁸, дважды осужденный на церковных соборах согласно легенде, в конце своей жизни покаялся в своих грехах, после того как вчужа его, неосторожно завладев его колдовскими книгами, были растерзаны дьяволом, которому он служил

Францисканец Роджер Бэкон (1214—1292), профессор в Оксфорде, универсальный ученый, прозванный «doctor in gablis» («судивительный»), ранний представитель научного эмпиризма, математики, оптики, астроном подвергся преследованиям монахов своего ордена, которые запретили ему писать научные книги, и провел 14 лет в заточении. Больше всего суеверных толков вызвала, по-видимому, его лаборатория. Рассказывали что вместе со своим учеником, мочиком Бунгеом он изготовил бронзовую головку, которую с помощью дьявола неудачно пытался оживить и заставить вещать. Согласно легенде, в конце жизни он тоже покаялся и стал отшельником¹⁹. Вскоре после выхода в свет первого издания немецкой народной книги о Фаусте (1587) и, может быть, под ее влиянием в Англии появилась аналогичная по содержанию народная книга «Знаменитая история брата Бэкона, содержащая удивительные дела, совершенные им при жизни, также об обстоятельствах его смерти вместе с историей жизни и смерти двух других чародей Бунгея и Вандермаста»²⁰. Книга эта послужила источником комедии Роберта Грина «История брата Бэкона и брата Бунгея» (1592), написанной одновременно с трагедией Марло о Фаусте или непосредственно вслед за ней²¹.

Профессор Падуанского университета Пьетро д'Абано или Апоче (около 1250—1316), врач, натурфилософ, алхимик и астролог изучавший греческий язык в Константинополе, заподозренный в ереси, умер в тюрьме, находясь под судом инквизиции. Ему приписывали трактат о вопросах

¹⁸ Об Абеляре как о представителе оппозиционной по отношению к церкви ранней городской культуры см. Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

¹⁹ См. A. W. Ward l. c., стр. XXI—XXXI.

²⁰ См. Early English Prose Romances, Ed. by William Thomas, vol. I London 1828 — Bibliotheca curiosa. Ed. by Goldsmith, Ed. 4th 1830. H. Weisheit, перевод К. Костер, XI, стр. 1027—1070.

²¹ См. A. W. Ward l. c., стр. 47—110. The Honourable History of Friar Bacon and Friar Bungay (с подробным филологическим комментарием) — Ср. П. С. Корожанко. Роберт Грин. М., 1978.

магии («Гептамерон или элементы магии») ²², который *создал* ему после смерти славу великого чародея. О нем рассказывали, что он держал в стеклянной банке 7 демонов, которые сделали его великим мастером во всех «семи свободных искусствах» (т. е. в светской учености). Пьетро Апопе является героем новеллы немецкого романтика Людвиг Тика (1825) и выступает в «Романсах о розах» другого романтика, Клеменса Брентано (1808—1812), в соответствии с легендой, в роли чародея и соблазнителя.

Героем демонологической легенды стал и Альберт фон Больштедт, прозванный Альбертом Великим (1193—1280), профессор в Кельне и Париже, провинциал ордена доминиканцев, глава схоластики своего времени, который прославился своими обширнейшими трудами по богословию, философии и естественным наукам и после смерти почитался своим орденом как святой. Тем не менее энциклопедическая ученость Альберта Великого, прозванного «*docus universalis*», его занятия естествознанием и приписываемые ему апокрифические сочинения вроде «Книги работ Альберта Великого о некоторых свойствах трав, камней и животных» и др. создали и ему репутацию чернокнижника. Легенда рассказывает, что, принимая в Кельне в 1248 году короля Вильгельма и его гостей, Альберт под рождество своими чарами наколдовал в его дворце волшебный сад с цветущими деревьями и певчими птицами. Чтобы накормить гостей своих устрицами, он стучал в окно, и невидимая рука протягивала ему желаемое блюдо (анекдот, впоследствии перенесенный на различных кудесников XVI века, в частности и на Фауста) ²³.

Эпоха Возрождения усилила оппозицию против церкви как главной идеологической опоры феодального общества, медленно отступавшего под натиском буржуазного развития и революционного движения народных масс. Духовная диктатура католической церкви впервые была сломлена. Возрождение ознаменовалось «открытием мира и человека» (по выражению историка этой эпохи Буркхарда), освобождением личности от опеки церкви, началом самостоятельных научных исканий, основанных на разуме и на опыте, развитием светской философии, опирающейся на античные традиции «жизнерадостного свободомыслия, подготовившего материализм XVIII века» (Энгельс). Оно снабдило реформационное движение оружием историко-филологической критики церковного предания и верования и тем умножило поводы для острых конфликтов между знанием и верой. Автономная личность, освобожденная от аскетической церковной морали, видела свой идеал в удовлетворении земных интересов, во всестороннем развитии не только духовных, но и чувственных потребностей человека, в охвате всего человеческого в неповторимом индивидуальном сочетании.

«Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуа-

²² В немецком переводе см.: Kloster, III, стр. 591—614.

²³ Об Альберте Великом см. рассказ Лерхеймера (Augustin Lercheimer. Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei. 1585). См.: «Тексты», I, 29е.

зии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Герои того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников»²⁴.

Разумеется, универсальные умы эпохи Возрождения, ученые и философы, при всем своем относительном свободомыслии лишь в редких случаях приближались к последовательному материализму и атеизму, меньше всего — в отсталой в экономическом и культурном отношении Германии XVI века, где гуманистическое движение было тесно связано с богословской критикой, положившей начало реформации. К тому же и самые передовые среди гуманистов обычно вынуждены были ради личной безопасности скрывать свое философское вольномыслие под официальной маской конформизма, в особенности с середины XVI века, когда ожесточенная религиозно-политическая борьба, связанная с успехами реформации, вызвала в обоих лагерях жестокую церковную реакцию и суровые преследования «вероотступников». Однако и независимо от этого большинство ученых и мыслителей эпохи Возрождения были сторонниками пантеистических натурфилософских доктрин, более или менее приспособившихся к господствующему церковному учению. В духе итальянского платонизма XV века они рассматривали вселенную как живое, органическое целое, «макрокосм», и верили в наличие в природе духовных сил, управляющих явлениями материального мира, сил, которые человек, проникший в тайны природы, может подчинить своему разуму и своей власти.

Эти идеи вполне соответствовали уровню науки того времени (в конечном счете — уровню развития производства и техники): химия еще не отделилась от алхимии, астрономия от астрологии, медицина от эмпирического знахарства и лечения заклинаниями. Свободомыслие нередко сочеталось с суевериями. Черной магии противопоставлялась магия «естественная» («натуральная») — результат проникновения в «тайны» природы и овладения ими. Эксперимент преследовал мнимо научные задачи: делать золото, лечить от всех болезней, создать «эликсир жизни» или «философский камень». Искание истины, бескорыстная жажда знаний нередко переплетались с корыстными, земными целями: иметь успех, почет, богатство и славу, которые могли дать искусному магу — астрологу, алхимику или меду — его знатные покровители и адепты.

В суеверных представлениях людей XVI века, в особенности в Германии, ученые такого типа обычно получали славу чернокнижников. Их универсальные знания, их занятия натурфилософией, астрологией и алхимией, их успехи и слава приписывались, как и прежде, содействию демонических сил, «договору с дьяволом», о них слагались те же демонологические

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 346—347.

легенды как и об их предшественниках, средневековых ученых-магах. Такие легенды окружали в особенности имена ученого аббата Иоганна Тритемия (1462—1516) и двух его учеников и друзей — знаменитых в свое время Агриппы Неттесгеймского (1486—1535) и Теофраста Парацельса (1493—1541), выдающегося врача-эмпирика и натурфилософа. Из них двое первых неоднократно упоминаются в сообществе исторического Фауста²⁶

Аббат Иоганн Тритемий (Johannes von Trithem), ученый богослов, натурфилософ и историк²⁶, заслужил славу чернокнижника своим сочинением «Стеганография» (буквально «Тайнопись», 1499), в котором, выступая против черной магии, он защищает магию «естественную», основанную на проникновении в «таинны» природы. Монахи огласились с подозрением к его учености и заставили его в 1507 году сложить с себя управление аббатством Шпюлхеим (Spölkheim). Одно из его сочинений попало в «индекс запрещенных книг». В письме к своему другу, математику Иоганну Капильярню в Париже (1507), он защищается от возводимых на него обвинений в черной магии. Он ничего не писал и ничего не делал «чудесного», и тем не менее «толпа» считает его чернокнижником и утверждает, будто он воскрешал мертвых, вызывал духов из ада, предсказывал будущее, изоблачал и «взвал» своими заклинаниями воров и разбойников. Все это, однако ж, никогда из подобными делами не занимался, и если он читал волшебство книг о чародеях, то не для того, чтобы подражать им, а чтобы бороться с этими отвратительными суевериями²⁷. Тритемий пользовался покровительством императора Максимилиана I и находился с ним в ученой переписке. О нем ходили рассказы, позднее частично отложившиеся в легенде о Фаусте, будто он показал императору его умершую супругу, Марью Бургундскую, в образе столь сходном, что император узнал родимое пятно на ее щеке (см. народную книгу о Фаусте, гл. 33 и прим. 45); сюжет этот был обработан Гансом Саксом); находясь на постоялом дворе где нечего было слыть, он будто бы постучал в окно (как это равно в рассказывалось об Альберте Великом, см. выше, стр. 268), и тотчас стол был уставлен лучшими яствами (ср. Тексты, I, 29е и прим.).

Генрих Корнелиус Агриппа из Неттесгейма, в молодости секретарь императора Максимилиана I дипломат, военный, юрист, профессор, человек универсальной учености, богослов, натурфилософ и врач²⁸, известен был сочинением «О неверности и тщете наук и искусств» («De incertitudine et vanitate scientiarum et artium», 1531), язвительной сатирой на схоластическую средневековую науку, и книгой «Об оккультной философии» («De oc-

²⁶ Демонологические рассказы об аббате Тритемии и Агриппе Неттесгеймском приводит Лерхенмер (1785). См. «Тексты», I, 29е.

²⁶ См. «Leben des Abtes von Trithem», — Кюстлер, III, стр. 1012—1064. — Ср.: «Тексты» I 1 прим.

²⁷ Уитковски, стр. 313.

²⁸ См. A. W. Ward, I, c, стр. 113—115. — На русском языке Ж. Ортег Агриппа Неттесгеймский. Перевод под редакцией и с вступительной статьей Валерия Брюсова, М., 1913.

culta philosophia», 1536), в которой он защищал, как и его учитель Тритемий, «естественную» магию. Агриппа был близок одно время к реформационному движению, и хотя он не порвал с католической церковью, тем не менее неоднократно подвергался преследованиям фанатических монахов, вынуждавших его переезжать из одного города в другой. Его нападки на нравы двора вызвали немилость императора Карла V, который окончательно изгнал его из своих владений. Он умер бездомным скитальцем по дороге между Греноблем и Лионом.

Молва рано ославляла Агриппу как чернокнижника. О нем рассказывали (как о папе Сильвестре II и позднее о Фаусте), что дьявол сопровождал его в образе черной собаки (Тексты, I, 29e и прим.). После его смерти в защиту его памяти от обвинения в чернокнижьи выступил его ученик Иоганн Вир, человек гуманный и просвещенный (Тексты, I, 18, прим.). В своем сочинении «О чудесах демонов» («De praesentibus demonum», II, 5) Вир, между прочим, свидетельствует на основе своего личного знакомства с Агриппой, что собака его, прозванная Мопчент, была «обыкновенной собакой мужского пола»: «не раз в моем присутствии он спаривал ее с сукой, имевшей кличку Mademoiselle» (обстоятельство, свидетельствующее, очевидно, против демонической природы этой собаки).

Многие из этих рассказов, имеющих традиционный характер и типичных для «фольклора чернокнижника», в дальнейшем перенесены были на популярную личность Фауста.

2

Фауст — лицо историческое. На основании личных встреч с ним свидетельствуют, между 1507 и 1540 годами, многие известные, а иногда и малоизвестные современники Иоганн Тритемий, ученый аббат Шюльгеймский (1507); эрфуртский гуманист Муциан Руф, друг Рейхлина и Ульриха фон Гуттена (1513), реформатор Филипп Меланхтон, ученик и ближайший соратник Лютера, и со слов Меланктона его ученики по Виттенбергскому университету — Иоганн Манлий (1563) и Августин Лерхелмер (1583—1597); гуманист Иохани Камерарий, также учившийся в Эрфурте и в Виттенберге и, связанный как с кружком эрфуртских гуманистов, так и с виттенбергскими реформаторами (1536), молодой немецкий «конквистадор» Филипп фон Гуттен, двоюродный брат Ульриха, военный начальник Венесуэлы (1540); протестантский богослов Иоганн Гаст (1548), встречавший Фауста в свои молодые годы в Базеле (1525), ничем не прославленный Килиан Лейб, настоятель монастыря Ребдорф около Ингольштадта (1528), вероятно, встречал его и ученый врач Филипп Бегарди из Вормса (1539). Ему покровительствовал Франц фон Зиккинген (1507), друг Ульриха фон Гуттена, позднее известный как вождь рыцарского восстания 1523 года; рассказывают о его дружбе с аббатом Маульброннского монастыря Иоганном Энтенфусом (1516, Тексты, I, 38 и прим.); просвещенный епископ Бамбергский Георг III заказывает ему свой гороскоп (1520); существуют сведения о его пребывании при дворе архи-

епископа Кельнского Гебхарда Трухзеса, позднее перешедшего в лютеранство (Тексты, I, 27); возможно, что его имеет в виду как своего конкурента Агриппа Неттесгеймский, столкнувшийся в 1528 году при дворе французского короля Франциска I с магом-демонологом, выписанным «с большими затратами» из Германии (Тексты, I, 8 и прим.).

Мы слышим в разное время от этих лиц о пребывании Фауста в Гельнгаузене (Гессен), Крейцнахе (Пфальц), Вюрцбурге, Хасфурте (1506—1507), возможно — в Гейдельберге (1509), в Эрфурте (1513), Маульбронне в Швабии (1516), Бамберге (1520), Базеле (1525), Ингольштадте в Баварии (1528), Виттенберге (до 1532; Тексты, I, 15), снова в Вюрцбурге, где его адептом был юрист Даниэль Штибар (см. письмо к нему Иохима Камерария, 1536; Тексты, I, 9 и прим.), в Кельне (в 1530-х годах), в Батенбурге на р. Маас близ Гельдерна (Тексты, I, 18), в конце жизни — во владениях графов Штауфен в Брейсгау, на верхнем Рейне (согласно «Циммерской хронике», до 1540 года; Тексты, I, 166). Менее достоверны сведения о его пребывании в Париже при дворе короля Франциска I (1528), в Венеции, где он будто бы неудачно пытался летать (согласно рассказу Меланхтона; Тексты, I, 13), в Нюрнберге, при императорском дворе в Вене, Праге или Инсбруке, в Зальцбурге и других местах, к которым прикрепились позднейшие рассказы о его «волшебных» проделках и приключениях. Как свидетельствует в 1539 году уже названный врач Бегарди, «несколько лет тому назад он странствовал по всем землям, княжествам и королевствам, похваляясь своим великим искусством не только во врачевании, но и в хиромантии, нигромантии, физиогномике, в гадании на кристалле и в прочих таких вещах» (Тексты, I, 10).

Наименее определены и достоверны, как это и понятно для такого лица, как Фауст, те сведения, которые сохранились о месте его рождения и о годах его молодости, предшествующих его широкой славе. Меланхтон, по сообщению Манлия, и последующая традиция, поскольку она опирается на Меланхтона, считают Фауста уроженцем городка Книтлинген (Манлий пишет неправильно «Кундлинг»; Тексты, I, 15 и прим.), находящегося в северо-западной Швабии, близ г. Бреттен в Пфальце, где родился сам Меланхтон. Во всяком случае, как явствует из рассказа Манлия, Меланхтон знал в детстве человека по имени Фауст, которого он отождествлял впоследствии с известным чернокнижником. Местные предания, правда — позднего времени (1752), подтверждают эту локализацию (Тексты, I, 38a)²⁹.

С другой стороны, согласно народной книге Шписа, Фауст родился в местечке Рода близ Веймара (см. гл. 1), скорее всего потому, что все действие книги перенесено составителем в соседний Виттенберг, город Лютера (см. ниже, стр. 296). Изолированный характер носит свидетель-

²⁹ В настоящее время в Книтлингене находится «Музей Фауста» и научное общество по изучению Фауста (Faust-Gesellschaft), выпускающее периодическое издание «Faustblätter».

ство народной книги в редакции Видмана (1599), согласно которому Фауст происходил из местечка Зонведель (Зальцведель) в Ангальте: оно подсказано приключениями Фауста при дворе графа Ангальтского (гл. 44 и 44а) и, вероятно, возражениями Лерхеймера против Шписа (Тексты, I, 33).

Большого внимания заслуживает локализация Фауста в Гейдельберге, встречающаяся в официальном документе — постановлении магистрата г. Ингольштадта (1525) о высылке из города лица, «называвшего себя доктором Георгом Фаустом из Гейдельберга» (Тексты, I, 6). Согласно письму Муциана Руфа, хиромант, прибывший в 1513 году в Эрфурт, также именовал себя «Георгий Фауст, гейдельбергский полубог» (Тексты, I, 3 и прим.). Однако чтение последнего слова представляет конъектуру (Hemitheus вместо непонятного Helmitheus в рукописи письма)³⁰, которая в настоящее время оспаривается: возможно, что Муциан Руф указывает на Гельмштедт близ Гейдельберга (Helmstetensis), с которым связывает Фауста и приор Килиан Лейб (Тексты, I, 7 и прим.).

Связь Фауста с Гейдельбергом, как полагают некоторые исследователи, отражена и в другом документе: в списках философского факультета Гейдельбергского университета в 1509 году числится среди студентов некий Иоганн Фауст, уроженец города Зиммерн (Пфальц) в архиепископстве Майнцском (недалеко от Гейдельберга). В том же 1509 году этот Иоганн Фауст получил ученую степень бакалавра одновременно с 15 другими лицами (Тексты, I, 2). Указание это перекликается с народной книгой Шписа, по которой Фауст получил степень магистра богословия (в Виттенберге) одновременно с 16 другими лицами (гл. 1). Однако сведения эти нельзя считать вполне достоверными, поскольку фамилия Faust часто встречается в университетских книгах того времени³¹. Они к тому же плохо согласуются с письмом Тритемия (Тексты, I, 1), из которого видно, что Фауст уже в 1505 году именовал себя магистром и выступал отнюдь не как студент, а как философ и «глава некромантов». Остается предположить, что молодой Фауст, если это то же самое лицо, присвоил себе не принадлежавший ему ученый титул, как и предполагал Тритемий, когда он утверждал, что этому человеку «более приличествовало бы именоваться невеждой, чем магистром». Позднее Фауста в официальных документах титуловали уже доктором (Тексты, I, 4 и 6), и в устном предании, как и в народной книге, за ним сохранился этот титул.

К Меланхтону (Манлию) восходит и известие, будто Фауст учился в Краковском университете, где в то время «публично преподавали магию» (подразумевается так называемая «естественная» магия в отличие от черной магии или чернокнижия). Сведения эти повторяют позднейшие авторы, следующие за Меланхтоном — Манлием (Вир, Мейгерниус, Лер-

³⁰ См.: Kiesewetter, стр. 9

³¹ См.: Witkowski, стр. 307.

хеймер и др.; Тексты, I, 18, 30, 33). Существенно, что они наличествуют и в польских «Анналах» Станислава Сарнициуса (1587; Тексты, I, 31). Согласно книге Шписа, Фауст учился и был профессором в Виттенберге: это соответствует общей тенденции книги, которая переносит действие целиком в Виттенберг, что вызвало резкие возражения со стороны Лерхеймера, ученика Меланхтона, отстаивавшего честь города Лютера и реформации (Тексты, I, 33). Вероятно, из подобных же соображений, поданных лютеранским правоведем, в позднейшей редакции народной книги Видмана (1599) Виттенбергский университет был заменен Ингольштадтским, центром католического богословия, возглавлявшим в XVI веке борьбу против лютеранства. «В те времена, — пишет Видман, — еще были в ходу старые обычай папизма, заклинания и всяческие суеверия и идолопоклонство, и все это очень правилось Фаусту»³². Однако профессором Ингольштадтского университета Фауст называется и в нюрнбергских рассказах Россхирта (см. ниже, стр. 291) — обстоятельство, может быть, не совсем случайное в свете документальных известий о его высылке из этого города (Тексты, I, 6) и встрече с приором Ребдорфского монастыря (Тексты, I, 7).

Колебания существуют уже в старейшей традиции и относительно самого имени Фауста. Тритемий и Муциан Руф — первые свидетели, — как и постановление Ингольштадтского магистрата, а также позднейший литературный источник — нюрнбергские рассказы Россхирта — называют его Георгием; с другой стороны, документы Гейдельбергского университета, позднейшие письменные источники, восходящие к Меланхтону, как и народная книга, говорят о докторе Иоганне Фаусте. Вряд ли, однако, есть основание думать, что Иоганн и Георгий Фауст — два разных лица, как полагают некоторые исследователи, ссылаясь в подтверждение этого предположения на письмо Тритемия, в котором этот кудесник называет себя «Фаустом младшим». Скорее можно думать, что Фауст в соответствии с католическим и лютеранским обычаем носил двойное имя Иоганн-Георг и называл себя то тем, то другим, смотря по обстоятельствам. Неясно происхождение и фамилии Фауст; как уже было сказано, в юридических документах того времени немецкая фамилия Faust (в более древней форме Fust), первоначально представлявшая прозвище (нем. «кулак»), встречается часто: ее носил, например, майнцский первопечатник Иоганн Фуст (или Фауст), с которым сотрудничал Гутенберг (см. ниже, стр. 310). Возможно, однако, и вполне соответствует обычаям эпохи гуманизма, что латинизированная форма этого имени Faustus произведена была от лат. faustus «счастливей», «удачливый» и представляла ученый псевдоним странствующего мага, астролога и прорицателя, указывающий на успешный характер его профессиональной деятельности.

Яркую характеристику всех разнообразных сторон профессиональной деятельности Фауста содержат перечисленные выше свидетельства его современников. Согласно показаниям Тритемия и Муциана Руфа, Фауст

³² Kloster, V, стр. 286.

называет себя философом и магом; он астролог и алхимик, некромант (т. е. вызывает тени умерших), аэромант, пиромант и гидромант (т. е. «сведущий в элементах», каким он рекомендует себя в народной книге, гл. 6); кроме того, он хиромант (т. е. гадает о будущем по линиям руки), вообще — гадалщик и прорицатель (*divinaculus*). Он занимается также врачеванием, физиогномикой, гаданием на кристалле, дополняет Бегарди. Если отнести к Фаусту показание Агриппы Неттесгеймского, о котором говорилось выше (Тексты, I, 8), он излечивает «стигийскими снадобьями все неизлечимые недуги», умеет находить клады и знает тайные средства, которые «скрепляют и разрушают узы брака и любви».

Документальное свидетельство расходной книжки Бамбергского епископа, как и письма Камерария и Филиппа фон Гуттена (Тексты, I, 9 и 11), знакомы с его, по-видимому, успешной практикой составления гороскопов знатым лицам.

Для магов и нигромантов (в народном переосмыслении — чернокнижников) спекуляция на легковерии их адептов составляла необходимую принадлежность их нелегкой профессии. Соответственно этому Фауст, по свидетельству Тритемия (Тексты, I, 1), называл себя ученым и философом («философом философов»), хвастал «таким знанием всех наук и такой памятью, что если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были начисто забыты, то он, как новый Ездра Иудейский, по памяти восстановил бы их и даже в более изящном виде». В чудесах он готов был соперничать с самим Христом и «самонадеянно говорил в большом собрании», будто «берется в любое время и сколько угодно раз совершить все то, что совершал Спаситель».

Рассказ Агриппы Неттесгеймского о своем сопернике — «демонологе», привезенном из Германии в Париж ко двору короля Франциска I (Тексты, I, 8), — говорит о еще большем легковерии этого «просвещенного» двора: приезжий немецкий маг, которому подвластны духи, может не только предвидеть будущее и читать чужие мысли и «тайные намерения», он обещает французскому королю помочь ему одержать победу над императором, спасти «по воздуху» его сыновей из плена, «наколдовать неисчислимые количества войск, повозок и коней».

Чудеса подобного рода суеверная молва нередко приписывала профессиональным чародеям XVI века. В частности, независимо от вопроса о личности «демонолога», с которым Агриппа Неттесгеймский столкнулся в Париже, сходные вещи рассказывались и о Фаусте, иногда, по-видимому, с его слов. Так, например, Меланхтон упоминает его хвастливое заявление о том, что своими чарами он будто бы помог императору одержать победу над тем же французским королем (Тексты, I, 15). Многие такие же рассказы вошли впоследствии, по устному преданию или из письменных источников, и в народную книгу (воздушный полет, волшебное войско и т. п.). О том, что при этом нередко делался сознательный расчет на легковерие собеседника, наглядно свидетельствует рассказ теолога Гаста, который однажды в свои молодые годы обедал с Фаустом «в Большой коллегии в Базеле»; при этом Фауст «отдал повару изжа-

рить птиц, и не знаю, где он купил их или от кого получил в подарок, потому что их тогда нигде не продавали, да и птиц таких в Базеле не водилось». Эти чужеземные птицы так поразили воображение суеверного Гаста, что, вспоминая об этом обеде через двадцать с лишним лет, уже после смерти Фауста, он готов объяснить это «чудо» помощью демонических сил. «Были у него, — пишет Гаст, — собака и конь, которые, полагаю, были бесами, ибо они могли выполнять все, что угодно. Слышал я от людей, что собака иногда оборачивалась слугой и доставляла хозяину еду» (Тексты, I, 126). О демонической природе собаки, сопровождавшей Фауста, рассказывал со слов Меланхтона и Манлий (Тексты, I, 15). Мотив этот давно уже укрепился в фольклоре чернокнижника: сходное говорили раньше о папе Сильвестре II (см. стр. 266) и об Агриппе Неттесгеймском (см. стр. 271).

Так бытовые черты из жизни странствующего кудесника в интерпретации суеверных современников окружались ореолом уже привычного чудесного, часто не без сознательного намерения самого героя этих рассказов.

Цюрихский врач Конрад Геснер, лично Фауста уже не знавший (1561), причисляет его (Тексты, I, 14, прим.) к «бродячим школярам» («scholastici vagantes»), т. е. к той категории обучавшейся в университетах профессиональной интеллигенции средневековья, представители которой не имели постоянной службы или местожительства, не были ни профессорами, ни священниками того или иного прихода, ни юристами или медиками с определенным служебным положением, но переезжали из города в город, «бродяжничая» в поисках временного заработка и в надежде найти богатого покровителя. Для этой деклассированной интеллигенции характерно было вольномыслие, а иногда и подлинное свободомыслие в вопросах религии и морали, легкие нравы и спекуляция на легковерии ближних, в частности в области столь популярной в XVI веке демонологии.

Демократический вариант этого типа представлен в хрониках и анекдотах того времени и в обличительной литературе против вековства большим числом имен, менее знаменитых, чем Фауст, и ныне совершенно забытых. Таков, например, некий Вильдфойер, упоминаемый Лютером в «Застольных беседах» (Тексты, I, 17д), которого Бютнер («Eritome Historiarum», 1576) называет авантюристом (Abenteurer) и чародем (Zauberer); или зальцбургский поп Иоганн Шрамганс, «неслыханно великий чародей», о проделках которого повествует Михаил Линднер в сборнике шванков «Катципори», 1558 (по-видимому, лицо историческое — эрфуртский магистр Иоганн Шрамм из Дахау)³³; или другое историческое лицо — Георг Бауманн из Эльница (Olnitz) в Саксонии, по рассказам того же Бютнера и Хондорфа («Promptuarium exemplorum», 1568), «не-

³³ См.: Martin Montanus. Schwankbücher, herausg. v. Joh. Bolte. Bibliothek des literarischen Vereins zu Stuttgart, Bd. 217. Tübingen, 1899, стр. 565—566.

давно повешенный в Наумбурге»; или «долговязый поп из Зальцбурга» и «Камюцкий монах», которых Леонгарт Турнейсер («Opomasticon», 1583) называет рядом с Фаустом (Тексты, I, 28a) и др. Многие анекдоты об их магических проделках, которые сообщаются в этих источниках, рассказывались в народе одновременно или впоследствии также и о Фаусте: продажа табуна лошадей или стада свиней, которые на водопое превращаются в пучки соломы; анекдот о нечаянно вырванной займодавцем у должника ноге; о рогах, которые волшебник наколдовал своему противнику, и т. п. (см. народную книгу Шписа, гл. 34, 36, 38—40 и прим. 46, 47, 49, 50). Почти обо всех лицах можно с полным основанием сказать словами упомянутого Турнейсера, что, занимаясь колдовством, они не нажили богатства, а жили в большой бедности (Тексты, I, 286).

Но исторический Фауст по своему общественному положению стоял между этим демократическим типом «бродячего школяра» и значительно более высоким, к которому должны быть причислены такие его знаменитые современники, как Агриппа Неттесгеймский, аббат Тритемий, Парацельс. Это были подлинные искатели знания, эмансипировавшиеся от средневековой схоластики, передовые люди своего времени, философы и ученые, соединявшие, однако, эмпирические познания с теософскими и натурфилософскими бреднями и суевериями своего времени, с алхимией, астрологией и «естественной» магией, несвободные от тщеславия, от погони за успехом и богатством, а иногда, в угоду знатым покровителям, и от некоторой доли шарлатанства, неотделимой от практики алхимика-астролога XVI века. Они также странствовали по княжеским дворам и по городам в поисках таких покровителей, хотя и не пешком по большим дорогам, как рассказывает о Фаусте народная книга, сохранившая в этом характерную социальную черту (гл. 50, стр. 87). Молва приписывала и им занятия черной магией и сношения с нечистой силой, в которой суеверие того времени видело единственный источник запретной мудрости.

Если сам Фауст причислял себя к этой высшей категории ученых и философов, то эти последние не признавали его претензий, всячески подчеркивая границу между подлинной, высокой наукой и ее площадной вульгаризацией. В Фаусте они видели как бы кривое зеркало своих философских и научных исканий, ученого-самозванца, колдуна-шарлатана, тем более опасного и компрометирующего, что невежественная толпа склонна была смешивать его с ними. Отзыв Тритемия (Тексты, I, 1) является ярким выражением этой профессиональной ревности, если только не зависти, к успехам соперника. Фауст для Тритемия — «глупец, а не философ», «бродяга, пустослов и мошенник», которому «более приличествовало бы называться невеждой, чем магистром». Тритемий возмущен его хвастовством и дерзостью. Фауст именует себя «главой некромантов», «кладезем некромантии», «величайшим из всех доньше живших алхимиков». Он присваивает себе пышные титулы и звания, которые он сам себе придумал, свидетельствующие разве только о его «невежестве и безумии». Длинный перечень этих «челепых званий» он рассылает по приезду в город как широковещательную рекламу своего искусства.

Но и эрфуртский гуманист Муциан Руф видит в Фаусте не своего товарища ученого, а «хвастуна и невежду». Этот «гейдельбергский полу-бог», как он себя именуется, занимается прорицаниями, которые, как всякие прорицания, «легковеснее, чем мыльный пузырь». «Я сам слышал в харчевне его вздорные рассказы, но не наказал его за дерзость, ибо что мне за дело до чужого безумия» (Тексты, I, 3).

Картину дополняет ученый врач Бегарди, который прямо указывает на компрометирующие этого «философа философов» мошенничества, служившие предметом постоянных жалоб. «Слава его была не меньше, чем Теофраста» (т. е. Парацельса), «а вот дела его, как я слышал, были весьма ничтожны и бесславны. Зато он хорошо умел получать или, точнее, выманивать деньги, а затем удирать, так что только и видели, говорят, как его пятки сверкали» (Тексты, I, 10).

Тритемий, как и Муциан Руф, находит похвалы Фауста «нечестивыми» и готов требовать вмешательства духовных властей. Такого рода вмешательства действительно имели место и неоднократно заканчивались изгнанием Фауста из того города, где он на время селился.

По рассказу Тритемия, который подтверждает Лерхеймер (Тексты, I, 1 и 33), Фауст еще в молодые годы, в 1507 году, должен был бежать из Крейцнаха, где благодаря покровительству Франца фон Зиккингена он получил место школьного учителя, потому что «стал развращать своих учеников, предаваясь гнусному пороку». В другой раз, как рассказывает «Эрфуртская хроника» (Тексты, I, 39 и прим.) и вслед за ней народная книга 1590 года (Дополнения, 1, гл. 55), он был изгнан из Эрфурта по постановлению ректора и совета после неудачных увещаний монаха доктора Клинга, пытавшегося заставить его вернуться к церкви и отказаться от чернокнижия. Сохранилось постановление магистрата города Ингольштадта (1528), подписывающее доктору Фаусту из Гейдельберга покинуть город и «искать себе пропитания в другом месте» (Тексты, I, 6). По рассказу Вири, он был посажен в тюрьму в городе Батенбурге на Маасе, неподалеку от границ Гельдерна, в отсутствие его покровителя, барона Германа (Тексты, I, 18a). Традиция, восходящая к Меланхтону в передаче Манлия (Тексты, I, 15), гласит, что он был вынужден бежать из Виттенберга, где, как пишет Лерхеймер, его некоторое время терпели «в надежде, что, приобщившись к учению, процветавшему там, он раскаяется и исправится» (Тексты, I, 29г), «пока он не распоясался настолько, что его собрались посадить в тюрьму, но тут он удрал» (Тексты, I, 33). Как сообщает тот же Манлий со слов Меланхтона, от подобной участи Фаусту пришлось спасаться и в Нюрнберге.

Если в представлении ученых и гуманистов типа Тритемия, Муциана Руфа или Бегарди Фауст был лжеученый, самозванец и шарлатан, то с точки зрения лютеранской церковной ортодоксии он заслуживал осуждения прежде всего как нечестивый грешник, стремящийся к запретным знаниям, занимающийся чернокнижием и творящий с помощью дьявола мнимые и соблазнительные чудеса.

Рационалистическая критика католического культа святых, мощей и

реликвий, опиравшегося на веру в чудеса, совершаемые святыми при жизни или после смерти с помощью божества (т. е. на церковную магию), не распространялась у Лютера и его последователей на веру в дьявола и на возможность чудес, совершаемых с его помощью (так называемую черную магию). В своих сочинениях, в особенности в «Застольных беседах», Лютер не раз говорит о дьяволе, о его власти над человеком, об искушениях, которые он готовит человеку, и о необходимости бороться с этими искушениями верой в Христа; притом эти искушения дьявола понимаются им отнюдь не в переносном (аллегорическом) смысле греховных душевных помыслов, а в прямом, реальном значении присутствия злого существа, с которым верующий ведет непрестанную борьбу (Тексты, I, 17). «Власть дьявола, — объяснял Лютер, — гораздо сильнее, чем мы думаем, и только перст божий может помочь верующим противиться ему». «Дьявол хотя и не доктор и не защищал диссертации, но он весьма учен и имеет большой опыт; он практиковался и упражнялся в своем искусстве и занимается своим ремеслом уже скоро шесть тысяч лет. И против него нет никакой силы, кроме одного Христа». «Дьявол подобен птицелову, который ловит и заманивает птиц; потом он им всем сворачивает шеи и душит их, оставляя из них немногих; но тех, кто поет его песенку, он жалует, сажает их в клетку, чтобы они служили приманкой для поимки других... Поэтому кто хочет противиться Сатане, должен быть хорошо вооружен, имея всегда броней и панцирем слово божье и молитву»³⁴.

Можно думать, что немецкий реформатор в молодые годы страдал в прямом смысле галлюцинациями. Так, он рассказывает, что «дьявол сопровождал его на прогулках, в трапезной монастыря, мучил и соблазнял его. С ним были один или два дьявола, которые преследовали его, и были это видимые дьяволы (visirliche Teufel), и когда они не могли одолеть его сердце, они нападали на его голову»³⁵. В этом смысле для духа ортодоксального лютеранства характерно более позднее по своему происхождению апокрифическое сказание, будто дьявол явился искушать Лютера, когда он переводил Библию, скрываясь от преследования «папистов» в замке Вартбург в Тюрингии, и реформатор бросил в него чернильницу: темное пятно на штукатурке лютеровой кельи долгое время считалось чернильным пятном и было по кусочкам выскоблено верующими, посещавшими это памятное место.

Если для католической церкви XVI—XVII веков характерны жестокие преследования и массовые казни еретиков, то церковь протестантская в это время переживала страшную эпидемию ведовских процессов: казни ведьм, под пытками признававшихся в сношениях с дьяволом, — частью знахарок и колдуний, частью истерических женщин, субъективно уверовавших в реальность своих вынужденных показаний, а часто и

³⁴ «Застольные беседы» Лютера. Критическое издание К. Е. Förstemann, 1845. III, стр. 11, 17, 43.

³⁵ Там же, стр. 95.

просто невинных жертв этого массового религиозного психоза. Лишь немногие более просвещенные люди, как Иоганн Вир или Августин Лерхеймер, решались во второй половине XVI века выступать против ведовских процессов, но и те не сомневались в существовании черта и в возможности основанного на его помощи колдовства.

Именно в представлениях этой протестантской среды нигромантия (т. е. черная магия) Фауста должна была превратиться в договор с дьяволом. Характерно, что и Лютер и Меланхтон считают чернокнижника Фауста орудием нечистой силы (Тексты, I, 13 и 17). Меланхтон сопоставляет его с библейским Симоном-магом: Фауст, подобно этому последнему, «пытался в Венеции взлететь на небо, но жестоко расшибся» (Тексты, I, 13 и 15). Все упоминания о Фаусте у Меланхтона, записанные от него непосредственно (1549) или через Манлия (1563), приписывают этому чернокнижнику «чудеса магии», совершенные с помощью дьявола: в Венеции он пытался летать, в Вене «пожрал другого мага, которого спустя немного дней нашли в каком-то месте»; Фауст хвастал, что своими чарами помог императору одержать победу над французским королем в Италии; его повсюду сопровождал пес, «под личиной которого скрывался дьявол» (Тексты, I, 15). Запись Манлия содержит и классический рассказ о гибели Фауста, позднее неоднократно повторявшийся в других источниках (см. стр. 15).

Как безбожник, Фауст для Меланхтона и в моральном отношении сомнительная личность: он был, «помимо всего прочего, негоднейшим вертопрахом и вел столь непристойный образ жизни, что не раз его пытались убить за распутство». Обычно кроткий Меланхтон в рассказе Манлия называет Фауста «гнусным чудовищем и зловонным вместилищем многих бесов». Эти слова повторяет просвещенный лютеранский богослов Лерхеймер, ученик Меланхтона, отвергающий как клевету, оскорбительную для памяти учителей реформации, рассказ народной книги о том, что Фауст был профессором в лютеровском Виттенберге. «Как можно поверить, что человека, которого Меланхтон называл зловонным вместилищем многих бесов, университет произвел не только в магистры, но даже и в доктора теологии? Ведь это навсегда запятнало и опозорило бы и эту степень и это почетное звание!». «Ни дома, ни двора у него ни в Виттенберге, ни в каком ином месте никогда не бывало, жил он как бездомный бродяга, пьянствовал и чревоугодничал, выманивая деньги своими мошенническими фокусами» (Тексты, I, 33). Отметим в этом высказывании социальный момент: Фауст для Лерхеймера был не солидный профессор, не цеховой ученый, а «странствующий школяр» демократического типа, хотя и пытался, по-видимому, подняться выше своего ранга.

Известную симпатию к Фаусту можно искать в других социальных кругах и прежде всего среди его многочисленных адептов. Мы знаем его покровителей в дворянских кругах: в Эрфурте это дворянин Вольфганг фон Денштедт, в доме которого «под Якорем» (zum Ecker) он жил, согласно показанию «Эрфуртской хроники», воспроизведенному народной

книгой 1590 года (Тексты, I, 39; см. ниже, стр. 293); в Франконии — Франц фон Зиккинген (Тексты, I, 1) и дружественная последнему семья Гуттенов (Тексты, I, 11), близкий Гуттенам юрист Даниель Штибар — вюрцбургский патриций и член магистрата города (Тексты, I, 9), епископ Бамбергский Георг III (Тексты, I, 4), по-видимому, также архиепископ Кельнский Герман де Вид, отпавший от католической церкви (Тексты, I, 27), барон Герман ван Бронкхорст в Гельдерне (Тексты, I, 18a), а в конце жизни Фауста — семья рыцарей фон Штауфен в Брейсгау, на верхнем Рейне (Тексты, I, 16). Среди владетельного дворянства, в особенности франконского, в кругу людей, связанных между собою (как показывают исторические документы) семейными и дружескими отношениями и зараженных, подобно Зиккингену и Штауфенам, отчасти в силу некоторой образованности, модным вкусом «ко всему мистическому», Фауст славился в особенности своими гороскопами и удачными предсказаниями. Это отразилось, в соответствии с действительностью, и в народной книге (гл. 18), которая, конечно, приписывает успех его астрологической «практики» непосредственной помощи его демонического спутника.

Характерно, однако, что в отличие от своих более счастливых и знаменитых соперников вроде Агриппы Неттесгеймского Фауст, если судить только по документальным сведениям, не подымается в общественном отношении выше мелкого городского дворянства и бюргерского патрициата, имперских рыцарей и мелких феодальных князей. Покровительство вольнодумствующих князей церкви, епископа Бамбергского и архиепископа Кельнского, представляет вершину его общественной карьеры. Сообщения о его пребывании при дворе императора, французского короля и других более крупных государей имеют легендарный или исторически не достоверный характер.

Необходимо отметить еще две социальные группы, не засвидетельствованные прямым образом в исторических документах, но занимавшие, несомненно, существенное место в бытовом окружении исторического Фауста и сыгравшие большую роль в последующем превращении его истории в легенду. Это, с одной стороны, студенческие круги, с которыми Фауст неизменно связан в литературных отражениях легенды; с другой стороны, те широкие народные массы, мелкие горожане (торговцы, ремесленники) и крестьяне, которые выступают как зрители, слушатели и участники, одним словом — как активный социальный фон его чудесных приключений.

Был ли Фауст профессором в Эрфурте, Виттенберге, Ингольштадте, Гейдельберге, т. е. получил ли он право читать лекции в тех университетах, с которыми его связывает история и легенда, решить невозможно: во всяком случае в официальных документах этих университетов такой факт не зарегистрирован. Однако не случайно Фауст в народной книге постоянно выступает в окружении студентов, которые являются его учениками, адептами, собеседниками и собутыльниками, а народная книга Видмана отсылает нас к записям, циркулировавшим в студенческой среде, как к одному из прямых источников своего рассказа (см. ниже, стр. 288).

Любознательность, соединенная с легковерием, свободомыслие и самостоятельные поиски истины за границами дозволенного схоластической богословской премудростью, свобода от моральных предрассудков и вольные нравы характерны для этой среды. К ней принадлежали (хотя и в более высоком смысле) и прославленный кружок эрфуртских гуманистов, авторов «Писем темных людей» (1517—1519), и, позднее, английский драматург Кристофер Марло, в гениальной обработке которого образ Фауста сделался выражением духовных устремлений и душевной трагедии людей этого типа. Лютер и представители лютеранской ортодоксии одинаково обличали как гуманистов, так и людей, подобных Фаусту, в «эпикуреизме», тщеславии и умственной «дерзости», видя в них жертвы дьявольских соблазнов. Но в представлении адептов из этой студенческой среды, участников не только магических «опытов» Фауста, но и его дружеских пирушек, образ Фауста принимал черты смелого и бесстрашного искателя тайных знаний и запретных путей. Это восприятие личности Фауста отразилось наиболее ярко в «Эрфуртской хронике» и в основанных на ней дополнительных главах народной книги 1590 года (стр. 103 и сл. наст. изд.), в особенности в замечательном рассказе о том, как Фауст читает в университете лекцию о Гомере и по просьбе студентов вызывает тени героев древности.

С народной средой исторический Фауст был связан, как мы видели, реальными условиями жизни «странствующего школяра». Народная книга неоднократно показывает нам своего героя не только при княжеских дворах, на пышных празднествах и пиршествах, но также на постоянных дворах и в городских трактирах, где его действительно видели в свое время Тритемий и Муциан Руф, в крестьянских харчевнях, на ярмарках и просто на большой дороге, потому что, по наивному сообщению Шписа, «у доктора Фауста был обычай, что он ни верхом, ни в повозке, а только пешком являлся туда, куда его звали» (гл. 50): характерная социальная черта, прочно сохранившаяся в традиции народных рассказов о Фаусте, но мало подходящая для чародея, который мог легко переноситься с места на место по воздуху.

В этих рассказах Фауст изображается с добродушным, порою грубоватым народным юмором, характерным для немецких шванков, но без всякого осуждения, скорее даже с некоторой симпатией к его мастерству и проворству, как рассказывается и о проделках (тоже не всегда невинных) другого народного героя — Тила Эйленшпигеля. На Фауста в устной традиции постепенно переносятся, как это происходит и с Тилем, различные бродячие анекдоты фольклорного происхождения, рассказывавшиеся ранее или одновременно и о других подобных кудесниках. Мы знаем эти анекдоты преимущественно в письменных вариантах ученых современников, писавших о магии, — Иоганна Вира (1568), Андреаса Хондорфа (1568), Бенедикта Аретия (1575), Вольфганга Бютнера (1576), Августина Лерхеймера (1585) и др., но это отнюдь не значит, что они только переписывались из одной книги в другую, как нередко склонны были думать немецкие филологи.

Письменные записи фольклора являются лишь свидетельствами живой фольклорной традиции, о существовании которой говорят и перенесение популярного анекдота с одного исторического или вымышленного лица на другое, и частые контаминации традиционных сюжетов, и их видоизменения и варианты, и обесмысление отдельных непонятных подробностей — явления, с которыми мы сталкиваемся неоднократно при сопоставлении народной книги с более ранними письменными источниками (ср. примечания к разделу II).

Эта непрерывно растущая с середины XVI века фольклорная традиция свидетельствует о том, что Фауст становится не только популярным, но и любимым героем народной легенды, гораздо более близким народному воображению, чем его ученые и знатные соперники вроде Агриппы Неттесгеймского или аббата Тритемия. Уже в 1561 году Конрад Гесснер констатирует «особую известность», которую снискал себе «не так давно скончавшийся Фауст» (Тексты, I, 14). Автор «Цаммерской хроники», писавший около 1565 года, т. е. примерно через четверть века после смерти Фауста, говорит, что «этот Фауст за свою жизнь совершил так много чудесных дел, что их хватило бы на сочинение целого трактата» (Тексты, I, 16a). Еще через полстолетия, в 1602 году, вскоре после выхода народной книги, Филипп Камерарий, отец которого Иоахим в 1536 году знал Фауста лично (Тексты, I, 9), писал об этом «маге и шарлатане, запечатлевшемся в памяти наших отцов», что «в народе нет почти человека, который не мог бы привести какого-либо примера, свидетельствующего о его искусстве» (Тексты, I, 35).

Еще при жизни Фауста ходили рассказы о его чудесных проделках, сопровождаемые темными слухами о его связи с нечистой силой. Слухи эти, обычные в отношении людей его профессии, поддерживались, не без намерения, его собственным поведением, бахвальством сверхъестественными знаниями и памятью, способностью творить чудеса (Тритемий), помощью, будто бы оказанной императору (Меланхтон), и т. п. Невинная шутка с чужеземными птицами, как уже было сказано, могла позднее припомниться суеверному Гаусту как чертовщина: дрессированная собака, о которой рассказывают Гауст и Меланхтон—Манлий, по примеру того, что уже говорилось о других кудесниках, — показаться личиной дьявола. Даже просвещенный Вир (Тексты, I, 13) приводил позднее (1568), когда связь кудесника Фауста с чертом была уже для всех несомненна, в качестве доказательства его вины случай с доктором Иоганном Дорстеном, капелланом в городе Батенбурге, человеком «добрейшим и простодушнейшим», которому Фауст открыл «чудодейственное средство снимать бороду без бритвы», в результате чего у него не только волосы выпали, но заодно сошла и кожа с мясом». Еще более убедительным показалось ему, что, встретив одного знакомого человека со смуглым цветом лица и черной бородой, Фауст сразу же сказал ему (вероятно, не без специального намерения): «До того ты похож на моего ку-манька, что я даже посмотрел тебе на ноги, не увижу ли длинных когтей».

К ранним рассказам о чудесах Фауста относится и анекдот о том, как, обидевшись на негостеприимный прием, оказанный ему в монастыре, он наслал монахам «неистового беса» (Poltergeist), от которого монастырской братии «не было покоя ни днем, ни ночью». Анекдот этот встречается в разное время у Гаста (1548) и в «Циммерской хронике» (около 1565 года), в последней с локализацией в монастыре Люксгейм в Вогезах (Тексты, I, 12а и 166). Он имеет фольклорное происхождение и широкое распространение в средневековой литературе.

Решающим импульсом для дальнейшего развития легенды явился рассказ о гибели Фауста, унесенного дьяволом в ад за его грехи. Исторический Фауст умер около 1540 года. В 1536 году Иоахим Камерарий пишет о нем своему другу Даниэлю Штибару в Вюрцбург, где Фауст в это время постоянно встречается со своим адептом (Тексты, I, 9). В 1539 году врач Филипп Бегарди, рассказывая о похождениях Фауста, еще ничего не упоминает о его смерти (Тексты, I, 10). Иоганн Вир (1568) относит его деятельность ко времени «незадолго до 1540 года» (Тексты, I, 18). «Циммерская хроника» упоминает о его смерти после 1539 года (Тексты, I, 16). Гаст, знавший Фауста лично, первый из современников говорит о нем как об умершем в 1548 году (Тексты, I, 12).

Французская исследовательница Женевьева Бьянки высказывает предположение, что Фауст погиб в результате какой-нибудь неожиданной катастрофы, поразившей воображение современников, например «взрыва его лаборатории»³⁶. Эрнх Шмидт вспоминает внезапную смерть Парацельса во время пирушки от апоплексического удара, также вызвавшую толки³⁷. Во всяком случае уже Гаст рассказывает о том, что «злосчастный погиб ужасной смертью, ибо дьявол удушил его. Тело его все время лежало в гробу ничком, хотя его пять раз поворачивали на спину» — в дальнейшем прочная черта легенды, основанная на народных суевериях (Тексты, I, 12). Но классическую форму рассказу о гибели Фауста дает, как уже было сказано, Меланхтон в переложении Манлия, за которым следуют другие лютеранские авторитеты по вопросам чернокнижия — Вир (1568), Хондорф — с прямой ссылкой на Манлия (1568), Лерхеймер (1585; подробнее, со ссылкой на Меланхтона, 1597), Филипп Камерарий (1602 — со ссылкой на Вира) (Тексты, I, 18, 19, 29, 33, 35).

Согласно версии Меланхтона—Манлия, Фауст погиб в одном селении в Вюртемберге. По-видимому, подразумевается Книтлинген, место его рождения, локализация, подтверждаемая в более позднее время местным преданием (Тексты, I, 38а). Большей вероятностью отличаются, однако, сведения «Циммерской хроники», согласно которой Фауст умер в старости в городе Штауфене в Брейсгау, где он проживал в течение последних лет своей жизни (Тексты, I, 166). Известие это соответствует другим много-

³⁶ Geneviève Bianquis. Faust dans l'histoire, dans la légende et dans la littérature. Revue des cours et Conférences, 1933, N 2, стр. 103. — Ср. также: Geneviève Bianquis. Faust à travers quatre siècles. Paris, 1935.

³⁷ Erich Schmidt. Faust und das sechzehnte Jahrhundert, S. 13.

численным указаниям на связь Фауста в эти последние годы с рейнскими областями, где у него было много адептов среди местного дворянства. Составитель хроники также передает как слух, что Фауст «погиб ужасной смертью»: «Многие полагали, основываясь на различных свидетельствах и рассказах, что нечистый, которого он всегда называл куманьком, умертвил его».

Народная книга Шписа переносит место трагической кончины своего героя, в соответствии с общей тенденцией составителя, в деревню Римлих в окрестностях Виттенберга (гл. 67). Лерхеймер выступает со своей стороны в защиту локализации своего учителя Меланхтона, т. е. локализации в Вюртемберге, а не в Виттенберге, видя в этом смещении созвучных географических названий лишнее доказательство невежества автора народной книги. По сообщению Лерхеймера, названной этим автором деревни в окрестностях Виттенберга не имеется (Тексты, I, 33). Позднее, по сведениям путешественников, говорили, будто Фауст погиб в деревне Праттау, близ Виттенберга (Тексты, I, 36).

Как уже было сказано, лютеранские ревнители веры следуют авторитетному примеру Меланхтона—Манлия не только в своих проклятиях Фаусту как чернокнижнику, продавшему душу дьяволу: они повторяют его и в своих рассказах о чудесах знаменитого чародея. Так, вслед за Меланхтоном они сообщают известие о неудачном полете Фауста в Венеции и сопоставляют его с Симоном-магом (Мейгериус, 1587; Тексты, I, 30в) или рассказывают анекдот о двух магах, которые в Вене пожрали друг друга (Хондорф, 1568; Тексты, I, 19). Лерхеймер, полемизируя с народной книгой Шписа, сознательно опирается на традицию Меланхтона—Манлия, повторяя все рассказы последнего (Тексты, I, 33); точно так же поступают Бютнер и Штейнгарт в компилятивном «Собрании достопамятных историй и примеров» («Eritome historiarum», 1596)⁸⁸.

Студенческая традиция, по свидетельству «Эрфуртской хроники» (Тексты, I, 396), приурочила к Эрфуртскому университету рассказ о том, как Фауст показал студентам тени героев древности (уже около 1560 года). Тот же рассказ в более позднее время локализуется в Виттенберге, где событие это происходит в присутствии знатных особ и вызывает осуждение Лютера (Бютнер, 1576; Тексты, I, 246). В дальнейшем он переносится и в городскую среду, в Нюрнберг (Станислав Сарниций, 1587; Тексты, I, 31).

Но клерикальная лютеранская литература 1570—1580-х годов, непосредственно предшествующая и одновременная народной книге Шписа, содержит и новые темы, более демократического характера, почерпнутые из устной народной традиции, из бродячих анекдотов фольклорного типа, комических шванков, которые рассказывались прежде о колдовских проделках других, иногда безымянных, иногда носящих забытое имя, «бродячих школяров» и чернокнижников низшего социального ранга. Еще Лютер в своих застольных беседах любил приводить подобные рас-

⁸⁸ См.: Tille, № 46, стр. 86 и сл.

сказы фольклорного происхождения для морального назидания, как предостережение прогив обольщений дьявола (Тексты, I, 17). Из «ученых» трактатов богословского характера, написанных против ведовства, рассказы эти поражают в обширные компиляции, преследовавшие одновременно с обличительными несомненно и развлекательные цели и пользовавшиеся потому известной популярностью, вроде анонимного «Theatrum de veneficis» («Зрелище колдовства», 1586)³⁹ или несколько раз переиздававшейся «Epitome Historiarum» Вольфганга Бютнера (1576 и сл.). В этих трактатах и компиляциях мы находим уже с приурочением к Фаусту широко распространенный анекдот о том, как чернокнижник продает табу лошадей или стадо свиней, которые у водопоя превращаются в связки соломы, и продолжающий его другой анекдот, как рассерженный покупатель (или просто займодавец, обычно еврей), нечаянно вырвав ногу у притворившегося спящим продавца (или должника), в страхе обращается в бегство, не получив обратно своих денег (Аретий, 1575; Тексты, I, 22); или шванк о чародее, который умиротворяет раскричавшихся в трактире пьяных крестьян, с помощью своих чар заставляя их сидеть неподвижно с открытыми ртами (Веккер, 1582, и Лерхеймер, 1585; Тексты, I, 26 и 33). Рассказывается о том, как Фауст проглотил уже не другого мага, а мальчишку, плохо прислуживавшего ему в трактире, запив его кадкой воды, а потом несчастного нашли в углу комнаты за печкой, совершенно промокшего (Лерхеймер, 1582; Тексты, I, 29а). Упоминаются неоднократно его волшебные полеты по воздуху (Бютнер, 1576; Тексты, I, 24а); в частности, как в народной книге, он совершает такой полет, чтобы угостить своих спутников вином из погреба епископа Зальцбургского, и заставшего его за этим делом келаря сажает в лесу на вершину сосны (Лерхеймер; Тексты, I, 29б). Назойливых гостей он потчует виноградом, вырастающим из крышки стола, и отуманивает их разум, так что они хватают друг друга за носы, думая, что держатся за сочную виноградную кисть (Филипп Камерарий, 1602; Тексты, I, 35).

Существуют и анекдоты местного характера: о полете Фауста верхом на винной бочке из Ауэрбаховского погреба в Лейпциге, приуроченный значительно более поздней традицией к 1525 году (Тексты, I, 5), или о том, как он проезжал в Эрфурте по узкому переулку, до сих пор носящему его имя, верхом на огромном бревне, в которое впряжено было четыре коня, когда же повстречавшийся ему августинский монах (предание отождествило его с Лютером) заклил его именем божьим, то бревно обратилось в соломинку, а кони — в петухов (Тексты, I, 39, прим.).

Эта фольклорная традиция, распространявшаяся устным и письменным путем, была почти целиком использована составителем первой народной книги о Фаусте⁴⁰.

³⁹ Tille, № 31.

⁴⁰ Личность исторического Фауста в обстановке его времени пытались воссоздать немецкий романист Арним в романе «Стражи короны» («Die Kronenwächter», 1817) и Валерий Брюсов в романе «Огненный ангел» (1908). В новейшее время ср. сценарий к опере Ганса Эйслера «Иоганн Фаустус», где Фауст изображается на фоне

3

Народная книга о Фаусте вышла в свет во Франкфурте-на-Майне в 1587 году в издании книгопродавца Иоганна Шписа. Франкфурт, как сообщает Царнке⁴¹, был в это время главным центром по изданию популярной повествовательной литературы (так называемых народных романов). Издательство Шписа тоже печатало такую литературу одновременно с книгами богословского характера в духе ортодоксального лютеранства. Эти две тенденции, развлекательная и поучительная, определили и содержание народной книги о Фаусте.

В посвящении к своему изданию Шпис ссылается на «всемирно известное пространное предание (Sage) о разных похождениях доктора Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника», которое существует уже много лет, и «повсюду на собраниях и пирушках люди любопытствуют и толкуют о судьбе упомянутого Фауста». Рассказывают о нем и «некоторые новейшие историки» (под ними Шпис, очевидно, понимает ученых богословов типа Лерхеймера, Вира и т. п.), однако в связной форме, «по порядку», до сих пор никто еще не излагал его историю. В результате расспросов издатель получил текст этой истории от «одного доброго знакомого из Шпейера» и теперь печатает его в «назидание всем христианам как устрашающий пример дьявольского соблазна на пагубу тела и души» (стр. 35).

С другой стороны, в последних главах книги сообщается, будто Фауст, завещав свое имущество ученику своему и слуге (фамулусу) Кристофу Вагнеру, который был его помощником в делах черной магии, разрешил ему после его смерти «записать и изложить» его жизнь и деяния «в виде истории» (гл. 61), что Вагнер в дальнейшем и сделал (гл. 68). Кроме того, после смерти Фауста была якобы найдена другая книга, содержащая «эту историю», составленную им самим «целиком, кроме его кончины», которая была добавлена присутствовавшими при этом событии «студентами и магистрами» (гл. 68).

Пространное заглавие народной книги Шписа поддерживает фикцию, будто она извлечена большей частью «из его [Фауста] собственных посмертных сочинений».

Ссылка на «источник», восходящий одновременно и к самому Фаусту и к его верному ученику Вагнеру, единственному свидетелю всех его тайных дел, представляет, разумеется, обычный уже в средневековой литературе прием подтверждения авторитетности и исторической достоверности вымышленного текста. Однако в книге Шписа встречаются также ссылки на другие источники, может быть, более реальные. Так, путешествие Фауста по звездам (гл. 25) написано в форме письма, будто бы адресован-

исторических событий крестьянской войны 1525 года (Johann Faustus Eine Oper von Hans Eisler Berlin, 1952),

⁴¹ Z a n k e, стр. 289.

ного его «доброму приятелю, Ионе Виктору, медику в Лейпциге», который учился с ним вместе в Виттенберге (этот медик упоминается как действующее лицо и в народной книге о Вагнере, и в позднейшей редакции Видмана). Путешествие Фауста в ад (гл. 24) также описано было самим чародеем, «и это писание было найдено после его смерти на листке, написанном им собственноручно и вложенном в книгу, в которой он и оставался». «Жалобы» Фауста перед смертью на свою горемычную долю, которых в книге приводится три, параллельные по содержанию (гл. 63, 64 и 66), будто бы были записаны им самим, «для того чтобы не позабыть их» (гл. 63). В рассказе «об ужасной, устрашающей кончине доктора Фауста», составленном свидетелями этой кончины, «студентами и магистрами» (гл. 67 и 68), особо выделена его предсмертная речь, озаглавленная по-латыни «Oratio Fausti ad Studiosos» (гл. 68). Вполне вероятно, что и в этих случаях мы имеем дело с таким же литературным вымыслом, подтверждающим «достоверность» наиболее чудесных происшествий книги. Однако возможно также, что интерес к «истории» Фауста вызвал спекуляцию его мнимыми «автографами», которые распространялись в рукописных копиях в университетской среде (как впоследствии приписывается Фаусту книга магических заклинаний «Fausts Höllenzwang»). Эти мнимые автографы и были началом литературной обработки отдельных эпизодов сказания, использованной составителем первой народной книги.

В пользу последнего предположения говорит и свидетельство Г.-Р. Видмана, автора более поздней обработки народной книги о Фаусте (Гамбург, 1599), содержащей ряд эпизодов, которые отсутствуют в книге Шписа (см. ниже, стр. 302). В латинском посвящении к своему изданию⁴² Видман критикует своего предшественника за то, что сочинение его было составлено несколько поспешно и не содержит «всей истории». «Хотя повесть и рассказы о дерзком и безбожном муже Иоганне Фаусте, — поясняет Видман, — произошли и имели место много лет назад и о них было немало толков среди людей, тем не менее до сих пор они еще не существуют в правильном виде, так как в течение долгого времени они находились под спудом у студентов, и если и были извлечены поспешным образом из писем тех, кто окружал Фауста, как-то Томаса Вольхальта, Томаса Хамера, Кристофа Хейлингера, Каспара Мойра, Фридриха Бронауера, Габриэля Реннера, Иоганна Виктора и др., писавших о том своим друзьям и знакомым, как и сам доктор Фауст приказал своему слуге, которому он завещал свое добро и наследство, Иоганну Вейгеру по имени, усердно описать все, касающееся его деяний, жизни и поведения, однако все же правдивая история (die wahrhafte Historia) названного Фауста до сих пор еще не выходила в свет в правильном виде». Теперь же эта «безусловно правдивая история» находится в руках Видмана «в правильном оригинале» (die recht wahrhafte Historia, im rechten Original), и он печатает ее в таком виде для предостережения и в назидание читателя.

⁴² Kloster, II, стр. 260—261,

В дальнейшем течении повествования Видман в ряде эпизодов ссылается на названные им источники — на свидетельство ученика Фауста, которого в отличие от Шписа он называет не Кристофом Вагнером, а Иоганном Вейгером, и на записи и письма названных выше лиц: например, в гл. IV на магистра Томаса Вольхальта из Торгау, в гл. XXVI—XXVII на письмо саксонца магистра Каспара Мойра из Лора к двум его эрфуртским друзьям, и т. д.

Такие точные указания на имена и местожительство «свидетелей» вряд ли могут быть целиком вымышленными: они подтверждают предположение о существовании апокрифических письменных источников, которыми пользовались составители народной книги; источники эти возводили себя к лицам из ближайшего окружения исторического Фауста, преимущественно ученым людям, «студентам и магистрам», и ссылались на авторитет этих мнимых свидетелей и участников описываемых происшествий.

Вопрос об источниках народной книги о Фаусте весьма существенно подвинулся благодаря открытию в конце XIX—начале XX века трех ранее неизвестных рукописей, непосредственно связанных с предисторией этой книги.

В 1892 году библиотекарь Густав Мильхзак опубликовал открытую им в Вольфенбюттельской библиотеке рукопись XVI века, представляющую вариант печатной народной книги Шписа⁴³. Текст вольфенбюттельской рукописи весьма близок к тексту народной книги, но вместе с тем в деталях он отклоняется от него так, что заставляет предполагать для них общий более ранний письменный источник. В рукописях есть место, отсутствующее в народной книге, содержащее пророчество о Варфоломеевской ночи (1572); использование в обеих редакциях, рукописной и печатной, некоторых ученых публикаций того времени заставляет отнести этот общий источник к концу 1570-х годов.

В предисловии, которое не совпадает с предисловием Шписа, составитель называет свою «историю» — «переводом» («Dolmetsch»; по «многочкратным просьбам» своих будущих читателей он «перевел» историю безбожного чародея «с латинского языка на немецкий». «Думается мне, — пишет он, — что она до сих пор никогда еще не появлялась на немецком языке». Ссылки на латинские источники, нередко вымышленные, также обычны в средневековой литературе: латинский источник в глазах средневекового читателя подымал «ученый» авторитет книги. Однако рассуждение переводчика о том, по каким причинам до сих пор никто не решился обнародовать на немецком языке «соблазнительную» историю похождения безбожного Фауста, могло соответствовать вполне реальным соображениям цензурного порядка; а ряд неуклюжих латинизмов, отмеченных исследователями в тексте книги, хотя и не столь необычных у писателей XVI века, может быть, подтверждает предположение некоторых

⁴³ «Historia D. Johannis Fausti des Zauberers, nach der Wolfenbüttler Handschrift, nebst dem Nachweis eines Teils ihrer Quellen, herausg. v. Gustav Milchsack». Wolfenbüttel. 1892. Рег.: Georg Witkowski. Euphorion, Bd. V, 1898, стр. 741—753.

немецких исследователей о существовании латинского первоисточника народной книги⁴⁴. Тем не менее вопрос о существовании латинского «Фауста» и в настоящее время остается спорным.

Из двух дополнительных эпизодов, содержащихся в вольфенбюттельской рукописи и отсутствующих у Шписа, один (гл. 62) представляет особый интерес. Он имеет заглавие: «О человеке, который находился в плену в Турции, как жена его вышла замуж, и доктор Фауст ему о том сообщил и уладил это дело». Глава эта является вариантом широко распространенного в средневековой литературе рассказа о неожиданном возвращении мужа, находившегося в долголетней отлучке, в плену или в путешествии, в день свадьбы его мнимой вдовы с другим человеком («муж на свадьбе своей жены»). Возвращение мужа в рассказах этого рода почти всегда совершается чудесным образом: здесь — с помощью Мефистофеля, по желанию Фауста, дружившего в школьные годы с пленным дворянином. Характерно перенесение на популярную личность кудесника Фауста широко распространенного «бродячего сюжета» — по признаку чудесного характера возвращения, которое во многих версиях этого сказания совершается с помощью колдовских чар. Об источниках этого рассказа свидетельствует еще то обстоятельство, что дворянин отправляется «в Турцию и в Святую землю» по обету, что было понятно в эпоху крестовых походов, когда этот сюжет получил широкое распространение в европейских литературах, а не во времена Фауста. Примечательно, что эпизод этот, отсутствующий у Шписа, имеется у Видмана (ч. II, гл. 20)⁴⁵. Это обстоятельство доказывает, что Видман действительно располагал для дополнительных глав своей книги источниками, не зависимыми от Шписа и восходящими к общему прототипу рукописной и печатной редакции.

Таким образом, публикация Мильхаака раздвинула перспективу литературной истории народной книги в ее первоначальной рукописной форме. Одновременное открытие Вильгельмом Мейером в рукописном сборнике 1575 года, хранившемся в библиотеке г. Карлсруэ, четырех «Нюрнбергских рассказов о Фаусте»⁴⁶ явилось существенным свидетельством в пользу существования устной традиции легенды, также отложившейся в дальнейшем в народной книге.

Составитель этого сборника Кристоф Россхирт Старший (Christoff Rosshirt der Elter), нюрнбергский гражданин, учился в Виттенберге в 1536—1542 годах, во времена Лютера и Меланхтона, потом, по возвращении на родину, служил учителем при церкви св. Себальда и умер в своем родном городе в 1586 году. Составленный им около 1575 года сборник

⁴⁴ См. в особенности: Robert Petsch. Die Entstehung des Volksbuches vom Doktor Faust. Germanisch-romanische Monatschrift, Jhg. 3, 1911, стр. 214 и сл., и его издание народной книги Шписа в серии «Neudrucke deutscher Literaturwerke des 16. u. 17. Jhs.» (№ 7a, 2 Auflage, Einleitung, стр. XVIII и сл.).

⁴⁵ См.: Klostet, II, стр. 622—625. См.: «Тексты», II, стр. 109—111.

⁴⁶ Wilhelm Meyer (aus Speyer). Nürnberger Faustgeschichten. Abhandlungen der philol. histol. Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XX. Abt. II. München, 1894, стр. 325—402.

предназначался, по-видимому, для семейного чтения. Он иллюстрирован собственными плохими картинками составителя и простенькими гравюрами, вырезанными из популярной назидательной книги «Цветы добродетели», и содержит, кроме серьезной дидактической литературы (копия «Застольных бесед» Лютера и др.), ряд занимательных и поучительных рассказов, значительную часть которых составляют анекдоты о знаменитых чернокнижниках (например, об Альберте Великом и др.).

Россхирт включил в свой сборник четыре рассказа «о докторе Георгии Фаусте, чернокнижнике и чарошее» («Vom Doctor Georgio Fausto dem Schwarzkünstler und Zauberer»). два первых — в двух редакциях, краткой и распространенной. В первом рассказе Фауст угощает своих друзей роскошными яствами со свадебного стола английского короля; по желанию гостей они вместе совершают воздушный полет на королевскую свадьбу, попадают в тюрьму как соглядатаи и с помощью Фауста спасаются по воздуху, держась за волшебное полотенце. Второй рассказ содержит известный анекдот о еврее-заимодавце и вырванной ноге, третий — о проданных свиньях, обратившихся на водопое в связки соломы. В четвертом повествуется о последней ночи, которую Фауст проводит в трактире, и о его гибели, в соответствии с легендой; в рассказ введен эпизод о столкновении Фауста с пьяными крестьянами, которые по слову чародея остаются сидеть с открытыми ртами. Все эти анекдоты засвидетельствованы в различных вариантах в народной книге о Фаусте (гл. 37—39, 42—43) и в предшествующей литературе как о нем, так и о других чернокнижниках. В первом и последнем мы имеем контаминации двух разных сюжетов, что характерно для устной традиции; такую же контаминацию содержит в последнем случае и более поздний рассказ Лерхеймера о гибели Фауста (Тексты, I, 33). Наличие двух разных редакций одного анекдота показывает, что Россхирт свободно пересказывает слышанное.

Первый рассказ Россхирта отнесен к Ингольштадту, где Фауст в то время «читал лекции студентам по философии и гиромантии»: обстоятельство, показывающее, что та же локализация у Видмана имела устную традицию. Такой же характер имеет изречение Фауста перед волшебным полетом: «Помою руки в Англии, и вытрем их в Ингольштадте», которое с другим приурочением приводится Бютнером (1576): «Ну, теперь, повевши, вымойте руки [в Гальберштадте], а вытрем мы их уже в Любеке» (Тексты, I, 24).

Второй рассказ (о еврее-заимодавце) приурочен к франкфуртской ярмарке; действие третьего происходит в трактире в Бамберге и разукрашено многими бытовыми деталями (хозяин и хозяйка трактира участвуют в покупке стада свиней, которое Фауст уступает им по более дешевой цене за наличный расчет); в четвертом — место гибели Фауста не названо. Любопытно, что имя Фауста у Россхирта не Иоганн (как в народной книге и в большинстве позднейших источников), а Георгий, как в первых документальных свидетельствах. Несомненно, что Россхирт не привез эти рассказы из Виттенберга, а пользовался какой-то местной (южной) и во всяком случае устной традицией. Его записи являются свидетельством уст-

ного распространения фольклорной версии сказания в городской среде. Третья публикация принадлежит историку литературы Зигфриду Шаматольскому. Она устанавливает литературный источник так называемых эрфуртских глав, являющихся дополнением третьего издания народной книги Шписа (1590)⁴⁷. Из пяти глав, рассказывающих о пребывании Фауста в Эрфурте (Тексты, II, стр. 102 и сл.)⁴⁸, первые две повествуют о том, как он читал лекции в университете: во время лекции о Гомере он показывает своим слушателям героев древности и в споре с другими профессорами берется «обнародовать» потерянные сочинения Теренция и Плавта. О пребывании Фауста в Эрфурте сообщает гуманист Муциан Руф в 1513 году (Тексты, I, 3); похвальбы Фауста, касавшиеся других древних авторов, Платона и Аристотеля, слышал Тритемий (Тексты, I, 1). Лерхеймер, как и другие современники, объяснял такую чудесную ученость и память помощью дьявола (см. ниже, стр. 388, прим. 4). Как мы уже говорили, эти рассказы возникли, вероятно, в университетской среде и характерны для гуманистических интересов Эрфуртского университета.

Две последующие главы имеют бытовой характер; они рассказывают о веселой жизни Фауста в Эрфурте на Слесарной улице (Schlossergasse) в доме «под Якорем» (zum Ecker), принадлежавшем одному дружески расположенному к Фаусту дворянину, и о том, как он забавлял этого дворянина и его друзей различными волшебными проделками (полет по воздуху в одну ночь из Праги в Эрфурт, роскошный пир с яствами, доставленными духами из далеких стран). Во второй из этих глав особенно важен эпизод, когда Фауст выбирает себе в слуги духа «самого проворного» — того, кто «быстр как мысль человека». Сцена испытания духов войдет в дальнейшем из народной книги, минуя трагедию Марло, в немецкую народную драму и кукольную комедию и оттуда в сцену из «Фауста» Лессинга (Тексты, V, 2).

Последняя глава содержит рассказ о неудачной попытке одного августинского монаха, доктора Клинга, наставить Фауста на путь истины и заставить его отречься от дьявола; попытка эта не имела успеха и закончилась тем, что ректор университета и городской совет изгнали нераскаянного грешника из Эрфурта.

Более краткое изложение тех же фактов дает значительно позже эрфуртский магистр Мотчман в своей книге, посвященной ученым древностям Эрфурта («Erfordia literata», 1735). Можно было бы предположить, что Мотчман пересказывает народную книгу, хотя сам он ссылался на более раннюю эрфуртскую хронику (Тексты, I, 39). Эта рукописная хроника была открыта и в частях, касающихся Фауста, опубликована Шаматольским («Chronica von Thüringen und der Stadt Erfurt»). Она составлена в середине XVII века магистром Захарием Вторым (Magister Zacharias Hugel II, 1611—1677). По своему тексту она настолько близко совпадает

⁴⁷ Siegfried Szamatolski. Faust in Erfurt. Euphorion, Bd. II, 1895, стр. 39—57.

⁴⁸ См.: «Das Volksbuch vom Doktor Faust, nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung, herausg. v. Josef Fritz». Halle, 1914, стр. 91—101.

с эрфуртскими главами, что либо заимствована из них, либо имеет с ними общий, более ранний источник. Шаматольский установил, что такой источник действительно существовал, хотя и не дошел до нас: это «Эрфуртская хроника» Килиана Рейхмана, составленная в 1550-х годах и продолженная затем его шурином (Schwager) Вамбахом.

Монах-августинец доктор Клинг — лицо историческое. Он был известен как яростный противник лютеранства и умер в 1556 году. Дом «под Якорем» на Слесарной улице существует в Эрфурте до сих пор. Его владельцем был в то время дворянин Вольфганг фон Денштедт. Хогель называет его «папистом» (т. е. католиком) — отсюда связь его семьи с доктором Клингом. Как установил Шаматольский, Вамбах совершил в 1556 году (т. е. в год смерти доктора Клинга) путешествие в служебных целях из Эрфурта в Шмалькальден в обществе некоего дворянина Георга фон Денштедта. Весьма вероятно предположение Шаматольского, что от этого дворянина, члена семьи Вольфганга фон Денштедта, Вамбах и услышал записанные им рассказы о приключениях Фауста в доме «под Якорем» и о докторе Клинге, уже разукрашенные устным преданием.

Редактор издания 1590 года, может быть сам Шпис, дополнил свои сведения о Фаусте из этого литературного источника.

Народная книга Шписа состоит из 68 глав и разделена на три части. Первая часть открывается историей жизни Фауста, от его рождения до отпадения от бога и договора с дьяволом (гл. 1—8); заключительные главы третьей части, образующие самостоятельный раздел, повествуют о его гибели по истечении срока договора (гл. 60—68). Эта биографическая рамка образует завязку и развязку романа, между которыми нанизана цепь эпизодов жизни и деяний Фауста в течение 24 лет, которые отмерены ему договором. Первые две части содержат «ученые» беседы Фауста с Мефистофелем, «его духом» («диспуты» и «вопросы», как называет их составитель), об аде и злых духах, о сотворении мира и его устройстве (космогония и космология, астрономия и метеорология в средневековом богословском освещении); за ними следуют «путешествия» Фауста — сперва в ад и в звездные сферы (по толкованию автора — воображаемые), затем по городам Германии, христианской Европы и мусульманского Востока, с кратким перечислением их достопримечательностей, заканчивающиеся видением земного рая, охраняемого херувимами, которое открывается перед Фаустом с высокой горы на «острове» Кавказ. Третья часть состоит из анекдотов о бродячей жизни Фауста, повествующих о приключениях странствующего кудесника при дворах знатных, в кругу приятелей (преимущественно студентов) и на большой дороге, на ярмарках, в городских и деревенских трактирах. Упомянется (гл. 52) неудачная попытка одного благочестивого старца вернуть Фауста на путь праведный, за которой следует вторичный договор, окончательно отдающий грешника во власть дьявола (гл. 53). Последний грех Фауста, совершенный на 24-й год его беспутной жизни, — его сожительство с греческой Еленой (или, вернее, с дьяволом, принявшим ее облик), после того как он значительно ранее уже вызывал ее тень по просьбе своих друзей студентов (гл. 49). От Елены у него рождается

сын Иустус Фауст, наделенный чудесным даром (унаследованным от матери-демона) предвидеть будущее. После гибели Фауста мать и сын таинственно исчезают.

Эта основная для автора, как и для читателя, часть книги — рассказ о чудесных приключениях знаменитого чернокнижника — построена по традиционному типу авантурных романов, представленных в немецкой демократической литературе такими собраниями шванков, нанизанных на образ популярного народного героя, как «Тиль Эйленшпигель», «Поп Калленберг» и др. Каждое звено в этой цепи эпизодов могло иметь различное происхождение, фольклорное или литературное, легко вынималось, вставлялось или заменялось другим; число их от издания к изданию постепенно нарастало, соответственно желанию составителя удовлетворить растущее любопытство читателей; при этом неизбежны были повторения сходных эпизодов и контаминации. Отличие «Фауста» от других романов этого типа состояло главным образом в наличии поучительных глав (части I—II) наряду с чисто развлекательными (часть III).

Эти два основных раздела народной книги имеют разные источники. Ученая часть (I—II) должна была показать те запретные знания о природе вещей, которые открыло знаменитому чернокнижнику общение с духами, и одновременно удовлетворить любознательность читателя XVI века рассказом о тайнах мироздания. Понятно, что возможности составителя были в этом отношении ограничены его собственным уровнем знаний, очень невысоким, никак не соответствовавшим той эпохе великих научных открытий, современником которых был исторический Фауст. Космогония Мефистофеля основана на библейских понятиях в их средневековом истолковании; его космология — также целиком средневековая, предшествующая Копернику; впрочем и Лютер, ссылаясь на Библию, отвергал учение Коперника как ересь⁴⁹.

«Ученые» источники народной книги в настоящее время в точности установлены⁵⁰. Сведения ее автора по демонологии, космографии и метеорологии восходят в основном к широко популярной средневековой латинской энциклопедии «*Elucidarius*» (Франкфурт, 1572), известной и в средневековой русской литературе (под названием «Люцидарий»); дополнением служила «Мировая хроника» Шедела (Нюрнберг, 1493), начинающаяся, как обычно средневековые сочинения этого рода, с сотворения мира и падения ангелов. Оттуда же, с сохранением порядка и подробностей, заимствованы каталоги городов и описание их достопримечательностей (гл. 26). Только два эпизода вставляет автор от себя: приключения Фауста при дворе римского папы и в гареме турецкого «императора», слу-

⁴⁹ См.: Erich Schmidt. Faust und Luther, стр. 577, прим. 2.

⁵⁰ См.: Georg Ellinger. Zu den Quellen des Faustbuches von 1587. Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte. NF., I, 1887—1888, стр. 156—181. — Zu den Quellen des ältesten Faustbuches. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte. Bd. I, 1888, стр. 161—195. — Michsack, стр. XXII и сл. — Сводку дают примечания Р. Петча к его изданию народной книги Шпенса «Die wichtigsten Quellen» (стр. 158—235). Ср. также: Robert Petsch, I. c., стр. 207—235.

жащие к поруганию этих двух злейших, по Лютеру, врагов христианства (стр. 65, 69 и сл.). Из двуязычного латинско-немецкого и немецко-латинского словаря Дасиподия (Dasypodius, «*Dictionarium Latino-Germanicum et vice versa Germanico-Latinum*», 1537), также содержащего различные сведения энциклопедического характера, извлекается экзотическая обстановочность волшебных празднеств, которые Фауст устраивает для своих покровителей или гостей: длинные списки кушаний — дичи, птицы, рыбы (гл. 44а и прим. 55) — или *услаждающих слух музыкальных инструментов*, нередко сохраняющие алфавитный порядок оригинала (гл. 8 и прим. 10)⁵¹. Компильацией из письменных источников является и глава, в которой Мефистофель сыплет пословицами и поговорками, попрекая Фауста за содеянные им грехи (гл. 65): несмотря на свой сочный идиоматизм, она опирается на сборники немецких пословиц, пользовавшиеся большой популярностью в литературе XVI века⁵².

Совершенно иной характер имеют приключения третьей части: прямо или косвенно они восходят к устной традиции, к тому, что рассказывалось в немецком народе о знаменитом чародее. Разумеется, и здесь составитель мог найти кое-что в ученых сочинениях о ведовстве, но и записи его предшественников в конечном счете восходили к фольклорной традиции, а пример «Нюрнбергских рассказов» Россхирта свидетельствует о ее богатстве и распространенности. При этом, как уже было сказано, анекдоты о Фаусте бытовали в разных социальных группах, с которыми он соприкасался в своей жизни, — как среди образованных, так и среди простых людей, и в первом случае могли иметь и книжные источники. Характерно, что приключение Фауста как некроманта при дворе императора (гл. 33) переносится на него с аббата Тритемия, а сцены со студентами, наряду с кутежами, вводят античную тему заклинания героев древности или греческой Елены (в особенности в эрфуртских главах). Но главная масса рассказов восходит к демократической фольклорной традиции, развитие которой прослеживается по записям 1570—1580-х годов вместе с ростом всенародной популярности знаменитого чародея.

Литературная самостоятельность автора народного романа выступает наиболее ярко в биографическом обрамлении повествования, которое создает реалистическое для своего времени бытовое и психологическое опосредствование народного предания. Гибель Фауста автор перенес из глухой вюртембергской харчевни, о которой рассказывали Меланхтон и его ученики, в общество друзей и адептов Фауста, студентов и магистров Виттенбергского университета, с которыми он был связан много лет. Перед ними он произносит свою прощальную покаянную речь, и они же являются очевидцами его страшной кончины и рассказывают о том, что сами видели, в дополнение к жизнеописанию, найденному ими в кабинете своего учителя. Предварительно Фауст составляет завещание, поручая своему

⁵¹ См.: Adolf Bauer. Zu den Quellen des ältesten Faustbuches. 4. Dasypodius Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, 1888, стр. 194

⁵² Ludwig Frankel u. Adolf Bauer. Entlehnungen im ältesten Faustbuch. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. IV, 1891, стр. 361—383.

ученику Вагнеру написать историю его жизни. Приводятся предсмертные «жалобы» Фауста в «подлинном» тексте, записанные им самим, может быть — на основе апокрифических письменных источников. Все это должно содействовать житейскому и психологическому правдоподобию невероятных происшествий, описанных в книге.

Такой же характер носит новый бытовой эпизод, который составитель вводит в биографию Фауста сразу же после договора (гл. 10). Фауст хочет жениться. Дьявол, однако, «враг законного брака», и он угрозами заставляет Фауста отказаться от его намерения, удовлетворяя его чувственность «прелюбодеянием и распутством». Этому эпизоду автор придает важное идейное и психологическое значение. Лютер и его последователи превозносили законный брак как богоугодное и освященное церковью установление, а институт монашества и безбрачие духовенства католической церкви осуждали как измышление дьявола и поощрение беспутства. Сам Лютер покинул монастырь и женился на бывшей монахини. Поэтому не случайно автор книги вспоминает по поводу житейского конфликта Фауста, что у «монахов и монашек такое обыкновение — не вступать в брак, а напротив, запрещать его». Для автора, ревностного последователя учения Лютера, распутство Фауста связано с его безбрачием: и то и другое делают его доступным не только моральным, но и умственным соблазнам дьявола.

Но наибольшую самостоятельность автор проявил, по-видимому, в экспозиции и завязке романа, сделав своего Фауста (гл. 1) сыном благочестивых родителей-крестьян из деревни Рода близ Веймара, воспитанником состоятельного и тоже, конечно, благочестивого родственника-горожанина, потом магистром и доктором богословия Виттенбергского университета, потом светским ученым, забросившим богословие ради медицины, астрономии, математики, наконец адептом черной магии. В соответствии с демонологическими представлениями того времени (ср.: Тексты, I, 186) Фауст силою своих заклинаний вызывает духа ночью, в лесу, на перекрестке дорог и затем продает ему свою душу, скрепляя кровью свой договор с нечистой силой. Самый текст договора также приводится в книге, притом в нескольких вариантах (гл. 4, 6, 53).

Перенесение места действия легенды о Фаусте в Виттенберг, город реформации, Лютера и Меланхтона, находится в очевидном противоречии с исторической действительностью и с местной традицией, о чем свидетельствует гневная отповедь Лерхеймера (Тексты, I, 33), который сам учился в Виттенберге в конце 1540-х годов, вскоре после описываемых событий, и был учеником Меланхтона. Это перенесение было подсказано автору определенной идеологической тенденцией, наличествующей в его произведении. Земляк Лютера, как и он, — сын тюрингенского крестьянина, а потом доктор богословия в Виттенберге, Фауст, по невысказанной мысли автора, противопоставляется благочестивому Лютеру: Лютер поборол искушения дьявола верой и сделался светочем христианства, Фауст, человек дерзкого разума, стал жертвой дьявольских соблазнов и погубил свою душу.

Эта тенденция составителя народной книги определила созданный им в начальных главах образ Фауста и попытку психологически мотивировать его неслыханное преступление. Фауст был в юности «человеком быстрого ума, склонным и приверженным науке», но «быстрый ум» его соединялся с «малой охотой к богословию». «Была у него дурная, вздорная и высокомерная голова», поэтому его прозвали «мудрствующим» (Spekulierer). Фауст попал «в дурную компанию, кинул святое писание за дверь и под лавку и стал вести безбожную и нечестивую жизнь». Моральный момент здесь тесно связан с идеологическим: Фауст стал «мирским человеком» (Weltmensch) — богословию он предпочел занятие светскими науками. «Не захотел он более называться теологом, стал мирским человеком, именовал себя доктором медицины, стал астрологом и математиком, а чтобы соблюсти пристойность, сделался врачом». В медицине, как общается дальше, он имел успех, «многим людям он помог своим врачеванием» (гл. 1). Возможно, что это известие об успехах Фауста в медицине, несколько выпадающее из осудительного тона рассказа, основано на исторической традиции, как и глава, сообщающая позднее о его успехах в другой «светской» науке — астрологии, на этот раз уже с помощью дьявола (гл. 18).

Вступая в договор с Мефистофелем, Фауст говорит о своем изначальном стремлении к недозволенному и недоступному людям знанию как о главной причине своего рокового решения. «После того как я положил себе исследовать первопричины всех вещей, среди способностей, кои были мне даны и милостиво уделены свыше, подобных в моей голове не оказалось и у людей подобному я не мог научиться, посему предался я духу, посланному мне, именующемуся Мефостофилем... и избрал его, чтобы он меня к такому делу приготовил и научил» (гл. 6). На все, что Фауст ни пожелал бы от него узнать, дух должен отвечать «без утайки» (гл. 3).

Много раз автор говорит о «дерзости» или о «высокомерии и гордыне» своего героя, который «окрылился, как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли» (гл. 2). «И это отступничество его есть не что иное, как его высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против бога и за это, за его гордыню и высокомерие, прогнал его господь. Ибо кто дерзает подняться высоко, тот и падает с высоты» (гл. 5).

Эта концепция «грехопадения» Фауста как дерзости человеческого разума, который, предоставленный себе, восстает против бога, как древние титаны греческой или как сатана христианской мифологии, и тем самым неминуемо становится жертвой дьявола, также характерна для автора народного романа, человека, воспитанного на религиозных идеях Лютера и его последователей. После реакционного политического повтора Лютера в период крестьянской революции 1525 года в мировоззрении немецкого реформатора элемент рационалистической критики церковного предания все более вытесняется охранительной тенденцией, противопоставляющей

наивную и слепую веру в Христа и евангелье гордым и дерзким ухищрениям человеческого разума.

Высказывания Лютера по этим вопросам, как показал Эрих Шмидт, представляют идеологический фон народной книги⁵³. «Лютер, — пишет Эрих Шмидт, — в своих более поздних сочинениях называет разум, частичному раскрепощению которого он сам когда-то содействовал, — „бестия“ (Bestia), „госпожа умница“ (Frau Klüglin), „господин умник“ (Meister Klüglin), „умная распутница — природный разум“ (Die kluge Hur, die natürliche Vernunft)». «Ratio» для него «невеста дьявола», «прекрасная распутница» (die schöne Metze), которой вера должна «свернуть шею», «задушить зверя» (erwürget die Bestien). Лютер постоянно ратует против «великой дерзости» человеческого разума, против «тщеславия» и «стремления к почестям». Он сравнивает таких возгордившихся людей, как и народная книга, с «огромными, сильными великанами древности, которые громоздили гору на гору и строили вавилонскую башню». Дьявол охотно выбирает в жертвы «такие головы, которые имеют кое-какие способности и сразу же осмеливаются думать и рассуждать обо всем по своему усмотрению». «В Виттенберге, — вспоминает Лютер, — немало студентов, которые пробыли здесь каких-нибудь полгода, а им уже кажется, что превзошли они все науки и умнее меня». «Чем выше поднимаются люди, чем у них разум более проворный и острый», тем они «меньше думают о вечной жизни». «Так те, кто имеет несколько больше рассудка, чем остальные, люди ученые, теологи, юристы, поэты, сделавшие себе имя своими писаниями, воображают, что они головами своими выше самого неба».

Лютер решительно осуждает в современном ему богословии всякие попытки разумом проникнуть в природу божества (die Gottheit auszuspekulieren). «Диспуты» и «рассуждения» о предметах, о которых в библии ничего не сказано, — об элементах и небесных сферах, о создании и падении ангелов и т. п. (т. е. именно те «тайны», которые особенно интересуют Фауста и являются предметом его бесед с Мефистофелем) — представляются немецкому реформатору «спекуляцией о ненужных вещах» (Speculieren von unnötigen Sachen). Эти «порхающие духи» (Fladdergeister), т. е. люди легкомысленные, склонные к фантазиям, «охотно мудрствуют (speculieren) о разных высоких предметах, хотели бы проделать дырку в небе, чтобы рассмотреть, что такое господь бог и чем он занимается». «Как можем мы быть столь дерзки и безумны, чтобы порхать (fladdern) выше головы своей над облаками, мудрствовать (speculieren) о божьем величестве, его сущности и воле, о предметах, слишком высоких для нашего слепного, безумного разума, непонятных и непознаваемых для нас?». И Лютер заканчивает сравнением, опять перекликающимся с народной книгой: «Они, как легкомысленные охотники за сернами, низвергаются в пропасть и ломают себе шею».

⁵³ См. Erich Schmidt. Faust und das sechzehnte Jahrhundert, стр. 9—10; Faust und Luther, стр. 573—577.

Но гнев Лютера вызывает не только рационализм в вопросах богословия, характерный в особенности для его идейных и политических врагов, протестантских «еретиков», возглавлявших крестьянскую революцию 1525 года, он ополчается и против «мирских людей» (Weltmenschen), которых противопоставляет «людям духовным» (geistige Menschen), т. е. против ученых-гуманистов, которых он, вероятно, молчаливо осуждал уже в Эрфурте, в студенческие годы, в пору своих страстных религиозных исканий. Он называет их «эпикурейцами», подразумевая под этой бранной кличкой одновременно и философское свободомыслие и связанный с ним в его представлении вольный, «мирской», образ жизни. «Эпикурейцы», к которым в своем полемическом сочинении он причисляет и своего бывшего друга Эразма Роттердамского, это те, кто не верит в воскресение и вечную жизнь. «Эпикурейцами (Epicurei) они назывались у язычников; поэты считали их свиньями и так и называют их свиньями». Говоря не раз об «эпикурейцах и свиньях» (Epicurer und Säu), Лютер вспоминает шуточный стих Горация: «свинья из стада Эпикура» (Epicuri de grege porcus). Не случайно это выражение Лютера подхватывает и народная книга (гл. 57), относя его к Фаусту, к его «свинской и эпикурейской жизни» (säuisches und Epicurisches Leben).

При этом подразумевались и традиции античного материализма, возродившиеся у мыслителей итальянского Ренессанса. Лютер полемизировал против учения Аристотеля, что мир не создан и будет существовать всегда, а душа человека смертна и умирает вместе с телом. «Премудрый человек Аристотель заключал, будто мир существует от века». «Учит этот несчастный в лучшей своей книге „О душе“, что душа смертна, как и тело». Эти осужденные христианским богословием взгляды Аристотеля и эпикурейцев Мефистофель в народной книге не случайно пытается внушить Фаусту в одном из диспутов. На вопрос Фауста о том, каким образом бог сотворил мир и как был сотворен человек, он дает Фаусту «безбожный и живой ответ»: «Мир, мой Фауст, никогда не рождался и никогда не умрет. И род человеческий был здесь от века, так что не было у него начала» (гл. 22). Под влиянием подобных идей доктор Фауст «жил эпикурейской жизнью, день и ночь не помышляя ни о боге, ни об аде или дьяволе, решив, что душа и тело умирают вместе» (гл. 10). «Он думал, что не так черен дьявол, как его малюют, и не так жарок ад, как о том рассказывают» (гл. 4). Как показал Эрих Шмидт, и здесь автор народной книги повторяет сказанное Лютером в «Застольных беседах» об «эпикурейцах». «Они думают, что дьявол не так черен, как его малюют на картинах, и что ад не так жарок, как об этом проповедуют попы»⁵⁴.

Так, потеряв веру, «безбожный» Фауст и принял свое «отчаянное решение».

Сопоставление народной книги о Фаусте с приведенными выше полемическими высказываниями Лютера против дерзновения разума и «мир-

⁵⁴ Erich Schmidt Faust und Luther, стр. 573, прим. 2

ской» философии наглядно показывает, что в романе Шписа в искажающем освещении узкого и догматического лютеранского благочестия отравились большие, прогрессивные явления эпохи Возрождения — эмансипация разума человека от церковной догмы и личности от узкой церковной морали; и хотя эти явления изображены автором под знаком отрицания и осуждения, они проступают в его романе сквозь его ограниченное церковным мировоззрением восприятие, помимо его сознательного намерения, в типическом и впечатляющем художественном обобщении.

По уровню своих познаний и своего мировоззрения составитель народной книги, человек своего времени, мог удовлетворить стремление своего Фауста к безграничному знанию только «диспутами» с Мефистофелем на темы космогонии и космологии в банальном освещении средневековой богословской «науки», а удовлетворение чувственных потребностей человека должно было представляться ему, в соответствии с традицией народной легенды, только как нагромождение роскошных пиров, веселых попок, распутства и колдовских приключений. В этом смысле молодой Энгельс справедливо указывал в своей статье «Немецкие народные книги», что «сказание о Фаусте низведено до уровня банальной истории о ведьмах, прикрашенной обычными анекдотами о волшебстве»⁵⁵.

Тем не менее образ кудесника Фауста уже в этой первой литературной обработке народной легенды обнаруживает в зародыше те черты, которые в дальнейшем развитии сказания в творческой обработке Марло, Лессинга и Гете могли сделать этот образ художественным воплощением дерзновенных исканий человеческой мысли.

4

Народная книга о Фаусте сразу же после своего появления имела большой успех. Об этом говорит документ того времени: письмо книжного посредника, брауншвейгского церковного регента Лудольфа Людерса своему заказчику, графу Штольбергу-Вернигероде от 30 X 1587 (Тексты, I, 32). То же подтверждается чрезвычайно большим числом как новых изданий, так и перепечаток (Nachdrucke), которые были обычным явлением при отсутствии охраны авторского права⁵⁶. Первое издание Шписа 1587 года [А] перепечатывалось в разных издательских центрах Германии 4 раза. В 1588 году вышло переиздание, сделанное самим Шписом. Однако еще в 1587 году под именем Шписа появилось новое издание книги [В], по-видимому «пиратское», содержащее 8 дополнительных глав (всего 76), с новыми приключениями, заимствованными из разных источников. Про-

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 348.

⁵⁶ Библиографию изданий народной книги см.: Z a r n s k e, стр. 258 и сл. — P e t s c h. Volksbuch, Einleitung, § 4, Bibliographie, стр. XLVI—LV. — Engel. Faust-Schriften, стр. 57—108 — J u l i u s D u m c k e. Die deutschen Faustbücher. Leipzig, 1891. — Дополнения: «Das Volksbuch vom Doktor Faust, herausg. v. Josef Fritz», Halle, 1914, Einleitung, стр. XI—XXXIII. — Faust-Bibliographie, bearb. v. H. Henning, T. I, Berlin u. Weimar, 1966, стр. 108 сл. — Научные издания см.: Комментарии, стр. 379.

чие главы кое-где переставлены и подправлены: в частности, при указании места рождения Фауста — «из Роды близ Веймара» — добавлено в угоду устной традиции: «другие говорят — из Кундлингена». Третье издание Шписа 1589 года, «заново пересмотренное и расширенное многими добавлениями» [С], содержит по сравнению с первым 5 новых глав (всего 73), но без добавочных глав издания В. К дополнениям этого издания принадлежат приключение в Ауэрбахском погребе и эрфуртские главы (см. Тексты, II, Дополнения, 1). Издание С перепечатывалось различными книгопродавцами еще 4 раза. Наконец в 1590 году Шпис выпустил еще одно издание [D], контаминированное из текста А и С, которое также было повторено еще три раза⁵⁷. Весьма вероятно, что существовали и другие перепечатки, которые до нас не дошли.

Книга о Фаусте имела широкий международный успех. Вскоре последовал ряд переводов на другие языки, в основе которых лежат различные печатные редакции, сперва самого Шписа, а в XVII—XVIII веках — его продолжателей: нижненемецкий (Любек, 1598), английский (вероятно, уже в 1588—1589 годах, второе издание в 1592 году, затем три других издания до 1636 года, см. ниже, стр. 318), голландский (Эммерих, 1592) и фламандский (Антверпен, 1592). Всего в Нидерландах до XIX века включительно народная книга переиздавалась более 30 раз⁵⁸. О широкой популярности, которой пользовалась легенда о Фаусте в Нидерландах, свидетельствуют местные ее приурочения — к замку Ваарденбург (Гельдерн), к Леювардену (Фрисландия)⁵⁹, а также довольно многочисленные ее отражения в изобразительном искусстве XVII века: гравюры Рембрандта, которые традиция связывает с образом Фауста, гравюры и рисунки других нидерландских художников его времени — И. Сихема (Фауст и Мефистофель в образе монаха, Вагнер и Ауэрхан), Адриана Матама (Фауст, Мефистофель и Елена) и др.⁶⁰ Этой популярности, как и в Германии, особенно содействовали труппы бродячих комедиантов, а в более позднее время — кукольный театр (см. ниже, стр. 338).

В 1598 году книга Шписа переведена была на французский язык Виктором Кайе (Pierre Victor Palme Cayet, 1525—1610). Переводчик — ученик философа Рамюса, пастор-кальвинист, обратившийся в конце жизни в католицизм, доктор богословия и историк, знаток большинства европейских и многих восточных языков — сам был ославлен своими врагами как «чернокнижник». Его перевод содержит ряд самостоятельных дополнений и переиздавался около 15 раз⁶¹.

⁵⁷ Библиографию и филологическое исследование изданий С и D дает Иозеф Фритц в своем переиздании текста С. См.: «Das Volksbuch vom Doktor Faust. Nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung, herausg. u. eingeleitet von Josef Fritz». Halle, 1914, стр. VII—XLIV.

⁵⁸ См. В. Н. Van't Hoof. Das holländische Volksbuch vom Doktor Faust. Haag, 1926 (с обширной вводной статьей и библиографией переизданий).

⁵⁹ Там же, стр. 93 и сл.

⁶⁰ Там же, стр. 110—136 (Zur Faustikonographie).

⁶¹ См.: Dédeyan, vol. I, стр. 98 и сл. — Научный перевод на французский язык см. Faliga, стр. 73—100. — Художественное переложение — в книге фолькло-

В 1617 году появился чешский перевод Кархезиуса (Carchesius — латинизованный псевдоним, настоящее имя Kraus von Krausenthal); в Чехии (Праге) легенда о Фаусте также получила своеобразное местное развитие⁶².

К более позднему времени относятся переводы польский (без года), шведский (1674), датский (1689) и ряд других⁶³.

«Виттенбергская» версия сказания, популяризированная Шписом, вызвала яростные возражения Лерхеймера в позднейших изданиях его сочинения «О колдовстве» (1597 и сл.; Тексты, I, 33). Однако эти возражения мало отразились на дальнейшей судьбе сказания; продолжатели Шписа ограничились лишь незначительными поправками.

В 1599 году вышла «История Фауста» Георга Рудольфа Видмана⁶⁴, который, как уже было сказано, кроме Шписа или предшествующей ему рукописи, имел и самостоятельные источники. Книга Видмана состоит из 93 глав и содержит ряд новых эпизодов; в то же время в ней чрезвычайно расширен религиозно-моральный комментарий, выделенный после каждой главы в особый раздел под заглавием «Напоминание». «Напоминания» Видмана, кроме проповеди христианского благочестия, содержат довольно много примеров и параллелей к соответствующим эпизодам, интересных для современного исследователя как материал по «демонологии» XVI века. Образ Фауста у Видмана снижается, черты «титанизма», присущие эпохе Возрождения, заслоняются благочестивым суеверием составителя.

Объемистая и тяжеловесная книга Видмана успеха, по-видимому, не имела. Она не переиздавалась в течение нескольких десятилетий, хотя и вытеснила Шписа. Лишь в 1674 году она появилась в обработке нюрнбергского врача И. Н. Пфитцера, которая переиздавалась 6 раз (в последний раз в 1726 году)⁶⁵. Редакция Пфитцера является дальнейшим отходом от ренессансных традиций, еще налицествовавших у Шписа. Пфитцер снижает образ Фауста; в то же время он сокращает Видмана, в особенности в части ученых «диспутов» и «путешествий», умножая, однако, его религиозно-моральные примечания.

В числе новых эпизодов Пфитцер вводит рассказ о любви Фауста к «простой девушке, красивой, но бедной», которая соглашается принадлежать ему только в законном браке. Этим мотивировано желание Фауста жениться и последующее столкновение с Мефистофелем, о котором рассказывала старая народная книга (гл. 10). Сожительство с греческой Еленой служит возмещением, которое Фауст получает от дьявола за вынужденный отказ от честной любви и законного брака.

риста Сентива; см.: P. Saintyves. La légende du Docteur Faust, изд. 4-е. Paris, 1926.

⁶² См.: Kraus, стр. 4—5. — Ernst Kraus. Faustiana aus Böhmen. Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte, NF., Bd. XII, 1898, стр. 61—92.

⁶³ См.: Engel. Faust-Schriften, стр. 108—114.

⁶⁴ Научные издания см.: Комментарии, стр. 389.

⁶⁵ «Faust's Leben, herausg.» v. A. Keller. Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, N 146. Tübingen, 1880. — Faustus Leben in Pfitzers Bearbeitung, herausg. v. H. Düntzer. Collection Spemann, Berlin u. Stuttgart, 1881.

В этом эпизоде хотели видеть источник «трагедии Гретхен» в «Фаусте» Гете. Однако вряд ли есть основание для такого предположения, тем более, что не доказано самое знакомство Гете с Пфитцером или со следующей за ним обработкой народной книги в период первоначального замысла его «Фауста» (1773—1775).

Под влиянием немецкого Просвещения находится последняя обработка народной книги, автор которой скрылся под псевдонимом «Верующий христианин» (Christlich Meynender)⁶⁶. Она вышла в свет в Франкфурте и Лейпциге в 1725 году и представляет сильно сокращенный, сухой пересказ Пфитцера. Длинные поучительные богословско-моральные отступления предшествующих авторов составитель выбрасывает, сохраняя, однако, морализующую тенденцию, которая сочетается с элементами рационалистической критики чудесных происшествий народной легенды, характерными для просветительского рационализма XVIII века. Тем не менее эта последняя редакция народной книги о Фаусте выдержала около 10 переизданий, из которых последнее датированное вышло в свет в 1797 году. Его издатель извиняется перед просвещенным читателем за содержание книги, которое представляется ему устарелым: «В наш просвещенный век ни один разумный человек уже не верит в чародеев и в колдовские заклинания, в особенности потому, что колдунов и колдуний теперь уже не сжигают, а те фокусы, которые ранее считались волшебством, в настоящее время объясняют естественными причинами... Для нас эти обманы и вымыслы не имеют никакой цены, разве только, что они помогут нам развлечься в часы досуга, если мы не знаем, как заполнить их чем-нибудь лучшим»⁶⁷.

Следует отметить, что в читательском обиходе XVIII века народная книга о Фаусте, как одно из произведений «низовой», лубочной литературы, имела хождение только в переработке «Верующего христианина» и Пфитцера. Только в этой форме Гете и его сверстники могли познакомиться с народным романом о Фаусте, когда от широко популярной народной кукольной комедии они пожелали обратиться к печатной «истории Фауста». То же относится и к молодому Энгельсу. Видман и в особенности Шпис были совершенно забыты. Характерно, что первое (оригинальное) издание книги Шписа 1587 года [А] сохранилось лишь в одном цельном экземпляре в частных руках и в трех неполных экземплярах в библиотеках Вены, Будапешта и Вернигероде. Как Шпис, так и Видман, стали известны исследователям по специальным научным изданиям с 1846 года⁶⁸. Первое издание Шписа [А] было воспроизведено факсимиле Вильгельмом Шерером⁶⁹ и в дальнейшем неоднократно печаталось в критических изданиях⁷⁰.

⁶⁶ «Das Faustbuch des Christlich Meynenden nach dem Druck von 1725 herausgt v Siegfried Szamatolski». Stuttgart, 1891 (Deutsche Literaturdenkmale des 18. u. 19. Jhs., Bd 39).

⁶⁷ Там же, стр. XVIII

⁶⁸ Kloster, II стр. 931—1073 (Шпис, редакция В), стр. 273—804 (Видман)

⁶⁹ «Das älteste Faustbuch. Mit Einleitung von Wilhelm Scherer». Berlin, 1884 (Deutsche Texte älterer Zeit in Nachbildungen, II)

⁷⁰ Библиографию см. Комментарии, стр. 379.

В результате широкой популярности народной книги о Фаусте она не только пополнялась новыми эпизодами, но вскоре получила продолжение. Для авантюрных романов в таких случаях характерно появление серии новых приключений любимого публикой героя, либо, в случае его смерти, использование в аналогичной сюжетной роли его сына, а иногда и внука, по принципу генеалогической циклизации. Для Фауста, по характеру сюжета, обе эти возможности исключались, поэтому героем такого продолжения становится его ученик и наследник его искусства Кристоф Вагнер.

Вагнер упоминается в народной книге о Фаусте как его фамулулс, т. е. как студент, по обычаю средневековых немецких университетов помогающий своему профессору как ассистент и одновременно взятый в дом для мелких услуг. Нет никаких данных о существовании такого лица в традиции народного сказания, фольклорной или письменной. Но в народный роман он был введен вместе с другими реалистическими реквизитами бытового окружения средневекового ученого. Книга Шписа называет его «отчаянным негодником», которого «господин тешил надеждой, что сделает из него многоопытного и ученого мужа» (гл. 9). Он упоминается неоднократно как единственный свидетель колдовских проделок Фауста. В конце книги Фауст завещает ему свое имущество и свои волшебные книги и разрешает после смерти учителя описать его жизнь и трагическую гибель. Здесь дается и завязка возможного продолжения. Фамулулс просит учителя передать ему свое искусство. Фауст обещает ему помощь злого духа, носящего имя Ауэрхан, который является, по желанию Вагнера, «в образе и обличии обезьяны» (гл. 61).

Эта завязка была вскоре использована автором продолжения народной книги о Фаусте, которое появилось уже в 1593 году под пространным заглавием: «Вторая часть истории доктора Иоганна Фауста, в которой описан: Христофора Вагнера, бывшего ученика Фауста, договор с чертом по прозванию Ауэрхан, являвшимся ему в образе обезьяны, его приключения и проделки, совершенные им с помощью дьявола, и его страшная кончина. С добавлением интересного описания Новых островов, какие там люди живут, какие плоды произрастают, какая у жителей религия и как они служат своим идолам, а также о том, как их угнетают испанцы. Все это заимствовано из оставленных им сочинений и напечатано так, как занимательно для читателя, Фридериком Скотом Толет, ныне проживающим в П. 1593»⁷¹.

Как и книга о Фаусте, история Вагнера, по заявлению автора, составлена «по его посмертным бумагам». Автор этот скрылся под псевдонимом *Fridericus Scotus Tolet*; псевдоним должен направить мысль в сторону Испании, с которой связан большой раздел книги; Толедский университет, как уже указывалось, имел славу центра обучения магии. Место издания обозначено только инициалом «Р» (Прага? Париж?). Цель этой маскировки — возбудить интерес читателя и защитить автора от возможных нареканий со стороны духовной цензуры.

⁷¹ «Ander Teil D. Johann Fausti Historien, darin beschrieben ist: Christophori Wagneri, Fausti gewesenenen Discipels aufgerichter Pact mit dem Teufel...» 1593. Переиздано: Klostet, II, стр. 1—186, по изданию 1714 года.

В своей основной части история Вагнера, как обычно бывает с подобными «продолжениями», не имеет самостоятельных источников. Она состоит, по образу народной книги о Фаусте, из «ученых» разговоров между Вагнером и его духом, занимающих относительно мало места, и из приключений, представляющих новые вариации старых приключений Фауста. Вагнер также совершает полеты по воздуху (верхом на петухе), кормит своих гостей яствами и винами, которые доставляют ему духи, и услаждает их слух волшебной музыкой и пляской, морочит торговцев, крестьян и евреев, отрубает головы и приставляет их обратно к телу, и т. п. Если Фауст наворочил одному рыцарю при дворе императора оленьи рога, то Вагнер награждает оскорбленного его на пире дворянина и его жену рогатыми головами быка и коровы; если Фауст, получив за малую плату разрешение покусать сена, съедает у крестьянина целый воз, то Вагнер, испросив позволения глотнуть вина, выпивает целую бочку, а прожорливая обезьяна Ауэрхан за 6 пфеннигов поедает у садовника в Падуе все его апельсины. Прodelки Вагнера имеют характер гораздо более грубый, чем приключения Фауста, нередко вульгарный и бесцельно жестокий, сопровождаются потасовками, поножовщиной и убийствами. Составитель пытается переосмыслить своего предшественника: договор с дьяволом Вагнер заключает на вершине «большого Блоксберга» (т. е. на горе Брокен в Гарце, где, по народному преданию, собираются ведьмы), местом его подвигов являются Вена, Падуя, Флоренция, Неаполь и т. п.

В то же время автор всячески подчеркивает, что Вагнер — кудесник, гораздо более низкий по рангу, нежели его прославленный учитель. Он не находит нужным присвоить ему ученую степень доктора. Еще при жизни Фауста Вагнер пытается вызвать духов, но неудачно, и спасается от смерти только благодаря помощи своего учителя. После гибели Фауста он вызывает духа Ауэрхана, сопровождающего его в дальнейшем в образе обезьяны (в соответствии с книгой Шписа); с ним он тоже заключает договор, который состоит из 12 пунктов, предусматривающих все подробности его эцикурейской жизни и все формы его магической власти над духами — сроком на 30 лет. Но лживый, как все злые демоны, Ауэрхан обманывает свою жертву: поскольку Вагнер, участвуя в делах Фауста, давно уже предался черту, он и без договора — в его власти, поэтому Ауэрхан обещает ему только 5 лет срока, будет являться к нему от времени до времени, когда свободен от других дел, и выполнять пункты договора всецело по своему усмотрению. Этим снижением образа героя мотивируется комический и вульгарный характер последующих эпизодов.

Единственное, в чем составитель книги идет своими самостоятельными путями, это обширный раздел (гл. 37—40), в сущности выпадающий из основной темы романа о чернокнижнике и содержащий описание путешествия Вагнера в «недавно открытый Новый Свет» (Тексты, II, Дополнения, 3). Заглавный лист книги, представляющий, по обычаю того времени, краткое изложение ее содержания, особо отмечает это дополнение. С помощью своего духа Вагнер совершает воздушное путешествие через океан в Вест-Индию (*India Occidentalis*) — в Кубу (Кумана), Никарагуа, Перу

и на Канарские острова. Главы эти содержат богатый и интересный географический и этнографический материал — о климате, растительном и животном мире Центральной Америки, в особенности же о нравах и образе жизни индейцев, их одежде и вооружении, семейных обычаях, плясках, религиозных обрядах и верованиях. Материал этот, в основном исторически правдивый и отнюдь не фантастический, почерпнут, по-видимому, из испанских источников, причем по своей тенденции он отнюдь не благоприятен для испанцев-колонизаторов. Автор книги, как и его герой, негодуют по поводу неслыханных, бесчеловечных жестокостей испанцев по отношению к покоренным и поработанным туземцам. «Эта страна в то время была еще очень населена, но потом в ней сильно свирепствовали кровожадные испанцы. Так, на острове, называемом Доминико [т. е. Сан-Доминго], они оставили в живых около пятисот человек, не более, тогда как прежде их насчитывали пятнадцать сотен тысяч». Наряду с конквистадорами автор обвиняет и католическую церковь. «Хотя монахи и убеждали их, что они должны бросить своих богов, они все же не соглашались, говоря, что христианский бог — злой бог, ибо его дети, которые почитают его, целиком погрязли во зле». Религиозное свободомыслие самого автора звучит в словах «короля» одного из индейских племен, сказанных в ответ монаху-миссионеру: «Зачем ему верить в Христа, который умер? Он будет верить в свое солнце, которое никогда не умирает». Колдовские проделки Вагнера отступают в этих главах для автора на задний план, соответственно чему он поясняет читателю: «Когда Вагнер увидел простоту и благочестие этих добрых людей, не захотел он обижать их своим колдовством, не стал их мучить, ушел от них и пришел дальше».

Народная книга о Вагнере издавалась в конце XVI века четыре раза, известны и позднейшие переиздания, вплоть до 1814 года. Существуют два нидерландских перевода начала XVII века, напечатанных в Голландии (Дельфт) и во Фландрии (Антверпен). Известна и драматическая обработка этой книги в форме народной драмы и кукольной комедии, по образцу Фауста⁷².

Непосредственно вслед за народной книгой Шписа появляются основанные на ней стихотворные обработки сказания. Эпизод вооруженной стычки между виттенбергскими студентами, прекращенный волшебством Фауста (гл. 41), сохранился в кратком стихотворном переложении (три строфы по 12 строк) в рукописном собрании поэтических произведений нюрнбергских мейстерзингеров под фамилией Фридрих Беер и с датой 1 июня 1588 года⁷³. Но еще раньше, 15 апреля того же года, сенат Тюбингенского университета оштрафовал и посадил в карцер двух студентов как авторов «истории Фауста» и издателя Hockiusa за напечатание этой книги⁷⁴. Речь идет о стихотворном переложении книги Шписа, которое

⁷² Библиографию изданий см.: Engel. Faust-Schriften, стр. 294—312: III. Christoph Wagner. Faust's Famulus. — Ср. также: Комментарии, стр. 389.

⁷³ См.: J. Bolte. Ein Meistersingerlied von Dr. Faust. Euphorion, I, 1894, стр. 787—788. — Tille, N 36, стр. 76—77.

⁷⁴ Постановление см.: Tille, № 37, стр. 77.

было издано Александром Хокком (Hock) в Тюбингене и помечено 7 января 1588 года и инициалами стихотворцев⁷⁵. Написанное так называемым ломаным стихом с парными рифмами (Knittelvers), в стиле популярных в бюргерской литературе XVI века стихотворных «шванков», оно является точным и сухим пересказом книги Шписа, за которым авторы следуют без существенных отступлений и дополнений. Книга сохранилась лишь в одном экземпляре в Копенгагенской библиотеке⁷⁶. Вероятно, издание было конфисковано: первый, симптоматический для дальнейшего случая прямой вмешательства духовной цензуры (какой и была в XVI веке цензура университетская) в распространение «богохульного» сказания о продаже души дьяволу.

К более позднему времени относятся так называемые народные баллады о Фаусте⁷⁷. Впервые образец такой баллады был напечатан в 1806 году романтиками Арнимом и Brentано в известном сборнике «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn») под заглавием «Доктор Фауст, печатная листовка из Кельна» («Doktor Faust, fliegendes Blatt aus Köln»). Гете, рецензировавший сборник, отметил: «Глубокие основные мотивы, могли бы, пожалуй, быть разработаны лучше». Действительно, кельнский текст сильно искажен. В настоящее время известно четыре немецких текста этой баллады, значительно лучше сохранившиеся, также в печатных «листочках» для народа (fliegende Blätter), все без даты; остальные три изданы в Австрии, где баллада о Фаусте была известна и в устном исполнении. Стихотворение это, однако, не старинная народная баллада, оно принадлежит к популярному в более позднее время фольклорному жанру «романсов уличных певцов» (Bänkelsängerballaden), сходных с так называемыми «жестокими романсами», в которых обыкновенно описывалось какое-нибудь трагическое происшествие недавнего времени, народное бедствие, семейная или любовная трагедия. Баллады коротко рассказывают о жизни и деяниях Фауста, как, закляв «40 000 духов», он выбрал себе из них самого проворного, «быстрого как мысль» Мефистофеля, как он продал свою душу дьяволу, который чудесным образом доставлял ему яства и напитки, ублажал его волшебной музыкой, дал ему богатство, «золото и серебро» и т. п. Из числа эпизодов, о которых упоминается в балладе, некоторые в народной книге не встречаются. Фауст всеми силами досаждал Мефистофелю и старается для него задачу потруднее: «Пусть он позлится — для меня это только потеха!». Когда Фауст разъезжает в почтовой карете, духи, сопровождающие его, должны строить для него мостовую, которую разбирают, как только он проехал; он устраивает в Страсбурге потешную стрельбу в цель, и Мефистофель служит ему мишенью; он катает кегли по Дунаю в Регенсбурге, Мефистофель должен прислуживать ему и подавать шары; он велит Мефистофелю

⁷⁵ См.: Zarncke, стр. 269 и сл.

⁷⁶ Перепечатано: Kloster, IV, стр. 1—216.

⁷⁷ См.: A. Tille. Die deutschen Volkslieder vom Doktor Faust. Halle, 1890. — Ср. также: Engel. Faust-Schriften, стр. 114—137; Volksheder vom Doctor Faust (№ 115—136).

вязать снопы из песка морского (мотив «трудных задач», заимствованный из сказочного фольклора). Духи, измученные тяжелой службой, сами просят чародея отпустить их на волю, но он не согласен и только радуется тому, что у них столько мук и забот (*ich hab die Freude euch zu schenken*). Он требует от своих волшебных слуг, чтобы они доставили его по воздуху в Иерусалим, хочет поклониться там кресту Христову, и, когда Мефистофель угрожает разорвать его на части и сбросить в море, он в отместку приказывает черту написать ему на полотне образ распятого Христа. Последнюю задачу черт не может выполнить до конца, так как не в силах воспроизвести буквы святого имени, начертанные на кресте. Чем послушаться Фауста, он готов скорее расторгнуть договор.

Эти элементы легенды носят католический характер, о чем свидетельствует культ распятия, а также жалкая роль черта, который, как во многих других средневековых католических легендах и шванках, является предметом не столько страха, сколько насмешки и вынужден признать свою слабость перед магической силой креста. В католических землях Австрии легенда о черте и распятии, связанная с именем Фауста, была известна уже в середине XVIII века, как об этом свидетельствует надпись под старинной иконой, сохранившаяся в местечке Недер в Тироле и носящая дату 1746⁷⁸. Ее отражения мы находим также в австрийских и чешских кукольных комедиях⁷⁹.

Баллада о Фаусте известна и в чешских народных обработках, которые не содержат, однако, никаких существенных отклонений по сравнению с немецкими⁸⁰.

С народной драмой и кукольными комедиями о Фаусте связаны по своему происхождению и народные песни лирического характера (всего 8 текстов). Это — жалобы, в которых оплакивается судьба Фауста, употребившего во зло «небесные дары» («*Fauste, jene Himmelsgaben, So dir mitgeteilet sein*»), или предвещается его близкая гибель («*Fauste, Fauste, du musst sterben, Fauste, deine Zeit ist aus*»). Они представляют стихотворные арии в народном стиле, которые целиком или в отрывках вкладывались в уста доброго ангела при исполнении драмы или кукольной комедии⁸¹.

Лишь внешним образом связаны с легендой о Фаусте разнообразные книги заклинаний, ходившие под его именем с заглавием «Фаустово тройное заклятие адских духов» («*Faust's dreifacher Höllenzwang*»). Обычную абракадабру демонологии — так называемые «экзорцизмы» (заклинания дьявола), кабалистические знаки и фигуры — предприимчивые издатели охотно украшали авторитетным именем прославленного чернокнижника, выдавая ее за те самые волшебные книги, которые перешли по наследству от Фауста к ученику его Вагнеру. Приманкой для читателя служили ши-

⁷⁸ См.: Konrad Böttner, Beiträge zur Geschichte des Volksschauspiels vom Doctor Faust, Reichenberg 1922, стр. 17.

⁷⁹ См. ниже, стр. 338. См.: Cesky Lid, 1896, V, 426—429.

⁸⁰ Ср.: Ernst Kraus, I, с., стр. 73—84

⁸¹ См.: Streizenach, стр. 130—151. — См. афишу группы Нейберов (Тексты, III, 17).

роковещательные заглавия, вроде: «Книга чудес, искусства и волшебства доктора Иоганна Фауста, именуемая также Черный ворон или Тройное адское заклятие, которым я понудил духов приносить мне все, чего бы я ни пожелаал, будь то золото или серебро, клэды большие или малые, разрыв-траву, и что только еще существует подобное на земле, все я совершил с помощью этой книги, а также чтобы снова отпустить духов по своей воле»⁸². Книжки эти печатались или переписывались и покупались суеверными и доверчивыми людьми за большие деньги до самого конца XVIII века и известны в большом числе экземпляров и в различных редакциях⁸³. Переписка была делом не всегда безопасным. В 1660 году один писец из Гильдесгейма попал в тюрьму за то, что за большую плату переписал такую книгу для незнакомого чужестранца. Его самого заподозрили в сношении с дьяволом. В XVIII веке этим делом промышляли в особенности некоторые баварские и швабские монастыри. За книгу платили 200 талеров, но можно было при случае купить ее за 150 и даже за 100⁸⁴.

Будущий просветитель и рационалист К.-Ф. Барт рассказывает в автобиографии (1790), как он в отроческие годы увлекался магией и как с великим трудом сумел раздобыть и вместе со своими товарищами похитить эту книгу у одного студента, который продавал ее за недоступную для бедных молодых людей огромную сумму в 300 талеров. Переписав книгу от руки, Барт и его товарищи пытались вызвать дьявола по указанному в ней рецепту, а после неудачи, разуверившись в магии окончательно, стали пугать привидениями суеверного собственника книги⁸⁵.

Гете использовал некоторые мотивы вульгарных «экзорцизмов» этого типа в своем «Фаусте» в сцене «Кухня ведьмы», но его герой не занимается подобным старомодным колдовством и с чувством гадливости говорит Мефистофелю: «Мне отвратительно это сумасшедшее волхование!» (Mir widersteht das tolle Zauberwesen!)

«Ученая» литература XVII века не внесла ничего нового в историю легенды о Фаусте. Многочисленные богословские и полубогословские труды по демонологии, магиологии и демономагии, обличительные проповеди и трактаты против ведовства, собрания псевдонсторических и занимательных анекдотов на эту тему, в которых Тилле и другие коллекционеры-библиографы прослеживают отклики легенды о Фаусте⁸⁶, не располагали о нем никаким новым материалом, кроме свидетельств XVI века и народных книг. Они цитируют эти свидетельства некритически и без раз-

⁸² «Dr. Johann Faustus Miracul-Kunst- und Wunderbuch oder der schwarze Rabe auch der Dreifache Höllen Zwang genannt . »

⁸³ Библиографию см.: Engel. Faust-Schriften, стр. 149—162: IV. Doctor Faust's Höllenzwang. Magische Werke, welche Doctor Faust verfasst und hinterlassen haben soll (№ 314—370). Перепечатки: Kloster, II, стр. 805—930, V, стр. 1029—1180.

⁸⁴ См.: М. Карелин. Западная легенда о докторе Фаусте. — «Вестник Европы», 1882, кн. 12, стр. 723.

⁸⁵ См.: Carl Friedrich Bahrdt. Geschichte seines Lebens, seiner Meinungen und Schicksale. Wien, 1790, Kap. 18 (Fausts Höllenzwang). — См.: Tille, N 339, стр. 822—835.

⁸⁶ См.: Tille, стр. 111 и сл. — Engel. Faust-Schriften, I. Geschichte, Sammelwerke und Allgmeines, стр. 1—56.

бора, переписывая друг друга и рассматривая показания современников Фауста в смысле их достоверности в одном ряду с фольклорными материалами и литературными вымыслами Шписа или Видмана и даже с народной книгой о Вагнере.

Появление народной книги Пфитцера (1674) вызвало первую попытку научной критики легенды: профессор И.-К. Дюрр (Дурриус) из Альторфа в длинном и ученом латинском послании к Георгу Фюреру (1676) вскрывает исторические противоречия и неправдоподобности этой книги⁸⁷. По мнению Дюрра, исторический доктор Фауст тождествен с первопечатником Иоганном Фаустом (или Фустом) из Майнца, соперничавшим с Гутенбергом в изобретении книгопечатания (около 1447 года). Это анахронистическое отождествление, основанное лишь на созвучии имен, в свое время, однако, достаточно распространенное (см. стр. 274), получило некоторое хождение в позднейшей традиции. Оно засвидетельствовано в особенности в чешском устном и письменном предании⁸⁸, нашло отражение в романе «бурного гения» Клингера «Жизнь Фауста» (см. ниже, стр. 359), в перенесении в Майнц места действия кукольной комедии Гейсельбрехта (Тексты, IV, 2). Его подхватила г-жа де Сталь в своей книге «О Германии» (1813), послужившей в этом смысле источником для Пушкина в его наброске плана к «Сценам из рыцарских времен», где Фауст, как изобретатель книгопечатания, сопоставляется с изобретателем пороха Бертольдом Шварцем⁸⁹.

Поток «ведовской» литературы, не прекратившийся и в первой половине XVIII века, встречает растущее противодействие передовых идей немецкого буржуазного Просвещения. Уже в конце XVII века один из родоначальников этого направления, ученый Томазиус, более успешно и последовательно, чем в XVI веке Лерхеймер и Вир, выступил против ведовских процессов и суеверной мании колдовства⁹⁰. К этому времени относится вторая, более серьезная попытка научно-критического пересмотра традиционных материалов легенды о Фаусте — латинская диссертация виттенбергского магистра Неймана «Disputatio de Fauste prestigiatore» (1683).

Нейман ссылается на ранние труды Томазиуса, но в особенности на просвещенного француза Габриеля Ноде, который уже в 1625 году поставил под сомнение в своей неоднократно переиздававшейся «Апологии» суеверные сказания, обвинявшие многих «великих мужей» прошлого в колдовстве; в частности, касаясь легенды о Фаусте, он утверждает, что это не «история», а «магический роман» (*roman magique*)⁹¹. Примыкая

⁸⁷ Письмо было опубликовано в книге: J. G. Schelhornius. *Amoenitates Literariae*. Frankfurt u. Leipzig, 1676 (изд. 2-е — 1726). — Ср.: Tille, № 126, стр. 229—245, и № 215, стр. 516—518.

⁸⁸ См.: Kraus, стр. 8 и сл.

⁸⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1937, стр. 346. — Ср.: В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1937, стр. 138.

⁹⁰ См.: Christian Thomasius. *De crimine magiae*, 1702.

⁹¹ Gabriel Naudé. *Apologie pour tous les grands personnages qui ont été fausement soupçonnés de Magie*. Paris, 1625. — Ср.: Tille, № 80, стр. 149—150 (см. в особенности расширенное издание 1669 года, № 116, стр. 208—210).

Q. D. B. V.
 DISQVISITIO HISTORICA,
 DE:
FAUSTO PRÆ-
STIGIATORE,
 Vulgò
von Doctor Faust/
 QVAM
 IN ALMA HAC LEVCOREA
 Publico Examini comittunt
 PRÆSES
M. JOHANN. GEORG.
Neumann/
 ET
 RESPONDENS.
CAROL. CHRISTIANUS Dirchner
 Preza Saxo.
Die XXIII. Maji, Anno clc Lxxciii. H. L. Q. C.
 WITTEBERGÆ Recusa ANNO M DC XCIII.

Титульный лист диссертации Нейманна
 (1693)

к Ноде, Нейманн отвергает ценность книги Видмана как исторического документа. Он отвергает также и анахронистическую гипотезу Дюрра. Обращаясь к свидетельствам «ученой» демонологической литературы XVI века (Манлья, Вира, Хондорфа, Филиппа Камерария и др.), он приходит к выводу, что Фауст действительно существовал, как о том рассказывают многие современники, но был он не «историческим лицом», а частным человеком, причем человеком мало известным (ein obskurer Kerl), вокруг имени которого в те отдаленные времена сложилось много вымышленных рассказов (Fabeln). Эти «правдоподобные вымыслы» (glaubwürdige Lügen) превратили историю его жизни в «магический роман», согласно выражению Ноде. «Сведений о нем сохранилось бы еще меньше, если бы комедiantы столь часто не ставили его на театре» (Тексты, III, 8).

Брошюра Неймана и вызванная ею в «ученой» литературе дискуссия освежили интерес к теме, к тому времени уже устаревшей. Сочинение это переиздавалось неоднократно и было переведено на немецкий язык⁹². Рационалистические установки последней версии народной книги, написанной «Верующим христианином», несомненно подсказаны влиянием Неймана.

5

Впервые легенда о Фаусте получила театральную обработку в трагедии английского драматурга Кристофера Марло (Christopher Marlowe, 1564—1593), самого яркого и талантливое из предшественников Шекспира.

Сын сапожника из Кентербери, Марло сумел получить образование благодаря помощи влиятельных покровителей, учился в Кембриджском университете, где достиг ученых степеней бакалавра и магистра, но затем, увлекшись театром, переехал в Лондон, променяв духовную карьеру на необеспеченное существование сперва актера, потом поэта и театрального драматурга, типичного представителя писательской богемы. Марло принадлежал к той группе театральных писателей — предшественников Шекспира, которых современники прозвали «университетскими умами» (University wits). Будучи людьми с классическим образованием, эти писатели внесли в английский народный театр идеи и художественные вкусы эпохи Ренессанса, способствуя их синтезу со средневековыми по своему происхождению национальными традициями.

В своем драматическом творчестве Марло является ярким выразителем индивидуалистических тенденций, характерных для Возрождения. Он создает титанические образы сильных людей, стремящихся преступить за грани человеческого. Таков его Тамерлан — героический завоеватель, выезжающий на сцену на колеснице, в которую запряжены побежденные им цари («Тамерлан Великий», около 1587 года); таков Варрава, прототип

⁹² M. Joh. Georg Neumann's. Curieuse Betrachtungen des sogenannten D. Faustens. Aus dem Lateinischen ins Deutsche übersetzt von M. M. Dresden und Leipzig. 1702. — См.: Kloster, V, str. 451—482.

шекспировского Шейлока, но еще не очеловеченный сочувствием автора, демонически последовательный в своей алчности и в чувстве ненависти и мести к своим оскорбителям («Мальтийский еврей», после 1589 года). Рядом с ними должен быть поставлен и чернокнижник доктор Фауст, вступающий в союз с дьяволом ради безграничного знания, недоступного людям, власти и наслаждений («Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста»).

В драматической обработке Марло образ Фауста, созданный легендой, героически приподнят и идеализован, точнее — в нем раскрыты те потенции, которые заключены были в легенде и наличествовали в народном романе, как в искаженном отражении значительнейших прогрессивных идейных движений эпохи Возрождения: эмансипации человеческого разума от средневековой церковной догмы и человеческой воли и поведения от средневековой аскетической морали. Взволнованные монологи Фауста, когда он, «ничем не насыщаясь», от школьной схоластической науки обращается к магии в поисках «нездешней премудрости», которой он «жаждет всей душой»; его обращение к античному образу Елены как высшему воплощению чувственной, земной красоты своей порывистой страстностью воплощают в традиционном образе кудесника глубоко личные переживания автора и современные черты:

О, целый мир восторгов и наград,
И почестей, и всемогущей власти
Искуснику усердному завещан!
.....
Искусный маг есть всемогущий бог.
Да, закали свой разум смело, Фауст,
Чтоб равным стать отныне божеству,

В настоящее время установлено, что Марло принадлежал в Лондоне к кружку выдающихся ученых — астрономов, математиков, географов, прославленных своим вольнодумством, а также поэтов и людей искусства, собиравшихся вокруг фаворита королевы Елизаветы Уолтера Ралея, человека также широкого образования и вольных мыслей. Люди, окружавшие Ралея, составляли его «маленькую Академию» (little Academe), прозванную недоброжелателями «школой атеизма» (Sir Walter Raleigh's School of Atheism)⁹³. Доносчики сообщали Тайному совету (1592), что Ралей и его друзья «одинаково издеваются над Моисеем и над нашим Спасителем, над старым и новым заветом и, помимо всего прочего, обучают писать имя господина наоборот» (т. е. dog — «собака» вместо God — «бог», кощунство, о котором упоминается и в «Фаусте» Марло). Ученых друзей Ралей, в том числе знаменитого астронома и математика Харриота (Thomas Hariot,

⁹³ Ср.: Frederick S. Boas. Christopher Marlowe. Oxford, 1940, стр. 236—264 — Eleanor Grace Clark. Raleigh and Marlowe. A Study in Elizabethan Fustian. New York, 1941, стр. 223—390. John Bakeless. The Tragic History of Christopher Marlowe. Harvard University Press, 1942, vol. I, стр. 107—110.

1560—1621), также обвинявшегося в вольнодумстве, называли его «волхвами» (magi). Возможно, что в этом кружке получили развитие традиции, восходившие к материализму и атеизму Джордано Бруно, посетившего Англию, в частности Оксфорд, в 1583 году⁹⁴.

О Марло также широко распространено было опасное для него мнение, что он «атеист». Осведомители сообщали о нем Тайному совету, что он «был способен выдвинуть более убедительные доказательства в пользу атеизма, чем какое-либо духовное лицо в Англии в пользу существования бога» и что он будто бы «хвастался тем, что читал лекции по атеизму сэру Уолтеру и прочим». «Куда он ни приходит, — писал другой доносчик, — он всегда старается обратить людей в атеизм, рекомендуя им не давать себя запугать верой во всяких оборотней и домовых и издеваясь над богом и его служителями». В том же доносе Марло приписываются утверждения, что чудеса, совершающиеся по воле божьей, могут твориться людьми на основании опыта, что Моисей был фокусником и что Хариот (названный уже астроном из кружка Ралея) может сделать больше, чем он, что Моисею легко было, пользуясь искусством египтян, обманывать иудеев, так как они были народом грубым и невежественным, что Христос был незаконнорожденным и заслуживал казни больше, чем разбойник Варрава, как это хорошо знали иудеи, что религия была создана для того, чтобы держать людей в страхе, и много другого в том же роде. Незадолго до гибели Марло против него в Тайном совете возбуждено было дело по обвинению в атеизме. Обвинение это против передовых мыслителей и ученых эпохи Возрождения становится в это время в Англии столь же стандартным, как в более отсталой Германии обвинение в колдовстве и сношениях с дьяволом. Атеизм начиная с 1590-х годов понимался английским судом очень широко, включал все виды вольнодумства и скептицизма по отношению к господствующей англиканской церкви, во главе которой стояла королева, и рассматривался как преступление политическое. Есть основание думать, что последовавшее вскоре затем убийство Марло в одной из таверн в окрестностях Лондона, совершившееся при невыясненных обстоятельствах (1593), было подстроено тайной полицией.

Тема безграничности человеческого знания, столь близкая мировоззрению самого Марло, намечена уже в «Тамерлане», его первой драме:

Наш дух, способный до конца постичь
Вселенной нашей дивное устройство,
Измерить бег блуждающей кометы,
Всё к новым знаниям стремится вечно.

В «Фаусте» пафос первых монологов — в той же оптимистической вере в безграничную силу знания, но эта вера облечена в формы, подсказанные традиционным сюжетом легенды («Искусный маг есть всемогущий бог»),

⁹⁴ См.: E. G. Clark, I. c., Chapter 18: Atheism and the Bruno Scandal in «Doctor Faustus», стр. 338—389.

из рамок которого Марло не выходит как драматург, не нарушающий художественной правды этой легенды. Борьба «добра» и «зла» за душу Фауста происходит в соответствии с мировоззрением легенды и зрителя, и в рамках легенды «грешника» постигает заслуженная кара — адские муки. Последние слова обреченного («Я сожгу свои книги!») обличают науку как источник его несчастья: и в этом Марло остается верным традиции и художественной логике образа, а не своим убеждениям, которые звучат приглушенно в эпилоге — в высокой оценке «смелого ума» героя.

Характерны, однако, отдельные субъективные отступления на протяжении пьесы, в которых Фауст — Марло поучает Мефистофеля в духе атеизма и материализма, заверяя его, что «не страшит его слово „проклятьё“, или предлагая «праздные оставить рассуждения о гибели, о душах и о прочем»:

Не мнишь ли ты, что Фауст склонен верить,
Что может быть страданье после смерти?
Старушечьи все выдумки!

Так же своеобразно и неканонично представление об аде, излагаемое Мефистофелем в традиционной «беседе» с Фаустом: ад — не место ссылки грешных душ, он — в самом страдании грешника от совершенного греха.

Мой ад везде, и я навеки в нем!

Драматическая обработка народного романа позволила Марло создать для повествования новые композиционные рамки. Пользуясь техникой старинной английской драмы, он отодвинул биографическую экспозицию в пролог: о рождении, воспитании героя и его успехах в науках мы узнаем в этом прологе из эпического рассказа Хора. Собственно действие открывается в тот момент, когда Фауст, сидя в своем кабинете, погруженный в пыльные фолианты, в последний раз производит «смотр» университетским наукам и, не удовлетворенный философией, медициной, правом и богословием, решает обратиться к магии, к «божественным книгам некромантов». Эта драматическая экспозиция, представляющая нововведение Марло, дала прочное и концентрированное начало действия, которое в дальнейшем сохранилось во всех драматических обработках легенды — от народной драмы и кукольной комедии до «Фауста» Лессинга и Гете. В конце трагедии стоит такая же эффектная заключительная сцена: в том же кабинете Фауст в последнюю ночь своей жизни, терзаемый ужасом приближающейся расплаты, произносит свой последний монолог, прислушиваясь к бою часов, предвещающему наступление рокового двенадцатого часа и появление дьяволов, пришедших за своей добычей.

Между этими двумя неподвижными точками, началом и концом действия, проходит ряд драматизованных сцен, следующих в основном канве народного романа и развивающихся в последовательности эпического повествования.

Фауст получает магические книги от двух чернокнижников, Корнелия и Вальдеса, — эпизод, которого нет у Шписа (Комментарии, стр. 409); заклинание дьявола в лесу на перекрестке; заключение договора с Мефистофелем; разговоры между ними, прерываемые сомнениями и колебаниями Фауста; путешествия, изложенные в повествовательной форме (частично Хором, частично — в диалоге между Фаустом и Мефистофелем); широко развернутые приключения при папском дворе, при дворе императора Карла V (заклинание Александра Великого и его возлюбленной), при дворе герцога Вангольтского (т. е. Ангальтского); заклинание Елены перед студентами; неудачная попытка благочестивого старца обратить Фауста на путь праведный; сожительство Фауста с Еленой; последняя ночь со студентами.

Введены и некоторые комические анекдоты народной книги: о рыцаре при дворе императора, у Марло носящем имя Бенволио, которого Фауст награждает рогами (Тексты, II, гл. 34); о продаже лошадей барышнику и вырванной ноге (Тексты, II, гл. 39). Число таких эпизодов при свободной композиции, характерной для драматизованного романа, легко могло быть увеличено новыми вставками, как это видно при сравнении более поздней печатной редакции (1616) с более ранней (1604), в особенности при сравнении трагедии Марло с ее позднейшими немецкими народными переработками.

Чаще всего расширению подвергались именно комические эпизоды, частично из запаса анекдотов, содержащихся в народной книге, но самостоятельно разработанных. Так, в редакции 1616 года, как у Шписа (гл. 35), оскорбленный рыцарь пытается отомстить Фаусту; при этом у Марло он вместе со своими товарищами отрубает кудеснику голову, которую тот приставляет обратно к своему туловищу; в следующей сцене, опять как у Шписа, рыцари подстраивают нападение на Фауста из заставы, но он вызывает своими чарами целое войско демонов и таким образом побеждает своих противников, после чего Фауст в наказание награждает рогами и товарищей Бенволио (Комментарии, стр. 416). В той же редакции 1616 года появляется возчик, который жалуется, что Фауст (как у Шписа, гл. 40) сожрал у него целый воз сена (Комментарии, стр. 416).

При этом, согласно принципам английского театра времен Шекспира, вводятся новые комические сцены, которые пародируют серьезные или создают разрядку трагического напряжения. Таковы сцены между учеником Фауста Вагнером и шутом с участием чертей; между Вагнером и слугами Фауста, крестьянскими парнями Робином и Ральфом (или Диком, как он назван в редакции 1616 года), трактирщиком и трактирщицей, а потом Мефистофелем. Если Фауст продает свою душу дьяволу за безграничное знание и могущество, то шут готов продать свою за кусок жареной баранины. Если Фауст мечтает о любви Елены Греческой, то мечты Ральфа обращены к Нэн Слит, кухарке, и «богопротивная колдовская книга», которой он завладел, должна помочь ему и его товарищу напиться «током ипокрасы в любом кабаке Европы». Сцены эти, по крайней мере частично, являются позднейшими театральными вставками, поскольку

в двух редакциях между ними обнаруживаются существенные расхождения по содержанию. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что шут появляется в сцене IV и потом исчезает; в дальнейшем, начиная со сцены VII, выступают Робин и Ральф; шут и эта традиционная комическая пара, в сущности, дублируют друг друга в одинаковой функции «комического персонажа». В немецкой народной драме о Фаусте, в особенности в кукольных комедиях, комические импровизации, пародирующие серьезный сюжет, получают в дальнейшем широкое и вполне самостоятельное национальное развитие.

В то же время моральная тема легенды о Фаусте позволила Марло частично использовать в своем произведении драматическую композицию средневековых моралите, аллегорических театральных представлений, героем которых является Человек (Everyman), за душу которого ведут борьбу добрые и злые силы, воплощенные в аллегорических фигурах пороков и добродетелей, так что драматический конфликт между ними, развертывающийся на сцене, олицетворяет моральную борьбу, происходящую в душе человека. Фауст Марло в своей душевной борьбе выступает до известной степени как герой такой моралите, от которой драма Марло унаследовала традиционные фигуры доброго и злого ангела и прения между ними, отражающие колебания в душе самого героя. Оттуда же — аллегорическое шествие (pageant) «Семи смертных грехов». В конце пьесы «трон праведников», спускающийся с неба, и адская пасть, открывающаяся в глубине сцены (в редакции 1616 года), являются реквизитами того же старинного народного жанра.

Успех, которым пользовался «Фауст» Марло как в самой Англии, так и позднее на народной сцене в Германии, несомненно связан с этим органическим соединением в нем высокой идейности и полета творческой фантазии автора с выразительными художественными методами традиционного народного искусства.

Вопрос о времени написания и первой постановки на сцене трагедии Марло и даже о ее первоначальном тексте до сих пор остается спорным. Старая датировка 1589 годом в настоящее время многими исследователями оспаривается в пользу более поздней — 1592 годом⁹⁵. В пользу первой говорят внутренние основания, заставляющие предполагать, что пьеса была создана молодым драматургом сразу же после «Тамерлана», имевшего большой сценический успех. В подтверждение приводились также содержащиеся в тексте пьесы упоминания об исторических событиях и лицах того времени, которые в дальнейшем должны были утратить актуальность: об «огненном антверпенском корабле» (брандере) — памятном эпизоде осады Антверпена войсками принца Александра Пармского в 1585 году (Комментарии, стр. 409, прим. 9), о самом принце как испанском наместнике и главнокомандующем в Нидерландах, войска которого, однако, после 1590 года сражались уже не на территории Германской империи, а во Франции и который вскоре затем скончался (в 1592 году; см. стр. 413,

⁹⁵ Ср.: Fr. Voas, I. c., стр. 203 и сл.

прим. 8). Указывалось также, что пьеса Роберта Грина о «чернокнижнике» Бэконе («Брат Бэкон и брат Бунгей»), написанная около 1589 года, является откликом на «Доктора Фауста»⁹⁶.

Однако некоторые внешние свидетельства как будто противоречат этой датировке, что заставило новейших исследователей отнести пьесу к более позднему времени (1592). Так, Марло несомненно опирался на английский перевод народного романа Шписа, поскольку его «Доктор Фауст» обнаруживает некоторые мелкие черты, наличествующие в этом переводе в отличие от немецкого подлинника⁹⁷. Книга эта, озаглавленная «История достойной осуждения жизни и заслуженной смерти доктора Джона Фауста» («The History of the Damnable Life and Deserved Death of Dr. John Faustus»), представляет один из многочисленных в эти годы переводов немецкого романа Шписа на иностранные языки, свидетельствующих о его широком международном успехе (см. выше, стр. 301). Английский текст отличается большими художественными достоинствами и, близко следуя за содержанием оригинала, передает его свободным от германизмов, идиоматическим языком. Переводчик несколько сократил богословско-космографические «беседы» Фауста и Мефистофеля, выпустил немецкие пословицы (в гл. 65) и стихи, но в то же время он внес много новых подробностей в рассказ о путешествиях Фауста, в описания Рима, Венеции, Неаполя, Падуи, Трира и др., которые использованы в драме Марло. Мефистофель у него рекомендует себя Фаусту как дух, «быстрый как человеческая мысль» (swift as thought can think) — мотив, отражающий испытание «провождения» злых духов, появляющееся в эрфуртских главах издания 1590 года немецкой книги (см. выше, стр. 107 сл.), но не использованный в драме Марло. Фауст в Падуе посещает знаменитый университет, имеющий матерью или кормилицей христианства, слушает его докторов и заносит свое имя «в коллегии германской нации» за подписью «Доктор Фауст, ненасытный в философских спекуляциях» (the unsatiable speculator), — черта, родственная герою Марло, но также не использованная в его «Фаусте».

Английский перевод издавался несколько раз — в 1592, 1608, 1618, 1636 годах — и затем неоднократно вплоть до XIX века в дешевых народных изданиях⁹⁸. Однако какие-либо издания более раннего времени, которые могли бы послужить источником для Марло в 1589 году, не сохранились и не зарегистрированы в списках печатных книг того времени (Stationers' Register). Разумеется, поскольку и последующие издания этой народной книги имеются в настоящее время в книгохранилищах Англии только в одном, самое большее — в двух экземплярах, не исключена возможность существования не дошедшего до нас более раннего текста, тем

⁹⁶ T. B a k e l e s s, l. c., vol. I, стр. 276.

⁹⁷ См.: Theodor D e l i u s. Marlowe's Faust und seine Quelle. Bielefeld, 1881.

⁹⁸ См.: William J. T h o m s. Early English Prose Romances, with bibliographical and historical introductions, vol. III. London, 1858, стр. 151—300. — Новые издания: H. L o g e m a n. The English Faustbook. Gent, 1900; William R o s e, ed. Broadway, T r a n s l a t i o n s.

более что в подзаголовке издание 1592 года объявляется «новым и исправленным» («newly imprinted and in convenient places impertinent matter amended according to the true copy printed at Frankfurt»). В пользу этого как будто говорят более ранние упоминания о докторе Фаусте и совершенных им чудесах (полетах по воздуху, постройке волшебного замка и т. п.) в относящемся к 1590 году «Трактате против колдовства» Генри Голланда (Henry Holland, «A Treatise against Witchcraft») и около того же времени в рукописных заметках Габриэля Гарвея (Gabriel Harvey), сохранившихся на полях одного трактата по военному делу⁹⁹.

На несомненное знакомство с содержанием народной книги (скорее всего, конечно, тоже в английском переводе) указывает еще существование печатной английской «Баллады о жизни и смерти доктора Фауста, великого чародея» («A Ballad of the Life and Deathe of Doctor Faustus, the Great Conjuror»), зарегистрированной в феврале 1589 года в списках английских книготорговцев¹⁰⁰. Правда, эта баллада не сохранилась, но в коллекциях Британского музея имеется 3 экземпляра печатных листовок середины XVII века (1640—1670) с тем же содержанием, озаглавленных «Суд Божий над Джоном Фаустом, доктором богословия» («The Judgment of God showed upon one John Faustus, Doctor in Divinity») ¹⁰¹. Это стихотворное произведение приближается к типу немецких и английских «уличных баллад» (Bänkelsängerballaden) и представляет жалобу Фауста, рассказывающего краткую историю своей грешной жизни и ужасной смерти в соответствии с основным содержанием народной книги. Указание на популярный в то время мотив («Fortune, my foe») свидетельствует о том, что баллада в то время пользовалась известным распространением и, по-видимому, действительно распевавалась уличными певцами.

Вопрос о времени написания «Фауста» осложняется дополнительными соображениями, касающимися его постановки на сцене и напечатания. В начале своей театральной деятельности Марло был связан с труппой Лорда-адмирала. В дневнике антрепренера этой труппы Филиппа Хенслоу, начинающемся с 1591 года, постановка пьесы Марло упомянута в первый раз 30 сентября 1594 года, т. е. уже после смерти поэта. С этого времени до октября 1597 года «Фауст» ставился с большим успехом 23 раза. Тот же дневник содержит под 10 марта 1598 года инвентарь театральных реквизитов труппы, в числе которых упомянут «1 дракон для Фауста». Наконец, 22 ноября 1602 года в дневнике отмечена уплата крупной по тому времени суммы в 4 фунта «Вильяму Берду и Самуэлю Раули за их добавления к доктору Фаусту»¹⁰². Подобные вставки, имевшие целью обновить

⁹⁹ Paul Kocher. The english Faust-Book and the date of Marlowe's Faustus. Modern Language Notes, vol LV, 1940, N 2, стр. 96—100.

¹⁰⁰ Tille, № 38, стр. 78

¹⁰¹ См.: Christopher Marlowe, ed. by Havelock Ellis (The Mermaid Series) London, 1887, Appendix, стр. 425—428, Ballad of Faustus (from the Roxburghe Collection, vol. II, 235, Brit. Mus.). см. также W. T. Thomas, l. c., vol. III, стр. 160—162.

¹⁰² Tille, № 42, стр. 82—83.

пьесу или приблизить ее ко вкусам публики, были очень обычны в практике английских театров.

Столь поздняя постановка «Фауста» на сцене как будто говорит в пользу гипотезы о позднем написании самой пьесы (1592). Однако нам представляется более вероятным другое объяснение. В 1589 году труппе Лорда-адмирала, для которой работал Марло, запрещены были театральные представления, «поскольку актеры позволяют себе касаться в своих пьесах некоторых вопросов религии и государства, что не может быть терпимо». Запрещение публичных представлений труппы было снято только в марте 1590 года¹⁰³. Если предположить, как о том говорят соображения внутреннего порядка, что пьеса была написана уже в 1589 году, она по своему содержанию в первую очередь подпала под цензурное запрещение. Лишь после смерти Марло, в 1594 году, антрепренер решился использовать опасную рукопись, находившуюся в его распоряжении, поскольку теперь он мог переделывать ее по своему усмотрению.

Еще позднее трагедия Марло появилась в печати. В январе 1601 (1602) года разрешение на издание «пьесы о докторе Фаусте» было выдано Томасу Бушелю¹⁰⁴. Однако первое известное нам издание пьесы (in quarto) фактически вышло в свет только в 1604 году [A₁]. Возможно, что ему предшествовало не дошедшее до нас издание 1601—1603 годов. Последующие издания 1609 [A₂] и 1611 [A₃] годов представляют перепечатки предыдущего с незначительными разночтениями. Совершенно отличный текст, со значительным числом вставок и вариантов, дает издание 1616 года [B₁], которое в дальнейшем перепечатывалось, также лишь с небольшими разночтениями, в 1619 [B₂], 1620 [B₃], 1624 [B₄], 1631 [B₅] годах; издание 1663 года [B₆] представляет позднейшую театральную переработку («as it is now acted»), с произвольными поправками и добавлениями.

Вопрос о взаимоотношении двух редакций — А (1604 и сл.) и В (1616 и сл.) — представляет большие сложности (Комментарии, стр. 407). В обеих, кроме Марло, участвовали другие лица. Более близкой к оригинальному тексту представляется редакция А, которая большинством новых издателей кладется в основу текста. Редакция В содержит, по-видимому, добавления Берда и Раули, о которых упоминает антрепренер Хенслоу. Однако не исключается, что в распоряжении театра была рукопись Марло, заключавшая ряд поправок по сравнению с более ранним текстом, напечатанным в 1604 году. Некоторые варианты издания 1616 года, отличные от первого, заставляют предполагать какую-то долю участия самого автора.

По свидетельству современников, роль Фауста в труппе Лорда-адмирала исполнял лучший трагический актер этой труппы Аллейн (Alleyn). В дневнике Аллейна сохранился инвентарь его театральных костюмов.

¹⁰³ См.: J. Bakeless, l. c., vol. I, стр. 256. — Ср. также: E. K. Chambers, The Elizabethan Stage, vol. II, стр. 136.

¹⁰⁴ Tille, № 53, стр. 102—103.

Среди них «куртка Фауста, его плащ»¹⁰⁵. Костюм Аллейна, «в красной мантии, с крестом на груди», как он описан в поэме Самуэля Роулендса (1609)¹⁰⁶, неоднократно воспроизводился на гравюрах, украшавших более поздние издания «Фауста» Марло, которые, может быть, являются идеальным портретом Аллейна в этой роли (см. стр. 193)¹⁰⁷.

О популярности трагедии Марло на английской сцене того времени говорят многочисленные упоминания о ее герое в литературе первой трети XVII века. В частности, упоминает о Фаусте и Мефистофеле и Шекспир в «Виндзорских проказницах»¹⁰⁸. Однако для благочестивых зрителей, не только для пуритан, пьеса эта, в которой герой «богохульствует», отрекается от веры, заключает договор с дьяволом (и все это на сцене!), продолжала оставаться камнем преткновения. Об этом свидетельствуют в особенности суеверные рассказы о чудесных и страшных происшествиях, которые будто бы имели место в театре при представлении «Фауста». «Страшно было видеть, — пишет некий Даниэль Дайк, — как однажды, когда комедианты представляли в Лондоне доктора Фауста, оказалось, что среди переодетых в черное, которые должны были забрать его, появился дьявол собственной персоной, и комедианты, как только заметили его присутствие, все сразу убежали с подмостков»¹⁰⁹. В 1663 году Вильям Принн в своем известном памфлете против актеров, ссылаясь на «очевидцев», также рассказывает о том, как «дьявол на глазах у всех появился на сцене театра Belsavage во времена королевы Елизаветы (к величайшему удивлению и ужасу как актеров, так и зрителей), когда исполнялась кощунственная История Фауста (это подтверждали мне многие, еще теперь живущие люди, которые все это хорошо помнят), и некоторые тогда потеряли рассудок от этого страшного зрелища»¹¹⁰. Сходные рассказы распространялись позднее и в Германии по поводу народной драмы о Фаусте.

Ко времени наибольшего успеха драмы Марло на елизаветинской сцене относится и появление английского варианта народной книги о его ученике Вагнере под заглавием «Второе сообщение о Докторе Джоне Фаусте, содержащее его появления, а также деяния Вагнера» («The Second Report of Doctor John Faustus, containing his appearances, and the deeds of Wagner», 1594)¹¹¹. Автор этой книги называет себя «английским джентльменом,

¹⁰⁵ «Memoirs of Edward Alleyn, printed by the Shakespeare Society». London 1841, стр. 20 — См.: Tille, № 43, стр. 84.

¹⁰⁶ Самуэль Роулендс. Валет треф (Samuel Rowlands. The Knave of Clubbes. London, 1609) См.: Tille, № 65, стр. 126—130.

¹⁰⁷ J. Bakeless, l. c., vol I, стр. 301.

¹⁰⁸ William Shakespeare. The merry wives of Windsor, д. I, сц. 1 и д. IV, сц. 5. В первом издании (январь 1601 года) эти имена отсутствуют. Они появляются в переработанной редакции (вероятно, 1604 года), впервые напечатанной в folio 1623 года. См.: Tille, № 77, стр. 146—147.

¹⁰⁹ Daniel Dyke Nosce teipsum. Немецкий перевод: Danzig, 1643. — См.: Tille, № 381, стр. 982.

¹¹⁰ William Prynne. Histrio-Mastix. London, 1663. — См.: Tille, № 363, стр. 947.

¹¹¹ См.: W. Thomas, l. c., vol. III, стр. 301—414. Английский роман о Вагнере был переиздан в 1600 году.

студентом в Виттенберге, германском университете в Саксонии». Он действительно располагает кой-какими сведениями о Фаусте, восходящими к виттенбергской традиции, которая связывала Фауста с Меланхтоном. Он почерпнул их частично от «ученого человека — Джона Вируса», т. е. от немца Вира, латинскую книгу которого «О чудесах демонов» (1563, сар 4, libro 1, de magis infamibus) он пространно цитирует в своем предисловии в доказательство реального существования Фауста. Предисловие содержит и другие «доказательства»: в Виттенберге будто бы «сохранились развалины его дома, недалеко от дома Меланхтона», «как раз против здания университета». Упоминается дуб «в отдаленном месте» в окрестностях города, с глубоким дуплом, в котором Фауст «читал лекции по нигромантии своим ученикам»; наконец, могила Фауста с мраморной плитой, на которой высечена составленная им самим латинская эпитафия (Тексты, I, 40). Автор и в других случаях ссылается на свои личные воспоминания, столь же апокрифического характера. Например, он видел, также неподалеку от дома Меланхтона, «красивый и довольно большой дом, построенный из тесаного камня», принадлежавший Вагнеру. Дом был окружен высокой стеной и обширным садом, с длинными, скрытыми от посторонних глаз аллеями, вдали от шума людского, «где он мог без страха прогуливаться с дьяволом и его спутниками».

По своему содержанию английская книга не имеет, кроме названия, ничего общего с немецким народным романом о Вагнере, изданным на год раньше, в 1593 году. Это самостоятельное, довольно беспомощное «продолжение» народной книги о Фаусте, не связанное с традиционным легендарным материалом и откровенно спекулирующее на популярности имени знаменитого кудесника. После смерти Фауста Вагнер с помощью колдовских книг вызывает из ада дух своего учителя, который является ему в обществе адских демонов. В дальнейшем Фауст является Вагнеру еще несколько раз; он принимает также участие в попойке голландских студентов. Австрийский эрцгерцог, прослышав об искусстве ученика знаменитого Фауста, посылает за ним послов в Виттенберг. По этому случаю Вагнер, чтобы показать свое мастерство в магии, тешит их и собравшихся в большом числе на площади виттенбергских граждан невиданным зрелищем: на небесах разыгрывается немая театральная сцена, показывающая гибель Фауста и торжество Люцифера (может быть, отголосок лондонских театральных представлений). Затем вместе с послами Вагнер приезжает в Вену и принимает участие в войне против турецкого султана, осадившего австрийскую столицу. С помощью колдовства он вызывает трех адских витязей — Инфелиго, Мамри и Симонте, под масками которых скрываются Фауст, Мефистофель и демон Акеркон (т. е. Ауэрхан, спутник Вагнера в немецком романе). С их помощью после ряда эпизодов батального и грубо комического характера христианское войско побеждает неверных.

Таким образом, английский роман о Вагнере сохраняет от народной традиции лишь популярные имена героев и общие предпосылки самостоятельно разработанного фантастического сюжета.

После закрытия лондонских театров на продолжительное время в годы пуританской революции реставрация снова вернула Фауста на английскую сцену. Лондонский житель, секретарь адмиралтейства Самуэль Пипс (Samuel Pepis) сообщает в своем дневнике 26 мая 1662 года, что он «смотрел доктора Фауста в Красном быке (The Red Bull), но в таком жалком и бедном виде, что нам тошно было глядеть». 28 сентября 1675 года труппа герцога Йоркского исполняла «Фауста», по-видимому, в присутствии короля Карла II. Но свидетельства этих лет и более поздние носят уже печать новых, классических вкусов, пришедших из Франции и мало благоприятных для театрального «варварства» Шекспира и его современников, менее всего для «комедии» Марло о докторе Фаусте «с ее чертовщиной», которая в свое время «наделада столько шума» и «тешила вкусы грубой публики» (William Winstanley, 1687)¹¹². С другой стороны, вопреки этим строгим требованиям к драматическому искусству публика лондонских театров по-прежнему отдавала предпочтение трагическим и эффектным театральным зрелищам и грубой импровизации клоунад. С этим связана все бо́льшая вульгаризация текста Марло, выступающая уже в издании 1663 года, но особенно заметная в театральной переработке известного в то время актера Моунтфорта, с характерным заглавием «Жизнь и смерть доктора Фауста, с проказами Арлекина и Скарамуча» («The Liffe and Death of Doctor Faustus, with the Humours of Harlequin and Scaramouch», as acted at the Theaters. By Mr. Mountfort). Пьеса в этом виде ставилась в Театре королевы с 1684 по 1688 год, потом в театре в Линкольн Инн-Филдз (Lincoln's Inn Fields); впервые была напечатана в 1697 году¹¹³ и потом переиздавалась несколько раз. Текст Марло в «фарсе» Моунтфорта сильно сокращен и большей частью пересказан прозой. Устранены при этом высокий идеологический пафос трагедии и весь ее поэтический колорит. Комические сцены выступают на первый план. Актеры импровизованной комедии Арлекин и Скарамуччо заменили собой старомодных деревенских парней Робина и Ральфа.

В первой трети XVIII века «Фауст» продолжал привлекать лондонскую театральную публику в двух новых формах: как пьеса кукольного театра и как пантомима¹¹⁴. Народный кукольный театр Поуэла (Powel), с главным комическим героем Панчем (Punch), на площади против собора св. Павла, пользовавшийся огромным успехом в 1705—1720 годах, в особенности благодаря своей острой политической сатире, имел «Фауста» в постоянном составе своего репертуара. Популярность этого представления запечатлел художник Хогарт в гравюре 1723 года

¹¹² См.: J. Bakeless I. c. vol I, стр. 301—303. — См. также отзыв Эдуарда Финлиппса, зятя Мильтона, в его «Theatrum Poetarum», 1675 (Tille, № 123, стр. 224).

¹¹³ J. Bakeless, I. c., vol., I, стр. 302 и библиогр. vol. II, стр. 351. Перепечатано: H. Francke, Englische Sprach- und Literaturdenkmale, № 3, Heilbronn, 1863. В Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина сохранилось издание 1735 года.

¹¹⁴ См.: Arthur Diebler, Faust- und Wagnerpantomimen in England. Anglia, 1884, Bd. VII, стр. 341—354.

«Фауст — здесь!» («Dr. Faustus is Here») ¹¹⁵. С другой стороны, большие театры Дрюри-Лейн и Ковент-Гарден конкурировали друг с другом в постановке пантомимы «Арлекин — доктор Фауст», сочиненной актером Джоном Термондом («Harlequin Dr. Faustus», composed by John Thurmond, 1724) ¹¹⁶, который был также автором другой аналогичной пантомимы — «Скупой, или Вагнер и Аберикок» («The Miser, or Wagner and Abericock», a grotesque Entertainment, composed by John Thurmond, 1727). В обеих пьесах арлекин (т. е. актер, играющий арлекина) исполняет роль главного героя, но традиционны лишь имена главных действующих лиц (Abericock — английское имя Ауэрхана, спутника Вагнера); приключения героев, кроме завязки и развязки «Фауста», сочинены Термондом и не имеют почти ничего общего ни с драмой Марло, ни с народным романом.

Об успехе пантомимы о Фаусте у лондонской публики с возмущением говорит Поп, поэт-просветитель и классицист, в своей стихотворной сатире «Дунсиада» («Книга глупцов», 1727) ¹¹⁷. Он перечисляет сценические эффекты постановки: одетый в черное колдун, крылатая книга, летящая ему прямо в руки, огненные драконы, рогатые демоны и великаны, небо, нисходящее на землю, и зияющая преисподняя, музыка и пляски, битвы, «ярость и веселье» и в заключение — всепожирающее пламя пожара. В примечании к этим стихам в позднейших изданиях (1729 и сл.) Поп отмечает необыкновенный успех пьесы в течение нескольких театральных сезонов на подмостках двух крупнейших лондонских театров, стремившихся превзойти друг друга: люди самого высокого звания, по его словам, ходили на двадцатое и на тридцатое представления.

С середины XVIII века дальнейшие известия об английском «Фаусте» прекращаются: литература буржуазного Просвещения не благоприятствовала подобным темам, а народных корней сказание о Фаусте в Англии, в отличие от Германии, не имело.

6

Трагедия Марло о Фаусте вернулась в Германию, на родину народной легенды и народной книги, в репертуаре английских театральных трупп, которые с 1580-х годов, в поисках заработка, отправляются гастролировать на континент и с этого времени неоднократно посещают Германию. Первые труппы «английских комедиантов» состояли преимущественно из музыкантов, акробатов и клоунов, но уже в 1592 году в Германии появляется английская труппа, которая, помимо этих специальностей, «играет комедии, трагедии и истории» (т. е. исторические драмы) ¹¹⁸. Антрепренером этой труппы был актер Роберт Броун; труппа его выступала в этом

¹¹⁵ Описание см.: Tille, № 368, стр. 983—984.

¹¹⁶ Издание 2-е — 1727 год. В анонимной немецкой брошюре «Über die Leipziger Bühne» (1770) упоминается 9-е издание, по-видимому, этой пантомимы (или пьесы Моунт-форта) под заглавием: A dramatic Entertainment, call'd The Necromances, or Harlequin Doctor Faustus, as performed at the Theatre Royal in Lincolln's Inn-Fields, the ninth Edition. London, 1768. — См.: Тексты. III, 356.

¹¹⁷ Alexander Pope. The Dunciad, III, 341—354.

¹¹⁸ Creizenach. Schauspiel, стр. V.

году на ярмарке во Франкфурте-на-Майне, потом в разное время в Кельне, Нюрнберге, Аугсбурге, Штутгарте, Мюнхене, играла при дворе в Касселе, появлялась и в менее крупных городах, как Нердлинген или Мемминген в Швабии. Несколько раз Броун возвращался в Англию, причем состав его труппы менялся. В 1607 году он окончательно вернулся на родину; с этого времени принципиалом труппы становится Джон Грин (до 1626 года). Этот последний исколесил всю Германию от северных городов (Данциг, Эльбинг) до Баварии и Австрии, где он гастролировал при дворе эрцгерцога Фердинанда (будущего императора Фердинанда II) — в Граце и Пассау; труппа Грина выступала также в Дрездене и Праге, в Варшаве и Копенгагене. Упоминаются в те же годы и другие, менее известные труппы «английских комедиантов»¹¹⁹. Их широкий и длительный успех в Германии и в других государствах средней Европы объясняется отсутствием собственных профессиональных театров и отсутствием или, точнее, архаическим, средневековым состоянием национального драматического репертуара — результатом общей экономической и культурной отсталости по сравнению с елизаветинской Англией.

Репертуар английских комедиантов определялся тогдашними новинками лондонской сцены, весьма многочисленными и разнообразными¹²⁰. Ставились пьесы предшественников Шекспира — Пиля, Кида, Грина, Марло, ряд пьес самого Шекспира, позднее — произведения его младших современников: Деккера, Хейвуда, Чапмана, Массенджера, Марстона, Бомонта и Флетчера, Форда, а также других английских драматургов, менее известных или даже совсем неизвестных. Из них наименее популярны были «истории», т. е. исторические драмы типа «хроник» Шекспира: тесно связанные с прошлым Англии, они не могли представлять особого интереса для иностранного зрителя. Из комедий отпадали реалистические и бытовые, мало понятные на чужом языке; успехом пользовались сюжеты фарсовые либо волшебные и фантастические (типа «Сна в летнюю ночь» Шекспира). Но чаще всего исполнялись трагедии, в особенности так называемые «кровавые трагедии», столь обычные на шекспировской сцене, нередко прикрепленные к историческим или легендарным именам прошлого, но псевдоисторические по своему содержанию (вроде «Испанской трагедии» Кида или «Тита Андроника» Шекспира, к которым по характеру сюжета примыкают и такие произведения, как «Гамлет» или «Король Лир»). Нагромождение внешне эффектных драматических ситуаций, максимальная экспрессивность декламации и мимики, над которыми потешался Гамлет Шекспира в своих наставлениях актерам, были необходимы, чтобы сделать театральное зрелище эффективным и доходчивым для зрителей, не владевших английским языком. В этом направлении идет переработка театральных текстов английских драм, их вульгаризация, в особенности в прозаических переложениях для сцены и в позднейших немецких переводах. Пьесы эти породили в Германии театральный жанр, харак-

¹¹⁹ Flemming, стр. 50 и сл.

¹²⁰ См.: S t e i z e n a c h. Schauspiele, стр. XXVII и сл.

терный для репертуара немецких странствующих актеров, который позднее получил название «главных государственных действий» (Haupt- und Staatsaktionen) и просуществовал как единственный вид «высокой трагедии» вплоть до эпохи буржуазного Просвещения XVIII века и победы на сцене сперва французских классических вкусов (Готшед), потом немецкой бюргерской трагедии (Лессинг).

Характерным для английского театра времен Шекспира было, как известно, смешение трагического и комического. Представителями комического в трагедии были социально низшие персонажи (как слуги Ральф и Робин в трагедии Марло) или профессиональный комический актер, выступавший в роли шута (clown) или «дурака» (fool). Чередование пафоса и буффонады получает дальнейшее развитие и в театре английских комедиантов в Германии, где роль шута, импровизирующего свою комическую партию, становится все более самостоятельной, в особенности с переходом английского репертуара в руки немецких актеров. Эта «комическая персона» (lustige Person), продолжавшаяся в немецком театре национальные традиции «фастнахтшпиль» («масленичных представлений») XVI века, пользовалась особой популярностью у массового зрителя, посещавшего спектакли бродячих комедиантов. В XVII веке комический актер сперва носил прозвище Пикельхеринг (вероятно, голландского происхождения, буквально — «маринованная селедка») и одновременно — другое, национально немецкое, в дальнейшем возобладавшее — Гансвурст (т. е. — «Гансколбаса»). В XVIII веке под воздействием итальянского импровизованного театра он нередко называется Арлекином и носит его пестрый клетчатый костюм; французское прозвище комического слуги — Криспин — встречается только однажды в афише труппы Курца (1767). К концу XVIII века венский комик Ларош, продолжающий традиции Страницкого, дает ему местное простонародное имя Каспар, в уменьшительной форме Касперле (в австрийском диалектном произношении Кашперле)¹²¹. В кукольных комедиях это имя в XIX веке возобладало под влиянием популярных южно-немецких кукольников (Курц, Гейсельбрехт, Шютц и др.).

Первоначально английские комедианты играли на своем языке и обходились собственными актерскими силами, пользуясь в случае необходимости любителями из немцев только в качестве статистов. В дальнейшем в английских труппах появляются немцы-актеры, прежде всего, по-видимому, в роли «комической персоны», задача которой состояла в том, чтобы потешать зрителей импровизованной буффонадой на их родном языке. Так, английская труппа, игравшая в ноябре 1599 года в Мюнхене, исполняла «комедии» на английском языке, но она имела в своем составе также «шута-потешника» (einen Schalksparrten), который, по рассказу современника, «отпускал всякие шутки на немецком языке, чтобы увеселить зрителей в промежутках между действиями, когда актеры уходили переодеться»¹²². Такой актер, разумеется, был свободен в своих импровиза-

¹²¹ Creizenach, Versuch, стр. 135. — E. Devrient, Geschichte der deutschen Schauspielkunst, Bd. III, 1848, стр. 143—146.

¹²² Creizenach, Schauspiele, стр. XXVI.

циях и мог широко использовать национальную традицию немецкого юмора. В 1605 году во Франкфурте уже выступает театральная труппа, исполняющая «комедии и трагедии на верхненемецком языке». Известный печатный сборник «Английских комедий и трагедий» 1620 года (изд. 2-е, 1624), представляющий главный источник сведений о репертуаре странствующих актеров в начале XVII века, как и другие рукописи и печатные издания этого рода, содержит немецкие сценические обработки английских пьес. Авторами этих обработок были, по-видимому, сами актеры или люди, близкие театральной практике, среди которых и в Германии того времени было немало выходцев из бюргерской среды, получивших начатки университетского образования, так называемых «странствующих школяров», променявших подобно Марло и многим его английским товарищам по профессии академическую карьеру на более привлекательное для них актерское ремесло.

В течение некоторого времени немецкие труппы еще продолжают называть себя «английскими комедиантами», пользуясь этим популярным названием для целей театральной рекламы, но, в сущности, оно указывает скорее на жанровый состав репертуара, чем на язык пьес или на национальность исполнителей. В дальнейшем и это название отпадает. Актеры называют себя теперь «верхненемецкими комедиантами» (*hochdeutsche Komodianten*) — в отличие от «нидерландских» (голландских). Последние также вели свое происхождение от английских комедиантов, неоднократно гастролировавших и в Нидерландах, и пользовались большим успехом в северной Германии, где население говорило на нижненемецких диалектах, близких голландскому языку.

Труппы странствующих немецких комедиантов состояли из 10—18 актеров, часто с собственным маленьким оркестром. Во главе труппы стоял директор (антрепренер или принципал), являвшийся одновременно режиссером и актером, очень часто — исполнителем наиболее популярной роли «комической персоны». Они давали представления в городах: во время больших ярмарок — весенней и осенней — во Франкфурте-на-Майне и в Лейпциге, на второй или третьей неделе после пасхи — в Кельне, летом — преимущественно в Страсбурге и в Швабии, и т. д. Представления эти устраивались в общественных зданиях — в городской ратуше, в домах купеческих гильдий и ремесленных цехов — или в гостиницах и трактирах города. Декорации и театральные реквизиты, вначале немногочисленные, как в английском театре времен Шекспира, перевозились в больших фургонах, в которых вместе с багажом помещалась и театральная труппа. В зависимости от разнообразия репертуара и от успеха у публики труппа оставалась на месте недели две, позднее, в XVII веке, растягивая иногда свои гастроли в больших городах до 4—5 недель. На зимнее время бродячие комедианты старались осесть под покровительством какого-нибудь княжеского двора. Когда им действительно удавалось временно зачислиться на службу в качестве «придворной» труппы, они прибавляли себе соответствующий громкий титул: комедианты такого-то двора.

Этим определяется наличие двух взаимодействующих и перекрещивающихся тенденций в развитии театра немецких комедиантов и, в частности, драмы о Фаусте. С одной стороны, требования и технические возможности придворной сцены способствовали развитию зрелищно-развлекательных элементов театрального представления: декораций, костюмов, театральных «машин», всевозможных эффектных «полетов» и «превращений», пантомимы, балетного дивертисмента — в ущерб идейному содержанию пьесы, в соответствии с модным направлением пышных итальянских оперно-балетных спектаклей, утвердившихся к середине XVII века в немецком придворном театре. С другой стороны, вкусы массового городского зрителя содействовали широкому проникновению в чудесное зрелище драматизированной старинной легенды элементов бытового реализма и живого народного юмора, воплощенного в особенности в роли «комического персонажа», который подобно хору античной трагедии отражает высокое действие пьесы в оценке народного разума или народного здравого смысла. Этот народный элемент выступает особенно отчетливо в кукольных комедиях о Фаусте, рассчитанных почти исключительно на массового зрителя.

Среди первых верхненемецких трупп, перенявших репертуар английских комедиантов¹²³, более широкой известностью пользовались труппы антрепренеров Ганса Шиллинга, числившегося одно время «привилегированным саксонским комедиантом» (1651), Михаэля Даниэля Троя (Michael Daniel Treu, 1634—1708), который в 1669 году состоял на службе при мюнхенском дворе, и в особенности Карла Андреаса Паульсена (Karl Andreas Paulsen, уроженца Гамбурга (р. 1620), игравшего преимущественно в северной и средней Германии. Трой и Паульсен к пьесам старого английского репертуара добавляют переработки модных в то время итальянских и испанских пьес. Преемником Паульсена в качестве принципала его труппы явился с 1678 года его зять магистр Иоганн Фельтен (1649—1672), актер с академическим образованием и литературными вкусами, включивший в свой репертуар ряд прозаических передслок французских классических пьес Корнеля и Мольера. Труппа Фельтена с 1685 по 1690 год находилась на службе саксонского двора, получила в свое распоряжение придворный театр в Дрездене с его декорациями и «машинами» и тем самым имела возможность внести в примитивную сценическую технику немецких бродячих комедиантов модные театральные усовершенствования итальянской сцены. От «славной банды» Фельтена ведут свое происхождение многие крупнейшие немецкие театральные предприятия этого рода, пользовавшиеся широкой известностью в XVIII веке (труппы Нейберов, Шенеманна, Эггофа, Шредеров, Коха, Аккермана и др.)¹²⁴.

¹²³ См.: Flemming, стр. 57 и сл.

¹²⁴ См. родословную таблицу труппы Фельтена и его преемников в «Истории немецкой литературы» Фогла и Коха (F. Vogt u. M. Koch. Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig. 1897, стр. 412).

Самостоятельное место в ряду этих крупных немецких актеров-предпринимателей занимает Иосиф Страницкий (1676—1726), осевший со своей антрепризой в Вене, где он создал первый постоянный немецкий театр («у Каринтских ворот»), успешно конкурировавший с модной в то время при дворе итальянской оперой. Страницкий пользовался огромным успехом в роли Гансвурста. Он придал этой «комической персоне» местные бытовые и реалистические черты простоватого и вместе с тем от природы сметливого зальцбургского крестьянина. Страницкий выступал в этой роли и в «Фаусте», оказав своей новой интерпретацией большое влияние на сценическую практику южнонемецких театральных трупп¹²⁵.

Пьесы Марло, по свидетельству одного современника, известны были в Германии уже в 1592 году¹²⁶. Кроме «Фауста», английские комедианты в разное время исполняли «Тамерлана», «Мальтийского еврея» и «Кровавую свадьбу» (историческую трагедию на сюжет Варфоломеевской ночи)¹²⁷. В 1608 году «Фауста» ставит английская труппа Грина, играющая в Граце и Пассау, при дворе австрийского эрцгерцога; в 1626 году та же труппа выступает в Дрездене (Тексты, III, 2). Дальнейшие известия (Тексты, III, 3 и сл.) относятся к труппам немецких антрепренеров: 1651 — Прага (Шиллинг), 1661 — Ганновер, 1666 — Люнебург (Трой), 1669 — Данциг (Паульсен), 1669 — Мюнхен (Трой), 1679 — Данциг, 1688 — Бремен (Фельтен), 1696 — Базель, 1703 — Берлин (Де Скио), 1715 — Вена (Страницкий), 1738 — Берлин (Иоганн Нейбер), 1739 — Гамбург («знаменитый силач» Эккенберг), 1742 — Франкфурт (Валеротти), 1742 — Гамбург (София Шредер), 1746 — Майнц (Шух), 1746 — Гамбург, 1748 и 1752 — Нюрнберг (Шульц), 1765 — Любек, 1767 — Франкфурт (Курц); самое позднее известие: 1770 — Гамбург. Список этот ни в какой мере не исчерпывающий: он основан на случайных записях в дневниках и переписке современников, на архивных сообщениях — из деловых документов, городских хроник и т. п.¹²⁸ Наряду с дневником данцигского ратмана Георга Шредера (1669), который содержит подробное, наиболее раннее по времени описание постановки «Фауста» (труппой Паульсена), важнейшее значение для восстановления содержания драмы в XVII—XVIII веках имеют многочисленные афиши того времени, дающие список действующих лиц, краткий сценарий пьесы или перечень наиболее замечательных сцен и театральных эффектов: той же труппы Фельтена (Бремен, 1688), Иоганна Нейбера (Гамбург, 1738), постановки во Франкфурте (1742) и в Нюрнберге (1748), труппы Курца (Франкфурт, 1767) и др. (Тексты, III).

К этому следует присоединить уцелевшую по счастливой случайности голландскую редакцию пьесы «Сошествие во ад доктора Фауста», напе-

¹²⁵ Greizenach. Versuch, стр. 105 и сл. — Flemming, стр. 61.

¹²⁶ Flemming, стр. 51.

¹²⁷ Greizenach. Schauspiele, стр. XXXIII.

¹²⁸ В. Флемминг дает список 60 городов, где, по архивным данным, до 1650 года выступали труппы «английских» (или немецких) комедиантов. См.: Willi Flemming. Englische Komodianten, Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft, Bd. I, стр. 272.

чатанную впервые в Амстердаме в 1731 году из театрального наследия известного антрепренера и актера Якоба ван Рейндорпа (Jakob von Rijndorp, 1603—1720), директора Большой труппы Гаагского и Лейденского театров, двух первых постоянных театров в Нидерландах¹²⁹. Труппа Рейндорпа неоднократно гастролировала в Дании и в северной Германии (в Копенгагене, Гамбурге, Любеке, Данциге и Берлине). Драма о Фаусте входила в ее репертуар, и стихотворное посвящение к печатному изданию, увидевшему свет уже после смерти Рейндорпа, называет его «главным сочинителем» этой пьесы («dor Rijndorps pen voor't grootste deel gedicht»). На самом деле, как показал Коссман, пьеса эта перешла к Рейндорпу из театрального наследия его предшественника, Яна Баптиста ван Форненберга (Jan Baptist van Fornenbergh, 1620—1696), создателя первого в Нидерландах постоянного театра в Гааге (между 1658—1665 годами), владельцем которого после смерти Форненберга стал Рейндорп, как его главный актер и преемник по антрепризе. Автором нидерландской обработки был, по-видимому, некий Флорис Грун (Floris Groen, ум. 1689), странствующий актер, известный с середины XVII века как сочинитель театральных пьес, в числе которых современные источники называют и «Фауста». Сличение с упомянутым выше данцигским сценарием Паульсена (1669) позволяет видеть в голландской пьесе самостоятельную обработку английского или немецкого оригинала середины XVII века. Переработка Груна сделана александрийскими стихами (согласно принципам голландской классической трагедии), со вставными песенными номерами в строфической форме, и относится к середине XVII века, как и большинство других театральных работ Груна. Можно предположить позднейшее редакционное вмешательство Рейндорпа, сказавшееся в особенности в наличии ряда вставных балетных номеров, характерных и для других его постановок. Но в целом голландская пьеса в сопоставлении с немецкими афишами и старейшими текстами кукольных комедий, восходящими к XVIII веку, позволяет восстановить основные линии «Доктора Фауста» немецких комедиантов в первоначальной редакции XVII века.

Афиши немецких комедиантов дают представление об особенностях их театральной техники, отразившейся и на сценарии пьесы. Начиная с Фельтена, под влиянием итальянского оперно-балетного театра и придворной сцены расширяются зрелищные и декоративные возможности, используются театральные «машины» и всякого рода волшебные превращения, способствующие общей тенденции к трансформации трагедии доктора Фауста в пышную и эффектную феерию. Бременская афиша Фельтена (1688) содержит «всем на изумление» ряд таких зрелищных аттракционов, в то время, по-видимому, еще новых: «1. Плутон летает верхом на драконе по воздуху. 2. Колдовство Фауста и заклинание духов. 3. Пикельхеринг пы-

¹²⁹ «Das niederländische Faustspiel des 17. Jahrhunderts (De Hellevaart van Dokter Joann Faustus), herausg. v. E. F. Kossmann», Haag, 1910. — Ср также W Creizenach. Zur Geschichte des Volksschauspiels vom Dr. Faust. Euphoriou, III, 1896, стр. 710—722 (с подробным изложением содержания пьесы).

тается собирать золото, но ему досаждают всякие летающие волшебные птицы. 4. Банкет у доктора Фауста, причем вся выставленная снедь превращается в разные курьезные штуки. 5. Из паштета появляются и летают по воздуху люди, собаки и кошки и другие животные. 6. Прилетает огнедышащий ворон и предрекает Фаусту смерть. 7. Наконец, Фауста уносят духи. 8. Показан будет вид ада с превосходным фейерверком». Программа эта заканчивается «маскарадом из шести персон: испанец, два фокусника, школьный учитель, крестьянин и крестьянка, каковые особенно потешно плясать будут». Затем исполняется небольшая комическая пьеска современного репертуара: «Жорж Данден» Мольера в обработке самого Фельтена (Тексты, III, 10). Балет, фейерверк и заключительная комическая интермедия становятся в дальнейшем обязательным финалом волшебной трагедии.

Афиша труппы Нейберов (Гамбург, 1738) дает подробное описание декорации пролога в аду. «Большая терраса перед подземным дворцом Плутона на реках Лета и Ахерон. По реке плывет челн, управляемый Хароном, а навстречу ему на огненном драконе летит Плутон, за которым следует весь его придворный штат духов». В финале «на сцене снова подземный дворец Плутона. Фурии окружают доктора Фауста и пляшут от радости, что заполучили его в свои владения». «Остальное зрителям будет приятнее посмотреть, чем читать на афише» (Тексты, III, 17).

Труппа верхненемецких комедиантов с итальянским антрепренером Валеротти во главе (Франкфурт, 1742) регистрирует в своей программе «особые виды, имеющие быть представленными»: «1. По воздуху летит дракон с восседающим на нем Плутоном [этот номер уже сделался традиционным!]. 2. Гансвурст попадает в Фаустов заколдованный круг, и его преследуют духи. 3. Мефистофель влетает по воздуху в комнату Фауста [сцена договора]. 4. Фауст показывает герцогу Пармскому следующее: муки Тантала, затем коршуна Тития, затем камень Сизифа, затем смерть Помпея [сцена при дворе императора]. 5. Женщина превращается в фурию на глазах у всех [эпизод с Еленой!]. 6. Балет духов, во время которого фурии разрывают Фауста на куски». «В заключение балет и веселая комедия» (Тексты, III, 22).

Балетные номера сопровождают окончание каждого действия и вставляются неоднократно в середину действия в нидерландском «Фаусте»: вероятно, это была наиболее существенная модернизация, которой антрепренер Рейндорп подверг в конце XVII—начале XVIII века старинную пьесу актера Флориса Груна в соответствии с новыми театральными вкусами. В угоду этим тенденциям сценически эффектная пьеса немецких комедиантов была переделана в XVIII веке в пантомиму по английскому образцу (см. выше, стр. 323). Существовало, по-видимому, несколько таких пантомим, которые ставились: в 1749 году — в Гамбурге, под заглавием «Арлекин как Фауст» (Никколини), в 1770 году — в Лейпциге (Везер), в 1772—1773 годах — снова в Гамбурге (Никколини), в 1779 году — в Вене (Тексты, III, 29, 35, 37). Никколини инсценировал также пантомиму «Арлекин слуга Фауста», очевидно — о Вагнере. По заглавию можно

предположить перевод или переделку аналогичных английских пантомим Термонда «Арлекин как Фауст» и «Арлекин как Вагнер» (см. выше, стр. 324). То же, вероятно, можно сказать и о пантомиме, поставленной Везером; во всяком случае пьеса благодаря выразительной игре актера Куммера шла «с невероятным успехом» (Тексты, III, 35 и прим.). Венская пантомима, представленная «воспитанниками императорского и королевского театра», скорее всего — на придворной сцене, обнаруживает самостоятельность и литературные претензии. Сценарий (на французском и немецком языках) сохранился; драматическая концентрация достигается сосредоточением действия на последнем дне жизни Фауста. Автором сценария был веймарский советник Иоганн Фридрих Шмидт, скрывшийся под псевдонимом «любителя театра» (Тексты, III, 37).

Переработки драмы о Фаусте в пантомиму объяснялись, конечно, не только модой на этот жанр, распространившейся в то время из Англии. Они свидетельствуют о потере у интеллигентного зрителя интереса к идейному содержанию драмы: литература раннего немецкого Просвещения вслед за Готтшедом относилась с презрением к «простонародным» средневековым суевериям, тогда как зритель рядовой продолжал ценить в этой пьесе прежде всего феерию и элементы буффонады.

Еще раньше, в 1730 году, «Доктор Фауст» был представлен в Вене, в «императорском и королевском привилегированном театре возле Каринтских ворот», как балет — «на манер немецких комедий, английских пантомим и итальянских опер», «с многочисленными театральными машинами и декорациями» (Тексты, III, 16). Либретто этого балета не сохранилось. Содержание его (за исключением завязки и развязки) не традиционно: центральным эпизодом является роман Фауста с прекрасной мельничихой, которую он похищает с помощью Мефистофеля во время сельской свадьбы у ее жениха, мельника, и параллельная любовная интрига Гансвурста с Коломбиной и ее соперницей, коварной Андолой; среди эффектных балетных номеров упоминается парад красавиц разных национальностей, соблазняющих Фауста, различные волшебные превращения и в качестве финала — пляска ведьм, чудовищ и адских духов¹³⁰.

В форме балета «Фауст» ставился неоднократно не только в XVIII, но и позднее, в XIX веке, на сюжетной основе трагедии Гете (см. стр. 394). Таким образом, идея Гейне написать балет на сюжет «Фауста» опиралась на давнюю театральную традицию.

В середине XVIII века братья Лобе инсценировали «Доктора Фауста» в своем театре «китайских теней» (Тексты, III, 27). Однако уже значительно раньше (1688) труппа Фельтена пользовалась «театром теней» (Schattenspiele) как дополнительной приманкой для зрителей (Тексты, III, 10).

Большой успех около того же времени имел некий Рудольф Ланг, дрессировщик собак, выступавший в Аугсбурге, Франкфурте, Йене и других городах Германии и оставивший описание своих путешествий и своего ма-

¹³⁰ Kloster, V, стр. 1020—1027.

стерства¹³¹. Его собаки Моше и Гансвурст изображали Мефистофеля и Фауста; при словах дрессировщика: «Черт идет!», — Гансвурст, изображавший Фауста, испуганно прятался. Сохранилась гравюра, изображающая хозяина вместе с обими собачками. Гансвурст—Фауст — в черной мантии и брыжах. Моше—Мефистофель — в звериной шкуре, с рогами и с факелом в левой руке. Гравюра эта, за отсутствием других современных документов иконографического характера, может дать некоторое представление о костюмах кукольного театра XVIII века.

Существовала в XVIII веке в репертуаре немецких комедиантов, как продолжение «Доктора Фауста», и пьеса о его ученике Кристофе Вагнере, текст которой не сохранился. Афиша труппы Валеротти, представлявшей в Франкфурте в 1742 году как «Фауста», так и «Вагнера» (Тексты, III, 23), не позволяет с полной определенностью судить об отношении театральной обработки к народному роману. За отсутствием стойкой традиции, которая опиралась бы на народную легенду, элемент зрелищный — волшебство и буфонада, — по-видимому, преобладали. Гансвурст выступал и здесь в роли комического слуги и спутника Вагнера, «мучимого духами». Кукольная комедия о Вагнере отмечена в начале XIX века в репертуаре известного предприятия Шютца и Дрэера; германист фон дер Хаген называет ее «бледным отзвуком» Фауста (Тексты, III, 40). По более позднему сообщению Штигица (1834), «кроме самого Вагнера, в ней действовали Фауст, духи и другие чудесные явления, а также Касперле в различных ролях для увеселения публики»¹³². Текст, опубликованный Энгелем, не может, по-видимому, считаться подлинным¹³³.

Широкая популярность «Доктора Фауста» в исполнении странствующих немецких трупп на протяжении всего XVII и большей части XVIII века (в особенности в народной аудитории) единодушно засвидетельствована многими сочувственными или враждебными отзывами современников — от диссертации Неймана (1683) и комментариев к «Симплициссимусу» Гриммельсгаузена (1684), до поздних упоминаний буржуазных просветителей — Готшеда (1728), побывавшего в Германии Вольтера (1767), Фридриха Николаи (1781) и др. (Тексты, III, 8, 9, 15, 31, 38). «И как влюблена была Германия, да и сейчас еще отчасти влюблена в своего „Доктора Фауста“!» — пишет Лессинг в «Письмах о новейшей немецкой литературе» (1759; Тексты, V, стр. 245).

С другой стороны, и в Германии, как в свое время в Англии, не умолкают осуждающие голоса многочисленных «верующих», в особенности официальных представителей лютеранской церкви, выступающих против пьесы, в которой на потеху публики на подмостках театра показывали «на-

¹³¹ Rudolph Lang, Kurzfassste Reis-Beschreibung. Augsburg, 1739. — См.: «Тексты», III, 18 (Tulle, № 412, 414, стр. 1057—1062 и 1064—1066).

¹³² «Historisches Taschenbuch von Raumer», 1834, стр. 134. — См.: Engel. Faust-Schriften, стр. 148

¹³³ См.: K. Engel. Deutsche Puppenkomödien, Bd. V. Oldenburg, 1876, стр. 13—44. Christoph Wagner, ehemals Famulus des Doctor Johann Faust. Grösses Volksschauspiel mit Tanzen, Verwandlungen, Zaubereien etc. in sieben Akten (Fragment).

стоящее заклинание бесов, коих выпускали на сцену, и кошунственное отречение от бога во имя нечистого» (Тексты, III, 13). Как в Англии по поводу драмы Марло, так и в Германии среди суеверных зрителей ходили слухи, будто во время исполнения этой пьесы «в толпу наряженных чертями проникали и настоящие бесы, вследствие чего неоднократно случилось, что на поверку один черт оказывался лишним, и не было никакой возможности понять, откуда взялся этот четвертый, или седьмой, или двенадцатый» (Тексты, III, 9).

Рассказывали о божьей каре, которая постигала актеров, занятых в этой пьесе: например, о том, как арлекин, хвативший лишнего после представления «Фауста» на дружеской пирушке в доме базельских ткачей, оступился, спускаясь по лестнице, полетел вниз головой и разбил себе череп, «откуда явствует, что представление столь богопротивных комедий безнаказанным не остается» (Тексты, III, 11). Ревнители веры во главе с церковниками неоднократно обращались к властям с просьбами о полном запрещении этой богопротивной пьесы. Такое «высочайшее» запрещение выхлопотал в Берлине в 1703 году глава лютеранского духовного управления прусской столицы, известный пиелист доктор Шпенер (Тексты, III, 13). Подобный инцидент повторился в 1740 году в Кенигсберге, где верующие подали жалобу на антрепренера Гильфердинга за то, что он «вывел на сцене человека, который заключает союз с дьяволом и при этом по всей форме отрекается от родителей, крещения, религии и господа бога» (Тексты, III, 20). Еще позже, в 1767 году, евангелическим духовенством Франкфурта-на-Майне «в полном составе» в специальной жалобе на имя магистрата этого вольного города поставлено было в вину антрепренеру Курцу, что в его пьесе «известный архиколдун доктор Фауст» назван был профессором теологии в Виттенберге, что представляет «грубую ложь и бессовестную клевету на один из лучших и старейших университетов нашей евангелической церкви»: обвинение, повторившее негодующий протест Лерхеймера, ученика Меланхтона, против народной книги Шписа (см. выше, стр. 134). Курцу пришлось на афише следующего представления, «по всемилостивейшему приказу», принести извинения, опровергнув «измышление», заимствованное им из «старинного театрального сочинения», и «по собственной воле заявить, что ни в коей мере не намеревались оскорбить сие высокое звание и выдать сию басню за истину» (Тексты, III, 33в). По странной игре случая опровержение это появилось на афише новой пьесы Лессинга — «Минна фон Барнгельм».

Можно предполагать, что драма «Доктор Фауст» должна была в конце концов искать прибежища в народном кукольном театре не только потому, что театр и драматургия раннего немецкого буржуазного Просвещения заняли враждебную позицию по отношению к пьесам старинного театра XVI—XVII веков, в которых, как писал просветитель Готшед, «можно увидеть, как колдуны в смехотворном облачении чертят знаки, круги и фигуры, бормоча при этом заклинания и нелепые магические формулы» (Тексты, III, 15). Существенную роль сыграли в этом процессе и повторные запрещения духовной цензуры, в результате которых народная драма,

вытесненная понемногу из театрального обихода образованного общества, вынуждена была «уйти в подполье».

На сцене кукольного театра «Доктор Фауст» документально засвидетельствован с середины XVIII века (Гамбург, 1746; Тексты, III, 26), однако существуют упоминания более раннего времени о «механических фигурах», которые показывали антрепренер Трей в Лüneбурге уже в 1666 году (Тексты, III, 5) и какой-то неизвестный «в одном балагане в Гамбурге» в 1698 году (Тексты, III, 12). Некоторые театральные труппы пользовались куклами, как и китайскими теңями, чтобы разнообразить свой репертуар¹³⁴.

Кукольный театр был известен в Германии уже в средние века, но собственно марионетки, т. е. механические куклы, управляемые с помощью проволок, появляются впервые в XVI веке и получают широкое распространение в XVII веке. Новая техника позволила усложнить сценическую композицию: вместо двух кукол, которых мог водить кукольник, пользуясь только своими руками, он получил возможность при одном помощнике управлять движениями нескольких кукол одновременно и с помощью простых механизмов освоить некоторые традиционные зрелищные эффекты постановки «Доктора Фауста» на подмостках больших театров (полеты по воздуху, сцены с чертями, парад «героев древности», огнедышащий дракон, на котором «комическая персона» совершает свой перелет в Парму, или адский ворон, уносящий расписку Фауста, и т. п.). Однако эти зрелищные элементы, по сравнению с большим театром в силу необходимости крайне дорогие и схематические, окружая старинное театральное зрелище привычной для него атмосферой необычного и чудесного, нигде не заслоняют его основного драматического содержания, рельефно выступающего в обобщенных формах народного кукольного представления.

Кукольный театр был по преимуществу театром массового, демократического зрителя; именно поэтому ранние известия о нем так немногочисленны — вплоть до времени возникновения в Германии активного интереса к народному творчеству, народному искусству и литературе, связанного с именами Гердера и молодого Гете, с литературным движением «бури и натиска» и романтизма. «Фауст» Лессинга и в особенности «Фауст» Гете возродили эстетический интерес к народному «Фаусту», в частности к кукольной комедии о Фаусте. Одним из первых симптомов этого нового общественного интереса у интеллигентных зрителей явился небывалый успех с 1804 года периодических гастролей в Берлине кукольного театра антрепренеров Шютца и Дрэера, о которых рассказывают многие современники: посещение этого театра литературно образованной публикой стало модой, державшейся в течение ряда лет. К 1807—1808 годам относится запись исполнения Шютца, сделанная германистом фон дер Хагеном и его друзьями (Тексты, III, 40; IV, 3), которая дополняется рассказами

¹³⁴ См.: Н. Kundsen Puppenspiele Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft, Bd. II, 1926, стр. 749—750. — О кукольном представлении в Любеке в 1666 г. упоминает: «Wörterbuch der deutschen Volkskunde, herausg. von O. Eich u. R. Beitel». Stuttgart, 1955, стр. 617.

Горна, Лейтбехера и более поздним — Эмиля Зоммера (1844)¹³⁵. Одновременно большим успехом пользовался мюнхенский кукольник Гейсельбрехт, с 1797 по 1807 год выступавший в различных частях Германии, чаще всего во Франкфурте-на-Майне. Рассказывают, что во время Раштадтского конгресса (1797—1799) дирекция гастролировавшего там «Théâtre français» жаловалась, что растеряла всю свою публику, «потому что все бегали смотреть театр марионеток какого-то Гейсельбрехта»¹³⁶. Рукопись его «Фауста» сохранилась (Тексты, IV, 2). В последние годы своей жизни он неохотно играл эту пьесу, которая вызывала у него сомнения религиозного и морального характера.

Как Шютц, так и Гейсельбрехт, прославившись своей игрой, имели возможность в конце своей деятельности осесть: первый — в Берлине, второй — во Франкфурте. Постоянный кукольный театр еще раньше появился в Вене (Kasperletheater). Существовал такой театр с 1802 года и в Кельне (под названием Hännischen Theater); его принципалом был кукольник Кристоф Винтер, также оставивший свою обработку «Фауста»¹³⁷. В Лейпциге и Саксонии особенно прославился в начале XIX века кукольник Константин Бонешки (Boneschky, ум. 1889), фирма которого под руководством его наследников продолжала существовать до конца XIX века. Тексты «Фауста» Бонешки и его преемников также были опубликованы по рукописям¹³⁸.

Однако из бродячих кукольников XIX века (как, впрочем, можно думать, и в более отдаленные времена) лишь немногие, наиболее известные и выдающиеся, играли на площадях и ярмарках крупных городов. Огромное большинство странствовало по деревням, городским местечкам и пригородам, играя на постоянных дворах и в деревенских трактирах, на базарах и сельских ярмарках и обслуживая своим искусством самые широкие народные массы в городе и деревне. Как в прошлом труппы бродячих комедиантов, они переезжали из одного места в другое в старинном фургоне, вмещавшем самого хозяина и его семью, ящик с куклами и многочисленные театральные реквизиты. Число таких бродячих кукольников даже в конце XIX века было немало: исследователь немецкого кукольного театра Кольман насчитывал еще в 1890 году в одной Саксонии не менее 40 хозяев, не считая владельцев более мелких «театров полишинелей» (типа «Петрушки»), переносивших добро свое на спине, как коробейники. По словам Кольмана, они проникали в самые глухие горные поселки, где никогда не видели других театральных представлений, но даже в богатых селах и небольших городах они успешно конкурировали с заезжими гастролерами из провинциальных городских театров¹³⁹.

¹³⁵ Библиографию см.: Комментарии, стр. 402—404.

¹³⁶ Faligan, стр. 336.

¹³⁷ См.: Kloster, V, стр. 805—818.

¹³⁸ См.: W. Hamn. Das Puppenspiel vom Dr. Faust. Leipzig, 1850 (Константин Бонешки). — «Das Puppenspiel vom Dr. Faust, herausg. v. G. Ehrhardt». Dresden, 1905 (Рихард Бонешки).

¹³⁹ Kollmann, стр. 7—8.

Значительную часть постоянной аудитории кукольных театров составляли дети всех классов общества, в особенности в более крупных городских центрах, где образованное бюргерство привыкло смотреть на кукольный театр сверху вниз как на забаву для «простого народа».

Профессиональные навыки кукольников чаще всего передавались по наследству — от отца и мужа жене и сыну или дочери и зятю. Будущий наследник предприятия практиковался годами, сначала как помощник хозяина, разносил публике афиши и собирал их, по обычаю, по окончании представления, потом помогал главе семьи в качестве второго актера и водителя кукол. Существовали целые династии кукольников, наследовавшие от отцов своих вместе с куклами и театральным имуществом репертуар, рукописи пьес и традиции исполнения.

Репертуар этот лишь частично состоял из старинных пьес, восходящих к театральному наследию английских и немецких странствующих комедиантов, как «Доктор Фауст», «Дон Жуан», «Юдифь и Олоферн», «Геноефа и Зигфрид» и некоторые другие. В XVIII веке театральной обработке подвергались английские сентиментальные повести («Фанни и Дерман»), популярные рыцарские и разбойничьи романы. Подвиги «благородных разбойников» — баварца Хизеля и Шиндерханнеса, прославленных народом борцов против феодального угнетения, — нашли свое отражение не только в устном фольклоре, но и в народных романах и кукольных комедиях конца XVIII—начала XX века. «Робинзон Крузо» и «Хижина дяди Тома» были обработаны для театра марионеток, как и баллада Шиллера «Фридолин» («Der Gang nach dem Eisenhammer») и др.

Знакомство исследователей с этим репертуаром основано на рукописях кукольников, в значительно меньшей степени — на записях, сделанных во время представлений. Кукольники играли, частью по памяти, но гораздо чаще — по рукописям, своеобразным режиссерским спискам, сохраняя свободу импровизации для роли «комического персонажа». Списки эти переходили по наследству, переписывались, переделывались по вкусу принципала, иногда перекупались одним кукольником у другого, но в то же время прятались от конкурентов. Многие кукольники уверяли собирателей, что не имеют рукописей, из боязни «потерять хлеб». Так, в романе Карла Гольтея «Бродячий люд» («Vagabunden», 1851) кукольник Дрээр заявляет: «У нас все передается от отца к сыну; один выучивает от другого наизусть, а потом носишь всю историю с собой в голове. Каждый из нас должен принести клятву, что никогда не запишет ни одной строки, чтобы рукопись не попала в недобрые руки и мы не лишились хлеба». Однако, несмотря на это, многим собирателям удалось собрать обширные коллекции таких режиссерских списков, частью в оригиналах, частью в копиях. Коллекция Кольмана насчитывала, например, около 100 рукописей, приобретенных от 23 разных кукольников, из них 15 текстов «Доктора Фауста»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Там же, стр. 17.

К сожалению, списки кукольного «Фауста», известные до сих пор, все переписаны в XIX веке, и текст их далеко не в точности отражает первоначальную форму народной кукольной комедии. Кукольники, как представители живого народного искусства, не относились к унаследованному тексту как к музейному экспонату. Подобно тому как импровизации комического актера всегда частично приспособлялись к современности, так содержание и стиль народной драмы в целом понемногу изменялись, перерабатываясь исполнителями в общих рамках традиции согласно их вкусу, менявшемуся вместе с мировоззрением и вкусами народной аудитории. Удачные находки заимствовались одним исполнителем у другого, влияли и новые литературные вкусы в той мере, как они проникали вместе с новыми сюжетами в народное искусство. Об этом свидетельствует, в частности, воздействие на кукольные комедии о Фаусте различных позднейших литературных обработок этого сюжета: романа Клингера (1791), ультра-романтической трагедии Клингемана (1815), реже — более далекого от традиции «Фауста» Гете (1808).

Всего до настоящего времени, кроме старых текстов Шютца—Дрэера и Гейсельбрехта, опубликовано более 20 различных списков кукольного «Доктора Фауста», некоторые с вариантами (библиографию см. стр. 402 сл.): в Германии — из Аугсбурга, Берлина, Веймара, Кельна, Лейпцига (Бонешки и его школа), Майнской Франконии (район Вюрцбурга), Ольденбурга, Страсбурга, Хемница (теперь Карлмаркшталт в Саксонии), Ульма; в Австрии — из окрестностей Вены (Нижняя Австрия) и из Тироля. В Тироле «Фауст» сохранился также в репертуаре старинного крестьянского самодельного театра, до сих пор существующего в некоторых отдаленных горных селениях верхней Баварии и южной Австрии.

Из всех дошедших до нас версий наиболее архаической большинством исследователей признается ульмская (см.: Тексты, IV, 1), хотя сохранившийся текст по сравнению с другими отличается некоторой неполнотой.

Сводный характер имеет текст «Доктора Фауста» в литературной обработке Карла Зимрока, поэта, известного своими художественными модернизациями народных книг и переводами памятников средневековой немецкой литературы. Такой же сводный характер имеют публикации Карла Энгеля и Тилле, которые по этой причине также не могут считаться достоверными историческими источниками (см. библиографию, стр. 403).

Существует, кроме того, большое число пересказов и сообщений о постановках «Фауста» из разных мест, а также театральные афиш XIX века. В частности, имеется сообщение об исполнении этой популярной пьесы бродячими цыганами в южной Германии (Швабии).

За пределами Германии и Австрии «Фауст» издавна исполнялся на сцене кукольных театров в Нидерландах. В Антверпене такой театр существовал до недавнего времени. Известно, что голландские кукольники показывали «Доктора Фауста» в Москве и в Петербурге: в XVIII веке — Заргер (1761), в XIX веке — Швигерлинг (1856), последний — даже в русском переводе (Тексты, III, 44 и 45). Но особенной популярностью кукольная комедия о Фаусте пользовалась в Чехии, где вплоть до чеш-

ского возрождения XIX века это народное искусство представляло единственную форму театра на национальном языке, уцелевшую от германизации. Английско-немецкие странствующие комедианты представляли «Доктора Фауста» в Праге не позже 1651 года (гастроли немецкой труппы Шиллинга; Тексты, III, 3). Согласно народной книге Шписа, Фауст побывал в Праге (см. эрфуртские главы: Тексты, II, Дополнения, 1, гл. 53). Здесь о нем сложились местные предания, указывали «дом Фауста», знали о нем балладу¹⁴¹. Кукольные комедии о Фаусте на чешском языке записывались неоднократно. Из них старейшая относится к первой половине XIX века и воспроизводит текст крупнейшего чешского кукольника Матвея Копецкого (М. Kopecký, 1762—1846)¹⁴².

С конца XIX века «Доктор Фауст» неоднократно ставился художественными кукольными театрами Германии, возникшими в Мюнхене, Дрездене, Берлине и других в связи с возрождением интереса к этому виду театрального творчества.

7

Хотя текст «Доктора Фауста» в немецких театральных обработках XVII века не сохранился, однако общие его очертания могут быть восстановлены сопоставлением нидерландской драмы XVII века с кратким переложением данцигского спектакля труппы Паульсена в дневнике Шредера (1669) и с ульмским списком кукольной комедии, как наиболее архаическим. Дальнейшие наслоения засвидетельствованы в более поздних афишах (с конца XVII до середины XVIII века) и в многочисленных кукольных комедиях XIX века, из которых наиболее ранние восходят к списку и театральной практике конца XVIII века.

Немецкая драма сохранила в основном последовательность театральных эпизодов трагедии Марло, однако с пропуском отдельных сцен в серьезных партиях и в более сжатом изложении, в особенности в кукольных комедиях. Текст, переложенный прозой, в соответствии с особенностями игры бродячих комедиантов имел текучий характер, прежде всего в импровизованных комических партиях, и сильно разнится в различных позднейших записях. Устный характер традиции с самого начала создавал предпосылки для творческой переработки сценария и текста, представляющей известное сходство с обычной судьбой произведений устного народного творчества. Наблюдения над развитием текста кукольных комедий, в особенности — более позднего времени, подтверждают это положение¹⁴³.

Кукольные комедии имеют некоторое число стихотворных реплик, преимущественно заключительных, в модной для трагедии XVII века форме парных александрийских стихов, а также вставные строфические арии, существовавшие, вероятно, уже в текстах XVII века. Стихотворная пере-

¹⁴¹ См. Kraus, стр. 1 и сл. — Ernst Kraus. Faustiana aus Böhmen, стр. 61—92.

¹⁴² Библиографию см. стр. 404.

¹⁴³ См.: A. Tille. Moderne Faustspiele. Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte, NF., Bd. IX, 1895, стр. 326—333.

работка нидерландской драмы представляла, по-видимому, местное исключение; такой же местный характер имеют и в значительной части рифмованные тирольские народные драмы.

В отдельных случаях немецкая драма содержит мотивы и эпизоды, отсутствующие у Марло и восходящие к немецким народным книгам, а может быть, и к устному народному преданию. В связи с этим некоторыми исследователями высказывалось мнение, что немецкая народная драма возникла самостоятельно и имеет источником не Марло, а народную книгу Шписа, и даже более того, что Марло воспользовался для своей трагедии немецкой драматической обработкой народной книги, завезенной в Англию труппами гастролировавших на континенте английских комедиантов¹⁴⁴. Однако доводы в пользу этой теории крайне неубедительны. В Германии XVI века, как уже говорилось, не было подходящих общественных условий для возникновения национальной драматургии, не было ни национального театра, ни актеров, ни драматурга, способного создать такую пьесу. Существование немецкого «Фауста» в конце XVI—начале XVII века нигде не засвидетельствовано, тогда как распространение в Германии пьес английского репертуара, в том числе «Фауста» Марло, прослеживается документально. С другой стороны, в популярности именно этой английской трагедии в репертуаре англо-немецких комедиантов существенную роль несомненно сыграли немецкое происхождение сюжета и его немецкий характер. Поэтому не удивительно, что на родной немецкой почве пьеса могла притянуть к себе ряд мотивов немецкой народной традиции, отсутствующих у Марло, притом не только из народных книг, но и из связанного с ними устного народного предания.

Остановимся на сценах, в которых немецкая драма XVII века и позднейшие кукольные комедии существенным образом отходят от английского оригинала.

1. Драма англо-немецких бродячих комедиантов очень рано отбросила эпический пролог Хора, в котором Марло резюмировал биографическую предысторию Фауста, содержащуюся в народной книге. Первый монолог Фауста, созданный Марло, сам по себе содержит все элементы, необходимые для драматической экспозиции.

Вместо этого уже редакция середины XVII века, как показывают нидерландская драма и данцигская инсценировка труппы Паульсена, имеет новый пролог в аду, наличествующий и в некоторых более поздних театральных афишах (1688, 1738): сцену между Плутоном и перевозчиком душ Хароном, который жалуется на запустение в аду и недостаточное усердие адских духов. Плутон созывает покорных ему демонов и отправляет их на землю соблазнять людей. В числе этих демонов в нидерландской драме выступает и Мефистофель, который посылается к «духовенству» и «студентам». Среди них назван и ученейший доктор Фауст, к которому «все люди обращаются за поучением в земных и небесных делах».

¹⁴⁴ См.: Albert Bielschowsky. Das Alter der Faustspiele. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. IV, 1891, стр. 193—236.—Brünnler, Bd. XXIX—XXXI.

Мефистофель обещает соблазнить Фауста и доставить его в царство Плутона.

Как показал Крейцсмах¹⁴⁵, пролог этот заимствован из комедии английского драматурга Томаса Деккера, позднего современника Шекспира, — «Если все это плохо, то без черта не обошлось» («If it be not good, the devil is in it») (1612, первое печатное издание около 1640 года). Пьеса Деккера представляет драматическую обработку популярного средневекового шванка о черте, который, поступив поваром в монастырь, понемногу соблазняет всю монашескую братию¹⁴⁶. Очевидно, использование пролога Деккера — дело рук английских комедиантов, ставивших «Фауста» Марло в таком виде на немецкой сцене. Из той же комедии Деккера был одновременно заимствован и другой эпизод, в котором комический персонаж (Пикельхеринг) выступает как кладонискатель, обманутый Мефистофелем (действие IV).

Из текстов кукольных комедий пролог сохранили лишь немногие — ульмский, страсбургский, берлинский. В двух последних Мефистофель также получает от своего повелителя задание соблазнить Фауста.

2. Первый монолог Фауста уже очень рано оказался сокращенным и лишился идейной глубины, которую вложил в него Марло. В нидерландской пьесе Фауст еще сетует на то, что, будучи ученым, он не знает, каким образом сделать еще «еще учнее». В ульмской и аугсбургской кукольных комедиях он не находит удовлетворения в богословии, потому что много читал о свойствах планет и «хотел бы все увидеть, ощупать руками» — «с помощью астрологии узнать о планетах, аспектах и обо всех элементах», поэтому он решил отложить богословские занятия и предаться изучению магии. От «смотра факультетов» некоторые тексты, например аугсбургский, сохранили упоминание о том, что «природа человеческая имеет склонность к разным предметам и всевозможным наукам, как-то: к философии, медицине, математике, астрологии, музыке, праву гражданскому и церковному» (ad Philosophiam, Medicinam, Mathematicam, Astrologiam, Musicam, Jure civile et canonicam) — и когда человек наконец изберет что-нибудь одно, то он стремится в своей профессии «достигнуть высших почестей». К этому примыкает основное для большинства других кукольных комедий рассуждение о том, что «никто не бывает доволен своим жребием» (nemo sua sorte contentus est): нищий мечтает быть хотя бы простым крестьянином, крестьянин — бюргером, бюргер — дворянином, дворянин — князем и наконец императором, «и если была бы еще более высокая ступень счастья, то каждый старался бы ее достигнуть». Во многих текстах к этому присоединяются жалобы Фауста на бедность, в которой он прозябает, несмотря на свою ученость: «Люди говорят, будто я богатый, ученый человек. Но что мне за польза от того? Я не богат, я беден,

¹⁴⁵ W. Creizenach. Der älteste Faustprolog. Krakau, 1887; Zur Geschichte des Volksschauspiels vom Dr. Faust. Euphorion, Bd. III, 1896, стр. 717.

¹⁴⁶ Немецкий стихотворный шванк «Vom Bruder Rausch», в английской переработке как народная книга «The Historie of Frier Rushe» (London, 1620),

как церковная мышь». В более поздних текстах мотив этот усиливается: бедного ученого преследуют жестокие работодатели.

Монолог Фауста содержит в кукольных комедиях обильные латинские слова и целые изречения, которые должны свидетельствовать об учености героя. Эти ученые цитаты не совпадают с текстом Марло. Их, вероятно, сочинили довольно многочисленные среди немецких бродячих комедиантов «ученые люди», променявшие университет на подмостки театра; в кукольных комедиях они имеют традиционный характер и сохранились нередко в совершенно искаженном виде.

Монолог прерывается, как у Марло, появлением доброго и злого духа или переключкой их незримых голосов. При наличии пролога в аду злой дух, искушающий Фауста, отождествляется с Мефистофелем. Как видно из афиши труппы Нейберов (Тексты, III, 17), в уста небесного духа вкладывается ария, которая в дальнейшем получит самостоятельное пространство как народная песня (см. выше, стр. 308).

3. В следующей сцене два студента, о которых докладывает Вагнер, приносят Фаусту магическую книгу. В некоторых кукольных комедиях студенты, оставив книгу, таинственно исчезают, чем подчеркивается их демоническая природа. У Марло этому соответствуют две сцены, объединенные уже в нидерландской драме: сперва разговор с чернокнижниками Корнелием и Вальдесом, которые рекомендуют Фаусту заняться магией, потом появление двух студентов, предостерегающих его от опасного пути. Имена студентов в позднейшей традиции различные и, вероятно, произвольные; только чешская кукольная комедия сохранила традиционное имя Корнелий, как у Марло, рядом с новым — Фабриций.

4. Заклинание первоначально происходило в лесу, как у Марло и в нидерландской драме (ср., например, афишу 1767 года); из кукольных комедий лишь немногие сохранили эту эффектную декорацию (тексты Гейсельбрехта, страсбургский, кельнский, нижеавстрийский), тогда как в большинстве других действие перенесено в кабинет Фауста, вероятно — для облегчения постановки. Наиболее существенным новшеством по сравнению с трагедией Марло является испытание быстроты адских духов, из которых Фауст избирает Мефистофеля, быстрого как мысль человеческая. Эпизод этот восходит к эрфуртским главам народной книги Шписа в издании 1590 года [С], где он встречается в другом контексте, в сцене пирушки в доме Фауста (см.: Тексты, II, Дополнения, I, гл. 54). Адские слуги, проворство которых Фауст хочет здесь испытать, быстры как стрела, как ветер, как мысли человеческие. В этом случае непосредственное влияние народной книги на драму немецких комедиантов несомненно. Существование этой сцены уже в середине XVII века засвидетельствовано нидерландской драмой, данцигской постановкой 1669 года, а в дальнейшем ульмской, как и большинством более поздних кукольных комедий. Имена злых духов и их число различны. Первоначальную последовательность дает, по видимому, народная книга: быстрым как стрела является «бес похоти» (Вицлипуцли), быстрым как ветер — «воздушный бес» (Ауэрхан), быстрым как человеческая мысль — «бес умствований» (Мефистофель). В дру-

гих текстах очень рано встречаются варианты: вместо стрелы — пуля из ружья, молния; вместо ветра — корабль, гонимый ветром, облака, птица в небе, рыба в воде и даже иронически — улитка в песке. В отдельных случаях число злых духов доходит до пяти или семи — вариант, который использовал Лессинг в своей сцене из «Фауста»¹⁴⁷.

5. Сцена договора содержит упоминание об условиях, на которых Мефистофель соглашается служить Фаусту: отрекшись от бога, Фауст не должен ходить в церковь (варианты: подавать милостыню, участвовать в беседах ученых богословов); не должен мыться, чесаться, стричь ногти и волосы; не должен жениться. На первое условие Фауст возражает, что он заслужит осуждение людей, на второе, что он станет для них страшилищем; но Мефистофель обещает своими чарами отвести людям глаза, так что никто из них не заметит его отсутствия в церкви и он будет всегда казаться красивым и молодым; взамен законного брака он обещает ему прекрасных женщин в любом числе. У Марло имеется только преппаративное Фауста с Мефистофелем о законном браке, играющее столь существенную роль в мировоззрении автора народной книги (см. выше, стр. 296). В нидерландской драме — два запрета: ходить в церковь и жениться. Остальные восходят к суеверным представлениям того времени о поведении колдунов и ведьм, продавших свою душу дьяволу.

Подписание договора кровью представляло сценически эффектную сцену, которая прочно сохраняется во всех версиях; при этом предостерегающее «*homo fuge!*» («человек, беги!») или сокращенно «*h. f.*» остается лишь в немногих кукольных комедиях. На вопрос Фауста о значении этих таинственных букв Мефистофель отвечает уклончиво: «Разве требуется объяснение такому ученому человеку?», — либо софистически: «Это значит: беги в мои объятия!». Как у Марло, в этой сцене еще раз появляется добрый дух, в уста которого вложена предостерегающая песня; иногда Фауст при этом погружается в сон. Подписанный договор в поздних текстах драмы (1767), как и в последующих кукольных комедиях, уносит адский ворон.

6. Из путешествия Фауста в трагедию Марло, кроме эпического рассказа Хора и примыкающего к нему разговора между Фаустом и Мефистофелем (Тексты, V, стр. 219), включены три комплекса сцен: при дворе императора Карла V и герцога Вангольтского (Ангальтского), которым предшествует шутовская сцена посещения папского двора в Риме. В немецкой драме сохранена только сцена при дворе императора, чем достигается значительно большая драматическая концентрация.

Мефистофель и Фауст совершают чудесный перелет из Германии в Италию по воздуху — черта, заимствованная из аналогичных рассказов народной книги или непосредственно из устной легенды. Император Карл и его жена Изабелла (о которой Марло не упоминает) сохранились в нидерландской драме. В более поздних версиях императора почти повсюду

¹⁴⁷ См.: Creizenach, Versuch, стр. 67—63. — Gruhier, Bd XXX, стр. 332 и 356—357.

Заменял герцог Пармский (вероятно, по соображениям цензурного характера). Фауст прибывает к его двору на торжество его бракосочетания и, как знаменитый кудесник, должен развлечь его своим искусством, вызвав своими чарами тени героев древности. У Марло, как и в народной книге Шписа, Фауст вызывает Александра Великого и его жену или возлюбленную; в нидерландской драме присоединяется псеидинок между Ахиллом и Гектором.

В более поздних текстах драмы и кукольных комедий эта театрально эффектная сцена превращается в настоящий парад героев античной мифологии и истории и знаменитых персонажей библии, имеющий характер живых картин или немых сцен. Афиши и тексты сценариев попеременно называют: Сизифа с его камнем, муки Тантаала, Тития, терзаемого коршуном, целомудренную Лукрецию, смерть Помпея, Каина и Авеля, Самсона и Далилу, премудрого царя Соломона и царицу Савскую, Давида и Голиафа, Юдифь с головой Олоферна, лагерь Голиафа или ассирийское войско и даже разрушение Иерусалима.

Столкновение между Фаустом и одним из придворных имеет традиционное окончание. Фауст награждает рогами самонадеянного противника. В австрийской и чешской кукольных комедиях жертвой этой проделки становится сам король или герцог в наказание за свое вероломство.

В дальнейшем герцог приглашает Фауста к столу. Но здесь неожиданно вмешивается Мефистофель, который сообщает, что герцог разгневан на Фауста и по его приказу Фауст будет отравлен во время пира или взят под стражу. Этот эпизод, также специфический для немецкой драмы, в различных версиях имеет разное объяснение: герцог догадывается, что Фауст — колдун, творящий чудеса с помощью нечистой силы (иногда это становится известным из наивной болтовни Гансвурста, его слуги), либо герцог подозревает Фауста в том, что он хочет обольстить своими чарами его супругу. Подобный эпизод, завершающийся похищением герцогини с помощью Мефистофеля, содержит, например, пьеса кукольника Лорже, записанная в 1824 году¹⁴⁸; тот же мотив использован в «Сцене из жизни Фауста», драматическом фрагменте «бурного гения» Фридриха Мюллера (1776), черпавшего в таких случаях из народной традиции (см. ниже, стр. 358).

7. Группа сцен после возвращения Фауста на родину содержит в основном развязку. Однако пьеса немецких комедиантов еще сохраняла в XVII—XVIII веках, как о том свидетельствуют нидерландская драма (д. V, сц. 1) и афиша труппы Нейберов (1738), заимствованную из Марло сцену с обманутым лошадиным барышником, который нечаянно отрубает ногу притворившемуся спящим Фаусту. Эта комическая сцена, единственная, удержавшаяся в драме из многочисленных народных анекдотов о Фаусте, исчезла из большинства позднейших кукольных комедий, где серьезное и смешное действия целиком распределились между полярными фигурами доктора Фауста и его комического слуги.

¹⁴⁸ Steizenach, Versuch, стр. 17—19.

8. Гибели Фауста предшествует неудачная попытка покаяния: грешник пытается избежать надвигающейся расплаты обращением к милосердию божию. В народной книге Шписа о бесплодных сомнениях Фауста и его раскаянии говорится неоднократно. Марло, воплотив душевную борьбу своего героя в образах доброго и злого ангела, традиционных для старинного народного театра, сосредоточил и сцены раскаяния в основном в двух поворотных пунктах действия: перед путешествием Фауста (явление Люцифера и Семи смертных грехов) и накануне его гибели (разговор с благочестивым старцем, в соответствии с гл. 52 народной книги). Немецкая драма из этих сцен сохранила лишь вторую, непосредственно предшествующую трагической развязке.

Раскаяние Фауста мотивируется по-разному. Старая форма, существовавшая, вероятно, в немецкой драме XVII века, сохранилась лишь в некоторых австрийских текстах, где в роли благочестивого старца народной книги выступает старик отшельник (Klausner). В нидерландской пьесе его заменили студенты Фабриций и Альфонс, которые в начале драмы принесли Фаусту магическую книгу, став тем самым его невольными пособниками. У Гейсельбрехта эта роль перенесена на благочестивого, в противность традиции, Вагнера, который решает расстаться со своим господином, чтобы не быть соучастником его греха. В большинстве других кукольных комедий сцена существенным образом перестроена: раскаяние овладевает Фаустом после разговора с Мефистофелем об адских муках и райском блаженстве. При этом в одних текстах Мефистофель отказывается ответить Фаусту на вопрос о блаженстве праведных в раю, в других — о том, может ли он еще получить прощение: все это — вопросы, для Мефистофеля запретные («враждебные аду», как говорится в другом месте у Марло). В версии Шютц—Дрэера на вопрос Фауста об адских муках Мефистофель вынужден признать, что муки эти «так ужасны, что черти взошли бы на небо по ступенькам из ножей, если бы у них оставалась еще надежда» (Тексты, IV, стр. 187): образ, который повторяется также в некоторых других текстах (аугсбургском, страсбургском).

Разговор этот восходит к богословским «прениям» между Фаустом и Мефистофелем, столь многочисленным в народной книге Шписа (см. выше, стр. 294), которые нашли свое частичное отражение и у Марло, главным образом в комплексе сцен, связанных с договором; однако текст кукольных комедий, в особенности ульмский, ближе напоминает Шписа (гл. 16—17)¹⁴⁹. Немецкая драма использовала этот разговор в развязке, соединив его с волновавшим благочестивого зрителя вопросом о возможности спасения раскаявшегося грешника. Ответы Мефистофеля открывают Фаусту возможность такого спасения, он решает покаяться и молит бога о прощении, но Мефистофель снова соблазняет свою жертву обманом чувственных наслаждений — видением прекрасной Елены, которая станет его возлюбленной.

¹⁴⁹ Сопоставления см.: Steizenach Versuch, стр. 89—90.

Марло в эпизоде с Еленой следует за народной книгой: Фауст вызывает Елену по просьбе студентов, потом он сам требует от Мефистофеля, чтобы тот дал ему насладиться любовью прекраснейшей женщины древности, в которой герой Марло видит воплощение высшего идеала чувственной земной красоты. Сцена появления Елены и здесь предшествует трагической развязке. В немецкой драме в отличие от Марло Елена появляется, вызванная Мефистофелем, как дьявольское искушение, чтобы заставить Фауста отказаться от последней надежды на божественное милосердие; соблазнив его, она обращается в его объятиях в адскую змею или в бесовскую фурию.

В австрийских и чешских кукольных комедиях раскаяние Фауста в сцене, предшествующей появлению искусительницы Елены, мотивировано католической по своему происхождению легендой, наиболее полно представленной в народной балладе (см. выше, стр. 307). Фауст требует от Мефистофеля, чтобы он изобразил ему на картине крест и на нем распятого Христа. Мефистофель отказывается выполнить непосильную для него задачу (для этого нужна помощь «четыре тысяч чертей»), Фауст грозит расторгнуть договор, наконец Мефистофель приносит Фаусту картину, но на ней не хватает надписи над головой распятого — INRI («Иисус Назаретянин Царь Иудейский»), потому что дьявол не может ни произнести, ни начертать эти святые буквы: они «прогоняют злых духов на 300 миль». Фауст произносит магические слова, Мефистофель в страхе бежит, Фауст падает на колени перед распятием. Следует сцена с Еленой (в некоторых текстах она носит модернизированное латинское имя *Meretrix*, т. е. распутная женщина: ср. русское Милитриса).

Иногда требованию Фауста предшествует разговор с Мефистофелем, в котором, также в соответствии с балладой, упоминается о полете над Иерусалимом, когда Фауст, увидев крест или образ распятого Христа, захотел ему поклониться, а Мефистофель пригрозил тут же разорвать его на части или утопить в море. Встречаются отголоски и других мотивов народной баллады (постройка мостовой, игра в кегли на Дунае, стрельба в черта)¹⁵⁰.

Этим определяется взаимоотношение между народной драмой и балладой. Вряд ли можно думать, как это полагают Тилле и некоторые другие исследователи, что баллада черпала свое содержание из кукольной комедии или из предшествующей ей народной «католической драмы» о Фаусте¹⁵¹. Рассказ баллады о приключениях Фауста — чисто эпический, включая полет в Иерусалим, и не обнаруживает никаких следов драматической обработки, тогда как кукольные комедии содержат отдельные на-

¹⁵⁰ См.: K r a u s, стр. 89—93.

¹⁵¹ См.: A. Tille, Das katholische Fauststück, die Faustkomödienballade und das Zillertaler Doktor Faustus-Spiel. Zeitschrift für Bücherfreunde, Jhg. 10, 1906—1907, стр. 129—174. — Alfred v. Berger, Die Puppenspiele vom Doktor Faust. Zeitschrift für Oesterreichische Volkskunde, Jhg. 1, 1896, стр. 97—106. — Konrad Büttner, Beiträge zur Geschichte des Volksschauspiels vom Doktor Faust, Reichenberg, 1922, стр. 15.

меки на этот известный зрителю рассказ. Поэтому скорее можно думать, что автор католической драмы, получившей распространение в старых австрийских землях, обработал мотивы широко известной народной баллады или местного народного предания, лежащего в его основе и локализованного в Вене или в Праге¹⁵².

9. Своеобразное сюжетное развитие получили те кукольные комедии, в которых в роли доброго советника Фауста выступает его старый отец, простой крестьянин, как в народной книге Шписа, благочестивый и честный в своей бедности. Мотив этот — поздний, он разработан в духе бюргерской семейной драмы XVIII века с ее сентиментальным демократизмом и моралистическим противопоставлением честной бедности неправедно нажитому богатству. Первые свидетельства о появлении этого мотива — литературные: незаконченная пьеса «бурного гения» Фридриха Мюллера «Жизнь Фауста» (1778), в которой старый крестьянин является в город увещевать своего блудного сына (см. ниже, стр. 359), и «аллегорическая драма» Вейдмана, где в роскошные палаты Фауста с той же целью приходят его отец — крестьянин Теодор и мать Елизавета (см. ниже, стр. 357). Пьеса Мюллера широко использует народную театральную традицию, оба автора писали почти одновременно, поэтому можно предполагать, что мотив этот уже существовал в народной драме до его проникновения в литературу. В дальнейшем он довольно прочно укрепился в ряде текстов кукольных комедий XIX века, как о том свидетельствует тирольская драма, пересказанная Цингерле (1877)¹⁵³, и афиша саксонской кукольной комедии второй половины XIX века, опубликованная Кольманом (Тексты, III, 42). В тирольской драме Цингерле родителям Фауста отведена весьма заметная роль. Их имена — Орканус и Виктория, они бедные, благочестивые крестьяне, разбогатевший Фауст заботится об их благополучии, но зажиточная жизнь им не по душе, они полны беспокойства и недоверия к неправедно нажитому богатству сына. Фауст в конце концов отвергает советы отца, как он не слушает в старых текстах увещаний благочестивого старца или отшельника.

В некоторых драмах преступление Фауста усугубляется: он убивает старика отца. По-видимому, в развитии этого мотива сказалось влияние романтического «Фауста» Клингемана, произведения, пользовавшегося в первой половине XIX века широкой популярностью. В нем по условию договора с дьяволом Фауст лишь тогда попадет во власть адских сил, когда совершит четыре смертных греха (один из них — убийство отца). Кольман отмечает наличие мотива убийства в текстах некоторых саксонских кукольников, в частности в хемницком¹⁵⁴. Оно наличествует и в цыганской кукольной комедии, пересказанной Цоллером¹⁵⁵. Впрочем, задолго

¹⁵² Народные предания о Фаусте в Праге см.: Kгаus, стр. 1 и сл.; в Вене — см. Engel Volksschauspiel, стр. 17—18.

¹⁵³ Greizenach. Versuch, стр. 23—33.

¹⁵⁴ См.: Kollman, стр. 97.

¹⁵⁵ См.: Klostet, II, стр. 47 (Фауст убивает отца, чтобы завладеть его богатствами, «потому что старик может прожить еще долго»).

до Клингемана еще Вейдман вводит этот мотив в свою «аллегорическую драму»: здесь Елена, жена Фауста, по наущению Мефистофеля убивает старика отца, надеясь этим сохранить жизнь Фаусту.

С этой точки зрения заслуживает особого внимания другой вариант этой темы, засвидетельствованный уже в 1767 году в афише труппы Курца (Тексты, III, 33). Фауст, вместе с Мефистофелем, отправляется на кладбище, чтобы вырыть из земли в целях колдовства останки своего покойного отца (умершего от горя?), «но является дух отца и призывает его к покаянию. Фауст раскаивается, но Мефистофель вновь соблазняет его всяким наваждением» (подразумевается, вероятно, явление Елены). Дух своего отца Фауст вызывает и в венском балете 1779 года «Последний день доктора Иоганна Фауста» (Тексты, III, 37). Вариант этот не получил широкого развития, однако он подтверждает, что отец Фауста во второй половине XVIII века становится довольно обычным персонажем этой народной драмы: наглядный пример самостоятельных сюжетных новшеств позднейших редакций.

10. Заключительная сцена гибели Фауста первоначально, в соответствии с рассказом народной книги, воспроизведенным Марло, открывалась и в немецкой народной драме прощанием Фауста с его друзьями-студентами и с Вагнером. Об этом свидетельствуют нидерландская пьеса и ульмская кукольная комедия, отразившие наиболее полно этот эпизод. Прощальный разговор с Вагнером засвидетельствован и в данцигской театральной постановке 1669 года, и в афише Нейберов 1738 года, и в аугсбургской кукольной комедии; в последней благочестивый, вопреки традиции, Вагнер обещает своему учителю сжечь после смерти его магические книги. Последний монолог Фауста прерывается, как у Марло, боем часов и латинскими словами, которые произносит голос с неба: «обвинен... осужден... проклят навеки» (*accusatus... judicatus... in aeternum damnatus es*), за которыми следует появление адских духов и трагическая развязка. Однако это старое окончание пьесы сохранилось далеко не всюду. В большинстве кукольных комедий оно было перекрыто, как и сцена прощания, разговором между Фаустом и его комическим слугой, который выступает в последнем действии в качестве ночного сторожа, выкликающего часы в эту роковую для его господина ночь — перестройка, связанная с развитием и изменением роли комического слуги в более поздних текстах кукольного театра.

Творческий характер переработки немецкой драмы в ее позднейших народных версиях сказывается еще отчетливее в комических партиях, вместе с развитием роли комического слуги (Пикельхеринга, Гансвурста, Арлекина или Касперле), своего рода драматического антагониста своего господина, носителя народного юмора и народной оценки серьезного действия.

Английская драма содержит всего два таких комических эпизода, не связанных прямым образом с развитием действия и между собою; они являются своего рода комическими интерлюдиями (междудействиями), которые пародируют колдовство и чертовщину главного действия и, как уже

было сказано, может быть, принадлежат даже не самому Марло, а автору театральной обработки его пьесы (см. выше, стр. 316). В одном из этих эпизодов «комической персоной» является шут (clown), которого Вагнер нанимает на службу, вступая с ним в перебранку и угрожая отдать на расправу покорным его слову демонам; в другой два конюха — Робин и Ральф (или Дик в издании 1616 года), которые, утащив у Фауста магическую книгу, с помощью колдовства обманывают трактирщика, требующего с них плату, и вызывают на помощь Мефистофеля, который в наказание обращает Робина в обезьяну.

Такой же эпизодический характер имели, по-видимому, комические сцены в немецкой драме XVII века. К сожалению, материал для реконструкции в этом случае крайне ограничен: по-видимому, комическим сценам не придавали значения и не считали нужным вносить в режиссерские списки свободную импровизацию «комической персоны». Данцигский дневник Шредера излагает лишь содержание серьезного действия (1669); афиша саксонских комедиантов (Бремен, 1688) отмечает только одну комическую сцену, в которой Пикельхеринг выступает как неудачливый кладонскатель («Пикельхеринг пытается собирать золото, но ему досаждают всякие летающие волшебные птицы»). Ульмская кукольная комедия сохранила лишь группу сцен в начале пьесы: монолог Пикельхеринга, который в поисках службы нечаянно попадает в дом Фауста, приняв его за харчевню, и его комический диалог сперва с Вагнером, потом с самим Фаустом, к которому он нанимается в услужение. Мотивы этих сцен традиционны, но, можно думать, существовали и другие, оставшиеся незаписанными.

Единственным полным свидетельством для XVII века, позволяющим реконструировать место и последовательность комических эпизодов, остается нидерландская пьеса. Такие эпизоды обычно стоят здесь в начале акта или явления в качестве комической прелюдии к серьезному действию, с которым они непосредственно не связаны.

1. Первое появление Пекеля (Пикельхеринга) происходит в лесу и предшествует сцене заклинания: Пекель ищет службы и рассказывает о своих прежних злоключениях (д. II, сц. 8).

2. Во второй раз Пекель появляется перед сценой договора: он стучится в дом Фауста, вступает в перебранку с Вагнером, который называет бородатого слугу «мальчиком», и рассказывает Фаусту, принимающему его на службу, различные сомнительные анекдоты о своей «славной» родне — мотивы, которые получают дальнейшее развитие в импровизациях кукольных комедий.

3. Перед началом действия IV (сцены 1—6), после возвращения Фауста из Италии, Пекель и его друг Брор Дирк (ср. Дик у Марло в издании 1616 года), достав магическую книгу Фауста, чертят волшебный круг и готовятся раздобыть себе денег. Являются трактирщик Бартель и жена его Каат и шумно требуют уплаты по счету. Пекель толкает их в заколдованный круг, где они должны плясать, подвластные его заклятию, как и Вагнер, а потом и сам Фауст, прибежавшие на шум. На выручку им

приходит Мефистофель, который после долгих усилий отнимает у Пекеля волшебную книгу, обещая помочь ему в поисках клада.

Сцена эта в своей основе восходит к Марло (Робин и Ральф с трактирщиком и трактирщицей). В дальнейшем она была вытеснена аналогичной по содержанию, в которой Гансвурст пародирует заклинания Фауста.

4. В действии V развязке предшествует сцена, в которой Пекель выступает как неудачливый кладоискатель (сц. 3). По совету Мефистофеля, он вешает свой мешок в саду на ствол старого дерева, но вместо ожидаемого золотого дождя с неба падает огненный дождь, к величайшему отчаянию Пекеля, который уже пригласил своего друга Дирка на пирушку в трактир. Поблизости стоит стол, уставленный яствами; но вино, которым Пекель хочет утешиться, также обращается в пламя. Проклиная колдовство, Пекель спасается из сада, в страхе, что Мефистофель обратит его в обезьяну, свинью или какого-нибудь другого зверя.

Сцена эта заимствована английскими комедиантами, вместе с прологом, из названной выше пьесы Деккера (стр. 341). По свидетельству афиш (1688—1767), она прочно держалась в театре немецких комедиантов, где Гансвурст в числе прочих своих ролей, неизменно выступает также «обманутым кладоискателем» (Нюрнберг, 1748), с которым Мефистофель «расплачивается золотым дождем из пылающих огней» (Франкфурт, 1767). Из кукольных комедий только в аугсбургской сохранилась небольшая осколок этого эпизода; в остальных он остался неиспользованным, вероятно в силу технических трудностей постановки.

С начала XVIII века, как видно из театральных афиш и из позднейших текстов кукольных комедий, партии «комической персоны» в «Докторе Фаусте» значительно разрастаются по объему и, что еще существеннее, теряют характер интерлюдий, не связанных непосредственно с развитием драматического действия. Социально низкий персонаж народной драмы, «комический слуга», с чертами современной бытовой обыденности, отчетливо противопоставляется возвышенному и трагическому герою старинной народной легенды, комическое действие связывается с действием трагическим, смешное с чудесным и страшным, снижая и пародируя его шаг за шагом перенесением в бытовую и реалистический план. Крейценах связывает эту переработку с творческими новшествами знаменитого венского Гансвурста Иосифа Страницкого (см. выше, стр. 329)¹⁵⁶, с широким влиянием, которое имел организованный им в Вене постоянный театр «у Каринтских ворот» на труппы бродячих немецких комедиантов, а позднее кукольников, из которых значительная часть происходила из южной Германии (Журц, Шух, Шульц, Гейсельбрехт, Дрээр). Поскольку текст «Доктора Фауста» в исполнении Страницкого и его ближайших преемников не сохранился, это остается только предположением. Во всяком случае эта творческая переработка, как и аналогичные изменения, отмеченные выше в серьезных партиях, свидетельствует о проникновении в пьесу элементов народного демократического театра — в отличие от зрелищного

¹⁵⁶ Creizenach. Versuch, стр. 110 и сл.

и чисто развлекательного характера, который та же пьеса получала под влиянием придворной сцены, постепенно утрачивая всякое идейное содержание и превращаясь в пантомиму или балет.

Театральные афиши середины XVIII века обычно перечисляют комические номера, в которых, как, например, в нюрнбергской постановке южно-немецкой труппы Шульца (1748), Гансвурст «по ходу действия» выступает перед публикой: «1) неудачливым путешественником; 2) смехотворным фамулусом; 3) обманутым воздухоплателем; 4) обманывающим фокусником; 5) неопытным колдуном; 6) обманутым кладоискателем; 7) опасливым ночным сторожем». Репертуар этот в составе сцен частично меняется (ср. афиши Нейбера, 1738, Курца, 1767, и др.). В наиболее полных текстах кукольных комедий наличествуют следующие сцены:

1. Первое появление Гансвурста (Касперле) следует за экспозицией серьезного действия, первым монологом Фауста или сценой с двумя студентами-чернокнижниками. Гансвурст попадает в дом Фауста, приняв его за харчевню. Ему надоело бродяжничать. Рассказ о прежней службе — почему он остался без места. Вагнер нанимает Гансвурста себе в помощники. Разговор о жалованье, о служебных обязанностях, о хозяине. Гансвурст не понимает ученых слов, которые употребляет Вагнер (фамулус, профессор и т. п.). Комическая перебранка. Разговор Фауста с новым слугой. Гансвурст рассказывает о своей сомнительной родне.

2. После сцены заклинания следует комическая пародия на нее: Гансвурст находит магическую книгу Фауста. Он малограмотен, с трудом старается ее прочесть, садится для этого на нее задом. Узнает магические слова, с помощью которых можно вызывать чертей и заставить их удалиться: перлик-перлак или перлип-перлап! (искаженное итальянское: *perli-perlà* «сюда-туда!»). Сцены с чертями, которые грозят разорвать Гансвурста, уговаривают его выйти из круга, продать свою душу дьяволу и т. п. Гансвурст смеется над ними, гладит их черную шерсть, заставляет их по слову «перлик-перлак!» то появляться, то исчезать. Это отношение народного героя к волшебству как к бескорыстной потехе противопоставляется корыстному эгоизму Фауста, из-за которого он становится жертвой соблазна.

3. Сходный контраст — в следующей сцене. Фауст подписал договор с Мефистофелем и уносится с ним по воздуху в Парму. Гансвурст остался в доме один, Мефистофель предлагает ему отправиться вслед за хозяином в то же далекое путешествие под условием, если он продаст свою душу дьяволу. Гансвурст отшучивается наивно-мудрыми словами: у него нет души, когда делали Гансвурста, про душу забыли (или он сделан из дерева, души у него нет); подписать договор он не может, потому что неграмотен, а если черт будет водить его рукой, его засмеют дети. Злой дух вынужден перенести его к хозяину без всяких условий, но велит ему никому не рассказывать, кто его господин. Гансвурст улетает верхом на драконе («чертовом воробье») с комическими ужимками и страхами.

4. В Парму комический герой прилетает первым и неожиданно падает с небес к ногам герцога или одного из его придворных. На вопрос о том,

чей он слуга, он по наивной болтливости сразу выдает своего господина, либо показывая кулак (по-немецки Faust), либо заявляя, что ему запрещено рассказывать, что хозяин его — доктор Фауст. Как ученик знаменитого чернокнижника, он должен после этого показать своим знатым покровителям, что он сам умеет. Плату он берет вперед, но вместо того чтобы колдовать, потешается над своим собеседником, угрожая ему мнимыми ужасами, которые он может наколдовать. Появление Фауста кладет конец его комическим проделкам.

5. После вынужденного бегства Фауста из Пармы Мефистофель сообщает Гансвурсту, что он прогнан со службы за болтливость, и снова уговаривает его продать ему душу, чтобы вернуться на родину, но под конец он вынужден опять согласиться доставить его обратно безвозмездно (либо Гансвурст возвращается пешком). Дома Гансвурст становится ночным сторожем.

6. Сцена гибели Фауста, как было уже сказано выше (стр. 348), подверглась коренной переделке, и Гансвурст в роли ночного сторожа играет в ней ведущую роль. За это время он успел жениться и обзавестись детьми: брань сварливой жены и крик детей выпроваживают его на ночную службу. В последнюю ночь, блуждая по улицам родного города, Фауст встречает своего бывшего слугу. Гансвурст осыпает его упреками за то, что он связался с чертом, гонит его в дом, угрожая отвести как бродягу в участок; либо он требует от него уплаты жалованья, которое Фауст не заплатил ему, когда должен был бежать из Пармы. Фауст предлагает ему в уплату свою одежду, но Гансвурст разгадывает коварное намерение своего хозяина: он боится, что черт, обознавшись, захватит не того, кого надо. Он выкликает часы этой последней ночи, сопровождая их старинной песней ночного сторожа, с комическими добавлениями, предрекающими гибель Фауста.

7. За трагическим финалом следует комический: когда черти унесли Фауста, они пытаются схватить и его бывшего слугу. Но тот мужественно отказывается за ними следовать, так как ничего им не должен (велит передать поклон в аду своей бабушке). Довольно обычно такое окончание: черт, спросив Гансвурста, откуда он родом, получает ответ (смотря по тому, где происходит представление), что он родом из Берлина, Аугсбурга или Страсбурга, и черт, будто бы испуганный таким ответом, заявляет, что с берлинцами и т. п. он дела не имеет. Гансвурст к удовольствию зрителей заканчивает сцену соответствующей репликой: «Смотрите, сам черт — и тот боится берлинцев!».

В некоторых текстах новейшего происхождения, опубликованных Больте, расхрабрившийся Гансвурст, вооружившись дубиной, прогоняет черта со сцены или избивает его до смерти¹⁵⁷. Этот мотив бесстрашия народного героя отметил Горький в репертуаре аналогичного персонажа

¹⁵⁷ Ср.: J. Lewalter und J. Bolte. Die Puppenspiele vom Doktor Faust. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Jhg. 23, 1913 (II Редакция кукольника Зейделя (Neuschonfeld), стр. 141; III, Редакция Юлиуса Кюна (Мюнхен), стр. 146).

кукольного театра — Петрушки, который побеждает «доктора, попа, полицейского, черта и даже смерть»¹⁵⁸.

Обзор основных эпизодов, серьезных и комических, составляющих сценарий «Доктора Фауста», не может, конечно, в кратком изложении учесть все индивидуальные различия отдельных театральных текстов, записанных или оставшихся незаписанными. Текучесть этих текстов, обусловленная элементом творческой импровизации, вызвала огромное разнообразие вариантов, столь характерное для всякой устной народной традиции. Сравнение их между собой и с драмой Марло обнаруживает рядом с традицией далеко идущее новаторство, позволяющее рассматривать «Доктора Фауста» как немецкую народную драму, творчески переработанную в процессе ее театрального исполнения и существенным образом отличающуюся от своего первоисточника. В отличие от эффектных декоративных спектаклей, ориентировавшихся на придворную театральную моду, с тенденцией к идейному опустошению драматического содержания, к балету и пантомиме, кукольные комедии, как народный, массовый вариант старинного немецкого театра, сохранили в своих лучших образцах подлинную драматичность пьесы шекспировского стиля, объединяющей высокой трагический пафос с веселой комической игрой, в идеологическом переосмыслении и обобщенной сценической технике немецкого народного кукольного представления.

8

К середине XVIII века старинная немецкая драма о Фаусте, несмотря на свою популярность у массового зрителя на подмостках театра бродячих комедиантов, в сущности, стоит уже за гранью литературы в собственном смысле; в своей народной форме кукольной комедии она снова возвратилась в фольклор. Как видно из высказываний Готшеда (Тексты, III, 15), ранние представители немецкого буржуазного Просвещения в своей борьбе за классическую поэзию по французским образцам высокомерно отвергают эту литературу для «простонародья» вместе с другими пережитками национальной старины, средневекового «невежества и суеверия» и художественного «варварства», воплощением которого на немецкой театральной сцене недавнего времени считались так называемые «главные государственные действия» (Haupt- und Staatsaktionen).

Но со второй половины XVIII века вместе с экономическим подъемом и ростом общественного самосознания немецкого бюргерства созданная им литература выходит на путь самостоятельного развития, достигая в свой классический период подлинной национальной самобытности на широкой народной основе. Существенным для общих тенденций этого развития, обозначенных именами Лессинга, Гердера, молодого Гете, становится творческое использование, с одной стороны, живой народной поэзии, современного национального фольклора, с другой стороны, национальной старины,

¹⁵⁸ Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей (см.: М, Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 27, М., 1953, стр. 305).

традиций немецкой бюргерской литературы XVI—начала XVII века, временно отодвинутых господством «классических», иноземных, главным образом французских, вкусов, чуждых немецкому бюргерству и по своей социальной природе. Легенда о Фаусте, прочно связанная по своему происхождению с XVI веком и творчески переоформленная в XVII веке в духе народного театрального искусства, входит в классическую немецкую литературу XVIII века под знаком обеих указанных тенденций как наиболее яркое воплощение ее национального своеобразия.

К народной драме о Фаусте первым обратился Лессинг, выступая в своей борьбе за национальные пути развития немецкой драмы против пропагандируемой Готшедом доктрины французского придворного классицизма. Свои взгляды по этому вопросу Лессинг впервые изложил в 1759 году в «Письмах о новейшей литературе» («Briefe die neueste Literatur betreffend») — в известном 17-м «литературном письме» (Тексты, V, стр. 245 и сл.). В соответствии с господствующей классической доктриной Лессинг исходит из общих положений теории Аристотеля: цель трагедии — возбуждать страх и сострадание. Однако, придавая этому определению трагическое универсальное значение, Лессинг в то же время ставит вопрос о многообразии путей, которыми может быть осуществлена эта цель. Французы, по мнению Лессинга, подражают грекам в чисто внешних, технических правилах построения пьесы и потому не могут быть соперниками древних. Шекспир — более великий трагик, чем французские классики, потому что, не зная древних, он своими путями приближается к ним в самом существенном, в создании трагических характеров. Лессинг вместе с тем учитывает национальное своеобразие этих путей. Он подчеркивает созвучность драмы Шекспира, в противоположность французскому классическому театру, особенностям немецкого национального характера и вкуса: «... в своих трагедиях мы хотели бы видеть и мыслить больше, чем позволяет нам робкая французская трагедия... великое, ужасное, меланхолическое действует на нас сильнее, чем изящное, нежное, ласковое... чрезмерная простота утомляет нас больше, чем чрезмерная сложность и запутанность и т. п. Готшед должен был бы идти по этим следам, которые привели бы его прямым путем к английскому театру».

Подтверждение этих мыслей Лессинг находит в старинном немецком народном театре, в «Докторе Фаусте» — «пьесе, содержащей множество сцен, которые могли быть под силу только шекспировскому гению». Лессинг не знал, что немецкая пьеса по своему происхождению действительно восходит к театру времен Шекспира — к трагедии Марло; трагедия эта вообще не была ему известна, тем не менее гениальным чутьем он сумел угадать в немецкой драме ее «шекспировские» черты. Примечателен и самый факт обращения великого немецкого критика к авторитету народного искусства как свидетельству национального своеобразия: мысль, которая будет подхвачена Гердером в его статьях о народных песнях и молодым Гете, в особенности как автором «Фауста».

В качестве образца Лессинг в конце статьи приводит сцену из «Фауста» в своей обработке: заклинание Фаустом адских духов и выбор

быстрейшего из них (Тексты, V, стр. 246—247). Это был первый в классической немецкой литературе опыт обработки народной драмы о Фаусте с литературными целями.

Как известно, Лессинг смотрел «Доктора Фауста» 14 июня 1754 года в Лейпциге, в исполнении труппы Шуха (Тексты, III, 25 и прим.). Из переписки и позднейших сообщений близких ему людей (его брата Карла, Бланкенбурга, Энгеля) мы знаем, что с 1755 года он был занят драматической обработкой этого сюжета. Работа продолжается и в 60-х годах: 21 сентября 1767 года Лессинг сообщает брату, что он «изо всех сил трудится над Фаустом» и намерен ближайшей зимой поставить свою пьесу в Гамбурге¹⁵⁹. В 1768—1770 годах приятель Лессинга Эберт неоднократно торопит его с окончанием драмы¹⁶⁰. Еще позже, 15 мая 1775 года, Шубарт сообщает в «Немецкой хронике», будто Лессинг вел в Вене переговоры с дирекцией тамошнего драматического театра о постановке «своей прекрасной трагедии Доктор Фауст»¹⁶¹. Однако, по рассказу Бланкенбурга, рукопись будто бы уже законченной пьесы была потеряна (в том же 1775 году) при поездке Лессинга из Вольфенбюттеля в Дрезден. Во всяком случае в литературном наследии Лессинга после его смерти (1781) были найдены только две новые сцены: пролог в аду и сцена, в которой Фауст заклинанием вызывает дух Аристотеля (опубликованы К. Лессингом; Тексты, V, стр. 250). Дополнительные сведения об общем плане пьесы содержат позднейшие свидетельства Бланкенбурга и Энгеля (Тексты, V, стр. 251—254).

Сообщения двух собеседников Лессинга, Гейблера в Вене (1775) и «бурного гения» Фридриха Мюллера в Мангейме (1777), одинаково говорят о том, что Лессинг долгое время колебался между двумя задуманными и частично разработанными им редакциями драмы о Фаусте: одна, по-видимому более ранняя, сохраняла традиционный волшебный сюжет, другая обходилась без «чертовщины», иными словами, она представляла современную «мещанскую трагедию», в которой роль демонического соблазнителя должен был играть не Мефистофель, а морально низкий человек, «злодей» пьесы, однако так, чтобы самая последовательность событий внушала зрителю мысль, будто «дело не обошлось без вмешательства сатаны». Этот конфликт между легендарной фантастикой народной драмы и современной ее проблематикой чрезвычайно характерен для просветительского рационализма Лессинга и, вероятно, вопреки теоретическим установкам 17-го «литературного письма» привел к крушению его долголетнего творческого замысла. Недаром Мендельсон, более узкий и односторонний в своем эстетическом рационализме, пытался предостеречь своего друга Лессинга от возможных последствий подобного конфликта. В мещанской трагедии, иронизирует Мендельсон, «достаточно будет одного только

¹⁵⁹ См.: Тiлe, № 293, стр. 685.

¹⁶⁰ Там же, № 294, 295, 298, 299, стр. 686, 689, 690.

¹⁶¹ Там же, № 423, стр. 1076.

возгласа: *Faustus! Faustus!*, чтобы вызвать неудержимый хохот всего партера» (1755)¹⁶².

Между тем для драматургической практики автора «Мисс Сарры Сампсон» и «Эмили Галотти» характерно именно это стремление модернизировать традиционный трагический сюжет перенесением лежащего в его основе конфликта в современную реалистическую обстановку мещанской трагедии.

Тем не менее дошедшие до нас отрывки «Фауста» Лессинга, как и сообщения Бланкенбурга и Энгеля, говорят о сохранении «чертовщины» народной легенды одновременно с ее идейной модернизацией. Лессинг первый угадал в сюжете «Фауста» его современное идейное содержание, заложенное уже в народной книге XVI века и в то же время особенно близкое буржуазному Просвещению XVIII века: трагедию исканий свободной человеческой мысли. Его Фауст — юноша, лишенный мелких эгоистических человеческих страстей и слабостей, одержимый только одной страстью: неутолимой жадностью знания. Эта страсть станет для него источником искушений и заблуждений. Но «божество не для того дало человеку благороднейшее из стремлений, чтобы сделать его навеки несчастным». Злые силы не восторжествуют. Это возглашает «голос в вышине»: «Вам не победить!».

Сообщения Энгеля и Бланкенбурга свидетельствуют о том, что конфликт между традиционной фантастикой демонологической легенды, «чертовщиной», и рациональным идейным содержанием своей пьесы Лессинг намерен был преодолеть с помощью характерной для эпохи Просвещения дидактической аллегории: ангел погружает Фауста в глубокий сон, и все происходящее на сцене, с его демонологической фантастикой, представляет лишь сновидение, предостерегающее героя от грозящих ему искушений и соблазнов.

Таким образом, оптимизм разума, характерный для буржуазного Просвещения XVIII века, сделал необходимым переосмысление сюжета, на которое не решился Марло, при всем субъективном сочувствии своему мятежному герою: спасение Фауста вопреки легенде, несмотря на его договор с дьяволом. Искание истины — удел человека, писал Лессинг позднее в полемике с представителем лютеранского правоверия, пастором Гётце, поэтому оно выше, чем простое обладание истиной («Анти-Гётце»). Или в другом, более раннем полемическом сочинении, одновременном первоначальному замыслу «Фауста»: философ, ищущий истину, заслуживает именовать себя любимцем бога («Александр Поп-метафизик»).

Своеобразной попыткой претворения в жизнь советов Лессинга на уровне, характерном для немецкой театральной практики XVIII века, является «Иоганн Фауст», «аллегорическая драма в пяти действиях», впервые представленная в 1775 году труппой Бруни в королевском театре в Праге и отпечатанная в том же году в Праге и в Мюнхене, а в 1776 году в Мангейме. Пьеса имела большой театральный успех: между 1775 и 1800 го-

¹⁶² Tille, № 267, стр. 611—612.

дами она неоднократно ставилась в Мюнхене (где она была временно запрещена за кощунство личным распоряжением курфюрста), в Нюрнберге, Страсбурге, Кельне, Вене и других театральных центрах, в особенности южной Германии¹⁶³. Авторство «аллегорической драмы» упорно приписывали самому Лессингу, поскольку было известно, что он работает над «Фаустом», а нюрнбергская афиша носит даже его имя. В 1877 году наивный Энгель переиздал это произведение под именем Лессинга¹⁶⁴. На самом деле его автором, как в настоящее время установлено, является венский актер и второстепенный театральный писатель Пауль Вейдман. В предисловии к своей пьесе Вейдман поясняет, что он не стремился подражать Шекспиру или Вольтеру, выведившим духов на сцену, но «мрачный и потрясающий» характер сюжета вызвал у него желание «изобразить трагическое состояние человека» и поделиться с публикой своими мыслями по этому поводу. Пьеса Вейдмана представляет «мещанскую трагедию», в которой элемент чудесного почти полностью отсутствует в угоду просветительскому рационализму XVIII века, выступая лишь в форме моральной аллегории. Однако сохранены вставные хоровые и балетные номера как неизбежная дань зрелищно-развлекательным тенденциям театра, прежде всего придворного, и традиции феерии. Трагедия знания отсутствует (в этом основном отношении Вейдман не понял идейной стороны замысла Лессинга); ее место заняла чувствительная семейная драма.

Действие происходит во дворце Фауста и продолжается один день, в соответствии с классическими правилами единства места и времени. Это — последний день жизни Фауста, когда истекает срок его договора с Мефистофелем. Фауст, сын бедных родителей, стал богатым и знатным благодаря союзу с Мефистофелем. Все его желания и капризы исполняются. Он женат на Елене, которая «покинула ради него своих родителей, друзей, родных, пожертвовала своей добродетелью и честью». У них — сын, любимый обоими мальчик Эдуард. Мефистофель является домоправителем Фауста, распорядителем его развлечений; Вагнер — его камердинер; добрый ангел Итуриэль (имя заимствовано из «Мессиады» Клопштока) скрывается под личиной его друга, человека, который хочет вернуть его на стезю добродетели. Отец и мать Фауста, Теодор и Елизавета, бедные и добродетельные крестьяне, пришли спасти своего сына из пучины разврата: они уговаривают его бросить несправедливо нажитое богатство и вернуться с ними в их бедную хижину. Но Фауст гордится тем, что с помощью волшебства он творил людям не зло, а добро: однако Мефистофель разоблачает его наивные иллюзии, показывая ему облагодетельствованных им людей, которые сумели обратить во зло другим его помощь (мотив, использованный и углубленный «бурным гением» Клинг-

¹⁶³ Johann Faust. Ein Allegorisches Drama von fünf Aufzügen. Zum erstenmal aufgeführt auf der Königl. Prager Schaubühne von der von Bruniamischen Gesellschaft. Prag. 1775. Переиздание факсимиле: Wien, Verlag Rosenbaum, s. a. В приложении — театральные афиши спектаклей.

¹⁶⁴ Karl Engel. Johann Faust. Ein allegorisches Drama. Mutmasslich nach Lessings verlorenener Handschrift. Oldenburg, 1877.

ром в его романе о Фаусте). В последнем действии наступает трагическая развязка. Фауст в отчаянии принимает яд. Елена, в надежде спасти этим своего возлюбленного, закалывает, по наущению Мефистофеля, его старого отца. Однако затем следует совершенно неожиданный утешительный финал: по предсмертной молитве доброго старика его умирающий сын и невольная преступница Елена, раскаявшись, получают прощение. Итурриэль, окруженный светлыми ангелами, торжествует над Мефистофелем и его адскими фуриями.

Пьеса Вейдмана не имеет никакого литературного значения, но интересна как довольно умелая попытка приспособить популярную пьесу народного театра к новым театральным вкусам и мещанскому рационализму немецкого бюргерства.

Вслед за почином Лессинга тема Фауста получила широкую популярность в 1770-х годах в немецкой литературе периода «бури и натиска». К этому времени относится первая (рукописная) редакция «Фауста» Гете (1773—1775) — так называемый «Прафауст» (Urfaust). Гете сам в автобиографии «Поэзия и правда» (кн. X) связывал впоследствии свое увлечение этим старонемецким сюжетом с интересом к народному творчеству, национальной старине и Шекспиру, пробужденным в нем Гердером, с увлечением немецким XVI веком, Гансом Саксом и жизнеописанием рыцаря Геца фон Берлихингена, которого он сделал тогда же героем своей исторической драмы. В молодые годы Гете видел «Доктора Фауста» на сцене кукольного театра своего родного города Франкфурта в исполнении известного кукольника Робертуса Шефера¹⁶⁵. «Многозначительная кукольная комедия о Фаусте звучала и отдавалась во мне на множество ладов»¹⁶⁶. Значительно позднее, уже в Веймаре, Гете познакомился и с немецкими народными книгами Пфитцера в «Верующего христианина», еще позднее, в начале XIX века, — с трагедией Марло, которой он дал весьма высокую оценку.

Из литературных соратников молодого Гете Я.-Р. Ленц печатает в 1777 году драматический отрывок в манере «Лягушек» Аристофана, изображающий доктора Фауста в аду¹⁶⁷.

В те же годы Фридрих Мюллер, по прозвищу «живописец Мюллер» (Maler Müller), работает над большой прозаической драмой о Фаусте, оставшейся незаконченной, — «Жизнь и смерть доктора Фауста» («Doktor Fausts Leben und Tod», Teil I, 1778; как отдельный эпизод: «Situation aus Fausts Leben», 1776). В предисловии Мюллер сообщает, будто он ничего не знал о том, что Лессинг и Гете трудятся над той же темой, когда принялся за своего «Фауста». «Фауст был с детства одним из моих любимых героев: я всегда считал его большим человеком, человеком, который чувствовал всю свою силу, чувствовал уду, наложенную на него счастьем и

¹⁶⁵ См.: H. Knudsen. Puppenspiele. Reallexikon der Literaturwissenschaft, Bd. II, 1926, стр. 749.

¹⁶⁶ Гете. Собрание сочинений, юбилейное издание, т. X. М., 1935, стр. 432—433.

¹⁶⁷ См.: Tille, № 304, стр. 700 J. R. Lenz. Fragment aus einer Farce, der Höllenrichter genannt. Deutsches Museum, 1777, Bd. I, 3. Stück.

судьбой, пытался разорвать ее, искал к тому средств и путей; имел достаточно мужества, чтобы сбросить все, что становилось поперек его пути и пыталось препятствовать ему»¹⁶⁸. Сохранившиеся сцены показывают Фауста в столкновении с мещанской ограниченностью маленького университетского города (действие происходит в Ингольштадте), с завистью и клеветой низких соперников, с нищетой и долгами: дьявол должен дать ему власть, богатство, наслаждение жизнью. Ряд грубоватых и шаржированных натуралистических сцен изображает бытовое окружение Фауста: студентов, профессоров, евреев-ростовщиков, преследующих Фауста за долги, полицию; отец Фауста, благочестивый крестьянин, приходит, чтобы спасти сына из бездны греха. В таком же стиле гротескного народного лубка выдержаны сцены в аду, подсказанные кукольной комедией.

Несколько позже написан роман Ф.-М. Клингера «Жизнь, деяния и гибель Фауста» (F. M. Klinger, «Faust's Leben, Taten und Höllenfahrt», St.-Petersburg, 1791). Клингер, следуя некоторым авторам XVIII века (см. выше, стр. 310), отождествил кудесника Фауста с первопечатником Иоганном Фаустом из Майнца; это дало ему возможность поставить в своем романе вопрос о ценности науки и знания, который он решает пессимистически, в духе Руссо. Фауст в изображении Клингера — «человек, которого судьба наделила опасными дарами: гордостью духа, пламенным чувством и цветущим воображением, всегда не удовлетворенным настоящим». «Рано он почувствовал узость границ всего человеческого и с дикой силой стучался в них, пытаясь их преодолеть». На договор с дьяволом его толкает «жажда независимости и знания, гордость, сладострастие, недолговство и горечь». Дьявол должен показать Фаусту жизнь, как она есть: «зло, возникающее из добра, порок увенчанный, справедливость и невинность, попранные ногами, как это обычно у людей». Путешествие Фауста с Мефистофелем сперва по Германии, потом по Франции, Англии и Италии, следующее образцу народной книги, разворачивается в широкую антифеодалную общественную сатиру, реалистическую и современную по своей тенденции, обличающую под прозрачной маской исторических имен и событий конца XV века бесчеловечный деспотизм и насилия правителей, продажность и испорченность высших классов общества и жестокое угнетение, жертвой которого являются низшие классы. Истинная добродетель, по мнению Клингера, живет лишь в хижине бедняка, не развращенного своекорыстием и эгоизмом высших классов общества и их верхушечной цивилизацией.

В отличие от Лессинга, который, как сообщают современники, отнесся крайне несочувственно к этим новейшим интерпретациям своей излюбленной народной легенды, «бурные гении» видели в «Фаусте» не трагедию знания: в образе героя XVI века, созданного эпохой Возрождения и Реформации, они искали прежде всего родственного своему времени мятеж-

¹⁶⁸ Dichtungen von Maler Müller, herausg. v. Hermann Hettner. Leipzig, 1868, Teil I, стр. 175.

ного индивидуалиста, сильную личность, воплощение протеста против окружающего общества, его социального порядка и его религиозно-моральных предрассудков. В то же время немецкая драма пленяла молодого Гете и его современников как продукт народного творчества, близкий по содержанию и форме театру Шекспира. В художественном отношении старинная кукольная комедия представляла образец искусства национального, не «идеально прекрасного», как античная драма, а «характерного», как средневековая готика, евободной драматической композиции, смешения трагически возвышенного и чудесного с комическими сценами и бытовым юмором в духе реалистического и демократического театра Шекспира. В «Прафаусте» Гете отчетливо выступает художественное влияние этого народного жанра: места, полные лирического воодушевления, эмоционального пафоса, как большая часть традиционного вступительного монолога Фауста и сцена с духом земли, сменяются, во вкусе «бури и натиска», бытовым реализмом мещанской идиллии Гретхен или грубо комическими картинами, как в сцене, изображающей попойку студентов в Ауэрбаховском погребке, которая в первой редакции была написана натуралистической прозой.

В первоначальной рукописной редакции 1773—1775 годов Фауст Гете также мятежный индивидуалист, «бурный гений», стремящийся к напряженному и страстному переживанию жизни, «сверхчеловек» (Übermensch), как называет его сам поэт. Отвлеченному, рассудочному книжному знанию Гете противопоставляет, в духе «бури и натиска», непосредственное переживание творческой полноты бытия. За цветными стеклами готического кабинета средневекового ученого, с его колбами, ретортами и пыльными фолиантами, открывается цветущий мир природы, обещающий Фаусту душевное исцеление и удовлетворение всех его стремлений. Отсюда наиболее существенное отступление от содержания легенды: в сцене заклинания Фауст у Гете вызывает не дьявола, а духа Земли (Erdgeist), образ которого предваряет своим появлением выход Фауста в жизнь. Дальнейшему раскрытию той же мысли служит противопоставление учителя Фауста и Вагнера, его сухого и бездарного ученика, традиционного фамулуса народной легенды, воплощающего здесь рассудочное знание и самонмение плоского рационалиста в отличие от гениальной интуиции, непосредственного чувства сильной личности. Наконец, любовь Фауста к Гретхен, представляющая также новотворчество Гете, является ответом на тему первого монолога, как то непосредственное, напряженное и страстное переживание жизни, которое противопоставляется в «Прафаусте» отвлеченному знанию. Но столкновение мятежного индивидуализма Фауста с наивной патриархальной идиллией Гретхен заканчивается трагической катастрофой. Есть основания предполагать, что в первоначальном замысле Гете «Фауст» вообще заканчивался не спасением, как у Лессинга, а в соответствии с народной легендой — трагической гибелью героя, ненасытного в своей индивидуалистической требовательности к жизни, как и в параллельных замыслах других «бурных гениев». В юношеских произведениях Гете все герои — индивидуалисты и бунтари (Гец, Вертер, Клавиго) кончают траги-

чески в результате столкновения с окружающим обществом и вызванных этим столкновением моральных конфликтов.

Первый печатный «Фрагмент» незаконченного «Фауста» («Faust. Ein Fragment», 1790) стоит еще на точке зрения рукописной редакции и вносит в первоначальный текст лишь стилистические изменения в духе классицизма.

Иной характер имеет окончательная редакция первой части трагедии («Faust. Der Tragödie erster Teil», 1808), в которой Гете возвращается к интерпретации Лессинга на более высокой ступени художественного обобщения. Этой интерпретации служит ряд новых сцен: прежде всего центральные для идейного замысла пролог на небе и сцена договора между Фаустом и Мефистофелем, далее — второй монолог Фауста с рядом следующих за ним сцен.

Пролог на небе, заменяющий пролог в аду немецкой народной драмы, возвращает пьесу Гете к символической трактовке сюжета в старинном народном театре, в средневековой моралистике. Спор между богом и дьяволом на небе, который повторяется между Фаустом и Мефистофелем на земле, представляет суд над Человеком, обвинение и оправдание Человека, воплощенного в символическом образе Фауста. Бесконечное стремление Человека является для него источником временных сомнений и заблуждений, но вместе с тем залогом его окончательного оправдания и спасения. Поэтому слова пролога на небе: «Добрый человек, в своем смутном стремлении, знает всегда правый путь», — знаменательно перекликаются в эпилоге с песней ангелов, уносящих душу Фауста на небо: «Кто трудится вечно и вечно стремится, того мы можем спасти».

Это оптимистическое окончание трагедии, подсказанное, как у Лессинга, просветительской верой в разум и в моральную ценность человеческой личности, означает оправдание свободных исканий человеческой личности, отказавшейся от традиционной веры, и вместе с тем человеческой воли, порвавшей с бытовыми предрассудками и аскетизмом церковной морали.

Во второй части «Фауста», законченной Гете незадолго до смерти (1831), герой должен был, по замыслу поэта, от узкого подняться в область общечеловеческого, от «малого» в «большой мир» явлений исторической и общественной значимости. Для этого легенда о Фаусте (кукольная комедия и народная книга) давала подходящую сюжетную канву в эпизодах пребывания Фауста при дворе императора и его обручения с Еленой Греческой, которая выступает в трагедии Гете не как дьявольское наваждение народной драмы, а в духе, близком Марло, — как высшее воплощение античного идеала земной красоты. Сын Фауста и Елены, отрок Эвфорион, пророчески устремленный в будущее, как Юстус Фауст народной книги, в символике трагедии Гете обозначает современную поэзию, рожденную из слияния античной, классической, и средневековой, романтической, и воплощенную в историческом образе Байрона.

Однако при всей глубине отдельных мыслей, отражающих лирические размышления Гете над самыми различными вопросами философии, науки

и культуры, при всем исключительном блеске его поэтического мастерства вторая часть «Фауста» как целое отмечена абстрактным аллегорическим схематизмом, характерным для последнего этапа его творчества. Для подлинно реалистической разработки исторической и социальной темы возможности великого поэта ограничены были скудным общественным опытом в условиях отсталой полуфеодальной Германии.

Политическая власть, красота, труд — таковы те ступени, по которым подымается Фауст в символической перспективе общечеловеческого развития. На последней ступени проблема Фауста из индивидуальной становится социальной. Поставленная в начале трагедии в области философского познания уединенной личности, она получает разрешение в заключительной сцене в картине будущего — свободной трудовой деятельности человеческого коллектива. В этой картине (как и во второй части своего воспитательного романа «Вильгельм Мейстер») Гете перерастает рамки индивидуалистической идеологии немецкого буржуазного Просвещения XVIII века и подходит к новым социальным проблемам, выдвинутым общеевропейским историческим развитием после французской буржуазной революции, к передовым идеям утопического социализма.

Таким образом, в «Фаусте» Гете до конца развились те потенции, которые заключало в себе народное сказание о докторе Фаусте, порожденное эпохой Возрождения, этим «величайшим прогрессивным переворотом, пережитым до того человечеством» (Энгельс). Конкретно национальное и исторически ограниченное в этом сказании расширилось в типическое и общечеловеческое. «Фауст» Гете, так писал Белинский, «мировое общечеловеческое произведение»¹⁶⁹, герой которого «есть целое человечество в лице одного человека»¹⁷⁰. В нем Гете «представил символ духа своего отечества, в форме оригинальной и свойственной его веку»¹⁷¹.

Эта оригинальная национальная форма подсказана была великому немецкому поэту многовековой традицией народной легенды о докторе Фаусте.

¹⁶⁹ В Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V М., 1954, стр. 317.

¹⁷⁰ Там же, т. III, 1953, стр. 452 («Горе от ума Соч. А. С. Грибоедова»).

¹⁷¹ Там же, т. II, 1953, стр. 241 («Опыт Дроздова»).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

Стр. 9—34

Литература к разделу I

Тексты и комментарии:

Karl Engel. Zusammenstellung der Faust-Schriften vom 16. Jahrhundert bis Mitte 1884. Oldenburg, 1885 (библиография).

Alexander Tille. Die Faustsplitter in der Literatur des sechzehnten bis achtzehnten Jahrhunderts nach den ältesten Quellen. Berlin, 1900 (собрание всех документальных свидетельств).

Georg Witkowski. Der historische Faust. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Neue Folge, Jhg. 1, 1896—1897, стр. 298—305 (исторический комментарий к свидетельствам).

Robert Petsch. Der historische Doctor Faust. Germanisch-romanische Monatschrift, Jhg. 2, 1910, стр. 99—115.

Общая литература по истории сказания:

Faust-Bibliographie, bearbeitet von H. Henning. T. I, Berlin u. Weimar, 1966.

Das Kloster, herausg. v. Scheible: Doctor Johann Faust. 4 Bde (Kloster, II, III, V, XI). Stuttgart, 1846—1849.

H. Duntzer. Die Sage von Doctor Johannes Faust. Kloster, V, 1847, стр. 1—260.

Karl Alex. v. Reichlin-Meldegg. Die deutschen Volksbücher von Johann Faust und Christoph Wagner. Kloster, XI, 1849, стр. 217—1024.

Karl Kiesewetter. Faust in der Geschichte und Tradition. Leipzig, 1893 (изд. 2-е — Berlin, 1921).

Kuno Fischer. Goethes Faust. Bd I. Die Faustdichtung vor Goethe. Heidelberg, 1905, изд. 5-е (изд. 1-е — 1878); русский перевод: Куно Фишер. Фауст Гете. Возникновение и состав поэмы. Перев. И. Городецкого. М., 1885 (изд. 2-е — 1887).

Erich Schmidt. Faust und das sechzehnte Jahrhundert, 1882 (Erich Schmidt, Charakteristiken. 2 Aufl., Bd. I, Berlin, 1902, стр. 1—35).

Erich Schmidt. Faust und Luther. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1896, I, стр. 567—591.

Franz Neubert. Vom Doctor Faustus zu Goethes Faust. Mit 595 Abbildungen (иконография). Leipzig, s. a. [1932].

Ernest Faligan. Histoire de la légende de Faust. Paris, 1888.

Geneviève Bianquis. Faust à travers quatre siècles. Paris, 1935.

Charles Dédéyan. Le thème de Faust dans la littérature européenne. Vol. I. Humanisme et classicisme. XVI-e, XVII-e et XVIII-e siècles. Paris, 1954.

На русском языке:

И. Шаховской. Легенда и первая народная книга о Фаусте. ЖМНП, 1880, ч. ССXI, стр. 369—401.

М. Корелин. Западная легенда о докторе Фаусте. Вестник Европы, 1882, ч. 11, стр. 263—294; ч. 12, стр. 699—734.

А. И. Белецкий. Легенда о Фаусте. Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете, вып. V, 1911, стр. 59—193; вып. VI, 1912, стр. 67—84.

1

Из письма Иоганна Тритемия (Trithemius), аббата монастыря Шпонгейм (Spanheim), Иоганну Вирдунгу в Хасфурте, математику и придворному астрологу курфюрста Пфальцского, 20 августа 1507 года. См.: *Johannis Trithemii abbatis Spanhemensis Epistolarium familiarium libri duo*. Нагапоае. 1536, стр. 312—314. — Ср.: Tille, № 1, стр. 1—3. — Düntzer, *Kloster*, V, стр. 27—35. — Witkowski, стр. 310—316.

Об аббате Тритемии см.: Комментарии, стр. 270. Ср. также: *Leben des Abtes von Trithem*. *Quartalschrift für ältere Lileratur und Kunst*, herausg. v. Canzler v. Meissner, Leipzig, 1784=*Kloster*, III, стр. 1012—1064. Нелестный отзыв Тритемия о Фаусте подказан, по мнению некоторых исследователей, недоброжелательным отношением к сомнительному конкуренту (ср.: Комментарии, стр. 277). Характерно, что в письме к императору Максимилиану I, своему покровителю, написанном в следующем, 1508, году, Тритемий обличает некромантов и других чернокнижников, из которых одни, выдавая себя за ученых, обманывают народ, другие же преступным образом вступили в союз с дьяволом; против этих последних он требует от императора суровых мер (см.: Witkowski, стр. 314).

¹ Сабелликус. Лат. Sabellicus, вероятно — в значении «сабинский». Сабиняне считались в древнем Риме искусными в колдовстве. Как прозвище слово это было известно гуманистам XVI века из латинской литературы. См.: Erich Schmidt. *Faust und das sechzehnte Jahrhundert*, стр. 15.

² несколько времени тому назад. В оригинале «anno priore» — «в прошлом году» или «раньше» («несколько лет тому назад»). Согласно Кизеветтеру (Kiesewetter, стр. 5, прим. 1), встреча Тритемия с Фаустом в Гельнгаузене, по пути из Берлина, имела место в мае 1505 года: в Шпейер он прибыл 5 июня.

³ Гельнгаузен. Городок в Гессене, между Франкфуртом-на-Майне и Гиссенем.

⁴ как новый Ездра Иудейский. По библейскому преданию, пророк Ездра по окончании «вавилонского пленения» евреев собрал воедино и восстановил в чистом виде законы Моисея. В эрфуртских главах народной книги Шписа Фауст хвастает в обще-

стве эрфуртских философов, что он может восстановить по памяти пропавшие комедии Теренция и Плавта (стр. 104).

⁵ Франц фон Зиккинген (1481—1523). Имперский рыцарь, друг гуманиста Ульриха фон Гуттена и глава восстания имперских рыцарей в 1523 году. О нем см. переписку Лассаля с Марксом и Энгельсом (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. М., 1957, стр. 15—52).

2

Ср.: Reichlin-Meldegg, Kloster, XI, стр. 330.—Kiesewetter, стр. 9.

Известие это находится в противоречии с предшествующим, согласно которому Фауст уже в 1505 году называл себя магистром. Фамилия или прозвище Faust были широко распространены в это время, так что с 1512 по 1522 год в списках Гейдельбергского университета зарегистрированы различные Фаусты, не имеющие никакого отношения к герою легенды, в том числе в 1515 году Georgius Faust из Франкфурта-на-Одере, в 1518 году Johannes Faust из Виттенберга (см.: Witkowski, стр. 307) и др. Поэтому многие исследователи исключают это свидетельство из биографии Фауста как сомнительное. Однако Фауст был связан с Гейдельбергом (ср.: Тексты, I, 3) и, согласно народной книге Шписа (гл. 1), он также получил степень магистра первым из 16 соискателей (Комментарии, стр. 273).

¹ Зиммерн. Городок в Пфальце, к западу от Рейна, между рр. Мозель и Наэ (недалеко от Крейцнаха).

3

Из письма Муциана Руфа, каноника в Готе, своему ученому другу Генриху Урбану, в монастыре Георгенталь, 7 октября 1513 года. См.: Conradus Mutianus Rufus. Epistolae in W. Tentzelii: Supplementum historiae Gothanae primum. 1701, стр. 95.—Ср.: Tille, № 2, стр. 3—5.—Düntzer, Kloster, V, стр. 36.—Witkowski, стр. 317—318.

Конрад Муциан Руф (Mutianus Rufus, 1471—1526) — известный немецкий гуманист, учился в Италии, был главой кружка эрфуртских гуманистов, к которому одно время принадлежал и Ульрих фон Гуттен, был другом Рейхлина и Меланхтона (ставшего позднее ближайшим соратником Лютера). Эрфуртские гуманисты выступили в защиту Рейхлина против кельнских церковников с знаменитыми «Письмами темных людей» (1517—1519).

Генрих Урбан (Urbanus) — ученик Муциана Руфа по Эрфуртскому университету, в то время был управляющим экономом Георгентальского монастыря в Тюрингии.

О пребывании Фауста в Эрфурте см. народную книгу Шписа (1590), Дополнения, I, гл. 50—55 и Комментарии, стр. 292 и сл.

¹ гейдельбергский полубог. В оригинале ошибочно: Helmitheus Hedebergensis; обычно исправляется: Hemitheus Heidelbergensis. Однако открытие записи в дневнике Килиана Лейба, приора монастыря Ребдорф: Georgius Faustus helmstetensis (т. е. Фауст из Гельмштедта) — сделало возможным другое толкование: helmstetensis вместо Helmitheus. Гельмштедт находится поблизости от Гейдельберга (Тексты, I, 7 и прим. 1).

4

Запись от 12 февраля 1520 года в приходо-расходной книге на 1519—1520 годы епископа Бамбергского, в графе «Pro Diversis» («Разные расходы»). Ср.: Tille, № 3, стр. 6. — Witkowski, стр. 324.

Князь-епископ Бамбергский Георг III фон Лимбург («Schenk von Limburg») был известен как человек высокообразованный. Выступает как отрицательный персонаж в исторической драме Гете «Гец фон Берлихинген» (1773) в соответствии с мемуарами рыцаря Геца, который был его противником.

¹ Гонорар в 10 гульденсв представлял по тому времени значительную сумму. О Фаусте как составителе гороскопов см.: Тексты, I, 8 и 10; II, гл. 18.

5

Из «Лейпцигской хроники» магистра Иоганна Якоба Фогеля (начало XVIII века) под 1525 годом. См.: J. J. Vogel. Leipzigerisches Geschichtsbuch oder Annales. Leipzig, 1714, стр. 111. — Ср.: Tille, № 183, стр. 414. — Düntzer, Kloster, V, стр. 37—40. — Kiese-wetter, стр. 19—21.

Народная книга Шписа содержит тот же рассказ лишь в издании 1590 года (см. стр. 140); вслед за Шписом сходным образом в книгах Вейдмана (1599) и Пфитцера (1674). Фогель, противореча себе, рассказывает под 1530 годом о постройке Ауэрбаховского погребка. Подтверждением лейпцигской традиции служили две картины на стенах погребка, изображающие полет Фауста на бочке и его пирушку со студентами, на которых стоит та же дата, как у Фогеля, — 1525.

Под первой находится немецкий «шпрух»:

Выехал Фауст, держась за бока,
Из ауэрбаховского погребка,
Сидя верлом на бочке с вином,
И это видели все кругом.
Постигнул черную магию он,
И чертом за это был награжден.

Под второй — латинское двустишие:

Пей, веселись, но помни о докторе Фаусте и грозной
Каре: не сразу она, но неизбежно пришла.

Из содержания обеих надписей видно их позднее происхождение: они предполагают существование уже сложившейся легенды о договоре Фауста с дьяволом и о постигшем его наказании. Картины реставрировались неоднократно (1636, 1707, 1759) и, как указал Кизеветтер, пирующие изображены на них в костюмах не XVI, а XVII века. Таким образом, 1525 год поставлен на них в соответствии с позднейшим преданием.

Рассказ о пирушке Фауста в Ауэрбаховском погребке со студентами приобрел широкую популярность благодаря «Фаусту» Гете, который, как лейпцигский студент, хорошо знал местное предание. После пожара погреб был заново отстроен в конце XIX века как модный ресторан.

6

Ostermair. Zur Faustsage (Dr. Faust in Ingolstadt). Oberbayerisches Archiv für vaterländische Geschichte, Bd. 32. München, 1872—1873). — Ср.: Tille, № 4, стр. 6.

О пребывании Фауста в Ингольштадте сообщают также «Нюрнбергские рассказы» о Фаусте (Комментарии, стр. 291) и народная книга Вейдмана (Комментарии, стр. 274); ср. также: Тексты, I, 7, прим.

7

Schottenloher. Der Rebdorfer Prior Kilian Leib. Festschrift für Riezler, herausg. v. K. A. Müller. Gotha, 1913. — Ср.: Franz Neuberger, стр. XIII.

Заметка в рукописном «дневнике погоды» (Wettertagebuch) патера Килиана Лейба, приор монастыря Ребдорф (недалеко от Ингольштадта).

¹ Гельмштедт (теперь Helmstatt) находится около Гейдельберга: обстоятельство, которое, может быть, разъясняет непонятное место в письме Муциана Руфа (см.: Тексты, I, 3 и прим.).

² Комтур — глава орденовой организации.

³ Иоанниты — рыцарско-монашеский орден (с перенесением центра ордена в 1530 году на о. Мальту получивший название «мальтийских рыцарей»).

⁴ Галлештейн — Heilenstein в Штирии, «на границах Каринтии» (Австрия), где в это время существовал орденовый дом иоаннитов. В действительности Фауст вряд ли имел отношение к этому ордену.

8

Из писем Агриппы Неттесгеймского (Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheym, 1486—1535). См.: Epistolarum, Lib. V, epist. 26, 1528. — Ср.: Kiesewetter, стр. 24—27. — Witkowski, стр. 328—330.

Об Агриппе Неттесгеймском см.: Комментарии, стр. 270. Агриппа находился в 1528 году на службе французского короля Франциска I.

Имя кудесника в письме не упоминается, но Кизеветтер относит это свидетельство к Фаусту. Предположение это не может считаться доказанным. Однако Агриппа и Фауст упоминаются вместе в письме папского нунция Минуччи о кельнских делах 1530-х годов (см.: Тексты, I, 27).

¹ Королевских детей. Речь идет о сыновьях Франциска I, оставленных заложниками в Мадриде после заключения мира с императором Карлом V в 1526 году.

9

Из письма юриста Иохима Камерария к его другу Даниелю Штибару, 13 августа 1536 года. См.: Libellus Novus, Epistolas et Alia Quaedam Monumenta... editus studio Joachimi Camerarii Papeberg. Leipzig, 1568. — Ср.: Georg Ellinger. Das Zeugnis des Camerarius über Faust. Vierteljahrschrift für Literaturgeschichte, Bd. II, 1889, стр. 314—319. — Tille, № 5, стр. 6—9. — Witkowski, стр. 333—334.

Иохим Камерарий (Joachim Camerarius, 1500—1574), филолог-гуманист, учился в Лейпциге, Эрфурте и Виттенберге и был близким другом и биографом соратника Лютера, Филиппа Меланхтона (см. ниже, стр. 370). Его переписка, изданная им самим в 1568 году, показывает его дружеские связи, поэтические и научные, сперва с круж-

ком эрфуртских поэтов-гуманистов — Муцианом Руфом, Эобаном, Эвридием Кордом и др., потом с виттенбергскими поэтами-гуманистами, связанными с Меланхтоном. Адресат его письма, юрист Даниель Штибар (Daniel Stibar, 1503—1555), уроженец Верхней Франконии, с 1518 года учился в Эрфурте, где и подружился с Камерарием; позднее путешествовал в Италии, Франции, Нидерландах, жил и учился у Эразма Роттердамского, позднее был судьей и членом городского совета на своей родине в Вюрцбурге.

Из письма видно, что Штибар был адептом Фауста и увлекался его «чудесами»: Камерарий относится к этому увлечению с иронией и скепсисом. Однако он интересуется предсказаниями Фауста, касающимися исхода войны, возобновившейся в 1538 году, между императором Карлом V (Цезарем) и французским королем Франциском I (известно из рассказа Меланхтона у Манлия, что Фауст приписывал своим магическим чарам победы императора; Тексты, I, 15).

Камерарий и Штибар — друзья Филиппа фон Гуттена (Тексты, I, 11), который упоминается в этом письме, как и его брат Мориц, князь-епископ Эйхштетский. Из сопоставления писем Гуттена и Штибара можно сделать вывод, что в последние годы своей жизни Фауст находился в Франконии, где у него были адепты и покровители среди местного дворянства.

Ср. также позднейший отзыв о Фаусте юриста Филиппа Камерария (1596), сына Иоахима (Тексты, I, 35).

¹ Филипп — Меланхтон.

² Письмо написано в августе 1536 года (Id. Sextil. — «в иды шестого месяца»), накануне нон шестого месяца (по римскому календарю), т. е. 5 августа.

³ РР — папа Павел III (1534—1549). Речь идет о подготовке церковного собора для укрепления католичества и борьбы с протестантизмом. Собор был созван в Триденте в 1545 году.

⁴ Карл — император Карл V.

10

Из медицинского справочника Филиппа Бегарди, городского врача в Вормсе. См.: Philipp B e g a r d i. Index Sanitatis. Ein Schöns und vast nützlichs Büchlin, genant Zeyger der Gesundtheyt. Wormbs, 1539, стр. XVII. — Ср.: T i l l e, № 6, стр. 9—10. — D ü n t z e r, Kloster, V, стр. 41—42. — W i t k o w s k i, стр. 336—337.

¹ Нигромантия — вместо «некромантия». Некромантия — греческое слово, означающее прорицание с помощью умерших (от греч. nekros — «смерть»), было переосмыслено в средние века как нигромантия (от лат. niger — «черный»), т. е. «черная магия»; позднее в кукольных комедиях «негромантия».

² Фессал (Thessallus) из Траллес, I век н. э., врач-шарлатан, пользовавшийся большим успехом в Риме времен Нерона. Отличался высокомерием и выдавал себя за лучшего из врачей.

³ О Теофрасте Парацельсе см.: Комментарии, стр. 270.

11

Письмо Филиппа фон Гуттена из Венесуэлы в Южной Америке своему брату Морицу, князю-епископу Эйхштетскому, 16 января 1640 года, См.: Historischliterarisches

Magazin, Teil I, Bayreuth und Leipzig. 1775, стр. 93; Zeitung aus India Juncker Philipps von Hutten. Aus seiner zum Teil unleserlich gewordenen Handschrift. Brief an sein r Bruder Moritz, Fürstbischof von Eichstatt. Datum in Coro der Provinzen Venezola im etc. 40 Jahr, den 16 Jan. — Ср.: S. Szamatolski. Der historische Faust. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, 1839, t. II, стр. 156. — Tille, № 7, стр. 10—11, — Witkowski, стр. 335—336.

Филипп фон Гуттен (Philipp von Hutten, 1511—1541), немецкий конквистадор, был двоюродным братом известного гуманиста Ульриха фон Гуттена. Он участвовал в испанской экспедиции в Венесуэлу, снаряженной на средства аугсбургских банкиров и купцов Вельзеров, которым Карл V продал Венесуэлу. Принял участие в экспедиции губернатора Венесуэлы Хохермута (1535—1539), отправившейся искать золота (сказочную страну Эльдорадо). Из 4000 участников экспедиции вернулось только 150, в большинстве больные. После смерти Хохермута, в 1540 году, Гуттен занял пост саритано генерале (командующего войсками). Вторая экспедиция, предпринятая под его начальством в 1541 году, достигла верховьев р. Гвавиара. При возвращении Гуттен был ограблен и убит испанским авантюристом Хуаном де Карваха, претендовавшим на его пост. См.: Hantsch. Deutsche Reisende des 16. Jahrhunderts. 1895.

Гуттен выехал из Испании 19 октября 1534 года. Предсказание Фауста относилось к флотилиям, отплывшим из Севильи около того же времени, т. е. осенью 1534 года.

12

Из «Застольных бесед» протестантского богослова Иоганна Гаста. См.: Tomus secundus Convivialium Sermonum, partim ex probatissimis historiographis, partim exemplis innumeris, quae nostro saeculo acciderunt, congestus, omnibus verarum virtutum studiosis utilissimus. Basileae, 1548, стр. 280 и сл. — Ср.: Tille, № 8, стр. 11—12. — Düntzer, Kloster, V, стр. 42—46.

В посвящении своих «Застольных бесед» Иоганн Гаст (Johannes Gast) сообщает, что в Базеле он был «в печальные времена крестьянской войны». Таким образом, его встреча с Фаустом имела место в 1525 году. Рассказ об этой встрече является свидетельством того, что уже при жизни Фауста о нем начала слагаться суеверная легенда, которую он сам поддерживал поведением, рассчитанным на легковерие современников («чудесные» птицы). Анекдот о монахах и известие о гибели Фауста происходят с чужих слов и относятся ко времени, когда легенда уже сложилась. Дьявол в образе ца — распространенный фольклорный мотив в легендах о чернокнижниках (ср. об Агриппе Неттесгеймском: Комментарии, стр. 271).

¹ конь. О волшебном коне Фауста — в эрфуртских главах народной книги (см. стр. 106—107).

13

Из комментариев Филиппа Меланхтона к воскресным евангелиям. См.: Explicatio-nium Melanchtonianum in Evangelia Dominicalia, Pars II (1594), стр. 76; Pars postrema (1595), стр. 442. — Ср.: Tille, № 9—10, стр. 12—13.

О Меланхтоне см.: Тексты, I, 15, прим.

Анекдот о проглоченном имеет многочисленные параллели. См.: Комментарии, стр. 286.

¹ О Симоне-маге см. Комментарии, стр. 260 и сл.

14

Из письма врача и естественного испытателя Конрада Геснера в Цюрихе историческому императору Крагону фон Крафтхейму, 16 августа 1561 года См. *Epistolarum medicinarum Conradi Gesneri philosophi et medici 1577* Liber I, epist. I, v. 1a — Ср. Tille № 11, стр. 14 — Duntzer Kloster, V, стр. 63—64.

¹ Иоганн О оригус (1507—1568) был учеником Парацельса и его фамулюсом в Базеле и Страсбурге (1526—1527), но затем прославился как печатник.

² О Теофрасте Парацельсе см. Комментарии, стр. 270.

³ Друиды — жрецы у древних галлов.

⁴ Саламанка — знаменитый университет в Испании. В XV веке здесь как в Толедо и в Кракове читались лекции по так называемой «естественной» магии См. Klessowetter, стр. 31 прим. 1.

⁵ Бролячие школяры или ваганты (*scholastici vagantes*) см. Комментарии, стр. 276.

15

Из поучений Филиппа Меланхтона, записанных его учеником Иоганном Манлием или Мечелем (Johann Manlius) из г. Ансоах См. *Logorum communium collectanea*, a Johanne Manlio per multos annos pleraque tum ex lectionibus D. Philippi Melanctonis, tum ex aliorum doctissimorum virorum relationibus excerpta et nuper in ordinem ab eodem redacta Basileae 1563, стр. 42 — Ср. Tille, № 12, стр. 15—16 — Duntzer, Kloster V стр. 46—53.

Филипп Меланхтон (1497—1560) — в молодости гуманист, в дальнейшем деятель Реформации, ученик и ближайший соратник Лютера, систематизировавший лютеранское учение, составитель так называемого «аугсбургского исповедания веры» и лютеранского катехизиса и автор ряда педагогических сочинений и учебных пособий, которые легли в основу организации среднего и высшего образования в лютеранской части Германии.

Меланхтон был уроженцем г. Бреттен в курфюршестве Пфальцском, находящегося в ближайшем соседстве от швабского городка Книттлинген (у Манля—Кундлинг), который назван здесь как родина Фауста (см. Комментарии, стр. 272). Он поступил в Гейдельбергский университет в 1509 году, т. е. около того времени, когда в списках этого университета значился Иоганн Фауст (см. Тексты I, 2 и прим.). Манлий передает рассказ Меланхтона, который как и Лютер, был жертвой религиозных суеверий своего времени, в частности веры в чертовщину.

¹ В Кракове он изучил магию. Лекции по так называемой «естественной» магии читались в некоторых университетах того времени, кроме Кракова, называют Саламанку и Толедо в Испании См. Тексты I 14.

² Рзвлетит в нею. Рассказ о полете Фауста перенесен на него из легенды о Симоне-маге (см. Тексты, I 13 и Комментарии, стр. 262).

³ Львов в образе пса см. рассказ Гаса (Тексты, I 12b и прим.). Гете использовал в «Фаусте» этот мотив народного предания.

⁴ Курфюрст Иоганн Саксонский умер 16 августа 1532 года. Значит, пребывание Фауста в Виттенберге, о котором говорит Меланхтон, сам, как и Лютер, проживавший в это время в Виттенберге, имело место до 1532 года.

⁵ Победы одержанные войсками императора Карла V в Италии имели место в войне против Франции (1525—1526), французский король Франциск I, разбитый при Павии (1525), пошел в плен и должен был после заключения тяжелого для Франции мира оставить императору в качестве заложников двух своих сыновей (см. Тексты, I, 8, 9 и прим.)

16

Для отрывка из гак на языке немецком Циммерной хроник (1567) сочинения графа Кристофа Фробена фон Циммерна (Christoph Froben von Zimmern) содержащего историю сода Циммернов См. Zimmerische Chronik herausg. v. K. A. Barack 2 Aufl., Greburg u. Lubingen 1881 Bd I, стр. 871, Bd III, стр. 529 — Ср. Tille, A. 13, стр. 16—17 — Witkowski, стр. 339 и сл.

¹ Городом Шпаден в Брейслеу деши к ю от Фрейзюга (южный Баден)

² Примерно тогда же. Перед тем говорилось о Регенсбургском риксстаге 1541 года, к этому риксстагу относил гробель Фауста

³ Рассказ о Люксембургском монастыре ср. с анекдотом Гаста (Тексты, I, 12) и с маульбронским преданием (Тексты I 38)

⁴ Вассихи вместо Васау (Возезы)

17

«Застольные беседы» («Tischreden») Мартина Лютера собраны были его учеником Аурифабером (Aurifaber) — «Tischreden oder Colloquia Doct Mart Luthers» (Eisleben 1566, критическое издание К. E. Forstemann и H. E. Bindseil 1845) В настоящее время все «беседы» Лютера записанные его учениками и современниками объединены в академическом («венмарском») издании его сочинений Die Werke Martin Luthers Historisch kritische Ausgabe Abteilung Tischgesprache Bd 1—4 Weimar, 1912—1916

Лютер подобно большинству своих современников отличался сверхъестественной верой в дьявола и свои религиозные сомнения и колебания всегда приписывал его искушению См. Комментарий, стр. 279. — Erich Schmidt Faust und Luther, стр. 571 и сл.

В «Застольных беседах» Лютер неоднократно предостерегает от козней и искушений дьявола пытающегося соблазнить людей В гл. 24, § 102 (Aurifaber) рассказывается история одного студента из Нюрнберга по имени Валерии Глокнер, который, промотав свое имущество, стал жертвой подобного искушения Когда он остался без денег и печально бродил по улицам, к нему подошел незнакомый человек который спросив его предложил достать ему деньги если он продаст ему свою душу Дювор студент должен был подписать своею кровью Когда стало известно что у студента неожиданно появились деньги из неведомого источника Лютеру было сообщено об этом деле и вместе с университетским начальством он увещевал студента, наказав ему, как противиться дьяволу, после чего, по молитве Лютера, дьявол вернул студенту договор (как в легенде о Теофиле — по заступничеству богородицы, см. Комментарий, стр. 264)

Тот же рассказ приводится в сочинении ученика Меланхтона Лерхеймера См. Augustus Lercheimer. Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei 1585, стр. 16 — Kloster, V, стр. 827 — Ср. Duntzer, Kloster, V, стр. 53—54 О Лерхеймере см. Тексты, I, 29, прим.

Апокрифический характер носят рассказы Лютера о Фаусте, которые Вейдман по образцу «Застольных бесед» включил в предисловие к своему изданию народной книги о Фаусте под заглавием «Рассказ о том, что доктор Лютер думал о докторе Фаусте». См.: Düntzer, Kloster, V, стр. 60—63. — Kiesewetter, стр. 36 и сл.

а

См.: Aurifaber, I, л. 16^b. — Förstemann, I, стр. 50. — Ср.: Tille, № 15, стр. 20.

б

См.: Historisch-kritische Ausgabe. Tischgespräche, Bd. 3, № 3601. Это свидетельство до сих пор не было отмечено в литературе о Фаусте и сообщено мне сотрудником Веймарского музея д-ром Хеннингом.

в

См.: Aurifaber, I, л. 301^b. — Ср.: E. Schmidt. Faust und Luther, стр. 586—587.

■ Библейское сказание о царе Сауле и волшебнице из Аэндора см.: Книга Царств, I, гл. 28.

■ Аббат Шпонгеймский — Тритемий, см. о нем: Комментарии, стр. 270; Тексты, I, 1, прим. Тот же рассказ о Тритемии у Лерхеймера, ср.: Kloster, V, стр. 288—290; в поэтической обработке Ганса Сакса (1564).

■ Carolus Gibbosus — Карл Горбатый. Лютер имеет в виду французского короля Карла VIII и Анну Бретанскую, руки которой добивался рано овдовевший император Максимилиан (1486). Обычно героиней этого рассказа является Мария Бургундская, супруга Максимилиана, скончавшаяся в юном возрасте (1482). См. стр. 384, прим. 45.

г

Luther, Tischreden, гл. 24, § 23. — Аналогичный рассказ у Лерхеймера о Фаусте см.: Тексты, I, 29в; в народной книге Шписа, гл. 52 и 53 и прим. 1. — Ср.: W. Meuser, стр. 352—353.

д

Aurifaber, I, л. 307. — Förstemann, III, 27. — Ср. народную книгу Шписа, гл. 36, 39, 40 и прим.

е

Aurifaber, I, л. 308. — Förstemann, III, 100. — Ср. народную книгу Шписа, гл. 34 и прим. 46.

18

Из книги Иоганна Вира (или Вируса) «О чудесах демонов». См.: Joannis Wieri. De praestigiis Daemonum. Basileae, 1568, кн. II, гл. 4, стр. 142—144 (немецкий перевод: Johannes Weier. Von Teuffelsgespenst... verteutscht von Johanne Fughno. Frankfurt a. M., 1586). — Ср.: Tille, № 17, стр. 21—23 (лат.); № 32, стр. 68—71 (нем.). — Düntzer, Kloster, V, стр. 64—69.

Иоганн Вир (Johannes Wierus, 1505—1538), ученик Агриппы Неттесгеймского, выступал как противник массовых ведовских процессов, ставших со второй половины XVI века настоящим общественным бедствием в лютеранской Германии (см.: Коммен-

тари, стр. 279); защищал память своего учителя от обвинений в колдовстве (Комментарии, стр. 271). Вир родился в местечке Граве на р. Маас (на границе Нидерландов, в герцогстве Гельдери), которое расположено в трех часах ходьбы от Батенурга (Батобург), где проживал Фауст. Около 1540 года Вир вернулся в свой родной город, где занимался врачебной практикой.

¹ Владелец Батенбурга, барон или граф Герман ван Бронкхорст, упоминаемый в рассказе, только с 1534 года выкупил свои права на Батенуорг у захватившего его земли герцога Гельдернского: таким образом, описываемые происшествия имели место между 1534 и 1540 годами.

Как установил Ван'т Хофт (В. Н. Van't Hooff. Das Holländische Volksbuch vom Doktor Faust. Haag, 1926, стр. 9—16), Герман ван Бронкхорст был также владельцем города и графства Ангольт (Anholt) в герцогстве Гельдери. Автор высказывает предположение, что упоминаемый в народной книге Шписа (гл. 44) герцог Ангальтский (который называется здесь также графом) заменил, как более известное в Германии владетельное лицо, малоизвестного графа Ангольтского, у которого Фауст находился в последние годы своей жизни. Может быть, герцог Вангольт (Duke of Vanholt) в трагедии Марло (сцена XII) носил также в искаженной форме титул Германа Бронкхорста — van Anholt?

² Анекдот о Фаусте-брадобрее включен в издание народной книги Шписа 1587 года по немецкому переводу книги Вира (см.: Petsch. Volksbuch, стр. 46 и 227. — Van't Hooff, стр. 11—12). Биографию Фауста и историю его гибели Вир рассказывает по Меланхтону—Манлию (см.: Тексты, I, 15).

19

Из сочинения Андреаса Хондорфа, пастора в Дройсиге (в Саксонии), «Книга историй и примеров», раздел «Об искусстве магии» («De magicis Artibus»). См.: Andreas Hondorff. Promptuarium exemplorum: Historien und Exempelbuch. 1568. — Ср.: Tille, № 16, стр. 20—21 и № 23, стр. 46 (латинский перевод 1575 года).

Хондорф повторяет рассказ Меланхтона со ссылкой на книгу Манлия (см.: Тексты, I, 15).

20

Из книги лютеранского богослова Генриха Буллингера «Против ведовства». См.: Tractätlein Wider die Schwartzen Künst. Frankfurt a. M., 1569, гл. 6. — Ср.: Tille. № 31h, стр. 67—68. — Düntzer, Kloster, V, стр. 72.

Буллингер выступает как ортодоксальный обличитель черной магии, в которую он верит в соответствии с господствующими суевериями его времени.

21

См.: Ludwig Lavater. Von Gespänsten, unghüren Fällen und anderen wunderbaren Dingen... Zürich, 1569 (О привидениях, необычайных происшествиях и других чудесных делах...). Латинский перевод: De spectris, lemnibus et magnis atque insolitis fragoribus, variisque praesagitionibus... Tiguri, 1570, стр. 208. — Ср.: Tille, №№ 18—19, стр. 23—24. — Düntzer, Kloster, V, стр. 72.

Швейцарец Людвиг Лафатер зять Буллингера отдаленный предок И К Лафатера, современник и друга молодого Гете (автора «Физиогномики»)

22

Трактат швейцарца Бенедикта Аретия «Проблемы теологии» (Benedictus Aretius. *Problemata Theologica* Bd II Lausannae 1775 стр 407) содержит главу о магии, в которой перечисляются различные разновидности этого искусства рассматриваемые с богословской точки зрения Анекдоты о Фаусте которые содержит глава о черной магии уже затронуты в тридцати См W Meyer №№ 2—3 стр 390 и сл В дальнейшем они вошли в народную книгу Шписа (гл 39 40 и прим) — Ср Tille, № 21, стр 43—44

23

Из анонимной гоминияции *Theatrum Diabolorum Das ist warhafftige eigentliche und kurtze Beschreibung aller newlicher schrecklicher und abschwelcher Laster*. Frankfurt a M, 1577, л 536в — Ср Tille № 22 стр 45

24

См Wolfgang Butner *Epitome Historiarum Christianer Ausgelesener Historien und Geschichten, aus alten und neuen Scribenten* Weimar, 1576 лл 591 и 115a (собрание поучительных и развлекательных рассказов) — Ср Tille № 25, стр 48

а

Ср W Meyer, № 16 стр 389 (мы положем руки в Англию а высушим их в Германии) в народной книге Шписа ср гл 37 и прим 48

б

Местом действия в народной книге (изд 1590) является Эрфурт (см Тексты, II Дополнения, 1, л 51)

25

Анекдот этот рассказывает католический монах Иоганнес Насс в своем полемическом трактате против лютеранского вероучения См F Joannes Nass *Examen Chartae Lutheranae Concordie* Ingolstadt, 1581, стр 374 — Ср Tille, № 362, стр 94)

Насс насмехается над учением Лютера об «оправдании верой» которую он называет верой в колбасу («ein grosser Wurstglauben») Сходный анекдот действительно рассказывался в Виттенберге среди лютеран о самом Меланхтоне (см Тексты, I, 29в).

26

См Johannes Jacobus Wacker *De Secretis* («О тайнах») Libri XVII ex variorum autoribus collecti.. Basel, 1582 (гл V О чудесах злых демонов) стр 43 — Ср Tille № 27, стр 54—55 — См народную книгу Шписа гл 42 и прим 51 — Ср W Meyer, № 4а, стр 398 и сл

27

Письмо папского легата Минуччи герцогу Вильгельму Баварскому (Кельн, 25 марта 1583 года). См.: *Nuntiaturrepichte aus Deutschland. 3 Abteilung, 1572—1595*. Berlin, 1894, стр. 617. — Ср.: Tille, № 28, стр. 55. — Witkowski, стр. 329—330.

¹ Герман де Вид, архиепископ Кельнский с 1515 года, сочувствовал реформации и с 1536 по 1547 год находился в открытом конфликте с католической церковью. Покровительствовал Агриппе Неттесгеймскому, который посвятил ему свою книгу «Об оккультной философии» (1536), находился с ним в переписке и нашел убежище в Болне с 1532 по 1535 год, где под покровительством архиепископа занимался астрологией, алхимией и «естественной» магией (см.: Комментарий, стр. 270). В конфликте с папой находился и упоминаемый в письме Минуччи архиепископ Кельнский Гебхард Трухзес, один из преемников Германа де Вида.

28

Леонгард Турнейсер (Leonhart Theinesser zum Thurn) был лейб-медиком курфюрста Бранденбургского, занимался астрологией, алхимией и сам считался «черно-книжником». См.: Witkowski, стр. 337.

а

См.: *Onomasticum und Interpretation oder ausführliche Erklärung...* Berlin, 1583, стр. 33. — Ср.: Tille, № 29, стр. 57. Книга эта содержит объяснение имен («этимологии») в духе энциклопедической учености XVI века.

б

Из «Соображений о заклинаниях» («Bedenken, was er von der Exorcisterey halte»). Ср.: Tille, № 31b, стр. 64. Перепечатано в обширной анонимной компиляции о ведовстве «*Theatrum de veneficis*» (Frankfurt a. M., 1536, стр. 196), содержащей извлечения из сочинений Булингера, Лафатера, Турнейсера и Лерхеймера (Тексты, I, 20, 21, 28, 29), в частности имеющиеся в них анекдоты о Фаусте. Книга эта предназначалась составителем как «полезное руководство для фоттов, шульцев, амтманов и друцк представителей светской власти» («des weltlichen Schwerts»). Ср.: Tille, N. 31, стр. 62—68.

Более раннее произведение Турнейсера «*Eurotaelosis*» («Изыдшие объяснения... в прозе и стихах», Берлин, 1575), содержит стишок, в котором Фауст составляется с «долговязым попом из города Зальцбурга»: обоих черт не пощадил и наградил за их дела, как он всегда награждает своих слуг — «прорицателей, ведьм и других чудовищ». См.: Tille, № 24, стр. 47.

¹ Марий и колдунья Марта — ученики Симона-мага, упоминаются в «Клементинах» (см.: Комментарий, стр. 261).

29

Из книги Августина Лерхеймера о колдовстве (1585). См.: *Augustin Lercheimer von Steinfeldens Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei*. 1585. — Ср.: Tille, № 30, стр. 58—61. — Düntzer, Kloster, V, стр. 73—77. Книга Лерхеймера перепечатана: Kloster, V, стр. 264—348.

Августин Лерхеймер с 1547 года изучал богословие в лютеранских университетах во Франкфурте-на-Одере и Виттенберге; в последнем он слушал лекции Меланхтона, которого называет «господином Филиппом»; позднее был профессором в Гейдельберге. Книга Лерхеймера, вышедшая без указания места издания и под псевдонимом (настоящая фамилия автора Герман Вилькен, по прозвищу Витекинд), направлена против ведовских процессов. Лерхеймер утверждает, в отличие от большинства своих современников, зараженных этим суеверием, что женщины, подозреваемые в ведовстве, нуждаются более в лечении, чем в наказании; «их следует направлять скорее к врачу или служителю церкви, чем к судье или старосте, чтобы помочь их суеверию, глупости и неверию». Однако и Лерхеймер верит рассказам о колдовстве и требует «большей строгости по отношению к прорицателям, колдунам и шарлатанам, чем было до сих пор».

Сочинение Лерхеймера вышло в свет за два года до народной книги Шписа (1587) и содержит ряд анекдотов о Фаусте, которые вошли в последнюю: б) полет в Зальцбург (гл. 45); в) вмешательство «благочестивого старца» и неудачная попытка обращения (гл. 52); д) вторичный договор с дьяволом (гл. 53). Разговор Фауста с Меланхтоном (в) — ср. с рассказом Насса (Тексты, I, 25). О бегстве Фауста из Виттенберга (г) — у Манлия со слов Меланхтона (Тексты, I, 15). Ряд анекдотов о других кудесниках, которые содержит книга Лерхеймера (е), перенесены у Шписа на Фауста. См.: *Reichlin-Meldegg, Kloster*, XI, стр. 302—311.

Об Альберте Великом (Альберт из Лаугингена), аббате Тритемии (Иоганн из Тритгенгейма) и Агриппе Неттесгеймском (Корнелий Агриппа) см. стр. 268, 270 и сл.

¹ Император Вильгельм — король Вильгельм (1248) — см. стр. 268.

² Призрак Самуила — согласно библейской легенде, был показан царю Саулу волшебницей из Эндора, см. стр. 372, прим. 1.

Из трактата гоольштинского пастора Самуила Мейгернуса. См.: *Samuel Meigergius. De Panurgia Lamiarum, Sagarum, Strigum ac Veneficatorum, totius cohortis Magicae Sacodaemonia Libri Tres. Hamburg, 1587*, кн. I, гл. IV, л. 386 (о чернокнижниках) и гл. XIII, л. 95а. — Ср.: *Tille*, № 33, стр. 72. Оригинал на нижненемецком диалекте,

¹ Юстин Мученик — апологет христианства (ум. 170). Кроме Юстина, столп с надписью «*Simoni deo sancto*» на острове р. Тибр упоминают и другие древнехристианские писатели (Тертуллиан, св. Иринеи и др.). Такой мраморный столп был действительно найден в Тибре в 1574 году, однако надпись, сохранившаяся на нем, гласит: *Semoni Sancto, Deo Fidio Sacrum*. Надпись относится к языческим временам и имеет другое значение: *Sancus* — древний сабинский (семнонский) бог, хранитель обетов. Христианская интерпретация представляется позднейшей народной этимологией. См.: *Dédéуап*, т. I, стр. 26—27.

² Антонин Пий — римский император (138—161),

31

Из польской исторической хроники Станислава Сарницюса. См.: Stanislaw Sarnicki Annales, sive de Origine et Rebus Gestis Polonorum et Lituanoꝝ Libri Octo. 1587, кн. II, стр. 67. — Ср.: Tille, № 34, стр. 73—74.

32

Из архива графов Штольберг-Вернигероде, в городе Вернигероде (Гарц). См.: Zeitschrift des Harz-Vereins für Geschichte und Altertumskunde. Jhg. 7, 1874. стр. 362. — Tille, № 35, стр. 74—75.

Письмо свидетельствует о большом успехе издания Шписа. Графская библиотека в Вернигероде сохранила неполный экземпляр первого издания 1587 года и экземпляра второго издания 1588 года. См.: Petsch. Faustbuch, стр. XLVIII.

33

Из третьего издания книги Августина Лерхеймера о колдовстве (ср.: Тексты, I, 29). См.: Augustin Lercheimer. Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei. Speier, 1597 (новое издание: herausg. v. Anton Birlinger, Strassburg, 1888). — Ср.: Tille, № 48, стр. 93—95.

Третье издание содержит добавление, в котором Лерхеймер выступает против составителя народной книги о Фаусте, в защиту доброй славы Виттенбергского университета и его традиций, связанных с именами Лютера и Меланхтона. Его версия сказания о Фаусте, основанная отчасти на устных рассказах, совпадает с версией Меланхтона. См.: Комменгарии, стр. 296.

Связь Фауста, согласно легенде, с Виттенбергским университетом вызывала еще в XVIII веке протесты ортодоксальных лютеран, как видно по инциденту с трупой Иосифа Курца, имевшему место при постановке кукольной комедии во Франкфурте в 1767 году (см.: Тексты, III, 33).

К вопросу о «графах Ангальтских» ср. предположения Ван'т Хофта в связи с пребыванием Фауста в Батенбурге (ср.: Тексты, I, 18, прим.).

34

Из «Разысканий о колдовстве» Мартина Дельрио (Martin Delrio, 1551—1608). См.: Disquisitionum magicarum libri sex. 1598, Lib. II, 12, 61. — Ср.: Tille, № 52, стр. 102. — Düntzer, Kloster, V, стр. 71.

Иезуит Дельрио был одним из наиболее яростных обличителей ведовства. Его «Разыскания» переиздавались несколько раз.

35

Из книги «Часы досуга» юриста Филиппа Камерария (Philipp Camerarius), сына упомянутого выше филолога Иоахима Камерария (см.: Тексты, I, 9). См.: Operae horarium subcisivarum. Francof., 1602, стр. 314. — Ср.: Tille, № 54, стр. 103—105. Анекдот этот, рассказанный ранее Лерхеймером о безымянном чародеи (см.: Тексты, I, 29e), вошел в народную книгу Шписа (редакция В, см.: Комментарий, стр. 300) и использован в «Фаусте» Гете, в сцене в Ауэрбаховском погребе.

36

См.: Eine Reise zweier württembergischer Prinzen nach Berlin im Jahre 1613. Mitgeteilt von Johannes Bolte. Markische Forschungen, Bd. XX. Berlin, 1887, стр. 20.— Ср.: Tille, № 436, стр. 1099,

37

См.: Prof. Simon Friedrich Hahn. Collectio Monumentorum. Braunschweig, 1723: «Chronicon Waldecense» (ср.: Jahrbuch der Sammlung Kippenberg. Bd. I, 1921, стр. 322: «Neue Faustsplitter»). «Вальдекская хроника», составленная в 1648 году Даниэлем Прассером из Внальдунгена, сообщает об этом предсказании Фауста, вероятно легендарном, в связи с рассказом о взятии Мюнстера войсками Франца I, епископа Мюнстерского, и о казни 23 января 1536 года вождей Мюнстерской коммуны, анабаптистов Иоанна Лейденского, Книппердоллинга и Крехтина. См.: Hans Henning. Zu einem von Kippenberg mitgeteilten Faust-Splitter. Weimarer Beiträge, 1957, III, стр. 512—515. Восстание анабаптистов в Мюнстере представляет последний эпизод Великой крестьянской войны в Германии.

38

a

Christian Friedrich Sattler. Historische Beschreibung des Herzogtums Württemberg. Stuttgart und Esslingen, 1752, Teil II, Cap. XLIII, стр. 191.— Ср.: Tille, № 261, стр. 607.

6

Schott. Beschreibung des Oberamtes Maulbronn. Vaihingen, 1841, стр. 19.— Ср.: Kiese-wetter, стр. 14.

Рейхлин-Мельдегг сообщает, что аббат Энтенфус происходил из местечка Унтерэвис-хейм (Unteröwisheim), в двух часах ходьбы от Кнптлингена, и будто бы был другом детства и школьным товарищем Фауста (Kloster, XI, стр. 330). Монастырь Маульбронн находится в Швабии (Вюртемберге), к северу от Штутгарта, недалеко от Кнптлингена. Сведения о пребывании Фауста в Маульбронне имеют недостоверный характер, поскольку аббат Энтенфус умер уже в 1525 году, а так называемая «башня Фауста» построена лишь в 1604. Ср.: Witkowski, стр. 324.— R. Petsch. Der historische Doctor Faust, стр. 112—113.

39

См.: Just Christoph Motschman. Eifordia Literata Continuata, oder Fortsetzung der Gelehrten Erfurts. Dritte Forsetzung, Erfurt, 1735, стр. 369; гл. XXV о докторе Клинге (D. Cong. Clingius. Minoritarum guardianus et Ecclesiastes Erfordiensis).— Ср.: Tille, № 235, стр. 544—549.— Düntzer, Kloster, V, стр. 77—87.— Kiese-wetter, стр. 16—19.

Юст Кристоф Мотчман — профессор философского факультета Эрфуртского университета. Книга его представляет историческое описание ученых древностей Эрфурта. Хроника, на которую он ссылается, составленная Хогелем, сохранилась в рукописи и в настоящее время издана в тех частях ее, которые касаются Фауста. См.: Szamatolski, стр. 39—57.— Tille, № 26, стр. 49—54; Magister Zacharias

Hogel II Chronica von Thüringen und der Stadt Erfurt Хроника составлена в середине XVII века (годы жизни составителя: 1611—1677) Рассказ Хогеля отнесен ко времени около 1550 года Его прямым источником послужила потерянная хроника Кириана Рейхмана, продолженная Вамбахом (в 1550-х годах). См.: Комментарии, стр. 293.

Рассказ Хогеля, как показал его издатель Шаматовский, совпадает почти дословно с эрфуртскими главами второго издания народной книги Шписса (Тексты, II, Дополнения, 1, гл. 50—55) Поэтому мы воспроизводим его не в подлиннике, а в сокращенном переложении Мотчмана. По-видимому, составитель народной книги воспользовался «Эрфуртской хроникой» Кириана Рейхмана и Вамбаха, послужившей источником Хогеля, как предполагает Шаматовский.

¹ О дре Клинге и дворянине (Вольфганг фон Демшедт), хозяине дома «под Якорем» (zum Ecker), см.: Комментарии, стр. 293. Еще в XIX веке в Эрфурте указывали дом Фауста на Слесарной улице (Schlossergasse) и выходящий на нее переулок доктора Фауста (Dr. Faustgässchen). Согласно местному преданию, Фауст однажды проезжал через этот переулок, сидя верхом на огромном бревне, в которое была впряжена четверка добрых коней. Когда же повстречавшийся ему монах (августинец доктор Лютер) заклял его именем божьим, бревно обратилось в соломишку и кони в пекухов. См.: Kloster, V, стр. 485—489. — Kiese wetter, стр. 14—19.

Дополнение

40

Предисловие к английской народной книге о Вагнере: The second report of Doctor John Faustus, containing his appearances and The Deeds of Wagner. Written by an English gentleman, student in Wittenberg, an University of Germany, in Saxony. London, 1594 (см.: Early English Prose Romances, edit. by William J. Thorns. London, 1858, стр. 312—313). — См.: Комментарии, стр. 321.

Хотя автор и выдает себя за студента Виттенбергского университета, очевидно того, что описывает, однако его рассказ о могиле Фауста и о его дубе в окрестностях Виттенберга имеет легендарный характер и не подтверждается местными немецкими источниками.

¹ Эпитафия Фауста — в оригинале по-латыни.

² В следующих разделах (VI—IX) автор ссылается на биографические данные о Фаусте в книге Иоганна Вира; см.: Тексты, I, 18.

II. НАРОДНАЯ КНИГА

Стр. 35—119 :

Литература к разделу II

Научные издания:

Das Volksbuch vom Doctor Faust. Abdruck der ersten Ausgabe (1587), herausg. v. W. Braune, Halle, 1878 (Neudrucke deutscher Literaturwerke des XVI u. XVII. Jahrhunderts, №№ 7—8). С приложением: F. Zarncke. Bibliographie des Faustbuches (см.: F. Zarncke. Kleine Schriften, Bd. I, Leipzig, 1897).

То же, изд. 2-е, herausg. v. Robert Petsch (Neudrucke, № 7a) (с вступительной статьей и обширным филологическим комментарием редактора).

Das älteste Faustbuch. Mit Einleitung von Wilhelm Scherer. Berlin, 1884 (Deutsche Texte älterer Zeit in Nachbildungen, Bd. II) (факсимиле издания 1587 года).

Volksbücher des 16. Jahrhunderts, herausg. u. erklärt v. Felix Bobertag. Berlin u. Stuttgart, s. a., стр. 145—195: Faust (в серии: Deutsche Nationalliteratur, herausg. v. J. Kürschner, Bd. 25).

На русский язык переведена полностью только обработка Густава Шваба «Доктор Фауст», перев. А. Грек, изд. «Польза», М., 1913 (Универсальная библиотека, № 689: Густав Шваб, Народные немецкие повести). Три отрывка из народной книги Шписа в переводе проф. Б. И. Пуришева содержит «Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения» (составил Б. И. Пуришев, Учпедгиз, 1947, стр. 255—260).

Комментарий: Robert Petsch. Die Entstehung des Volksbuches von Doktor Faust. Germanisch-romanische Monatschrift, Jhg. 3, 1911, стр. 207—224).

Общие труды: см. литературу к разделу I, стр. 363.

Специальные работы: см.: История легенды, гл. 3.

[Посвящение]

¹ Графство Кенигштейн — в горах Таунуса, недалеко от Висбадена.

² в Урсельской школе.

Урсель (Обер-Урсель) — маленький городок в графстве Кенигштейн.

³ Далее следует «Предисловие к христианскому читателю», заключающее религиозно-моральное увещание. Вольфенбюттельская рукопись вместо этого предисловия и посвящения имеет другое «Предисловие к читателю», которое также содержит предостережения против колдовства и начинается словами: «Благосклонный и любезный друг и брат! Это сочинение о докторе Фаусте и его безбожном замысле я по твоей многократной просьбе согласился перевести с латыни на немецкий и, думаю, мне, оно еще никогда не появлялось на немецком языке». Причиной того составитель считает безбожность поведения Фауста и соблазн его примера. Тем не менее после такого «навидания» он выражает надежду, что эта «правдивая история» окажется для читателя более «развлекательной», чем «другие, неправдивые».

О возможном латинском оригинале народной книги см.: Комментарии, стр. 290.

[Часть I]

⁴ родился в Роде, близ Веймара. О месте рождения исторического Фауста см.: Комментарии, стр. 272. В книге Шписа место рождения Фауста перенесено в Тюрингию по соседству с местом его дальнейшей деятельности — Виттенбергом,

⁵ и вместе с ним еще 16 магистров. Ср.: Тексты, I, 2 и прим.

⁶ искусстве Дарданово. Дардан упоминается римским писателем Плинием как кудесник (Historia naturalis XXX, sect. II, 9).

⁷ И зовется наше царство Лэгион. Основано на искажении смысла евангельского текста (Лука 8, 30). Когда Христос изгоняет демона из бесноватого, он заставляет его назвать свое имя (согласно старинному магическому представлению назвать де-

мона значит обезвредить его). Демон отвечает устами бесноватого: имя мое — Легион (г. е. я не один, нас великое множество).

- ⁸ Дьявол в образе монаха — представление, характерное для антикатолической тенденции автора-лютеранина. Видман соответственно поясняет: «...монахи у папистов — грешная братия, верные слуги дьявола и его личины». Ср. народную книгу Видмана, ч. I, гл. II (Kloster, II, стр. 346 и сл.). Колокольчик — принадлежность католического богослужения. В «Застольных беседах» (Fogsteman, III, стр. 61) Лютер рассказывает о том, как черт служил поваром в монастыре. «Ему дали монашеский клобук и навесили колокольчик, чтобы можно было узнать его. Затем они приказали ему принести пиво. В ответ раздался звон колокольчика, и он отвечал: „За хорошие деньги будет хорошее пиво“». В основе этого рассказа лежит старинный народный шванк, получивший в Германии уже в XV веке стихотворную обработку («Братец Рауш»). См.: Vom Bruder Rausch. Kloster, XI, стр. 1070—1117. — Ср.: G. E. Lingel. Der Teufel im Monchsgewand. Zeitschr. f. vgl. Litgesch., N. F., Bd. I, стр. 174 и сл. Сюжет этот использован в пьесе позднего современника Шекспира Деккера «If it be not good, the devil is in it», из которой заимствован пролог немецкой драмы о Фаусте (см.: Комментарий, стр. 341).
- ⁹ Стихи — из «Корабля глупцов» Себастьяна Бранта, 1494 (рифмованные заголовки к гл. 3, 43, 45).
- ¹⁰ Список музыкальных инструментов — по Словарию Дасиподия (Dasypodius. Dispodiarium Latino-germanicum et vice versa Germanico-Latinum, 1537). См.: Bauer, стр. 194.
- ¹¹ Фамулус в средневековых немецких университетах — один из старших студентов, помогающий профессору как ассистент и в то же время обслуживающий его лично.
- ¹² О том, как злой дух снабжает чернокнижников блюдами с чужих столов, ср. в особенности рассказ Лерхеймера об аббате Тритемии и следующее за ним моральное поучение (Тексты, I, 29е и прим.). Тот же рассказ об Альберте Великом см.: Комментарий, стр. 268.
- ¹³ Об отношении Лютера и его последователей к церковному браку см.: Комментарий, стр. 296. Видман, расширивший эту главу своими вставками до размера религиозно-моральной проповеди в защиту церковного брака как божественного установления, добавляет, что Фауст сперва хотел, «по примеру попов, довольствоваться стряпухами и сожителями» (ч. I, гл. 9, см.: Kloster, V, стр. 322 и сл.). — См.: Erich Schmidt. Faust und Luther, стр. 575.
- ¹⁴ Волшебная книга Фауста, оставленная им в наследство Багирру, его ученику, упоминается и в народной книге об этом последнем и играет роль важного театрального реквизита в позднейших кукольных комедиях (см.: Комментарий, стр. 351). Ср. также сообщение «Циммерской хронике» (Тексты, I, 16). Предпримчивые издатели, спекулируя на доверчивости читателей, неоднократно еще в XVIII веке печатали собрания магических формул из «наследия» Фауста, с помощью которых он заклял дьявола и заставил его служить себе (так называемые «Faust's Hollenzwang» см.: Kloster, II, стр. 805—930). Ср.: Комментарий, стр. 308.
- ¹⁵ Краткий рассказ Мефистофеля имеет источником «Мировую хронику» Шеделя, главч «О небесной иерархии и различиях ее могущества и княжения» (H. Schedel. Weltchronik. 1493, л. 6аа. — См.: Milchsack, стр. XVII и сл.).

- ¹⁶ Имена десяти областей ада и их правителей заимствованы из «Люцидарию» (Elucidarius, Frankfurt, 1572, лл. В3—В4. — См.: S. Szamotolski. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, стр. 166 и сл.). Средневековые латинские названия: 1) Озеро смерти, 2) Болозо огня, 3) Земля забвения; из древнегреческой мифологии 4) Тартар — название подземного мира, царства мертвых, 7) Эреб — область тьмы, подземный мир, 8) Баратрум — пропасть, преисподняя (греч.-лат.); 9, 10) Стикс, Алерон и упоминаемый ниже как прозвище дьяволов Флегетон — в греческой мифологии адские реки; 6) Геенна — древнееврейское название ада (области вечного огня). Эта синкретическая терминология свидетельствует о крайне путанном характере средневековой богословской «учености».
- ¹⁷ Lucifer (Люцифер) означает «светоносный» (лат.).
- ¹⁸ Сославитель народной книги следует учению Лютера об «оправдании верой»: причиной гибели Фауста является недостаток веры в возможность для него спасения (см. также гл. 16, стр. 24).
- ¹⁹ Асмодей — имя злого духа в Библии (книга Товита, гл. 3, 8).
- ²⁰ «Дагон и Велиал — языческие боги финикийян и других народов Палестины, упоминаемые в Ветхом завете; в христианской церковной традиции эти имена носят верховные правители ада».
- ²² Примеры «натиска и тиранства сатаны» взяты из книги Якоба де Терамо «Процесс Белиала» (Der Processus Belial des Jacobus von Theramo. Нем. перевод. Страсбург, 1508, лл. 92а и сл. — См.: Milchsaek, стр. LXXVII и сл.): средневековое «судоговорение», в котором властитель ада Белиал выступает с обвинительной речью против Христа, освободившего из ада души грешников. В своей речи Белиал хвалится подвигами своими и своих адских соратников.
- ²³ Имена ада — по Словарию Дасиподия (см.: Вауег, Bd. IV, стр. 382).
- ²⁴ Долина Гефлаом или Гефенна около Иерусалима упоминается в Библии как место жертвоприношений языческому богу Молоху (Книга Царств, II, 23, 10; Иерем. 19, 2 и сл.). Позднее служила свалкой и местом погребения казненных. Отсюда в переносном значении: геенна — ад. Ср. у Дасиподия, ч. I, л. 84bα—β: «Геенна — долина около Иерусалима, куда свозили из Иерусалима останки преступников и всякую нечисть. Иносказательно: место проклятия, оженный ад и вечная мука».
- ²⁵ Saxum и т. д. — лат. слова, которыми Дасиподий переводит нем. Fels — «скала» (ч. II, л. 326aα).
- ²⁶ Цитата из Библии: Книга притчей Соломоновых, гл. 30, 16.
- ²⁷ Люгеранство сохранило старое учение христианской церкви о «вечности адских мук».
- ²⁸ и носила бы птичка. Сравнение это неоднократно встречается у церковных проповедников. Ср.: Milchsaek, стр. XC. В народной драме — другой образ, тоже традиционный; «... черти взошли бы на небо по ступенькам из ножей, если бы у них оставалась еще надежда» (см.: Комментарии, стр. 345).

Часть II

²⁹ О гороскопах исторического Фауста см.: Тексты, I, 4, 9, 11.

³⁰ великий год — по учению средневековых астрономов, цикл лет, по истечении которого все планеты возвращаются к исходному положению.

³¹ О причинах зимы и лета — по «Люцидарию» (Elucidarius, лл. H2—3). См.: S. Szamotolski. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, стр. 171.

- ³² Средневековая космология главы «О движении неба» основана на начальных страницах «Хроники» Шеделя, л. 3а и ба. См.: Milchsack, стр. LIX и сл.
- ³³ О сотворении мира — «Хроника» Шеделя (л. 1а): «Некоторые полагали, что мир никогда не рождался и не разрушится и род человеческий существовал от века и не имеет никакого начала; другие думали, что мир рожден и разрушится и что люди имеют начало и рождение (Milchsack, стр. LXII). Мефистофель, соблазняя Фауста своим «безбольным и лживым ответом», выступает сторонником теорий англичаного материализма, получивших хождение среди передовых представителей философии Возрождения и осужденных Лютером. См.: Комментарии, стр. 299.
- ³⁴ Имена демонов (см. выше, стр. 382): Вельзевул упоминается в Ветхом завете как божество язычников-филистимлян (Книга Царств, II, I), в Новом завете — верхояный дьявол (Лука II, 15); Астаот — от имени Асгарты, боини филистимлян, по форме — млож. число; Анубис — древнеегипетское божество с песьей головой; Дифиричус — название неизвестного происхождения. Дракус — от слова дракон.
- ³⁵ Возможно, что одним из источников для составителя народной книги могли послужить подобные апокрифические «собственноручные» записи Фауста, распространявшиеся в рукописном виде среди любителей чудесного. См.: Тексты, II, гл. 25; ср.: Комментарии, стр. 287.
- ³⁶ Врач Иона Виктор упоминается также в народной книге о Вагнере (гл. VI): он научился у Вагнера магического средству против чумы. Ср.: Комментарии, стр. 287.
- ³⁷ Каталог земель, которые Фауст посетил во время путешествия, по своей последовательности в основном соответствует «Люцидарию», гл. 8: «О других частях Европы». Описание городов и их достопримечательностей — по «Хронике» Шеделя, также частично в последовательности оригинала (см.: Milchsack, стр. XXVI и сл.). Для Нюрнберга составитель использовал, кроме того, известное стихотворное описание Ганса Сакса («Lobspruch auf die Stadt Nürnberg»). Добавлены автором от себя анекдоты о похождениях Фауста в папском дворце в Риме и в серале турецкого императора в Константинополе и обличения распутной жизни «напы и ея прихлебателей». Римский папа и турецкий султан, являющиеся здесь предметом насмешки, по Лютеру, — злейшие враги христианства. Ср.: Erich Schmidt. Faust und Luther, стр. 578.
- ³⁸ шли за Христовой звездой Согласно христианской легенде три царя-волхва пришли с востока поклониться в Вифлееме младенцу Христу; путь им указывала звезда. «Мощи» этих «святых царей», хранящиеся в Кельнском соборе, считаются величайшей святыней католической церкви и привлекают многочисленных паломников. Автор народной книги, как люгеранин, скептически относится к этим «святым мощам» и добавляет к краткому описанию «Хроники» Шеделя ироническое замечание по поводу «дальского пути», который эти цари после своей смерти проделали от Вифлеема в Иудее до Кельна.
- ³⁹ Василиск — фантастическое животное, помесь петуха и змеи, убивает своим ядовитым взглядом.
- ⁴⁰ Улма — лат. «вяз». Эти и ряд последующих объяснений названий городов (например, Нюрнберг — от Нерона, Регенбург — от дождя, нем. Regen, Вена — от заместника Флавия, и т. п.) представляют характерный для средних веков пример псевдоученых этимологий собственных имен и также заимствованы составителем у Шеделя.

- ⁴¹ Сведения автора об островах — также из «Хроники» Шеделя («Глава об островах вообще», л. 19а; см.: Milchsack, стр. LV и сл.). В числе островов Шедель называет и «гору Кавказ».
- ⁴² О земном рае и райских реках — по «Хронике» Шеделя, лл. 7—8 («О рае и четырех реках его»).
- ⁴³ О комете — по «Люцидарию», л. J2b; см.: S. Szamatolski. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, стр. 176 и сл.
- ⁴⁴ О причинах грома — по «Люцидарию», л. J3а и сл.; см.: S. Szamatolski, Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, стр. 178.

Часть III

- ⁴⁵ Эпизод этот, в котором Фауст выступает как «некромант» (т. е. вызывает тени умерших), известен в двух соприкасающихся версиях: а) некромант вызывает тени героев древности; б) некромант (одновременно с героями древности) вызывает по просьбе императора Максимилиана тень его рано умершей супруги Марии Бургундской, которую Максимилиан узнает по родинке на шее.

Первую версию представляют:

1. J. Wierus. De praestigis daemonum, 1568 (нем. перевод — 1586; см. также: Theatrum de Veneficiis. 1586, t. II, стр. 32 и сл.): Максимилиан — неизвестный некромант — Гектор, Ахилл и царь Давид.

2. W. Bütner. Epitome historiarum. 1576: в Витгенберге Фауст показывает одному знатному лицу героя древности Гектора, Улисса, Геркулеса, Энея, Самсона, Давида и др. См.: Тексты, I, 246.

3. Stanislaus Sagnicius. Annales. 1587: по просьбе нюрнбержцев Фауст показывает героев древности (Энея, Ахилла, Гектора, Геркулеса и др.). См.: Тексты, I, 51.

Эта версия, для легенды о Фаусте, вероятно, первоначальная и связанная с Эрфуртом, отразилась в «Эрфуртской хронике» Килиана Рейсмана—Вамбаха, составленной около 1556 года (см.: Тексты, I, 396), и под ее влиянием в эрфуртских главах народной книги издания 1590 года (Тексты, II, Дополнения, 1, гл. 51).

Вторая версия, в гл. 33 перекрывающая первую, представлена следующими источниками:

1. Стихотворная обработка Гэнса Сакса «История об удивительном зрелище, представленном почившему в бозе императору Максимилиану неким чернокожишником», 1564. Максимилиан — неизвестный некромант — Гектор, Елена, Мария Бургундская.

2. «Застольные беседы» Лютера, 1566 (Förgstemann, III, стр. 72; см.: Тексты, I, 17в): Максимилиан — Тритеий — девять героев древности (в их числе Александр и Юлий Цезарь) — невеста Максимилиана Анна Бретанская (вместо Марии Бургундской).

3. A. Lercheimer. Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei. 1585 (Тексты, I, 29е): Иоганн Тритеий — Максимилиан — Мария Бургундская.

Во второй версии в роли некроманта первоначально выступал, по-видимому, аббат Тритеий, пользовавшийся покровительством императора Максимилиана и живший при его дворе (см.: Комментарии, стр. 270). Сюжет этот был, вероятно, перенесен на Фауста составителем народной книги, который знал о нем рассказы первого типа («некромант вызывает тени героев древности»), засвидетельствованные эрфуртской тра-

дницей (см.: *Тексты*, II, *Дополнения*, 1, гл. 51); перенесение это потребовало в соответствии с временем жизни исторического Фауста замены Максимилиана его внуком Карлом V, современником Лютера. Марию Бургундскую вытеснила супруга Александра Македонского, с неуместным сохранением «бородавки», т. е. родимого пятнышка на шее, по которому Максимилиан узнал свою жену.

Третий сюжет, связанный с «некромантией» Фауста, представляет эпизод с Еленой (см. гл. 49 и 59). В «Истории» Ганса Сакса чернокнижник показывает императору Максимилиану Елену в ряду других героев древности вместе с Марией Бургундской.

⁴⁶ Более ранний вариант рассказа об оленьих рогах — в сборнике прозаических шванков М. Линденера: M. Lindener. *Katzipori*. 1558, гл. 33 (см.: *Lindeners Schwankbücher. Bibliothek des literarischen Vereins zu Stuttgart*, Bd. 163). Героем является «зальцбургский поп» Шрамханс, известный своими шутовскими проделками, его жертвы — граждане Зальцбурга, высунувшие головы в окно, чтобы посмеяться над шутником.

⁴⁷ О проглоченном возе с сеном см.:

1. «Застольные речи» Лютера (Försteman n, III, стр. 97; см.: *Тексты*, I, 17д). Герой — чародей по имени Вильдфойер.

2. W. Bütner. *Epitome historiarum*. 1576, л. 59а: о том же Вильдфойере, в г. Нордгаузен (вариант, более близкий к народной книге).

О Фаусте:

3. Benedictus Aretinus. *Problemata theologica*. 1575, стр. 409 (*Тексты*, I, 22).

⁴⁸ Ср.: в «Нюрнбергских рассказах» Россхирта (около 1575 года) в двух редакциях, краткой и расширенной (W. Meuer, № 1, стр. 382—390). См.: *Комментарии*, стр. 291. Приписываемое Фаусту изречение, связанное с волшебным полетом, ср. у Бютнера, 1578 (*Тексты*, I, 24а). Сходная тема в гл. 45 народной книги (полет в Зальцбург).

⁴⁹ Гл. 38 и 39 (ср. также гл. 43) представляют три перекрещивающиеся версии двух разных сюжетов.

Гл. 38. Рассказ о ноге чаще встречается в другом варианте: еврей является за своими деньгами к кудеснику, который притворился спящим, дергает его за ногу и, нечаянно вырвав ее, в страхе убегает, позабыв о долге.

1. «Застольные речи» Лютера, 1566 (см.: *Тексты*, I, 17д) — в кратком изложении, имя чародея не названо.

2. «Нюрнбергские рассказы» Россхирта, № 2, в краткой и полной редакции — о Фаусте (W. Meuer, стр. 390—394; см.: *Комментарии*, стр. 291).

Гл. 39. Герой — не еврей, а торговец лошадьми. Кудесник продает ему лошадей, которые на водопое превращаются в связки соломы. Рассерженный барышник, разыскав кудесника, пытается разбудить его и нечаянно вырывает ему ногу и т. д.

Более ранние варианты:

1. W. Bütner. *Epitome historiarum*, 1576 (о чернокнижнике Георге Баумке из Эльсница в Саксонии, недавно повешенном в Наумбурге).

2. Andreas Hondorff. *Promptuarium exemplorum*, 1568 (герой — безымянный чернокнижник, недавно повешенный в Наумбурге, очевидно подразумевается Бауман).

В народной книге перенесено на Фауста: ср. гл. 43 — свиньи, проданные Фаустом гуртовщику, превращаются у водопою в охапки сена.

Более ранние варианты:

1. Хондорф добавляет о казненном в Наумбурге чернокнижнике: «Так же продала он свиней и разное другое, и все это превращалось в пучки соломы, и так он обманывал людей» (W. Meuser, стр. 394).

2. В «Нюрнбергских рассказах» Россхирта, № 3 — то же о Фаусте (W. Meuser, стр. 394—400). См.: Комментарии, стр. 291.

3. С добавлением анекдота о вырванной ноге — Lindener. Katzipori, № 16 (герой — поп-чернокнижник Шрамханс).

4. Benedictus Agetius. Problemata theologica. 1575 — то же о Фаусте (см.: Тексты, I, 22).

Сюжет этот имел широкое распространение в средневековой повествовательной литературе, в различных вариантах: лошади, свиньи, гуси и др. См.: J. Bolte, Bibliothek des literarischen Vereins zu Stuttgart, Bd. 217; Martin Montanus. Schwankbücher (прим., стр. 566).

⁶⁰ Более ранние варианты:

1. «Застольные беседы» Лютера (см.: Тексты, I, 17д) — об одном монахе, имя которого не названо.

2. Andreas Hondorff. Promptuarium exemplorum. 1568, л. 72а (по Лютеру). Ср. сходный по теме рассказ, гл. 36.

⁶¹ Более ранние варианты:

1. Joh. Jac. Wecker. De secretis. 1582, кн. II, гл. 5, стр. 43 — о Фаусте (см.: Тексты, I, 26).

2. В «Нюрнбергских рассказах» Россхирта, № 4 (W. Meuser, стр. 398—402) столкновение с крестьянами происходит в трактире, где Фауст проводит свою последнюю ночь, и включено в рассказ о его гибели (см.: Комментарии, стр. 291).

3. Сходным образом: A. Lercheimer. Christlich Bedencken und Erinnerung von Zauberei. 1597 (в полемике против народной книги Шписа). См.: Тексты, I, 33.

⁶² См. прим. 49 к гл. 39.

⁶³ Об исторической достоверности титула князей Ангальтских ср. замечания Лерхеймера (Тексты, I, 33), а также предположения Ван'т Хофта (Тексты, I, 18, прим. 1).

⁶⁴ Сходное объяснение этому «чуду» дает Лихтенберг (Jacob v. Lichtenberg. Wahre Entdeckung der Zauberei. Theatrum de Veneficis, Frankfurt a. M., 1586, Bd. I, стр. 310). См.: Milchsack, СХІХ прим.

⁶⁵ Перечисление сортов дичи, рыбы, птицы и разных вин дается в немецком оригинале в алфавитном порядке и следует за словарем Дасиподия. См.: Bauer, I, стр. 192 и сл.

⁶⁶ О полете Фауста со своими приятелями в Зальцбург см. рассказ Лерхеймера (Тексты, I, 296). Ср. также гл. 37 и прим.

⁶⁷ По католическому обычаю масленица (нем. Fastnacht) празднуется от четверга до вторника. «Провожают» масленицу во вторник. Для духовенства последний день масленицы — воскресенье (так называемая Herrenfastnacht), с понедельника начинается великий пост. Фауст и его друзья провожали масленицу и в воскресенье, и во вторник, кроме того, еще в великопостную среду (Aschermittwoch), день строжайшего поста, и в четверг (гл. 47 и 48), что подчеркивает, с церковной точки зрения, «безбожный» характер их «вакханалий».

- ⁵⁸ Описание первой части праздника (концерт невидимых духов) варьирует гл. 8. Гете использовал этот мотив в сцене волшебного усыпления Фауста хором невидимых духов, подвластных Мефистофелю.
- ⁵⁹ слетелись на него всевозможные птицы. — Ср. рассказ Гаста, как он обедал с Фаустом в Базеле (Тексты, I, 126).
- ⁶⁰ См. гл. 33, прим. 45 и Дополнения, 1, гл. 51. О связи со сказанием о Симоне-маге и Елене см.: Комментарий, стр. 264.
- ⁶¹ Эпизод этот в другом варианте — у Лерхеймера (Kloster, V, стр. 283 и сл.): об одном дворянине (A. v. Th.), который «умел отрубать головы и приставлять их обратно». В этом рассказе чародей отрубает головку лилии и тем вызывает смерть одного из участников этой забавы.
- ⁶² Гл. 52 и 53 — более ранний вариант у Лерхеймера (Тексты, I, 29в). В «Эрфуртской хронике» (около 1556 г.) — об историческом лице, д-ре Клинге (Тексты, I, 39а и прим. 1; см.: Комментарий, стр. 293); отсюда в эрфуртских главах народной книги 1590 года (Дополнения, 1, гл. 55). У Лерхеймера рассказывается также об увещаниях Меланхтона (Тексты, I, 29в).
- ⁶³ О Симоне-маге см.: Комментарий, стр. 260 и сл.
- ⁶⁴ О вторичном договоре Фауста см. у Лерхеймера (Тексты, I, 29д).
- ⁶⁵ Ср. «Застольные беседы» Лютера (Тексты, I, 17г).
- ⁶⁶ То же рассказывалось об Альберте Великом (см.: Комментарий, стр. 268). Ср. у Лерхеймера (Тексты, I, 29е и прим.); также: W. Bütner. Epitome historiarum, 1576, л. 59а.
- ⁶⁷ Гл. 56 представляет вариант гл. 35.
- ⁶⁸ Суккубы (лат. succubae, ж. р.) — по средневековому представлению, демоны в женском образе, с которыми одержимый или грешник совокупляется во сне.
- ⁶⁹ Источником этого эпизода народной книги, по-видимому, является хорошо известный немецким книжникам XVI века рассказ «Клементин» и ранних христианских писателей о Симоне-маге и сопровождавшей его женщине — Селене или Елене, которую немецкий демонолог Хондорф (см.: Тексты, I, 19, прим.) вслед за учителем христианской церкви «апологетом» Юстином и другими называет «распутной девкой из Тира в Финикии, разделявшей его [Симона] заблуждения», которую они («самаритяне и язычники») «считали и почитали как богиню» (Andreas Hondoff. Promptuarium hexemplogum. 1568, л. 33а; ср.: Комментарий, стр. 261). Гете использовал рассказ народной книги во II части «Фауста», д. III (Елена и Евфорийон).
- Средневековое представление о том, что младенец, отцом или матерью которого был демон, наследует от последнего знание будущего, отражено также в кельтской легенде о волшебнике Мерлине, известной из средневековых романов о короле Артуре.
- ⁷⁰ Завещание Фауста и сообщаемые здесь сведения о его ученике (фамулусе) и наследнике Кристофе Вагнере послужили отправным пунктом народного романа о Вагнере (ср. также гл. 9, стр. 45). В исторических документах Вагнер не упоминается, в книге Видмана его имя Иоган Вайгер (Wayer). См.: Комментарий, стр. 289.
- ⁷¹ О доме Фауста в Виттенберге ср. критические замечания Лерхеймера (Тексты, I, 33), а также легендарные сведения составителя английской народной книги о Вагнере (Тексты, I, 40).

- ⁷² Ауэрхан — прозвище злого духа, сопровождающего Вагнера в народной книге о нем, как Мефистофель — Фауста. По-немецки Auerhahn — птица «глухарь», представляет, по-видимому, народную этимологию от Urian (один из дьяволов средневековой демонологии).
- ⁷³ Стихи Лютера (из «Застольных бесед»). См.: Erich Schmidt. Faust und Luther, стр. 582, прим. 2.
- ⁷⁴ Составитель воспользовался для этой главы популярными собраниями немецких пословиц Агриколы (1529) и Себастьяна Франка (1532), переиздававшимися в XVI веке неоднократно. См.: L. Frankel und A. Becker. Entlehnungen im ältesten Faustbuch I. Das Sprichwörterkapitel. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. IV, стр. 361—381.
- ⁷⁵ Легендарные свидетельства современников о гибели Фауста см. у Гаста (Тексты, I, 12), Меланхтона—Манлия (Тексты, I, 14), Вира (Тексты, I, 18), Хондорфа (Тексты, I, 19), Филиппа Камерария (Тексты, I, 35), Лерхеймера (1597) — с полемикой против версии народной книги (Тексты, I, 33); ср. также «Нюрнбергские рассказы» Россхирта, № 4 (W. Meuser, стр. 398—402). См.: Комментарии, стр. 284.
- ⁷⁶ О селе Римлик как месте предполагаемой гибели Фауста см. полемические замечания Лерхеймера (Тексты, I, 33, стр. 37). Ср. более позднюю (1613 года) локализацию в Пратау, «полчаса от Виттенберга» (Тексты, I, 36).

ДОПОЛНЕНИЯ

1

В издании 1590 года народная книга Шписа содержит, вслед за гл. 49, пять добавочных глав, из которых гл. 50 имеет местом действия Лейпциг, а гл. 51—54 — Эрфурт (см.: Комментарии, стр. 292). См.: Das Volksbuch vom Doktor Faust. Nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung herausg. u. eingeleitet v. Josef Fritz. Halle, 1901, str. 90—99. — Faust, herausg. v. F. Bobertag, стр. 286—295.

¹ Ср. «Лейпцигскую хронику» Фогеля (Тексты, I, 5 и прим.).

² Источником эрфуртских глав (гл. 51—54) является не дошедшая до нас «Эрфуртская хроника» Рейхмана—Вамбаха (около 1560 года), сохранившаяся в позднейших обработках Хогеля (середина XVII века) и Мотчмана (1835). См.: Тексты, I, 39 и Комментарии, стр. 292 и сл.

³ Ср.: Бютнер, 1576 (Тексты, I, 246) и Станислав Сарницус, 1587 (Тексты, I, 31), с более поздним приурочением к Виттенбергу и Нюрнбергу. Подробнее см. гл. 33, прим. 45 (версия первая).

⁴ Согласно письму аббата Тритемия (Тексты, I, 1), Фауст хвалился, что мог бы по памяти восстановить все труды Платона и Аристотеля, если бы они пропали. В хронике аббатства Спонхейм Тритемий упоминает о двух известных ему случаях подобной феноменальной памяти (Kloster, V, стр. 29, прим. 4). Лерхеймер (Christlich Bedenken und Erinnerung von Zauberei. 1597; ср.: Kloster, V, стр. 278) объясняет их помощью дьявола: «Среди ученых бывают такие, которые непременно хотят превзойти всех остальных. И поскольку их разум, прилежание и способности для этого слишком слабы и незначительны и работать им не охота, то они заводят себе духа,

который читает им все, что им только захочется прочесть, и указывает им, в какой книге и в каком месте они могут найти, что им нужно, сообщает им также, что написано в книгах, которые скрыты от людей и никому не известны, существовали прежде, но теперь разорваны, сожжены, а дьявол хорошо помнит и знает, что в них стояло. Когда же подобные люди в своих речах и писаниях приписывают себе такое высокое искусство и такую мудрость, то их весьма ценят и уважают. Только слава эта и похвалы куплены слишком дорогой ценой».

⁵ Имя дворянина, владевшего домом «под Якорем» и Эрфурте, — Вольфганг фон Денштедт (см. Комментарии, стр. 293 и Тексты, I, 39, прим.).

⁶ Вино из доски стола — ср. рассказ Лерхеймера о не названном по имени кудеснике (Тексты, I, 29e). Гете использовал этот сюжет в сцене попойки Фауста со студентами, объединив его с лейпцигским преданием о полете Фауста на бочке из Ауербаховского погреба (см.: Тексты, I, 5 и прим.).

⁷ Другие варианты «волшебного полета» см. гл. 37 и прим. 48; гл. 45.

⁸ Испытание быстроты (или «проворства») духов-прислужников отсутствует в драме Марло, но вошло из народной книги в немецкую драму и кукольную комедию (ср.: Комментарии, стр. 342) и оттуда в «Сцену из Фауста» Лессинга (Тексты, V, стр. 247).

⁹ Другой вариант «Концерта духов» — см. гл. 8 и прим. 10.

¹⁰ О докторе Клинге см.: Тексты, I, 39а и Комментарии, стр. 293.

2

G. R. Widman's Hauptwerk über Faust. 1599 (Kloster, V, стр. 272—804), стр. 622—624. Ср. научное издание: Fausts Leben, von Georg Rudolf Widmann, herausg. v. Adalbert v. Keller. Tübingen, 1880 (Bibliothek des Literarischen Vereins zu Stuttgart, Bd. CXLVI).

Эпизод этот, отсутствующий у Шписа, сохранился в более ранней вольфенбюттельской рукописи и после Видмана воспроизводится во всех последующих редакциях народной книги (см.: Комментарии, стр. 290). Популярный в средневековой легенде и книжной литературе рассказ о «муже на свадьбе своей жены» был перенесен на Фауста, поскольку неожиданное возвращение мужа всегда мотивируется в этой легенде вмешательством чудесного помощника (святого, дьявола, благодарного демона, волшебника и т. п.). См.: И. Созонович. К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию, ч. II. Варшава, 1898. — W. Spletstösser. Der heimkehrende Gatte und sein Weib in der Weltliteratur. Berlin, 1898. Из эпохи крестовых походов (поездка по обету в святую землю) действие перенесено в народной книге в XVI век; необычно возвращение мужа с опозданием, на следующий день после свадьбы, — обстоятельство, которое потребовало дополнительного вмешательства Фауста в происшествия первой брачной ночи.

3

Des durch seine Zauber-Kunst bekannten Christoph Wagner's (Weyland gewesenen Famuli des Weltberuffenen Ertz-Zauberers D. Johann Faustens) Leben und Taten (Kloster, III, стр. 1—188).

По берлинскому изданию 1714 года, которое, согласно примечанию Шейбле, совпадает, за исключением несущественных подробностей, с первым изданием 1594 года,

Научное издание: Ander Theil D. Johann Fausti Historien von seinem Famulus Christoff Wagner, herausg. u. eingeleitet v. Josef Fritz. Halle, 1910 (с библиографией, стр. IX—XIX).

Сокращенная обработка XVIII века: Das Wagnervolksbuch im 18. Jahrhundert. herausg. v. Josef Fritz. Berlin, 1914 (Deutsche Literaturdenkmale des 18 u. 19 Jahrhunderts, № 150).

¹ Остров Кумана — Куба.

² Остров Доминико — Сан-Доминго.

³ считается... особенным почетом. Древний обычай, представляющий пережиток прав родового коллектива на невесту родича.

⁴ они качаются в воздухе. Подразумеваются гамаки, вывезенные европейцами из Вест-Индии.

⁵ Табак также вывезен из Вест-Индии.

⁶ С мансом (кукурузой) европейцы также впервые познакомились после открытия Америки.

⁷ Иоанн де Луна — ученик и спутник Вагнера в народной книге.

⁸ В гл. 39 рассказывается о нравах и обычаях перуанцев; в частности, об их отношении к пришельцам-завоевателям говорится: «Они считают, что христиане родились из морской пены и что они появились на свет не как все прочие люди, ибо невозможно, чтобы люди могли породить зверей, столь кровожадных и диких». В гл. 40 описываются Канарские острова. «Когда Христоф Вагнер достаточно осмотрел и этот остров, он пожелал вернуться домой, и дух исполнил это и доставил его на следующий день в Толедо».

III. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОСТАНОВКЕ НАРОДНОЙ ДРАМЫ И КУКОЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Стр. 120—149

Литература к разделу III

Тексты и библиография:

A. Tille. Die Faustsplitter, in der Literatur der sechzehnten bis achtzehnten Jahrhunderts nach den ältesten Quellen. Berlin, 1900.

Carl Engel. Das Volksschauspiel Doctor Johann Faust. Mit geschichtlicher Einleitung und einem Verzeichniss der Literatur der Faustsage von 1510 bis Mitte 1873. Oldenburg, 1874.

Carl Engel. Zusammenstellung der Faust-Schriften vom 16. Jahrhundert bis Mitte 1884. Oldenburg, 1885.

Издания и исследования:

Die Schauspiele der englischen Komödianten, herausg. v. W. Creizenach (в серии: Deutsche National-Literatur, herausg. v. J. Kürschner, Berlin u. Stuttgart s. a., Bd. 23): Einleitung, стр. I — CXVIII.

Wilhelm Creizenach. Versuch einer Geschichte des Volksschauspiels vom Doctor Faust. Halle, 1878.

Das Schauspiel der Wanderbühne, herausg. v. Willi Flemming. Leipzig, 1931 (в серии: Deutsche Literatur, herausg. v. H. Kindermann, Reihe Barock: Barockdrama, Bd. 3).

Horst Oppel. Der Einfluss der Englischen Literatur auf die deutsche; III. Die Englischen Komödianten in Deutschland. Deutsche Philologie im Aufriss, herausg. v. Wolfgang Stammer, Bd. III. Berlin, 1957, стр. 63—75.

На русском языке:

А. И. Белецкий. Легенда о Фаусте. Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете, вып. VI, 1912, стр. 1—66: гл. IV, Народная драма о Фаусте.

1

Эрцгерцогиня Магдалина австрийская — младшая сестра эрцгерцога, будущего императора Фердинанда II, который в это время находился в Регенсбурге на рейхстаге.

При дворе в Граце, по случаю обручения эрцгерцогини с флорентийским герцогом Косимо Медичи, с 6 по 20 февраля 1608 года гастролировала группа английских комедиантов во главе с актером Джоном Грином, сменившим в качестве антрепренера этой труппы известного актера Роберта Броуна, гастролировавшего в Германии с 1592 года. По приглашению эрцгерцога труппа Грина выступала также в Регенсбурге и Пассау (см.: Комментарий, стр. 325).

Письмо от 21 февраля перечисляет ряд пьес репертуара английских комедиантов, исполненных при дворе. Доктор Фауст был представлен 10 февраля. Ср.: Tille, № 64, стр. 125, — Flemming, стр. 56, 71—72, 332.

2

Из списка пьес английских комедиантов, представленных в Дрездене в июле—августе 1626 года, по записи одного чиновника Дрезденского двора. В том же списке под 21 июля и 25 августа упоминается «Трагедия о Баррабасе» («Мальтийский еврей» Марло). В Дрездене в это время гастролировала та же труппа Джона Грина. Ср.: Tille, № 81, стр. 151, — Creizenach, Versuch, стр. 45, — Flemming, стр. 57.

3

Leo Blass. Das Theater und Drama in Böhmen bis zum Anfang des XIX. Jahrhunderts. Prag, 1877, стр. 57, — Tille, № 101, стр. 191, — Creizenach, Versuch, стр. 46.

В списке драм Шиллинга имеется также трагедия «О богатом еврее из Мальты».

4

Memoiren der Herzogin Sophie, nachmals Kurfürstin von Hannover, herausg. v. A. Köcher. Leipzig, 1879, стр. 70 (октябрь—ноябрь 1661 года), — Ср.: Tille, № 167, стр. 387,

5

Ср.: Creizenach. Schauspiele, стр. XXX.

Актер и антрепренер Михаэль Даниэль Трой или Дрей (Michael Daniel Trey или Drey, 1634—1708) выступал со своей труппой в Люнебурге (1666), потом в Мюнхене, в первый раз еще в 1669 году, сперва при дворе, затем перед более широкой публикой, и обосновался здесь более прочно в 1681—1685 годах (ср.: Тексты, III, 7) Труппа его просуществовала до 1712 года. См.: Flemming, стр. 57—58. — Комментарии, стр. 328.

¹ театральные фигуры (Figurentheater) — по-видимому, кукольный театр, которым некоторые антрепренеры разнообразили свой театральный репертуар (первое упоминание о кукольных представлениях в связи с «Фаустом»).

6

Из рукописного дневника члена Данцигского городского совета Георга Шредера. См.: E. A. Hagen. Geschichte des Theaters in Preussen. Königsberg, 1854, стр. 96—98 — Ср.: Flemming, стр. 202 и 336—337. — Tille, № 115, стр. 207—208. — Creizenach. Versuch, стр. 5—6.

Шредер сообщает в своем дневнике о пьесах, которые представлялись в Данциге на ежегодной осенней ярмарке св. Доминика (Domnik) с августа по декабрь 1669 года. Во главе труппы стоял немецкий актер Паульсен (Carl Andreas Paulsen, 1620). Имеются сведения о его гастроях в Дрездене в 1674 и 1679 годах со списком пьес его репертуара, в который входил и «Фауст». См.: Flemming, стр. 58. — Комментарии, стр. 328.

Сообщение Шредера является важнейшим источником для реконструкции пьесы в той форме, которую она имела в XVII веке (см.: Комментарии, стр. 339).

¹ Беса табака (Tobasteufel). Табак, вывезенный из Америки, долгое время считался «адским зельем». «Бес табака» (Tobaccospawling) упоминается в прологе пьесы Деккера «If it be not good, the devil is in it», послужившей источником пролога немецкого «Доктора Фауста» (см.: Комментарии, стр. 341),

7

Karl Trautmann. Italienische Schauspieler am bayrischen Hof. Jahrbuch für Münchener Geschichte, Bd. I, 1887, стр. 257. — Ср.: Tille, № 364, стр. 948.

О труппе Орея в Мюнхене см. выше: Тексты, III, 5,

8

Johann Georg Neumann. Disquisitio historica de Fausto praestigiatore. Wittenberg, 1683, cap. 3, § 9; немецкий перевод: Kloster, V, стр. 479. — Ср.: Creizenach. Versuch, стр. 99. О диссертации Неймана см.: Комментарии, стр. 310.

9

Известный роман Гриммельсгаузена «Симплициссимус» (1668) сопровождался с 1684 года издательскими комментариями, среди которых находится и это свидетель-

ство о Фаусте См. Der abenteuerliche Simplicissimus und andere Schriften von Hans Jakob Christoph von Grimmelshausen, herausg. v. A. Keller. Stuttgart, 1854, Bd I, стр. 271. — Ср.: Tille, № 130, стр. 267—268. — Greizenach Versuch, стр. 100.

10

Об этом представлении труппы «саксонских верхненемецких комедиантов» сообщил Дунце в «Истории вольного города Бремена» (Duntze. Geschichte der freien Stadt Bremen, Bd IV 1851, стр. 582 и сл.). Полный текст афиши см.: Flemming, стр. 203 и 337. — Ср.: Tille, № 98, стр. 18b. — Greizenach. Versuch, стр. 6—8.

Принципалом «верхнесаксонской труппы» был известный Иоганн Фельтен (1649—1692), преемник Паульсена с 1678 года. См.: Flemming, стр. 59—60. — Комментарии, стр. 328 Фельтен ввел в репертуар немецких комедиантов пьесы французского классического театра XVII века (в прозаических переработках).

¹ «Жорж Данден» — трехактная комедия-фарс Мольера.

11

Из рукописной хроники учителя Шеррера (J. J. Scherrer) в Базеле. См. Karl Trautmann Faustaufführungen in Basel und Nürnberg. Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, Bd. IV, 1891, стр. 15b. — Ср.: Tille, № 148, стр. 301.

12

Сообщено И.-Ф. Шютце, секретарем датской королевской канцелярии, в его «Истории гамбургского театра» См.: Johann Friedrich Schütze. Hamburgische Theatergeschichte. Hamburg, 1794, стр. 97. — Ср.: Tille, № 345c, стр. 821. См также: Schütze, 1739, 1742, 1746, 1749, 1772 годов (Тексты, III, 19, 24, 26, 29, 30, 30).

13

Сообщено К.-М. Плюмике в «Опыте театральной истории Берлина» См.: C.-M. Plumicke. Entwurf einer Theatergeschichte von Berlin. Berlin, 1781, стр. 76 — Ср. Tille, № 325, стр. 783—784.

О запрещениях драмы «Доктор Фауст» по настояниям «верующих» см.: Комментарии, стр. 333, ср.: Тексты, III, 20 и 33b.

Доктор Шпенер (Philipp Jakob Sprengel, 1635—1705) — лютеранский пастор, богослов и церковный деятель, известен как основоположник немецкого пиезизма.

14

Wienerische Reisebeschreibung des Minoriten Georg König von Solothurn herausg. v. Jacob Bachtold (Urkundio, Beiträge zur vaterländischen Geschichtsforschung, Bd II, Teil II Solothurn, 1875, стр. 74). — Ср.: Tille, № 186, стр. 424

Книг смотрел в Вене «Доктора Фауста» со знаменным Гансвурстом — Страницким (см. Комментарии, стр. 329).

15

Из морально-просветительного еженедельника Готшета «Der Biedermann» (Leipzig, 1729, 5 июля 1728). — Ср.: T i l l e, № 405, стр. 1034.

Теоретик немецкого буржуазного Просвещения Готшед (Johann Christoph Gottsched, 1700—1766) был сторонником французского классицизма и боролся против традиции старинного немецкого народного театра; при поддержке актрисы Каролины Нейбер пытался изгнать буффонаду и комические импровизации Гансвурста с немецкой сцены (см.: Тексты, III, 17; ср. V, стр. 245).

16

Подробный сценарий этого балета со вставными песенными куплетами см.: K l o s t e r, V, стр. 1020—1027. — Ср.: G r e i z e n a c h, Versuch, стр. 8. — E n g e l, Volksschauspiel, стр. 30.

Энгель (E n g e l, Faust-Schriften, стр. 611—624) отметил еще несколько балетов на сюжет Фауста, которые исполнялись в XIX веке на европейских сценах: в Дрездене и Лейпциге, 1808—1810 — «большой пантомимический балет» Нута (L. Nuth) на музыку Дункеля (сохранилась афиша, см.: E n g e l, Volksschauspiel, стр. 38); в Лондоне, 1822 — балет на музыку Адольфа Адама; по драме Гете: в Копенгагене, 1832—1833 — «оригинальный романтический балет» Августа Бурнонвиля на музыку Кека (Keck); в Милане, в театре Ла Скала, 1848 — «большой фантастический балет» Жюля Перро (Perrot); в Брюсселе, 1858 — балет «Фауст и Маргарита». Балет Перро исполнялся в Петербурге, в 1854 году. Либретто: Faust. Grand Ballet fantastique en trois actes et sept tableaux. Tiré du chef d'oeuvre de Goethe Composé par Jules Perrot. С.-Петербург, изд. Глазунова, 1854 (издано также на русском и на немецком языке). О балете Гейне «Фауст. Танцевальная поэма» (1851) см.: Тексты, III, 41 и прим.

17

Гамбургская афиша труппы Нейберов. Из собрания театральных афиш Гамбургской городской библиотеки. См.: E n g e l, Faust-Schriften, стр. 472—475.

Иоганн Нейбер, первоначально игравший в труппах Шпигельберга и Гоффмана, с 1727 по 1750 год вместе со своей женой Каролиной стоял во главе труппы актеров, находившейся под покровительством Саксонского двора. Каролина Нейбер (1682—1762), выдающаяся актриса, выступила поборницей реформы немецкого театра. Следуя советам своего друга Готшета (см.: Тексты, III, 15), она ввела в театральный репертуар «правильные» стихогворные трагедии и комедии по французскому классическому образцу и старалась ликвидировать актерскую импровизацию и традиционную буффонаду; в аллегорическом прологе собственного сочинения она торжественно изгнала Гансвурста с немецкой сцены (1737). Однако реформа Готшета и Нейбер большого театрального успеха не имела; столкнувшись со вкусами публики, Каролина Нейбер в конце концов порвала с Готшедом и вынуждена была вернуться к популярным пьесам старого репертуара, к числу которых принадлежал и «Доктор Фауст».

Афиша содержит несколько эпизодов, восходящих к народной книге, которые обычно отсутствуют в немецких драмах и кукольных комедиях.

18

Rudolph Lang. Kurzverfasste Reiszbeschreibung, oder: Oftbeschuldigte, aber niemals erwiesene Zauberkunst, so in zweien künstlichen Hunden bestunde... Augsburg, 1739. — Ср.: Tille, № 412, стр. 1057—1062.

Аугсбургский «гражданин и пивовар» Рудольф Ланг, дрессировщик собак, рассказывает в этой книге о своих похождениях. С помощью двух своих собак, Гансвурста и Моше, он изображал в форме пантомимы серию диалогических сцен кукольной комедии.

19

Из: J. F. Schütze. Hamburgische Theatergeschichte. Hamburg, 1794, стр. 61. — Ср.: Tille, № 345a, стр. 880.

20

Г.-П. Гильфердинг (Hans Peter Hilferding), директор театральной труппы, имел от короля Фридриха II прусского привилегию выступать в прусских городах Берлине, Магдебурге, Кенигсберге и др., с титулом «придворного комедианта». В Кенигсберге он показывал пьесы на библейские сюжеты и «Доктора Фауста». См.: F. H. Hagen. Geschichte des Theaters in Preussen. Königsberg, 1854. — Ср.: Tille, № 244, стр. 579. — Engel. Volksschauspiel, стр. 31.

21—23

Три афиши труппы верхненемецких комедиантов (апрель—май 1742 года) из коллекции театральных афиш в городской библиотеке Франкфурта-на-Майне. Директором общества был актер Валлеротти или Валроди. См.: Greizenach. Versuch, стр. 9—11. — Engel. Faust-Schriften, стр. 190—192.

Пьеса о Вагнере была представлена 10 апреля 1742 года. См.: Комментарии, стр. 333.

24

Из: J. F. Schütze. Hamburgische Theatergeschichte. Hamburg, 1794, стр. 266. — Ср.: Tille, № 363, стр. 882 г.

София Шарлотта Шредер сперва играла в труппе Шенеманна, продолжателя классического направления Нейбер, но не чуждавшегося и арлекинад. С 1741 года она вместе с актером Аккерманом организовала самостоятельную труппу, которая с 1742 года гастролировала в Гамбурге.

25

Сообщение в «Театральном журнале» Рейхарда. См.: Reichards Theater-Journal für Deutschland, Gotha, 1778, Bd. I. — Ср.: Engel. Faust-Schriften, стр. 183.

¹ Франц Шух (1716—1763) — антрепренер и актер, выдающийся мастер комической импровизации, исполнитель роли Арлекина.

² Импровизированную пьесу (extemporiertes Stück). Речь идет, вероятно, об обычных импровизациях Гансвурста, которые изгонялись со сцены серьезных театров после критических выступлений Готшеда.

26

Из: J. F. Schütze Hamburgische Theatergeschichte Hamburg, 1794, стр 99 —
 Ср Tille. № 345е, стр 881—882
 Первое в XVIII в. указание на исполнение «Фауста» театром марионеток.

27

Сообщение Энгеля без указания даты и источника См Engel. Volksschauspiel, стр. 33.

¹ «Теневые картины» (Schattenspiele) на сюжет Фауста упоминаются ранее как составная часть театрального спектакля (см. Тексты, III, 10),

28

См. К Trautmann Faustaufführungen in Basel und Nürnberg. Vierteljahrschrift für Literaturgeschichte. Bd IV, 1891, стр. 158.

¹ Привилегированные немецкие комедианты курфюрста Баварского — южнонемецкая труппа Иоганна Шульца

² Галантные оперетты в манере Берни (galante Operette bernesche) Франческо Берни (Francesco Berni, 1497—1526) прославился галантной поэзией в шутовском жанре (росса bernesca).

³ Там же (Vierteljahrschrift, стр 159) издечатана вторая афиша этой же труппы, из Нюрнберга 1752 года, близкая к первой по содержанию. Наиболее существенные изменения программы вместо Гансвурста Арлекин, который «постарается в этом образе быть особенно притчным пуоликe», две новых комических сцены («Арлекин — почной вздыхатель», «Его смешное постоянство»), «новый пролог» и «своевременный фейерверк».

29

Из J. F. Schütze Hamburgische Theatergeschichte Hamburg, 1794, стр 81 —
 Ср Tille, № 345, стр 881.

Директор труппы — Нисколини См. Тексты III, 36. Вероятно, переделка английской пантомимы Термонда «Арлекин — доктор Фауст» См. Комментарии, стр 324 и 331.

30

Из J. F. Schütze Hamburgische Theatergeschichte Hamburg, 1794, стр 82 —
 Ср. Tille № 345, стр 881

Та же труппа. Вероятно, переделка английской пантомимы Термонда «Арлекин как Вагнер». См. Комментарии, стр 332.

31

Вольтер. Письма о Рабле и других лицах, обвиняемых в том, что они дурно отзывались о христианской религии (Lettres sur Rabelais et sur d'autres auteurs accusees d'avoir mal parlé de la religion chretienne 1767. Lettre VI — Sur les Allemands).

⁷ В этой главе перечисляются немецкие «знатные люди и философы», которых обвиняли в неверии и колдовстве (в том числе Агриппа Негтесгеймский и др.). Возможно, что Вольтер смотрел «комедию о докторе Фаусте» во время своего пребывания в Германии (1750—1753). См.: Tille, № 290, стр. 679.

32

Сообщение Г. Асмуса в «Истории драмы и театра в Любеке». См.: Heinrich Asmus. Dramatische Kunst und das Theater in Lübeck. Lübeck, 1862, стр. 33.— Ср.: Tille, № 288, стр. 677.

⁸ Феспид, согласно античной традиции, считался основоположником древнегреческой трагедии середины VI века до н. э. По преданию, о котором сообщает Гораций («Поэтическое искусство», ст. 276), он будто бы «возил театр на телегах», т. е. разъезжал по Аттике, давая представления в дни осенних праздников Диониса. Отсюда сравнение труппы бродячих комедиантов с феспидовой повозкой.

⁹ «Любекские нравы» (Der Lübeckische Schlendrian). Представляет, по-видимому, актерскую переделку, с применением к любекским отношениям популярных в середине XVIII века гамбургских фарсов на местные темы (Lokalpossen) Генриха Боркенштейна (Hinrich Borkenstein. Der Bookesbeutel 1742) и его продолжателя актера Улиха (A. G. Uhlisch. Der Schlendrian oder des berühmten Bockesbeutel's Tod und Testament. 1746), вызвавших много подражаний.

33

Иозеф фон Курц (1715—1784) — венский актер и антрепренер, продолжатель традиции Страницкого (см.: Комментарий, стр. 329), создатель комической роли Бернардона.

Представление имело место во Франкфурте-на-Майне в октябре 1767 года. Афиша, называвшая доктора Фауста профессором Виттенбергского университета (в соответствии с традицией, восходящей к народной книге Шписса), вызвала 21 октября жалобу франкфуртской лютеранской консистории, усмотревшей в этом обиду для знаменитого протестантского университета, где профессором богословия был Мартин Люгер (ср. аналогичный протест Лерхеймера. Тексты, I, 33). Возможно, что острота конфликта усугублялась тем, что неосмотрительный антрепренер был католиком. 22 октября Курцу предложено было публично опровергнуть допущенную им инсинуацию, что он и поторопился сделать в афише следующей пьесы — «Минна фон Барнгельм» Лессинга. См.: Tille, № 291, стр. 680—685. — Steizenach. Versuch, стр. 14.

Некоторые особенности сюжета у Курца (роль старика отца, афиша 10—11) восходят, вероятно, к австрийской (католической) версии «Фауста» (см.: Комментарий, стр. 347).

34

Сообщение о труппе Курца — из биографии актера Ф.-Л. Шредера, написанной с его слов Ф. Л. В. Мейером. См.: F. L. W. Meyer. Friedrich Ludwig Schröder. Beitrag zur Kunde des Menschen und des Künstlers, Teil I. Hamburg, 1819, стр. 173—177. — Ср.: Tille, № 329, стр. 370.

Фридрих-Людвиг Шредер (1744—1816), сын Софии Шредер (см. выше, стр. 395) — крупнейший немецкий актер XVIII века. Был директором и главным режиссером Гамбургского национального театра (1771—1780). Прославился как реформатор немецкой сцены и лучший исполнитель Шекспира. В юные годы Шредер играл в труппах Курца и своего отчима Аккермана и обратил на себя внимание как блестящий импровизатор в роли Гансвурста—Арлекина.

Актеры Грюнберг и Кеппе исполняли в труппе Курца трагическую роль Фауста и комическую Гансвурста.

35

Sigmund von Schweigerhausen. Über die Leipziger Bühne, an Herrn J. F. Löwen zu Rostock. Dresden, 1770, I, стр. 94 и II, стр. 20. — См.: Tille, №№ 296—297, стр. 687—688. — Engel. Volksschauspiel, стр. 33.

Об английской пьесе «Арлекин — доктор Фауст» см.: Комментарии, стр. 324.

36

Из: F. L. W. Meyer. F. L. Schröder... Hamburg, 1819, стр. 248—249. — Ср.: Tille, № 329, стр. 791. — Также: J. F. Schütze. Hamburgische Theatergeschichte. Hamburg, 1794, стр. 392. — Tille, № 345, стр. 883 (ср.: Тексты, III, 12).

37

Sigmund von Bibra. Über die verschiedenen poetischen Behandlungen der Nationallegende vom Doctor Faust in Deutscher Sprache. Journal von und für Deutschland, Jhg. 9, 1792, 8. Stück, стр. 667—668. — Ср.: Tille, № 342, стр. 857—858. — Creizenach. Versuch, стр. 14—17. — Engel. Volksschauspiel, стр. 33.

¹ Pantomime, dressée sur un plan allemand — «пантомима, составленная на немецкий сюжет» (или «в немецком вкусе»). Немецкий перевод упустил эту существенную деталь.

38

Рассказ берлинского просветителя Фридриха Николаи (1733—1811), соавтора «Литературных писем» Лессинга и противника молодого Гете, Гердера и «бурных гениев» в его «Описании путешествия по Германии и Швейцарии в 1781 году». См.: Fr. Nicolai. Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz in Jahre 1781, Bd. VIII. Berlin, 1787, стр. 152 и сл. — Ср.: Creizenach, стр. 15—17. — Tille, № 333, стр. 806—807.

Николаи описывает представление кукольного театра.

¹ Лудовичи (Joh. Georg Ludovici) — магистр Виттенбергского университета, журналист, автор многочисленных сценариев «главных государственных действий», пользовавшихся большим успехом в 1720-х годах («Граф Эссекс», «Кромвель», «Оттокар, король Богемии» и др.). Лессинг был знаком с рукописным наследием Лудовичи и ценил его театральное мастерство. См.: Fr. Nicolai, I. c., Bd. IV, стр. 565.

39

Sigmund von Bibra. Über die verschiedenen poetischen Behandlungen der Nationallegende vom Doctor Faust in Deutscher Sprache. Journal von und für Deutschland, Jhg. 9, 1792. — Ср.: Tille, № 342, стр. 851.

Обширная статья Зигмунда фон Бибра представляет первое научное исследование легенды о Фаусте и ее народных обработок, вызванное интересом к «Фаусту» Гете, появившемуся в печати в 1791 году. Бибра использовал большой материал печатных свидетельств и источников. Его сообщения о судьбе народной драмы в XVIII веке интересны как показания современника и частично использованы выше (см.: Тексты, III, 35 и 37).

¹ Письма о лейпцигском театре см.: Тексты, III, 35.

40

Сообщение филолога-германиста Ф. Г. фон дер Хагена. См.: Fr. Heinr. von der Hagen. Das alte und neue Spiel von Dr. Faust. Germania, Bd. VI, 1841, стр. 211—224. — Ср.: Kloster, V, стр. 729—739. — Engl. Volksschauspiel, стр. 36—38. — Тексты, III, 3.

Как сообщает Франц Горн (Franz Horn. Die Poesie und Beredsamkeit der Deutschen, Bd. II, Berlin, 1823), представления труппы «Шютц и Дрээр» имели в Берлине большой успех и с 1804 года «посещались почти каждый вечер образованнейшими мужчинами и дамами, философами и критиками». Попытки получить у Шютца текст его пьесы успеха не имели: кукольник уверял, что текста не существует и игра происходит по памяти. Однако в 1807—1808 годах группа любителей немецкой старины сделала попытку записать текст во время представления. Фон дер Хаген приводит запись первых трех сцен и подробное содержание остального (см.: Kloster, V, стр. 732—738).

Другие сообщения: Franz Horn, Kloster, V, стр. 654—668. — J. Leutbecher, Kloster, V, стр. 729—739. — См.: Комментарии, стр. 335.

41

Heinrich Heine. Der Doctor Faust. Ein Tanzpoem. Hamburg, 1851. — См.: Генрих Гейне. Полное собрание сочинений, т. X, изд. «Academia», 1937, стр. 45—50, перев. А. Горнфельда.

«Танцевальная поэма Фауст» была написана Гейне в 1847 году как либретто для балета, по предложению лондонского театра, однако ни в Лондоне, ни в Берлинском оперном театре, с которым также велись переговоры, балет этот не был поставлен. С мыслью создать своего «Фауста» Гейне носился с 1824—1826 годов. О Фаусте Гейне говорит в «Романтической школе» (1833), неправильно отождествляя его с изобретателем книгопечатания: «Это тот самый Фауст, который изобрел книгопечатание и жил во времена, когда начали восставать против строгого авторитета церкви и исследовать вещи самостоятельно. Таким образом, Фаустом заканчивается средневековая эпоха веры и начинается современная научно-критическая эпоха».

Подчеркивая национальный характер легенды о Фаусте, Гейне высказывает мысль, что «немецкий народ сам есть этот ученый доктор Фауст, этот спиритуалист, духом

уразумевший, наконец, недостаточность духа и требующий материальных наслаждений и возвращающий плоти ее права» (т. VII, 1936, стр. 201—202) В «Объяснениях» к «танцевальной поэме» (т. IV, стр. 38—64) Гейне дает критическую историю легенды о Фаусте, отвергая при этом «распространенное в народе» отождествление чародея Фауста с первопечатником (стр. 43), но в то же время повторяя и углубляя свое истолкование исторического содержания этого образа «Фауст, как исторический, так и легендарный, был одним из тех гуманистов, которые распространяли в Германии эллинизм, греческую науку и искусство... Подлинной идеей сказания о Фаусте был бунт реалистической, сенсуалистической жажды жизни против спиритуалистической древнекатолической аскезы» (стр. 50).

Свидетельства Гейне о посланке «Фауста» на сцене бродячих комедантов в предместье Гамбурга и в Ганновере содержат ряд мотивов, существенно отклоняющихся от других вариантов и, может быть, по крайней мере частично, разработаны поэтом самостоятельно. В Гамбурге Гейне находился с 1816 по 1819 год и в 1823 году, в королевстве Ганноверском — в годы студенчества в Геттингене (в 1820—1821 и 1824—1825 годах). К этому времени («двадцать пять лет тому назад») относятся и его воспоминания.

- ¹ «Манфред» Байрона (1819) написан под влиянием «Фауста» Гете, с которым обнаруживает черты поэтического сходства. Сестра и подруга Манфреда носит имя Астарта.
- ² изданной Зимроком Карл Зимрок (1802—1876) — поэт-романтик и ученый-германист, профессор Боннского университета Соопратель рейнских народных песен и преданий, автор широко популярных переводов средневерхнемецкого эпоса («Песнь о Нибелунгах») и обработок немецких народных книг, а также кукольной комедии о докторе Фаусте (см. Комментарии, стр. 338 и прим. стр. 404)
- ³ Лоренц Окен (1775—1851) — известный немецкий естествоиспытатель и натурфилософ, последователь Шеллинга
- ⁴ По рассказам античных авторов, Клеопатра на пиру с Антонием растворила жемчужину в уксусе и вышла ее.

42

Афиша кукольного театра последней четверти XIX века См. Arthur Köllmann, стр. 104.

43

Из новеллы Теодора Шторма (1817—1888) «Pole Poppenspäler», 1874 См. Theodor Storm Samtliche Werke. Berlin, 1956, Bd II, стр. 385—437 и прим., стр. 686—689. Перевод Н. А. Сигал.

Токарь Пауль Паульсон (Поль), прозванный «кукольником» (Poppenspäler) за свою дружбу с семьей бродячего водигеля марионеток мюнхенца Иозефа Тендлера, рассказывает историю своего знакомства с этой семьей и детской дружбы с маленькой Лизой, дочерью Тендлера, на которой он позднее женится. Действие происходит в родном городе Шторма Хузуме, в Шлезвиге, описание бродячих кукольников и представления «Доктора Фауста», на котором присутствует мальчик Поль, основано на детских воспоминаниях Шторма. Однако содержание кукольной комедии воспроизведено по широко популярной переработке Зимрока (см. стр. 404, прим. 2).

- ¹ Пфальнграф Зигфрид и святая Генофефа — одна из популярнейших кукольных комедий, основана на одноименной народной книге, которая послужила источником для нескольких немецких драм — «оурного гения» Мюллера (1775—1781), романтика Людвига Тила (1800), Фридриха Геббеля (1840) и др. Представление этой пьесы кукольным театром Тендлера также описано в новелле Шторма (Theodor Stoltz, *Samtliche Werke*, Bd II, стр. 393—396).
- ² приключится что-нибудь с Лизой. Лиза привела мальчика перед представленем на чердак, где были развешаны марионетки. Дернув слишком сильно проволоку, Поль испортил механизм, управляющий движением «комической персоны» Касперле. Это обнаруживается во время представления. Водитель спасается из трудного положения с помощью привычной для него импровизации в рамках комических реплик, традиционных для этой роли, заменяя «большую» куклу ее дублером.
- ³ над нашими головами. Дети, испугавшись наказания, спрятались под подмостками балагана, откуда им слышен разговор между Тендлером и его женой.
- ⁴ покойный отец мой. В рассказе Шторма кукольник Тендлер женат на дочери знаменитого Генсельбрехта, от которого он унаследовал свое искусство. О Гейсельбрехте см. Комментарии, стр. 336, и примечания к его кукольной комедии, стр. 405.

ДОПОЛНЕНИЯ

44

См.: Ив. Забелин. *Опыты изучения русских древностей и истории*, ч. II, М., 1873, стр. 403—404. — Ср.: Белецкий, VI, 22.

Голландец Иозеф Заргер находился в Москве с февраля 1760 года и показывал свои «куншты» (т. е. фокусы) сперва на масленицу «в доме Грузинского царевича, что у Охотного ряду», позднее в «Немецкой слободе, в Чоглоковом доме», а житье свое имел «на Чистом пруде в доме Колтовской», где также, по заказу зрителей, давал представления у себя на дому. Репертуар его, соединявший фокусы («куншты») с акробатическими упражнениями («экзерцициями») и кукольными представлениями («итальянскими марионетками»), показывает другое объявление, от 9 февраля (Забелин, стр. 403):

«Голландской кунштмастер, Иозеф Заргер, в доме Грузинского царевича, что у Охотного ряду, будет представлять все свои куншты, всякой день, во всю неделю Масленичную, то есть голову Циперонову, также и все Голландские куншты. Также будет танцевать по веревке, прыгать и балансировать; после того будут веселые комедии; а наконец будет также представлять лошадь свои действия».

Из «комедий» Заргер, кроме Фауста, ставил «Храбрую и славную Юдофь» (Юдифь). Согласно сообщению А. И. Белецкого, «в 1761 году голландец Иосиф Заргер ставил комедию о Фаусте даже в Петербурге».

О Заргере см.: В. Н. Перетц. *Кукольный театр на Руси. Исторический очерк*. СПб., 1895 (отдельный оттиск из «Ежегодника императорских театров», 1894—1895), стр. 15—16, там же и о кукольной комедии «Доктор Фауст», стр. 31—41.

Вопроизводится по экземпляру Веймарского музея Гете. Фотокопия любезно предоставлена составителю директором веймарских музеев Жельмутом Хольтцхауером.

Текст афиши указывает на переводный характер пьесы. Ср. «Мефистофель, в адетель зла» вместо «властитель», «Пимперле, служитель» вместо «слуга», «с превращениями, явлениями, полетами» — вместо «призраками» (нем. Egscheinungen) и т. п.

Кукольная комедия «Иоганн Фауст» действительно исполнялась в русском переводе, как о том свидетельствует Карл Энгель, присутствовавший в 1856 году на спектакле в Петербурге. «Пьеса представляла слабое подражание немецкой кукольной комедии и была сильно модернизована. В особенности ооделен был Касперле (который назывался Пимперле); вместо того чтобы играть главную роль, он был здесь второстепенным персонажем и не сохранил ни следа от своего самобытного юмора. Зато успеху содействовали фейерверк и всяческая чертовщина» (E n g e l. Volksschauspiel, стр. 40).

Согласно письменному сообщению Ганса Хеннинга директора библиотеки музея Гете в Веймаре, во втором издании книги Энгеля (Oldenburg, 1882, стр. 72—73) имеется ряд дополнительных сведений о том же спектакле. В титуле афиши, который дается в немецком переводе, каждое действие имеет самостоятельное заглавие: «Действие I. Книга черной магии. — Действие II. Фауст и Мефистофель. — Действие III (15 лет спустя). Гибель Фауста в аду». «Последняя сцена первого действия происходит на кладбище, куда Фауст направляется, чтобы вызвать духов. Пимперле несет за ним волшебную книгу, освещая ему путь фонарем, и затем, бросив ее на землю, спешно обращается в бегство из страха перед привидениями». Из традиционной партии Гансвурста (Пимперле) выпущены заклинание духов, следующее за заклинанием Фауста (игра магическими словами «перлит — перлап»), и в развязке — роль Гансвурста как ночного сторожа.

Энгель опубликовал также (стр. 81—82) театральную афишу гастролей Швигерлинга в Дрездене 1 января 1863 года в помещении Гевандхауза. Афиша значительно отличается от петербургской 1856 года. В числе действующих лиц названы жена Фауста Жюльда, Фердинанд герцог Пармский, его дочь Лукреция и Елена, «троянка».

«Швигерлинг, — добавляет Энгель, — принадлежит к числу наиболее известных бродячих кукольников, и театр его славится красивыми декорациями и богато разряженными, хорошо и искусно управляемыми куклами. Его „Фауст“ сохранил много особенностей, восходящих к старой комедии, но в своих переработках он значительно отстает от других редакций. Сцены, которые были особенно удачны в старой кукольной комедии, отсутствуют полностью или были изменены не к пользе пьесы»,

¹ Ауэрган и Гриншнфель — искажение вместо Ауэрхан и Крумшнфель,

IV. КУКОЛЬНЫЕ КОМЕДИИ

Стр. 150—188

Литература к разделу IV

Тексты кукольных комедий (прописными латинскими буквами обозначаются тексты, строчными — переложения).

- A — **Augsburger** Puppentheater: Kloster, V, стр. 817—852.
- B — Die **Berliner** Fassungen des Puppenspiels vom Dr. Faust, herausg. v. Lübeck. Zeitschrift für deutsches Altertum, Bd. 31, стр. 105—170.
- B — пересказе Зоммера (E. Sommer, 1845): Kloster, V, стр. 839—746 (s).
- B — пересказе Розенкранца (K. Rosenkranz, 1836): Kloster, II, стр. 46—48 (r).
- C — **Chemnitzer** Fassung (Карлмаркштадт): Das Puppenspiel von Dr. Faust, herausg. v. G. Ehrhardt. Dresden, 1905 (Richard Boneschki).
- E — Das Volksspiel von Dr. Johann Faust, herausg. v. Karl Engel. Oldenburg, 1874 (обработка издателя, см.: Комментарии, стр. 338).
- F — **Fränkische** Fassung, herausg. v. R. Petsch. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Bd. 15, стр. 245 и сл. (Ludwig Schmidt из Ингофена, близ Вюрцбурга, Майнская Франкония).
- G — Das **Geisselbrechtsche** Puppenspiel: Kloster, V, стр. 747—782 (см.: Тексты, IV, 2; Комментарии, стр. 336).
- K — **Kölner** Puppentheater (Chr. Winter): Kloster, V, стр. 805—817.
- L — **Leipziger** Fassung: W. Hamm. Das Puppenspiel von Dr. Faust. Leipzig, 1850 (Constantin Boneschki).
- LB — J. Lewalter u. J. Bolte. Drei Puppenspiele vom Dr. Faust. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Bd. 23, 1913, стр. 36—51 и 137—146 (1. Leipzig, Gustav Koy, 1893; 2. Neu-Schönfeld, O. Seidel; 3. Münchener Kasperle-Theater, Julius Kühler, 1895).
- ю — пересказ пьесы кукольника Лорже (**Lorgée**), Франкфурт, 1824 (Creizenach. Versuch, стр. 17—19).
- M — **Moebiusse** Texte — 3 текста саксонского кукольника Мебиуса. J. W. Bruinier. Faust vor Goethe, II.
- Mü — **Münchener** Spiel: Chronik des Wiener Goethe-Vereins, Bd. XXVI, 1912.
- N — **Niederösterreichische** Fassung (Нижняя Австрия): Deutsche Puppenspiele, herausg. v. R. Kralik u. J. Winter. Wien, 1885, стр. 157—193: «Der Schutzgeist von Johann Doctor Faust». Рец.: Anzeiger für deutsches Altertum, Bd. 13, 1887, стр. 77—80.
- O — **Oldenburger** Puppenspiel (E. Wiepking): C. Engel. Deutsche Puppenkomödien, Bd. VII. 1879.
- P — **Pettauer** Fassung: Der Teufelsbanner oder Dr. Fausts Leben, herausg. v. F. A. Mayer. Festgabe für Richard Heinzel, 1898, стр. 245 и сл.
- Pl — Das **Plagiwitzer** Faustspiel, herausg. v. A. Tille. C. Engel. Deutsche Puppenkomödien, Bd. X (подверглось обработке, см.: A. Tille. Moderne Faustspiele. Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte, NF, Bd. IX, 1895, стр. 326—333).
- S — **Strassburger** Puppentheater: Kloster, V, стр. 853—883.
- Sch — **Schütz-Dreherse** Fassung: сообщение и запись Ф.-Г. фон дер Хагена (Fr. H. v. d. Hagen, 1807—1808: Klops'er. V, стр. 729); см.: Тексты, III, 40; IV, 3. Ср. сообщение Горна (Franz Horn, 1820: Kloster, V, стр. 654—669) и сообщение Лейтбехера (J. Leutbecher, 1838: Kloster, V, стр. 718—728). См.: Комментарии, стр. 335.
- Sw — Das **Schwiegerlingsche** Puppenspiel, herausg. v. A. Bielschowsky. Breg, 1882.
- T — **Tiroler** Fauststücke — 1) пересказ в книге: Zingerle. Schildereien aus Tirol. Innsbruck, 1877. См.: Creizenach. Versuch, стр. 23—33 (t); 2) A. Tille. Das katholische Fauststück und das Tiroler Zillertaler Dr. Faustus-Spiel. Zeitschrift

- für Bücherfreunde, Bd. 10, 1906, стр. 129—174; 3) Erich Schmidt. Volksschauspiele aus Tirol. Archiv für das Studium der neuen Sprache, Bd. 98, 1897, стр. 241—280.
- U — Ulmer Puppentheater: Kloster, V, стр. 783—805 (см.: Тексты, IV, 1; Комментарии, стр. 338).
- W — Das Puppenspiel von Dr. Faust, herausg. v. Oskar Schade (Веймар, 1824). Weimarisches Jahrbuch, Bd. V, стр. 241—278.
- z — Zigeuner-Faust — сообщение А. Цоллера о постановке кукольного Фауста цыганами в Швабии (A. Zoller. Bilder aus Schwaben. Stuttgart, 1834): Kloster, II, стр. 45—47; V, стр. 710—711.
- В литературной обработке: Faust. Das Volksbuch und das Puppenspiel, von Karl Simrock, Frankfurt a. M., 1846. См выше, стр. 400, прим. 2. — Рус. перев. в кн.: Театр кукол зарубежных стран. М.—Л., 1959, стр. 71—105.

Чешская редакция:

- Komédie a hry Matěje Kopeckého. Praha, 1862, т. 1, стр. 111—133. — Ср.: Jaroslav Bartoš. Český Lid, 1948, № 11—12, стр. 253—262.
- Сообщение Рихарда Андре (Andree, 1866). См.: Creizenach. Versuch, стр. 20—23.
- Ernst Kraus. Das böhmische Puppenspiel vom Doktor Faust. Abhandlung und Übersetzung Breslau, 1891.
- J. Vesely. Johan Doctor Faust starých českých lautkářů. Praha, 1911.
- Konrad Büttner. Beiträge zur Geschichte des Volksspiels vom Doctor Faust. Reichenberg, 1922 (Prager Deutsche Studien, Bd 27)
- Jaroslav Bartoš. Loutkářské hry českého obrození. Praha, 1952.
- Ср. также. Petř Bogatyrev. Lidové divadlo české a slowenské. Praha, 1940.

Исследования:

- Wilhelm Creizenach. Versuch einer Geschichte des Volksspiels vom Doctor Faust. Halle, 1878.
- Arthur Kollmann. Deutsche Puppenspiele. Leipzig, 1891.
- J W Bruhier. Untersuchungen zur Entwicklungsgeschichte des Volksschauspiels vom Dr. Faust, Zeitschrift für deutsche Philologie, Bd. XXIX—XXXI, 1897—1899.

1

Doctor Johann Faust. Schauspiel in zwei Teilen (Vom Ulmer Puppentheater). Ср.: Kloster, V, стр. 783—803, — Creizenach. Versuch, стр. 58 и сл. Комментарии, стр. 339 и сл.

¹ Плутон — в античной мифологии бог — властитель подземного мира, царства мертвых. Харон на своей лодке перевозит души мертвых через реку Стикс, опоясывающую царство мертвых.

² Штроляк — буквально «мешок соломы». В народной литературе черти нередко носят такие немецкие клички.

³ Крумшаль — вероятно, Крумшнабель (нем. «кривой клюв»), быстрый как птица.

- ⁴ Вицибуцан, чаще Вицлипуцли — верховный бог мексиканцев (*Huitzilpochtli*), которому, по рассказам испанских конкистадоров, ацтеки приносили кровавые человеческие жертвы (ср. поэму Гейне «Вицлипуцли» в «Романцера»). После завоевания Мексики Кортесом (1519—1521) Вицлипуцли подобно древним языческим богам (см.: Комментарий, стр. 258) прочно вошел как один из злых духов в немецкую демонологию XVI века. См. кукольную комедию Гейсельбрехта, стр. 163.
- ⁵ Падамера — искаженное *paratome* — «возлюбленная» (слово, которое употребляет Марло для жены Александра Македонского в сцене заклинания, см.: Тексты, V, стр. 230).

2

Das Geisselbrechtsche Puppenspiel. Kloster, V, стр. 747—782. О Гейсельбрехте см. F. H. v. d. Hagen, Kloster, V, стр. 738—739. — Комментарий, стр. 336.

- ¹ Тартар — преисподняя, в англочной мифологии одно из названий подземного царства, где мучаются грешники.
- ² Ария Припевы на различных языках должны показать, что Касперле — человек оываый, много «гулявший по свету».
- ³ штирийский наш язык Подразумевается местный народный диалект Штирии, одной из австрийских земель. «Парняха» и «деваха» заменяют диалектные формы *Dindl* — «девушка», *Vubenimmet* — «парнишка-увалень». Упоминание Штирии, как и пародическое использование обрывков славянской (чешской и хорватской) речи, указывает на австрийское (вероятно, венское) происхождение арии.
- ⁴ Мой господин — профессор богослов — Как? Бог ослов? В оригинале непереводаемая игра слов *Professor* (профессор) — *Brotfresser* (жрущий хлеб). Сходным образом *Famulus* (фамулу) — *Hammelochs* (овцеры).
- ⁵ Faust — по-немецки «кулак».
- ⁶ Wagner — по-немецки «каретник».
- ⁷ Заклинательная формула *parlato-parlato* представляет искажение итальянского *parlà-parlà* (сюда-туда).
- ⁸ Блоксберг — иначе Брокен, самая высокая гора Гарца, где, согласно немецкому народному поверью, в Вальпургиеву ночь (канун 1 мая) происходит шашашь ведьм, Гете использовал это поверье в своем «Фаусте» в сцене Вальпургиевой ночи.
- ⁹ В конце рукописи рукою Гейсельбрехта приписано: «Все подчеркнутое побуждает меня никогда более не представлять на сцене Фауста». Подчеркнуты те места пьесы, которые представлялись кукольнику соблазнительными с религиозной или моральной точки зрения (см.: Комментарий, стр. 336).

3

F. H. v. d. Hagen. Das alte und neue Spiel vom Dr. Faust. Kloster, V, стр. 732—738 — Ср.: Тексты, III, 40 и прим. — Комментарий, стр. 335.

- ¹ Ауархан — буквально «глухарь», демон, сопутствующий Вагнеру в народной книге о нем. См.: Комментарий, стр. 304.

V. ПРИЛОЖЕНИЯ

стр. 189—254

1. КРИСТОФЕР МАРЛО

The Tragical History of D. Faustus. As it hath bene acted by the Right Honorable the Earle of Nottingham his servants. Written by Ch. Marlowe. London, Printed by V. S. for Thomas Bushell, 1604.

Критические издания:

Marlowes Werke. Historisch-kritische Ausgabe. II. Doctor Faustus, herausg. v. Hermann Breumann. Heilbronn, 1889 (параллельные тексты изданий 1604 и 1616 годов).

Old English Drama. Select Plays: Marlowe. Tragical History of Dr. Faustus. — Greene. Honourable history of Friar Bacon and Friar Bungay, edited by Adolphus William Ward. Oxford, 1878 (изд. 3-е, 1892) (с обширным филологическим комментарием).

Переводы:

С. Уваров. Русское слово, 1859, I, стр. 27—29 (песня ангела).

Мих. Михайлов. Русское слово, 1860, II, стр. 416—418 (заключительная сцена).

Д. Минаев. Дело, 1871, май, стр. 1—106 (полный перевод; отд. изд.: СПб., 1899).

К. Д. Бальмонт. Жизнь, кн. 7 и 8 (отд. изд.: М., 1912).

Перевод под ред. Т. Кудрявцевой, предисловие Л. Пинского, ГИХЛ, 1949.

См. также: Кристофер Марло. Эдуард II. Перев. А. Радловой, вступительная статья и комментарий А. Смирнова. М., 1957.

Исследования:

Frederick S. Boas. Christopher Marlowe. Oxford, 1940.

Eleanor Grace Clark. Raleigh and Marlowe. A Study in Elizabethan Fustian. New York, 1941.

John Bakeless. The Tragical History of Christopher Marlowe. 2 vls., Harvard University Press, 1942 (с полной библиографией).

Harry Levin. The Overreacher, A Study of Christopher Marlowe. Harvard University Press, 1952.

Charles Dédéyan. Le thème de Faust dans la littérature européenne, vol. I. Paris, 1954.

На русском языке:

Н. И. Стороженко. Предшественники Шекспира, т. I (Лили и Марло). СПб., 1872 (изд. 4-е, 1916).

А. А. Смирнов. Творчество Шекспира. Л., 1934, стр. 48—51.

История английской литературы. Изд. АН СССР, т. I, вып. 1, 1943 (ч. II, изд. 3-е, гл. 6: А. Ю. Живелегов. Марло).

История западноевропейской литературы под общей редакцией В. М. Жирмунского. Учпедгиз, 1947 (гл. 47: М. П. Алексеев. Развитие английской драмы до Шекспира, стр. 548—564. — 2-е изд. М., 1959, стр. 499—515).

См. также: Комментарии, стр. 312—321.

Авторская рукопись «Фауста», как и прочих произведений Марло, до нас не дошла. Не известно также ни одно прижизненное его издание. По-видимому, такого и не было. Первое из известных в настоящее время изданий трагедии датировано 1604 годом; следовательно, оно увидело свет лишь через 11 лет после смерти автора. Издание это, к сожалению, нельзя считать точным воспроизведением авторского текста. В записной книжке театрального предпринимателя Филиппа Хенсло 22 ноября 1602 года была отмечена уплата крупной суммы в 4 фунта «Вильяму Берду и Самуэлю Раули за их добавления к доктору Фаусту». Вполне вероятно, что авторы этих добавлений частично пользовались материалом английского перевода народной книги о Фаусте. В дальнейшем трагедия еще несколько раз подвергалась значительным переделкам. Такие переделки популярных пьес вообще в те времена нередко практиковались антрепренерами ради оживления интереса публики к пришедшей пьесе.

Изменения, вносимые в трагедию Марло, преследовали несколько целей. Главной их целью было придание трагедии большей развлекательности, что отвечало бы вкусам самой широкой публики. Поэтому переделки «Фауста» были направлены на усиление в нем шутовского и фантастического элементов, что неизбежно приводило к антихудожественному снижению и ослаблению трагического пафоса основной его линии. Второй, не менее важной целью этих изменений было смягчение резкости некоторых мест, звучавших слишком вызывающе с точки зрения господствовавшей церковной идеологии. Наконец, третьей целью переделок являлось обновление вкрапленных в текст трагедии политических намеков путем изъятия тех из них, которые уже утратили свою остроту, и введения тех или иных злободневных шуток. Никого не смущал тот факт, что эти злободневные намеки звучали как анахронизм в трагедии, действие которой развертывается в первую половину XVI века. По-видимому, и сам Марло не считал нужным избегать подобных анахронизмов (см., например, упоминание об «огненном антверпенском корабле», прим. 9, и др.).

Ниже, в соответствующих местах, приводятся наиболее существенные расхождения в тексте между самым ранним из сохранившихся изданий «Трагической истории доктора Фауста» и первым из следующих за ним, которое несет на себе следы значительной позднейшей доработки текста.

Мы располагаем двумя основными редакциями трагедии Марло: так называемым текстом А и текстом В. Текст А представлен изданием 1604 года и повторяющимися его двумя последующими изданиями. Текст В впервые появляется в издании 1616 года и затем повгоряется с незначительными вариациями и разночтениями до 1631 года. Наконец, в 1663 году текст В подвергается новой существенной переработке. С этого времени начинаются переделки «Фауста» в чисто развлекательные фарсы с буффонадой, пиротехническими эффектами и фокусами, почти полностью вытеснившими трагические сцены.

Первые издания трагедии не дают деления ее на акты и явления. В последующих изданиях была введена разбивка на сцены, которая намечена в настоящем издании в квадратных скобках. Деление на традиционные пять актов, в значительной мере произвольное, появляется в позднейших и современных изданиях. Ремарки относительно места действия в ранних изданиях даются только в трех случаях, хотя смена места действия происходит не менее чем четырнадцать раз на протяжении пьесы. В более поздних изданиях были добавлены указания об обстановке всех сцен.

Таким образом, обе редакции трагедии — А и В — оказываются искаженными отражениями подлинного творения Марло.

Однако текст А, несмотря на имеющиеся в нем следы посторонней обработки, еще относительно чист от более грубых наслоений, характерных для позднейших редакций. Поэтому современная критика вынуждена принять его как единственно заслуживающий внимания текст трагедии.

С другой стороны, и текст А не лишен существенных недостатков. Во-первых, и он, как сказано выше, отражает создание Марло в несколько переработанном виде. Это подтверждается еще и многозначительной надписью на титульном листе quarto 1604 года: «Трагическая история доктора Фауста, в том виде как ее играют слуги его светлости герцога Ноттингемского» (нужно иметь при этом в виду, что лорд-адмирал, патрон труппы Хенсло, стал герцогом Ноттингемским только в 1597 году). Во-вторых, текст А несет на себе явные признаки записи на слух или копировки актерских экземпляров пьесы и потому не избежал многих невольных искажений. Запись пьесы на слух использовалась в те времена как для «пиратских» изданий, так и для внутритеатрального употребления в тех случаях, когда почему-либо требовался дополнительный рукописный экземпляр пьесы. Нетрудно видеть, что некоторые погрешности в написании отдельных слов и выражений, имеющиеся в издании 1604 года, не могли быть скопированы с подлинной рукописи Марло. Так, формула аристотелевской логики «*op sai me op*» — «сущее и не сущее», встречающаяся в первом монологе Фауста, не понятая ни произносившим ее актером, ни записавшим текст лицом, ни издателем, в тексте А изображается как «*opsaimaeop*» (в позднейших изданиях делается попытка придать смысл непонятному слову, и оно превращается в *Oesopu*). Герцог Ангальтский, упоминаемый в народной книге о Фаусте, становится герцогом Вангольтским; «*concise syllogisms*» искажается в «*concisylogismes*»; имя Иегобы оказывается не «*anagrammatized*» (т. е. «написанным анаграммой»), а «*and Agramathist*», что совершенно лишено смысла, и др.

Тем не менее, если устранить эти мелкие ошибки и отвлечься от некоторых позднейших изменений текста, которые в quarto 1604 года затрагивают преимущественно второстепенные моменты трагедии, главные сцены «Фауста» выступают перед нами в их полном блеске и силе.

- ¹ Тразимена — Тразименское озеро в Италии, при котором во времена второй Пунической войны карфагенский полководец Ганнибал одержал блестящую победу над римским войском (217 г. до н. э.). Пунийцы — карфагеняне.
- ² Родс (Rhodes) представляет собой искаженное Rhoda, название города в Тюрингии, являющегося, по народной книге о Фаусте, местом рождения Фауста. См.: Комментарии, стр. 272.
- ³ Виттенберг в тексте А — Вертенберг (Wertenberg); в последующих — Виттенберг. По-видимому, первоначальное написание объясняется неточностью первой записи трагедии, которая затем была исправлена.
- ⁴ Клавдий Гален (131—201) — древнеримский врач, оставивший после себя труды по анатомии, физиологии и фармакологии. У средневековых медиков считался высшим авторитетом по всем вопросам медицины.
- ⁵ Юстиниан Великий (483—565) — император Восточной Римской империи, в царствование которого был создан свод законов римского права — так называемый «Юсти-

нианов кодекс», в средневековых университетах служивший основой юридического образования.

- Библия Иеронима. Фауст обращается к латинскому переводу Библии блаженного Иеронима (IV век), канонизированному католической церковью в качестве официального текста Библии. Этот перевод известен также под названием Вульгаты (Vulgata Versio).
- † Наполнить школы я вею шелками В разных изданиях трагедии эта строка читается по-разному «He haue them fill the publicke schooles with silk» или «with skill». При втором варианте смысла значительно изменяется:

Наполнить школы я вею наукой,

В которую студенты облекутся.

- Принц Пармы — Алессандро Фарнезе (1545—1592), герцог Пармский, полководец и государственный деятель, наместник короля Испании в Нидерландах с 1578 года.
- Огненный антверпенский корабль Во время восстания Нидерландов против испанского владычества герцог Пармский, осадив в 1585 году Антверпен, занял оба берега р. Шельды ниже города и возвел мощные береговые дамбы и мост, соединявший оба берега, чтобы преградить осажденным выход из города по реке. Для уничтожения этой преграды инженеры восставших построили корабль, трюм которого был наполнен бочками с порохом (брандер). Корабль был пущен вниз по течению Шельды и взорван, когда подошел к мосту. В результате этого взрыва все осадное сооружение взлетело на воздух, 800 испанских солдат и офицеров были убиты, река, выйдя из берегов, захлестнула и смыла все земляные укрепления испанцев. Сам герцог Пармский был ранен. Во времена Марло «огненный антверпенский корабль» считался чудом боевой техники.
- 10 Вальдес и Корнелий Некоторые комментаторы высказывают предположение, что под Германом Вальдесом Марло подразумевал знаменитого ремесленного врача и алхимика Парацельса (1493—1541), а под Корнелием — Генриха Корнелия Агриппу Неттестеймского (1486—1535). Обоих суеверные современники подозревали в сношениях с дьяволом (см. Комментарий, стр. 270). Однако никаких убедительных оснований для отождествления этих персонажей с какими-либо историческими лицами нет. В народной книге этот эпизод отсутствует, однако есть упоминание, может быть, использованное Марло, о друзьях молодого Фауста, вместе с ним занимавшихся магией (см. гл. I, стр. 38).

- 11 Буквально:

Duinitie is basest of the three.

Unpleasant, harsh, contemptible and vile.

Эти строки в тексте В опущены.

- 12 Мусей — мифический древнегреческий поэт и прорицатель. Считался учеником Орфея. Марло намекает на следующие строки Вергилия в VI книге Энеиды, где рассказывается о посетителе Энеем подземного мира в сопровождении пророчицы Сибиллы:

Оным, обставшим кругом, Сибилла так провешала,

Больше всего же Мусею, в толпе многолюдной средичу

Он занимал, что взирала, как он выдается плечами.

(Энеида кн VI 660—665, пер.
В Брюсова и С. Соловьева, 1333)

¹³ Агриппа Неттесгеймский см. прим. 10.

¹⁴ Мощные лапландские гиганты (Lapland Gyants) — непонятный образ, который Марло использовал уже ранее в «Тамерлане» (ч. II, акт I, явл. 1):

Обширная Гренландия, что морем
Окружена со всех сторон замерзшим,
Населена высокими людьми,
Огромными, как Полифем-гигант.

Неясно, почему Марло считает для лапландцев характерными огромный рост и силу. По-видимому, образ этот вызван реминисценциями античного мифа о гиперборейцах, вечно юных, сильных, свободных и бессмертных людях, населяющих «край света» («по ту сторону северного ветра»).

¹⁵ Старый Филипп. Подразумевается Филипп II (1527—1598) — король Испании, под власть которого были объединены, помимо самой Испании, владения в Португалии, Нидерландах, Сицилии, Азии, Африке и Америке.

¹⁶ Возьми с собой ты Бэкона, Альбана. О Роджере Бэконе (около 1214—1292) см.: Комментарии, стр. 267. Неясно, кого имел в виду Марло под именем Альбана: либо Пьетро д'Абано (около 1250—1316), крупного средневекового ученого-философа и богослова, также пользовавшегося славой волшебника благодаря своим занятиям естественными науками (см.: Комментарии, стр. 267), либо Альберта Великого (около 1193—1280), также считавшегося волшебником вследствие своих занятий естественными науками (см.: Комментарии, стр. 268). Предположение, что Марло упоминает именно Альберта, принято всеми позднейшими издателями трагедии. По-видимому, имя Альбан является результатом искажения во время записи трагедии на слух. Груз книг, которые по совету наставников Фауст должен захватить с собой, весьма велик, так как имеются свидетельства, что сочинения Роджера Бэкона насчитывали 101 том, Альберта Великого — 21 том,

¹⁷ Иегова — одно из имен бога в библии.

¹⁸ Анаграмма (греч.) — перестановка букв в слове, посредством которой слову придается новое значение.

¹⁹ Элизийм (иначе Елисейские поля) — в греческой мифологии местопребывание душ праведников и героев после смерти. По учению христианской церкви души язычников, в том числе и древних философов, обречены пребывать в аду. Отсюда Фауст делает вывод, что в аду находится и Элизийм, где можно встретить мыслителей древности.

²⁰ В подлиннике — непереводаемая игра слов: Вагнер говорит о вшивом корне или дельфиниуме (staves-acre), употреблявшемся в качестве средства против паразитов. Шут, делая вид, что не дослышал, употребляет слова Klave's acre — название узкой и грязной лондонской улицы, которая была населена старьевщиками, бутылочниками и прочим мелким людом (ныне Roultney-street). Это название буквально означает «Подлецово поле», «Мошенничье поле». В тексте В эта игра слов опущена.

²¹ В подлиннике «Mas but for the name of french crownes, a man were as good haue as many english counters, and what should I do with these?». Неясно, что значит начальное слово «mas». Возможно, что это «my» — восклицание, эвфемистически заменяющее упоминание имени бога (my God! — «боже мой!»). В позднейших изданиях иногда заменяется словом «was», что несколько не делает ясное его значение. Пре-

- небрежительный отзыв шута о французских кронах объясняется тем, что в самом конце XVI столетия французские финансы находились в плачевном состоянии. Эту фразу следует признать позднейшей вставкой, сделанной не ранее 1597 года. В тексте В эта острота опущена как устаревшая.
- ²² Эмден — богатый торговый порт в Германии на р. Эмс; во времена Марло его процветанию особенно способствовало разрешение пиратам заходить в него и иметь в городе рынок сбыта награбленных ими товаров.
- ²³ В народной книге о Фаусте Мефистофель яростно противится желанию Фауста вступить в законный брак (см.: Комментарии, стр. 296). В споре с Фаустом дьявол чуть не убивает его (см. стр. 46 наст. изд.). Марло заставляет Мефистофеля действовать с помощью хитрости.
- ²⁴ Саянская царица по библейскому преданию усомнилась в прославленной мудрости иудейского царя Соломона и явилась к нему, чтобы испытать его загадками, которые, однако, Соломон разгадал без труда (Книга царств, III, гл. 10).
- ²⁵ В тексте В словами Фауста «Спасибо, Мефистофель» кончается эта сцена.
- ²⁶ Александр — иначе Парис, похититель Елены, жены спартанского царя Менелая, по преданию, в юности был обручен с нимфой Эноной, которая обладала даром исцелять раны. Будучи тяжело ранен в бою под стенами Трои, Парис обратился за помощью к Эноне, но та, оскорбленная его изменой, отказалась исцелить его, и он умер от ран. Энона, терзаемая раскаянием, покончила с собой при виде его мертвого тела. Сюжет этот использован римским поэтом Овидием в «Героинях» («Посланиях»).
- ²⁷ С тем, кто воздвиг когда-то стены Фив. Имеется в виду Кадм, мифический основатель древнего города Фивы.
- ²⁸ В своей беседе о мироздании Фауст и Мефистофель излагают геоцентрическую систему древнегреческого математика и астронома Птолемея (II век н. э.), еще считавшуюся во времена Марло непререкаемой истиной, хотя гелиоцентрическая система Коперника уже была известна. Марло следует здесь за народной книгой о Фаусте (см. гл. 21).
- ²⁹ Мечтай о черте — и бабушке его. В подлиннике «thinke of the devil, and his dame too». Это неуместное добавление, вероятно всего, является позднейшей актерской вставкой.
- ³⁰ В тексте В последующие 4 строки отсутствуют.
- ³¹ Я вроде Овидиевой блохи. Намек на средневековое произведение «Carmen de Pulice» («Песнь о блохе»), которое долгое время приписывалось Овидию.
- ³² Аррасская ткань. В XIV—XV веках в г. Аррасе (Франция) процветала ткацкая промышленность. В Англию импортировалось большое количество аррасских тканей, так что имя собственное Arras превратилось в английском языке того времени в нарицательное и стало употребляться как общее наименование обивочных тканей, gobеленов, занавесей и т. п.
- ³³ Мартин — Мартиновская солонина (Martin Martlemas-biefe). Во времена Марло в день св. Мартина — 11 ноября — начиналась заготовка пищевых запасов на зиму. Англичане XVI века весной ели только солонину, заготовленную осенью, так как мясо скота, находившегося на зимних кормах, считалось непригодным для еды.
- ³⁴ В тексте В после этого добавлена еще одна сцена. В ней происходит разговор между двумя слугами — Робинем и Диком. Робин каким-то образом достал колдовскую книгу Фауста, с трудом разбирает содержащиеся в ней магические заклинания и хвастливо

обещает Дикю показать ему разные чудеса, например напоить его бесплатно в таверне. В тексте А вариант той же сцены следует за другой сценой между Робинном и Диком (ср. сц. IX и прим. 49).

³⁵ В тексте В после этого вставлены следующие строки:

Он видит тучи, звезды и планеты,
И зоны тропиков, и сферы неба
От светлого пути лунь рогатой
До самых Rhythim Mobile высот,
Крутятся как вихрь, под куполом той сферы
В ее округе; с запада к востоку
Без устали скользят его драконы
И чрез неделю мчат его домаи.
Недолго дома он вкушал покой
И отдыхал от тяжкого труда.
Уж новые манят его деянья,
И, сев верхом на быстрого дракона,
Крылами рассекающего воздух,
Оправился он в дальние края

и далее по тексту.

Rhythim Mobile — переводвигатель (лат.), по системе Птолемея, которая лежит в основе изложенного здесь описания строения вселенной, — расположенная над всеми сферами вселенной высшая сфера, дающая начало движению всех остальных.

³⁶ И побывать на празднике Петра. Глава католической церкви, римский папа, считается наместником на земле апостола Петра. Поэтому в день св. Петра, 29 июня, в Риме происходили пышные торжества.

³⁷ Трир — старинный город в Германии, на правом берегу р. Мозель. Славился многочисленными памятниками римской архитектуры. Последующее описание путешествия Фауста в ряде мелких подробностей отклоняется от немецкой народной книги, совпадая с английским переводом (см.: Комментарии, стр. 318).

³⁸ Кампанья — область в Италии, ее главным городом был Неаполь.

³⁹ Римский поэт Публий Виргилий Марон (70—19) в средние века считался мудрецом, волшебником и прорицателем. Основанием для этого мнения послужили некоторые темные и аллегорические места в его поэзии. Этой традиции следует Данте в «Божественной Комедии», изобразив Виргилия своим проводником по аду и чистилищу. О совершенном Виргилием чуде, о котором упоминает здесь Марло, сообщает Петрарка «Недалеко от Пугеол поднимается Фалернский холм, известный своим прославленным виноградником. Между Фалерном и морем есть каменистая гора, прорытая человеческими руками. По поводу нее бессмысленная толпа считает, что это совершенно Виргилием с помощью магических заклинаний» (Itinerarium Syriacum. См.: А. Дусе. The Works of Christopher Marlowe. London, 1870, стр. 91). Средневековые сказания о волшебнике Виргилии см.: Von Virgil, dem Zauberer. Kloster, II, стр. 123—155.

⁴⁰ Мы были там, где пышный храм стоит. По-видимому, подразумевается собор св. Марка в Венеции. В соответствующем отрывке народной книги о Фаусте говорится о посещении Фаустом собора св. Марка,

⁴¹ Пирамиды Вряд ли Марло предполагает, что Юлий Цезарь вывез из Египта пирамиды. Вероятно, имеются в виду обелиски. Поход в Африку, о котором упоминает Марло, относится к 48—47 годам, когда Юлий Цезарь, после поражения своего противника Помпея, вступил в Александрию и вмешался во внутренние дела Египта с целью подчинить его влиянию Рима. Покидая Египет, Цезарь вывез из него богатые трофеи.

⁴² Тогда клянусь я Стиксом Ахеронтом
И озером огнистым Флегетона.

Фауст прибегает здесь к самой страшной клятве, нарушить которую, как это сообщается в древнегреческих мифах, не смели даже боги Стикс и Ахеронг — в греческой мифологии — реки подземного царства мертвых. Флегетон — огненный поток, омывающий царство мертвых. У Марло — «озеро огнистое» (fery lake).

⁴³ В тексте В за этой строкой следует:

Справляемом сегодня с блеском всюду
И в Риме, и в Италии в честь папы
И власти торжествующей его,

Фауст

Друг Мефистофель, это мне по вкусу.
Пока я на земле, пусть я упиюсь
Всем тем, что может сердце веселить
Свои двадцать четыре года воли
Я проведу в усадях и забавах,
И имя Фауста, пока стоит наш свет,
Пусть прогремит до самых дальних стран

Мефистофель

Прекрасно сказано! Стой здесь где я,
И ты увидишь все, сейчас придут,

Фауст

Нет, подожди, мой милый Мефистофель!
До этого мою испочни просьбу
Ты знаешь ведь, в течение недели
Мы осмотрели небо, ад и землю,
Но в вышине неслись драконы наши.
При взгляде вниз казалась мне земля
Не больше как с ладонь мою размером.
Мы видели все государства мира,
Я созерцал все то, что тешит взор.
Теперь в спектакле дай мне быть актером,
Чтоб власть мою увидел гордый папа!

Мефистофель

Пусть будет так, мой Фауст, но сначала
 Процессией ты пышной полюбуйся.
 А там придумай, как потешить душу:
 Твоим искусством папе насолить ли
 Или расстроить это торжество;
 Заставить ли монахов и аббатов
 Мартышками стоять и тыкать пальцем
 По-скоморошьи на его венец;
 Бить четками монахов по башкам
 Иль кардиналов наградить рогами —
 Какую ни придумаешь ты пакость,
 Я все исполню, Фауст. Чу! Идут!
 Сегодня всех ты удивишь здесь в Риме.

Затем следует большая сцена, в которой, кроме Фауста и Мефистофеля, участвуют папа, епископы и кардиналы, король Венгрии Раймонд, саксонский герцог Бруно, монахи. Бруно закован в цепи. Папа гневно обвиняет Бруно в том, что тот незаконно посягает на папскую власть. Папа посылает двух кардиналов просмотреть Свод декреталий и выяснить, какое наказание предусмотрено для того, кто претендует на папский престол, не будучи избранным. Кардиналы уходят, и Фауст шлет им вслед Мефистофеля, чтобы тот усыпил их за чтением «этих книг, полных суеверий». Пока они спят, Фауст и Мефистофель, приняв их облик, появляются перед папой. Фауст объявляет, что по закону Бруно подлежит казни на костре, как еретик. Папа, продолжая принимать их за кардиналов, приказывает им отвести Бруно в темницу, а заодно отнести в церковную скривнищницу папскую тиару. Фауст и Мефистофель освободив Бруно и, освободив его от цепей, отдают ему тиару, сажают на «быстрого как мысль» коня, и он «летит через Альпы в цветущую Германию». Затем Мефистофель делает Фауста невидимым, и они возвращаются в папские покои. Когда появляются проснувшиеся кардиналы и уверяют папу, что он вовсе не приказывал им отвести Бруно в темницу и не давал им никакой тиары, разгневанный папа велит схватить их и судить за измену. После этого тут же начинается сцена пиршества у папы, почти в точности совпадающая с соответствующей сценой текста А, за исключением того, что здесь в пиршестве участвуют Раймонд, архиепископ Реймский и др.

- ⁴⁴ Звуки трубы. В подлиннике употреблено слово «Sonnet». Слово это встречается только в сценических ремарках в драматургии шекспировского времени и, по-видимому, означает особую музыкальную фразу, исполняемую на трубе или кларнете и отмечающую особую торжественность изображаемого момента.
- ⁴⁵ Нас проклянут с колоколом, книгой и свечой (with bell, book and candle) — английское идиоматическое выражение, в котором сохранился намек на католический обряд отлучения от церкви. Особый звон колокола давал знать о совершении этого обряда; книга символизировала приговор об отлучении; в конце обряда тушилась свеча, что обозначало ту духовную тьму, в которую погружается душа отлучаемого.
- ⁴⁶ В тексте В насмешливая антирелигиозная песенка Фауста опущена,
- ⁴⁷ В тексте В этот монолог Хора отсутствует.

⁴⁵ Сцена при дворе императора Карла V близко воспроизводит соответствующий эпизод народной книги (см. гл. 33).

⁴⁹ В тексте В эта сцена здесь отсутствует. Ср. прим. 34.

⁵⁰ В подлиннике игра слов с антицерковной тенденцией:

Robin

I can make thee druncke with ipocrase at any taberne in Europe for nothing. . .

Ralph

Our Master Parson says thats nothing.

Робин говорит об ипокресе (ipocrase), напитке, приготовлявшемся из красного или белого вина, сахара и различных специй (слово это, по-видимому, представляет собой видоизменение первоначального названия — Hippocrate's sleeve — «Гиппократов рукав»; напиток этот употреблялся как лечебное снадобье и во время приготовления процеживался через шерстяной мешок). Ральф же слышит созвучное слово «hypocrisy» («ханжество», «лицемерие») и думает, что Робин собирается бесплатно угостить его с помощью одного ханжества. Отсюда его реплика: «Наш священник сказал бы, что это не штука»,

⁵¹ Я уж буду кормить твоего дьявола лошадиным хлебом (with horse-bread). Во времена Елизаветы и позднее в Англии было принято подкармливать лошадей хлебом.

⁵² Тот факт, что предыдущая сцена кончается уходом Робина и Ральфа, а непосредственно за нею следующая открывается их вторичным появлением, может быть объяснен двояко: либо тем, что между этими двумя сценами существовала еще какая-то промежуточная, либо тем, что Ральф и Робин уходили в одну дверь и сейчас же возвращались через другую, давая этим знать о смене времени и места действия.

⁵³ Очевидно, актеру предоставлялось право импровизировать и далее этот бессмысленный набор слов; на это указывает стоящее в тексте «и т. д.».

⁵⁴ В тексте В ремарка к этой сцене гласит: «Звуки трубы. Входят Карл, император Германский, Бруно Саксонский, Фауст, Мефистофель, Фредерик, Маргино и свита». Вступительные слова императора изменены по содержанию и превращены в стихи:

Великий маг, кому весь мир дивится,
Привет тебе, трижды ученый Фауст!
Освобождение из плена Бруно
У нашего заклятого врага
Твое искусство более прославит,
Чем колдовская власть над целым светом.
Навеки будешь ты любезен Карлу.
А если сей, тобой спасенный, Бруно
К тому ж еще венец получит папский
И на престол Петра воссядет с миром,
По всей Италии ты станешь славен
И императором германским чтим.

- И только вслед за тем как Фауст выражает готовность исполнить все желания императора с помощью своего искусства, император в кратких словах просит Фауста показать ему Александра и его возлюбленную.
- ⁶⁵ Актрон в греческой мифологии — охотник, который подстерег богиню охоты Диану, когда она купалась с нимфами в реке, за что был он превращен в оленя, и его собственные псы разорвали его.
- ⁶⁶ После сцены с императором Карлом в тексте В следует эпизод, в котором рыцарь, названный здесь Бенволио, безуспешно пытается отомстить Фаусту за то, что тот украсил его оленьими рогами. Бенволио и его друзья, Мартин и Фредерик, отрубают Фаусту голову, но он приставляет ее обратно к туловищу. В следующей сцене на Фауста совершается нападение из засады, но он вызывает демонов, которые прогоняют напавших. В наказание Фауст наделяет рогами также двух друзей Бенволио Им остается только удалиться от света, ибо «лучше умереть с горю, чем жить в позоре» (ср. народную книгу, гл. 35).
- ⁶⁷ Оорашает на себя внимание ремарка к этой сцене, в начале сцены Фауст находится так далеко от Виттенберга, что Мефистофель даже предлагает ему ехать туда лошаадьми, а в конце без какого бы то ни было перехода он оказывается сидящим у себя дома в кресле. По видимому, актер, игравший Фауста, переходил с авансцены, изображавшей лужайку, на заднюю внутреннюю сцену, которая в елизаветинском театре представляла собой глубокую нишу в задней сцене сцены и использовалась для эпизодов требовавших комнатной обстановки
- ⁶⁸ Доктор Лопес, о котором говорит лошадиный барышник, по-видимому, доктор Лопес, врач королевы Елизаветы. Был обвинен в попытке отравить Елизавету по наущению испанского двора и повешен в 1594 году. Сомнительно, чтобы эта фраза принадлежала самому Марло Имя Лопеса стало популярным в Англии только после его казни которая совершилась через год после смерти Марло. Странно звучит также употребление формы прошедшего времени по отношению к Лопесу, который был еще жив в момент написания трагедии. Эти соображения заставляют считать эту фразу позднейшей злободневной вставкой В тексте В она опущена.
- ⁶⁹ Герцог Вангольгский — герцог Ангальтский фигурирующий в соответствующем эпизоде немецкой народной книги и ее английского перевода И кажение слова вызвано, вероятно, записью на слух. В тексте В оно осталось невыправленным Ср., однако: Тексты I, 18 прим.
- ⁷⁰ В тексте В после этого идет добавочная сцена, в которой все испытавшие на себе действие магического искусства Фауста рассказывают о своих бедах Робин — о том, что Фауст обратил его в обезьяну, лошадиный барышник — о неудачной покупке лошади у Фауста, возчик (ранее не фигурировавший на сцене) — о том, как Фауст у него на глазах съел целый воз сена (см народную книгу, гл. 39—40).
- ⁷¹ Савя (Saba) или Сабейское царство — древнее государство в южной Аравии (ср. прим. 24).
- ⁷² В тексте В сцена во дворце герцога Вангольтского имеет продолжение в герцогский дворец врываются конюхи, возчик, лошадиный барышник. Все они предъявляют Фаусту претензии за его проделки с ними требуют, чтобы их угостили пивом, изумляются, видя, что у Фауста обе ноги целы, хотя одну из них недавно оторвал лошадиный барышник Появляется трактирщица, требующая, чтобы ей заплатили за выпитый конюхами эль, Фауст околдовывает возчика, и тот теряет дар речи.

Сцена кончается удалением всех жалобщиков и выражением благодарности Фаусту со стороны герцога и герцогини

⁶³ Реплика, вводящая эту сцену, в тексте В изменена следующим образом: «Гром и молния Входят дьяволы, неся закрытые блюда, Мефистофель вводит их в кабинет Фауста, затем входит Вагнер». Слова Вагнера изменены в прозу.

⁶⁴ Дардания или Троя (Илион) — название, происходящее от имени одного из древних легендарных троянских царей — Дардана.

⁶⁵ В тексте В обращение старика к Фаусту дано в совершенно переработанном виде:

Оставь проклятое искусство, Фауст,
 Оно тебя до ада доведет,
 И ты спасения души лишишься.
 Хотя ты сошел, как человек,
 В грехе ты не упорствуй, словно дьявол.
 Душа твоя нежна и благородна,
 Коль грех еще не стал твоей натурой.
 С раскаяньем не медли, будет поздно,
 Ты будешь изгнан из небесных луц.
 Никто из смертных описать не в силах
 Мучений адских. Речь моя жестока
 И тягостна, но говорю, мой сын,
 Я это не из зависти, не в гневе,
 А из любви, из жалости к тебе.
 Верь, что укоры дружеские эти
 Спасительны для гибнущей души.

⁶⁶ башни Илиона безверхие В подлиннике «the toplesse Towres of Илион». Вероятно, подразумевается «не имеющие сверху конца», т. е. «высокие».

⁶⁷ Ахилл, согласно преданию, погиб в бою под Троей от стрелы Париса, направленной Аполлоном, которая попала ему в пятую. Миф рассказывает, что мать Ахилла, морская богиня Фетида погрузила новорожденного в воды священной реки Стикс, чем сделала его неуязвимым для стрел. Уязвимой осталась только пятка, за которую его держала мать.

⁶⁸ Ты солнечней, чем пламенный Юпитер,
Пред бедною Семелою представший

Семела — возлюбленная Зевса (Юпитера). Согласно греческому мифу, она потребовала от Зевса, чтобы он явился перед ней во всем своем величии. Из-за ранее данной клятвы Зевс вынужден был исполнить ее просьбу, и она сгорела в пламени его молний.

⁶⁹ радостный царь неба
В объятиях лазурных Аревузы,

т. е. как солнце, погружающееся в реку Арегузу — нимфа, превращенная в источник.
⁷⁰ В тексте В заключительная реплика старика опущена (она вообще оказывается несколько неожиданной, как как выше в реплике указав уход старика). Вместо этого после сцены с Еленой идет короткая сцена между Люцифером, Вельзевулом и Ме-

Фистофелем, которые готовятся унести Фауста, так как срок для этого настал. Следующий за этим разговор Фауста со студентами сохранен полностью при незначительных изменениях в тексте.

п В тексте В после ухода студентов вставлена сцена появления ангелов добра и зла:

(Из разных дверей входят ангел добра и ангел зла)

Ангел добра

Когда б речам моим внимал ты, Фауст,
Ты радость бесконечную познал бы.
Но ты любил одну земную жизнь,

Ангел зла

Ты мне внимал — вкуси же адских мук!

Ангел добра

К чему теперь твои богатства, роскошь!

Ангел зла

Они тебя терзать сильнее лишь будут —
По ним в аду ты будешь тосковать!

(Слышна музыка и спускается трон).

Ангел добра

Ты счастье небесное утратил,
Невыразимых радостей блаженство!
Любил бы богословье, над тобой
Ад или дьявол не имели б власти.
Когда б ты устоял, взгляни, о Фауст,
В какой блистательной воссел бы славе
На этот трон, как светлые святые,
Ад победив. И вот что ты утратил!
Твой добрый ангел, бедная душа,
Теперь тебя навеки покидает.
Перед тобой уж ада пасть зияет,

(Уходит).

(Открывается ад).

Ангел зла

Пусть с ужасом глаза твои глядят
В застенки этот, вечный и огромный,
Там фурии на вилках раскаленных
Подкидывают души осужденных,
Тела их вечно жарятся на углях,
Не умирая никогда; сиденье

Там есть горящее для этих душ.
 Вон те, кого огня кусками кормят,
 Обжоры были, лакомства лишь ели
 И насмехались зло над бедняками,
 Глядевшими на них у их ворот.
 Но все это еще ничто; увидишь
 Ты десять тысяч мук, еще ужасней!

Фауст

Я увидел довольно, чтоб страдать!

Ангел зла

Нет, должен ты изведать все мученья!
 Тот должен пасть, кто любит наслажденья!
 Тебя я покидаю, Фауст. Вскоре
 В ад полетишь в отчаянье и горе.

(Уходит, часы бьют одиннадцать).

... Вы, звезды неба,
 Что над моим царили гороскопом.

По средневековым верованиям, звездам приписывалось влияние на судьбу народов и отдельных личностей. В момент рождения человека астрологи составляли предсказание его судьбы или гороскоп, на основании взаимного расположения планет и положения звезд относительно знаков зодиака.

Ах, если б прав был мудрый Пифагор
 И если бы метемпсихоз был правдой.

Метемпсихоз — учение о переселении душ, согласно которому душа умершего возрождается в другом человеке, живомном или даже камне в зависимости от проявленных умершим душевных качеств в прежней жизни. Греческий философ Пифагор (около 580—500) был сторонником этого учения.

В тексте В после заключительного монолога Фауста добавлена еще одна короткая сцена. Вошедшие в кабинет Фауста студенты находят растерзанное тело Фауста. После этого следует финальное выступление Хора.

Составлено Н. Алюсовой.

2. «ФАУСТ» ЛЕССИНГА

Материалы по «Фаусту» Лессинга см.: Г. Э. Лессинг, Избранные произведения, ГИХЛ, 1953, стр. 371—382, перев. В. Е. Гаккель-Аренс; сообщение Карла Лессинга, явления 2—4, перев. Н. А. Сигал.

Erich Schmidt. Lessing, 2 Bde. 4 Aufl., Berlin, 1923, Bd. I, стр. 352—367.

Waldemar Oehlke. Lessing und seine Zeit, 2 Bde. München, 1918, Bd. I, стр. 307—320.

R. Petsch. Lessings Faustdichtung. Heidelberg. 1911.

На русском языке:

Н Чернышевский Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. Современник, 1856—1857; см. Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 5—221.

Franz Mehnig Die Lessing-Legende 1892. Berlin, 1953 Перевод: Франц Мейнинг. Литературно критические статьи. Изд. «Academia», 1934, т. I, стр. 91—470.

В. Р. Гриб. Жизнь и творчество Лессинга. Избранные работы. М., 1936, стр. 17—150.

Г Фридендер. Лессинг. М., 1957.

См. Комментарии, стр. 354—356.

1. «Из писем о новейшей немецкой литературе»

«Briefe die neueste deutsche Literatur betreffend», 1759—1765 — журнал литературной критики, издававшийся в Берлине Лессингом в сотрудничестве с Фридрихом Николаи и Моисеем Мендельсоном.

¹ «Библиотека» — «Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste», 1759, Bd 3, 1 Stück Издавалась в 1757—1759 годах Николаи.

² Нейберша — по немецки «die Neuberin» с учинительным оттенком — Каролина Нейбер известная актриса и глава труппы, осуществлявшая на сцене театральные принципы Готшета (см. Тексты, III, 17, прим.) В юные годы в Лейпциге Лессинг дружил с Каролиной Нейбер в ее театре была поставлена его первая пьеса — комедия «Молодой ученый» (1748).

Ответ на 17-е «литературное письмо» (из круга сторонников Готшета) Briefe, die Einführung des Englischen Geschmacks betreffend Leipzig, 1760 (см.: Tille, № 278, стр. 645—657).

³ «Швейцарские критики» — И. Я. Бодмер (1698—1783) и И. Я. Брейтингер (1701—1776), цюрихские ученые и литераторы, выступившие в 1730-х годах с критикой учения Готшета.

⁴ «Катон» — трагедия Готшета «Смерть Катона» («Der sterbende Cato», 1732) представляет обработку одноименной английской трагедии Аддисона (1713), написанной в духе французского классицизма.

⁵ без клея и ножниц. Перечисленные пьесы представляют переводы и переработки французских трагедий и комедий, изготовленные самим Готшедом, его женой и сотрудниками и опубликованные в издававшейся им серии «Немецкий театр по правилам древних греков и римлян» («Deutsche Schaubühne nach den Regeln der alten Griechen und Römer», 6 т., 1740—1745) для немецкой сцены, реформированной в духе французского классицизма.

⁶ О борьбе Готшета против комических импровизаций и об изгнании со сцены Арлекина см. Тексты, III, 15, прим. и Комментарии, стр. 334.

⁷ Б. и Джонсон (1573—1637) и писавшие в сотрудничестве Гомонт (1584—1616) и Шлетчер (1579—1625) — младшие современники Шекспира, в то время известные европейским читателям XVIII века еще меньше, чем сам Шекспир.

⁸ Трагедия Вольтера «Заира» (1732) представляет подражание «Отелло»; главный герой, иерусалимский султан Оросман, соответствует у Вольтера «венецианскому мавру» (Отелло) Шекспира. Позднее Лессинг подверг «Заиру» жестокой критике.

в «Гамбургской драматургии» (1767, статьи XV—XVI, см.: Г. Э. Лессинг, Избранные произведения, стр. 522—530).

⁹ Фауст и семеро духов. Ср.: Тексты, IV, стр. 157, 172, 187, и Комментарий, стр. 292.

2. План пролога и первого действия

Впервые опубликован братом Лессинга Карлом в посмертной биографии Лессинга. См. Karl Gotthelf Lessing. G. E. Lessings Leben, nebst seinem noch übrigen literarischen Nachlass. 3 Bde, 1793—1795.

Источником пролога являются демонологические рассказы в древнехристианских житиях святых, в которых разрушенные церкви нередко изображаются как место собрания демонов. Ср.: Erich Schmidt. Lessing, Bd. I, стр. 362—363 и прим., стр. 676—687.

¹⁰ Энтелехия — согласно учению Аристотеля, движущая сила души. Сцена с духом Аристотеля введена Лессингом в соответствии с его интерпретацией «Фауста» как трагедии знания. По рассказу Плиния, грамматик Апион вызвал тень Гомера, чтобы разрешить свои сомнения о месте, где родился этот великий поэт. Ср.: A. Saueg. Vierteljahrschrift für Literaturgeschichte, Bd. I, стр. 13 и сл. (см. Erich Schmidt. Lessing, Bd. I, стр. 364 и прим., стр. 677).

3. Письмо капитана фон Бланкенбурга

¹¹ Бланкенбург — Chr. Fr. v. Blankenburg (1744—1796), литератор, известен в особенности как автор первой теории романа («Versuch über den Roman», 1774).

4. Письмо к издателю «Театрального наследия»

¹² Энгель — Joh. Jak. Engel (1741—1802), литературный критик, последователь Лессинга, автор трудов по теории поэзии и по драматургии.

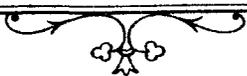
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Белецкий 364	Kloster 363
Bauer 295	Kollmann 404
Bruinier 404	Kraus 404
Creizenach. Schauspiele 390	W. Meyer 290
Creizenach. Versuch 391	Milchsack 289
Dédéyan 364	Petsch. Volksbuch 363
Düntzer 363	Erich Schmidt. Faust und das sechzehnte Jahrhundert 363
Engel. Faust-Schriften 363	Erich Schmidt. Faust und Luther 363
Engel. Volksschauspiel 390	Szamatolski 292
Faligan 364	Tille 363
Faust, herausg. v. Bobertag 380	Witkovski 363
Kuno Fischer 363	Zarncke 379
Flemming 391	
Kiesewetter 363	

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фауст пирует со студентами. Стенная живопись в Ауэрбаховском погребке	13
Титульный лист первого издания народной книги Шписа (1587)	37
«Башня Фауста» в Маульброннском монастыре	96
Фауст и Мефистофель в одежде монаха. Гравюра И. Сихема (XVII век)	96
Вагнер в Вест-Индии. Из народной книги о Вагнере	97
Портрет доктора Фауста. На основе гравюры Рембрандта	97
Чудо с бочкой. Стенная живопись в Ауэрбаховском погребке	102
Афиша труппы Иоганна Нейбера. Гамбург, 1738	125
Афиша кукольной комедии о Фаусте. Бреславль, 1833	143
Титульный лист «Фауста» Марло. Лондон, 1628	193
Фауст вызывает духа. Гравюра Рембрандта	224
Фауст, Мефистофель и Елена. Рисунок пером Адриана Матама (середина XVII века)	225
Афиша кукольного театра Швигерлинга. Петербург, 1856. По экземпляру Музея Гете в Веймаре	249
Титульный лист диссертации Нейм. на (1693)	311

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	5
-------------------------------	---

ТЕКСТЫ

I. Исторические и легендарные свидетельства о докторе Фаусте (<i>Перев. С. А. Акуляню</i>)	9
II. Народная книга (<i>Перев. Р. В. Френкель</i>)	35
III. Свидетельства о постановке народной драмы и кукольной комедии (<i>Перев. С. А. Акуляню; перев. стилизованных отрывков Н. А. Сигал и Р. В. Френкель</i>)	120
IV. Кукольные комедии (<i>Перев. Н. А. Сигал</i>)	150
1. Доктор Иоганн Фауст	150
2. Доктор Фауст или Великий Негромант	163
3. Иоганнес Фауст	184
V. Приложения	189
1. <i>Кристофер Марло</i> . Трагическая история доктора Фауста (<i>Перев. Н. Н. Амосовой</i>)	189
2. «Фауст» Лессинга (<i>Перев. В. Е. Гиккель-Аренс</i>)	245

КОММЕНТАРИИ

История легенды о Фаусте (<i>В. М. Жирмунский</i>)	257
Примечания (<i>В. М. Жирмунский; примечания к «Фаусту» Марло — Н. Н. Амосовой</i>)	363
Список сокращений	422
Список иллюстраций	422

ЛЕГЕНДА
О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

Утверждено к печати
Редакцией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

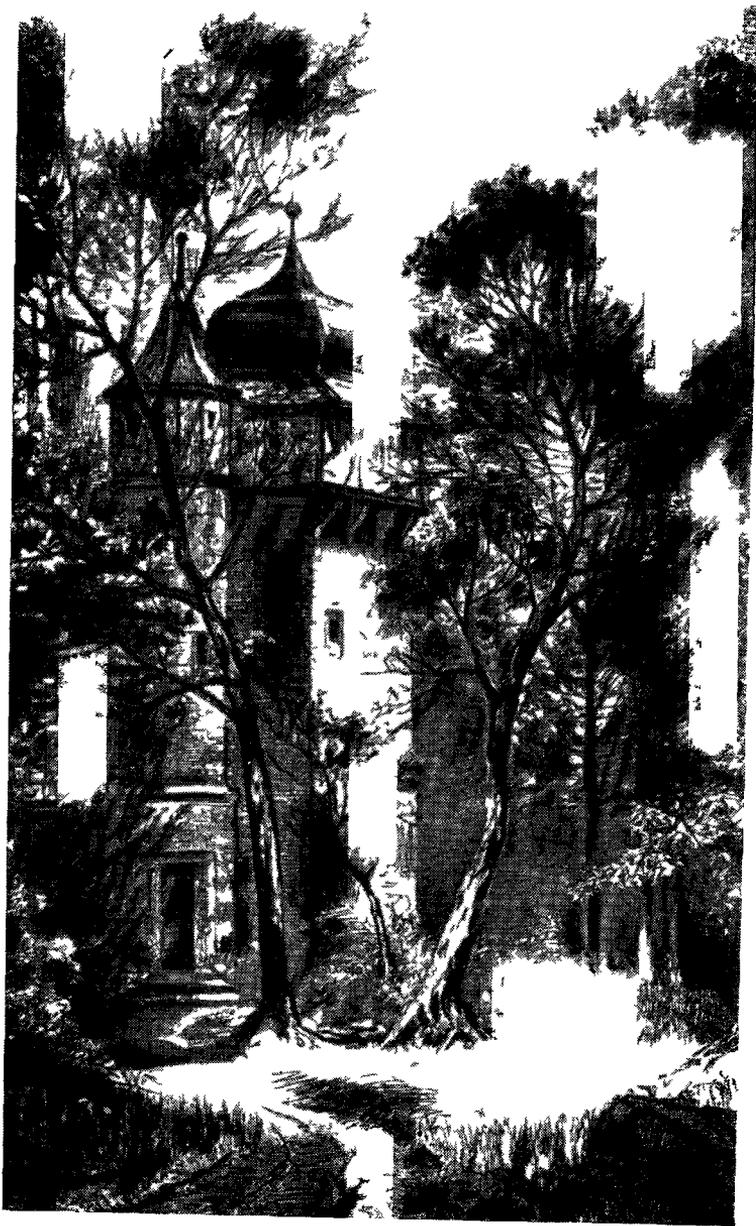
Редактор издательства *Н. А. Алатова*
Художник *В. Г. Биноградова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *Л. С. Агапова, О. В. Лаврова*

ИБ № 5468

Сдано в набор 2 11 77
Подписано в печать 26 V 78
Формат 70×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. п. л. 31 4 Уч. изд. л. 33 1
Тираж 100 000 Тираж № 177
Цена 4 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, Б. 485, Профсоюзная ул., 94а
Отпечатано с матриц 1-й типографии издательства «Наука»
199074, Ленинград, Б. 3-я линия, д. 12
в 4-й типографии издательства «Наука».
630977, Новосибирск, 77, ул. Ставильского, 25

«Башня Фауста» в Маульброннском монастыре

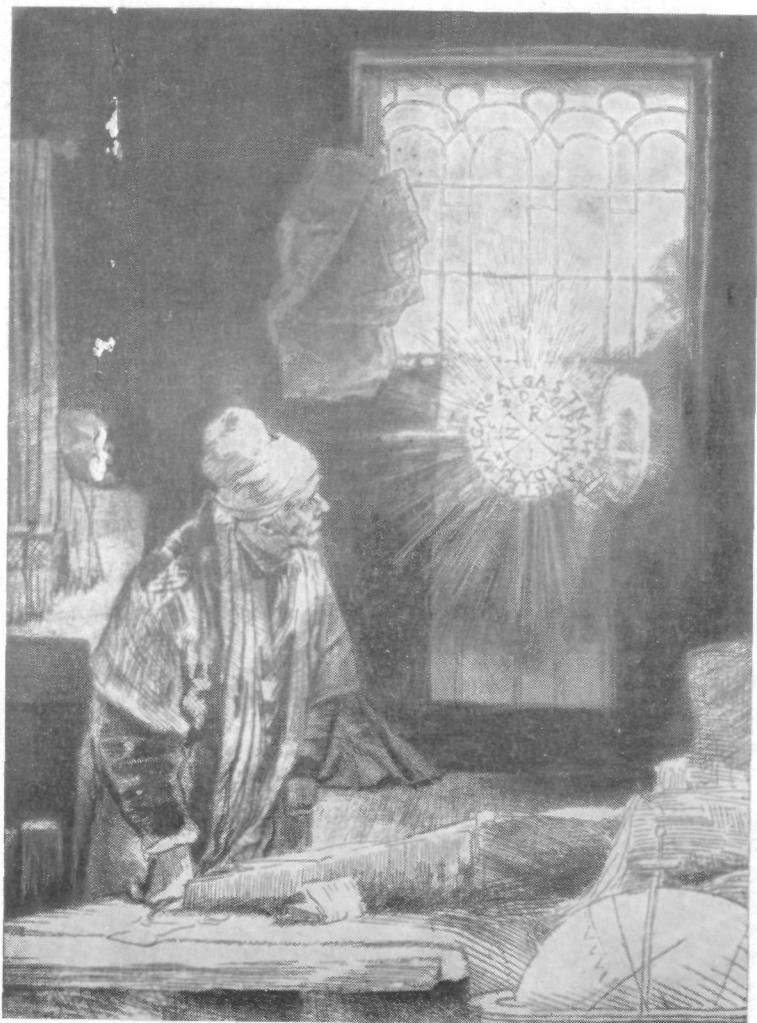

Фауст и Мефистофель в одежде монаха.

Гравюра И. Сихема (XVII век)

Портрет доктора Фауста.
На основе гравюры Рембрандта

Фауст вызывает духа.

Гравюра Рембрандта

Фауст, Мефистофель и Елена.

Рисунок пером Адриана Матама (середина XVII века)

Вагнер в Вест-Индии.

Из народной книги о Вагнере